Изданіе А. А. Петровича.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

Томъ VIII-й. – 9

Безплатное приложеніе къ журналу „Родная Рѣчь“—1903 г.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко. Пименов. ул., соб. д.
1903

M. [illegible]
Oxford 2001

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ VII.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 17 мая 1903 года.

ГЛАВА I.

Государь великій князь Василій Іоанновичъ.

Г. 1505—1509.

Тѣсное заключеніе и смерть Іоаннова внука Димитрія. — Общій характеръ Василіева правленія.—Посольство въ Тавриду. — Царевичъ казанскій принимаетъ вѣру нашу и женится на сестрѣ великаго князя. — Походъ въ Казань.—Дѣла литовскія.—Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ.—Миръ.—Союзъ съ Менгли-Гиреемъ. — Освобожденіе Литифа. — Неудовольствія нашего посла въ Тавридѣ.—Мирный договоръ съ Ливоніею. — Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности.

Василій пріялъ державу отца, но безъ всякихъ священныхъ обрядовъ, которые напомнили бы россіянамъ о злополучномъ Димитріи, пышно вѣнчанномъ и сверженномъ съ престола въ темницу. Василій не хотѣлъ быть великодушнымъ; ненавидя племянника, помня дни его счастія и своего униженія, онъ безжалостно осудилъ сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрылъ отъ людей, отъ свѣта солнечнаго въ тѣсной, мрачной палатѣ. Изнуряемый горестію, скукою празднаго уединенія, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, безъ отрады, безъ надежды въ лѣтахъ цвѣтущихъ, Димитрій преставился въ 1509 году, бывъ одною изъ умилительныхъ жертвъ лютой политики, оплакиваемыхъ добрыми сердцами и находящихъ мстителя развѣ въ другомъ мірѣ. Смерть возвратила Димитрію права царскія: Россія увидѣла его лежащаго на великолѣпномъ одрѣ, торжественно отпѣваемаго въ новомъ храмѣ св. Михаила и преданнаго землѣ подлѣ гроба родителева. Завѣщаніе, писанное симъ княземъ въ присутствіи духовника и боярина князя Хованскаго, свидѣтельствуетъ, что онъ и въ самой темницѣ имѣлъ казну, деньги, множество драгоцѣнныхъ вещей, отчасти данныхъ ему Василіемъ, какъ бы въ замѣну престола и свободы, у него похищенныхъ. Исчисливъ все свое достояніе, жемчугъ, золото, серебро (вѣсомъ болѣе десяти пудъ), Димитрій не располагаетъ ничѣмъ, а желаетъ единственно, чтобы

нѣкоторые изъ его земель были отданы монастырямъ, всѣ крѣпостные слуги освобождены, вольные призрѣны, купленныя имъ деревни возвращены безденежно прежнимъ владѣльцамъ, долговыя записи уничтожены, и проситъ о томъ великаго князя безъ униженія и гордости, повинуясь судьбѣ, но не забывая своихъ правъ.

Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи, подобно отцу, ревнителемъ самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшалъ важныя дѣла въ совѣтѣ бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Іоанновыхъ; ихъ мнѣніемъ утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ монархической власти, но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастіемъ, болѣе опасною для враговъ хитростію; не унизилъ Россіи, даже возвеличилъ оную и послѣ Іоанна еще казался достойнымъ самодержавія.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василій нетерпѣливо желалъ возобновить его: увѣдомилъ хана о кончинѣ родителя и требовалъ отъ него новой шертной или клятвенной грамоты. Менгли-Гирей прислалъ ее съ двумя своими вельможами: бояре московскіе нашли, что она не такъ писана, какъ данныя имъ Іоанну, и предложили иную. Послы скрѣпили оную печатями, а великій князь отправилъ знатнаго окольничаго Константина Заболоцкаго въ Тавриду, чтобы удостовѣриться въ искренней дружбѣ хана и взять съ него присягу.

Измѣна царя казанскаго требовала мести. Въ сіе время братъ Алегамовъ, царевичъ Куйдакулъ, будучи нашимъ плѣнникомъ, изъявилъ желаніе принять вѣру христіанскую. Онъ жилъ въ Ростовѣ, въ домѣ архіепископа: государь велѣлъ ему пріѣхать въ Москву; нашелъ въ немъ любезныя свойства, умъ, добронравіе и ревность къ познанію истиннаго Бога. Его окрестили торжественно на Москвѣ-рѣкѣ, въ присутствіи всего Двора; назвали Петромъ и черезъ мѣсяцъ удостоили чести быть зятемъ государевымъ: великій князь выдалъ за него сестру свою Евдокію и, симъ брачнымъ союзомъ какъ бы давъ себѣ новое право располагать жребіемъ Казани, началъ готовиться къ войнѣ съ нею. Димитрій, Василіевъ братъ, предводительствовалъ ратію, судовою и конною, съ воеводами Ѳеодоромъ Бѣльскимъ, Шеиномъ, княземъ Александромъ Ростовскимъ, Палецкимъ, Курскимъ и другими. 22 мая пѣхота россійская вышла на берегъ близъ Казани. День былъ жаркій: утомленные воины сразились съ непріятельскими толпами передъ городомъ и тѣснили ихъ, но конница татарская заѣхала имъ въ тылъ, отрѣзала отъ судовъ и сильнымъ ударомъ смѣша-

ла россіянъ. Множество пало, утонуло въ Поганомъ озерѣ или отдалось въ плѣнъ; другіе открыли себѣ путь къ судамъ и ждали конной рати: она пришла, но государь, свѣдавъ о первой неудачѣ и въ тотъ же день выславъ князя Василія Холмскаго съ новыми полками къ Казани, не велѣлъ Димитрію до ихъ прибытія тревожитъ города. Димитрій ослушался и посрамилъ себя еще болѣе. Время славной ярмонки казанской приближалось: Магметъ-Аминь, величаясь побѣдою и думая, что россіяне уже далеко, 22 іюня веселился съ князьями своими на лугу Арскомъ, гдѣ стояло болѣе тысячи шатровъ; купцы иноземные раскладывали товары, народъ гулялъ, жены сидѣли подъ тѣнію наметовъ, дѣти играли. Вдругъ явились полки московскіе: „они какъ съ неба упали на казанцевъ", говоритъ лѣтописецъ: топтали ихъ, рѣзали, гнали въ городъ: бѣгущіе давили другъ друга и задыхались въ тѣснотѣ улицъ. Россіяне могли бы легко взять Казань приступомъ: она сдалась бы имъ чрезъ пять или шесть дней; но утомленные побѣдители хотѣли отдохнуть въ шатрахъ: увидѣли тамъ явства, напитки, множество вещей драгоцѣнныхъ и забыли войну; начался пиръ и грабежъ: ночь прекратила оные, утро возобновило. Бояре, чиновники нѣжились подъ царскими наметами, любовались симъ зрѣлищемъ и хвалились, что они ровно черезъ годъ отмстили казанцамъ убіеніе нашихъ купцовъ; воины пили и шумѣли; стража дремала. Но Магметъ-Аминь бодрствовалъ въ высокой стрѣльницѣ: смотрѣлъ на ликованіе безпечныхъ непріятелей и готовилъ имъ месть за месть, внезапность за внезапность. 25 іюня, скоро по восходѣ солнца, 20,000 конныхъ и 30,000 пѣшихъ ратниковъ высыпало изъ города и съ крикомъ устремилось на россіянъ полусонныхъ, которыхъ было вдвое болѣе числомъ, но которые въ смятеніи бѣжали къ судамъ, какъ стадо овецъ вслѣдъ за воеводами, безъ устройства, безъ оружія. Лугъ Арскій взмокъ отъ ихъ крови и покрылся трупами. Князь Курбскій, Палецкій лишились жизни; воевода Шеинъ остался плѣнникомъ; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою битвою загладить свою оплошность и робость; никто не мыслилъ о томъ; въ безпамятствѣ ужаса кидались на суда, отрѣзывали якори; спѣшили удалиться. Одна конница московская, подъ начальствомъ Ѳеодора Михаиловича Киселева и нашего служиваго, царевича Зеденея, Нордоулатова сына, оказала нѣкоторую смѣлость: шла сухимъ путемъ къ Мурому и, въ 40 верстахъ отъ Суры настиженная казанцами, отразила ихъ мужественно. Въ войскѣ у Димитрія находилось нѣсколько иноземцевъ съ огнестрѣльнымъ снарядомъ: только одинъ изъ нихъ привезъ свои пушки въ Москву. Товарищи его явились вмѣстѣ съ нимъ къ государю, который, принявъ другихъ милостиво, сказалъ ему гнѣвно: „Ты берегъ

снарядъ, а не берегъ себя: знай же, что люди искусные мнѣ дороже пушекъ!“ Василій не наказалъ воеводъ изъ уваженія къ брату, главному полководцу, слѣдственно и главному виновнику сего бѣдствія; но Димитрій съ того времени уже не бывалъ никогда начальникомъ рати.

Такимъ образомъ и Василіево государствованіе, подобно Іоаннову, началось неудачнымъ походомъ на Казань. Честь и безопасность Россіи предписывали великому князю смирить Магметъ-Аминя: уже знаменитый нашъ полководецъ Даніилъ Щеня готовился идти къ берегамъ Волги; но вѣроломный присяжникъ изъявилъ раскаяніе: или убѣжденный Менгли-Гиреемъ, или самъ предвидя худыя слѣдствія войны для слабой Казани, онъ писалъ къ Василію весьма учтиво, прося извиненія и мира. Государь требовалъ освобожденія посла нашего Михаила Яропкина, также всѣхъ захваченныхъ съ нимъ купцовъ и военноплѣнныхъ россіянъ; Магметъ-Аминь исполнилъ его волю: новою клятвенною грамотою обязался быть ему другомъ и призналъ свою зависимость отъ Россіи, какъ было при Іоаннѣ.

Въ сношеніяхъ съ Литвою Василій изъявилъ на словахъ миролюбіе, стараясь вредить ей тайно и явно. Еще не зная о смерти Іоанновой, король Александръ отправилъ посла въ Москву съ обыкновенными жалобами на обиды россіянъ. Государь выслушалъ, обѣщалъ законное удовлетвореніе, привѣтствовалъ посла, но не далъ ему руки для того, что въ Литвѣ свирѣпствовали заразительныя болѣзни. Извѣстіе о новомъ монархѣ въ Россіи обрадовало короля. Всѣ знали твердость Іоаннову; неопытность и юность Василіева казались благопріятными для нашихъ естественныхъ недоброжелателей. Александръ надѣялся заключить миръ, приславъ въ Москву вельможъ Глѣбова и Сапѣгу; но въ отвѣтъ на ихъ предложеніе, возвратить Литвѣ всѣ наши завоеванія, бояре московскіе сказали, что великій князь владѣетъ только собственными землями и ничего уступить не можетъ. Глѣбовъ и Сапѣга выѣхали съ неудовольствіемъ; а вслѣдъ за ними государь послалъ объявить зятю о своемъ восшествіи на престолъ и вручить Еленѣ золотой крестъ съ мощами по духовной родителя. Василій призналъ жалобы литовскихъ поданныхъ на россіянъ совершенно несправедливыми и, къ досадѣ короля, напомнилъ ему въ сильныхъ выраженіяхъ, чтобы онъ не безпокоилъ супруги въ разсужденіи ея вѣры.—Однимъ словомъ, Александръ увидѣлъ, что въ Россіи другой государь, но та же система войны и мира. Все осталось какъ было. Съ обѣихъ сторонъ изъявлялась холодная учтивость. Король дозволилъ греку Андрею Траханіоту ѣхать изъ Москвы въ Италію черезъ Литву въ угодность Василію, который взаимно оказывалъ снисхожденіе въ случаяхъ маловажныхъ: такъ, напри-

мѣръ, отдалъ митрополиту кіевскому Іонѣ сына его, бывшаго у насъ плѣнникомъ.

Въ августѣ 1506 года король Александръ умеръ; великій князь немедленно послалъ чиновника Наумова съ утѣшительною грамотою ко вдовствующей Еленѣ; но въ тайномъ наказѣ предписалъ ему объявить сестрѣ, что она можетъ прославить себя великимъ дѣломъ: именно, соединеніемъ Литвы, Польши и Россіи, ежели убѣдитъ своихъ пановъ избрать его въ короли; что разновѣріе не есть истинное препятствіе; что онъ дастъ клятву покровительствовать римскій законъ, будетъ отцомъ народа и сдѣлаетъ ему болѣе добра, нежели государь единовѣрный. Наумовъ долженъ былъ сказать то же виленскому епископу Войтеху, пану Николаю Радзивилу и всѣмъ думнымъ вельможамъ. Мысль смѣлая и, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, удивительная, внушенная не только властолюбіемъ монарха-юноши, но и проницаніемъ необыкновеннымъ. Литва и Россія не могли, дѣйствительно, примириться иначе, какъ составивъ одну державу: Василій безъ наставленія долговременныхъ опытовъ, безъ примѣра, умомъ своимъ постигъ сію важную для нихъ обѣихъ истину; и еслибы его желаніе исполнилось, то Сѣверъ Европы имѣлъ бы другую исторію. Василій хотѣлъ отвратить бѣдствія двухъ народовъ, которые въ теченіе трехъ слѣдующихъ вѣковъ рѣзались между собою, споря о древнихъ и новыхъ границахъ. Сія кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелію одного изъ нихъ; повинуясь государю общему въ духѣ братства, они сдѣлались бы мирными властелинами полунощной Европы.

Но Елена отвѣтствовала, что братъ ея супруга Сигизмундъ уже объявленъ его преемникомъ въ Вильнѣ и въ Краковѣ. Самъ новый король извѣстилъ о томъ Василія, предлагая ему вѣчный миръ съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ свободу литовскимъ плѣнникамъ и тѣ мѣста, коими завладѣли россіяне уже послѣ шестилѣтняго перемирія. Сіе требованіе казалось умѣреннымъ; но Василій—досадуя, можетъ быть, что его намѣреніе царствовать въ Литвѣ не исполнилось—хотѣлъ удержать все, оставленное ему въ наслѣдіе родителемъ, и жалуясь, что литовцы преступаютъ договоръ 1503 года, тревожатъ набѣгами владѣнія князей Стародубскаго и Рыльскаго, жгутъ села Брянскія, отнимаютъ наши земли, послалъ князя Холмскаго и боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстиславля, не встрѣтивъ непріятеля въ полѣ. Королевскіе послы еще находились тогда въ Москвѣ: Сигизмундъ упрекалъ Василія, что онъ, говоря съ нимъ о мирѣ, начинаетъ войну.

Въ сіе время славный Константинъ Острожскій, измѣнивъ данной имъ Василію присягѣ, утвержденной ручательствомъ нашего

митрополита, бѣжалъ изъ Москвы въ Литву. Любовь къ отечеству и ненависть къ Россіи заставили его остыдить себя дѣломъ презрительнымъ: обмануть государя, митрополита, нарушить клятву, уставъ чести и совѣсти. Никакія побужденія не извиняютъ вѣроломства.—Сигизмундъ принялъ нашего измѣнника Константина съ милостію; Василій скоро отмстилъ Сигизмунду, объявивъ себя покровителемъ еще важнѣйшаго измѣнника литовскаго.

Никто изъ вельможъ не былъ въ Литвѣ столь знатенъ, силенъ, богатъ помѣстьями, щедръ къ услужникамъ и страшенъ для непріятелей, какъ Михаилъ Глинскій, коего родъ происходилъ отъ одного князя татарскаго, выѣхавшаго изъ Орды къ Витовту. Воспитанный въ Германіи, Михаилъ заимствовалъ обычаи нѣмецкіе, долго служилъ Альбрехту Саксонскому, императору Максиміану въ Италіи; славился храбростію, умомъ и, возвратясь въ отечество, снискалъ милость Александрову, такъ что сей государь обходился съ нимъ какъ съ другомъ, повѣряя ему всѣ тайны сердечныя. Глинскій оправдывалъ сію любовь и довѣренность своими заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрымъ нашествіемъ привело Литву въ трепетъ; когда Александръ, лежащій на смертномъ одрѣ, почти въ виду непріятеля, требовалъ усердной защиты отъ вельможъ и народа, Глинскій сѣлъ на коня, собралъ воиновъ и славнѣйшею побѣдою утѣшилъ короля въ послѣднія минуты его жизни. Завистники молчали; но смерть Александрова отверзла имъ уста: говорили, что онъ мыслилъ овладѣть престоломъ и не хотѣлъ присягать Сигизмунду. Всѣхъ болѣе ненавидѣлъ и злословилъ его вельможа Забрезенскій. Михаилъ неотступно убѣждалъ новаго короля быть судіею между ими. Сигизмундъ медлилъ, доброхотствуя непріятелямъ Глинскаго, который вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и сказалъ ему: „Государь! мы оба, ты и я, будемъ раскаиваться; но поздно“. Онъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Василіемъ, уѣхалъ въ свой городъ Туровъ; призвалъ къ себѣ родственниковъ, друзей; требовалъ полнаго удовлетворенія отъ Сигизмунда и назначилъ срокъ. Слухъ о томъ достигъ Москвы, гдѣ знали все, что въ Литвѣ происходило; государь угадалъ тайную мысль Михаилову и послалъ къ нему умнаго дьяка, предлагая всѣмъ тремъ Глинскимъ защиту Россіи, милость и жалованье. Еще соблюдая пристойность, они ждали рѣшительнаго королевскаго отвѣта; не получивъ его, торжественно объявили себя слугами государя Московскаго съ условіемъ, чтобы Василій оружіемъ укрѣпилъ за ними ихъ города въ Литвѣ, помѣстные и тѣ, которые имъ волею или неволею сдадутся. Съ обѣихъ сторонъ утвердили сей договоръ клятвою. Пылая злобою мести, Михаилъ нечаянно схватилъ врага своего, вельможу Забрезенскаго, въ увеселительномъ его домѣ близъ Гродна:

отсѣкъ ему голову; умертвилъ многихъ другихъ пановъ; составилъ полкъ изъ дворянъ, слугъ и наемниковъ; взялъ Мозырь; заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ и господаремъ молдавскимъ, изъ коихъ первый обѣщалъ завоевать для него Кіевъ. Пишутъ, что Глинскіе дѣйствительно имѣли намѣреніе возстановить древнее великое княженіе Кіевское и господствовать въ немъ независимо: что многіе изъ тамошнихъ бояръ присягнули имъ въ вѣрности; что Михаилъ думалъ жениться на вдовствующей супругѣ Симеона Олельковича, Анастасіи, и тѣмъ пріобрѣсти законное право на сіе княжество, но что добродѣтельная Анастасія, гнушаясь его измѣною, не хотѣла о томъ слышать.

Глинскій ждалъ московской рати. Воеводы наши, князья Шемякинъ, Одоевскіе, Трубецкіе, Воротынскіе, пришли къ нему на Березину, осадили Минскъ и разоряли все до самой Вильны; другіе воевали Смоленскую область. Желая и надѣясь сокрушить Литву, Василій двинулъ еще полки изъ Москвы и Новагорода къ Оршѣ: первые велъ знатный бояринъ Яковъ Захарьевичъ, послѣдніе славный князь Даніилъ Щеня. Глинскій, Шемякинъ, оставивъ Минскъ, явились близъ Друцка, обязали тамошнихъ князей присягою вѣрности къ государю россійскому и соединились подъ Оршею съ Даніиломъ: громили пушками стѣны ея; замышляли приступъ.

Никогда Литва не бывала въ опаснѣйшемъ положеніи: Россія возстала, Менгли-Гирей и волохи готовились къ нападенію; внутри бунтъ и правленіе новое, коего всѣ тайны, всѣ способы были извѣстны Глинскому; наемные королевскіе воины нѣмцы требовали жалованья, а расточительность Александрова истощила казну. Но Сигизмундъ имѣлъ твердость, благоразуміе и счастіе, которое въ дѣлахъ міра нерѣдко смѣется надъ вѣроятностями ума. Съ необыкновенною дѣятельностію собравъ, устроивъ войско, онъ приблизился къ Оршѣ, чтобы спасти сію важную крѣпость. Полководцы Василіевы изумились, сняли осаду и стали на восточномъ берегу Днѣпра. Дней шесть непріятели черезъ сію рѣку смотрѣли другъ на друга: россіяне ждали къ себѣ литовцевъ, литовцы россіянъ. Наконецъ воеводы московскіе пошли къ Кричеву, Мстиславлю; разорили нѣсколько селъ и спѣшили назадъ, защитить собственные предѣлы: ибо король, вступивъ въ Смоленскъ, отрядилъ войско къ Дорогобужу, къ Бѣлой и къ Торопцу. Василій, поручивъ князьямъ Стародубскому и Шемякину оберегать Украйну, велѣлъ боярину Якову Захарьевичу стоять въ Вязьмѣ, а Даніилу выгнать литовскій отрядъ изъ Торопца, гдѣ жители, малодушно присягнувъ Сигизмунду, съ радостію встрѣтили нашего воеводу, который донесъ государю о бѣгствѣ непріятеля.

Хотя Василій, повидимому, не имѣлъ причины славиться успѣхами своихъ полководцевъ, ни важными для Россіи слѣдствіями измѣны Глинскихъ; однакожъ казался доволенъ первыми и съ великою милостію угостилъ Михаила, который, пріѣхавъ въ Москву, пировалъ во дворцѣ, былъ одаренъ щедро, не только одеждами богатыми, доспѣхомъ, азіатскими конями, но и московскими селами съ двумя помѣстными городами Ярославцемъ и Медынью. Братья Михаиловы оставались въ Мозырѣ, а люди, сокровища и знатнѣйшіе единомышленники князья, Дмитрій Жижерскій, Иванъ Озерецкій, Андрей Лукомскій—въ Почепѣ. Михаилъ просилъ у государя воиновъ для обереженія Турова и Мозыря: Василій далъ ему воеводу князя Несвицкаго съ галицкими, костромскими ратниками и съ татарами.

Между тѣмъ литовцы сожгли Бѣлую и взяли Дорогобужъ, обращенный въ пепелъ самими россіянами. Константинъ Острожскій предводительствовалъ частію Сигизмундовой рати, обѣщая указать ей путь къ Москвѣ. Но великій князь не терялъ времени: самъ распорядилъ полки и велѣлъ имъ съ двухъ сторонъ: Холмскому изъ Можайска, боярину Якову Захарьевичу изъ Вязьмы, идти къ Дорогобужу, гдѣ начальствовалъ воевода королевскій Станиславъ Кишка; сей гордый панъ, имѣвъ нѣкоторыя выгоды въ легкихъ сшибкахъ съ отрядами россійскими, уже думалъ, что наше войско не существуетъ и что бѣдные остатки его не дерзнутъ показаться изъ лѣсовъ: увидѣлъ полки Холмскаго и бѣжалъ въ Смоленскъ.—Такимъ образомъ непріятели выгнали другъ друга изъ своихъ предѣловъ, не бывъ ни побѣдителями, ни побѣжденными; но король имѣлъ болѣе славы, среди опасностей новаго правленія и внутренней измѣны, отразивъ внѣшняго, сильнаго врага, столь ужаснаго для его двухъ предшественниковъ.

Не ослѣпляясь легкомысленною гордостію, боясь Менгли-Гирея и желая успокоить свою державу, благоразумный Сигизмундъ снова предложилъ миръ Василію, который не отринулъ его. Глинскій хвалился многочисленностію друзей и единомышленниковъ въ Литвѣ; но, къ счастію всѣхъ правленій, измѣнники рѣдко торжествуютъ: сила беззаконная или первымъ возстаніемъ испровергаетъ законный уставъ государева, или ежечасно слабѣетъ отъ нераздѣльнаго съ нею страха, отъ естественнаго угрызенія совѣсти, если не главныхъ дѣйствующихъ лицъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ помощниковъ. Тщетно Глинскіе старались возмутить Кіевскую и Волынскую область: народъ равнодушно ждалъ происшествій; бояре отчасти желали успѣховъ Михаилу, но не хотѣли бунтомъ подвергнуть себя казни; весьма немногіе присоединились къ нему, и войско его состояло едва изъ двухъ или трехъ тысячъ всадниковъ; начальники городовъ были вѣрны королю. Счастію Іоаннова

оружія въ войнѣ литовской способствовалъ Менгли-Гирей: Василій еще не видалъ въ немъ дѣятельнаго усердія къ пользамъ Россіи и, несмотря на союзную грамоту, утвержденную въ Москвѣ словомъ и печатію ханскихъ пословъ, разбойники крымскіе безпокоили нашу Украину, такъ что великій князь долженъ былъ защитить оную войскомъ. Надежда возбудить ногаевъ къ сильному впаденію въ Литву не исполнилась: слуга Васильевъ, князь Темиръ, ѣздилъ къ мурзамъ Асану и другимъ, сыновьямъ Ямгурчея и Мусы, съ предложеніемъ, чтобы они, содѣйствуя намъ, отмстили королю вѣроломное заключеніе хана Шигъ-Ахмета, связаннаго съ ними родствомъ и дружбою: Темиръ долженъ былъ вести ихъ къ берегамъ Дона и Днѣпра; но не могъ успѣть въ своемъ порученіи. Сіи обстоятельства, моленіе вдовствующей королевы Елены, рѣшительность Сигизмунда и сомнительный успѣхъ войны склонили Василія къ искреннему миролюбію. Король прислалъ изъ Смоленска въ Москву Станислава, воеводу полоцкаго, маршалка Сапѣгу и Войтеха, намѣстника перемышльскаго, которые, слѣдуя обыкновенію, сначала требовали всего, а наконецъ удовольствовались немногимъ: хотѣли Чернигова, Любеча, Дорогобужа, Торопца, но согласились взять единственно пять или шесть волостей Смоленскихъ, отнятыхъ у Литвы уже въ государствованіе Василіево. Написали договоръ такъ называемаго вѣчнаго мира. Василій и Сигизмундъ, именуясь братьями и сватами, обязались жить въ любви, доброжелательствовать и помогать другъ другу на всякаго непріятеля, кромѣ Менгли-Гирея и такихъ случаевъ, гдѣ будетъ невозможно исполнить сего условія (которое, слѣдственно, обращалось въ ничто). Король утверждалъ за Россіею всѣ пріобрѣтенія Іоанновы, а за слугами государя россійскаго, князьями Шемякинымъ, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воротынскими, Перемышльскими, Новосильскими, Бѣлевскими, Мосальскими—всѣ ихъ отчины и города. За то Василій обѣщалъ не вступаться въ Кіевъ, въ Смоленскъ, ни въ другія литовскія владѣнія. Далѣе сказано въ договорѣ, что великій князь Рязанскій Іоаннъ Іоанновичъ съ своею землею принадлежитъ къ государству Московскому; что ссоры между литовскими и россійскими подданными должны быть разбираемы судьями общими, присяжными, коихъ рѣшенія исполняются во всей силѣ; что посламъ и купцамъ обѣихъ державъ вездѣ путь чистъ и свободенъ: ѣздятъ, торгуютъ, какъ имъ угодно; наконецъ, что литовскіе и наши плѣнники освобождаются немедленно. О Глинскихъ не упоминается въ сей грамотѣ, но судьба ихъ была рѣшена: Василій призналъ Мозырь и Туровъ, города Михаиловы, собственностію королевскою, обѣщая впредь уже не принимать къ себѣ никого изъ литовскихъ князей съ землями и помѣстьями. Онъ удовольствовался единственно сло-

вомъ короля, что Глинскіе могутъ свободно выѣхать изъ Литвы въ Россію.

Послы Сигизмундовы были десять разъ у государя и дважды обѣдали. Размѣнялись договорными грамотами. Сеймъ литовскій одобрилъ всѣ условія. Король цѣловалъ крестъ въ присутствіи нашихъ пословъ, въ Вильнѣ. Россіяне и литовцы были довольны миромъ; но Глинскіе изъявляли негодованіе, и Сигизмундъ увѣдомилъ великаго князя, что Михаилъ не хочетъ ѣхать въ Москву, думая бѣжать въ степи съ вооруженными людьми своими и мстить равно обоимъ государствамъ, но что войско королевское уже идетъ смирить сего мятежника. Василій просилъ короля не тревожить Глинскихъ и дать имъ свободный путь въ Россію. Проливая слезы, они выѣхали къ намъ изъ отечества со всѣми ближними. Литва жалѣла, а болѣе опасалась ихъ; Россія не любила: великій князь ласкалъ и честилъ, думая, что сіи измѣнники еще могутъ быть ему полезны.

Едва ли имѣя надежду и самое желаніе долго остаться въ мирѣ съ Литвою, Василій нетерпѣливо ждалъ вѣстей изъ Тавриды, чтобы удостовѣриться въ важномъ для насъ союзѣ Менгли-Гиреевомъ. Можетъ быть сей царь и не участвовалъ въ набѣгѣ крымскихъ разбойниковъ на московскіе предѣлы, но усердіе его къ Россіи явно охладѣло: державъ Заболоцкаго долѣе года, онъ прислалъ гонца въ Москву съ требованіемъ, чтобы его пасынокъ, сверженный царь казанскій Абдылъ-Летифъ, былъ отпущенъ въ Тавриду. Великій князь не сдѣлалъ сего, однакожъ возвратилъ Летифу свободу и милость, дозволилъ быть во дворцѣ, обѣщалъ Коширу въ помѣстье. Вѣроятно, что слухъ о мирныхъ переговорахъ Сигизмунда съ Василіемъ рѣшилъ, наконецъ, Менгли-Гирея утвердить дружбу съ нами: по крайней мѣрѣ онъ немедленно отпустилъ тогда Заболоцкаго и прислалъ трехъ вельможъ своихъ въ Москву съ шертною золотою грамотою; далъ клятву за себя, за дѣтей и внучатъ жить въ братствѣ съ великимъ княземъ, вмѣстѣ воевать и мириться съ Литвою и съ татарами; унимать, казнить своихъ разбойниковъ, покровительствовать нашихъ купцовъ и путешественниковъ: однимъ словомъ исполнять всѣ обязанности тѣсной, взаимной дружбы, какъ было въ Іоанново время.

Государь приказалъ встрѣтить пословъ съ великою честію, звать во дворецъ къ обѣду и клалъ на нихъ руки въ знакъ благоволенія. Они представили ему 16 грамотъ отъ хана, писанныхъ весьма ласково. Менгли-Гирей убѣждалъ Василія послать судовую рать съ пушками для усмиренія Астрахани, обѣщалъ всѣми силами дѣйствовать противъ Сигизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называлъ любезнымъ сыномъ; просилъ ловчихъ птицъ, соболей, рыбьихъ зубовъ, латъ и серебряной чары въ два

ведра; требовалъ какой-то дани, платимой ему князьями Одоевскими; а всего болѣе желалъ, чтобы государь позволилъ Абдылъ-Летифу ѣхать въ Тавриду для свиданія съ матерью. Сіе послѣднее казалось Василію столь важнымъ, что онъ собралъ думу боярскую и хотѣлъ знать ея мнѣніе. Приговорили не отпускать Летифа. Государь велѣлъ ему самому явиться въ думу и говорилъ такъ: „Царь Абдылъ-Летифъ! ты вѣдаешь, что отецъ мой лишилъ тебя свободы за вину немалую. Въ угодность нашему брату Менгли-Гирею, забывъ твое преступленіе, я милостиво дарую тебѣ вольность и городъ. Выслушай условія". Они состояли въ томъ, чтобы Летифъ клятвенно обязался вѣрно служить Россіи, не выѣзжать самовольно изъ ея предѣловъ, не имѣть сношенія съ Литвою, ни съ другими нашими врагами, и чтобы Менгли-Гиреевы послы утвердили сей договоръ собственною ихъ присягою. Летифъ винился, благодарилъ, считалъ себя недостойнымъ видѣть лицо государево; клялся не угнетать христіанъ, не ругаться надъ святынею; доносить великому князю о всякихъ злодѣйскихъ умыслахъ противъ него или государства. Вмѣсто Коширы, прежде обѣщанной, ему дали Юрьевъ. Достойно замѣчанія, что и самъ великій князь присягнулъ въ доброжелательствѣ къ Летифу такъ же, какъ и вѣрности къ Менгли-Гирею, исполняя требованіе пословъ крымскихъ и совѣтъ бояръ. Намѣстникъ перевицкій Морозовъ былъ отправленъ въ Тавриду изъявить благодарность за дружбу хана, увѣрить его въ нашей, извѣстить о заключенномъ съ Литвою мирѣ и сказать наединѣ, что долгое молчаніе Менгли-Гиреево безпокоило государя; что носился даже слухъ о присоединеніи ханскихъ сыновей къ Сигизмундовой рати; что сіе обстоятельство ускорило для насъ миръ, но что великій князь остается другомъ Менгли-Гирея и не боится новой, справедливой войны съ ихъ общимъ, естественнымъ недругомъ; что намъ нельзя послать людей съ огнестрѣльнымъ снарядомъ къ Астрахани, ибо нѣтъ судовъ въ готовности; что Россіи, утомленной войнами, хотя мирной съ Литвою, но угрожаемой ливонскими нѣмцами, нужно отдохновеніе; что самъ Іоаннъ никогда не посылалъ туда войска, и проч. Уже ветхій лѣтами и здоровьемъ, Менгли-Гирей не могъ жить долго: Василій приказалъ Морозову тайно видѣться съ ханскимъ старшимъ сыномъ Магметъ-Гиреемъ, обязать его клятвою въ дружбѣ къ Россіи и присягнуть ему въ нашей именемъ государя.

Сей посолъ имѣлъ непріятность въ Тавридѣ отъ своевольства и корыстолюбія ханскихъ вельможъ. Государь именно велѣлъ Морозову наблюдать свое достоинство и не терпѣть ни малѣйшаго для насъ униженія въ обрядахъ посольскихъ: ибо крымскіе мурзы любили величаться передъ россіянами, воспоминая старину.

„Я сошелъ съ коня близъ дворца, — пишетъ Морозовъ къ великому князю: — у воротъ сидѣли князья ханскіе и всѣ, какъ должно, привѣтствовали посла твоего, кромѣ мурзы Кудояра, дерзнувшаго назвать меня холопомъ. Толмачъ не смѣлъ перевести сихъ грубыхъ словъ, а мурза въ бѣшенствѣ хотѣлъ зарѣзать его и силою выхватилъ шубу изъ рукъ моего подъячаго, который несъ дары. Въ дверяхъ ясаулы преградили мнѣ путь, бросивъ на землю жезлы свои и требовали пошлины: я ступилъ на жезлы, и вошелъ къ царю. Онъ и царевичи встрѣтили меня ласково; пили изъ чаши и подали мнѣ остатокъ. Я также поднесъ чашу имъ и всѣмъ князьямъ, но обошелъ Кудояра и сказалъ хану: царь, вольный человѣкъ! сей мурза невѣжливъ: суди насъ... Называюсь холопомъ твоимъ и государя моего, но не Кудояровымъ. Говорю съ нимъ предъ тобою съ очи на очи: какъ онъ дерзнулъ грубить послу и силою брать, что мы несли къ тебѣ? Менгли-Гирей, выслушавъ, извинялъ мурзу; но, отпустивъ меня, бранилъ его и выгналъ“. Морозовъ не согласился вручить хану своего посольскаго наказа, ни описи присланныхъ съ нимъ даровъ, отвѣтствуя гордо вельможамъ царскимъ: „Рѣчи великаго князя вписаны у меня только въ сердцѣ, а дары его вамъ доставлены; болѣе ничего не требуйте“. Одинъ изъ сыновей ханскихъ, жалуясь на скупость Василіеву, грозилъ Морозову цѣпями. „Цѣпей твоихъ не опасаюсь, — сказалъ посолъ: — боюсь единственно Бога, великаго князя и царя, вольнаго человѣка... Если оскорбите меня, то государь уже никогда не будетъ присылать къ вамъ людей знатныхъ“. — Однакожъ, несмотря на слабость отягченнаго лѣтами Менгли-Гирея, коему сыновья и вельможи худо повиновались, нашъ союзъ съ Тавридою остался до времени въ своей силѣ.

Россія заключила тогда мирный договоръ и съ Ливоніею. Въ 1506 году вторично былъ у насъ посолъ императорскій Гартингеръ съ дружественнымъ письмомъ отъ Максимиліана, который снова просилъ великаго князя освободить литовскихъ плѣнниковъ. Василій сказалъ, что вольность ихъ зависитъ отъ мира. Наконецъ магистръ, архіепископъ рижскій, епископъ дерптскій и все рыцарство прислали чиновниковъ въ Москву. Слѣдуя правилу отца, государь не хотѣлъ самъ договариваться съ ними: они поѣхали въ Новгородъ, гдѣ намѣстники Даніилъ Щеня, Григорій Ѳедоровичъ Давыдовъ и князь Иванъ Михайловичъ Оболенскій дали имъ мирную грамоту отъ 25 марта 1509 года впредь на 14 лѣтъ. Освободили плѣнныхъ; возобновили старыя, взаимныя условія о торговлѣ и безопасности путешественниковъ въ обѣихъ земляхъ. Важнѣе всего было то, что нѣмцы отреклись отъ союза съ королемъ польскимъ. Государь не забылъ и нашихъ церквей

въ Ливоніи: магистръ обязался блюсти ихъ. Въ то же время императоръ, ходатайствуя за Ганзу, писалъ къ великому князю, что она издревле къ обоюдной пользѣ купечествовала въ Россіи и желаетъ возстановить свою контору въ Новѣгородѣ, ежели возвратятъ любчанамъ товары, несправедливо отнятые Іоанномъ, единственно по наущенію злыхъ людей. Василій отвѣтствовалъ Максимиліану: „Пусть любчане и союзные съ ними 72 города шлютъ должное челобитье къ моимъ новогородскимъ и псковскимъ намѣстникамъ: изъ дружбы къ тебѣ велю торговать съ нѣмцами, какъ было прежде; но имѣніе отняли у нихъ за вину: его нельзя возвратить; о чемъ писалъ къ тебѣ и мой родитель“.

Утвердивъ спокойствіе Россіи, Василій рѣшилъ судьбу древняго, знаменитаго Пскова. Какое-то особенное снисхожденіе Іоанново позволило сей республикѣ пережить новогородскую, еще имѣть видъ народнаго правленія и хвалиться тѣнію свободы; могла ли уцѣлѣть она въ системѣ общаго самодержавія? Примѣръ Новагорода ужасалъ псковитянъ; но, лаская себя свойственною людямъ надеждою, они такъ разсуждали: „Іоаннъ пощадилъ насъ: можетъ пощадить и Василій. Мы спаслись при отцѣ благоговѣніемъ къ его верховной волѣ; не оскорбимъ и сына. Гордость есть безуміе для слабости. Не постоимъ за многое, чтобы спасти главное: то-есть свободное бытіе гражданское, или, по крайней мѣрѣ, долѣе наслаждаться онымъ“. Сіи мысли были основаніемъ ихъ политики. Когда намѣстники великокняжескіе дѣйствовали беззаконно, псковитяне жаловались государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя князя Ярослава, они снова приняли его къ себѣ намѣстникомъ, ибо такъ хотѣлъ Іоаннъ, который, можетъ быть, единственно отлагалъ до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную съ государственнымъ уставомъ Россіи: войны, опасности внѣшнія, а наконецъ, можетъ быть, и старость помѣшали ему исполнить сіе намѣреніе. Юный Василій естественнымъ образомъ довершилъ дѣло отца: искалъ и легко нашелъ предлогъ. Хотя псковитяне вообще изъявляли болѣе умѣренности, нежели пылкіе новогородцы: однакожъ, подобно всѣмъ республикамъ, имѣли внутренніе раздоры, обыкновенное дѣйствіе страстей человѣческихъ. Еще въ Іоанново время былъ у нихъ мятежъ, въ коемъ одинъ посадникъ лишился жизни, а другіе чиновники бѣжали въ Москву. Тогда же земледѣльцы не хотѣли платить дани гражданамъ: вѣче самовластно наказало первыхъ, отыскавъ древнюю уставную грамоту въ доказательство, что они всегда считались данниками и работниками послѣднихъ. Іоаннъ обвинилъ самовольство вѣча: псковитяне едва смягчили его гнѣвъ моленіемъ и дарами. При Василіи управлялъ ими въ санѣ намѣстника князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, нелюбимый наро-

домъ; питая несогласія между старшими и младшими гражданами, онъ жаловался на ихъ строптивость и въ особенности на главныхъ чиновниковъ, которые будто бы вмѣшивались въ его права и суды. Сего было довольно для Василія.

Осенью, въ 1509 году, онъ поѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ, съ зятемъ царевичемъ Петромъ, царемъ Летифомъ, съ коломенскимъ епископомъ Митрофаномъ, съ знатнѣйшими боярами, воеводами, дѣтьми боярскими. Цѣль путешествія знали развѣ одни вельможи думные. Вездѣ народъ съ радостію встрѣчалъ юнаго монарха: онъ ѣхалъ медленно и съ величіемъ. Унылый Новгородъ оживился присутствіемъ Двора и войска отборнаго; а псковитяне отправили къ великому князю многочисленное посольство, семьдесять знатнѣйшихъ чиновниковъ и бояръ, съ усерднымъ привѣтствіемъ и съ даромъ ста-пятидесяти рублей. Главный изъ нихъ, посадникъ Юрій, сказалъ ему: „Отчина твоя, Псковъ, бьетъ тебѣ челомъ и благодаритъ, что ты, царь всея Руси, держишь насъ въ старинѣ и милостиво обороняешь отъ всѣхъ иноплеменниковъ. Такъ дѣлалъ и великій твой родитель: за что мы готовы вѣрно служить тебѣ, какъ служили Іоанну и вашимъ предкамъ. Но будь правосуденъ: твой намѣстникъ утѣсняетъ добровольныхъ людей, псковитянъ. Государь! защити насъ“. Онъ милостиво принялъ даръ; выслушалъ жалобу; обѣщалъ управу. Послы возвратились и сказали вѣчу слова государевы; но мысли сердечныя, прибавляетъ лѣтописецъ, извѣстны единому Богу. Василій велѣлъ окольничьему своему, князю Петру Шуйскому-Великому, съ дьякомъ Далматовымъ ѣхать во Псковъ и на мѣстѣ узнать истину. Они донесли, что граждане винятъ намѣстника, а намѣстникъ — гражданъ; что ихъ примирить невозможно, и что одна власть государева должна рѣшить сію тяжбу. Новые послы псковскіе молили великаго князя смѣнить Оболенскаго; Василій отвѣтствовалъ, что непристойно смѣнить его какъ виновнаго безъ суда; что онъ приказываетъ ему быть въ Новгородъ вмѣстѣ со всѣми псковитянами, которые считаютъ себя обиженными, и самъ разберетъ ихъ жалобы.

Здѣсь лѣтописецъ псковскій укоряетъ своихъ правителей въ неосторожности: они письменно дали знать по всѣмъ волостямъ, чтобы недовольные намѣстникомъ ѣхали судиться къ великому князю. Сыскалось ихъ множество; немало и такихъ, которые поѣхали жаловаться государю другъ на друга, и между ими были знатные люди, первые чиновники. Сіе обстоятельство предвѣщало Пскову судьбу Новагорода, гдѣ внутреннія несогласія и ссоры заставили гражданъ искать великокняжескаго правосудія и служили Іоанну однимъ изъ способовъ къ уничтоженію ихъ вольности. Василій именно требовалъ къ себѣ посадниковъ для очной

ставки съ княземъ Оболенскимъ, велѣвъ написать къ вѣчу, что если они не явятся, то вся земля будетъ виновата. Псковитяне содрогнулись: въ первый разъ представилась имъ мысль, что для нихъ готовится ударъ. Никто не смѣлъ ослушаться: девять посадниковъ и купеческіе старосты всѣхъ рядовъ отправились въ Новгородъ. Василій приказалъ имъ ждать суда и назначилъ срокомъ 6 генваря.

Въ сей день, то есть въ праздникъ Крещенія, великій князь, окруженный боярами и воеводами, слушалъ обѣдню въ церкви Софійской и ходилъ за крестами на рѣку Волховъ, гдѣ епископъ коломенскій Митрофанъ святилъ воду: ибо Новгородъ не имѣлъ тогда архіепископа. Тамъ вельможи московскіе объявили псковитянамъ, чтобы всѣ они шли въ архіерейскій домъ къ государю; чиновниковъ, бояръ, купцовъ ввели въ палату; младшихъ гражданъ остановили на дворѣ. Они готовились къ суду съ намѣстникомъ; но тяжба ихъ была уже тайно рѣшена Василіемъ. Думные великокняжескіе бояре вышли къ нимъ и сказали: „вы пойманы Богомъ и государемъ Василіемъ Іоанновичемъ“. Знатныхъ псковитянъ заключили въ архіепископскомъ домѣ, а младшихъ гражданъ, переписавъ, отдали новогородскимъ боярскимъ дѣтямъ подъ стражу.

Одинъ купецъ псковскій ѣхалъ тогда въ Новгородъ; узнавъ дорогою о семъ происшествіи, онъ бросилъ свой товаръ и спѣшилъ извѣстить согражданъ, что ихъ посадники и всѣ именитые люди въ темницѣ. Ужасъ объялъ псковитянъ. „Отъ трепета и печали (говоритъ лѣтописецъ) засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бѣдствія, язву и нѣмцевъ передъ своими стѣнами; но никогда не бывали въ такомъ отчаяніи“. Собралось вѣче. Народъ думалъ, что ему дѣлать? ставить ли щитъ противъ государя? затвориться ли въ городѣ? „Но война,—разсуждали они,—будетъ для насъ беззаконіемъ и конечною гибелію. Успѣхъ невозможенъ, когда слабость идетъ на силу. И всѣхъ насъ немного: что же сдѣлаемъ теперь безъ посадниковъ и лучшихъ людей, которые сидятъ въ Новѣгородѣ?“ Рѣшились послать гонца къ великому князю съ такими словами: „Бьемъ тебѣ челомъ отъ мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были отъ тебя, государя, неотступны и ни въ чемъ не противились. Богъ и ты воленъ въ своей отчинѣ“.

Видя смиреніе псковитянъ, государь велѣлъ снова привести всѣхъ задержанныхъ чиновниковъ въ архіепископскую палату и выслалъ къ нимъ бояръ: князя Александра Ростовскаго, Григорія Ѳедоровича, конюшаго Ивана Андреевича Челяднина, окольничаго князя Петра Шуйскаго, казначея Дмитрія Владиміровича, дьяковъ Мисюря-Мунехина и Луку Семенова, которые сказали:

„Василій, Божіею милостію царь и государь всея Руси, такъ вѣщаетъ Пскову: предки наши, отецъ мой и мы доселѣ берегли васъ милостиво, ибо вы держали имя наше честно и грозно, а намѣстниковъ слушались; нынѣ же дерзаете быть строптивыми, оскорбляете намѣстника, вступаетесь въ его суды и пошлины. Еще свѣдали мы, что ваши посадники и судьи земскіе не даютъ истинной управы, тѣснятъ, обижаютъ народъ. Итакъ, вы заслужили великую опалу. Но хотимъ теперь изъявить милость, если исполните нашу волю: уничтожите вѣче и примете къ себѣ государевыхъ намѣстниковъ во Псковъ и во всѣ пригороды. Въ такомъ случаѣ сами пріѣдемъ къ вамъ помолиться Святой Троицѣ и даемъ слово не касаться вашей собственности. Но если отвергнете сію милость, то будемъ дѣлать свое дѣло съ Божіею помощію и кровь христіанская взыщется на мятежникахъ, которые презираютъ государево жалованье и не творятъ его воли". Псковитяне благодарили и въ присутствіи великокняжескихъ бояръ цѣловали крестъ, съ клятвою служить вѣрно монарху Россіи, его дѣтямъ, наслѣдникамъ, до конца міра. Василій, пригласивъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, сказалъ имъ, что вмѣсто рати шлетъ во Псковъ дьяка своего, третьяка Долмашева, и что они сами могутъ писать къ согражданамъ. Знатный купецъ Онисимъ Манушинъ поѣхалъ съ грамотою отъ чиновниковъ, бояръ и всѣхъ бывшихъ въ Новѣгородѣ псковитянъ къ ихъ народу. Они писали: „Предъ лицомъ государя мы единомысленно дали ему крѣпкое слово своими душами за себя и за васъ, братья, исполнить его приказаніе. Не сдѣлайте насъ преступниками. Буде же вздумаете противиться, то знайте, что великій князь въ гнѣвѣ и въ ярости устремитъ на васъ многочисленное воинство: мы погибнемъ, и вы погибнете въ кровопролитіи. Рѣшитесь немедленно: послѣдній срокъ есть 16 генваря. Здравствуйте".

Долматовъ явился въ собраніи гражданъ псковскихъ, сказалъ имъ поклонъ отъ великаго князя и требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить по старинѣ, исполнили двѣ воли государевы: отмѣнили вѣче, сняли колоколъ онаго и во всѣ города свои приняли великокняжескихъ намѣстниковъ. Посолъ заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что или самъ государь будетъ у нихъ, добрыхъ подданныхъ, мирнымъ гостемъ или пришлетъ къ нимъ воинство смирить мятежниковъ. Сказавъ, Долматовъ сѣлъ на ступени вѣча и долго ждалъ отвѣта: ибо граждане не могли говорить отъ слезъ и рыданія; наконецъ просили его дать имъ время на размышленіе до слѣдующаго утра.—Сей день и сія ночь были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словамъ лѣтописи, не плакали тогда отъ горести. На улицахъ, въ домахъ раздавалось стенаніе: всѣ обнимали другъ друга какъ въ послѣдній

часъ жизни. Столь велика любовь граждан къ древнимъ уставамъ свободы! Уже давно псковитяне зависѣли отъ государя московскаго въ дѣлахъ внѣшней политики и признавали въ немъ судію верховнаго; но государь дотолѣ уважалъ ихъ законы, и намѣстники его судили согласно съ оными; власть законодательная принадлежала вѣчу и многія тяжбы рѣшались народными чиновниками, особенно въ пригородахъ: одно избраніе сихъ чиновниковъ уже льстило народу. Василій уничтоженіемъ вѣча искоренялъ все старое древо самобытнаго гражданства псковскаго, хотя и поврежденное, однакожъ еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народъ болѣе сѣтовалъ, нежели совѣтовался: необходимость уступить являлась всякому съ доказательствами неопровержимыми. Слышны были рѣчи смѣлыя, но безъ дерзости. Послѣднія торжественныя минуты издыхающей свободы благопріятствуютъ великодушію; но разсудокъ уже обуздываетъ сердце. На разсвѣтѣ ударили въ вѣчевый колоколъ: сей звукъ представилъ гражданамъ мысль о погребеніи. Они собралися. Ждали дьяка московскаго. Долматовъ пріѣхалъ. Ему сказали: „Господинъ посолъ! Лѣтописцы наши свидѣтельствуютъ, что добровольные псковитяне всегда присягали великимъ князьямъ въ вѣрности: клялися непреложно имѣть ихъ своими государями, не соединяться съ Литвою и съ нѣмцами; а въ случаѣ измѣны подвергали себя гнѣву Божію, гладу, огню, потопу и нашествію иноплеменниковъ. Но сей крестный обѣтъ былъ взаимнымъ: великіе князья присягали не лишать насъ древней свободы; клятва та же, та же и казнь преступнику. Нынѣ воленъ Богъ и государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, въ насъ и въ нашемъ колоколѣ! По крайней мѣрѣ, мы не хотимъ измѣнять крестному цѣлованію, не хотимъ поднять руки на великаго князя. Если угодно ему помолиться Живоначальной Троицѣ и видѣть свою отчину, да ѣдетъ во Псковъ: мы будемъ ему рады, благодаря его, что онъ не погубилъ насъ до конца!“ — Генваря 13 граждане сняли вѣчевой колоколъ у Святой Троицы и, смотря на него, долго плакали о своей старинѣ и волѣ.

Долматовъ въ ту же ночь поѣхалъ къ государю съ симъ древнимъ колоколомъ и съ донесеніемъ, что псковитяне уже не имѣютъ вѣча. То же объявили ему и послы ихъ. Онъ немедленно отправилъ къ нимъ бояръ съ воинскою дружиною, обязать присягою граждан и сельскихъ жителей; велѣлъ очистить для себя дворъ намѣстниковъ, а для вельможъ своихъ, дьяковъ и многочисленныхъ тѣлохранителей, такъ называемый городъ Средній, откуда надлежало перевести всѣхъ жителей въ Большой городъ, и 20 генваря выѣхалъ туда самъ съ братомъ, зятемъ царемъ

Летифомъ, епископомъ коломенскимъ, княземъ Даніиломъ Щеню, бояриномъ Давыдовымъ и Михайломъ Глинскимъ. Псковитяне шли къ нему навстрѣчу: имъ приказано было остановиться въ двухъ верстахъ отъ города. Увидѣвъ государя, они пали ницъ. Великій князь спросилъ у нихъ о здравіи. „Лишь бы ты, государь, здравствовалъ!“ отвѣствовали старѣйшины. Народъ безмолвствовалъ. Епископъ коломенскій опередилъ великаго князя, чтобы вмѣстѣ съ духовенствомъ псковскимъ встрѣтить его предъ стѣною Довмонтовою. Василій сошелъ съ коня и за крестами вступилъ въ церковь Св. Троицы, гдѣ епископъ, отпѣвъ молебенъ, возгласилъ ему многолѣтіе и, благословляя великаго князя, громко произнесъ: „Слава Всевышнему, Который далъ тебѣ Псковъ безъ войны!“ Тутъ граждане, бывшіе въ церкви, горько заплакали и сказали: „Государь! мы не чужіе; мы искони служили твоимъ предкамъ“. Въ сей день, генваря 24, Василій обѣдалъ съ епископомъ коломенскимъ, съ архимандритомъ смоленскимъ Варлаамомъ, съ боярами и воеводами; а въ воскресенье, генваря 27, приказалъ собраться псковитянамъ на дворѣ своемъ. Къ нимъ вышелъ окольничій князь Петръ Шуйскій; держа въ рукѣ списокъ, онъ перекликалъ всѣхъ чиновниковъ, бояръ, старостъ, купцовъ, людей житыхъ и велѣлъ имъ идти въ большую судебную избу, куда государь, сидя съ думными вельможами въ передней избѣ, прислалъ князя Александра Ростовскаго, конюшаго Челяднина, Шуйскаго, казначея Дмитрія Владиміровича, дьяковъ Долматова, Мисюря и другихъ. Они говорили такъ: „Знатные псковитяне! великій князь, Божіею милостію царь и государь всея Русіи, объявляетъ вамъ свое жалованье; не хочетъ вступаться въ вашу собственность: пользуйтесь ею нынѣ и всегда. Но здѣсь не можете остаться: ибо вы утѣсняли народъ и многіе, обиженные вами, требовали государева правосудія. Возьмите женъ и дѣтей; идите въ землю Московскую и тамъ благоденствуйте милостію великаго князя“. Ихъ всѣхъ, изумленныхъ горестію, отдали на руки дѣтямъ боярскимъ; и въ ту же ночь увезли въ Москву 300 семействъ, въ числѣ коихъ находились и жены бывшихъ подъ стражею въ Новгородѣ псковитянъ. Они могли взять съ собою только малую часть своего достоянія, но жалѣли единственно отчизны. — Другихъ среднихъ и младшихъ гражданъ отпустили въ домы съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ развода; но ужасъ господствовалъ и плачъ не умолкалъ во Псковѣ. Многіе, не вѣря обѣщанію и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родинѣ.

Государь велѣлъ быть намѣстниками во Псковѣ боярину Григорію Ѳедоровичу Давыдову и конюшему Челяднину, а дьяку Мисюрю вѣдать дѣла приказныя, Андрею Волосатому ямскія;

опредѣлилъ воеводъ, тіуновъ и старостъ въ пригороды; уставилъ новый чеканъ для монеты и торговую пошлину, дотолѣ неизвѣстную въ землѣ Псковской, гдѣ купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздалъ деревни сосланныхъ псковитянъ московскимъ боярамъ; вывелъ всѣхъ гражданъ изъ Застѣнья или Средняго города, гдѣ находилось 1,500 дворовъ: указалъ тамъ жить однимъ государевымъ чиновникамъ, боярскимъ дѣтямъ и москвитянамъ, а купеческія лавки перенести изъ Довмонтовой стѣны въ Большой городъ; выбралъ мѣсто для своего дворца и заложилъ церковь Святой Ксеніи, ибо въ день ея памяти уничтожилась вольность Пскова; наконецъ, все устроивъ въ теченіе мѣсяца, оставивъ намѣстникамъ тысячу боярскихъ дѣтей и 500 новгородскихъ пищальниковъ, съ торжествомъ поѣхалъ въ Москву, куда отправили за нимъ и вѣчевой колоколъ. Въ замѣну убылыхъ гражданъ, триста семействъ купеческихъ изъ десяти низовыхъ городовъ были переселены во Псковъ.

„Такъ, — говоритъ лѣтописецъ Ольгиной родины, — исчезла слава Пскова, плѣненнаго не иновѣрными, но своими братьями-христіанами. О градъ, некогда великій! ты сѣтуешь въ опустѣніи. Прилетѣлъ на тебя орелъ многокрыльный съ когтями львиными, вырвалъ изъ нѣдръ твоихъ три кедра ливанскіе; похитилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ торжища или заметалъ дрязгомъ, увлекалъ нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, гдѣ не бывали ни отцы ихъ, ни дѣды, прадѣды!“

Болѣе шести вѣковъ Псковъ, основанный славянами-кривичами, имѣлъ свои гражданскіе уставы, любилъ оные, не зналъ и не хотѣлъ знать лучшихъ; былъ вторымъ Новымгородомъ, называясь его меньшимъ братомъ, ибо вначалѣ составлялъ съ нимъ одну державу и до конца одну епархію; подобно ему бѣдный въ дарахъ природы, дѣятельною торговлею снискалъ богатство, а долговременною связію съ нѣмцами художества и вѣжливость; уступая ему въ древней славѣ побѣдъ и завоеваній отдаленныхъ, долѣе его хранилъ духъ воинскій, питаемый частыми бранями съ Ливонскимъ Орденомъ. Какъ въ семействахъ, такъ и въ гражданскихъ обществахъ видимъ иногда наслѣдственныя добродѣтели: Псковъ отличался благоразуміемъ, справедливостію, вѣрностію; не измѣнялъ Россіи, угадывалъ судьбу ея, держался великихъ князей, желалъ отвратить гибель новогородской вольности, тѣсно связанной съ его собственною; прощалъ сему завистливому народу обиды и досады; будучи остороженъ, являлъ и смѣлую отважность великодушія, напримѣръ въ защитѣ Александра Тверскаго, гонимаго ханомъ и государемъ московскимъ, сдѣлался жертвою непремѣннаго рока, уступилъ необходимости, но съ какимъ-

то благороднымъ смиреніемъ, достойнымъ людей свободныхъ, и не оказавъ ни дерзости, ни робости своихъ новгородскихъ братьевъ.—Сіи двѣ народныя державы сходствовали во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ и законахъ; но псковитяне имѣли особенную степень гражданскую, такъ называемыхъ дѣтей посадничьихъ, ставя ихъ выше купцовъ и житейскихъ людей: слѣдственно изъявляя еще болѣе уваженія къ сану посадниковъ, давъ ихъ роду наслѣдственную знатность.

Великій князь хотѣлъ сдѣлать удовольствіе псковитянамъ и выбралъ изъ нихъ 12 старостъ, чтобы они вмѣстѣ съ московскими намѣстниками и тіунами судили въ ихъ бывшихъ двѣнадцати пригородахъ по изданной имъ тогда Уставной грамотѣ. Но сіи старосты не могли обуздывать хищности сановниковъ великокняжескихъ, которые именемъ новыхъ законовъ отягчали налогами гражданъ и земледѣльцевъ, не внимали справедливымъ жалобамъ и казнили за оныя, такъ что несчастные жители толпами бѣжали въ чужія земли, оставляя женъ и дѣтей. Пригороды опустѣли. Иностранцы, купцы, ремесленники, имѣвшіе домы во Псковѣ, не хотѣли быть ни жертвою, ни свидѣтелями насилія и всѣ выѣхали оттуда.—„Мы одни остались, —прибавляетъ лѣтописецъ: — смотрѣли на небо: нельзя было летѣть вверхъ безъ крыльевъ“. Узнавъ о корыстолюбіи намѣстниковъ, государь смѣнилъ ихъ и прислалъ достойнѣйшихъ, князей Петра Шуйскаго и Симеона Курбскаго, мужей правосудныхъ, человѣколюбивыхъ: они успокоили гражданъ и народъ; бѣглецы возвратились. Псковитяне не преставали жалѣть о своихъ древнихъ уставахъ, но престали жаловаться. Съ сего времени они, какъ и всѣ другіе россіяне, должны были посылать войско на службу государеву.

Такъ Василій употребилъ первые четыре года своего правленія, страхомъ оружія, безъ побѣдъ, но не безъ славы умиривъ Россію, доказавъ наслѣдственное могущество ея государей для непріятеля внѣшняго и непремѣнную волю ихъ быть внутри самодержавными.

ГЛАВА II.

Продолженіе государствованія Василіева.

г. 1510—1521.

Взаимныя досады Василіевы и Сигизмундовы.—Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву.—Пріѣздъ царицы Нурсалтанъ въ Москву.—Раскаяніе Магметъ-Аминя.—Разрывъ съ Менгли-Гиреемъ.—Набѣги крымцевъ.—Война съ Литвою.—Союзъ съ императоромъ Максимиліаномъ.—Мирный договоръ съ Ганзою.—Посольство турецкое.—Взятіе Смоленска.—Измѣна Глинскаго.— Битва Оршинская.—Измѣна епископа смоленскаго.—Приступъ Острожскаго къ Смоленску.—Набѣгъ крымцевъ.—Вторичное посольство къ султану.— Смерть Менгли-Гирея.—Посольство отъ новаго хана Магметъ-Гирея и наше къ нему.—Болѣзнь и посольство царя казанскаго.—Впаденіе крымцевъ.—Союзъ съ королемъ датскимъ и съ Нѣмецкимъ Орденомъ.—Посольство императора Максимиліана.—Послы литовскіе.—Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ.—Переговоры о мирѣ.—Посольство къ Максимиліану.—Новые послы отъ императора.—Смерть Летифа.—Возобновленіе союза съ Крымомъ.—Смерть Магметъ-Аминя.—Шигъ-Алей царемъ въ Казани.—Крымцы опустошаютъ Литву.—Посольство къ султану.—Сношенія съ магистромъ и съ папою.—Магистръ въ войнѣ съ Польшею.—Походъ воеводъ на Литву.—Слабость Нѣмецкаго Ордена.—Посольство къ султану.—Бунтъ въ Казани.—Нападеніе Магметъ-Гирея на Россію.—Хабаръ Симскій.—Судъ воеводъ.—Станъ подъ Коломною.—Посолъ Солимановъ.—Посольство литовское и перемиріе.—Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи.—Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ.

Недолго Россія и Литва могли наслаждаться миромъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи онаго возобновились взаимныя досады, упреки; обвиняли другъ друга въ неисполненіи договора, подозрѣвали въ непріятельскихъ замыслахъ; между тѣмъ хотѣли удалить войну. Сигизмундъ жаловался, что мы освободили не всѣхъ плѣнниковъ и что намѣстники московскіе не даютъ управы его подданнымъ, у коихъ россіяне, вопреки миру, отнимаютъ земли. Василій доказывалъ, что и наши плѣнники не всѣ возвратились изъ Литвы; что король, отпустивъ московскихъ купцовъ, удержалъ ихъ товары, что сами литовцы дѣлаютъ несносныя обиды россіянамъ. Нѣсколько разъ предлагали съ обѣихъ сторонъ выслать общихъ судей на границу; соглашались, назначали время, но тѣ или другіе не являлись къ сроку. Безпрепятственно отпустивъ Глинскихъ, Сигизмундъ раскаялся, заключилъ ихъ друзей въ темницу и вздумалъ требовать, чтобы великій князь выдалъ ему самого Михаила съ братьями. Государь отвѣтствовалъ, что Глинскіе перешли въ его службу, когда Россія воевала съ Литвою, и что онъ никому не выдастъ своихъ подданныхъ. Сношенія продолжались около трехъ лѣтъ: гонцы и послы ѣздили съ изъявленіемъ неудовольствій, однакожъ безъ угрозъ, до самаго

того времени, какъ вдовствующая королева Елена увѣдомила брата, что Сигизмундъ, вмѣсто благодарности за ея ревность къ пользамъ государства его, оказываетъ ей нелюбовь и даже презрѣніе: что литовскіе паны дерзаютъ быть наглыми съ нею; что она думала ѣхать изъ Вильны въ свою мѣстность, въ Бряславль, но воеводы Николай Радзивилъ и Григорій Остиковъ схватили ее въ часъ обѣдни, сказавъ: ты хочешь бѣжать въ Москву, вывели за рукава изъ церкви, посадили въ сани, отвезли въ Троки и держатъ въ неволѣ, удаливъ всѣхъ ея слугъ. Встревоженный симъ извѣстіемъ, Василій спрашивалъ у короля, чѣмъ Елена заслужила такое поруганіе? и требовалъ, чтобы ей возвратили свободу, казну, людей со всѣми знаками должнаго уваженія. Не знаемъ отвѣта. Другое происшествіе сего времени умножило досады великаго князя на Сигизмунда.

Меньшій сынъ Іоанновъ, Симеонъ Калужскій, отличаясь пылкимъ нравомъ и легкомысліемъ, съ неудовольствіемъ видѣлъ себя подданнымъ старшаго брата, жаловался на его самовластіе, на стѣсненіе древняго права князей удѣльныхъ и, внимая совѣтамъ нѣкоторыхъ мятежныхъ бояръ своихъ, вздумалъ искать Сигизмундова покровительства, измѣнить Россіи, бѣжать въ Литву. Государь узналъ о томъ, призвалъ и хотѣлъ заключить Симеона. Раскаяніе юнаго князя, моленіе братьевъ, митрополита и всѣхъ епископовъ смягчили гнѣвъ Василія: онъ далъ Симеону другихъ, надежныхъ бояръ и велѣлъ ему быть впредь благоразумнѣе: но съ горестію видѣлъ, что Сигизмундъ можетъ имѣть тайныхъ друзей въ самомъ семействѣ великокняжескомъ. Сіе расположеніе неблагопріятствовало миру: успѣхъ литовскихъ козней въ Тавридѣ довершилъ необходимость войны.

Въ 1510 году жена Менгли-Гиреева, Нурсалтанъ, пріѣхала въ Москву съ царевичемъ Саипомъ и съ тремя послами, которые увѣряли Василія въ истинной къ нему дружбѣ хана. Цѣлію сего путешествія было свиданіе съ ея сыновьями Летифомъ и Магметъ-Аминемъ. Великій князь угощалъ ее, какъ свою знаменитую пріятельницу, и чрезъ мѣсяцъ отпустилъ въ Казань, гдѣ она жила около года, стараясь утвердить сына въ искреннемъ къ намъ доброжелательствѣ, такъ что Магметъ-Аминь новыми грамотами обязался быть совершенно преданнымъ Россіи и, еще недовольный клятвенными обѣтами вѣрности, желалъ во всемъ открыться государю, для чего былъ посланъ къ нему бояринъ Иванъ Андреечичъ Челяднинъ, коему онъ чистосердечно исповѣдалъ тайну прежней измѣны казанской, обстоятельства и вину ея, не пожалѣвъ и своей жены-прелестницы. Однимъ словомъ, великій князь не могъ сомнѣваться въ его искренности. Царица Нурсалтанъ, по возвращеніи изъ Казани, жила опять мѣсяцевъ шесть

въ Москвѣ, ласкаемая, честимая при Дворѣ, и вмѣстѣ съ нашимъ посломъ, окольничимъ Тучковымъ, отправилась въ Тавриду, исполненная благодарности къ Василію, который имѣлъ всѣ причины вѣрить дружбѣ Менгли-Гиреевой, но обманулся.

Сей ханъ престарѣлый, ослабѣвъ духомъ, уже зависѣлъ отъ своихъ легкомысленныхъ сыновей, которые хотѣли иной системы въ политикѣ, или, лучше сказать, никакой не имѣли, слѣдуя единственно приманкамъ грабежа и корыстолюбія. Вельможи льстили царевичамъ, и ждали смерти царя и хватали какъ можно болѣе золота. Такими обстоятельствами воспользовался Сигизмундъ и сдѣлалъ, чего ни Казимиръ, ни Александръ никогда не могли сдѣлать: лишилъ насъ важнаго, долголѣтняго Менгли-Гиреева союза, вопреки умной женѣ ханской, ревностной въ пріязни къ великому князю. Литва обязалась давать ежегодно Менгли-Гирею 15.000 червонцевъ, съ условіемъ, чтобы онъ, измѣнивъ своимъ клятвамъ, безъ всякаго неудовольствія на Россію, объявилъ ей войну, то-есть жегъ и грабилъ въ ея предѣлахъ. Сей тайный договоръ исполнился немедленно: въ маѣ 1512 года сыновья хановы Ахматъ и Бурнашъ-Гиреи со многолюдными шайками ворвались въ области Бѣлевскія, Одоевскія: злодѣйствовали какъ разбойники и бѣжали, узнавъ, что князь Даніилъ Щеня спѣшитъ ихъ встрѣтить въ полѣ. Хотя государь совсѣмъ не ожидалъ впаденія крымцевъ, однакожъ не имѣлъ нужды въ долгихъ приготовленіяхъ: со временъ его отца Россія уже никогда не была безоружною; никогда всѣ полки не распускались, смѣняясь только одни другими въ дѣйствительной службѣ. За Даніиломъ Щенею выступили и многіе иные воеводы къ границамъ. Ахматъ-Гирей думалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ опустошить Рязанскую землю; но князь Александръ Ростовскій стоялъ на берегахъ Осетра, князь Булгакъ и конюшій Челяднинъ на Упѣ; Ахматъ удалился. Болѣе смѣлости оказалъ сынъ ханскій Бурнашъ-Гирей: онъ приступилъ къ самой Рязанской столицѣ и взялъ нѣкоторыя внѣшнія укрѣпленія: города не взялъ. Воеводы московскіе гнали крымцевъ степями до Тихой Сосны.

Великій князь зналъ истиннаго виновника сей войны и, желая усовѣстить Менгли-Гирея, представлялъ ему, что старая дружба, утвержденная священными клятвами и взаимною государственною пользою, лучше новой, основанной на подкупѣ, требующей вѣроломства и весьма ненадежной; что мы помнимъ услуги, а литовцы помнятъ долговременную вражду сего хана; что первое, возбуждая признательность, укрѣпляетъ связь дружества, а второе готовитъ месть, которая если не нынѣ, то завтра обнаружится. Менгли-Гирей, извиняя себя, отвѣчалъ, что царевичи безъ повелѣнія и вѣдома воевали Россію. Сіе могло быть справедливо: тѣмъ не

менѣе постоянный, счастливый для насъ союзъ, дѣло Іоанновой мудрости, рушился навѣки и Крымъ, способствовавъ возрожденію нашего величія, обратился для Россіи въ скопище губителей.

Скоро свѣдалъ Василій, что король готовитъ полки и неотступно убѣждаетъ Менгли-Гирея дѣйствовать противъ насъ всѣми силами, желая вмѣстѣ съ нимъ начать войну лѣтомъ. Въ думѣ великокняжеской рѣшено было предупредить сей замыселъ: государь послалъ къ Сигизмунду складную грамоту, написалъ въ ней имя королевское безъ всякаго титула, исчислилъ всѣ знаки его непримиримой вражды, оскорбленіе королевы Елены, нарушеніе договора, стараніе возбудить Менгли-Гирея ко впаденію въ Россію и заключилъ сими словами: „взявъ себѣ Господа въ помощь, иду на тебя и хочу стоять, какъ будетъ угодно Богу; а крестное цѣлованіе слагаю“. Тогда находились въ Москвѣ послы ливонскіе, которые, бывъ свидѣтелями нашего вооруженія, извѣстили своего магистра Плеттенберга, что никогда Россія не имѣла многочисленнѣйшаго войска и сильнѣйшаго огнестрѣльнаго снаряда; что великій князь, пылая гнѣвомъ на короля, сказалъ: „доколѣ конь мой будетъ ходить и мечъ рубить, не дамъ покоя Литвѣ“. Самъ Василій предводительствовалъ ратію и выѣхалъ изъ столицы 19 декабря съ братьями Юріемъ и Димитріемъ, съ зятемъ царевичемъ Петромъ и съ Михаиломъ Глинскимъ. Главными воеводами были князья Даніилъ Щеня и Рѣпня. Приступили къ Смоленску. Тутъ гонецъ королевскій подалъ Василію письмо отъ Сигизмунда, который требовалъ, чтобы онъ немедленно прекратилъ воинскія дѣйствія и вышелъ изъ Литвы, если не хочетъ испытать его мести. Великій князь не отвѣтствовалъ, а гонца задержали. Назначили быть приступу ночью отъ рѣки Днѣпра. Для ободренія людей выкатили нѣсколько бочекъ крѣпкаго меду: пилъ, кто и сколько хотѣлъ. Сіе средство оказалось весьма неудачнымъ. Шумъ и крикъ пьяныхъ возвѣстилъ городу нѣчто чрезвычайное: тамъ удвоили осторожность. Они бросились смѣло на укрѣпленія; но хмель не устоялъ противъ ужасовъ смерти. Встрѣченные ядрами и мечами, россіяне бѣжали, и великій князь чрезъ два мѣсяца возвратился въ Москву, не взявъ Смоленска, разоривъ только села и плѣнивъ ихъ жителей.

Въ сіе время скончалась въ Вильнѣ вдовствующая королева Елена, умная и добродѣтельная, бывъ жертвою горести, а не яда, какъ подозрѣвали въ Москвѣ отъ ненависти къ литовцамъ: ибо Сигизмундъ имѣлъ въ ней важный залогъ для благопріятнаго съ нами мира, коего онъ желалъ, или еще неготовый къ войнѣ, или не довѣряя союзу Менгли-Гирея и не имѣя надежды одинъ управиться съ Россіею. Онъ тогда же просилъ опасныхъ грамотъ въ Москвѣ для его пословъ. Вельможи литовскіе писали

къ нашимъ боярамъ, чтобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе. Письмо отъ гонца взяли въ набережной палатѣ, дали ему опасную грамоту и бояре отвѣтствовали панамъ, что великій князь сдѣлалъ то единственно изъ уваженія къ ихъ предстательству. Срокъ, назначенный въ грамотѣ, минулъ: Сигизмундъ извѣстилъ Василія, что виною сего замедленія были послы римскіе, которые ѣдутъ въ Москву отъ папы, и что вмѣстѣ съ ними будутъ и литовскіе. Онъ просилъ новаго опаса и получилъ его.

Однакожъ, не теряя времени, государь вторично выступилъ изъ Москвы съ полками, отправивъ напередъ къ Смоленску знатную часть рати съ бояриномъ княземъ Рѣпнею и съ окольничимъ Сабуровымъ. Намѣстникъ смоленскій, панъ Юрій Сологубъ, имѣя не мало войска, встрѣтилъ ихъ въ полѣ: битва рѣшилась въ нашу пользу; онъ заключился въ городѣ. Привели многихъ плѣнниковъ къ Василію въ Боровскъ и воеводы обложили Смоленскъ. Государь прибылъ къ нимъ въ станъ 25 сентября. Началась осада; но худое искусство въ дѣйствіи огнестрѣльнаго снаряда и положеніе города, укрѣпленнаго высокими стѣнами, а еще болѣе стремнинами, холмами, дѣлали ее безуспѣшною. Что мы днемъ разрушали, то литовцы ночью воздвигали снова. Тщетно великій князь писалъ къ осажденнымъ, или милостиво, или съ угрозами, требуя, чтобы они сдалися. Миновало шесть недѣль. Войско наше усилилось приходомъ новогородскаго и псковскаго. Можно было упорствомъ и терпѣніемъ изнурить гражданъ; но глубокая осень, дожди, грязь принудили великаго князя отступить. Россіяне хвалились единственно опустошеніемъ земли непріятельской вокругъ Смоленска и Полоцка, куда ходилъ изъ Великихъ Лукъ князь Василій Шуйскій, также со многочисленными полками.

Дѣйствуя мечомъ, государь дѣйствовалъ и политикою. Еще въ 1508 году — свѣдавъ отъ Михаила Глинскаго, что венгерскій король Владиславъ боленъ и что Максимиліанъ опять замышляетъ овладѣть сею державою — великій князь писалъ къ императору о войнѣ Россіи съ Литвою, напоминалъ ему союзъ его съ Іоанномъ и предлагалъ возобновить оный. Михаилъ взялся тайно переслать Василіеву грамоту въ Вѣну. Дѣла Италіи и другія обстоятельства были виною того, что Максимиліанъ долго не отвѣтствовалъ. Наконецъ въ февралѣ 1514 года пріѣхалъ въ Москву императорскій посолъ, совѣтникъ Георгій Шниценъ-Памеръ, который именемъ государя своего заключилъ договоръ съ Россіею, чтобы общими силами и въ одно время наступить на Сигизмунда: Василію отнять у него Кіевъ и всѣ наши древніе города, а Максимиліану Прусскія области, захваченныя королемъ. Обязались ни въ случаѣ успѣха, ни въ противномъ, какъ въ государствованіе

Сигизмунда, такъ и послѣ, не разрывать сего союза, вѣчнаго, непремѣннаго; условились также въ свободѣ и безопасности для путешественниковъ, пословъ и купцовъ въ обѣихъ земляхъ. Максимиліанъ и Василій именуютъ другъ друга братьями, великими государями и царями. Русскую договорную грамоту перевели въ Москвѣ на языкъ нѣмецкій и вмѣсто слова царь поставили Kayser. Въ мартѣ Шниценъ-Памеръ отправился назадъ въ Германію съ великокняжескимъ чиновникомъ грекомъ Дмитріемъ Ласкиревымъ и съ дьякомъ Елеазаромъ Суковымъ, предъ коими Максимиліанъ 4 августа утвердилъ договоръ клятвою, собственноручною подписью и золотою печатію. Нѣмецкій подлинникъ сей любопытной грамоты, уцѣлѣвъ въ нашемъ архивѣ, служилъ Петру Великому законнымъ свидѣтельствомъ, что самые предки его назывались императорами, и что австрійскій дворъ призналъ ихъ въ семъ достоинствѣ.—Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ новые послы Максимиліановы, докторъ Яковъ Ослеръ и Морицъ Бургштеллеръ, вручили великому князю хартію союза, были приняты съ отмѣнною ласкою и не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ городахъ пышно угощаемы намѣстниками: ихъ звали на обѣды, дѣти боярскіе встрѣчали у лѣстницы, знатные сановники на нижнемъ крыльцѣ, намѣстники у дверей въ сѣняхъ; сажали въ первое мѣсто; хозяинъ, вставъ, подавалъ имъ двѣ чаши, пить здоровье государей-братьевъ, соблюдая однакожъ, чтобы гости начинали съ россійскаго. Однимъ словомъ, никакимъ инымъ посламъ не оказывалось болѣе чести, и безполезнѣе: ибо Максимиліанъ, опутанный дѣлами южной и западной Европы, скоро перемѣнилъ систему: выдалъ свою внуку Марію, дочь Филиппа Кастильскаго, за племянника Сигизмундова, наслѣдника Владиславова, а юнаго Фердинанда, Филиппова сына, женилъ на дочери короля венгерскаго и только именемъ остался союзникъ Россіи.

Въ сіе время новогородскіе намѣстники, князь Василій Шуйскій и Морозовъ, заключили также достопамятное мирное условіе съ семидесятью городами нѣмецкими, или съ Ганзою, на десять лѣтъ. Чтобы возобновить свою древнюю торговлю въ Новѣгородѣ, она рѣшилась забыть претерпѣнное купцами ея въ Россіи бѣдствіе; обязалась не имѣть дружбы съ Сигизмундомъ, ни съ его друзьями и во всемъ доброхотствовать Василію, который велѣлъ отдать нѣмцамъ дворы, мѣста и церковь ихъ въ Новѣгородѣ; позволилъ имъ торговать солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, медомъ, сельдями и всякими ремесленными произведеніями, обнадеживъ, что въ случаѣ войны съ Ливоніею или съ Швеціею ганзейскіе купцы могутъ быть у насъ совершенно покойны. Уставили, чтобы россіянъ судить въ Германіи, какъ нѣмцевъ, а нѣмцевъ въ Новѣгородѣ какъ россіянъ по од-

нимъ законамъ; не наказывать первыхъ безъ вѣдома намѣстниковъ великокняжескихъ, а вторыхъ безъ вѣдома Ганзы; никого не лишать вольности безъ суда; разбойника, злодѣя казнить смертію, только не мстить его невиннымъ единоземцамъ. Великій князь желалъ, исправляя ошибку Іоаннову, возстановить сію важную для насъ торговлю; но двадцати-лѣтній разрывъ и перемѣна въ политическомъ состояніи Новагорода ослабили ея дѣятельность, уменьшили богатство и пользу обоюдную. Рижскій бургомистръ Нейштетъ, около 1570 года будучи въ Новѣгородѣ, видѣлъ тамъ развалины древней каменной нѣмецкой божницы св. Петра и маленькій деревянный домикъ съ подваломъ, гдѣ еще складывались нѣкоторые товары ганзейскіе.

Уже Іоаннъ, какъ мы видѣли, искалъ пріязни Баязета, но единственно для безопасности нашихъ купцовъ въ Азовѣ и Кафѣ, еще не думая, чтобы Россія могла имѣть выгоды отъ союза съ Константинополемъ въ дѣлахъ внѣшней политики: Василій хотѣлъ въ семъ отношеніи узнать мысли султана и, свѣдавъ, что несчастный Баязетъ сверженъ честолюбивымъ, жестокимъ сыномъ, отправилъ къ Селиму дворянина Алексѣева съ ласковымъ поздравленіемъ. „Отцы наши,—писалъ государь,—жили въ братской любви: да будетъ она и между сыновьями“. Послу, какъ обыкновенно, велѣно было не унижать себя, не кланяться султану до земли; сложить только передъ нимъ руки; вручить ему дары, письмо, но не спрашивать объ его здравіи, если Селимъ не спроситъ о Василіевомъ. Алексѣевъ, принятый въ Константинополѣ весьма благосклонно, выѣхалъ оттуда съ посломъ султановымъ, княземъ Мангупскимъ, Ѳеодоритомъ Камаломъ, знакомцемъ нашего именитаго чиновника Траханіота и, какъ вѣроятно, грекомъ. Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ августа до мая); терпѣли недостатокъ, голодъ въ степяхъ Воронежскихъ; лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди, высланные къ нимъ отъ великаго князя. Сей первый турецкій посолъ въ Москвѣ возбудилъ любопытство ея жителей, которые съ удовольствіемъ видѣли, что грозные завоеватели Византіи ищутъ нашей дружбы. Его встрѣтили пышно: великій князь сидѣлъ въ Малой Набережной Палатѣ; вокругъ бояре въ саженныхъ шубахъ; у дверей стояли княжата и дѣти боярскіе въ саженныхъ терликахъ. Представленный государю княземъ Шуйскимъ, посолъ отдалъ ему султанскую грамоту, писанную на языкѣ арабскомъ, а другую—на сербскомъ; цѣловалъ у Василія руку; объявилъ желаніе Селимово быть съ нимъ въ вѣчной любви, имѣть однихъ друзей и непріятелей; обѣдалъ во дворцѣ, въ Средней Златой Палатѣ. Великій князь желалъ заключить съ Селимомъ

договоръ письменный; но Камалъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то приказанія. „По крайней мѣрѣ,—говорили бояре,—государь долженъ знать, кто друзья и непріятели султану, чтобы, согласно съ его предложеніемъ, быть имъ также другомъ и непріятелемъ". Посолъ не смѣлъ входить въ объясненія столь важныя.—Селимъ убѣждалъ великаго князя изъ дружбы къ нему отпустить Летифа въ Тавриду, но получилъ отказъ.

Во время переговоровъ съ симъ чиновникомъ султанскимъ наше войско выступало изъ Москвы. Великій князь пылалъ ревностію загладить неудачу двухъ походовъ къ Смоленску, думая менѣе о собственной ратной славѣ, чѣмъ о вредѣ государственномъ, который могъ быть ихъ слѣдствіемъ: литовцы уже перестали бояться нашихъ многочисленныхъ ополченій и думали, что завоеванія россіянъ были единственно счастіемъ Іоанновымъ; надлежало увѣрить и непріятелей, и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, страхомъ уменьшить силу первыхъ, бодростію увеличить нашу. Поощряя Василія къ неутомимости въ войнѣ, Михаилъ Глинскій ручался за успѣхъ новаго приступа къ Смоленску съ условіемъ, какъ пишутъ, чтобы великій князь отдалъ ему сей городъ въ удѣлъ наслѣдственный. По крайней мѣрѣ, Глинскій оказалъ тогда государю важную услугу, нанявъ въ Богеміи и въ Германіи многихъ людей, искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, которые пріѣхали въ Москву черезъ Ливонію.

Самъ предводительствуя войскомъ, великій князь выѣхалъ изъ столицы 8 іюня съ двумя братьями, Юріемъ и Симеономъ; третьему, Димитрію, велѣлъ быть въ Серпуховѣ; четвертаго, Андрея, оставилъ въ Москвѣ съ царевичемъ Петромъ. 220 бояръ и придворныхъ дѣтей боярскихъ находилось въ государевой дружинѣ. Въ Тулѣ, на Угрѣ стояли полки запасные. Государь осадилъ Смоленскъ и 29 іюля начали стрѣлять по городу изъ-за Днѣпра, большими и мелкими ядрами, окованными свинцомъ. Лѣтописецъ хвалитъ искусство главнаго московскаго пушкаря, именемъ Стефана: отъ ужаснаго дѣйствія его орудій колебались стѣны и люди падали толпами; а пушки литовскія, разрываясь, били своихъ. Весь городъ покрылся густыми облаками дыма; многія зданія пылали; жители въ безпамятствѣ вопили и, простирая руки къ осаждающимъ, требовали милосердія. Въ тысячу голосовъ кричали со стѣны: „Государь великій князь! уйми мечъ свой! Мы тебѣ повинуемся". Пальба затихла. Смоленскій епископъ Варсонофій вышелъ на мостъ, объявляя, что воевода Юрій Сологубъ готовъ начать переговоры въ слѣдующій день. Великій князь не далъ ни малѣйшаго срока и приказалъ снова громить крѣпость. Епископъ возвратился со слезами. Вопль народный усилился. Съ одной стороны смерть и пламя, съ дру-

гой —убѣжденія многихъ преданныхъ Россіи людей дѣйствовали такъ сильно, что граждане не хотѣли слышать о дальнѣйшемъ сопротивленіи, виня Сигизмунда въ нерадивости. Воевода Юрій именемъ королевскимъ обѣщалъ имъ скорое вспоможеніе: ему не вѣрили, и духовенство, князья, бояре, мѣщане смоленскіе послали сказать государю, что они не входятъ съ нимъ ни въ какіе договоры, моля его единственно о томъ, чтобы онъ мирно взялъ ихъ подъ россійскую державу и допустилъ видѣть лицо свое. Вдругъ прекратились всѣ дѣйствія непріятельскія. Епископъ, архимандриты, священники съ иконами и съ крестами,—намѣстникъ, вельможи, чиновники смоленскіе явились въ станѣ россійскомъ, проливали слезы, говорили великому князю: „Государь!—довольно текло крови христіанской; земля наша, твоя отчина, пустѣетъ: пріими градъ съ тихостію“. Епископъ благословилъ Василія, который велѣлъ ему, Юрію Сологубу и знатнѣйшимъ людямъ идти въ великокняжескій шатеръ, гдѣ они, давъ клятву въ вѣрности Россіи, обѣдали съ государемъ и должны были остаться до утра; а другихъ отпустили назадъ въ городъ. Стража московская смѣнила королевскую у всѣхъ воротъ крѣпости. Герой Іоанновъ, старецъ князь Даніилъ Щеня, на разсвѣтѣ вступилъ въ оную съ полками конными: переписавъ жителей, обязалъ ихъ присягою служить, доброхотствовать государю россійскому, не думать о королѣ, забыть Литву.

Августа 1 епископъ Варсонофій торжественно святилъ воду на Днѣпрѣ и съ крестами пошелъ въ городъ: за духовенствомъ великій князь, воеводы и все воинство въ стройномъ чинѣ. Бояре смоленскіе, народъ, жены, дѣти встрѣтили Василія въ предмѣстіи съ очами свѣтлыми. Епископъ окропилъ святою водою государя и народъ. Въ храмѣ Богоматери отпѣли молебенъ. Протодіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе побѣдителю. Благословивъ великаго князя животворящимъ крестомъ, епископъ сказалъ ему: „Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь всея Руси, на своей отчинѣ и дѣдинѣ града Смоленска!“ Тутъ братья государевы, бояре, воеводы, чиновники и всѣ жители смоленскіе, поздравивъ его, начали цѣловаться другъ съ другомъ; плакали въ восхищеніи сердецъ, называясь родными, друзьями, единовѣрными. Окруженный воинскими сановниками, Василій сквозь толпы ликующаго народа прибылъ во дворецъ древнихъ князей Мономахова племени и сѣлъ на ихъ тронѣ, среди бояръ и воеводъ; призвалъ знатнѣйшихъ гражданъ, объявилъ имъ милость, далъ грамоту льготную и намѣстника князя Шуйскаго; утвердилъ права собственности, личную безопасность, свободу, уставы Витовтовы, Александровы и Сигизмундовы, всѣхъ угостилъ обѣдомъ; жаловалъ соболями, бархатами, камками,

златыми деньгами. Оставивъ Варсонофія на святительскомъ престолѣ, онъ дозволилъ бывшему градоначальнику Сологубу ѣхать въ Литву, также и всѣмъ королевскимъ воинамъ, выдавъ на каждаго человѣка по рублю; а тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно записались къ намъ въ службу, по два рубля и по сукну лунскому; не отнялъ земель ни у дворянъ, ни у церквей; не вывелъ никого изъ Смоленска, ни пана, ни гражданина; служивымъ людямъ назначилъ жалованье. Счастливый въ душѣ государь изъявлялъ только любовь, снисхожденіе къ новымъ подданнымъ, радуясь, что совершилъ намѣреніе великаго отца своего и къ завоеваніямъ его прибавилъ столь блестящее. Взятіе Смоленска, говоритъ лѣтописецъ, казалось свѣтлымъ праздникомъ для всей Россіи. Отнять чуждое лестно одному славолюбію государя; но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лѣтъ находился Смоленскъ подъ властію Литвы. Уже обычаи измѣнялись; но имя русское еще трогало сердце жителей и любовь къ древнему отечеству, вмѣстѣ съ братскимъ духомъ единовѣрія, облегчили для великаго князя сіе важное завоеваніе, приписанное Сигизмундомъ измѣнѣ, кознямъ Михаила Глинскаго, подкупу, обману. Сологубу отсѣкли въ Литвѣ голову: онъ, конечно, не былъ измѣнникомъ, отвергнувъ всѣ милостивыя предложенія Василіевы, не захотѣвъ ни за какое богатство, ни за какія чины остаться въ Россіи. Въ дѣлахъ государственныхъ несчастіе бываетъ преступленіемъ. Но Михаилъ, дѣйствительно, могъ имѣть тайныя связи въ Смоленскѣ: по крайней мѣрѣ онъ думалъ, что ему, изъ благодарности за его услугу, отдадутъ сей знаменитый городъ во владѣніе. Великій князь не сдѣлалъ того и смѣялся, какъ увѣряютъ, надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую.

Государь немедленно отрядилъ воеводъ московскихъ и смоленскихъ къ Мстиславлю, гдѣ княжилъ тогда одинъ изъ потомковъ Гедиминова сына Евнутія, Михаилъ: не имѣя силъ противиться, онъ выѣхалъ навстрѣчу къ нашему войску, присягнулъ Россіи, былъ у великаго князя и, милостиво имъ одаренный, возвратился въ свою отчину. Граждане Кричева и Дубровны сами собою намъ поддалися. Довольный сими пріобрѣтеніями, Василій не желалъ иныхъ: учредилъ правительство въ Смоленскѣ, оставилъ тамъ часть войска, другую послалъ къ Борисову, къ Минску и самъ возвратился въ Дорогобужъ. Михаилъ Глинскій стоялъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ близъ Орши. Никто не зналъ объ его злыхъ умыслахъ. Потерявъ надежду видѣть себя владѣтельнымъ княземъ Смоленскимъ, досадуя на Василія и жалѣя о Литвѣ, онъ тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъявлялъ раскаяніе,

обѣщалъ загладить прошедшее. Личная, справедливая ненависть къ измѣннику уступила явной пользѣ государственной: король увѣрилъ Глинскаго въ милости. Утвердили договоръ клятвами; согласились, чтобы войско литовское шло, какъ можно скорѣе, къ Днѣпру: ибо Михаилъ отвѣтствовалъ королю за побѣду. Уже сіе войско находилось близъ Орши: Глинскій, узнавъ о томъ, ночью сѣлъ на коня и бѣжалъ изъ россійскаго стана, но отъѣхалъ недалеко. Одинъ изъ его слугъ извѣстилъ воеводу нашего князя Булгакова-Голицу о бѣгствѣ измѣнника: воевода въ ту же минуту съ легкою дружиною поскакалъ за нимъ въ обгонъ, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій ѣхалъ впереди, за нимъ, въ верстѣ, толпа вооруженныхъ слугъ; ихъ и господина схватили и представили въ Дорогобужѣ великому князю. Глинскій не могъ запираться: у него вынули изъ кармана Сигизмундовы письма. Готовясь къ смерти, онъ говорилъ смѣло о своихъ услугахъ и неблагодарности Василіевой. Государь приказалъ отвезти его скованнаго въ Москву, а воеводамъ нашимъ князю Булгакову, боярину Челяднину и многимъ другимъ идти навстрѣчу къ непріятельской рати. Константинъ Острожскій предводительствовалъ ею. Пишутъ, что нашихъ было 80,000, литовцевъ же только 35,000. Сошлися на берегахъ Днѣпра и нѣсколько дней стояли тихо, россіяне—на лѣвомъ, литовцы—на правомъ. Чтобы усыпить московскихъ воеводъ, Константинъ предлагалъ имъ разойтися безъ битвы, и тайно наводилъ мостъ въ пятнадцати верстахъ отъ ихъ стана. Узнавъ, что половина непріятелей уже на сей сторонѣ рѣки, гордый бояринъ Челяднинъ сказалъ: „мнѣ мало половины; жду ихъ всѣхъ, и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними“. Конница, пѣхота литовская перешли, устроились, заняли выгодное мѣсто; началась кровопролитная битва. Увѣряютъ, что главные воеводы московскіе, князь Булгаковъ-Голица и бояринъ Челяднинъ, отъ зависти не хотѣли помогать другъ другу; что движенія нашего войска не имѣли связи, ни общей цѣли; что въ самомъ пылу сраженія Челяднинъ выдалъ Булгакова и бѣжалъ. По другимъ извѣстіямъ, князь Константинъ употребилъ хитрость: отступилъ притворно, навелъ россіянъ на пушки и въ то же время зашелъ имъ въ тылъ. Всѣ говорятъ согласно, что литовцы никогда не одерживали такой знаменитой побѣды надъ россіянами: гнали, рѣзали, топили ихъ въ Днѣпрѣ и въ Кропивнѣ; тѣлами усѣяли поля между Оршею и Дубровною; плѣнили Булгакова, Челяднина и шесть иныхъ воеводъ, тридцать семь князей, болѣе 1,500 дворянъ и чиновниковъ, взяли обозъ, знамена, снарядъ огнестрѣльный; однимъ словомъ, въ полной мѣрѣ отмстили намъ за Ведрошскую битву. Мы лишились тридцати тысячъ воиновъ; ночь и лѣса спасли остальныхъ. На другой день Констан-

тинъ торжествовалъ побѣду надъ своими единовѣрными братьями и русскимъ языкомъ славилъ Бога за истребленіе россіянъ, пышно угостилъ знатныхъ плѣнниковъ и немедленно отправилъ къ Сигизмунду, который велѣлъ Челяднина и Булгакова оковать цѣпями: слѣдственно наказалъ ихъ за то, что они услужили ему своимъ неразуміемъ. Сіи злосчастные воеводы долго томились въ неволѣ, презираемые Литвою и какъ бы забвенные отечествомъ.— Сигизмундъ, будучи внѣ себя отъ радости, спѣшилъ извѣстить всю Европу о славѣ литовскаго оружія; дарилъ государей и папу нашими плѣнниками; мыслилъ, что отниметъ у Россіи не только Смоленскъ, но и всѣ ея прежнія завоеванія; что Василій не можетъ собрать новыхъ сильныхъ полковъ, и что ему остается только бѣжать въ глубину московскихъ лѣсовъ. Король ошибся: сія блестящая побѣда не имѣла никакихъ важныхъ слѣдствій.

Съ первою вѣстію о нашемъ несчастіи прискакали въ Смоленскъ нѣкоторые раненые въ битвѣ чиновники великокняжескіе. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Многіе тамошніе бояре думали, подобно Сигизмунду, что Россія уже пала: совѣтовались между собою, съ епископомъ Варсонофіемъ и рѣшились измѣнить государю. Епископъ тайно послалъ къ королю своего племянника съ увѣреніемъ, что если онъ немедленно пришлетъ войско, то Смоленскъ будетъ его. Но другіе вѣрные бояре донесли о семъ умыслѣ намѣстнику князю Василію Шуйскому, который, едва успѣвъ взять измѣнниковъ и самого епископа подъ стражу, увидѣлъ знамена литовскія: самъ Константинъ съ шестью тысячами отборныхъ воиновъ явился предъ городскими стѣнами. Тутъ Шуйскій изумилъ его и жителей зрѣлищемъ ужаснымъ: велѣлъ на стѣнѣ, въ глазахъ Литвы, повѣсить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ святителя, надѣвъ на нихъ собольи шубы, бархаты, камки, а другимъ привязавъ къ шеѣ серебряные ковши или чарки, пожалованныя имъ отъ великаго князя. Константинъ воспылалъ гнѣвомъ: приступилъ къ Смоленску; но измѣнниковъ уже не было: граждане и воины бились мужественно съ Литвою. Константинъ ушелъ, россіяне захватили немало плѣнниковъ и часть обоза. Недостойнаго пастыря Варсонофія отвезли въ Дорогобужъ къ великому князю, который, изъявивъ удовольствіе Шуйскому и давъ всѣ нужныя повелѣнія для безопасности Смоленска, возвратился въ Москву.—Литовцы заняли только Дубровну, Мстиславль и Кричевъ, гдѣ жители снова присягнули Сигизмунду.

Король желалъ отдохновенія и распустилъ войско; но сынъ Менгли-Гиреевъ Магметъ, узнавъ о побѣдѣ его, хотѣлъ воспользоваться ею, чтобы опустошить южныя владѣнія россійскія съ помощію новаго измѣнника нашего воеводы Евстафія Дашковича. Мы упоминали о семъ литовскомъ бѣглецѣ, коего милостиво при-

нялъ Іоаннъ, который, служивъ нѣсколько лѣтъ Василію, ушелъ къ Сигизмунду вслѣдъ за Константиномъ Острожскимъ. Получивъ отъ короля во владѣніе Каневъ и Черкасы, имѣя воинскія достоинства, смѣлость, мужество, Дашковичъ прославился въ исторіи днѣпровскихъ казаковъ, заслуживъ имя ихъ Ромула; образовалъ, устроилъ сіе легкое, дѣятельное, неутомимое ополченіе, коему удивлялась Европа; избралъ вождей, ввелъ строгую подчиненность, далъ каждому воину мечъ и ружье; наблюдалъ всѣ движенія крымцевъ и преграждалъ имъ путь въ Литву. Дашковичъ зналъ Россію и казался для насъ тѣмъ опаснѣе: вмѣстѣ съ кіевскимъ воеводою Андреемъ Немировичемъ онъ присоединился къ толпамъ Магметъ-Гиреевымъ, думая взять Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, гдѣ не было ни князей, ни московской рати: Шемякинъ и князь Василій Стародубскій находились тогда у государя. Непріятели, сверхъ многочисленной конницы, имѣли тяжелый снарядъ огнестрѣльный. Но воеводы сѣверскіе отстояли города: ибо Магметъ-Гирей боялся тратить людей на приступахъ; не слушался литовскихъ предводителей и заключилъ свой походъ бѣгствомъ.

Тѣмъ не менѣе Василій съ огорченіемъ видѣлъ, что измѣна Менгли-Гиреева въ пользу Литвы уменьшаетъ силы Россіи. Онъ искалъ новаго средства обратить хана къ прежней системѣ. Посолъ турецкій еще былъ въ Москвѣ. Государь отпустилъ его въ Константинополь съ своимъ ближнимъ дворяниномъ Василіемъ Коробовымъ, написавъ съ нимъ въ отвѣтной грамотѣ къ султану о вѣроломствѣ Менгли-Гирея и прося, чтобы Селимъ запретилъ хану дружиться съ Литвою. Коробову надлежало стараться о заключеніи рѣшительнаго союза между Россіею и Портою Оттоманскою съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ, особенно противъ Литвы и Тавриды, ежели Менгли-Гирей не отступитъ отъ Сигизмунда.—Но Коробовъ не успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: Селимъ писалъ къ государю, что пришлетъ въ Москву новаго посла, и не сдержалъ слова, будучи занятъ войною персидскою. Уставили единственно правила свободной торговли въ Азовѣ и въ Кафѣ для нашихъ купцовъ.

Въ сіе время не стало Менгли-Гирея. Россія могла бы справедливо оплакивать его кончину, если бы онъ былъ для Василія то же, что для Іоанна. Сей достопамятный въ исторіи ханъ пережилъ самого себя, бывъ въ послѣдніе годы только тѣнію царя, и великій князь могъ ждать болѣе успѣха въ дѣлахъ съ его наслѣдникомъ, старшимъ сыномъ Магметъ-Гиреемъ. Къ несчастію, новый ханъ не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану, любилъ пить до чрезмѣрности, раболѣпствовалъ женамъ, не зналъ добродѣтелей государствен-

ныхъ, зналъ одну прелесть корысти, былъ истиннымъ атаманомъ разбойниковъ. Сначала онъ изъявилъ желаніе пріобрѣсти дружбу Россіи и съ честію отпустилъ великокняжескаго посла Тучкова; но скоро, взявъ дары отъ Сигизмунда, прислалъ въ Москву вельможу своего Дувана съ наглыми и смѣшными требованіями: писалъ, что взятіе Смоленска нарушаетъ договоръ Василіевъ съ Менгли-Гиреемъ, который будто бы пожаловалъ Смоленское княженіе Сигизмунду; что Василій долженъ возвратить оное, также и Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Путивль вмѣстѣ съ другими городами, будто бы данными ханомъ, отцомъ его, Іоанну въ знакъ милости! Магметъ-Гирей требовалъ еще освобожденія всѣхъ крымскихъ плѣнниковъ, дани съ Одоева, многихъ вещей драгоцѣнныхъ, денегъ; а въ случаѣ отказа грозилъ местію. Великій князь не могъ образумить безсмысленнаго варвара; но могъ надѣяться на доброхотство нѣкоторыхъ вельможъ крымскихъ, въ особенности на второго Менгли-Гиреева сына Ахмата Хромого, объявленнаго калгою Орды или первымъ чиновникомъ по ханѣ: для того вооружился терпѣніемъ, честилъ посла и въ удовольствіе Магметъ-Гирею освободилъ Летифа: ибо сей бывшій царь казанскій опять сидѣлъ тогда подъ стражею за непріятельскія дѣйствія крымцевъ. Ему снова позволено было ѣздить во дворецъ и на охоту; но великій князь не согласился отпустить его къ матери, которая желала отправиться съ нимъ въ Мекку.— Бояринъ Мамоновъ повезъ отвѣтныя грамоты и дары хану, весьма умѣренные. Онъ долженъ былъ сказать Магметъ-Гирею, что нелѣпыя его требованія суть плодъ Сигизмундова коварства; что государь не только намѣренъ вѣчно владѣть Смоленскимъ княженіемъ, но хочетъ отнять у короля и всѣ иные древніе города наши; что Менгли-Гирей утвердилъ свое могущество дружбою Россіи, а не Литвы, и что мы готовы возобновить союзъ, ежели ханъ съ искреннею любовію обратится къ великому князю и перестанетъ намъ злодѣйствовать: ибо въ то самое время, когда его посолъ выѣзжалъ изъ Москвы, крымцы нападали на Мещеру и толпились въ окрестностяхъ Азова, угрожали предѣламъ Рязанскимъ.—Главнымъ порученіемъ Мамонова было преклонить къ намъ вельможъ ханскихъ.

Два обстоятельства помогли сначала его успѣху: Магметъ-Гирей тщетно ждалъ новыхъ даровъ отъ Сигизмунда и свѣдалъ, что султанъ имѣетъ особенное уваженіе къ великому князю. Хотя Мамоновъ нѣсколько разъ былъ оскорбляемъ наглостію царедворцевъ; хотя Магметъ-Гирей жаловался на скупость Василіеву: однакожъ изъявилъ желаніе отстать отъ короля и вызвался даже, въ залогъ союза, прислать одного изъ сыновей на житье въ Россію, ежели великій князь пошлетъ сильную рать водою на Астра-

хань. Уже написали и грамоту договорную, которую надлежало утвердить присягою въ день Менгли-Гиреева поминовенія, но Сигизмундъ успѣлъ во-время доставить 30,000 червонцевъ хану: грамоту забыли, посла московскаго не слушали и сынъ Магметъ-Гиреевъ царевичъ Богатырь устремился на Россію съ голодными толпами: ибо отъ чрезвычайныхъ жаровъ сего лѣта поля и луга изсохли въ Тавридѣ. Опустошивъ села мещерскія и рязанскія, Богатырь ушелъ, а ханъ въ отвѣтъ на жалобы великаго князя просилъ его извинить молодость царевича, который будто бы самовольно тревожилъ россійскія владѣнія. Еще мирныя сношенія не прерывались: мѣсто умершаго въ Тавридѣ Мамонова заступилъ боярскій сынъ Шадринъ, умный, дѣятельный. Весьма усердно помогалъ ему братъ ханскій калга Ахматъ, ненавистникъ Литвы и другъ Россіи, гдѣ онъ на всякій случай готовилъ себѣ вѣрное убѣжище. „Мы живемъ въ худыя времена, — говорилъ Ахматъ послу московскому: — отецъ нашъ повелѣвалъ всѣми, дѣтьми и князьями. Теперь братъ мой царь, сынъ его царь и князья цари“. Истину сего доказывалъ калга собственными поступками: господствуя въ Очаковѣ, нападалъ на литовскіе предѣлы, вопреки дружбѣ Сигизмундовой съ Магметъ-Гиреемъ, и писалъ къ Василію: „не думая ни о чемъ иномъ, возьми для меня Кіевъ: я помогу тебѣ завоевать Вильну, Троки и всю Литву“. Другіе князья, также доброхотствуя намъ, враждовали королю; увѣряли, что и ханъ измѣнитъ ему, если великій князь будетъ только щедрѣе; а Магметъ-Гирею сказывали, что Россія намѣрена помогать его злодѣямъ ногаямъ и астраханцамъ, если онъ не предпочтетъ ея союза литовскому. Сіи вельможи и безстыдное корыстолюбіе самого хана произвели наконецъ то, что онъ, взявъ одною рукою Сигизмундово золото, занесъ другую съ мечемъ на его землю, не для услуги намъ, но единственно для добычи, пославъ 40,000 всадниковъ разорять южныя королевскія владѣнія. Сей варваръ не боялся мести за свое вѣроломство, понимая, что Россія и Литва все простятъ ему, въ надеждѣ вредить черезъ него другъ другу. Между тѣмъ открылось новое важное обстоятельство, которое убѣждало его искать Василіевой пріязни.

Царь казанскій Магметъ-Аминь занемогъ жестокою болѣзнію: отъ головы до ногъ, по словамъ лѣтописца, онъ кипѣлъ гноемъ и червями, призывалъ цѣлителей, волхвовъ и не имѣлъ облегченія; заражалъ воздухъ смрадомъ гніющаго своего тѣла и думалъ, что сія казнь послана ему небомъ за вѣроломное убіеніе столь многихъ россіянъ и за неблагодарность къ великому князю Іоанну. „Русскій Богъ караетъ меня,—говорилъ онъ ближнимъ:— Іоаннъ былъ мнѣ отцомъ, а я, слушаясь коварной жены, отплатилъ зломъ благодѣтелю. Теперь гибну: къ чему мнѣ сребро и

злато, престолъ и вѣнецъ, одръ многоцѣнный и жены красныя? Оставлю ихъ другимъ“. Чтобы умереть спокойнѣе, Магметъ-Аминь желалъ удостовѣрить Василія въ своей искренности: прислалъ ему 300 коней, украшенныхъ золотыми сѣдлами и червлеными коврами, царскій доспѣхъ, щитъ и шатеръ, подарокъ владѣтеля персидскаго, столь богатый и хитро вытканный, что нѣмецкіе купцы разсматривали его въ Москвѣ съ удивленіемъ. Послы казанскіе молили великаго князя объявить Летифа ихъ владѣтелемъ въ случаѣ Магметъ-Аминевой смерти, обязываясь вѣчно зависѣть отъ государя Московскаго и принимать царей единственно отъ его руки. Написали грамоту: окольничій Тучковъ ѣздилъ съ нею въ Казань, гдѣ царь, вельможи и народъ утвердили сей договоръ клятвами. Василій, въ доказательство своего благоволенія къ Магметъ-Аминю, пожаловалъ Летифу городъ Коширу.

Ханъ крымскій принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Казани, опасаясь, чтобы тамошніе князья послѣ Магметъ-Аминя не взяли къ себѣ на престолъ кого-нибудь изъ астраханскихъ, ненавистныхъ ему царевичей. Для сего онъ послалъ знатнаго человѣка въ Москву, дружески писалъ къ великому князю, хвалился разореніемъ Литвы, обѣщалъ немедленно дать свободу московскимъ плѣнникамъ и заключить союзъ съ нами, если государь возведетъ Летифа на казанское царство, отниметъ городокъ Мещерскій, бывшее Нордоулатово помѣстье, у своего служилаго царевича астраханскаго Шигъ-Алея, уступитъ оное которому-нибудь изъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ и рѣшится воевать Астрахань. Долго Василій отвергалъ сіе послѣднее условіе, наконецъ и на то согласился. Казалось, что всѣ препятствія исчезли. Въ Москву ждали новыхъ пословъ ханскихъ съ договорною грамотою: они не ѣхали и великій князь узналъ, что Сигизмундъ, подобно ему неутомимый въ исканіи Магметъ-Гиреевой дружбы, умѣлъ опять задобрить хана богатыми дарами. 20.000 крымцевъ съ огнемъ и мечомъ нечаянно явились въ Россіи и дошли до самой Тулы, гдѣ встрѣтили ихъ московскіе воеводы князья Одоевскій и Воротынскій. Хищниковъ наказали: спасаясь бѣгствомъ, они тонули въ рѣкахъ и въ болотахъ: гибли отъ руки нашихъ воиновъ и земледѣльцевъ, которые засѣли въ лѣсахъ и не давали имъ ни пути, ни пощады, такъ что весьма немногіе возвратились домой, нагіе и босые. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ князь Шемякинъ выгналъ крымцевъ изъ области Путивльской и побилъ ихъ за Сулою.

Не имѣвъ успѣха въ сношеніяхъ съ ханомъ, Василій пріобрѣлъ въ сіе время двухъ знаменитыхъ, искреннихъ друзей въ Европѣ. Еще въ 1513 году посолъ короля датскаго Іоанна находился въ Москвѣ, или по дѣламъ шведскимъ, или для того чтобы скло-

нить насъ къ соединенію Греческой церкви съ Римскою, какъ самъ король писалъ къ императору Максимиліану и Людовику XII. Сынъ Іоанновъ Христіанъ II, памятный въ исторіи ужасною свирѣпостію и прозваніемъ Нерона Сѣвернаго, въ 1517 году утвердилъ пріязнь съ Россіею торжественнымъ договоромъ воевать общими силами—гдѣ и когда будетъ возможно—Швецію и Польшу, хотя намѣстники великокняжескіе въ 1510 году заключили съ первою шестидесятилѣтнее перемиріе. Посолъ нашъ дворянинъ Микулинъ былъ въ Копенгагенѣ: Христіановъ—Давидъ Герольтъ въ Москвѣ. Великій князь позволилъ датскимъ купцамъ имѣть церковь въ Новѣгородѣ и свободно торговать въ Россіи.—Усильно домогаясь властвовать надъ всею древнею Скандинавіею, Христіанъ не могъ содѣйствовать намъ противъ Сигизмунда; а Василій, занятый литовскою войною, оставался единственно доброжелателемъ Христіана на его бореніи съ шведскимъ правителемъ Стуромъ. Однакожъ тѣсная связь между сими двумя государями устрашала ихъ враговъ: Сигизмундъ долженъ былъ опасаться Даніи, а Швеція—Россіи.

Вторымъ союзникомъ нашимъ былъ великій магистръ Нѣмецкаго Ордена Албрехтъ Бранденбургскій. Пламенный духъ сего воинственнаго братства, священнаго вѣрою и добродѣтеліею, памятнаго великодушіемъ и славою первыхъ его основателей, угасъ въ странахъ сѣвера: богатство не замѣняетъ доблести, и рыцари-владѣтели, нѣкогда сильные презрѣніемъ жизни, въ избыткѣ ея пріятностей увидѣли свою слабость. Покорители язычниковъ были покорены собратіями-христіанами. Казимиръ и наслѣдники его уже взяли многіе орденскіе города, именуя великаго магистра своимъ присяжникомъ. Рыцарство тосковало въ униженіи: хотѣло возвратить свою древнюю славу, независимость и владѣнія; молило папу, Германію, императора о защитѣ, и, наконецъ, обратилось къ Россіи, весьма естественно: ибо мы одни ревностно желали ослабить Сигизмунда. Хотя Нѣмецкій Орденъ, вступаясь за Ливонію, часто оглашалъ насъ въ Европѣ злодѣями, невѣрными, еретиками; но сіи укоризны были преданы забвенію и крестоносные витязи іерусалимскіе дружественно простерли руку къ великому князю. Албрехтъ прислалъ въ Москву орденскаго чиновника Дидриха Шонберга, принятаго со всѣми знаками уваженія. Въ такое время, когда дворъ говѣлъ и обыкновенно не занимался дѣлами, на первой недѣлѣ Великаго поста, Шонбергъ имѣлъ переговоры съ боярами, въ субботу обѣдалъ у государя, въ воскресенье вмѣстѣ съ нимъ слушалъ литургію въ храмѣ Успѣнія. Заключили наступательный союзъ противъ короля. Магистръ требовалъ ежемѣсячно шестидесяти тысячъ золотыхъ реинскихъ на содержаніе десяти тысячъ пѣхотныхъ и двухъ тысячъ конныхъ

воиновъ; государь обѣщалъ, если нѣмцы возьмутъ Данцигъ, Торнъ, Маріенвердеръ, Эльбингъ и пойдутъ на Краковъ; однакожъ не хотѣлъ включать въ договоръ, чтобы Россіи не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ прусскихъ и нашихъ древнихъ городовъ, сказавъ Шонбергу: „отъ васъ надобно требовать обязательства, ибо вы еще не воюете; а мы уже давно въ полѣ и дѣлаемъ, что можемъ“. Условились хранить договоръ втайнѣ, чтобы король не успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Шонбергъ, получивъ въ даръ бархатную шубу, 40 соболей и 2.000 бѣлокъ, отправился въ Кенигсбергъ съ дворяниномъ Загряскимъ. Размѣнялись клятвенными грамотами. Магистру хотѣлось, чтобы великій князь немедленно доставилъ 625 пудовъ серебра въ Кенигсбергъ, гдѣ наши собственные чиновники могли бы обратить оное въ деньги и выдавать ихъ, въ случаѣ надобности, нѣмецкимъ ратникамъ. Для сего новый посолъ орденскій Мельхіоръ Робенштеинъ былъ въ Москвѣ. Василій отвѣтствовалъ, что серебро готово, но что нѣмцы должны прежде начать войну.—Магистръ ливонскій, старецъ Плеттенбергъ, не участвовалъ въ семъ союзѣ: закоренѣлая ненависть къ россіянамъ склоняла его, даже вопреки пользамъ Нѣмецкаго Ордена, доброжелательствовать королю. Въ теченіе войны литовской онъ съ досадою извѣщалъ прусскаго магистра о нашихъ выгодахъ, съ удовольствіемъ о неудачахъ хотя и не могъ надѣяться на благодарность короля, бывъ принужденъ отказаться отъ его дружбы въ угодность великому князю: положеніе весьма опасное для слабой державы!

Отпуская Загряскаго въ Кенигсбергъ, государь велѣлъ ему развѣдать тамъ о дѣлахъ императора Максимиліана съ королемъ французскимъ, съ Венеціею; узнать, будетъ ли отъ него посольство въ Москву и въ какихъ сношеніяхъ онъ находится съ Сигизмундомъ? Уже Василій не имѣлъ надежды на помощь императора въ сей войнѣ, слышавъ о свиданіи его съ королями венгерскимъ и польскимъ въ Вѣнѣ, о брачныхъ союзахъ ихъ семейства; напротивъ того, желалъ, чтобы Максимиліанъ объявилъ себя посредникомъ между Литвою и Россіею. Обѣ державы хотѣли отдохновенія; но первая еще болѣе. Великій князь молчалъ, а Сигизмундъ просилъ императора доставить миръ Литвѣ. Для сего посолъ вѣнскаго двора баронъ Герберштеинъ, мужъ ученый и разумный, прибылъ въ Москву. Представленный государю, онъ съ жаромъ, искусствомъ и краснорѣчіемъ описалъ бѣдствіе междоусобія въ Европѣ христіанской и торжество злочестивыхъ султановъ, которые, пользуясь ея несогласіемъ, берутъ земли и царства. „На что, — сказано въ сей достопамятной рѣчи посольской,—на что монархи державствуютъ? ко благу вѣры и для спокойствія подданныхъ. Такъ всегда мыслилъ императоръ и воевалъ не ради

суетной славы, не ради пріобрѣтеній чуждаго, но для наказанія сварливыхъ, презирая опасность личную, самъ впереди и съ меньшимъ числомъ побѣждая, ибо Господь за добродѣтель. Уже Максимиліанъ благоденствуетъ въ тишинѣ. Папа и вся Италія съ нимъ въ союзѣ. Королевства испанскія, Неаполь, Сицилія и всѣ другія, числомъ двадцать шесть, и всѣ православныя, признаютъ въ его внукѣ Карлѣ своего наслѣдственнаго, законнаго монарха. Король Португаліи ему родственникъ, король Англіи издавна другъ сердечный, датскій и венгерскій сыновья и братья, ибо женаты на внукахъ Максимиліановыхъ; а польскій имѣетъ къ государю моему неограниченную довѣренность. Не буду говорить предъ тобою о твоемъ величествѣ: вѣдаешь истинную, взаимную любовь, которая васъ соединяетъ. Оставались только король французскій и Венеція внѣ общаго европейскаго братства; ибо всегда хотѣли особенныхъ выгодъ своихъ, не занимаясь благомъ христіанства; но и тѣ уже изъявили миролюбіе: уже, какъ слышу, и договоръ подписанъ. Теперь да обозритъ человѣкъ вселенную, отъ Востока до Запада, отъ Юга до Сѣвера: кто изъ вѣнценосцевъ православныхъ не связанъ съ императоромъ или родствомъ или дружбою? Всѣ—и всѣ въ мірѣ, кромѣ Литвы и Россіи. Максимиліанъ послалъ меня къ тебѣ, въ надеждѣ, что ты, государь знаменитый, въ честь и въ славу Божію успокоишь христіанство и собственную землю: ибо миромъ цвѣтутъ державы, войною изнуряются; побѣда измѣняетъ—и кто въ ней увѣренъ?—Доселѣ вѣщалъ императоръ: прибавлю и мое слово. Будучи въ Вильнѣ, я говорилъ съ посломъ турецкимъ: онъ сказывалъ, что султанъ завоевалъ Дамаскъ, Іерусалимъ и все царство египетское. Въ истинѣ сего увѣрялъ меня также одинъ благородный путешественникъ, который самъ былъ въ тѣхъ мѣстахъ. Государь! мы и прежде опасались султанскаго могущества: не должны ли нынѣ еще болѣе опасаться?"—Ученый посолъ говорилъ о Филиппѣ и Александрѣ Македонскихъ, славилъ миролюбіе отца, осуждалъ сына, ненасытнаго въ кровопролитіи и пр.

Василій имѣлъ бы право укорять императора нарушеніемъ договора съ Россіею; но зная, что такіе упреки безполезни и что политика легко все извиняетъ, онъ за доброе намѣреніе изъявилъ ему благодарность и свою готовность къ миру. Обязываясь быть посредникомъ совершенно безпристрастнымъ и даже объявить войну Литвѣ, если король не согласится на предложенія умѣренныя, честныя, справедливыя, Максимиліанъ хотѣлъ, чтобы наши уполномоченные съѣхались для того съ литовскими въ Даніи или на границѣ, или въ Ригѣ; великій князь сказалъ, что переговоры должны быть въ Москвѣ, какъ всегда бывало, а не иначе, и далъ опасную грамоту для королевскихъ пословъ, на-

звавъ себя въ ней Смоленскимъ. Они пріѣхали: Янъ Щитъ, намѣстникъ могилевскій и Богушъ, государственный секретарь съ семидесятью дворянами; но ихъ не впустили въ Москву: велѣли имъ жить въ Дорогомиловѣ: ибо великій князь узналъ, что войско Сигизмундово вступило въ наши предѣлы и что самъ король находился въ Полоцкѣ съ запасною ратію.

Сіе нападеніе было местію. За нѣсколько времени передъ тѣмъ воевода псковскій Андрей Сабуровъ безъ вѣдома государева ходилъ съ тремя тысячами воиновъ въ Литву; шелъ мирно, не дѣлалъ никакой обиды жителямъ и сталъ у Рославля, объявивъ гражданамъ, что бѣжитъ отъ великаго князя къ королю. Они повѣрили и выслали ему, какъ другу, съѣстные припасы; но Сабуровъ нечаянно, въ торговый день, взялъ Рославль, обогатился добычею и вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, изъ коихъ освободилъ только 18 купцовъ нѣмецкихъ. Чтобы наказать псковитянъ, герой Сигизмундовъ Константинъ Острожскій хотѣлъ завоевать Опочку; гдѣ былъ намѣстникомъ Василій Михайловичъ Салтыковъ, достойный жить въ исторіи: ибо онъ рѣдкимъ мужествомъ удивилъ своихъ и непріятелей. Литовцы вмѣстѣ съ наемниками богемскими и нѣмецкими двѣ недѣли громили пушками сію ничтожную крѣпость: стѣны падали; но Салтыковъ, воины его и граждане не ослабѣли въ бодрой защитѣ, отразили приступъ, убили множество людей и воеводу Сокола, отнявъ у него знамя. Между тѣмъ воеводы московскіе спѣшили къ Опочкѣ: изъ Великихъ Лукъ—князь Александръ Ростовскій, изъ Вязьмы—Василій Шуйскій. Впереди былъ князь Ѳеодоръ Оболенскій-Телепневъ и храбрый мужъ Иванъ Лятцкій съ дѣтьми боярскими; они близъ Константинова стана въ трехъ мѣстахъ разбили на-голову 14 тысячъ непріятелей и новую рать, посланную Сигизмундомъ къ Острожскому; плѣнили воеводъ, взяли обозъ и пушки. Наша главная сила шла прямо на Константина, онъ и не захотѣлъ ждать ее, снялъ осаду, удалился скорыми шагами и не могъ спасти тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, которыя остались трофеями Салтыкова. Россіяне загладили стыдъ Оршинской битвы, возложивъ на Константина знаменіе бѣглеца, по выраженію одного лѣтописца.

Узнавъ о сей побѣдѣ, великій князь дозволилъ посламъ Сигизмундовымъ торжественно въѣхать въ Москву и принялъ ихъ съ удовольствіемъ. „Король, — сказалъ онъ, — предлагаетъ миръ и наступаетъ войною. Теперь мы съ нимъ управились: можемъ выслушать мирныя слова его“. Переговоры начались неумѣренными требованіями съ обѣихъ сторонъ. Мы хотѣли чтобы Сигизмундъ отдалъ намъ Кіевъ, Витебскъ, Полоцкъ и другія области россійскія, вмѣстѣ съ сокровищами и съ удѣломъ покойной королевы

Елены, казнивъ всѣхъ наглыхъ пановъ, оскорбителей ея чести; а литовцы хотѣли имѣть не только Смоленскъ, Вязьму, Дорогобужъ, Путивль, всю землю Сѣверскую, но и половину Новгорода, Пскова, Твери. „Вотъ рѣчи высокія, — сказалъ баронъ Герберштеинъ: — надобно искать средины, или я заѣхалъ въ Москву безполезно“. Паны Щитъ и Богушъ объявили наконецъ, что Сигизмундъ согласится возобновить договоръ, заключенный между великимъ княземъ Іоанномъ и королемъ Александромъ въ 1494 году. Посолъ Максимиліановъ убѣждалъ Василія уступить хотя одинъ Смоленскъ, ставя ему въ примѣръ умѣренность славнаго царя Пирра Максимиліана, отдавшаго Венеціанской республикѣ Верону, и самаго великаго князя Іоанна, не хотѣвшаго отнять Казани у древнихъ ея царей. Бояре московскіе, умолчавъ о Пиррѣ, отвѣтствовали, что императоръ могъ быть великодушенъ противъ Венеціи, но что великодушіе не есть законъ; что Казань была и есть въ нашемъ подданствѣ; что великій князь не имѣетъ обычая уступать свои отчины, данныя ему Богомъ и побѣдою. Увѣряя въ своемъ безпристрастіи, Герберштеинъ явно держалъ сторону литовскихъ пословъ; оправдывалъ Сигизмунда; говорилъ, что Василій не долженъ вѣрить бѣглецамъ и плѣнникамъ, которые приписываютъ разбои Магметъ-Гирея Сигизмундовымъ наущеніямъ; что мысль государева, наслѣдовать удѣлъ Елены, противна всѣмъ уставамъ; что оскорбители королевы могутъ быть наказаны, если мы умѣримъ иныя требованія, и проч. Въ сихъ любопытныхъ преніяхъ видны искусство и тонкость разума Герберштеинова, грубость литовскихъ пословъ и спокойная непреклонность Василіева: языкъ бояръ его учтивъ, благороденъ и доказываетъ образованность ума. Спорили много и долго: Смоленскъ былъ главнымъ препятствіемъ мира. Панъ Щитъ сказалъ: „мы ѣдемъ, небо казнитъ виновника кровопролитія“. Не насъ, отвѣтствовали бояре. Государь, отпуская пословъ, всталъ съ мѣста, велѣлъ кланяться Сигизмунду и въ знакъ ласки далъ имъ руку. Все кончилось. Тогда баронъ Герберштеинъ вручилъ великому князю особенную грамоту Максимиліанову о Михаилѣ Глинскомъ: императоръ писалъ, что Михаилъ могъ быть виновенъ, но уже довольно наказанъ за то неволею; что сей мужъ имѣетъ знаменитыя достоинства, воспитанъ при дворѣ вѣнскомъ, служилъ вѣрно ему и курфирсту саксонскому; что Василій сдѣлаетъ Максимиліану великое удовольствіе, если отпуститъ Глинскаго въ Испанію, къ его внуку Карлу. Государь не согласился, отвѣтствуя, что сей измѣнникъ положилъ бы свою голову на плахѣ, если бы не изъявилъ желанія принять нашу вѣру; что отецъ и мать его были греческаго закона; что Михаилъ въ Италіи легкомысленно приставъ къ римскому, одумался, хочетъ уме-

ретъ христіаниномъ Восточной церкви и порученъ митрополиту для наставленія.

Такимъ образомъ посольство Максиміланово не имѣло никакого успѣха; однакожъ Герберштеинъ выѣхалъ изъ Москвы съ надеждою, что если не миръ, то хотя перемиріе остается возможнымъ между воюющими державами. Великій князь послалъ въ Вѣну дьяка Владиміра Племянникова объяснить императору нашу справедливость и требовать его обѣщеннаго содѣйствія въ войнѣ противъ Сигизмунда. Сей дьякъ не могъ нахвалиться учтивостью Максимиліана, который велѣлъ говорить ему рѣчь сидя, въ колпакѣ; посадилъ и нашего толмача Истому; при имени великаго князя снималъ шляпу; угостилъ ихъ пышно и ѣздилъ съ ними на охоту; предлагалъ имъ лучшихъ соколовъ въ даръ и твердилъ, что не имѣетъ ничего завѣтнаго для своего брата великаго князя. Но сія ласка происходила единственно отъ желанія прекратить войну литовскую: ибо Максимиліанъ, дѣйствительно, замышлялъ тогда воздвигнуть всѣхъ европейскихъ государей на султана и, видя слабость короля, боялся, чтобы Россія не подавила его. „Цѣлость Литвы,—писалъ онъ къ великому магистру нѣмецкому,— необходима для блага всей Европы: величіе Россіи опасно“. — Новые послы Максиміліановы, совѣтникъ Францискъ де-Колло и Антоній де-Конти, прибыли въ Москву съ Племянниковымъ, чтобы вторично ходатайствовать за Сигизмунда, или, какъ они говорили за христіанство; съ избыткомъ краснорѣчія представили картину оттоманскихъ завоеваній въ трехъ частяхъ міра отъ Воспора Ѳракійскаго до песковъ Египетскихъ, Кавказа и Венеціи; описали жалостное рабство Греческой церкви, матери нашего христіанства; униженіе святыни, гроба Спасителева, Назарета, Виѳлеема и Синая подъ властію магометанъ; изъяснили, что Порта въ сосѣдствѣ съ нами чрезъ Тавриду и можетъ скоро наложить тяжкую свою руку на Россію; изобразили свирѣпость, хитрость, счастіе Селима, упоеннаго кровію отца и трехъ братьевъ, возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ тука сердецъ христіанскихъ и давшаго себѣ имя Владыки міра, убѣждали Василія, какъ знаменитѣйшаго царя вѣрныхъ, итти за хоругвію Іисуса; наконецъ молили его объявить искренно, желаетъ ли или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы не плодить рѣчей безполезно? Великій князь хотѣлъ его, но не хотѣлъ возвратить Смоленска. Послы начали говорить о перемиріи на пять лѣтъ. Онъ соглашался, но съ условіемъ освободить всѣхъ плѣнниковъ: чего не принялъ Сигизмундъ, имѣя ихъ гораздо болѣе, нежели мы. Наконецъ Василій, въ угодность императору, далъ слово не воевать Литвы въ теченіе 1519 года если король также не будетъ безпокоить Россіи и если Максимиліанъ обяжется послѣ того вмѣстѣ

съ Россіею наступить войною на Сигизмунда. Съ симъ предложеніемъ отправился въ Австрію великокняжескій дьякъ Борисовъ. Но Максимиліанъ скончался. Василій жалѣлъ объ немъ, какъ о своемъ знаменитомъ пріятелѣ, а Сигизмундъ оплакалъ его, какъ усерднаго покровителя въ такое время, когда новые враги возстали на Литву и Польшу.

Абдылъ-Летифъ, названный преемникомъ царя Магметъ-Аминя умеръ въ Москвѣ къ огорченію великаго князя: ибо Летифъ служилъ ему орудіемъ политики или залогомъ въ отношеніи къ Тавридѣ и Казани. Но сіе происшествіе имѣло сначала благопріятныя для насъ слѣдствія. Желая завоевать Астрахань, Магметъ-Гирей не менѣе желалъ подчинить себѣ и Казань; содѣйствіе Россіи, нужное и для перваго, было еще необходимѣе для успѣха въ послѣднемъ намѣреніи. Итакъ, услышавъ о смерти Летифа, зная близость Магметъ-Аминевой и назначивъ казанскій престолъ брату своему Саипъ-Гирею, ханъ обратился къ дружбѣ великаго князя. Хотя многіе вельможи и царевичи усильно противились сему расположенію; хотя калга Ахматъ-Гирей, нашъ ревностный пріятель, былъ однимъ изъ нихъ злодѣйски убитъ, но доброжелатели Россіи, въ числѣ коихъ находился князь Аппакъ, главный любимецъ ханскій, превозмогли, и Магметъ-Гирей извѣстилъ Василія, что онъ немедленно пришлетъ въ Москву сего Аппака съ клятвенною грамотою; что крымцы уже воюютъ Литву; что мы ихъ усердною помощію истребимъ всѣхъ враговъ, если сами окажемъ услугу хану: возьмемъ для него Астрахань или Кіевъ. Не упуская времени, государь послалъ въ Тавриду князя Юрья Пронскаго, а съ нимъ дворянина Илью Челищева, весьма угоднаго царю. Они встрѣтили Аппака, который, дѣйствительно, привезъ въ Москву шертную грамоту ханскую, написанную слово въ слово по данному отъ насъ образцу, въ томъ смыслѣ, чтобы великому князю и Магметъ-Гирею соединить оружіе противъ Литвы и наслѣдниковъ Ахматовыхъ. Въ описаніи сего посольства замѣтимъ нѣкоторыя любопытныя черты. Аппакъ явился въ чалмѣ и не хотѣлъ снимать ее передъ Василіемъ. „Что значитъ такая новость?—спросили наши бояре,—ты князь, однакожъ не азейскаго рода, не мольнинъ, и никогда не бывалъ въ Меккѣ“. Аппакъ изъяснилъ, что Магметъ-Гирей дозволилъ ему ѣхать къ Магометову гробу и, въ знакъ сего украсилъ его голову знаменіемъ правовѣрія. Посолъ и чиновники московскіе преклоняли колѣни, говоря другъ другу именемъ своихъ государей. Онъ здравствовался съ великимъ княземъ и сталъ на колѣни, чтобы отдать ханскія письма. Союзъ утвердился присягою. Хартія шертная лежала на столѣ подъ крестомъ; Василій сказалъ: „Аппакъ! на сей грамотѣ клянуся моему брату Магметъ-Гирею дружить его

друзьямъ, враждовать непріятелямъ. Тутъ не упоминается объ Астрахани, но даю слово вмѣстѣ съ нимъ объявить ей войну". Государь поцѣловалъ крестъ, взявъ письменное обязательство съ вѣрности Магметъ-Гирея.

Между тѣмъ судьба Казани рѣшилась не такъ, какъ думалъ ханъ. Магметъ-Аминь въ ужасныхъ мукахъ закрылъ глаза навѣки; исполняя волю его и свой торжественный обѣтъ, уланы и вельможи казанскіе требовали новаго царя отъ руки Василія, давно знавшаго мысль хана крымскаго, но таившаго свою. Настало время или угодить Магметъ-Гирею, или сдѣлать величайшую досаду. Василій не колебался: какъ ни желалъ союза Тавриды, но еще болѣе опасался усилить ея хана, который въ надменности властолюбія замышлялъ подчиненіемъ себѣ Астрахани и Казани возстановить царство Батыево, столь ужасное въ памяти россіянъ. Одинъ безумный варваръ могъ въ такомъ случаѣ ждать ихъ услугъ и содѣйствія: не брату, а злодѣю Магметъ-Гирееву Василій готовилъ престолъ въ Казани и послалъ туда тверского дворецкаго Михайла Юрьева объявить жителямъ, что даетъ имъ въ цари юнаго Шигъ-Алея, внука Ахматова, который переѣхалъ къ Іоанну съ отцомъ своимъ Шигъ-Авлеаромъ изъ Астрахани, и, къ неудовольствію Магметъ-Гирея, владѣлъ у насъ городкомъ Мещерскимъ, Вельможи и народъ, изъявивъ благодарность, прислали въ Москву знатныхъ людей за Шигъ-Алеемъ. Димитрій Бѣльскій отправился съ ними и съ новымъ царемъ въ Казань, возвелъ его на престолъ, взялъ съ народа клятву въ вѣрности къ государю московскому. Всѣ были довольны, Шигъ-Алей, воспитанный въ Россіи, искренно преданный великому князю, какъ единственному своему покровителю, не имѣлъ иной мысли, кромѣ той, чтобы служить ему усердно въ качествѣ присяжника.

Сіе дѣлалось во время бытности Аппака въ Москвѣ, и хотя не помѣшало заключенію союза съ Тавридою, однакожъ произвело объясненія. Посолъ съ удивленіемъ спросилъ, для чего Василій, другъ его царя, отдалъ Казань внуку ненавистнаго Ахмата? „Развѣ нѣтъ у насъ царевичей? сказалъ онъ: — развѣ кровь ординская лучше Менгли-Гиреевой? Впрочемъ, я говорю только отъ своего имени, угадывая мысли хана". Василій увѣрялъ, что онъ думалъ возвести брата или сына Магметъ-Гиреева на сіе царство, но что казанскіе вельможи непремѣнно требовали Шигъ-Алея, и если бы воля ихъ не исполнилась, то они взяли бы себѣ царя изъ ногаевъ или Астрахани, слѣдственно опаснаго непріятеля Россіи. Аппакъ замолчалъ и скоро пришла въ Москву желанная вѣсть, что ханъ уже дѣйствуетъ какъ нашъ ревностный союзникъ; что сынъ его калга Богатырь, совсѣмъ нечаянно вступивъ въ Литву съ тридцатью тысячами, огнемъ и мечомъ опусто-

шилъ Сигизмундовы владѣнія едва не до самаго Кракова, на-голову разбилъ гетмана Константина Острожскаго, плѣнилъ 60.000 жителей, умертвилъ еще болѣе и возвратился съ торжествомъ счастливаго разбойника, покрытый кровію и пепломъ. Доказавъ такимъ образомъ королю, что мнимый союзъ варваровъ бываетъ хуже явной вражды (ибо производитъ оплошность), Магметъ-Гирей готовился доказать сію истину и великому князю, но еще около двухъ лѣтъ представлялъ лицо нашего друга. Аппакъ выѣхалъ изъ Москвы, весьма довольный милостію государя, и новый посолъ россійскій бояринъ Ѳедоръ Клементьевъ заступилъ въ Тавридѣ мѣсто князя Пронскаго. Зная, сколь Магметъ-Гирей боится султана, Василій отправилъ въ Царьградъ дворянина Голохвастова съ письмомъ къ Селиму, изъявляя сожалѣніе, что онъ долго не шлетъ къ намъ второго, обѣщаннаго имъ посольства для заключенія союза, который могъ бы обуздывать хана, ужасая Литву съ Польшею. Голохвастовъ имѣлъ еще тайное порученіе видѣться въ Константинополѣ съ Гемметомъ царевичемъ, сыномъ убитаго въ Тавридѣ калги Ахмата. Носился слухъ, что султанъ мыслитъ дать ему крымское ханство; а какъ отецъ его любилъ Россію, то великій князь надѣялся и на дружбу сына. Голохвастовъ долженъ былъ предложить Геммету покровительство Василіево, вѣрное убѣжище въ Москвѣ, удѣлъ и жалованье. Гемметъ, непримиримый врагъ своего дяди Магметъ-Гирея могъ и въ изгнаніи быть намъ полезенъ, имѣя связи и друзей въ Тавридѣ; тѣмъ болѣе надлежало искать въ немъ пріязни, если милость султанская готовила для него ханство.—Посолъ нашъ возвратился благополучно. Гемметъ не сдѣлался ханомъ, не пріѣхалъ и въ Россію; но Селимъ, написавъ къ Василію ласковый отвѣтъ въ доказательство истинной къ нему дружбы, велѣлъ своимъ пашамъ тревожить королевскія владѣнія, подтвердилъ также условія свободной торговли между обѣими державами.

Изумленный нападеніемъ Магметъ-Гирея, Сигизмундъ узналъ, что и присяжникъ его Албрехтъ, магистръ Нѣмецкаго Ордена, вслѣдствіе заключеннаго имъ договора съ Россіею, готовится къ войнѣ. Долго сей искренній союзъ не имѣлъ своего дѣйствія отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, папа Леонъ X убѣждалъ магистра не только остаться въ мирѣ съ королемъ, но и быть посредникомъ между имъ и Россіею, предлагая ему главное воеводство въ христіанскомъ всенародномъ ополченіи, коему надлежало собраться подъ знаменами вѣры, чтобы смирить гордость султана. Сей папа, славный въ исторіи любовію къ искусствамъ и наукамъ гораздо болѣе, нежели пастырскою ревностію и государственнымъ благоразуміемъ, представлялъ чрезъ магистра и великому князю, что Константинополь есть законное наслѣдіе россійскаго монарха,

сына греческой царевны; что здравая политика велитъ намъ примириться съ Литвою, ибо время воюетъ сію державу, и Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдниковъ; что смерть его разрушитъ связь между Литвою и Польшею, которыя, безъ сомнѣнія, изберутъ тогда разныхъ владѣтелей и несогласіемъ ослабѣютъ; что все благопріятствуетъ величію Россіи, и мы станемъ на первой степени державъ европейскихъ, если, соединясь съ ними противъ оттомановъ, соединимся и вѣрою; что церковь Греческая не имѣетъ главы; что древняя сестра ея, церковь Римская, возвыситъ нашего митрополита въ санъ патріарха, утвердитъ грамотою всѣ добрые наши обычаи, безъ малѣйшей перемѣны и новостей; что онъ (папа) желаетъ украсить главу непобѣдимаго царя русскаго вѣнцомъ царя христіанскаго, безъ всякаго мірского возмездія или прибытка, единственно во славу Божію. Василій, какъ пишутъ, негодовалъ на Леона за то, что онъ торжественно праздновалъ въ Римѣ побѣду Сигизмундову въ 1514 году, объявивъ насъ еретиками; однакожъ сей благоразумный государь отвѣтствовалъ магистру, что ему весьма пріятно видѣть доброе къ намъ расположеніе папы и быть съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ по государственнымъ дѣламъ Европы; но что касается до вѣры, то Россія была, есть и будетъ греческаго исповѣданія во всей чистотѣ и неприкосновенности онаго. Повѣренный Леоновъ въ Краковѣ и въ Кенигсбергѣ, монахъ Николай Шонбергъ, желалъ ѣхать и въ Москву: великій князь обѣщалъ принять его милостиво и дозволилъ папѣ имѣть черезъ Россію сообщеніе съ царемъ персидскимъ. Второю виною Албрехтовой медленности былъ недостатокъ въ деньгахъ: онъ требовалъ ста тысячъ гривенъ серебра отъ великаго князя, чтобы нанять воиновъ въ Германіи; но великій князь, опасаясь истощить казну свою безполезно, отвѣтствовалъ: „возьми прежде Данцигъ и вступи въ Сигизмундову землю“, а магистръ говорилъ: „не могу ничего сдѣлать безъ денегъ“. По желанію Албрехта, Василій написалъ дружественныя грамоты къ королю французскому и нѣмецкимъ избирателямъ или курфирстамъ, убѣждая ихъ вступиться за Орденъ, утѣсняемый Польшею, и совѣтовалъ князьямъ Германіи избрать такого императора, который могъ бы сильною рукою защитить христіанство отъ невѣрныхъ и ревностнѣе Максимиліана покровительствовать славное рыцарство нѣмецкое. Послы магистровы были честимы въ Москвѣ, наши въ Кенигсбергѣ: Албрехтъ самъ ходилъ къ нимъ для переговоровъ, сажалъ ихъ за обѣдомъ на свое мѣсто, не хотѣлъ слушать поклоновъ отъ великаго князя, называя себя недостойнымъ такой высокой чести; приказывалъ къ нему поклоны до земли; училъ нѣмцевъ языку русскому; говорилъ съ умиленіемъ о благодѣяніяхъ, ожидаемыхъ имъ отъ Россіи для Ордена

здаменитаго, хотя и несчастнаго въ угнетеніи; объявилъ государю всѣхъ своихъ тайныхъ союзниковъ и въ числѣ ихъ короля датскаго, архіепископа майнцскаго, кельнскаго, герцоговъ саксонскаго, баварскаго, брауншвейгскаго и другихъ, увѣрялъ, что папа Леонъ будетъ за насъ, если Сигизмундъ отвергнетъ миръ справедливый; въ порывѣ ревности даже не совѣтовалъ Василію мириться, чтобы Литва, находясь тогда въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, не имѣла времени отдохнуть. Великій князь не сомнѣвался въ усердіи магистра, но сомнѣвался въ его силахъ, наконецъ послалъ ему серебра на 14.000 червонцевъ для содержанія тысячи наемныхъ ратниковъ, къ удивленію магистра ливонскаго Плеттенберга, который смѣялся надъ легковѣріемъ Альбрехта, говоря: „я живу въ сосѣдствѣ съ россіянами и знаю ихъ обычай; сулятъ много, а не даютъ ничего“. Узнавъ же, что серебро привезли изъ Москвы въ Ригу, онъ вскочилъ съ мѣста, сплеснулъ руками и сказалъ: „чудо! Богъ явно помогаетъ великому магистру!“ Слыша, что Альбрехтъ, дѣйствительно, вызываетъ къ себѣ 10.000 ратниковъ изъ Германіи и всѣми силами ополчается на короля; свѣдавъ, что война уже открылась между ими (въ концѣ 1519 года), великій князь еще отправилъ знатную сумму денегъ въ Пруссію, желая Ордену счастія, славы и побѣды.

Между тѣмъ Россія и сама бодро дѣйствовала оружіемъ. Московская дружина, новгородцы и псковитяне осаждали въ 1518 году Полоцкъ; но голодъ принудилъ ихъ отступить: не малое число дѣтей боярскихъ, гонимыхъ литовскимъ паномъ Волынцемъ, утонуло въ Двинѣ. Въ августѣ 1519 года воеводы наши, князья Василій Шуйскій изъ Смоленска, Горбатый изъ Пскова, Курбскій изъ Стародуба, ходили до самой Вильны и далѣе, опустошая, какъ обыкновенно, всю землю; разбили нѣсколько отрядовъ и шли прямо на большую литовскую рать, которая стояла въ Кревѣ, но удалилась за Лоскъ, въ мѣста тѣсныя и непроходимыя. Россіяне удовольствовались добычею и плѣномъ несмѣтнымъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Другіе воеводы московскіе, Василій Годуновъ, князь Елецкій, Засѣкинъ, съ сильною татарскою конницею приступали къ Витебску и Полоцку, выжгли предмѣстья, взяли внѣшнія укрѣпленія, убили множество людей. Третья рать, подъ начальствомъ Ѳеодора царевича, крещеннаго племянника Алегамова, также громила Литву. Польза сихъ нападеній состояла единственно въ разореніи непріятельской земли: магистръ совѣтовалъ намъ предпріять важнѣйшее: сперва завоевать Самогитію, открытую, беззащитную и богатую хлѣбомъ; а послѣ идти въ Мазовію, гдѣ онъ хотѣлъ соединиться съ россійскимъ войскомъ, чтобы ударить на короля въ сердцѣ его владѣній, въ самое то время, когда

наемные нѣмецкіе полки, идущіе къ Вислѣ, устремятся на него съ другой стороны.

Положеніе Сигизмундово казалось весьма бѣдственнымъ. Не только война, но и язва опустошала его державу. Лучшее королевское войско состояло изъ нѣмцевъ и богемскихъ славянъ; они, послѣ неудачнаго приступа къ Опочкѣ, съ досадою ушли восвояси и говорили столь обидныя для Сигизмунда рѣчи, что единоземцы ихъ уже не хотѣли служить ему. Лавры славнаго гетмана Константина увяли. Города литовскіе стояли среди усѣянныхъ пепломъ степей, гдѣ скитались толпами бѣдные жители деревень, сожженныхъ крымцами или россіянами. Но счастіе вторично спасло Сигизмунда. Онъ не терялъ бодрости; искалъ мира, не отказываясь отъ прежнихъ требованій, и заключилъ въ Москвѣ, чрезъ пана Лелюшевича только перемиріе на шесть мѣсяцевъ; дѣйствовалъ въ Тавридѣ убѣжденіями и подкупомъ; укрѣплялъ границу противъ насъ и всѣми силами наступилъ на магистра, слабѣйшаго, однакожъ весьма опаснаго врага, который имѣлъ тайныя связи въ нѣмецкихъ городахъ Польши, зналъ ея способы, важныя мѣстныя обстоятельства и могъ давать гибельные для нея совѣты великому князю. Альбрехтъ предводительствовалъ не тысячами, а сотнями, ожидая серебра изъ Москвы и воиновъ изъ Германіи; сражаясь мужественно, уступалъ многочисленности непріятелей и едва защитилъ Кенигсбергъ, откуда посолъ нашъ долженъ былъ для безопасности выѣхать въ Мемель. Наемники Ордена, 13,000 нѣмцевъ, дѣйствительно явились на берегахъ Вислы, осадили Данцигъ, но разсѣялись, не имѣя съѣстныхъ запасовъ, ни вѣстей отъ магистра. Воеводы королевскіе взяли Маріенвердеръ, Голландъ и заставили Альбрехта просить мира.

Но главнымъ Сигизмундовымъ счастіемъ была измѣна казанская съ ея зловредными для насъ послѣдствіями. Если ханъ крымскій, свѣдавъ о воцареніи Шигъ-Алея, не вдругъ съ огнемъ и мечомъ устремился на Россію, то сіе происходило отъ боязни досадить султану, коего отмѣнная благосклонность къ великому князю была ему извѣстна. Селимъ, гроза Азіи, Африки и Европы, умеръ: немедленно отправился въ Константинополь посолъ московскій Третьякъ-Губинъ привѣтствовать его сына, героя Солимана, на тронѣ оттоманскомъ, и новый султанъ велѣлъ объявить Магметъ-Гирею, чтобы онъ никогда не смѣлъ безпокоить Россіи. Тщетно ханъ старался уничтожить сію дружбу, основанную на взаимныхъ выгодахъ торговли, и внушалъ Солиману, что великій князь ссылается съ злодѣями Порты, даетъ царю персидскому огнестрѣльный снарядъ и пушечныхъ художниковъ, искореняетъ вѣру магометанскую въ Казани, разоряетъ мечети, ставитъ церкви христіанскія. Мы имѣли усердныхъ доброжелателей въ нашахъ азовскомъ и

кафинскомъ: утверждаемый ими въ пріязни къ намъ, султанъ не вѣрилъ клеветамъ Магметъ-Гирея, который языкомъ разбойника сказалъ ему, наконецъ: „чѣмъ же буду сытъ и одѣтъ, если запретишь мнѣ воевать московскаго князя?“ Готовясь покорить Венгрію, Солиманъ желалъ, чтобы крымцы опустошали земли ея союзника Сигизмунда; но ханъ уже возобновилъ дружбу съ Литвою. Еще называясь братомъ Магметъ-Гиреевымъ, великій князь вдругъ услышалъ о бунтѣ казанцевъ. Года три Шигъ-Алей царствовалъ спокойно и тихо, ревностно исполняя обязанность нашего присяжника, угождая во всемъ великому князю, оказывая совершенную довѣренность къ россіянамъ и холодность къ вельможамъ казанскимъ: слѣдственно не могъ быть любимъ подданными, которые только боялись, а не любили насъ и съ неудовольствіемъ видѣли въ немъ слугу московскаго. Самая наружность Алеева казалась имъ противною; изображая склонность къ низкимъ, чувственнымъ наслажденіямъ, несогласнымъ съ доблестію и мужествомъ, онъ имѣлъ необыкновенно толстое, отвислое брюхо, едва замѣтную бороду и лицо женское. Его добродушіе называли слабостію: тѣмъ болѣе жаловались, когда онъ, подвигнутый усердіемъ къ Россіи, наказывалъ злыхъ совѣтниковъ, предлагавшихъ ему отступить отъ великаго князя по примѣру Магметъ-Аминя. Такое общее расположеніе умовъ въ Казани благопріятствовало происк амъ Магметъ-Гирея, который обѣщалъ ея князьямъ полную независимость, если они возьмутъ къ себѣ въ цари брата его Саипа и соединятся съ Тавридою для возстановленія древней славы Чингисова потомства. Успѣхъ сихъ тайныхъ сношеній открылся весною въ 1521 году: Саипъ-Гирей съ полками явился предъ стѣнами казанскими, безъ сопротивленія вступилъ въ городъ и былъ признанъ царемъ: Алея, воеводу московскаго Карпова и посла великокняжескаго Василія Юрьева взяли подъ стражу, всѣхъ нашихъ купцовъ ограбили, заключили въ темницы, однакожъ не умертвили ни одного человѣка; ибо новый царь хотѣлъ показать умѣренность; объявилъ себя покровителемъ сверженнаго Шигъ-Алея, уважая въ немъ кровь Тохтамышеву; далъ ему волю ѣхать съ своею женою въ Москву, коней и проводника: освободилъ и воеводу Карпова. Немедленно оставивъ Казань, Алей встрѣтился въ степяхъ съ нашими рыболовами, которые лѣтомъ обыкновенно жили на берегахъ Волги, у Дѣвичьихъ горъ, и тогда бѣжали въ Россію, испуганные возмущеніемъ казанцевъ; онъ вмѣстѣ съ ними питался запасомъ сушеной рыбы, травою, кореньями; терпѣлъ голодъ и едва могъ достигнуть россійскихъ предѣловъ, откуда путешествіе его до столицы было уже какъ бы торжественнымъ: вездѣ чиновники великокняжескіе ждали царя-изгнанника съ привѣтствіями и съ брашномъ, а народъ съ

изъявленіемъ усердія и любви. Всѣ думные бояре выѣхали къ нему изъ Москвы навстрѣчу. Самъ государь на лѣстницѣ дворца обнялся съ нимъ дружески. Оба плакали. „Хвала Всевышнему! — сказалъ Василій: — ты живъ: сего довольно“. Онъ благодарилъ Алея именемъ отечества за вѣрность; утѣшалъ, осыпалъ дарами; обѣщалъ ему и себѣ управу, —но еще не успѣлъ предпріять мести, когда туча варваровъ нашла на Россію.

Исхитивъ Казань изъ нашихъ рукъ, Магметъ-Гирей не терялъ времени въ бездѣйствіи: хотѣлъ укрѣпить ее за своимъ братомъ и для того сильнымъ ударомъ потрясти Василіеву державу; вооружилъ не только всѣхъ крымцевъ, но поднялъ и ногаевъ; соединился съ атаманомъ казаковъ литовскихъ, Евстафіемъ Дашковичемъ, и двинулся такъ скоро къ московскимъ предѣламъ, что государь едва успѣлъ выслать рать на берега Оки, дабы удержать его стремленіе. Главнымъ воеводою былъ юный князь Димитрій Бѣльскій; съ нимъ находился и меньшій братъ государевъ Андрей: они въ безразсудной надменности не совѣтовались съ мужами опытнымми, или не слушались ихъ совѣтовъ; стали не тамъ, гдѣ надлежало; перепустили хана черезъ Оку, сразились не во-время, безъ устройства и малодушно бѣжали. Воеводы князь Владиміръ Курбскій, Шереметевъ, двое Замятниныхъ положили свои головы въ несчастной битвѣ. Князя Ѳеодора Оболенскаго - Лопату взяли въ плѣнъ. Великій князь ужаснулся и еще гораздо болѣе, свѣдавъ, что другой непріятель, Саипъ-Гирей казанскій, отъ береговъ Волги также идетъ къ нашей столицѣ. Сіи два царя соединились подъ Коломною, опустошая всѣ мѣста, убивая, плѣня людей тысячами, оскверняя святыню храмовъ, злодѣйствуя, какъ бывало встарину при Батыѣ или Тохтамышѣ. Татары сожгли монастырь св. Николая на Угрѣшѣ и любимое село Василіево, Островъ, а въ Воробьевѣ пили медъ изъ великокняжескихъ погребовъ, смотря на Москву. Государь удалился въ Волокъ собирать полки, ввѣривъ оборону столицы зятю царевичу Петру и боярамъ. Все трепетало. Ханъ 29 іюля, среди облаковъ дыма, подъ заревомъ пылающихъ деревень, стоялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, куда стекались жители окрестностей съ ихъ семействами и драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ. Улицы заперлись обозами. Пришельцы и граждане, жены, дѣти, старцы, искали спасенія въ Кремлѣ, тѣснились въ воротахъ и давили другъ друга. Митрополитъ Варлаамъ (преемникъ Симоновъ) усердно молился съ народомъ: градоначальники распорядили защиту, всего болѣе надѣясь на искусство нѣмецкаго пушкаря Никласа. Снарядъ огнестрѣльный могъ, дѣйствительно, спасти крѣпость, но былъ недостатокъ въ порохѣ. Открылось и другое бѣдствіе: ужасная тѣснота въ Кремлѣ грозила

неминуемою заразою. Предвидя худыя слѣдствія, слабые начальники вздумали—такъ повѣствуетъ одинъ чужеземный, современный историкъ, обезоружить хана Магметъ-Гирея богатыми дарами: отправили къ нему посольство и бочки съ крѣпкимъ медомъ. Опасаясь и нашего войска и неприступныхъ для него московскихъ укрѣпленій, ханъ согласился не тревожить столицы и мирно идти во-свояси, если великій князь, по уставу древнихъ временъ, обяжется грамотою платить ему дань. Едва ли самъ варваръ Магметъ-Гирей считалъ такое обязательство дѣйствительнымъ; вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ единственно унизить Василія и засвидѣтельствовать свою побѣду столь обиднымъ для Россіи договоромъ. Вѣроятно и то, что бояре московскіе не дерзнули бы дать сей грамоты безъ вѣдома государева: Василій же, какъ видно, боялся временнаго стыда менѣе, нежели бѣдствія Москвы, и предпочелъ ея мирное избавленіе славнымъ опасностямъ кровопролитной, невѣрной битвы. Написали хартію, скрѣпили великокняжескою печатью, вручили хану, который немедленно отступилъ къ Рязани, гдѣ станъ его имѣлъ видъ азіатскаго торжища: разбойники сдѣлались купцами, звали къ себѣ жителей, увѣряли ихъ въ безопасности, продавали имъ свою добычу и плѣнниковъ, изъ коихъ многіе даже безъ выкупа, уходили въ городъ. Сіе было хитростію. Атаманъ литовскій Евстафій Дашковичъ совѣтовалъ Магметъ-Гирею обманомъ взять крѣпость: къ счастію, въ ней бодрствовалъ окольничій, Хабаръ Симскій, сынъ Іоаннова воеводы Василія Образца, мужъ опытный, благоразумный, спаситель Нижняго Новгорода. Ханъ, желая усыпить его, послалъ къ нему московскую грамоту въ удостовѣреніе, что война кончилась, и что великій князь призналъ себя данникомъ Крыма; а между тѣмъ непріятельскія толпы шли къ крѣпости, будто бы для отысканія своихъ бѣглецовъ. Симскій, исполняя уставъ чести, выдалъ имъ всѣхъ плѣнниковъ, укрывавшихся въ городѣ, и заплатилъ 100 рублей за освобожденіе князя Ѳеодора Оболенскаго; но число литовцевъ и татаръ непрестанно умножалось подъ стѣнами до самаго того времени, какъ рязанскій искусный пушкарь, нѣмецъ Іорданъ, однимъ выстрѣломъ положилъ ихъ множество на мѣстѣ; остальные въ ужасѣ разсѣялись. Коварный ханъ притворился изумленнымъ: жаловался на сіе непріятельское дѣйствіе; требовалъ головы Іордановой, стращалъ местію, но спѣшилъ удалиться, ибо свѣдалъ о впаденіи астраханцевъ въ его собственные предѣлы. Торжество Симскаго было совершенно: онъ спасъ не только Рязань, но и честь великокняжескую: постыдная хартія московская осталась въ его рукахъ. Ему дали послѣ санъ боярина, и—что еще важнѣе—внесли описаніе столь знаменитой услуги въ книги разрядныя и въ родословныя на память вѣкамъ.

Сіе нашествіе варваровъ было самымъ несчастнѣйшимъ случаевъ Василіева государствованія. Предавъ огню селенія отъ Нижняго Новагорода и Воронежа до береговъ Москвы-рѣки, они плѣнили несмѣтное число жителей, многихъ знатныхъ женъ и дѣвицъ, бросая грудныхъ младенцевъ на землю; продавали невольниковъ толпами въ Кафѣ, въ Астрахани; слабыхъ, престарѣлыхъ морили голодомъ: дѣти крымцевъ учились надъ ними искуссву язвить, убивать людей. Одна Москва славила свое, по мнѣнію народа, сверхестественное спасеніе: разсказывали о явленіяхъ и чудесахъ; уставили собственный крестный годъ въ монастырь Срѣтенія, гдѣ мы донынѣ три раза въ годъ благодаримъ небо за избавленіе сей древней столицы отъ Тамерланова, Ахматова и Магметъ-Гиреева нападенія. Великій князь, возвратясь, изъявилъ признательность нѣмецкимъ чиновникамъ огнестрѣльнаго снаряда, Никласу и Іордану; но велѣлъ судить воеводъ, которые пустили хана съ сердце Россіи. Всѣ упрекали Бѣльскаго безразсудностію и малодушіемъ, а Бѣльскій слагалъ вину на брата государева Андрея, который, первый показавъ тылъ непріятелю, увлекъ другихъ за собою. Василій, щадя брата, наказалъ только одного воеводу князя Ивана Воротынскаго, мужа весьма опытнаго въ ратномъ дѣлѣ и дотолѣ всегда храбраго. Вина его, кажется, состояла въ томъ, что онъ, будучи оскорбленъ надменностію Бѣльскаго, съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ ошибки сего юнаго полководца, жертвовалъ самолюбію отечествомъ и не сдѣлалъ всего возможнаго для блага Россіи: преступленіе важное и тѣмъ менѣе извинительное, чѣмъ труднѣе уличить виновнаго! Лишенный своего помѣстья и сана, князь Воротынскій долгое время сидѣлъ въ заключеніи; былъ послѣ освобожденъ, ѣздилъ ко Двору, но не могъ выѣхать изъ столицы.

Скоро пришло въ Москву извѣстіе о новомъ грозномъ для насъ замыслѣ хана. Онъ велѣлъ объявить на трехъ торгахъ въ Перекопи, въ Крымѣ, въ Кафѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобы его уланы, мурзы, воины не слагали съ себя оружія, не разсѣдлывали коней и готовились вторично идти на Россію. Татары не любили воевать въ зимнее время безъ подвижного корма: весною полки наши заняли берега Оки, куда прибылъ и самъ великій князь. Никогда Россія не имѣла лучшей конницы и столь многочисленной пѣхоты. Главный станъ близъ Коломны уподоблялся обширной крѣпости, подъ защитою огнестрѣльнаго снаряда, котораго мы прежде не употребляли въ полѣ. Сказываютъ, что государь, любуясь прекраснымъ войскомъ и станомъ, послалъ вѣстника къ Магметъ-Гирею съ такими словами: „Вѣроломно нарушивъ миръ и союзъ, ты, въ видѣ разбойника, душегубца, зажигальщика, напалъ нечаянно на мою землю. Имѣешь ли бод-

рость воинскую? иди теперь: предлагаю тебѣ честную битву въ полѣ". Ханъ отвѣтствовалъ, что ему извѣстны пути въ Россію и время удобное для войны: что онъ не спрашиваетъ у непріятелей, гдѣ и когда сражаться. Лѣто проходило: Магметъ-Гирей не являлся. Въ августѣ государь возвратился въ Москву, гдѣ Солимановъ посолъ, князь Мангупскій, Скиндеръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ его, пріѣхавъ изъ Константинополя вмѣстѣ съ Третьякомъ-Губинымъ.

Послу оказали великую честь: государь всталъ съ мѣста, чтобы спросить у него о здравіи султана; далъ ему руку и велѣлъ сѣсть подлѣ себя. Нельзя было писать ласковѣе, какъ Солиманъ писалъ къ Василію, своему вѣрному пріятелю и доброму сосѣду, увѣряя, что желаетъ быть съ нимъ въ крѣпкой дружбѣ и въ братствѣ; но Скиндеръ говорилъ единственно о дѣлахъ торговыхъ, и купивъ нѣсколько драгоцѣнныхъ мѣховъ, уѣхалъ. — Не теряя надежды пріобрѣсти дѣятельный союзъ Оттоманской имперіи, Василій еще посылалъ въ Константинополь ближняго дворянина, Ивана Морозова, съ дружественными грамотами; однакожъ не велѣлъ ему объявлять условій, на коихъ мы желали заключить письменный договоръ съ Портою: ибо великому князю, по обыкновенной гордости новаго Россійскаго Двора, хотѣлось, чтобы султанъ прислалъ для того собственнаго вельможу въ Москву. Сей опытъ былъ послѣднимъ съ нашей стороны: Солиманъ довольствовался учтивостями, не думая, кажется, чтобы Россія могла искренно содѣйствовать оттоманамъ въ покореніи христіанскихъ державъ и, еще менѣе думая быть орудіемъ нашей особенной политики, стѣсняя Венгрію, завоевавъ Родосъ, готовясь устремиться на Мальту, онъ требовалъ отъ насъ мира, товаровъ и ничего болѣе.

Если бы Сигизмундъ въ одно время съ Магметъ-Гиреемъ и съ казанскимъ царемъ напалъ на Россію, то великій князь увидѣлъ бы себя въ крайности и поздно бы узналъ, сколько судьба государствъ бываетъ непостоянна вопреки хитрымъ соображеніямъ ума человѣческаго. Но, къ счастію нашему, король не имѣлъ сильнаго войска, боялся ужаснаго Солимана, зналъ вѣроломство хана крымскаго и, радуясь претерпѣнному нами отъ него бѣдствію, надѣялся только, что оно склонитъ Василія къ миролюбію. Государь въ самомъ дѣлѣ желалъ прекратить войну съ Литвою для скорѣйшаго обузданія Тавриды и Казани. Пользуясь обстоятельствами, Сигизмундъ хотѣлъ договариваться о мирѣ не въ Москвѣ, какъ обыкновенно бывало, а въ Вильнѣ или въ Краковѣ: великій князь отвергнулъ сіе предложеніе и знатный королевскій чиновникъ Петръ Станиславовичъ, съ секретаремъ Иваномъ Горностаемъ, пріѣхали въ Москву, когда еще воеводы наши

стояли у Коломны, готовые идти на татаръ или на Литву. Не могли согласиться въ условіяхъ вѣчнаго мира: долго спорили о перемиріи; наконецъ заключили его на пять лѣтъ отъ 25 декабря 1522 года. Смоленскъ остался нашимъ; границею служили Днѣпръ, Ивака и Меря. Уставили вольность торговли; поручили намѣстникамъ украинскимъ рѣшить тяжбы между жителями обоихъ государствъ; но плѣнникамъ не дали свободы, къ прискорбію Василія, который долженъ былъ отказаться отъ сего требованія. Окольничій Морозовъ и дворецкій Бутурлинъ ѣздили въ Краковъ съ перемирною грамотою. Литовскій историкъ съ удивленіемъ говоритъ о пышности сихъ вельможъ, сказывая, что подъ ними было пятьсотъ коней. Два раза Сигизмундъ звалъ ихъ обѣдать и два раза они уходили изъ дворца, чтобы не сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ папскими, цесарскими и венгерскими повѣренными въ дѣлахъ; — ибо сіе казалось для нихъ несовмѣстнымъ съ честію великокняжескаго посольства. Король утвердилъ грамоту присягою, облегчивъ судьбу нашихъ плѣнниковъ.

Такъ кончилась сія десятилѣтняя война литовская, славная для Сигизмунда громкою побѣдою Оршинскою, а для насъ полезная важнымъ пріобрѣтеніемъ Смоленска, для обоихъ же государствъ равно опустошительная, если отнесемъ къ ней гибельное нашествіе Магметъ-Гиреево. Достопамятнымъ слѣдствіемъ ея было уничтоженіе Нѣмецкаго Ордена, къ прискорбію Василія, который лишился въ немъ хотя и слабаго, но ревностнаго союзника. Уступивъ силѣ, жалуясь на скупость великаго князя, можетъ быть невольную по нашимъ умѣреннымъ доходамъ, и на худое усердіе своего народа, магистръ искалъ мира и пожертвовалъ ему бытіемъ рыцарства, славнаго въ лѣтописяхъ. Сигизмундъ призналъ Альбрехта наслѣдственнымъ владѣтелемъ орденскихъ городовъ, съ условіемъ, чтобы они вѣчно зависѣли отъ государей польскихъ, и далъ Пруссіи гербъ Чернаго Орла, съ изображеніемъ буквы S, начальной Сигизмундова имени. Хотя съ перемѣною обстоятельствъ сіе знаменитое палестинское братство отжило вѣкъ свой и казалось уже несоотвѣтственнымъ новому государственному порядку въ Европѣ; однакожъ гибель учрежденія, столь памятнаго своею великодушною цѣлію, законами суровой добродѣтели и геройствомъ первыхъ основателей, произвела всеобщее сожалѣніе. — Орденъ Ливонскій, бывъ около трехъ вѣковъ сопряженъ съ Нѣмецкимъ, остался въ печальномъ уединеніи, среди грозныхъ опасностей и между двумя сильными державами, Россіею и Польшею, въ ненадежной, но въ полной свободѣ, какъ старецъ при дверяхъ гроба. Ливонскіе рыцари давали великому магистру нѣмецкому деньги и людей для войны, за что онъ торжественно объявилъ ихъ независимыми навѣки.

Судьба также готовила имъ конецъ; но Плеттенбергъ еще жилъ и какъ бы въ награду за свое великодушіе долженствовалъ спокойно умереть главою свободнаго братства. Въ 1521 году онъ возобновилъ мирный договоръ съ Россіею на десять лѣтъ.

ГЛАВА III.

Продолженіе государствованія Василіева.

Г. 1521—1534.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. — Заключеніе К. Шемякина.—Ханъ крымскій взялъ Астрахань. — Злодѣйства въ Казани.—Бѣдствіе Крыма. — Ханъ Сайгетъ-Гирей.—Походы на Казань.—Постриженіе великой княгини—Новый бракъ великаго князя.—Сношенія съ Римомъ, съ императоромъ Карломъ V.—Перемиріе съ Литвою.—Дружество съ Густавомъ Вазою.—Посольства Солимановы.—Набѣгъ крымцевъ.—Рать на Казань.—Новый царь въ Казани.—Заточеніе Шигъ-Алея. — Рожденіе царя Іоанна Васильевича. — Посольства астраханскія, молдавскія, ногайское, индѣйское. — Набѣгъ крымцевъ.—Болѣзнь и кончина великаго князя. — Характеръ Василіевъ.—Строгость и милость.—Дѣло Максима грека.—Жалобы на великаго князя. — Образъ жизни Василія: охота, дворъ, обѣды, титулъ. — Иноземцы въ Москвѣ.—Законы.—Строенія.—Церковныя дѣянія.—Разныя бѣдствія.—Великіе современники Василіевы.—Расколъ Лютеровъ.

Распространивъ литовскою войною предѣлы государства, Василій въ то же время довершилъ великое дѣло единовластія внутри онаго. Еще Рязань была особеннымъ княженіемъ, хотя треть городовъ ея, часть умершаго князя Өеодора, принадлежала къ московскому, и Василій уже именовался Рязанскимъ. Еще князья Сѣверскій и Стародубскій или Черниговскій, называясь слугами государя Россійскаго, имѣли права владѣтелей. Василій, исполнитель Іоанновыхъ намѣреній, ждалъ только справедливаго повода къ необходимому уничтоженію сихъ остатковъ удѣльной системы.

Вдова, княгиня Агриппина, нѣсколько лѣтъ господствовала въ Рязани именемъ своего малолѣтнаго сына Іоанна. Василій оставлялъ въ покоѣ слабую жену и младенца, ибо первая во всемъ повиновалась ему какъ верховному государю; но сынъ ея, достигнувъ юношескаго возраста, захотѣлъ вдругъ свергнуть съ себя опеку и матери, и великаго князя московскаго, то есть властвовать независимо, какъ его предки, старѣйшіе въ родѣ Ярослава I. Пишутъ, что онъ торжественно объявилъ сіе Василію, вступилъ въ тѣсную связь съ ханомъ крымскимъ и мыслилъ жениться на дочери Магметъ-Гиреевой. Государь велѣлъ ему быть

къ себѣ въ Москву; князь Іоаннъ долго не ѣхалъ; наконецъ, обманутый совѣтомъ знатнѣйшаго боярина своего, Симеона Крубина, явился предъ Василіемъ, который, уличивъ его въ неблагодарности, въ измѣнѣ, въ дружбѣ съ злодѣями Россіи, отдалъ подъ стражу, взялъ всю Рязань, а вдовствующую княгиню Агриппину сослалъ въ монастырь. Сіе случилось въ 1517 году. Когда Магметъ-Гирей шелъ къ Москвѣ, князь Іоаннъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ оттуда въ Литву, гдѣ и кончилъ жизнь въ неизвѣстности.—Такимъ образомъ, около четырехъ столѣтій бывъ отдѣльнымъ, независимымъ княженіемъ, Рязань вслѣдъ за Муромомъ и за Черниговымъ присоединилась къ сѣвернымъ владѣніямъ Мономахова потомства, которыя составили россійское единодержавіе. Она считалась тогда лучшею и богатѣйшею изъ всѣхъ областей государства Московскаго, будучи путемъ нашей важной торговли съ Азовомъ и Кафою, изобилуя медомъ, птицами, звѣрями, рыбою, особенно хлѣбомъ, такъ что нивы ея, по выраженію писателей XVI вѣка, казались густымъ лѣсомъ. Жители славились воинскимъ духомъ; ихъ упрекали высокоуміемъ и суровостію. Чтобы мирно господствовать надъ ними, великій князь многихъ перевелъ въ другія области.

Князь Василій Шемякинъ Сѣверскій отличался доблестію воинскою, былъ ужасомъ Крыма, ненавистникомъ Литвы и вѣрнымъ стражемъ южной Россіи; за что великій князь оказывалъ ему милость и далъ городъ Путивль, но опасался и не любилъ его, вопервыхъ, помня ужасный характеръ дѣда Василіева, Димитрія, а во-вторыхъ, зная безпокойный духъ внука, смѣлаго, надменнаго своими достоинствами: для того неусыпно наблюдалъ за нимъ и съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ непримиримую, взаимную злобу князей Сѣверскихъ, Шемякина и Василія Симеоновича Стародубскаго, женатаго на своячинѣ государевой. Послѣдній доносилъ, что первый ссылается съ королемъ Сигизмундомъ и мыслитъ измѣнить Россіи; а Шемякинъ требовалъ суда и писалъ къ великому князю: „Прикажи мнѣ, холопу твоему, быть въ Москвѣ, да оправдаюсь изустно и да умолкнетъ навѣки клеветникъ мой. Еще отецъ его Симеонъ злословилъ меня; сынъ хвалится безстыдствомъ и говоритъ: уморю Шемякина или самъ заслужу гнѣвъ государевъ. Изслѣдуй дѣло: если я виновенъ, то голова моя предъ Богомъ и предъ тобою“. Въ августѣ 1517 года онъ пріѣхалъ въ Москву, на другой день, въ праздникъ Успенія, обѣдалъ съ государемъ у митрополита, совершенно оправдался и хотѣлъ, чтобы ему выдали лживыхъ доносителей. Ихъ было двое: одинъ слуга князя Пронскаго, другой Стародубскаго, которые будто бы въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Литвѣ узнали о мнимой измѣнѣ Шемякина. Государь велѣлъ выдать перваго до-

носителя; второго же объявилъ невиннымъ. Шемякинъ съ честію и съ новымъ жалованьемъ возвратился въ область Сѣверскую, гдѣ властвовалъ спокойно еще пять лѣтъ, переживъ своего злодѣя Стародубскаго. Но въ 1523 году возобновились подозрѣнія: письменно обнадеженный государемъ и митрополитомъ къ личной безопасности, Шемякинъ вторично явился на судъ въ столицу, былъ обласканъ, а чрезъ нѣсколько дней заключенъ въ темницу, какъ уличенный въ тайной связи и перепискѣ съ Литвою. Сом-

ВАСИЛІЙ IV. ІОАННО-ВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

нѣвались въ истинѣ сего обвиненія; разсказывали, что одинъ умный шутъ въ Москвѣ ходилъ тогда изъ улицы въ улицу съ метлою и кричалъ: время очистить государство отъ послѣдняго сора, то-есть избавить оное отъ послѣдняго князя удѣльнаго. Народъ смѣялся, разгадывая остроумную притчу. Другіе осуждали государя и въ особенности митрополита, который обманулъ Шемякина своимъ ручательствомъ. Незадолго до сего времени Варлаамъ благочестивый, твердый и не льстецъ великому князю

ни въ какихъ случаяхъ противныхъ совѣсти, долженъ былъ оставить митрополію: на мѣсто его избрали Даніила, игумена Іосифовскаго, молодого тридцатилѣтняго человѣка, свѣжаго, румянаго лицомъ, тучнаго тѣломъ и тонкаго умомъ. Думая о политическихъ выгодахъ болѣе, нежели о христіанскихъ добродѣтеляхъ, Даніилъ оправдывалъ заключеніе Шемякина и говорилъ, что Богъ избавилъ великаго князя отъ внутренняго, домашняго врага. Не такъ мыслилъ игуменъ троицкій Порфирій, мужъ воспитанный въ пустынѣ и въ простыхъ обычаяхъ: онъ торжественно и смѣло ходатайствовалъ за гонимаго князя, беззаконно отягченнаго цѣпями; прогнѣвалъ государя и, сложивъ съ себя одежду игуменскую, удалился въ лѣсную пустыню на Бѣлоозеро.—Шемякинъ умеръ въ темницѣ. Отъ супруги его, привезенной въ Москву, отлучили всѣхъ боярынь, которыя составляли ея пышный Дворъ.—Симъ навсегда пресѣклись удѣлы въ Россіи, хотя и не безъ насилія, не безъ личныхъ жертвъ и несправедливостей, но безъ народнаго кровопролитія. Въ самыхъ благихъ, общеполезныхъ дѣяніяхъ государственныхъ видимъ примѣсь страстей человѣческихъ, какъ бы для того, чтобы исторія не представляла намъ идоловъ, будучи исторіею людей или несовершенства.

Обратимся къ дѣламъ внѣшнимъ. Вмѣсто того, чтобы наказать Магметъ-Гирея за опустошеніе Россіи, великій князь желалъ какъ можно скорѣе съ нимъ примириться. Походъ на Тавриду казался опаснымъ и безполезнымъ: даль, степи, пустыни изнурили бы войско и самый счастливый успѣхъ доставилъ бы намъ только скудную добычу: въ слѣдующее лѣто крымцы могли бы снова явиться въ нашихъ предѣлахъ. Политика великокняжеская ограничилась Литвою: тамъ видѣли мы прочныя, естественныя, языкомъ и вѣрою утверждаемыя пріобрѣтенія, нужныя для могущества Россіи; все другое относилось единственно къ сей цѣли. Посолъ Василіевъ, Наумовъ, еще оставался въ Тавридѣ и предлагалъ хану миръ; а Магметъ-Гирей, готовя месть Астрахани, также хотѣлъ возобновить дружбу съ нами и прислалъ своихъ пословъ въ Москву; самъ же выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ къ устью Волги.

Въ Астрахани господствовалъ тогда Усеинъ, сынъ умершаго царя Ченибека: онъ искалъ покровительства Россіи, но не успѣлъ защитить себя отъ нашествія Магметъ-Гирея, который вмѣстѣ съ ногайскимъ княземъ Мамаемъ осадилъ Астрахань, изгналъ Усеина и, завоевавъ сей важный торговый городъ, исполнилъ такимъ образомъ свое давнишнее властолюбивое намѣреніе: совокупить три Батыевы царства — Казань, Астрахань и Тавриду— въ единую державу, которая могла бы и далѣе расшириться на

Востокъ покоренiемъ ногаевъ, шибанскихъ или тюменскихъ и хивинскихъ моголовъ, примкнуть отъ моря Каспiйскаго къ Персiи, къ Сибири и новыми тучами варваровъ угрожать образованному Западу. Василiй предвидѣлъ сiю опасность: для того, стараясь удержать Казань въ зависимости отъ Россiи, не хотѣлъ помогать Магметъ-Гирею на Астрахань и, договариваясь съ нимъ о мирѣ, заключилъ тѣсный союзъ съ ея царемъ, коего послы свѣдали въ Москвѣ о бѣдствiи ихъ отечества. Но безпокойство великаго князя было непродолжительно: варваръ можетъ имѣть властолюбiе, смѣлость и счастiе, только не умѣетъ пользоваться успѣхами: легко прiобрѣтая, легко и теряетъ. Магметъ-Гиреево величiе исчезло какъ сновидѣнiе.

Услышавъ о завоеванiи Астрахани, Саипъ-Гирей, царь казанскiй, вздумалъ праздновать оное кровопролитiемъ: уже не боясь Россiи и въ безумной гордости считая всякую дальнѣйшую умѣренность малодушiемъ, онъ велѣлъ умертвить всѣхъ московскихъ купцовъ и посла государева, Василья Юрьева. Вѣсть о семъ ужасномъ злодѣйствѣ достигла Москвы въ одно время съ другою, весьма для насъ благопрiятною: о внезапной гибели Магметъ-Гирея и бѣдствiяхъ Тавриды. Между тѣмъ, какъ онъ, торжествуя побѣду, веселился и пировалъ въ богатой Астрахани, сподвижникъ его, князь ногайскiй Мамай, готовилъ ему сѣть, по внушенiямъ брата своего Агиша. „Что ты дѣлаешь? — говорилъ Агишъ: — служишь орудiемъ сильному, властолюбивому сосѣду, который мыслитъ поработить всѣхъ насъ, одного за другимъ. Опомнись, или будетъ поздно". Мамай согласился съ братомъ, условился въ мѣрахъ и началъ доказывать хану, что ихъ войско слабѣетъ духомъ и тѣломъ въ городѣ; что надобно стоять въ полѣ, гдѣ татаринъ дышитъ свободно и пылаетъ мужествомъ. Мегметъ-Гирей, принявъ совѣтъ, вышелъ изъ города; но въ станѣ велъ роскошную, безпечную жизнь, не воображая никакихъ опасностей: воины ходили безъ оружiя. Вдругъ Агишъ и Мамай съ толпами ногайскими окружаютъ царскiй шатеръ, въ коемъ Магметъ-Гирей спокойно обѣдалъ съ юнымъ сыномъ Богатырь-Салтаномъ: убиваютъ ихъ и многихъ вельможъ; нападаютъ на станъ, рѣжутъ изумленныхъ крымцевъ, гонятъ бѣгущихъ, топятъ въ Дону. Только двое изъ сыновей ханскихъ, Казы-Гирей и Бибей, съ пятидесятью князьями, прибѣжали въ Тавриду: вслѣдъ за ними вринулись и ногаи въ ея беззащитные улусы, захватили стада, выжгли селенiя, плавали въ крови женъ и младенцевъ, которые укрывались въ лѣсахъ или въ ущелинахъ горъ. Вельможи крымскiе собрали, наконецъ, тысячъ двѣнадцать воиновъ и сразились съ ногаями; но разбитые на-голову, едва спаслися бѣгствомъ въ Перекопь, охраняемую султанскими янычарами.

Въ то же время атаманъ днѣпровскихъ казаковъ, Евстафій Дашковичъ, бывъ дотолѣ союзникомъ крымскимъ, сжегъ укрѣпленія Очакова и все истребилъ, что могъ, въ Тавридѣ.

Московскій бояринъ Колычовъ, посланный еще къ Магметъ-Гирею, находясь въ Перекопи, былъ свидѣтелемъ сихъ происшествій. Когда ногаи и Дашковичъ удалились, сынъ ханскій Казы-Гирей назвалъ себя царемъ Тавриды; но долженъ былъ уступить престолъ дядѣ Сайдетъ-Гирею, который, съ султанскимъ указомъ и съ янычарами пріѣхалъ изъ Константинополя, удавилъ племянника въ Кафѣ, торжественно воцарился и спѣшилъ предложить Василію свою дружбу, хваляся могуществомъ и величіемъ. „Отецъ твой, — писалъ онъ къ государю, — безопасно стоялъ за хребтомъ моего отца, и его саблею сѣкъ головы непріятелямъ. Да будетъ любовь и между нами. Имѣю рать сильную: великій султанъ мнѣ покровитель, царь астраханскій Уссинъ другъ, казанскій Саипъ-Гирей братъ, ногаи, черкасы и Тюмень подданные, король Сигизмундъ холопъ, волохи путники мои и стадники. Исполняя волю султанову, хочу жить съ тобою въ тѣсномъ братствѣ. Не тревожь моего единокровнаго въ Казани. Минувшее забудемъ. Литвѣ не дадимъ покоя“, и проч. Новый ханъ требовалъ отъ Василія шестидесяти тысячъ алтынъ, увѣряя, что истинные братья никогда не отказываютъ другъ другу въ такихъ бездѣлицахъ. Хотя въ Москвѣ знали, что Крымъ находится въ самомъ ужасномъ опустошеніи, что Сайдетъ-Гирей не могъ тогда имѣть ни двѣнадцати тысячъ исправныхъ воиновъ; однакожъ великій князь старался воспользоваться добрымъ расположеніемъ хана и заключить съ нимъ союзъ, чтобы по крайней мѣрѣ не опасаться набѣговъ крымскихъ; только не далъ ему денегъ, и въ разсужденіи царя казанскаго отвѣтствовалъ: „Государи воюютъ, но пословъ и купцовъ не убиваютъ: нѣтъ и не будетъ мира съ злодѣемъ“.

Между тѣмъ шли переговоры съ Тавридою объ условіяхъ союза; войско наше дѣйствовало противъ Казани. Самъ государь ѣздилъ въ Нижній-Новгородъ, откуда послалъ царя Шигъ-Алея и князя Василія Шуйскаго съ судовою, а князя Бориса Горбатаго съ конною ратію. Они не только воевали непріятельскую землю, убивая, плѣняя людей на берегахъ Волги, но сдѣлали и нѣчто важнѣйшее: основали городъ при устьѣ Суры, назвавъ его именемъ Василія, и, стѣснивъ предѣлы казанскаго царства, сею твердынею защитили Россію: валъ, острогъ и деревянныя стѣны были достаточны для приведенія варваровъ въ ужасъ. Алей и Шуйскій возвратились осенью. Нетрудно было предвидѣть, что россіяне возобновятъ нападеніе въ благопріятнѣйшее время: Саипъ-Гирей искалъ опоры и рѣшился объявить себя

подданнымъ великаго Солимана съ условіемъ, чтобы онъ спасъ его отъ мести Василіевой. Могъ ли, дѣйствительно, глава мусульманъ не вступиться въ такомъ случаѣ за единовѣрнаго? Однакожъ сіе заступленіе, весьма легкое и какъ бы мимоходомъ, оказалось безполезнымъ: князь манкупскій Скиндеръ, находясь тогда въ Москвѣ единственно по дѣламъ купеческимъ, именемъ султана объявилъ нашимъ боярамъ, что Казань есть турецкая область; но удовольствовался отвѣтомъ, что Казань была, есть и будетъ подвластна россійскому государю; что Саипъ-Гирей мятежникъ и не имѣетъ права дарить ею султана.

Весною полки, гораздо многочисленнѣйшіе, выступили къ Казани, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завоевать оную. Въ судовой рати главными начальниками были Шигъ-Алей, князья Иванъ Бѣльскій и Горбатый, Захарьинъ, Симеонъ Курбскій, Иванъ Лятскій; а въ конной бояринъ Хабаръ Симскій. Число воиновъ, какъ увѣряютъ, простиралось до 150 тысячъ. Слухъ о семъ необыкновенномъ ополченіи столь устрашилъ Саипъ-Гирея, что онъ немедленно бѣжалъ въ Тавриду, оставивъ въ Казани юнаго, тринадцати-лѣтняго племянника Сафа-Гирея, внука Менгли-Гиреева, и сказавъ жителямъ, что ѣдетъ искать помощи султановой, которая одна можетъ спасти ихъ. Гнушаясь его малодушіемъ, ненавидя и боясь россіянъ, они назвали Сафа-Гирея царемъ, клялися умереть за него и приготовились къ оборонѣ вмѣстѣ съ черемисами и чувашами. 7 іюля судовая рать московская явилась предъ Гостинымъ островомъ, выше Казани; войско расположилось на берегу и 20 дней провело въ бездѣйствіи, ожидая Хабара Симскаго съ конницею. Непріятель также стоялъ въ полѣ; тревожилъ россіянъ частными, маловажными нападеніями; изъявлялъ смѣлость. Презирая отрока Сафа-Гирея, Алей писалъ къ нему, чтобы онъ мирно удалился въ свое отечество и не былъ виновникомъ кровопролитія. Сафа-Гирей отвѣтствовалъ: „чья побѣда, того и царство: сразимся“. Въ сіе время загорѣлась казанская деревянная крѣпость: воеводы московскіе не двинулись съ мѣста, дали жителямъ спокойно гасить огонь и строить новую стѣну; 28 іюля перенесли станъ на луговую сторону Волги, къ берегамъ Казанки, и опять ничего не дѣлали; а непріятель жегъ нивы въ окрестностяхъ и, занявъ всѣ дороги, наблюдалъ, чтобы мы не имѣли никакихъ подвозовъ. Истративъ свои запасы, войско уже терпѣло недостатокъ—и вдругъ разнесся слухъ, что конница наша совершенно истреблена непріятелемъ. Ужасъ объялъ воеводъ. Не знали, что предпринять: боялись идти назадъ и медленно плыть Волгою вверхъ; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухимъ путемъ черезъ отдаленную Вятку. Оказалось, что дикіе черемисы разбили только

одинъ конный отрядъ московскій; что мужественный Хабаръ въ двадцати-верстахъ отъ Казани, на берегу Свіяги, одержалъ славную побѣду надъ ними, чувашами и казанцами, хотѣвшими не допустить его до соединенія съ Алеемъ: множество взялъ въ плѣнъ, утопилъ въ рѣкѣ и съ трофеями прибылъ въ станъ главной рати.

Не столь счастливъ былъ князь Иванъ Палецкій, который изъ Нижняго-Новгорода шелъ на судахъ къ Казани съ хлѣбомъ и съ тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ. Тамъ, гдѣ Волга, усѣянная островами, стѣсняется между ими, черемисы запрудили рѣку каменьемъ и деревьями. Сія преграда изумила россіянъ. Суда, увлекаемыя стремленіемъ воды, разбивались одно о другое или о камни, а съ высокаго берега сыпались на нихъ стрѣлы и катились бревна, пускаемыя черемисами. Погибло нѣсколько тысячъ людей, убитыхъ или утопшихъ, и князь Палецкій, оставивъ въ рѣкѣ большую часть военныхъ снарядовъ, съ немногими судами достигъ нашего стана. Сіе бѣдствіе, какъ думаютъ, произвело извѣстную старинную пословицу: съ одну сторону черемиса, а съ другой—берегися. „Волга,—пишетъ казанскій историкъ,—сдѣлалась тогда для варваровъ златоструйнымъ Тигромъ: кромѣ пушекъ и ядеръ, они пудами извлекали изъ ея глубины серебро и драгоцѣнное оружіе москвитянъ“.

Хотя россіяне обступили, наконецъ, крѣпость и могли бы взять ее, тѣмъ вѣроятнѣе, что въ самый первый день осады, убивъ лучшаго непріятельскаго пушкаря, видѣли замѣшательство казанцевъ и худое дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда; хотя нѣмецкіе и литовскіе воины, наемники государевы, требовали приступа; но воеводы, опасаясь неудачи и голода, предпочли миръ: ибо казанцы, устрашенные побѣдою Симскаго, выслали къ нимъ дары, обѣщаясь немедленно отправить посольство къ великому князю, умилостивить его, загладить свою вину. Малодушные, или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ослѣпленные золотомъ начальники прекратили войну, сняли осаду и вышли изъ земли Казанской безъ славы и съ болѣзнію, отъ коей умерло множество людей, такъ что едва ли половина рати осталась въ живыхъ. Главный воевода, князь Иванъ Бѣльскій, лишился милости государевой; но митрополитъ исходатайствовалъ ему прощеніе.

Послы казанскіе, дѣйствительно, пріѣхали къ государю; молили его, чтобы онъ утвердилъ Сафа-Гирея въ достоинствѣ царя и въ такомъ случаѣ обязывались, какъ и прежде, усердствовать Россіи. Василій требовалъ доказательствъ и залога въ вѣрности сего народа, постояннаго единственно въ обманахъ и злодѣйствѣ; впрочемъ, желалъ обойтися безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Бояринъ князь Пенковъ былъ въ Казани для переговоровъ.

Между тѣмъ государь безъ оружія нанесъ ей ударъ весьма чувствительный: запретилъ нашимъ купцамъ ѣздить на ея лѣтнюю ярмарку и назначилъ для ихъ торговли съ Азіею мѣсто въ Нижегородской области, на берегу Волги, гдѣ нынѣ Макарьевъ, отчего сія славная ярмонка упала: ибо астраханскіе, персидскіе, армянскіе купцы всего болѣе искали тамъ нашихъ мѣховъ, и сами казанцы лишились вещей необходимыхъ, напримѣръ, соли, которую они получали изъ Россіи. Но какъ трудно перемѣнять старыя обыкновенія въ путяхъ купечества, то мы, сдѣлавъ зло другимъ, увидѣли и собственный вредъ; не скоро можно было пріучить людей къ новому, дикому, ненаселенному мѣсту, гдѣ нѣкогда существовалъ уединенный монастырь, заведенный св. Макаріемъ Унженскимъ и разрушенный татарами при Василіи Темномъ. Цѣна азіатскихъ ремесленныхъ произведеній у насъ возвысилась; открылся недостатокъ въ нужномъ, особенно въ соленой рыбѣ, покупаемой въ Казани. Однимъ словомъ, досадивъ казанскому народу, великій князь досадилъ и своему, который не могъ предвидѣть, что сіе юное торжище будетъ современемъ нашею славною Макарьевскою ярмонкою, едва ли не богатѣйшею въ свѣтѣ. Жаловались, что государь ищетъ себѣ непріятелей, равно какъ осуждали его и за основаніе города въ землѣ Казанской, хотя дальновиднѣйшіе изъ самыхъ современниковъ знали, что дѣло идетъ не объ истинномъ дружествѣ съ нею, но о вѣрнѣйшемъ ея, для насъ необходимомъ, покореніи, и хвалили за то великаго князя.— Слѣдствіемъ переговоровъ между нами и Казанью было пятилѣтнее мирное бездѣйствіе съ обѣихъ сторонъ.

Тогда великій князь, свободный отъ дѣлъ воинскихъ, занимался важнымъ дѣломъ семейственнымъ, тѣсно связаннымъ съ государственною пользою. Онъ былъ уже двадцать лѣтъ супругомъ, не имѣя дѣтей, слѣдственно и надежды имѣть ихъ. Отецъ съ удовольствіемъ видитъ наслѣдника въ сынѣ: таковъ уставъ въ природѣ; но братья не столь близки къ сердцу и Василіевы не оказывали ни великихъ свойствъ душевныхъ, ни искренной привязанности къ старѣйшему, болѣе опасаясь его какъ государя, нежели любя какъ единокровнаго. Современный лѣтописецъ повѣствуетъ, что великій князь, ѣдучи однажды на позлащенной колесницѣ, внѣ города, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо, заплакалъ и сказалъ: „птицы счастливѣе меня; у нихъ есть дѣти!“ Послѣ онъ также со слезами говорилъ боярамъ: „кто будетъ моимъ и русскаго царства наслѣдникомъ? братья ли, которые не умѣютъ править и своими удѣлами?“ Бояре отвѣтствовали: „Государь! неплодную смоковницу посѣкаютъ: на ея мѣстѣ садятъ иную въ вертоградѣ“. Не только придворные угодники, но и ревностные друзья отечества могли совѣтовать Василію, чтобы онъ развелся

съ Соломоніею, обвиняемою въ неплодіи, и новымъ супружествомъ даровалъ наслѣдника престолу. Слѣдуя ихъ мнѣнію и желая быть отцомъ, государь рѣшился на дѣло жестокое въ смыслѣ нравственности: немилосердно отвергнуть отъ своего ложа невинную, добродѣтельную супругу, которая двадцать лѣтъ жила единственно для его счастія; предать ее въ жертву горести, стыду, отчаянію, нарушить святый уставъ любви и благодарности. Если митрополитъ Даніилъ, снисходительный, уклончивый, внимательный къ міру болѣе, нежели къ духу, согласно съ великокняжескимъ синклитомъ, призналъ намѣреніе Василіево законнымъ или еще похвальнымъ, то нашлись и духовные, и міряне, которые смѣло сказали государю, что оно противно совѣсти и церкви. Въ числѣ ихъ былъ пустынный инокъ Вассіанъ, сынъ князя Литовскаго Ивана Юрьевича Патрикѣева, и самъ нѣкогда знатнѣйшій бояринъ, вмѣстѣ съ отцомъ въ 1499 году неволею постриженный въ монахи за усердіе къ юному великому князю, несчастному Димитрію. Сей мужъ уподоблялся, какъ пишутъ, древнему святому Антонію: его заключили въ Волоколамскомъ монастырѣ, коего иноки любили угождать мірской власти: а престарѣлаго воеводу князя Симеона Курбскаго, завоевателя земли Югорской, строгаго постника и христіанина, удалили отъ Двора; ибо онъ также ревностно вступался за права Соломоніи. Самые простолюдины— одни по естественной жалости, другіе по Номоканону—осуждали Василія. Чтобы обмануть законъ и совѣсть, предложили Соломоніи добровольно отказаться отъ міра: она не хотѣла. Тогда употребили насиліе: вывели ее изъ дворца, постригли въ Рожественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, увезли въ Суздаль и тамъ, въ женской обители, заключили. Увѣряютъ, что несчастная противилась совершенію беззаконнаго обряда, и что сановникъ великокняжескій Иванъ Шигона угрожалъ ей не только словами, но и побоями, дѣйствуя именемъ государя; что она залилась слезами и, надѣвая ризу инокини, торжественно сказала: „Богъ видитъ и отмститъ моему гонителю“. — Не умолчимъ здѣсь о преданіи любопытномъ, хотя и недостовѣрномъ: носился слухъ, что Соломонія, къ ужасу и безполезному раскаянію великаго князя, оказалась послѣ беременною, родила сына, дала ему имя Георгія, тайно воспитывала его и не хотѣла никому показать, говоря: „въ свое время онъ явится въ могуществѣ и славѣ“. Многіе считали то за истину; другіе за сказку, вымышленную друзьями сей несчастной, добродѣтельной княгини.

Разрѣшивъ узы своего брака, Василій, по уставу церковному, не могъ вторично быть супругомъ: чья жена съ согласія мужа постригается, тотъ долженъ самъ отказаться отъ свѣта. Но митрополитъ далъ благословеніе и государь чрезъ два мѣсяца женился

на княжнѣ Еленѣ, дочери Василія Глинскаго, къ изумленію нашихъ бояръ, которые не думали, чтобы родъ чужеземныхъ измѣнниковъ удостоился такой чести. Можетъ быть, не одна красота невѣсты рѣшила выборъ; можетъ быть Елена, воспитанная въ знатномъ владѣтельномъ домѣ и въ обычаяхъ нѣмецкихъ, коими славился ея дядя, Михаилъ, имѣла болѣе пріятности въ умѣ, нежели тогдашнія юныя россіянки, научаемыя единственно цѣломудрію и кроткимъ, смиреннымъ добродѣтелямъ ихъ пола. Нѣкоторые думали, что великій князь изъ уваженія къ достоинствамъ Михаила Глинскаго женился на его племянницѣ, дабы оставить въ немъ надежнаго совѣтника и путеводителя своимъ дѣтямъ. Сіе менѣе вѣроятно: ибо Михаилъ послѣ того еще болѣе года сидѣлъ въ темницѣ, освобожденный, наконецъ, ревностнымъ ходатайствомъ Елены.—Свадьба была великолѣпна. Праздновали три дни. Дворъ блисталъ необыкновенною пышностію. Любя юную супругу, Василій желалъ ей нравиться не только ласковымъ обхожденіемъ съ нею, но и видомъ молодости, которая отъ него удалялась: обрилъ себѣ бороду и пекся о своей пріятной наружности.

Въ теченіе пяти лѣтъ Россія имѣла единственно мирныя сношенія съ иными державами. Еще при жизни Леона X одинъ генуэзскій путешественникъ, называемый капитаномъ Павломъ, съ дружелюбнымъ письмомъ отъ сего папы и нѣмецкаго магистра Альбрехта былъ въ Москвѣ, имѣя важное намѣреніе проложить купеческую дорогу въ Индостанъ черезъ Россію посредствомъ рѣкъ Инда, Окса или Гигона, моря Каспійскаго и Волги. Прежде счастливаго окрытія Васка де-Гамы товары индѣйскіе шли въ Европу или Персидскимъ заливомъ, Евфратомъ, Чернымъ моремъ, или Заливомъ Аравійскимъ, Ниломъ и моремъ Средиземнымъ; но португальцы, въ началѣ XVI вѣка овладѣвъ берегами Индіи, захвативъ всю ея торговлю и давъ ей удобнѣйшій путь океаномъ, мимо Африки, употребляли свою выгоду во зло и столь возвысили цѣну пряныхъ зелій, что Европа справедливо жаловалась на безумное корыстолюбіе лиссабонскихъ купцовъ. Говорили даже, что ароматы индѣйскіе въ дальнемъ плаваніи теряютъ запахъ и силу. Движимый ревностію отнять у Португаліи исключительное право сей торговли, генуэзскій путешественникъ убѣдительно представлялъ нашимъ боярамъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ можемъ обогатиться ею; что казна государева наполнится золотомъ отъ купеческихъ пошлинъ; что россіяне, любя употреблять пряныя зелья, будутъ имѣть оныя въ изобиліи и дешево; что ему надобно только узнать теченіе рѣкъ, впадающихъ въ Волгу, и что онъ проситъ великаго князя отпустить его водою въ Астрахань. Но государь, какъ пишутъ, не хотѣлъ открыть иноземцу путей нашей торговли съ Востокомъ. Павелъ возвратился въ Италію по смерти

Леона X, вручилъ отвѣтную Василіеву грамоту папѣ Адріану и въ 1525 году вторично пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ отъ новаго папы Климета VII уже не по торговымъ дѣламъ, но въ видѣ посла, дабы склонить великаго князя къ войнѣ съ турками и къ соединенію церквей: за что Климентъ, подобно Леону, предлагалъ ему достоинство короля. Сей опытъ, какъ и всѣ прежніе, не имѣлъ успѣха: Василій, довольный именемъ великаго князя и царя, не думалъ о королевскомъ, не хотѣлъ искать новыхъ враговъ и помнилъ худыя слѣдствія Флорентійскаго собора; однакожъ принялъ съ уваженіемъ и посла, и грамоту, честилъ его два мѣсяца въ Москвѣ и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Италію гонца своего Димитрія Герасимова, о коемъ славный историкъ того вѣка, Павелъ Іовій, говоритъ съ похвалою, сказывая, что онъ учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ латинскій, былъ употребляемъ великимъ княземъ въ посольствахъ шведскомъ, датскомъ, прусскомъ, вѣнскомъ; имѣлъ многія свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріятность въ обхожденіи. Папа велѣлъ отвести ему богато украшенныя комнаты въ замкѣ св. Ангела. Отдохнувъ нѣсколько дней, Димитрій въ великолѣпной русской одеждѣ представился Клименту, поднесъ дары и письмо государево, наполненное единственно учтивостями. Великій князь изъявлялъ желаніе быть въ дружбѣ съ папою, утверждать оную взаимными посольствами, видѣть торжество христіанства и гибель невѣрныхъ, прибавляя, что онъ издавна караетъ ихъ въ честь Божіею. Ждали, что Димитрій объявитъ на словахъ какія нибудь тайныя порученія государевы: онъ занемогъ въ Римѣ и долго находился въ опасности; наконецъ выздоровѣлъ, осмотрѣлъ всѣ достопамятности древней столицы міра, новыя зданія, церкви; хвалилъ пышное служеніе папы, восхищался музыкою, присутствовалъ въ кардинальскомъ совѣтѣ, бесѣдовалъ съ учеными мужами и въ особенности съ Павломъ Іовіемъ; разсказывалъ имъ много любопытнаго о своемъ отечествѣ; но, къ неудовольствію папы, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ повелѣній отъ Василія для переговоровъ о дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ.—Димитрій возвратился въ Москву (въ іюлѣ 1526 года) съ новымъ посломъ Климентовымъ Іоанномъ Францискомъ, епископомъ Скаренскимъ, коему надлежало доставить миръ христіанству, то-есть Литвѣ. Явился и другой, еще знаменитѣйшій посредникъ въ семъ дѣлѣ.

Кончина Максимиліанова прервала сообщеніе нашего Двора съ Имперіею. Хитрый, властолюбивый юноша Карлъ V, заступивъ мѣсто дѣда на ея престолѣ, не имѣлъ времени мыслить о Сѣверѣ, повелѣвая Испаніею, Австріею, Нидерландами и споря о господствѣ надъ всею юго-западною Европою съ прямодушнымъ героемъ Францискомъ I. Долго ждавъ, чтобы Карлъ вспомнилъ

о Россіи, великій князь рѣшился самъ отправить къ нему гонца съ привѣтствіемъ. За симъ возобновились торжественныя посольства съ обѣихъ сторонъ. Австрійскій государственный совѣтникъ Антоній прибылъ въ Москву съ дружественными грамотами, а князь Иванъ Ярославскій-Засѣкинъ ѣздилъ съ такими же отъ Василія къ императору въ Мадритъ въ то самое время, когда несчастный Францискъ I находился тамъ плѣнникомъ, и когда Европа не безъ ужаса видѣла быстрые успѣхи Карлова властолюбія, угрожавшаго ей всемірною монархіею или зависимостію всѣхъ державъ отъ единой сильнѣйшей, какой не бывало послѣ Карла Великаго въ теченіе семи вѣковъ. Только Россія, хотя уже съ любопытствомъ наблюдающая государственныя движенія въ Европѣ, но еще далѣе враждебной Литвы не зрящая для себя прямыхъ опасностей, оставалась вдали спокойною и даже могла желать, чтобы Карлъ исполнилъ намѣреніе дѣда присоединеніемъ Венгріи и Богеміи ко владѣніямъ австрійскаго дома (какъ и случилось): ибо сіи двѣ воинственныя державы, управляемыя Сигизмундовымъ племянникомъ Людовикомъ, служили опорою Литвѣ и Польшѣ. Не имѣя никакого совмѣстничества съ императоромъ и справедливо угадывая, что оно есть или будетъ между имъ и королемъ польскимъ, великій князь предложилъ Карлу склонить Сигизмунда къ твердому миру съ Россіею, или благоразумными убѣжденіями или страхомъ оружія, по торжественному Максиміліанову обѣщанію. Въ удовольствіе Василія императоръ, отпустивъ князя Засѣкина изъ Мадрита, вмѣстѣ съ нимъ послалъ графа Леонарда Нугарольскаго, а братъ его, эрцгерцогъ австрійскій Фердинандъ—барона Герберштеина въ Польшу, чтобы объясниться съ королемъ въ разсужденіи мирныхъ условій и ѣхать въ Москву для окончанія сего дѣла. Но Сигизмундъ, уже опасаясь замысловъ императора на Венгрію, худо вѣрилъ его доброжелательству и сказалъ посламъ, что онъ не просилъ ихъ государей быть миротворцами и можетъ самъ унять Россію, примолвивъ съ досадою: „какая дружба у князя Московскаго съ императоромъ? что они: ближніе сосѣды или родственники?“ Однакожъ послалъ къ Василію воеводу своего Петра Кишку и маршалка Богуша, которые вслѣдъ за графомъ Леонардомъ и Герберштеиномъ пріѣхали въ нашу столицу. Великій князь былъ въ Можайскѣ, увеселяясь звѣриною ловлею: тамъ и начались переговоры. Король возобновилъ старыя требованія на все отнятое у Литвы Іоанномъ, называя и Новгородъ и Псковъ ея достояніемъ; а мы хотѣли Кіева, Полоцка, Витебска. Посредники, епископъ Скаренскій, Леонардъ и Герберштеинъ, совѣтуя обѣимъ сторонамъ быть умѣреннѣе, предложили Василію уступить королю хотя половину Смоленска: бояре объявили сіе невозможнымъ; отверг-

нули и перемиріе на двадцать лѣтъ, желаемое Сигизмундомъ; согласились единственно продолжить оное до 1533 года, и то изъ особеннаго уваженія къ императору и папѣ, какъ изъяснился великій князь, жалуясь на худое расположеніе короля къ истинному миру и нелѣпость его требованій. Споры о нашихъ границахъ съ Литвою остались безъ изслѣдованія, а плѣнники въ заточеніи. Посламъ Сигизмундовымъ была и личная досада: за столомъ великокняжескимъ давали имъ мѣсто ниже римскаго, императорскаго и самого Фердинандова посла. Утверждая перемирную грамоту, Василій говорилъ рѣчь о своей пріязни къ папѣ, Карлу, эрцгерцогу; о любви къ тишинѣ, справедливости и проч. На стѣнѣ висѣлъ золотой крестъ: думный бояринъ, снявъ его, обтеръ бѣлымъ платомъ. Дьякъ въ обѣихъ рукахъ держалъ хартіи договорныя. Великій князь всталъ съ мѣста; указывая на грамоту, сказалъ: „исполню съ Божіею помощію“; взглянулъ съ умиленіемъ на крестъ и, тихо читая молитву, приложился къ оному. То же сдѣлали и литовскіе чиновники. Въ заключеніе обряда пили вино изъ большого кубка. Государь снова увѣрилъ пословъ въ своемъ дружествѣ къ Клименту и къ Максиміановымъ наслѣдникамъ; обратился къ панамъ литовскимъ, кивнулъ головою, велѣлъ имъ кланяться Сигизмунду и желалъ счастливаго пути. Они всѣ вмѣстѣ выѣхали изъ Можайска, а за ними наши послы. Трусовъ и Лодыгинъ въ Римъ, Ляпунъ и Волосатый — къ императору и къ эрцгерцогу, окольничій Лятцкій — къ Сигизмунду.—Хотя король утвердилъ договоръ и клятвенно обязался быть нашимъ мирнымъ сосѣдомъ, но взаимныя жалобы не могли прекратиться до самой кончины Василіевой: ибо литовцы и россіяне пограничные вели, такъ сказать, явную, всегдашнюю войну между собою, отнимая земли другъ у друга. Тщетно судьи съ обѣихъ сторонъ выѣзжали на рубежъ: то литовскіе не могли дождаться нашихъ, то наши литовскихъ. Къ неудовольствію Сигизмунда, Василій принялъ къ себѣ князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго, выдалъ за него дочь сестры своей, Анастасію, сносился съ господаремъ молдавскимъ, непріятелемъ Литвы, и задержалъ (въ 1528 году) бывшихъ у насъ королевскихъ пословъ, свѣдавъ, что въ Минскѣ остановили молдавскаго на пути его въ Россію. Король не хотѣлъ именовать Василія великимъ государемъ, а мы не хотѣли называть короля россійскимъ и прусскимъ. По крайней мѣрѣ плѣнниковъ нашихъ и литовскихъ, въ силу перемирія, продолженнаго еще на годъ, выпустили изъ темницъ и не обременяли цѣпями какъ злодѣевъ.

Вслѣдствіе одной изъ достопамятнѣйшихъ государственныхъ перемѣнъ въ мірѣ, Швеція, послѣ долговременнаго неустройства, угнетенія, безначалія, какъ бы обновленная въ своихъ жизнен-

ныхъ силахъ, образовалась, возставала тогда подъ эгидою великаго мужа, Густава Вазы, который изъ рудокопни восшелъ на тронъ, озарилъ его славою, утвердилъ мудростію; возвеличилъ государство, ободрилъ народъ, былъ честію вѣка, монарховъ и людей. Освободивъ королевство свое отъ ига датчанъ, не думая о суетной воинской славѣ, думая только о мирномъ благоденствіи шведовъ, Густавъ искалъ дружбы Василія и подтвердилъ заключенное съ Россіею перемиріе на 60 лѣтъ. Совѣтники его Канутъ Эриксонъ и Біорнъ Классонъ пріѣзжали для того въ Новгородъ къ намѣстнику князю Ивану Ивановичу Оболенскому и дворецкому Сабурову, а Эрикъ Флемингъ въ Москву. Уже Христіанъ, ненавистный и шведамъ, и датчанамъ, скитался изгнанникомъ по Европѣ: преемникъ сего Нерона, король Фридерикъ, менѣе властолюбивый, призналъ независимость Швеціи, и Василій, слыша о великихъ дѣлахъ Густава, тѣмъ охотнѣе согласился жить съ нимъ въ мирномъ сосѣдствѣ: дозволилъ шведскимъ купцамъ имѣть свой особенный дворъ въ Новѣгородѣ и торговать во всей Россіи; обѣщалъ совершенную безопасность финскимъ земледѣльцамъ, которые боялись селиться близъ нашей границы, и велѣлъ, въ угодность королю, заточить въ Москвѣ славнаго датскаго адмирала Норби. Сей воинъ мужественный, но свирѣпый, по изгнаніи Христіана, завладѣлъ было Готландіею, сдѣлался морскимъ разбойникомъ, не щадилъ никого, бралъ всѣ корабли безъ исключенія, и въ особенности злодѣйствовалъ Швеціи; наконецъ, разбитый ея флотомъ, бѣжалъ въ Россію, чтобы возбудить насъ противъ Густава. Великій князь объявилъ Норби мятежникомъ и наказалъ его въ удостовѣреніе, что хочетъ мира и тишины на Сѣверѣ.

Утративъ надежду имѣть союзника въ султанѣ, Василій милостиво угощалъ его посланника Скиндера, который еще три раза былъ въ Москвѣ по торговымъ дѣламъ, и тамъ внезапно умеръ съ именемъ корыстолюбиваго и злого клеветника: ибо онъ, несправедливо жалуясь на скупость и худой пріемъ великаго князя, хвалился, что убѣдитъ Солимана воевать съ нами; но умный султанъ не могъ быть орудіемъ подлаго грека и, не думая умножать числа своихъ непріятелей, оставался другомъ Россіи, хотя и безполезнымъ, и въ концѣ 1530 года писалъ къ Василію послѣднее ласковое письмо съ туркомъ Ахматомъ, коему надлежало купить въ Москвѣ нѣсколько кречетовъ и мѣховъ собольихъ.

Въ сіе время одни крымскіе хищники тревожили Россію, несмотря на усиліе великаго князя быть въ мирѣ съ ханомъ и на союзныя грамоты, послѣ многихъ переговоровъ утвержденныя взаимною клятвою. Сайдетъ-Гирей, ненавидимый народомъ и князьями за его любовь къ турецкимъ обычаямъ, лилъ кровь знат-

нѣйшихъ людей и не могъ держаться на своемъ ужасномъ тронѣ, бывъ два раза изгнанъ племянникомъ, сыномъ Магметъ-Гирея, Исламомъ; примирился съ нимъ, далъ ему санъ калги, грабилъ Литву и требовалъ денегъ отъ Василія, который, видя ненадежность ханской власти, сдѣлался тѣмъ умѣреннѣе въ дарахъ. Послы Сайдетъ-Гиреевы находились въ Москвѣ, когда донесли государю, что царевичъ Исламъ идетъ на Россію. Войско наше заняло берегъ Оки, стояло долго, не видало непріятеля и разошлося осенью по городамъ: вдругъ запылали села рязанскія: Исламъ стремился къ Коломнѣ и Москвѣ. Но воеводы, князья Одоевскій и Мстиславскій, оставались на Угрѣ; не пустили разбойниковъ за Оку и съ великимъ урономъ прогнали, въ числѣ многихъ плѣнныхъ захвативъ перваго Исламова любимца Янглыча Мурзу. Государь былъ въ Коломнѣ: раздраженный вѣроломствомъ хана, онъ велѣлъ утопить крымскихъ пословъ. И съ варварами не должно быть варваромъ. Самъ великій князь устыдился такого дѣла и приказалъ объявить хану, что послы убиты московскою чернію. Нимало не удивленный ихъ казнію, столь несогласною съ народнымъ правомъ, Сайдетъ-Гирей винилъ только своего племянника, будто бы самовольно дерзнувшаго напасть на Россію; снова клялся въ истинномъ дружествѣ къ Василію и, нагло ограбивъ его посла, не мѣшалъ крымцамъ злодѣйствовать въ областяхъ Бѣлевскихъ и Тульскихъ. Наконецъ, сверженный съ престола князьями и народомъ, бѣжалъ къ султану. Но Россія ничего не выиграла сею перемѣною: сперва Исламъ, властвовавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тавридѣ, а послѣ Саипъ, бывшій царь казанскій, утвержденный султаномъ въ достоинствѣ хана, угрожали намъ войною и пламенемъ, хотя оба, гонимые Сайдетъ-Гиреемъ, прежде искали милости въ великомъ князѣ, названномъ отцѣ Ислама и братѣ Саипъ-Гирея: они непрестанно хотѣли богатыхъ даровъ.

Къ счастію, Казань усмирилась на время. Юный Сафа-Гирей, ненавистникъ Россіи, исполняя желаніе народа, требовалъ рѣшительнаго мира отъ великаго князя, винился передъ нимъ, обѣщался быть его вѣрнымъ присяжникомъ. Посолъ московскій Андрей Пильемовъ взялъ съ царя, вельможъ и гражданъ клятвенную въ томъ грамоту; а Василій отправилъ къ нимъ свою съ княземъ Иваномъ Палецкимъ. Но сей знатный чиновникъ узналъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, что Сафа-Гирей перемѣнилъ мысли, умѣлъ злобными внушеніями возбудить казанцевъ противъ Россіи, согласилъ ихъ предложить ей новыя условія мира и даже съ грубостію обезчестилъ посла великокняжескаго. Палецкій возвратился въ Москву и государь прибѣгнулъ къ оружію.

Страшное многочисленностію войско въ судахъ и берегомъ вы-

ступило весною изъ Нижняго къ Казани подъ начальствомъ князей Ивана Θеодоровича Бѣльскаго, Михаила Глинскаго, Горбатаго, Кубенскаго, Оболенскаго и другихъ. Сафа-Гирей, одушевленный злобою, сдѣлалъ все, что могъ для сильной обороны: призвалъ свирѣпыхъ дикихъ черемисовъ и 30.000 ногаевъ изъ улусовъ тестя его Мамая; укрѣпилъ предмѣстія острогомъ съ глубокими рвами, отъ Булака Арскимъ полемъ до Казанки; примкнувъ новую стѣну съ двухъ сторонъ къ городу, осыпалъ ее землею и каменьемъ. Конные полки московскіе, отразивъ пять или шесть нападеній смѣлаго непріятеля, соединились съ пѣхотою, которая вышла изъ судовъ на луговой сторонѣ Волги. Начались ежедневныя, кровопролитныя битвы. Казанцы, ободряемые царемъ, не боялись смерти; но, изъявляя удивительную храбрость днемъ, не умѣли быть осторожными ночью: прекращая битву, обыкновенно пировали и спали глубокимъ сномъ до утра. Молодые воины полку князя Оболенскаго, смотря издали при ясномъ свѣтѣ луны на острогъ, видѣли тамъ одну спящую стражу; вздумали отличить себя великимъ дѣломъ: тихо подползли къ стѣнѣ, натерли дерево смолою и сѣрою, зажгли и спѣшили извѣстить о томъ нашихъ воеводъ. Въ одно время запылалъ острогъ и россіяне при звукѣ трубъ воинскихъ, съ грознымъ воплемъ, устремились на приступъ, конные и пѣшіе, одѣтые и полунагіе; сквозь дымъ и пламя ворвались въ укрѣпленіе; рѣзали, давили изумленныхъ татаръ, взяли предмѣстіе; опустошили все огнемъ и мечомъ; кромѣ сгорѣвшихъ, убили, какъ пишутъ, 60.000 воиновъ и гражданъ, а въ числѣ ихъ и славнаго богатыря казанскаго Аталыка, ужаснаго видомъ и силою руки, омоченной кровію многихъ россіянъ. Сафа-Гирей ушелъ въ городокъ Арскій, за нимъ гнался князь Иванъ Телепневъ-Оболенскій съ легкимъ отрядомъ; а другіе воеводы стояли на мѣстѣ и такъ оплошно, что толпы черемисскія взяли нашъ обозъ, семьдесятъ пушекъ, запасъ ядеръ и пороху, убивъ князя Θедора Оболенскаго-Лопату, Дорогобужскаго и многихъ чиновниковъ. Тогда россіяне приступили къ городу и могли бы овладѣть крѣпостію, гдѣ не было и 12.000 воиновъ; но Бѣльскій, уже и прежде подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ, согласился на миръ; принявъ, какъ пишутъ, серебро отъ жителей, съ клятвою, что немедленно отправятъ пословъ къ Василію и не будутъ избирать себѣ царей безъ его воли, сей главный воевода отступилъ, къ досадѣ всѣхъ товарищей; хвалился именемъ великодушнаго побѣдителя и спѣшилъ въ Москву, ожидая новыхъ милостей отъ государя, своего дяди по матери. Одинъ лѣтописецъ увѣряетъ, что Василій, съ лицомъ грознымъ встрѣтивъ племянника, объявилъ ему смерть, и только изъ уваженія къ ревностному ходатайству митрополита смягчилъ сей приговоръ: окован-

ный цѣпями, Бѣльскій сидѣлъ нѣсколько времени въ темницѣ въ наказаніе за кровь, которую надлежало еще пролить для необходимаго покоренія Казани, два раза упущенной имъ изъ нашихъ рукъ. Но сего извѣстія нѣтъ въ другихъ лѣтописцахъ, и Бѣльскій чрезъ три года снова начальствовалъ въ ратяхъ.

Послы казанскіе, знатные князья Тагай, Тевекелъ, Ибрагимъ, пріѣхали и смиренно молили государя, чтобы онъ простилъ народъ и царя; увѣряли, что опытъ снялъ завѣсу съ ихъ глазъ, и что они видятъ необходимость повиноваться Россіи. Надлежало вѣрить или воевать; государь хотѣлъ отдохновенія, ибо не могъ бы безъ чрезвычайнаго усилія, тяжкаго для земли, снарядить новую рать. Согласные на всѣ условіи, послы остались въ Москвѣ, а великій князь отправилъ съ гонцомъ клятвенныя грамоты къ царю и народу казанскому для утвержденія, требуя, чтобы всѣ наши плѣнники были освобождены и всѣ огнестрѣльныя орудія, взятыя у насъ черемисами, присланы въ Россію. Сей гонецъ не возвратился: Сафа-Гирей, задержавъ его, писалъ къ государю, что не можетъ исполнить договора, не присягнуть, пока чиновники казанскіе не выѣдутъ изъ Москвы, пока великій князь самъ не возвратитъ ему плѣнниковъ и пушекъ, взятыхъ Бѣльскимъ, и пока, вмѣсто гонца, кто-нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ россійскихъ не пріѣдетъ въ Казань для размѣна клятвенныхъ грамотъ. Бояре наши съ укоризною объявили о томъ посламъ казанскимъ. Князь Тагай отвѣтствовалъ: „Слышали и знаемъ; но мы не лжецы и не клятвопреступники. Да исполнится воля Божія и великаго князя! Хотимъ служить ему усердно. Земля наша опустѣла; мужи знатные погибли или онѣмѣли въ ужасѣ. Сафа-Гирей дѣлаетъ что хочетъ съ своими крымцами и ногаями, распуская слухъ, что полки московскіе идутъ на Казань, мутитъ умами, не держитъ слова и насъ вводитъ въ стыдъ. Не будетъ такъ: мы еще живы, имѣемъ друзей и силу. Изгонимъ Сафа-Гирея! Да изберетъ государь достойнѣйшаго для насъ властителя! На сіе бояре именемъ великаго князя сказали, что для Россіи все одно, кто не царствуетъ въ Казани, Сафа-Гирей или другой, если будетъ только намъ послушенъ и вѣренъ въ клятвахъ. Тагай продолжалъ: „Напоминаемъ о невинномъ Шигъ-Алеѣ; онъ былъ жертвою злодѣевъ: да возвратится на престолъ, вѣрно служить великому князю и любить народъ! Пусть ѣдетъ съ нами въ городъ Василь, оттуда напишемъ къ казанцамъ, къ горнымъ и луговымъ черемисамъ, къ князьямъ Арскимъ о милости государя, и скажемъ: Царемъ мы умерли, а великимъ княземъ ожили; не хотимъ того, кто насъ не хочетъ. Казанскіе плѣнники, тоскующіе въ неволѣ, имѣютъ отцовъ, братьевъ и друзей: всѣ къ намъ пристанутъ и будетъ миръ вѣчный. Василій совѣтовался

съ боярами; наконецъ отпустили пословъ казанскихъ съ Алеемъ въ Нижній-Новгородъ, и князь Тагай сдержалъ слово: написалъ къ согражданамъ о гибельномъ для нихъ упрямствѣ царя, возмутилъ народъ, свергнулъ Сафа-Гирея, который, въ порывѣ злобы хотѣлъ было умертвить всѣхъ задержанныхъ въ Казани россіянъ; но граждане и вельможи объявили ему, чтобы онъ немедленно удалился. Жену его отправили въ Мамаевы улусы и побили многихъ ногаевъ, вельможъ крымскихъ, любимцевъ Сафа-Гиреевыхъ. Въ семъ благопріятномъ для насъ происшествіи немало участвовала казанская царевна Горшадна, сестра Магметъ-Аминева. Сеитъ, уланы, князья, мурзы извѣстили Василія объ изгнаніи Сафа-Гирея и, согласные быть подданными Россіи, молили, чтобы вмѣсто Шигъ-Алея, коего мести они страшатся, великій князь пожаловалъ имъ въ цари меньшого пятнадцатилѣтняго брата его Еналея, владѣвшаго у насъ городкомъ Мещерскимъ. Ихъ желаніе исполнилось: Еналей съ многочисленною дружиною былъ отправленъ въ Казань и возведенъ на престолъ окольничимъ Морозовымъ, къ удовольствію мятежныхъ сановниковъ и легкомысленнаго народа. Всѣ, отъ царевны и сеита до послѣдняго гражданина, съ видомъ искренняго усердія, присягнули намъ въ подданствѣ, славя милость государеву и любезныя свойства юнаго царя, коему чрезъ нѣсколько лѣтъ надлежало быть жертвою ихъ неистовства! Но Василій не дожилъ до сей новой измѣны. Прошло три года въ мирѣ. Въ доказательство своего добраго расположенія къ казанцамъ, великій князь уступилъ имъ всѣ бывшія у нихъ въ рукахъ московскія пищали, чтобы они въ случаѣ непріятельскаго нападенія имѣли способъ обороняться, и дозволилъ Еналею жениться на дочери сильнаго нагайскаго мурзы Юсуфа, который могъ примирить его съ сею безпокойною Ордою. Важнѣйшія дѣла казанскія, не только политическія, но и земскія, рѣшались въ Москвѣ государевымъ словомъ. Между тѣмъ Шигъ-Алей, награжденный Коширою и Серпуховымъ, завидовалъ брату и, желая преклонить къ себѣ казанцевъ, тайно сносился съ ними, съ Астраханью, съ ногаями: происки его обнаружились, и злосчастный Алей, нѣкогда вѣрный слуга Россіи, былъ какъ преступникъ заточенъ съ женою въ Бѣлоозеро.

Въ сіе время Василій, благоразуміемъ заслуживая счастіе въ дѣяніяхъ государственныхъ, сдѣлался и счастливымъ отцомъ семейства. Болѣе трехъ лѣтъ Елена, вопреки желанія супруга и народа, не имѣла дѣтей. Она ѣздила съ великимъ княземъ въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, Вологду, на Бѣлоозеро, ходила пѣшкомъ въ святыя обители и пустыни, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о чадородіи, и безъ услышанія. Добрые жалѣли о томъ, нѣкоторые осуждая бракъ Василіевъ какъ

беззаконный, съ тайнымъ удовольствіемъ предсказывали, что Богъ никогда не благословитъ онаго плодомъ вожделѣннымъ. Наконецъ Елена оказалась беременною. Какой то юродивый мужъ, именемъ Домитіанъ, объявилъ ей, что она будетъ матерію Тита, широкаго ума, и — въ 1530 году, августа 25, въ 7 часу ночи — дѣйствительно родился сынъ Іоаннъ, столь славный добромъ и зломъ въ нашей исторіи! Пишутъ, что въ самую ту минуту земля и небо потряслися отъ неслыханныхъ громовыхъ ударовъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ съ ужасною, непрерывною молніею. Вѣроятно, что гадатели двора великокняжескаго умѣли растолковать сей случай въ пользу новорожденнаго: не только отецъ, но и вся Москва, вся Россія, по словамъ лѣтописца, были въ восторгѣ. Черезъ десять дней великій князь отвезъ младенца въ Троицкую лавру, гдѣ игуменъ Іоасафъ Скрыпицынъ, вмѣстѣ съ благочествѣйшими иноками, столѣтнимъ Кассіаномъ Босымъ, Іосифова Волоко-Ламскаго монастыря, и св. Даніиломъ переславскимъ окрестили его. Обливаясь слезами умиленія, родитель взялъ изъ ихъ рукъ своего дражайшаго первенца и положилъ на раку св. Сергія, моля угодника, да будетъ ему наставникомъ и защитникомъ въ опастностяхъ жизни. Василій не зналъ какъ изъявить благодарность небу: сыпалъ золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ; велѣлъ отворить всѣ темницы и снялъ опалу со многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ: съ князя Ѳеодора Мстиславскаго, женатаго на племянницѣ государевой и ясно уличеннаго въ намѣреніи бѣжать къ польскому королю, съ князей Щенятева, Суздальскаго-Горбатаго, Плещеева, Морозова, Лятцкаго, Шигоны и другихъ, подозрѣваемыхъ въ недоброжелательствѣ къ Еленѣ. Съ утра до вечера дворецъ наполнялся усердными поздравителями не только московскими, но и самыхъ отдаленныхъ городовъ жителями, которые хотѣли единственно взглянуть на счастливаго государя и сказать ему: „мы счастливы вмѣстѣ съ тобою!“ Пустынники, отшельники приходили благословить державнаго младенца въ пеленахъ и были угощаемы за трапезою великокняжескою. Въ знакъ признательности къ угодникамъ Божіимъ, защитникамъ Москвы, святымъ митрополитамъ Петру и Алексію, великій князь приказалъ сдѣлать для ихъ мощей богатыя раки: для перваго золотую, для второго серебряную. Однимъ словомъ, никто живѣе Василія не чувствовалъ радости быть отцомъ, тѣмъ болѣе, что онъ—вѣроятно, тревожимый совѣстію за разводъ съ несчастною первою супругою, могъ видѣть въ семъ благословенномъ плодѣ второго брака какъ бы знакъ Небеснаго умилостивленія. Елена чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ родила еще сына Георгія. Тогда государь женилъ меньшого брата своего Андрея на княжнѣ Хо-

ванской, Евфросиніи. Братья Симеонъ и Димитрій Іоанновичи скончались безбрачными: первый въ 1518 году, а второй въ 1521 году. Василій, кажется, не дозволялъ имъ жениться, пока не имѣлъ дѣтей, чтобы отнять у нихъ всякую мысль о наслѣдованіи престола.

Упомянемъ о разныхъ посольствахъ сего времени. Не увѣренный ни въ союзѣ Тавриды, ни въ мирномъ расположеніи Литвы, великій князь тѣмъ благосклоннѣе отвѣтствовилъ на дружественныя предложенія молдавскаго воеводы Петра, который (въ 1533 году) писалъ къ нему, чтобы онъ, будучи въ перемиріи къ королемъ Сигизмундомъ и въ дружбѣ съ султаномъ, берегъ его отъ перваго или убѣдилъ Солимана защитить оружіемъ Молдавію отъ нападенія поляковъ. Великій князь отправлялъ не только гонцовъ, но и важныхъ чиновниковъ къ сему воеводѣ мужественному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды сосѣду.

Новый царь астраханскій Касымъ также предлагалъ тѣсный союзъ великому князю; но едва посолъ его успѣлъ доѣхать до Москвы, черкесы, взявъ Астрахань, убили царя и съ богатою добычею удалились въ горы. Мѣсто Касымово заступилъ Акубекъ, но также ненадолго: въ 1534 году уже другой царь астраханскій, Абдылъ-Рахманъ, далъ на себя клятвенную грамоту Василію въ истинномъ къ нему дружествѣ. Послы ногайскіе тогда же находились въ Москвѣ единственно для исходатайствованія купцамъ своимъ дозволенія продавать лошадей въ Россіи.

Но любопытнѣйшимъ посольствомъ было индѣйское, отъ хана Бабура, одного изъ Тамерлановыхъ потомковъ, знаменитаго основателя имперіи великихъ моголовъ, о коемъ мы упоминали и который, будучи изгнанъ изъ Хоросана, бѣжалъ въ Индостанъ, гдѣ мужествомъ и счастіемъ утвердилъ свое господство надъ прекраснѣйшими землями въ мірѣ. Обитавъ нѣкогда на берегахъ Каспійскаго моря, Бабуръ имѣлъ свѣдѣніе о Россіи, желалъ, не смотря на отдаленіе, быть въ дружелюбной связи съ ея монархомъ, и писалъ къ нему о томъ съ своимъ чиновникомъ Хозею Уссеиномъ, предлагая, чтобы послы и купцы свободно ѣздили изъ Индіи въ Москву, а изъ Москвы въ Индію. Великій князь принялъ Уссеина милостиво: отвѣтствовалъ Бабуру, что радъ видѣть его подданыхъ въ Россіи и не мѣшаетъ своимъ ѣздить въ Индію, но—какъ сказано въ лѣтописи—не приказывалъ къ нему о братствѣ: ибо не зналъ, кто онъ: самодержецъ или только урядникъ индѣйскаго царства.

Послѣ войны казанской Россія наслаждалась спокойствіемъ. Были только слухи о непріятельскихъ замыслахъ крымцевъ. Сафа-Гирей, изгнанный изъ Казани, дышалъ ненавистію, злобою и вся-

чески убѣждалъ хана, дядю своего, ко впаденію въ московскіе предѣлы. Наконецъ — когда великій князь, по своему обыкновенію, готовился ѣхать съ дворомъ на любимую охоту въ Волокъ-Ламскій, чтобы провести тамъ всю осень — узнали въ Москвѣ (14 августа), что войско ханское идетъ къ Рязани. Самъ царевичъ Исламъ, тогдашній калга, увѣдомилъ о семъ великаго князя, слагая всю вину на Сафа-Гирея; однакожъ шелъ вмѣстѣ съ нимъ, будто бы склоняя его къ миру. Увеличенные разсказы о силѣ непріятеля испугали Дворъ, такъ что государь, немедленно пославъ воеводъ къ берегамъ Оки и вслѣдъ за ними самъ 15 августа выѣхавъ въ Коломну, велѣлъ боярамъ московскимъ изготовиться къ осадѣ, а жителямъ съ ихъ имѣніемъ перевозиться въ Кремль. На пути встрѣтились ему гонцы изъ Рязани отъ намѣстника князя Андрея Ростовскаго съ вѣстію, что Исламъ и Сафа-Гирей выжгли посады рязанскіе, но что городъ будетъ крѣпкимъ щитомъ Москвы, если разбойники захотятъ осаждать его. Василій въ тотъ же часъ отрядилъ легкую конницу за Оку добывать языковъ. Смѣлый воевода князь Димитрій Палецкій нашелъ толпы хищниковъ близъ Зарайска; разбилъ ихъ и взялъ многихъ плѣнниковъ. Другой воевода, князь Оболенскій-Телепневъ-Овчина, съ московскими дворянами, гналъ и потопилъ стражу непріятельскую въ Осетрѣ, но въ горячности, наскакавъ на главную силу царевичей, спасся только необычайнымъ мужествомъ. Ожидая за ними великаго князя со всѣми полками, татары ушли въ степи. Война кончилась въ пять дней; но мы не могли отбить своихъ плѣнниковъ, уведенныхъ непріятелемъ въ улусы. Многолюдныя села рязанскія снова опустѣли, и ханъ Саипъ-Гирей хвалился, что Россія лишилась тогда не менѣе ста тысячъ людей. „Царевичи, — писалъ онъ къ Василію, — сдѣлали по-своему, а не по-моему; я велѣлъ имъ воевать Литву; они воевали Россію. Но упрекай себя. Князья говорятъ мнѣ: что даетъ намъ дружба съ Москвою? по соболю въ годъ. А рать? тысячи. Я не умѣлъ ничего отвѣтствовать имъ. Избирай любое: хочешь ли мира и союза? да будутъ дары твои, по крайней мѣрѣ, въ цѣну трехъ или четырехъ сотъ плѣнниковъ. Онъ требовалъ отъ великаго князя денегъ, ловчихъ птицъ, хлѣбника и повара. Калга Исламъ увѣрялъ Василія, какъ названнаго отца, въ непремѣнномъ дружествѣ; а Сафа-Гирей писалъ къ нему съ такими угрозами: „Я былъ нѣкогда тебѣ сыномъ, но ты не захотѣлъ моей любви — и сколько бѣдствій пало на твою голову? Видишь землю свою въ пеплѣ и въ разореніи. Еще снова можешь сдѣлаться намъ другомъ, или не престанемъ воевать, пока здравствуютъ дяди мои, царь и калга; гдѣ узнаю врага твоего, соединюсь съ нимъ на тебя и довершу месть ужасную. Вѣдай!“ Сіи грамоты были отданы чи-

новникамъ великокняжескимъ декабря 1; государь уже находился при послѣднемъ издыханіи.

Лѣтописцы говорятъ, что странное Небесное знаменіе еще 24 августа предвѣстило смерть Василіеву; что въ первомъ часу дня кругъ солнца казался вверху будто бы срѣзаннымъ; что оно мало-по-малу темнѣло среди яснаго неба, и что многіе люди, смотря на то съ ужасомъ, ожидали какой-нибудь великой государственной перемѣны. Василій имѣлъ 54 года отъ рожденія; бодрствовалъ духомъ и тѣломъ; не чувствовалъ дотолѣ никакихъ припадковъ старости; не зналъ болѣзней; любилъ всегда дѣятельность и движеніе. Радуясь изгнанію непріятеля, онъ съ супругою и дѣтьми праздновалъ 25 сентября, день св. Сергія, въ Троицкой лаврѣ; поѣхалъ на охоту въ Волокъ-Ламскій и въ своемъ селѣ Озерецкомъ занемогъ такимъ недугомъ, который сперва нимало не казался опаснымъ. На сгибѣ лѣваго стегна явилась болячка съ булавочную головку, безъ верха и гноя, но мучительная. Великій князь съ нуждою доѣхалъ до Волока; однакожъ былъ на пиру у дворецкаго Ивана Юрьевича Шигоны, а на другой день ходилъ въ мыльню и обѣдалъ съ боярами. Время стояло прекрасное для охоты: государь выѣхалъ съ собаками; но отъ сильной боли возвратился съ поля въ село Колпь и легъ въ постелю. Немедленно призвали Михаила Глинскаго и двухъ нѣмецкихъ медиковъ: Николая Люева и Ѳеофила. Лѣкарства употреблялись русскія: мука съ медомъ, печеный лукъ, масть, горшки и семенники. Сдѣлалось воспаленіе: гной шелъ цѣлыми тазами изъ чирья. Боярскіе дѣти перенесли государя въ Волокъ-Ламскій. Онъ пересталъ ѣсть; чувствовалъ тягость въ груди и, скрывая опасность не отъ себя, но единственно отъ другихъ, послалъ стряпчаго Мансурова съ дьякомъ Путятинымъ въ Москву за духовными грамотами своего отца и дѣда, не велѣвъ имъ сказывать того ни великой княгинѣ, ни митрополиту, ни боярамъ. Съ нимъ находились въ Волокѣ, кромѣ брата Андрея Іоанновича и Глинскаго, князья Бѣльскій, Шуйскій, Кубенскій: никто изъ нихъ не зналъ сей печальной тайны, кромѣ дворецкаго Шигоны. Другой братъ Василіевъ, Юрій Іоанновичъ, спѣшилъ къ нему изъ Дмитрова: великій князь отпустилъ его съ утѣшеніемъ, что надѣется скоро выздоровѣть; приказалъ везти себя въ Москву, шагомъ, въ саняхъ, на постелѣ; заѣхалъ въ Іосифову обитель, лежалъ въ церкви на одрѣ, и когда діаконъ читалъ молитву о здравіи государя, всѣ упали на колѣна и рыдали: игуменъ, бояре, народъ. Василій желалъ въѣхать въ Москву скрытно, чтобы иноземные послы, тамъ бывшіе, не видали его въ слабости, въ изнеможеніи: остановился въ Воробьевѣ, принялъ митрополита, епископовъ, бояръ, воинскихъ чиновниковъ, и только одинъ показы-

валъ твердость: духовные и миряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мостъ на рѣкѣ, просѣкая тонкій ледъ. Едва сани государевы взъѣхали, сей мостъ обломился; лошади упали въ воду; но боярскія дѣти, обрѣзавъ гужи, удержали сани на рукахъ. Великій князь запретилъ наказывать строителей. Внесенный въ кремлевскія постельныя хоромы, онъ созвалъ бояръ, князей Ивана и Василія Шуйскихъ, Михаила Юрьевича Захарьина, Михаила Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинскаго, казначея Головина, дворецкаго Шигону и велѣлъ при нихъ дьякамъ своимъ писать новую духовную грамоту, уничтоживъ прежнюю, сочиненную имъ во время митрополита Варлаама; объявилъ трехлѣтнаго сына Іоанна наслѣдникомъ государства, подъ опекою матери и бояръ до пятнадцати лѣтъ его возраста; назначилъ удѣлъ меньшому сыну; устроилъ державу и церковь; не забылъ ничего, какъ сказано въ лѣтописяхъ; но, къ сожалѣнію, сія важная хартія утратилась, и мы не знаемъ ея любопытныхъ подробностей.

Желая утвердить душу свою въ сіи торжественныя минуты, государь тайно причастился. Бывъ дотолѣ на одрѣ недвижимъ, онъ съ легкою помощію боярина Захарьина всталъ, принялъ Святые Дары съ вѣрою, любовію и слезами умиленія; легъ снова и хотѣлъ видѣть митрополита, братьевъ, всѣхъ бояръ, которые, узнавъ о недугѣ его, съѣхались изъ деревень въ столицу; сказалъ имъ, что поручаетъ юнаго Іоанна Богу, Дѣвѣ Маріи, святымъ угодникамъ и митрополиту; что даетъ ему государство, наслѣдіе великаго отца своего; что надѣется на совѣсть и честь братьевъ Юрія и Андрея; что они, исполняя крестные обѣты, должны служить племяннику усердно въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ, да будетъ тишина въ Московской державѣ и да высится рука христіанъ надъ невѣрными. Отпустивъ митрополита и братьевъ, такъ говорилъ боярамъ: „Вѣдаете, что державство наше идетъ отъ великаго князя кіевскаго, Святого Владиміра; что мы природные вамъ государи, а вы наши извѣчные бояре. Служите сыну моему какъ мнѣ служили: блюдите крѣпко, да царствуетъ надъ землею; да будетъ въ ней правда! Не оставьте моихъ племянниковъ, князей Бѣльскихъ; не оставьте Михаила Глинскаго: онъ мнѣ ближній по великой княгинѣ. Стойте всѣ за-едино какъ братья, ревностные ко благу отечества! А вы, любезные племянники, усердствуйте вашему юному государю въ правленіи и въ войнахъ; а ты, князь Михаилъ, за моего сына Іоанна и за жену мою Елену долженъ охотно пролить всю кровь свою и дать тѣло свое на раздробленіе!“

Василій изнемогалъ болѣе и болѣе. Выславъ всѣхъ, кромѣ Глинскаго, Захарьина, ближнихъ дѣтей боярскихъ и двухъ вра-

чей Люева и Ѳеофила, онъ требовалъ, чтобы ему впустили въ рану чего-нибудь крѣпкаго: ибо она гнила и смердѣла. Захарьинъ утѣшалъ его вѣроятностію скораго выздоровленія. Великій князь сказалъ нѣмцу Люеву: „Другъ и братъ! ты добровольно пришелъ ко мнѣ изъ земли своей и видѣлъ, какъ я любилъ тебя и жаловалъ: можешь ли исцѣлить меня?“ Люевъ отвѣтствовалъ: „Государь, слышавъ о твоей милости и ласкѣ къ добрымъ иноземцамъ, я оставилъ отца и мать, чтобы служить тебѣ; благодѣяній твоихъ не могу исчислить; но, государь! не умѣю воскрешать мертвыхъ: я не Богъ!“ Тутъ великій князь обратился къ дѣтямъ боярскимъ и молвилъ съ улыбкою: „Друзья! слышите, что я уже не вашъ!“ Они горько заплакали; не хотѣли растрогать его, вышли вонъ и пали на землю какъ мертвые. Онъ забылся на нѣсколько минутъ; открылъ глаза и громко произнесъ: „да исполнится воля Божія! буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!“

Сіе было 3 декабря. Игуменъ троицкій Іоасафъ тихо приблизился къ одру болящаго. Василій сказалъ ему: „Отче! молись за государство, за моего сына и за бѣдную мать его! У васъ я крестилъ Іоанна, отдалъ Угоднику Сергію, клалъ на гробъ святого, поручилъ вамъ особенно: молитесь о младенцѣ-государѣ!“ Онъ не велѣлъ Іоасафу выѣзжать изъ Москвы и, пользуясь слабыми остатками жизни, еще призвалъ думныхъ бояръ: Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Шигону, Головина и дьяковъ; бесѣдовалъ съ ними отъ третьяго до седьмого часа о новомъ правленіи, о сношеніяхъ бояръ съ великою княгинею Еленою во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъявляя удивительную твердость, хладнокровіе и заботливость о судьбѣ оставляемой имъ державы. Пришли братья и неотступно молили его, чтобы онъ подкрѣпилъ свои силы пищею; но Василій не могъ ѣсть и сказалъ: „смерть предо мною, желаю благословить сына, видѣть жену, проститься съ нею... Нѣтъ! боюсь ея горести; видъ мой устрашитъ младенца“. Братья и бояре настояли, чтобы онъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоанновичъ и Михаилъ Глинскій пошли за нею. Государь возложилъ на себя крестъ св. Петра митрополита и хотѣлъ прежде видѣть сына. Братъ Еленинъ, князь Иванъ Глинскій, принесъ его на рукахъ. Держа крестъ, Василій сказалъ младенцу: „Буди на тебѣ милость Божія и на дѣтяхъ твоихъ! Какъ св. Петръ благословилъ симъ крестомъ нашего прародителя, великаго князя Іоанна Даніиловича, такъ имъ благословляю тебя, моего сына“. Онъ просилъ надзирательницу боярыню Агриппину, чтобы она неусыпно берегла своего державнаго питомца, и, слыша голосъ супруги, велѣлъ унести Іоанна. Князь Андрей и боярыня Челяднина вели Елену подъ руки: она страшно вопила

и билась объ землю въ отчаяніи. Великій князь утѣшалъ ее, говоря: „мнѣ лучше; не чувствую никакой боли“ — и съ нѣжностію молилъ успокоиться. Елена, наконецъ, ободрилась и спросила: „кому же поручаешь бѣдную супругу и дѣтей?“ Василій отвѣчалъ: „Іоаннъ будетъ государемъ; а тебѣ, слѣдуя обыкновенію нашихъ отцовъ, я назначилъ въ духовной своей грамотѣ особенное достояніе“. Исполняя желаніе супруги, онъ велѣлъ принести и меньшого сына Юрія; также благословилъ его крестомъ и сказалъ, что онъ не забытъ въ духовной. — Умилительное прощаніе съ Еленою раздирало сердца жалостію: всѣ плакали и стенали. Она не хотѣла удалиться: Василій приказалъ вывести ее и, заплативъ послѣднюю дань міру, государству и чувствительности, уже думалъ только о Богѣ.

Еще находясь въ Волокѣ, онъ говорилъ духовнику своему протоіерею Алексію и любимому старцу Мисаилу: „не предайте меня землѣ въ бѣлой одеждѣ! не останусь въ мірѣ, если и выздоровлю“. Отпустивъ Елену, государь велѣлъ Мисаилу принести монашескую ризу и спросилъ игумена Кирилловской обители, въ которой онъ издавна желалъ быть постриженнымъ; но сего игумена не было въ Москвѣ. Послали за Іоасафомъ троицкимъ, за образами Владимірской Богоматери и Св. Николая Гостунскаго. Духовникъ Алексій пришелъ съ запасными Дарами, чтобы дать ихъ Василію въ самую минуту кончины. „Будь передо мною,—сказалъ великій князь:—смотри и не пропусти сего мгновенія“. Подлѣ духовника стоялъ стряпчій государевъ Ѳеодоръ Кучецкой, бывшій свидѣтелемъ Іоанновой смерти. Читали канонъ на исходъ души. Василій лежалъ въ усыпленіи; потомъ, кликнувъ ближняго боярина Михаила Воронцова, обнялъ его съ горячностію; сказалъ брату Юрію: „помнишь ли преставленіе нашего родителя? я такъ же умираю“—и требовалъ немедленнаго постриженія, одобряемаго митрополитомъ и нѣкоторыми боярами; но князь Андрей Іоанновичъ, Воронцовъ и Шигона говорили, что св. Владиміръ не хотѣлъ быть монахомъ и названъ Равноапостольнымъ, что герой Донскій также скончался міряниномъ, но своими добродѣтелями, безъ сомнѣнія, заслужилъ Царствіе Небесное. Шумѣли, спорили, а Василій крестился и читалъ молитвы; уже языкъ его тупѣлъ, взоръ меркнулъ; рука упала: онъ смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ простыню, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидая священнаго обряда. Митрополитъ Даніилъ взялъ черную ризу и подалъ игумену Іоасафу, князь Андрей и Воронцовъ хотѣли вырвать ее. Тогда митрополитъ съ гнѣвомъ произнесъ ужасныя слова: „Не благословляю васъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій! Никто не отниметъ у меня души его. Добръ сосудъ сребряный, но лучше позлащенный!“ Василій отходилъ. Спѣшили кончить

обрядъ. Митрополитъ, надѣвъ епитрахиль на игумена Іоасафа, самъ постригъ великаго князя, переименованнаго Варлаамомъ. Второпяхъ забыли мантію для новаго инока: келарь троицкій Серапіонъ далъ свою. Евангеліе и схима ангельская лежали на груди умирающаго. Нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе: Шигона, стоя подлѣ одра, первый воскликнулъ: „Государь скончался!“ и всѣ зарыдали.—Пишутъ, что лицо Василіево сдѣлалось вдругъ свѣтло; что вмѣсто бывшаго несноснаго запаха отъ его раны комната наполнилась благоуханіемъ. Митрополитъ омылъ тѣло и вытеръ хлопчатою бумагою.

Была полночь. Никто не спалъ въ Москвѣ. Съ ужасомъ ждали вѣсти: народъ толпился въ улицахъ. Плачъ и вой раздался отъ дворца до Красной площади. Напрасно бояре, сами заливаясь слезами, удерживали другихъ отъ громкаго стенанія, представляя, что великая княгиня еще не знаетъ о кончинѣ супруга. Митрополитъ, облачивъ умершаго въ полное монашеское одѣяніе, вывелъ его братьевъ въ переднюю горницу и взялъ съ нихъ клятву быть вѣрными слугами Іоанна и матери его, не мыслить о великомъ княженіи, не измѣнять ни дѣломъ, ни словомъ. Обязавъ такою же присягою и всѣхъ вельможъ, чиновниковъ, дѣтей боярскихъ, онъ пошелъ съ знатнѣйшими людьми къ Еленѣ, которая, видя ихъ, упала въ обморокъ и два часа не открывала глазъ. Бояре безмолвствовали; говорилъ одинъ митрополитъ именемъ вѣры, утѣшая со слезами.

Между тѣмъ ударили въ большой колоколъ: тѣло положили на одръ, принесенный изъ Чудова монастыря, и растворили двери; народъ съ воплемъ устремился лобызать хладныя руки мертваго. Любимые пѣвчіе Василіевы хоромъ пѣли: Святый Боже! Ихъ никто не слыхалъ. Иноки Іосифова и Троицкаго монастыря несли тѣло въ церковь Св. Михаила. Елена не могла идти. Дѣти боярскіе взяли ее на руки. Всѣ бояре окружили гробъ: князья Василій Шуйскій, Михаилъ Глинскій, Иванъ Телепневъ-Оболенскій и Воронцовъ шли за Еленою, вмѣстѣ съ знатнѣйшими боярынями. Погребеніе было великолѣпно и скорбь неописанная въ народѣ. „Дѣти хоронили своего отца“, по словамъ лѣтописцевъ, которые съ чувствительностію называютъ Василія добрымъ, ласковымъ государемъ: имя скромное, но умилительное и простота его ручается за его истину.

Василій стоитъ съ честію въ памятникахъ нашей исторіи между двумя великими характерами Іоаннами III и IV и не затмевается ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя; уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ—первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ государственномъ; второму—въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ

добродѣтели, — онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устранился, двигался впередъ шагами, размѣренными благоразуміемъ, безъ порывовъ страсти, и приближался къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; былъ не геніемъ, но добрымъ правителемъ; любилъ государство болѣе собственнаго великаго имени и въ семъ отношеніи достоинъ истинной, вѣчной хвалы, которую немногіе вѣнценосцы заслуживаютъ. Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и нерѣдко губятъ; Василіи сохраняютъ, утверждаютъ державы и даются тѣмъ народамъ, коихъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнію.

Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лицо миловидное, взоръ проницательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени. Читая письма его къ Еленѣ, видимъ нѣжность супруга и отца, который, будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, непрестанно обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясняемыхъ простыми словами, но внушаемыми только чувствительнымъ сердцемъ. Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, Василій по своему характеру искалъ средины между жестокостію ужасною и слабостію вредною: наказывалъ вельможъ и самыхъ ближнихъ, но часто и миловалъ, забывалъ вины. Умный бояринъ Беклемишевъ заслужилъ его гнѣвъ: удаленный отъ Двора, жаловался на великаго князя съ нескромною досадою; находилъ въ немъ пороки и предсказывалъ несчастія для государства. Беклемишева судили, уличили въ дерзости и казнили смертію на Москвѣ-рѣкѣ; а дьяку Ѳедору Жареному отрѣзали языкъ за лживыя слова, оскорбительныя для государевой чести. Тогда не отличали словъ отъ дѣлъ, и думали, что государь, какъ земной Богъ, можетъ наказывать людей и за самыя мысли, ему противныя! Опасались милосердія въ такихъ случаяхъ, гдѣ святая особа вѣнценосца могла унизиться въ народномъ мнѣніи; боялись, чтобы вина отпускаемая не показалась народу виною малою.—Кромѣ двухъ несчастныхъ жертвъ политики, юнаго великаго князя Димитрія и Шемякина, сынъ героя Даніила Холмскаго, воевода и бояринъ князь Василій, супругъ государевой сестры Ѳеодосіи, въ 1508 году былъ сосланъ на Бѣлоозеро и въ темницѣ умеръ. Такую же участь имѣлъ и знатный дьякъ Долматовъ, назначенный въ посольство къ императору Максимиліану, онъ не хотѣлъ ѣхать, отговариваясь своею бѣдностію: велѣли опечатать его домъ, нашли въ ономъ 3.000 рублей денегъ и наказали Долматова какъ преступника. Государь простилъ князей Ивана Воротынскаго и Шуйскихъ, которые думали уйти въ Литву. Иванъ Юрьевичъ Шигона, бывъ нѣсколько

лѣтъ въ опалѣ, сдѣлался послѣ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Василіевыхъ, равно какъ и Георгій Малый Траханіотъ, грекъ, выѣхавшій съ великою княгинею Софіею: пишутъ, что онъ впалъ въ немилость отъ тайной связи съ купцомъ греческимъ Маркомъ, осужденнымъ въ Москвѣ за какую-то опасную для церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разумъ Георгія, великій князь возвратилъ ему свою милость, совѣтовался съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ и для того приказывалъ знатнымъ чиновникамъ возить его нездороваго во дворецъ на телѣжкѣ. Мужъ славный въ нашей церковной исторіи инокъ Максимъ грекъ былъ также въ числѣ знаменитыхъ, винныхъ или невинныхъ страдальцевъ сего времени. Судьба его достопамятна: разскажемъ обстоятельства.

Василій, въ самые первые дни своего правленія осматривая богатства, оставленныя ему родителемъ, увидѣлъ множество греческихъ духовныхъ книгъ, собранныхъ отчасти древними великими князьями, отчасти привезенныхъ въ Москву Софіею и лежавшихъ въ пыли, безъ всякаго употребленія. Онъ хотѣлъ имѣть человѣка, который могъ бы разсмотрѣть оныя и лучшія перевести на языкъ славянскій: не нашли въ Москвѣ и писали въ Константинополь. Патріархъ, желая угодить великому князю, искалъ такого философа въ Болгаріи, въ Македоніи, въ Ѳессалоникѣ; но иго оттоманское задушило всѣ остатки древней учености: тьма и невѣжество господствовали въ областяхъ султанскихъ. Наконецъ узнали, что въ славной обители Благовѣщенія, на горѣ Аѳонской, есть два инока, Савва и Максимъ, богословы искусные въ языкахъ греческомъ и славянскомъ. Первый въ изнеможеніи старости не могъ предпріять дальняго путешествія въ Россію; вторый согласился исполнить волю патріарха и великаго князя. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было найти человѣка, способнѣйшаго для замышляемаго труда. Рожденный въ Греціи, но воспитанный въ образованной Западной Европѣ, Максимъ учился въ Парижѣ, во Флоренціи; много путешествовалъ, зналъ разные языки, имѣлъ свѣдѣнія необыкновенныя, пріобрѣтенныя въ лучшихъ университетахъ и въ бесѣдахъ съ мужами просвѣщенными. Василій принялъ его съ отмѣнною милостію. Увидѣвъ нашу библіотеку, изумленный Максимъ сказалъ въ восторгѣ: „Государь! вся Греція не имѣетъ нынѣ такого богатства, ни Италія, гдѣ латинскій фанатизмъ обратилъ въ пепелъ многія творенія нашихъ богослововъ, спасенныя моими единоземцами отъ варваровъ магометовыхъ". Великій князь слушалъ его съ живѣйшимъ удовольствіемъ и поручилъ ему библіотеку; а ревностный грекъ, описавъ всѣ, еще неизвѣстныя славянскому народу книги, по желанію государеву перевелъ Толковую Псалтирь, съ помощію трехъ москвитянъ Власія, Димитрія и Михайла Медоварцова. Одобренная митропо-

литомъ Варлаамомъ и всѣмъ духовнымъ соборомъ, сія важная книга, прославивъ Максима, сдѣлала его любимцемъ великаго князя, такъ что онъ не могъ съ нимъ разстаться и ежедневно бесѣдовалъ о предметахъ вѣры. Умный грекъ не ослѣпился сею честію: благодаря Василія, убѣдительно требовалъ отпуска въ тишину своей Аѳонской обители, и говорилъ: „тамъ буду славить имя твое; скажу моимъ единоземцамъ, что міръ еще имѣетъ царя христіанскаго, сильнаго и великаго, который, если угодно Всевышнему, можетъ освободить насъ отъ тиранства невѣрныхъ“. Но Василій отвѣтствовалъ ему новыми знаками благоволенія и держалъ его девять лѣтъ въ Москвѣ: время, употребленное Максимомъ на переводы разныхъ книгъ, на исправленіе ошибокъ въ старыхъ переводахъ и на сочиненія душеспасительныхъ, изъ коихъ знаемъ болѣе ста. Имѣя свободный доступъ къ великому князю, онъ ходатайствовалъ иногда за вельможъ, лишаемыхъ государевой милости, и возвращалъ имъ оную, къ неудовольствію и зависти многихъ людей, въ особенности духовенства и суетныхъ иноковъ Іосифова монастыря, любимыхъ великимъ княземъ. Смиренный митрополитъ Варлаамъ мало думалъ о земномъ; но преемникъ Варлаамовъ, гордый Даніилъ, не замедлилъ объявить себя врагомъ чужеземца. Говорили: „кто сей человѣкъ, дерзающій искажать древнюю святыню нашихъ церковныхъ книгъ и снимать опалу съ бояръ?“ Одни доказывали, что онъ еретикъ; другіе представили его великому князю злоязычникомъ, неблагодарнымъ, втайнѣ осуждающимъ дѣла государевы. Сіе было во время развода Василіева съ несчастною Соломоніею: увѣряютъ, что сей благочестивый мужъ, дѣйствительно, не хвалилъ онаго; по крайней мѣрѣ находимъ въ Максимовыхъ твореніяхъ Слово къ оставляющимъ женъ своихъ безъ вины законныя. Любя вступаться за гонимыхъ, онъ тайно принималъ ихъ у себя въ кельѣ и слушалъ иногда рѣчи оскорбительныя для государя и митрополита. Напримѣръ: несчастный бояринъ Иванъ Беклемишевъ, жалуясь ему на вспыльчивость великаго князя, сказалъ, что прежде достойные церковные пастыри удерживали государей отъ страстей и несправедливости, но что Москва уже не имѣетъ митрополита; что Даніилъ носитъ только имя и личину пастыря, не мысля быть наставникомъ совѣсти, ни покровителемъ невинныхъ; что Максима никогда не выпустятъ изъ Россіи, ибо великій князь и митрополитъ опасаются его нескромности въ чужихъ земляхъ, гдѣ онъ могъ бы огласить ихъ слабости. Наконецъ, умѣли довести государя до того, что онъ велѣлъ судить Максима: обвинили его и заточили въ одинъ изъ тверскихъ монастырей какъ уличеннаго въ ложныхъ толкованіяхъ Св. Писанія и догматовъ церковныхъ; что, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, было клеветою, вы-

мышленною чудовскимъ архимандритомъ Іоною, коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ и митрополитомъ.

Въ государственныхъ бумагахъ сего времени находимъ, что знатные люди, недовольные Василіемъ, обвиняли его въ излишней надежности на самого себя, въ неуваженіи совѣтовъ, въ упрямствѣ, нетерпѣніи противорѣчій, несмотря на то, что онъ рѣшилъ всѣ дѣла именемъ боярскимъ. „Іоаннъ,—говорили они,—не употреблялъ сего выраженія въ бумагахъ, но охотно слушалъ противорѣчія и любилъ смѣлыхъ; а Василій не чтитъ старыхъ людей и дѣлаетъ всѣ дѣла запершися самъ-третей, у постели“. Жаловались также на любовь его къ новымъ обычаямъ, привезеннымъ въ Москву Софіиными греками, которые, по ихъ словамъ, замѣшали Русскую землю. Но всѣ такія, можно сказать, легкія обвиненія, если и справедливыя, доказывая, что Василій не былъ чуждъ слабостей человѣческихъ, опровергаютъ ли сказаніе лѣтописцевъ о природномъ его добродушіи? Снискавъ общую любовь народа, онъ, по словамъ историка Іовія, не имѣлъ воинской стражи во дворцѣ: ибо граждане служили ему вѣрными тѣлохранителями.

Великій князь, какъ говорили тогда, судилъ и рядилъ землю всякое утро до самаго обѣда, послѣ коего уже занимался дѣлами; любилъ сельскую тишину; живалъ лѣтомъ въ Островѣ, Воробьевѣ или въ Москвѣ, на Воронцовомъ полѣ, до самой осени; часто ѣздилъ по другимъ городамъ и на псовую охоту въ Можайскъ и Волокъ-Ламскій; но и тамъ не забывалъ государства: трудился съ думными боярами и дьяками, иногда принималъ пословъ иноземныхъ. Баронъ Герберштеинъ описываетъ такъ охоту великокняжескую: „Мы увидѣли государя въ полѣ; оставили лошадей своихъ и приблизились къ нему. Онъ сидѣлъ на гордомъ конѣ, въ богатомъ терликѣ; въ высокой, осыпанной драгоцѣнными каменьями шапкѣ, съ златыми перьями, которыя развѣвались вѣтромъ; на бедрѣ висѣли кинжалъ и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Подлѣ него ѣхали съ правой стороны царь казанскій Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой два князя молодые, изъ коихъ одинъ держалъ сѣкиру, другой—булаву или шестоперъ; вокругъ болѣе трехъ сотъ всадниковъ“. Передъ вечеромъ сходили съ коней; разставляли шатры на лугу. Государь, перемѣнивъ одежду, садился въ своемъ шатрѣ на кресла, призывалъ бояръ и весело бесѣдовалъ съ ними о подробностяхъ счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и медъ.—Самые древніе князья наши Всеволодъ I, Мономахъ и другіе любили звѣриную ловлю; но Василій едва ли не первый завелъ псовую охоту: ибо россіяне встарину считали псовъ животными и нечистыми и гнушались ими.

Дворъ его былъ великолѣпенъ. Василій умножилъ число сановниковъ онаго, прибавивъ къ нимъ оружничаго, ловчихъ, крайчаго и рындъ. Крайчій былъ то же, что нынѣ оберъ-шенкъ; а рындами именовались оруженосцы, молодые знатные люди, избираемые по красотѣ, нѣжной пріятности лица, стройному стану; одѣтые въ бѣлое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топориками, они ходили передъ великимъ княземъ, когда онъ являлся народу; стояли у трона и казались иноземцамъ подобіемъ ангеловъ небесныхъ, а въ воинскихъ походахъ хранили доспѣхъ государевъ.—Смиренный въ церкви, гдѣ, удаляя отъ себя многочисленныхъ царедворцевъ, онъ стоялъ всегда одинъ, у стѣны, близъ дверей, опираясь на свой посохъ,—Василій любилъ пышность во всѣхъ иныхъ торжественныхъ собраніяхъ, особенно въ пріемѣ иноземныхъ пословъ. Чтобы они видѣли множество и богатство народа, славу и могущество великаго князя, для того, въ день ихъ представленія, запирались всѣ лавки, останавливались всѣ работы и дѣла: граждане въ лучшемъ своемъ платьѣ спѣшили къ Кремлю и густыми толпами окружали стѣны его. Изъ окрестныхъ городовъ призывали дворянъ и дѣтей дворянскихъ. Войско стояло въ ружьѣ. Чиновники за чиновниками одни другихъ знатнѣе, выходили навстрѣчу къ посламъ. Въ пріемной палатѣ, наполненной людьми, царствовало глубокое молчаніе. Государь сидѣлъ на тронѣ; близъ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ; передъ нимъ, съ правой стороны лежалъ колпакъ, съ лѣвой — посохъ. Бояре сидѣли на скамьяхъ, въ одеждѣ, усѣянной жемчугомъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ. — Обѣды великокняжескіе продолжались иногда до самой ночи. Въ большой комнатѣ накрывались столы въ нѣсколько рядовъ. Подлѣ государя занимали мѣсто братья его или митрополитъ; далѣе вельможи и чиновники, между коими угощались иногда и простые воины, отличные заслугами. Въ срединѣ на высокомъ столѣ сіяло множество золотыхъ сосудовъ, чашъ, кубковъ и проч. Первымъ блюдомъ были всегда жареные лебеди. Разносили кубки съ мальвазіею и съ другими греческими винами. Государь, въ знакъ милости, самъ къ нѣкоторымъ посылалъ кушанье, тогда они вставали и кланялись ему; другіе также вставали, изъ учтивости къ нимъ: за что надлежало ихъ благодарить особенными поклонами. Для сокращенія времени гости могли особенно разговаривать другъ съ другомъ. Бесѣды веселыя, благочинныя, безъ принужденія, нравились Василію. Съ иноземцами говаривалъ онъ за обѣдомъ весьма ласково; называлъ ихъ монарховъ великими; желалъ, чтобы они, утружденные дальнимъ путемъ, насладились въ Москвѣ отдохновеніемъ и собрали новыя силы для пути обратнаго; предлагалъ имъ вопросы,

и проч. „Когда мы (пишетъ Францискъ да-Колло, посолъ Максиміановъ) ночью возвращались домой изъ Кремля, всѣ улицы были освѣщены такъ ярко, что ночь казалась днемъ“.—Сверхъ даровъ, посламъ ежедневно отпускалось въ изобиліи все для нихъ нужное; считалось за обиду, если они что-нибудь покупали. Приставы смотрѣли имъ въ глаза, отвѣтствуя за малѣйшее неудовольствіе сихъ почетныхъ гостей.

Василій такъ же, какъ и родитель его, назывался только великимъ княземъ для Россіи, употребляя слѣдующій титулъ въ сношеніяхъ съ державами иноземными: „Великій государь Василій, Божіею милостію царь и государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новогородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ; государь и великій князь Новагорода, Низовской земли, и Черниговскій, и Рязанскій, и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, и Удорскій, и Обдорскій, и Кондинскій, и иныхъ“. Іоаннъ на предложеніе императора дать ему королевское достоинство, отвѣтствовалъ, какъ мы видѣли, гордо; а Василій на такое же предложеніе папы Леона X не отвѣтствовалъ ни слова, вопреки баснямъ иностранныхъ писателей, которые думали, что наши великіе князья издревле домогались королевскаго титула.

Слѣдуя во всемъ Іоанну, Василій старался привлекать иноземцевъ полезныхъ въ Россію. Кромѣ людей искусныхъ въ дѣлѣ воинскомъ, онъ первый изъ великихъ князей имѣлъ нѣмецкихъ лѣкарей при Дворѣ. Мы упоминали о Люевѣ и Ѳеофилѣ: сей послѣдній былъ любчанинъ, взятый въ плѣнъ воеводою Сабуровымъ въ Литвѣ. Магистръ прусскій ходатайствовалъ о свободѣ его; но великій князь сказалъ, что сей нѣмецъ лѣчитъ одного изъ нашихъ вельможъ и долженъ прежде возвратить ему здоровье, а послѣ требовать отпуска въ свою землю. Волею или неволею Ѳеофилъ остался въ Москвѣ, гдѣ находился и третій знаменитый лѣкарь, родомъ грекъ, именемъ Марко, коего жена и дѣти жили въ Царѣградѣ. Султанъ писалъ къ великому князю: „Отпусти Марка къ его семейству; онъ заѣхалъ въ Россію единственно для торговли“; но государь отвѣчалъ: „Марко издавна служитъ мнѣ добровольно и лѣчитъ моего новогородскаго намѣстника; пришли къ нему жену и дѣтей“. Иноземцамъ съ умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда въѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ нея.

Василій издалъ многіе законы для внутренняго благоустройства государственнаго, которые, вмѣстѣ съ Уложеніемъ отца его, вошли въ Судебникъ Царя Іоанна Василіевича. Напримѣръ, сей великій князь уставилъ, чтобы владѣльцы тверскіе, оболенскіе,

бѣлозерскіе и рязанскіе не продавали отчинъ своихъ жителямъ другихъ областей; чтобы наслѣдники людей, отказавшихъ имѣніе монастырямъ, не выкупали онаго, если въ завѣщаніи не дано имъ право на сей выкупъ, и проч. Жалованная смоленская грамота велитъ намѣстникамъ отдавать всякое поличное истцамъ, искоренять ябедниковъ и немедленно освобождать судимаго, представляющаго надежныхъ порукъ; дозволяетъ мѣщанамъ безъ явки рубить лѣсъ около города; запрещаетъ боярамъ кабалить вольныхъ людей и держать корчмы; опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, стадную, убойную и показываетъ намъ тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенныхъ доходовъ, изобрѣтенную въ вѣкъ невѣжества. Важное и любопытное судное постановленіе сдѣлано было Василіемъ въ Новѣгородѣ: узнавъ, что намѣстники и тіуны кривятъ душою въ рѣшеніи тяжбъ, онъ велѣлъ избрать тамъ 48 цѣловальниковъ или присяжныхъ съ тѣмъ, чтобы сіи люди, достойные общаго уваженія, поочереди судили всѣ дѣла съ тіунами. Для чего не распространилъ онъ столь мудраго и благодѣтельнаго учрежденія на все государство? Можетъ быть другіе россіяне еще не имѣли довольно гражданскаго ума и навыка: они молчали, а новогородцы, воспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавіе не мѣшало государю дать лучшимъ гражданамъ участіе въ судномъ правѣ.—Лѣтописцы хвалятъ еще Василія за утвержденіе тишины и безопасности въ Новѣгородѣ: онъ учредилъ тамъ пожарную и ночную стражу; велѣлъ, какъ и въ Москвѣ, замыкать ввечеру улицы рогатками и совершенно прекратилось воровство. Лишенные способа жить кражею и злодѣйствами, негодники ушли или обратились къ трудолюбію, выучились ремесламъ и сдѣлались людьми полезными.

При семъ великомъ князѣ построены четыре важныя крѣпости съ каменными стѣнами: въ Нижнемъ-Новгородѣ, Тулѣ, Коломнѣ и Зарайскѣ; первую строилъ Петръ Фрязинъ—она еще цѣла. Каширу и Черниговъ укрѣпили только валомъ и деревянными башнями. Въ Москвѣ Фрязинъ Алевизъ обложилъ кремлевскіе рвы кирпичемъ и выкопалъ нѣсколько прудовъ въ предмѣстіяхъ. Въ Новѣгородѣ, опустошенномъ пожарами, чиновники великокняжескіе размѣрили улицы, площади, ряды на образецъ московскихъ.—Изъ храмовъ, созданныхъ Василіемъ, донынѣ существуютъ въ Москвѣ кремлевская церковь Св. Николая Гостунскаго (на томъ мѣстѣ, гдѣ была деревянная) и Дѣвичій монастырь, основанный въ знакъ благодарности ко Всевышнему за взятіе Смоленска. Государь изъ собственной казны своей отложилъ на то 3,000 рублей (около шестидесяти тысячъ нынѣшнихъ), кромѣ дворцовымъ селъ и деревень, данныхъ сему монастырю. Глав-

нымъ строителемъ церковнымъ былъ тогда Фрязинъ Алевизъ Новый. Довершивъ храмъ Михаила Архангела, Василій (въ 1507 году) перенесъ туда гробы своихъ предковъ и самъ назначилъ себѣ могилу подлѣ родителя. Соборъ Успенскій былъ (въ 1515 году) украшенъ живописью, чудною и столь искусною, говорятъ лѣтописцы, что великій князь, святители и бояре, вступивъ въ церковь, сказали: „мы видимъ небеса!“ Между иконописцами славился россіянинъ Ѳедоръ Едикеевъ, который расписывалъ церковь Благовѣщенія, соединенную съ новымъ, великолѣпнымъ дворцомъ, куда Василій перешелъ въ маѣ 1508 году.

Церковная исторія Василіева государствованія, кромѣ мнимой ереси Максима грека въ исправленіи священныхъ книгъ, представляетъ немного достопамятныхъ случаевъ. Уже давно мощи Алексія митрополита, по сказанію лѣтописцевъ, исцѣляли недужныхъ; но въ 1519 году были священнымъ обрядомъ утверждены во славѣ чудотворенія. Митрополитъ Варлаамъ донесъ государю, что многіе слѣпцы, съ усердіемъ лобызая раку Алексія, прозрѣли. Собралось все духовенство и несмѣтное число людей при колокольномъ звонѣ. Объявили чудеса и доказательства оныхъ. Пѣли молебенъ надъ святымъ гробомъ: великій князь, обливаясь слезами умиленія, первый поклонился оному и восхвалилъ милость неба, которая во дни его царствованія открыла второй источникъ благодати и спасенія для Москвы. Свѣтло праздновали сей день, и св. Алексій, въ народномъ мнѣніи, сталъ на ряду съ древнимъ московскимъ угодникомъ Божіимъ, митрополитомъ Петромъ.

Не малымъ соблазномъ для духовенства и мірянъ была тогдашняя ссора архіепископа новогородскаго Серапіона съ св. Іосифомъ волоцкимъ за то, что сей послѣдній съ монастыремъ своимъ отложился отъ его вѣдомства къ митрополіи. Великій князь въ гнѣвѣ лишилъ Серапіона епархіи и новогородцы, 17 лѣтъ не имѣвъ святителя, съ радостію встрѣтили, наконецъ, знаменитаго Макарія, бывшаго архимандрита лужковскаго, согласно съ древнимъ обычаемъ поставленнаго къ нимъ въ архіепископы. Лѣтописецъ ихъ славитъ сіе время какъ счастливѣйшее для его отчизны, гдѣ молитвами ревностнаго пастыря, вселилась тишина, сопутствуемая здравіемъ людей, обиліемъ и веселіемъ. Макарій первый учредилъ общежительство въ монастыряхъ новогородскихъ и тѣмъ умножилъ вездѣ число иноковъ, доставивъ имъ способъ жить безпечно: ибо прежде каждый изъ нихъ имѣлъ свое хозяйство, соединенное съ заботами. Строгій въ наблюденіи благочинія, онъ вывелъ игуменовъ изъ всѣхъ женскихъ монастырей и далъ инокинямъ настоятельницъ, отличался также усердіемъ къ лѣпотѣ церковной; сдѣлалъ въ Софіи, на мѣсто обветшалыхъ,

новыя богатыя царскія двери и великолѣпный амвонъ; расписалъ стѣны, обновилъ иконы, между которыми древнѣйшія были греческія: Спасителя и апостоловъ Петра и Павла, устроенныя (какъ сказано въ лѣтописи) изъ золота и серебра. Въ первые годы Макаріева архіепископства лапландскіе поморяне, обитавшіе близъ устья рѣки Нивы и Кандалажской Губы, прислали старѣйшинъ къ великому князю, моля его дать имъ учителей христіанскихъ; а государь велѣлъ Макарію отправить туда софійскаго іерея съ діакономъ, которые просвѣтили жителей истиною Евангельскою. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще отдаленнѣйшіе дикари-лапландцы кольскіе изъявили Макарію желаніе креститься и съ великимъ усердіемъ приняли священниковъ. Такъ россіяне, отъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, насаждали вѣру Спасителеву, не употребляя ни малѣйшаго принужденія. Но сіи люди полудикіе, уже вѣруя во Христа, еще держались старыхъ обычаевъ: въ Пятинѣ Вотской, въ Ижерѣ, около Ивангорода, Ямы, Копоря, Ладоги, Невы до Каяніи и Лапландіи, на пространствѣ тысячи верстъ или болѣе, народъ еще обожалъ солнце, луну, звѣзды, озера, источники, рѣки, лѣса, камни, горы; имѣлъ жрецовъ именуемыхъ арбуями и, ходя въ церкви христіанскія не измѣнялъ и кумирамъ. Макарій, съ дозволенія государева послалъ туда умнаго монаха Илію съ наставительною грамотою къ жителямъ, которые, увѣряя его въ ихъ ревности къ христіанству, говорили, что они не смѣютъ коснуться своихъ идоловъ хранимыхъ ужасными духами. Илія зажегъ мнимые лѣса священные, бросилъ въ воду кумиры, удивилъ народъ и проповѣдію Слова Божія довершилъ торжество христіанства. Лѣтописецъ сказываетъ, что пятилѣтніе младенцы помогали сему добродѣтельному иноку сокрушать мольбища идолопоклонниковъ. Замѣтимъ, что не только чудь, но и самые россіяне въ XVI вѣкѣ еще усердно слѣдовали нѣкоторымъ языческимъ обыкновеніямъ. Жители Псковской области 24 іюня праздновали день Купала: собирали травы въ пустыняхъ и въ дубравахъ съ какими-то суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопеляхъ, на гудкахъ; молодыя жены, дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе, о чемъ ревностный игуменъ Елеазаровской обители, старецъ Памфилъ, съ укоризною писалъ къ намѣстнику и сановникамъ Пскова въ 1505 году.

Угнетенное игомъ невѣрныхъ и бѣдностію, духовенство греческое, какъ и прежде, искало утѣшенія и благодѣяній въ Россіи. Константинопольскій патріархъ Ѳеолитъ (въ 1518 году) присылалъ къ намъ янинскаго митрополита Григорія съ аѳонскими иноками, чтобы разжалобить великаго князя описаніемъ ихъ печальнаго состоянія. Благословляя христіанскую добродѣтель россіянъ,

они выѣхали изъ Москвы съ богатыми дарами. Будучи въ дружбѣ съ султаномъ, государь и самъ посылалъ милостыню въ Грецію съ своими чиновниками.

При Василіи (въ 1509 году) былъ церковный Соборъ въ Литовской Россіи, въ Вильнѣ: духовенство наше не имѣло участія въ ономъ. Кіевскій митрополитъ Іосифъ съ семью епископами уставили тамъ весьма строгіе законы для нравственности священниковъ, взявъ мѣры, чтобы мірская власть не вмѣшивалась въ права духовной. Дѣянія сего достопамятнаго Собора свидѣтельствуютъ, что церковь греческая пользовалась тогда въ Литвѣ свободою, независимостію и была вѣрною коренным уставамъ православія.

Въ 27 лѣтъ Василіева государствованія Россія испытала немалыя физическія бѣдствія: отъ 1507 до 1509 года свирѣпствовала язва съ желѣзою въ Новѣгородѣ и въ одну осень схоронено тамъ 15.000 человѣкъ; зимою въ 1512 году во многихъ областяхъ люди умирали кашлемъ; въ 1521 и 1532 г. было въ Псковѣ ужасное повѣтріе, отъ коего всѣ государственные чиновники разбѣжались, и которое миновалось, по извѣстію лѣтописцевъ, отъ употреблерія святой воды, присланной архіепископомъ Макаріемъ, великимъ княземъ и митрополитомъ. Тогда же и въ Новѣгородѣ умерло болѣе тысячи людей отъ прыщей. Были чрезвычайныя засухи: пишутъ, что лѣтомъ въ 1525 г. около четырехъ недѣль солнце и луна не показывались на небѣ отъ густой мглы; что въ 1533 г., отъ 29 іюня до сентября, не упало ни одной дождевой капли на землю; что болота и ключи изсохли, лѣса горѣли; солнце тусклое, багровое, скрывалось за два часа до захожденія; люди въ день не распознавали другъ друга въ лицо и задыхались отъ дымнаго смрада; путешественники, плаватели не видали пути; птицы не могли парить въ воздухѣ. Напротивъ того, лѣтомъ въ 1518 году недѣль пять шли непрестанно сильные дожди, рѣки выступили изъ береговъ, поля залились водою; прервалось сообщеніе между городами и селами. Великій князь торжественными молебствіями старался умилостивить небо. Дворъ и народъ постились. Общій неурожай въ 1512 году произвелъ неслыханную дороговизну: бѣдные умирали съ голоду. Въ сентябрѣ 1515 года Москва имѣла недостатокъ въ хлѣбѣ: нельзя было купить ни четверти ржи. Въ 1525 году все съѣстное продавалось тамъ въ десять разъ дороже обыкновеннаго. Лѣтописцы жалуются на частые пожары (обвиняя въ томъ учрежденіе пороховыхъ заводовъ); въ Москвѣ, Псковѣ, особенно въ Новѣгородѣ, гдѣ (въ 1508 году) самыя каменныя палаты распадались отъ силы огня и сгорѣло 5,314 человѣкъ. Явленіе трехъ кометъ (отъ 1531 до 1533 года) во всей Россіи приводило народъ въ ужасъ.

Описавъ дѣянія и случаи сего времени, напомнимъ читателю, что оно, будучи достопамятно для Россіи благоразуміемъ ея правленія, славно въ лѣтописяхъ Европы, во-первыхъ, рѣдкимъ собраніемъ вѣнценосцевъ, знаменитыхъ дѣлами и характеромъ, во-вторыхъ, важнымъ церковнымъ преобразованіемъ. Немногіе вѣки хвалятся такими государями современными, каковы были Максимиліанъ, Карлъ V, Людовикъ XII, Францискъ I, Селимъ, Солиманъ, Генрикъ VIII, Густавъ Ваза; можемъ прибавить къ нимъ и папу Леона X, и врага нашего Сигизмунда. Всѣ они, за исключеніемъ англійскихъ и французскихъ королей, находились въ сношеніяхъ съ Василіемъ, ихъ достойнымъ современникомъ; всѣ имѣли умъ и дарованія отличныя. Но была ли счастлива Европа? Видимъ, какъ обыкновенно, необузданность властолюбія, зависть, козни, битвы и бѣдствія: ибо ни одинъ умъ, но умъ и страсти дѣйствуютъ на театрѣ міра. Ужасаемая могуществомъ Оттоманской имперіи, волнуемая бореніемъ Франціи съ силами Испаніи и Австріи, Европа въ то же время была потрясена церковнымъ мятежомъ, который скоро сдѣлался государственнымъ. Уже духовная власть, или папская, очерненная многими злоупотребленіями, давно слабѣла въ западныхъ державахъ, но упорствовала въ своихъ гордыхъ требованіяхъ и не хотѣла обратиться къ истинному духу христіанства, вопреки успѣхамъ просвѣщенія. Явился бѣдный инокъ Мартинъ Лютеръ, который, свергнувъ съ себя монашескую одежду и держа въ рукѣ Евангеліе, смѣлъ назвать папу антихристомъ, уличалъ его въ обманахъ, въ корыстолюбіи, въ искаженіи святыни и, несмотря на церковныя клятвы, соборы и гнѣвъ Карла V, основалъ новую вѣру, хотя также на евангельскомъ ученіи, но съ отверженіемъ многихъ важныхъ, значительныхъ обрядовъ, введенныхъ въ самомъ началѣ христіанства и, безъ сомнѣнія, полезныхъ: ибо люди имѣютъ не только разумъ, но и воображеніе, не менѣе перваго дѣйствующее на сердце. Обнаживъ богослуженіе, лишивъ оное торжественности и какъ бы закрывъ для мысли небо, куда взоръ и духъ молящихся устремляются отъ велелѣпія алтарей, отъ таинственнаго священнодѣйствія литургіи, сей рѣшительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповѣдію; оказалъ еще болѣе ненависти къ Риму, нежели усердія къ Сіону; ссылаясь единственно на Христа и апостоловъ, не подражалъ имъ въ кротости: подвергая догматы церкви суду ума, говорилъ языкомъ страстей, и, лишивъ папу духовной власти во многихъ земляхъ Германіи, въ трехъ сѣверныхъ королевствахъ, въ бывшихъ владѣніяхъ Нѣмецкаго Ордена и въ Ливоніи, самъ представлялъ лицо начальника церковнаго, обязанный своимъ торжествомъ не фанатизму народному, а земнымъ разсчетамъ правителей: удерживая имя

христіанъ и святыню Евангелія, новымъ исповѣданіемъ они свергли съ себя иго зависимости отъ гордаго, взыскательнаго, корыстолюбиваго Рима; присоединяли дани и пошлины церковныя къ своимъ доходамъ и могли въ дѣлахъ совѣсти уже не бояться духовнаго запрещенія. Многіе толкователи всемірныхъ происшествій говорятъ о лютеранской вѣрѣ, какъ о великомъ благодѣяніи для человѣчества: она неоспоримо способствовала успѣхамъ просвѣщенія и лучшей нравственности, соединенной съ оными, но первымъ ея слѣдствіемъ были кровопролитія и новыя секты христіанскія, отчасти вредныя для самыхъ правительствъ и спокойствія гражданскаго. Генрикъ VIII, написавъ книгу противъ Лютера, самъ послѣдовалъ его примѣру: оставилъ римское исповѣданіе и сдѣлался главою англиканскаго, связавъ оное крѣпкимъ узломъ съ пользою королевской власти и давъ себѣ волю удовлетворять своему гнусному любострастію перемѣною женъ. Однимъ словомъ, если враги латинской церкви справедливо винили ее въ невѣрности къ истинному христіанству, то и ревностные католики по совѣсти могли винить ихъ въ лицемѣріи, въ обманахъ и въ беззаконіи.

Сія важная перемѣна церковная не укрылась отъ вниманія нашихъ современныхъ богослововъ; о ней разсуждали въ Москвѣ, и грекъ Максимъ написалъ Слово о Лютеровой ереси, гдѣ, не хваля мірского властолюбія папъ, строго осуждаетъ новости въ законѣ, внушаемыя страстями человѣческими.

ГЛАВА IV.

Состояніе Россіи.

Г. 1462 — 1533.

Правленіе.—Войско.—Правосудіе.—Торговля.—Деньги.—Бережливость государей.—Дороги и почта.—Москва.—Свойства и обычаи.—Великокняжеская свадьба.—Въѣздъ пословъ.—Иноземцы.—Словесность.—Извѣстія о востокѣ и сѣверѣ Россіи.

Въ сіе время отечество наше было какъ бы новымъ свѣтомъ, открытымъ царевною Софіею для знатнѣйшихъ европейскихъ державъ. Вслѣдъ за нею послы и путешественники, являясь въ Москвѣ, съ любопытствомъ наблюдали физическія и нравственныя свойства земли, обычаи Двора и народа; записывали свои примѣчанія и выдавали оныя въ книгахъ, такъ что ужъ въ первой половинѣ XVI вѣка состояніе и самая древняя исторія Рос-

сіи были извѣстны въ Германіи и въ Италіи. Контарини, Павелъ Іовій, Францискъ да-Колло, въ особенности Герберштеинъ старались дать современникамъ ясное, удовлетворительное понятіе о сей новой державѣ, которая вдругъ обратила на себя вниманіе ихъ отечества.

Ничто не удивляло такъ иноземцевъ, какъ самовластіе государя россійскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. „Скажетъ, и сдѣлано,—говоритъ баронъ Герберштеинъ:—жизнь, достояніе людей, мірскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависятъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ Божества: ибо русскіе увѣрены, что великій князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенное слово ихъ: такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь. Усердіе сихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испаніи, сѣдого старца, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ текъ съ лица его. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: ахъ господинъ баронъ! мы служимъ государю не по-вашему! Не знаю, свойство ли народа требовало для Россіи такихъ самовластителей, или самовластители дали народу такое свойство“. Безъ сомнѣнія дали, чтобы Россія спаслась и была великою державою. Два государя, Іоаннъ и Василій, умѣли навѣки рѣшить судьбу нашего правленія и сдѣлать самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ государственнымъ, единственною основою цѣлости ея, силы, благоденствія. Сія неограниченная власть монарховъ казалась иноземцамъ тираніею: они въ легкомысленномъ сужденіи своемъ забывали, что тиранія есть только злоупотребленіе самодержавія, являясь и въ республикахъ, когда сильные граждане или сановники утѣсняютъ общество. Самодержавіе не есть отсутствіе законовъ: ибо гдѣ обязанность, тамъ и законъ: никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности монарховъ блюсти счастіе народное.

Сіи иноземные наблюдатели сказываютъ, что великій князь, будучи для подданныхъ образомъ божества, превосходя всѣхъ иныхъ вѣнценосцевъ въ нравственномъ могуществѣ, не уступалъ никому изъ нихъ и въ воинскихъ силахъ, имѣя триста тысячъ боярскихъ дѣтей и шестьдесятъ тысячъ сельскихъ ратниковъ, коихъ содержаніе ему ничего или мало стоило: ибо всякій боярскій сынъ, надѣленный отъ казны землею, служилъ безъ жалованья, кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ, и кромѣ литовскихъ или нѣмецкихъ пѣхотныхъ воиновъ, числомъ менѣе двухъ тысячъ. Конница составляла главную силу; пѣхота не могла съ успѣ-

хомъ дѣйствовать въ степяхъ противъ непріятелей конныхъ. Оружіемъ были лукъ, стрѣлы, сѣкира, кистень, длинный кинжалъ, иногда мечъ, копье. Знатнѣйшіе имѣли кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными въ полѣ: вылитыя итальянскими художниками для защиты и осады городовъ, онѣ стояли неподвижно въ Кремлѣ на лафетахъ. Въ битвахъ мы надѣялись болѣе на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти въ тылъ непріятелю, окружить его, вообще дѣйствовать издали, не въ рукопашь; а когда нападали, то съ ужаснымъ стремленіемъ, но непродолжительнымъ. „Они,— пишетъ Герберштейнъ, — въ быстрыхъ своихъ нападеніяхъ какъ бы говорятъ непріятелю: бѣги, или мы сами побѣжимъ! И въ общежитіи и въ войнѣ народы удивительно разнствуютъ между собою. Татаринъ, сверженный съ коня, обагренный кровію, лишенный оружія, еще не сдается въ плѣнъ: машетъ руками, толкаетъ ногою, грызетъ зубами. Турокъ, видя слабость свою, бросаетъ саблю и молитъ побѣдителя о милосердіи. Гонись за русскимъ, онъ уже не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ; но никогда не требуетъ пощады. Коли, руби его: молчитъ и падаетъ".— Щадя людей и худо употребляя снарядъ огнестрѣльный, мы рѣдко брали города приступомъ, надѣясь изнурить жителей долговременною осадою и голодомъ. Располагались станомъ обыкновенно вдоль рѣки, недалеко отъ лѣса, въ мѣстахъ паственныхъ. Одни чиновники имѣли наметы; воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ подсѣдельными войлоками, въ защиту отъ дождя. Обозовъ почти не было: возили все нужное на вьючныхъ лошадяхъ. Каждый воинъ бралъ съ собою въ походъ нѣсколько фунтовъ толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кромѣ воеводъ, которые иногда давали имъ вкуснѣйшіе обѣды. Полки имѣли своихъ музыкантовъ или трубачей. На великокняжескихъ знаменахъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце.—Въ каждомъ полку особенные сановники записывали имена храбрыхъ и малодушныхъ, означая первыхъ для благоволенія государева и наградъ, а другихъ для его немилости или общественнаго стыда.—Молодые люди обыкновенно готовили себя къ воинской службѣ богатырскими играми: выходили въ поле, стрѣляли въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и побѣдителямъ была слава.

Хваля ясность, простоту нашихъ законовъ и суда, не имѣвшихъ нужды ни въ толкователяхъ, ни въ стряпчихъ—не менѣе хваля и Василіеву любовь къ справедливости—иноземцы замѣчали однакожъ, что богатый рѣже бѣднаго оказывался у насъ виновнымъ въ тяжбахъ; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душою въ своихъ рѣшеніяхъ. Однажды доне-

сли Василію, что судья московскій, взявъ деньги съ истца и съ отвѣтчика, обвинилъ того, кто ему далъ менѣе. Великій князь призвалъ его къ себѣ. Судья не запирался и съ видомъ невиннаго отвѣтствовалъ: „Государь! я всегда вѣрю лучше богатому, нежели бѣдному“, разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужомъ. Василій улыбнулся и корыстолюбецъ остался, по крайней мѣрѣ, безъ тяжкаго наказанія.—Не только законодательная, но и судная власть, какъ въ самую глубокую древность, принадлежала единственно государю: всѣ другіе судьи были только его временными или чрезвычайными повѣренными, отъ великокняжескихъ думныхъ совѣтниковъ до тіуновъ сельскихъ. Государь нерѣдко уничтожалъ ихъ приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мірская власть наказывала духовныхъ. Иногда митрополитъ жаловался на уголовныхъ судей, которые приговаривали священниковъ къ кнуту и къ висѣлицѣ; судьи отвѣчали: „казнимъ не священниковъ, а негодяевъ по древнему уставу нашихъ отцовъ“.—Въ сочиненіи Іовія и Герберштеина находимъ первое извѣстіе о жестокихъ судныхъ пыткахъ, коими заставляли у насъ преступниковъ виниться въ ихъ злодѣяніяхъ: воровъ били по пятамъ; разбойникамъ капали сверху на голову и на все тѣло самую холодную воду и вбивали деревянныя спицы за ногти. Обыкновеніе ужасное, данное намъ татарскимъ игомъ вмѣстѣ съ кнутомъ и всѣми тѣлесными, мучительными казнями.

Торговля сего времени была въ цвѣтущемъ состояніи. Къ намъ привозили изъ Европы серебро въ слиткахъ, сукна, сученое золото, мѣдь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; изъ Азіи шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ, драгоцѣнные каменья; отъ насъ вывозили въ нѣмецкую землю мѣха, кожи, воскъ въ Литву и въ Турцію мѣха и моржовые клыки; въ Татарію сѣдла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, въ обмѣнъ на лошадей азіатскихъ. Оружіе и желѣзо не выпускались изъ Россіи, въ Москву ѣздили польскіе и литовскіе купцы: датскіе, шведскіе и нѣмецкіе торговали въ Новѣгородѣ; азіатскіе и турецкіе на Мологѣ, гдѣ существовалъ прежде Холопій городокъ и гдѣ находилась тогда одна церковь. Сія ярмонка еще славилась своею знатною мѣною. Иноземцы обязывались показывать товары свои въ Москвѣ великому князю: онъ выбиралъ для себя, что ему нравилось; платилъ деньги, дозволялъ продажу остальныхъ. Пряныя зелія, шелковыя ткани и многія иныя вещи были у насъ дешевы въ сравненіи съ ихъ цѣною въ Германіи. Лучшіе мѣха шли изъ земли Печерской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 и 30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу (употребляемую на боярскія шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опуши-

вали нарядныя платья. Волчьи мѣха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоилъ три или четыре, бѣлка двѣ деньги и менѣе.— Съ товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ, брали въ казну пошлины, семь денегъ съ рубля, а за воскъ четыре деньги съ пуда сверхъ цѣны онаго. Россія считалась въ Европѣ землею изобильнѣйшею дикимъ или бортевымъ медомъ.—Монастырь Троицкій въ Смоленской области, на берегу Днѣпра, былъ главнымъ пристанищемъ для купцовъ литовскихъ: они жили тамъ въ гостиницахъ и грузили товары, покупаемые ими въ Россіи для отправленія въ ихъ землю.—Нѣкоторыя мѣста особенно славились своими произведеніями для внутренней торговли: напримѣръ, Калуга деревянною, красивою посудою, Муромъ вкусною рыбою, Переславль сельдями, а еще болѣе Соловки, гдѣ находились лучшія соляныя варницы.—Многія судоходныя рѣки облегчали перевозъ товаровъ; но Россія еще не имѣла морей, кромѣ Сѣвернаго океана, къ коему она примыкала своими полунощными, хладными пустынями. Иногда небольшія суда ходили отъ устья Двины Бѣлымъ моремъ, мимо Святого Носа, Семи Островов и Шведской Лапландіи въ Норвегію и въ Данію. Симъ путемъ датскій посолъ возвращался изъ Москвы въ Норвегію съ нашимъ толмачемъ Истомою. Другой толмачъ, именемъ Власій, плылъ Сухоною, Югомъ и Двиною до Бѣлаго моря, чтобы ѣхать оттуда въ Копенгагенъ. Сіе плаваніе считалось весьма опаснымъ и затруднительнымъ; купцы скандинавскіе не смѣли вверять оному своихъ товаровъ и держались Новагорода. — Любопытно знать, что россіяне уже имѣли тогда свѣдѣніе о Китаѣ и думали, что можно Сѣвернымъ океаномъ достигнуть береговъ сей отдаленной имперіи.

Въ Россіи ходили серебряныя и мѣдныя деньги: московскія, тверскія, псковскія, новогородскія; серебряныхъ считалось 200 въ рублѣ (который стоилъ два червонца), а мѣдныхъ пуль 1,200 въ гривнѣ. Новогородскія деньги имѣли почти двойную цѣну: ихъ было только 140 въ рублѣ. На сихъ монетахъ изображался великій князь, сидящій въ креслахъ, и другой человѣкъ, склоняющій предъ нимъ голову; на псковскихъ голова въ вѣнцѣ; на московскихъ всадникъ съ мечомъ: новыя были цѣною въ половину менѣе старыхъ. Золотыя деньги ходили только иностранныя: венгерскіе червонцы, римскіе гульдены и ливонскія монеты, коихъ цѣна перемѣнялась. Всякій серебряникъ билъ и выпускалъ монету: правительство наблюдало, чтобы сіи денежники не обманывали въ вѣсѣ и въ чистотѣ металла. Государь не запрещалъ вывозить монету изъ Россіи, однакожъ хотѣлъ, чтобы мы единственно мѣнялись товарами съ иноземцами, а не покупали ихъ на деньги.—Вмѣсто нынѣшняго ста, обыкновеннымъ торговымъ

счетомъ было сорокъ и девяносто; говорили: сорокъ, два сорока, или девяносто, два девяноста, и проч.

Успѣхи торговли болѣе и болѣе умножали доходы государевы. Современники славятъ богатство и бережливость Василія. Главная казна его хранилась на Бѣлоозерѣ и въ Вологдѣ, какъ въ безопаснѣйшихъ и недоступныхъ для непріятеля мѣстахъ, окруженныхъ лѣсами и болотами непроходимыми. Удивительно ли,— пишутъ иноземцы,—что великій князь богатъ? онъ не даетъ денегъ ни войску, ни посламъ и даже беретъ у нихъ, что они вывозятъ драгоцѣннаго изъ чужихъ земель; такъ князь Ярославскій, возвратясь изъ Испаніи, отдалъ въ казну всѣ тяжелыя золотыя цѣпи, ожерелья, богатыя ткани, серебряные сосуды, подаренные ему императоромъ и Фердинандомъ Австрійскимъ. Сіи люди не жалуются, говоря: великій князь возьметъ, великій князь и наградитъ. Не тѣмъ, безъ сомнѣнія, Іоаннъ и Василій богатѣли, что не давали серебромъ жалованья войску (ибо помѣстья стоили серебра), и не тѣмъ, что брали иногда у пословъ вещи, которыя имъ отмѣнно нравились; но мудрою бережливостію, точнымъ соображеніемъ предпріятій съ государственными способами, запасомъ на случай нужды: правило важное для благоденствія державъ. Карлъ V съ сокровищами новаго свѣта часто не имѣлъ денегъ, а великіе князья наши могли хвалиться богатствомъ, издерживая менѣе, нежели получая.

Несмотря на дѣятельность торговли, Россія казалась путешественникамъ малонаселенною въ сравненіи съ иными европейскими странами: рѣдкія жительства, степи, дремучіе лѣса, худыя, пустынныя, уединенныя дороги свидѣтельствовали, что сія держава была еще новою въ гражданскомъ образованіи. Съ ужасомъ говоря о нашихъ распутицахъ, тлѣнныхъ мостахъ, опасностяхъ, неудобствахъ въ пути, чужестранцы хвалятъ исправность и скорость нашей почты: изъ Новагорода въ Москву пріѣзжали они въ 72 часа, платя 6 денегъ за 20 верстъ. Лошадей было множество на учрежденныхъ ямахъ: кто требовалъ десяти или двѣнадцати, тому приводили сорокъ или пятьдесятъ. Усталыхъ кидали на дорогѣ; брали свѣжихъ въ первомъ селеніи или у проѣзжихъ.

Чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ болѣе селеній и людей встрѣчалось глазамъ путешественника. Все оживлялось: на дорогѣ обозы, вокругъ частыя поля, луга представляли картину человѣческой дѣятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнинѣ съ блестящими куполами своихъ несмѣтныхъ храмовъ, съ красивыми башнями, съ бѣлыми стѣнами кремлевскими, съ рѣдкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянныхъ зданій, среди зеленыхъ садовъ и рощей. Окрест-

ные монастыри казались маленькими, прелестными городками. Въ слободахъ жили кузнецы и другіе ремесленники, которые непрестаннымъ употребленіемъ огня могли быть опасны въ сосѣдствѣ: разселенные на большомъ пространствѣ, они сѣяли хлѣба и косили траву предъ ихъ домами, на обѣихъ сторонахъ улицы. Одинъ Кремль считался городомъ: всѣ иныя части Москвы, уже весьма обширной, назывались предмѣстіями, ибо не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На круто-берегой Яузѣ стояло множество мельницъ. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ровъ Кремлевскій. Нѣкоторыя улицы были тѣсны и грязны; но сады вездѣ чистили воздухъ, такъ что въ Москвѣ не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, кромѣ наносныхъ. Въ 1520 году, какъ пишутъ, находилось въ ней 41,500 домовъ, исчисленныхъ по указу великаго князя; а сколько жителей—неизвѣстно; но можно полагать ихъ гораздо за 100,000. Въ Кремлѣ, въ разныхъ улицахъ, въ огромныхъ деревянныхъ домахъ (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнѣйшіе люди, митрополитъ, князья, бояре. Гостиный дворъ (тамъ же, гдѣ и нынѣ, на площади Китая-города), обнесенный каменною стѣною, прельщалъ глаза не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ азіатскихъ и европейскихъ. Зимою хлѣбъ, мясо, дрова, лѣсъ, сѣно обыкновенно продавались на Москвѣ-рѣкѣ, въ лавкахъ или шалашахъ.

Наши свойства казались наблюдателямъ и худыми, и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишетъ, что москвитяне толпятся съ утра до обѣда на площадяхъ, рынкахъ, а заключаютъ день въ питейныхъ домахъ: глазѣютъ, шумятъ, а дѣла не дѣлаютъ. Герберштеинъ, напротивъ того, съ удивленіемъ видѣлъ ихъ работающихъ въ праздники. Въ будни запрещалось имъ пить; одни иноземные воины, служа государю за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи хмельного: для чего слобода за Москвою-рѣкою, гдѣ они жили, именовалась Налейками, отъ слова наливай. Великій князь Василій, опасаясь дѣйствій худого примѣра, не дозволялъ своимъ подданнымъ жить вмѣстѣ съ ними. У всякой рогатки на улицахъ стоялъ караулъ: никто не смѣлъ ходить ночью безъ особенной важной причины и безъ фонаря. Тишина царствовала въ городѣ. Замѣчали, что россіяне не злы, не сварливы, терпѣливы, но склонны (особенно москвитяне) къ обманамъ въ торговлѣ. Славили древнюю честность новогородцевъ и псковитянъ, которые тогда уже начинали измѣняться въ характерѣ. Пословица: товаръ лицомъ продать,— служила уставомъ въ купечествѣ. Лихоимство не считалось стыдомъ: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100, и еще хвалились умѣренностію; ибо въ древнія времена должники платили у

насъ 40 на 100.—„Рабство, несовмѣстное съ душевнымъ благородствомъ, было (по словамъ Герберштеина) общимъ въ Россіи: ибо и самые вельможи назывались холопями государя"; но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность россіянъ къ монарху; а въ самомъ дѣлѣ народъ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопы, или дворовые, или сельскіе, потомки людей купленныхъ, военноплѣнныхъ, закономъ лишенныхъ вольности. Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ (такъ и въ древнемъ Римѣ): господинъ могъ располагать ими какъ собственностію, какъ вещію; могъ своевольно отнимать у нихъ жизнь, никому не отвѣтствуя. Но въ сіе время — или въ XVI вѣкѣ — уже одна государственная власть смертію казнила холопа, слѣдственно уже человѣка, уже гражданина, покровительствуемаго закономъ. Здѣсь видимъ успѣхъ нравственности и дѣйствіе лучшихъ гражданскихъ понятій. Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не казалась имъ тяжкою: ибо многіе изъ нихъ, освобождаемые по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ и шли къ нимъ въ кабалу или въ новую крѣпость не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хорошій поденщикъ въ Москвѣ выработывалъ съ утра до вечера двѣ деньги или около двадцати копѣекъ нынѣшнихъ), но для того, что любили домашнюю легкую службу и безпечность: рабъ-отецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должности господъ: общее мнѣніе предписывало имъ человѣколюбіе и справедливость; тираномъ гнушались какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто изъ вольныхъ людей не хотѣлъ идти къ нему въ услуженіе; именемъ его бранились на площадяхъ. Гораздо несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, которые, нанимая землю въ помѣстьяхъ или въ отчинахъ у дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свыше силъ человѣческихъ, не могли ни двухъ дней въ недѣлѣ работать на себя, переходили къ инымъ владѣльцамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помѣщики нигдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы отвести имъ степи, но не хотѣлъ того, чтобы помѣстья не опустѣли, и сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только что не умиралъ съ голоду: старецъ, бездомокъ отъ юности, изнуривъ жизненныя силы въ работѣ наемника, при дверяхъ гроба не зналъ, гдѣ будетъ его могила. Бѣдность рождаетъ презрѣніе: въ старину называли у насъ земледѣльцевъ смердами: въ XVI вѣкѣ крестьянами, то есть христіанами, но въ худомъ, варварскомъ смыслѣ: ибо долговременные

наши тираны, Батыевы моголы, поносили россіянъ симъ именемъ.— Вѣроятно, что многіе земледѣльцы шли тогда въ кабалу къ дворянамъ, по крайней мѣрѣ знаемъ, что многіе отцы продавали своихъ дѣтей, не имѣя способа кормиться. Сынъ могъ быть нѣсколько разъ проданъ отцомъ; но въ четвертый разъ, отпущенный господиномъ на волю, уже зависѣлъ единственно отъ себя.

Здѣсь представляется любопытный вопросъ: неужели никогда не бывало въ Россіи крестьянъ-владѣльцевъ? По крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что князья, бояре, воины и купцы—то-есть городскіе жители—искони владѣя землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право мечомъ, въ такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ владѣльцамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.

Не только бояре знатные, но и самые простые, бѣдные дворяне казались спѣсивыми, недоступными. Къ первымъ никто не смѣлъ въѣхать на дворъ: оставляли лошадей у воротъ. Благородные стыдились ходить пѣшкомъ и не имѣли знакомства съ мѣщанами, опасаясь тѣмъ унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, какъ можно заниматься дѣлами стоя или ходя. Молодыя женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужимъ людямъ и въ церковь ходили рѣдко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для нихъ позволенною: качели. Богатыя не пеклись о домашнемъ хозяйствѣ, которое лежало единственно на слугахъ и служанкахъ. Бѣдныя поневолѣ трудились; но самая бѣднѣйшая, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животнаго: стояла у воротъ съ курицею или съ уткою и просила мимоходящихъ, чтобы они закололи сію птицу ей на обѣдъ. — Несмотря на строгое заключеніе женъ, бывали, какъ и вездѣ, примѣры невѣрности, тѣмъ естественнѣе, что взаимная любовь не участвовала въ бракахъ и что мужья-дворяне, находясь въ государственной службѣ, рѣдко живали дома. Не женихъ обыкновенно сватался за невѣсту, но отецъ ея выбиралъ себѣ зятя и говорилъ о томъ съ отцомъ его. Назначали день свадьбы, а будущіе супруги еще не знали другъ друга въ глаза. Когда нетерпѣливый женихъ домогался видѣть невѣсту, то родители ея всегда отвѣчали ему: „спроси у добрыхъ людей, какова она?“ Приданое состояло въ одеждѣ, въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, въ слугахъ, въ коняхъ и проч.; а что родственники и пріятели дарили невѣстѣ, то мужъ долженъ былъ послѣ свадьбы возвращать имъ или платить деньгами. Герберштейнъ первый сказалъ, что россіянка не увѣрена въ любви супруга безъ ча-

стыхъ отъ него побоевъ: сіе вошло въ пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для насъ древними обычаями славянскими и грубою нравственностію временъ Батыева ига.

Спѣсивые противъ бѣдныхъ мѣщанъ, дворяне и богатые купцы были гостепріимны и вѣжливы между собою. Гость, входя въ комнату, глазами искалъ святыхъ образовъ, шелъ къ нимъ, крестился и, нѣсколько разъ сказавъ вслухъ: Господи помилуй! обращался къ хозяину съ привѣтствіемъ: дай тебѣ Боже здравія! Они цѣловались, кланялись другъ другу, и чѣмъ ниже, тѣмъ лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, бесѣдовали, и гость, взявъ шапку, шелъ опять къ образамъ; хозяинъ провожалъ его до крыльца, а любимаго до самыхъ воротъ. Подчивали пріятелей медомъ, пивомъ, винами иноземными: романеею, мушкателемъ, канарскимъ, бѣлымъ рейнскимъ; лучшимъ считалась мальвазія, употребляемая, однакожъ, болѣе въ лѣкарство и во дворцѣ, за великокняжескою трапезою. Ужиновъ не знали: обѣды были изобильные и вкусные для самыхъ иноземцевъ, которые дивились у насъ множеству и дешевизнѣ всякаго скота, рыбы, птицъ, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще роскошь тогдашняя состояла въ избыткѣ обыкновенныхъ, дешевыхъ вещей: умѣли хвалиться ею не разоряясь; бережливость не славилась добродѣтелію, ибо казалась естественною людямъ, которые еще не вѣдали прелестей изнѣженнаго вкуса. Дорогія одежды означали первостепенныхъ государственныхъ сановниковъ: если не законъ, то обыкновеніе воспрещало другимъ равняться съ ними въ сихъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ. Сіи наряды употреблялись бережно; вѣтреная мода не измѣняла оныхъ и вельможа оставлялъ свою праздничную одежду въ наслѣдство сыну. Платье боярское, дворянское, купеческое не различалось покроемъ; верхнее съ опушкою, широкое, длинное называлось однорядками; другое охабнями, съ воротникомъ; третье ферезями, съ пуговицами до подола, съ нашивками или безъ нашивокъ; такое же длинное, съ нашивками или только съ пуговицами до пояса, кунтышами, доломанами, кафтанами; у всякаго были клинья, а на бокахъ прорѣхи. Полукафтанье носили съ козыремъ; рубахи съ вышитымъ, разноцвѣтнымъ воротникомъ и съ серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, съ желѣзными подковами; шапки высокія, шляпы поярковыя, черныя и бѣлыя. Мужчины стригли себѣ волосы.— Дома не блистали внутреннимъ украшеніемъ: самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ. Сѣни огромныя, а двери низкія и входящій всегда наклонялся, чтобы не удариться головою о верхній косякъ.

Опишемъ нѣкоторыя достопамятныя обыкновенія. Посланникъ великокняжескій Димитрій, будучи въ Римѣ и бесѣдуя съ Павломъ Іовіемъ о нравахъ своего отечества, сказывалъ ему, что россіяне, искони набожные, любя чтеніе душеспасительныхъ книгъ, не терпятъ проповѣди въ церквахъ, дабы слышать въ нихъ единственно Слово Господне, безъ примѣса мудрованій человѣческихъ, несогласныхъ съ простотою Евангельскою; что нигдѣ не имѣютъ такого священнаго уваженія къ храмамъ, какъ у насъ; что мужъ и жена, вкусивъ удовольствіе законной любви, не дерзаютъ войти въ церковь и слушаютъ обѣдню стоя на паперти; что молодые, не скромные люди, видя ихъ тамъ, угадываютъ причину и своими насмѣшками заставляютъ женщинъ краснѣться; что мы весьма не любимъ католиковъ, а евреями гнушаемся и не дозволяемъ имъ въѣзжать въ Россію. Сіе время особенно славилось открытіемъ многихъ святыхъ, цѣлебныхъ мощей; но Іоаннъ и Василій не всегда вѣрили молвѣ и разсказамъ народнымъ; а безъ согласія государева духовенство не умножало числа святыхъ: когда же строгое излѣдованіе и достовѣрныя свидѣтельства убѣждали великаго князя въ истинѣ чудесъ, то объявляли ихъ всенародно, звонили въ колокола, пѣли молебны и недужные со всѣхъ сторонъ спѣшили ко праху новыхъ угодниковъ, какъ нынѣ спѣшатъ къ новымъ славнымъ врачамъ, чтобы найти исцѣленіе. Тогдашняя христіанская набожность произвела умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое селомъ скудельничимъ, гдѣ люди добролюбивые въ четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ сходились рыть могилы для странниковъ и пѣть панихиды въ упокоеніе души тѣхъ, коихъ имена, отечество и вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ за кого возсылаются къ Нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно христіанскія молитвы. Тамъ погребались тѣла, находимыя въ окрестностяхъ города, а можетъ быть и всѣхъ иноземцевъ.

Іовій пишетъ, что великіе князья, подобно султанамъ, избираютъ себѣ женъ за красоту и добродѣтель, не мало уважая знатности; что невѣстъ привозятъ изъ всей Россіи, что искусныя, опытныя бабки осматриваютъ ихъ тайныя прелести, что совершеннѣйшая или счастливѣйшая выходитъ за государя, другія въ тотъ же день за молодыхъ придворныхъ чиновниковъ. Сіе извѣстіе можетъ относиться единственно къ двумъ бракамъ Василія: ибо отецъ, дѣдъ и предки его женились обыкновенно на княжнахъ владѣтельныхъ. Сообщимъ здѣсь любопытныя подробности изъ описанія Василіевой свадьбы 1526 года.

„Державный женихъ, нарядясь, сидѣлъ въ брусяной столовой избѣ съ своимъ поѣздомъ; а невѣста Елена Глинская, съ женою

тысяцкаго, двумя свахами, боярынями и многими знатными людьми шла изъ дому въ середнюю палату. Передъ нею несли двѣ брачныя свѣчи въ фонаряхъ, два коровая и серебряныя деньги. Въ сей палатѣ были сдѣланы два мѣста, одѣтыя бархатомъ и камками; на нихъ лежали два зголовья и два сорока черныхъ соболей; а третьимъ сорокомъ надлежало опахивать жениха и невѣсту. На столѣ, покрытомъ скатертью, стояло блюдо съ калачами и солью. Елена сѣла на своемъ мѣстѣ, сестра ея, княжна Анастасія,—на жениховомъ; боярыни вокругъ стола. Василій прислалъ туда брата князя Юрія, который, занявъ большое мѣсто, велѣлъ звать жениха. Государь! сказали ему: иди съ Богомъ на дѣло. Великій князь вошелъ съ тысяцкимъ и со всѣми чиновниками, поклонился иконамъ, свелъ княжну Анастасію съ своего мѣста и сѣлъ на оное. Читали молитву. Жена тысяцкаго гребнемъ чесала голову Василію и Еленѣ. Свѣчами Богоявленскими зажгли брачныя, обогнутыя соболями и вдѣтыя въ кольцы. Невѣстѣ подали кику и фату. На золотой мисѣ, въ трехъ углахъ, лежали хмѣль, соболи, одноцвѣтные платки бархатные, атласные, камчатные и пѣнязи, числомъ по девяти на каждомъ углѣ. Жена тысяцкаго осыпала хмѣлемъ великаго князя и Елену, опахиваемыхъ соболями. Дружка государевъ, благословясь, изрѣзалъ перепечу и сыры для всего поѣзда; а Еленинъ дружка раздавалъ ширинки. Поѣхали въ церковь Успенія: государь съ братьями и вельможами, Елена въ однѣхъ саняхъ съ женою тысяцкаго и съ двумя большими свахами, за нею шли нѣкоторые бояре и чиновники; передъ нею несли свѣчи и короваи. Женихъ стоялъ въ церкви на правой сторонѣ у столпа, невѣста на лѣвой. Они шли къ вѣнчанію по камкамъ и соболямъ. Знатнѣйшая боярыня держала скляницу съ виномъ фряжскимъ: митрополитъ подалъ ее государю и государынѣ: первый, выпивъ вино, растопталъ скляницу ногою. Когда священный обрядъ совершился, новобрачные сѣли на двухъ красныхъ изголовьяхъ. Митрополитъ, князья и бояре поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Возвратились во дворецъ. Свѣчи съ короваями отнесли въ спальню или въ сѣнникъ, и поставили въ кадь пшеницы. Въ четырехъ углахъ сѣнника были воткнуты стрѣлы, лежали калачи съ соболями, у кровати два зголовья, двѣ шапки, одѣяло кунье, шуба; на лавкахъ стояли оловянники съ медомъ; въ головахъ кровати икона Рождества Христова, Богоматери и Крестъ Воздвизальный; на стѣнахъ также иконы Богоматери со Младенцемъ; надъ дверью и надъ всѣми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постели стлали на двадцати семи ржаныхъ снопахъ. Великій князь завтракалъ съ людьми ближними; ѣздилъ верхомъ по монастырямъ и обѣдалъ со всѣмъ Дворомъ. Князь Юрій Іоанновичъ сидѣлъ опять на большомъ

мѣстѣ, а Василій рядомъ съ Еленою; передъ ними поставили жаренаго пѣтуха: дружка взялъ его, обернулъ верхнею скатертью и отнесъ въ спальню, куда повели и молодыхъ изъ-за стола. Въ дверяхъ знатнѣйшій бояринъ выдавалъ великую княгиню и говорилъ рѣчь. Жена тысяцкаго, надѣвъ двѣ шубы, одну наизворотъ, вторично осыпала новобрачныхъ хмелемъ; а дружки и свахи кормили ихъ пѣтухомъ. Во всю ночь конюшій государевъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами спальни съ обнаженнымъ мечомъ. На другой день супруги ходили въ мыльню и ѣли кашу на постелѣ". Легко угадать разумъ сихъ обрядовъ, безъ сомнѣнія весьма древнихъ, отчасти, можетъ быть, славянскихъ, отчасти скандинавскихъ: нѣкоторые образовали любовь, согласіе, чадородіе, богатство; другіе должны были удалять дѣйствіе злого волшебства.

Василій, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ государями европейскими, любилъ хвалиться ласкою, оказываемою ихъ посламъ въ Россіи; но иноземцы жаловались на сей милостивый пріемъ, соединенный съ обрядами скучными и тягостными. Приближаясь къ границѣ, посолъ давалъ о томъ знать намѣстникамъ ближайшихъ городовъ. Ему предлагали множество вопросовъ: „изъ какой земли, отъ кого ѣдетъ? знатный ли человѣкъ? какого именно званія? бывалъ ли прежде въ Россіи? говоритъ ли нашимъ языкомъ? сколько съ нимъ людей и какихъ?" О семъ немедленно доносили великому князю; а къ послу высылали чиновника, который, встрѣтивъ его, не уступалъ ему дороги и всегда требовалъ чтобы онъ стоя выслушивалъ государево привѣтствіе со всѣмъ великокняжескимъ титуломъ, нѣсколько разъ повторяемымъ. Назначали дорогу и мѣста, гдѣ надлежало обѣдать, ночевать. Ѣхали тихо, иногда не болѣе 15 или 20 верстъ въ день: ибо ждали отвѣта изъ Москвы. Иногда останавливались въ полѣ, не смотря на зимній морозъ; иногда худо ѣли. За то приставъ терпѣливо сносилъ брань иноземцевъ. Наконецъ государь высылалъ дворянъ своихъ къ послу: тутъ везли его уже скорѣе и лучше содержали. Встрѣча передъ Москвою была всегда пышная: являлось вдругъ нѣсколько чиновниковъ въ богатыхъ одеждахъ и съ отрядомъ конницы; говорили рѣчи, спрашивали о здоровьѣ, и проч. Дворъ посольскій находился близъ Москвы-рѣки: большое зданіе со многими комнатами, но совершенно пустыми: никто не жилъ въ семъ домѣ. Приставы служили гостямъ, непрестанно заглядывая въ роспись, гдѣ было все исчислено, все измѣрено, что надлежало давать посламъ нѣмецкимъ, литовскимъ, азіатскимъ: сколько мясныхъ блюдъ, меду, луку, перцу, масла, даже дровъ. Между тѣмъ придворные чиновники ежедневно спрашивали у нихъ, довольны ли они угощеніемъ? Не скоро назначался день предста-

вленія: ибо любили долго изготовляться къ оному. Послы сидѣли одни, не могли заводить знакомствъ и скучали. Великій князь къ сему дню, для ихъ торжественнаго въѣзда въ Кремль, обыкновенно дарилъ имъ коней съ богатыми сѣдлами.

Кромѣ зодчихъ, денежниковъ, литейщиковъ, находились у насъ тогда и другіе иноземные художники и ремесленники. Толмачъ Димитрій Герасимовъ, будучи въ Римѣ, показывалъ историку Іовію портретъ великаго князя Василія, писанный, безъ сомнѣнія не русскимъ живописцемъ. Герберштеинъ упоминаетъ о нѣмецкомъ слесарѣ въ Москвѣ, женатомъ на россіянкѣ. Искусства европейскія съ удивительною легкостію переселялись къ намъ: ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію истинно великаго ума, дѣятельно старались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные волѣ государей, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственность не вѣръ и не языковъ, а человѣчества; мы хвалились исключительнымъ православіемъ и любили святыню древнихъ нравовъ, но въ тоже время отдавали справедливость разуму, художеству западныхъ европейцевъ, которые находили въ Москвѣ гостепріимство, мирную жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: „хорошее отъ всякаго хорошо", и никогда не была вторымъ Китаемъ по отношеніи къ иноземцамъ.

Языкъ нашъ, то есть славянскій, былъ въ сіе время извѣстенъ отъ Каменнаго Пояса до Адріатическаго моря, Воспора Ѳракійскаго и Нила: имъ говорили при Дворѣ турецкаго и египетскаго султановъ, жены ихъ, ренегаты, мамелюки. Мы имѣли въ переводахъ сочиненія св. Амвросія, Августина, Іеронима, Григорія, исторію римскихъ императоровъ (вѣроятно, Светонову), Марка Антонія и Клеопатры; но Іовій укоряетъ насъ совершеннымъ невѣжествомъ въ наукахъ: въ философіи, астрономіи, физикѣ, медицинѣ, сказывая, что мы именуемъ лѣкаремъ всякаго, кто знаетъ нѣкоторыя цѣлебныя свойства растеній. Успѣхи словесности примѣчались въ чистѣйшемъ слогѣ лѣтописей, пастырскихъ духовныхъ посланій, святыхъ житій, и проч. Старецъ архіепископъ ростовскій Вассіанъ могъ назваться Демосѳеномъ сего времени, если истинное краснорѣчіе состоитъ въ сильномъ выраженіи мыслей и чувствъ: славное посланіе его къ Іоанну уже извѣстно читателю. Житіе св. Даніила Переяславскаго писано не безъ искусства, умно и пріятно. Особенно замѣчанія достойны два Слова: первое о рожденіи царя Іоанна, второе похвальное Василію; въ томъ и другомъ есть прекрасныя мѣста; выпишемъ нѣкоторыя:

„Кто повѣдаетъ силу Господню и всѣ чудеса Его? Во дни

наши совершилось дѣло Небесной любви, коего примѣры видѣли мы въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ: молитва отверзаетъ ложесна неплодныя! Господь милостію утѣшаетъ людей Своихъ въ отчаяніи: ибо славный и великій во царяхъ не скудѣетъ въ вѣрѣ, припадая ко Всевышнему; уже вступаетъ въ шестое десятилѣтіе жизни и еще надѣется благословить чадо милое, вожделѣнное не только родителю, но и всей державѣ христіанской: она требуетъ пастыря для дней будущихъ. Слышитъ Господь молитву и долго не исполняетъ, да болѣе и болѣе разгорается усердіемъ сердце державнаго. О диво! Монархъ оставляетъ престолъ и величіе, идетъ съ жезломъ какъ бѣдный странникъ въ обители дальнія, смиренный видомъ и душою: се царскія стопы его изображаются на пескахъ дикой пустыни! За нимъ добродительная, премудрая царица, ему подобная. Оба исполнены смиренія и надежды; оба вѣдаютъ, что вѣра возлагаетъ и надежда не посрамитъ. И бысть! лобызаемъ наслѣдника державы!... „Когда бы Всевышній даровалъ Василію дщерь, и тогда бы сердце родителя возвеселилось, но едино: Господь даруетъ ему сына, да веселится и блаженствуетъ съ нимъ вся Россія“.—Въ похвальномъ Словѣ Василію такъ описаны дѣла и свойства его: „Сей государь добрѣ правилъ хоругвями отечества, твердо укорененнаго Богомъ, подобно вѣковому древу; всегда благословляемый успѣхомъ, всегда спасаемый отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, покорялъ страны мечомъ и миромъ, а въ своей наблюдалъ правду, не усыпая ни умомъ, ни сердцемъ; бодрствовалъ надъ душами, питалъ въ нихъ добродѣтель, гналъ злобу, да не погрязнетъ корабль великой державы его въ волнахъ беззаконія! Душа царева свѣтилась яко зерцало, блистая въ лучахъ Божественной премудрости. Мы знаемъ, что государь естествомъ тѣлеснымъ равенъ всѣмъ людямъ; но властію не подобенъ ли Богу Единому? Неприступенъ во славѣ земного царствія; но есть вышнее, небесное, для коего онъ долженъ быть приступенъ и снисходителенъ къ людямъ. Тѣлу дано око, а міру царь, да промышляетъ о благѣ его. Царь истинный царствуетъ надъ страстями, въ вѣнцѣ святого цѣломудрія, въ порфирѣ закона и правды. Таковъ былъ великій князь Василій, правитель всеумный, наказатель добродѣтельный, истинный кормчій, образъ благости, столбъ твердости и терпѣнія; защитникъ государства, отецъ вельможъ и народа, мудрый соглагольникъ духовенства; высокій житіемъ на престолѣ, смиренный сердцемъ яко въ пещерѣ, кротокъ взоромъ, почтенъ Божіею благостію: всѣхъ любилъ и любимъ всѣми: ближніе и дальніе припадали къ нему, отъ Синая и Палестины, отъ Италіи и Антіохіи, да узрятъ лицо его, да услышатъ слово. Кто опишетъ его достоинства? Какъ саламандръ, по сказанію Богослова, среди огня не сгара-

етъ; какъ свѣтлая рѣка, именуемая Каоосъ, течетъ сквозь море и не теряетъ сладости водъ своихъ; такъ огонь страстей человѣческихъ, такъ бурное житейское море не повредило душѣ Василія: она чистою, благою воспарила отъ земли на небо. Однимъ словомъ, сей великій князь въ житіи богомудромъ уподоблялся Димитрію Іоанновичу Донскому".—Мы предложили здѣсь читателю не точныя слова, но точныя мысли авторовъ: слова принадлежать вѣку, а мысли вѣкамъ.

Судя по слогу, можемъ отнести къ сему времени сочиненіе двухъ русскихъ сказокъ: О купцѣ кіевскомъ и Дракулѣ, Мутьянскомъ воеводѣ. Въ первой описывается мучитель, именемъ Сміянъ гордый, владѣтель неизвѣстной приморской страны, гибельной для всѣхъ плавателей, которые искали тамъ убѣжища отъ бурь, и не умѣли отгадать царскихъ загадокъ: имъ надлежало отвергнуться Христа или умеретъ. Сынъ путешествующаго кіевлянина Борзосмыслъ, юный отрокъ, вдохновенный небесною мудростію, какъ новый Эдипъ рѣшитъ всѣ хитрыя задачи Сміяна, отсѣкаетъ ему голову въ присутствіи народа, садится на тронъ, проповѣдуетъ вѣру Христову, плѣняетъ гражданъ, остается у нихъ царемъ и женится на Сміяновой дочери. Вотъ содержаніе. Красотъ піитическихъ мало, остроумія также; разсказъ довольно складенъ.—Вторая повѣсть любопытнѣе. Дракула, хищникъ Мутьянской или Волотской державы (о коемъ упоминается въ византійской исторіи Дуки около 1430 года) представленъ гонителемъ всякой неправды, обмановъ, воровства и свирѣпымъ кровопійцею. Никто въ землѣ Волотской не дерзаетъ взять чужого, ни обидѣть слабаго. Испытывая народъ, онъ поставилъ золотую чару у колодезя, отдаленнаго отъ домовъ: мимоходящіе пили воду и не трогали богатаго сосуда. Искоренивъ злодѣевъ, сей воевода казнилъ и за самыя легкія вины. Не только жена вѣроломная, любострастная, но и лѣнивая, у которой въ домѣ было нечисто или мужъ не имѣлъ хорошаго бѣлья, лишалась жизни. На площади, вмѣсто украшеній, висѣли трупы. Однажды пришли къ нему два монаха изъ Венгріи: Дракула желалъ знать ихъ мысли о себѣ. „Ты хочешь быть правосуднымъ, — отвѣчалъ старѣйшій изъ нихъ, — но дѣлаешься тираномъ, наказывая тѣхъ, коихъ должны наказывать единственно Богъ и совѣсть, а не законъ гражданскій". Другой хвалилъ тирана, какъ исполнителя судовъ Божественныхъ. Велѣвъ умертвить перваго монаха, Дракула отпустилъ его товарища съ дарами, и наконецъ увѣнчалъ свои подвиги сожженіемъ всѣхъ бѣдныхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ въ землѣ Волотской, разсуждая: „на что жить людямъ, живущимъ въ тягость себѣ и другимъ?" Авторъ могъ бы заключить сію сказку прекраснымъ нравоученіемъ, но не сдѣлалъ того, остав-

ляя читателямъ судить о философіи Дракулы, который лѣчилъ подданныхъ отъ злодѣйства, пороковъ, слабостей, нищеты и болѣзней однимъ лѣкарствомъ: смертію!—Замѣтимъ, что древніе русскіе писцы имѣли болѣе гордости, нежели писатели: первые почти всегда означали имя свое въ концѣ переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь такимъ образомъ отъ хвалы и критики: знаемъ творенія, не зная творцовъ. По крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши занимались не только историческими или богословскими сочиненіями, но и романами; любили произведенія остроумія и воображенія.

Въ окончаніи сей статьи приложимъ нѣкоторыя извѣстія изъ Герберштеиновой книги о сосѣдственныхъ съ Россіею земляхъ, восточныхъ и сѣверныхъ. Ногайскіе татары, кочуя близъ моря Каспійскаго, раздѣлялись въ Василіево время на три улуса, принадлежащіе тремъ князъямъ-братьямъ: Шидаку, Кошуму и Шигъ-Мамаю; первый жилъ въ городѣ Сарайчикѣ на Яикѣ; второй повелѣвалъ всею землею между Кумою, Яикомъ и Волгою; третій господствовалъ надъ частію Сибири. Въ двадцати дняхъ пути отъ Шидаковыхъ владѣній, къ востоку, обитали юргенскіе или хивинскіе татары, повинуясь Баракъ-солтану, брату сосѣдственнаго хана катайскаго или киргизъ-кайсакскаго Бебейда. За Вяткою и Пермію жили въ лѣсахъ тюменскіе и шибанскіе моголы; первыхъ считалось не болѣе десяти тысячъ. За Волгою находились еще улусы калмыковъ: сіе имя дано имъ для того, что они не стригли волосъ на головѣ, какъ другіе моголы. Астрахань, знатнѣйшій базаръ татарскій, славилась богатствомъ, а Шамаха, уже подвластная тогда Персіи, своими прекрасными шелковыми тканями. На Дону, въ двѣнадцати миляхъ отъ Азова, былъ городъ Ахасъ (гдѣ нынѣ Старый Черкасъ) изобильный плодами, рыбою, дичью, веселый мѣстоположеніемъ, окруженный садами природными, богатый всѣмъ, что нужно человѣку для самой роскошной жизни. Говорили: „имѣй только огонь и соль: все прочее найдешь въ Ахасѣ!"—На восточномъ берегу Чернаго моря жили авхасы; далѣе въ горахъ вольные черкесы, неподвластные ни туркамъ, ни татарамъ, ужасные разбойники; текущими изъ горъ рѣками выплывая на лодкахъ въ море, они грабили суда купеческія; исповѣдывали христіанскую греческую вѣру, употребляли въ богослуженіи языкъ славянскій, въ прочемъ мало думали о законѣ.—Близъ устья рѣки Фазиса, или Ріона, показывали островъ, гдѣ будто бы стоялъ корабль Язоновъ.

Описывая наружность татаръ, Герберштеинъ сказываетъ, что они были средняго роста, черноволосые, широколицые съ маленкими, впалыми глазами, и что знатнѣйшіе носили длинныя плетенки или косы: въ семъ изображеніи еще узнаемъ истинныхъ

моголовъ, нынѣшнихъ калмыковъ и киргизовъ. Сему же писателю обязаны мы изъясненіемъ достоинствъ и чиновъ татарскихъ. Солтанами назывались сыновья ханскіе, уланами главнѣйшіе по ханѣ сановники, беями князья, ихъ дѣти мурзами, первосвященники (Магометова рода) сеитами.

Сѣверъ Россіи былъ еще предметомъ баснословія для самыхъ москвитянъ. Увѣряли, что тамъ, на берегахъ Океана, въ горахъ, пылаетъ неугасимый огонь чистилища: что въ Лукоморьѣ есть люди, которые ежегодно 27 ноября, въ день св. Георгія, умираютъ, а 24 апрѣля оживаютъ снова; что они передъ смертію сносятъ товары свои въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди, въ теченіе зимы, могутъ брать оные, за всякую вещь оставляя должную плату и не смѣя обманывать: ибо мертвецы, воскресая весною, разсчитываются съ ними и всегда наказываютъ безсовѣстныхъ; что тамъ есть и другіе чудесные люди, покрытые звѣриною шерстью, съ собачьими головами, съ лицомъ на груди, съ длинными руками, но безногіе; есть рыбы человѣкообразныя, но только нѣмыя, и проч. Сіи басни питали любопытство грубыхъ умовъ. Однакожъ москвитяне уже знали имена всѣхъ главныхъ рѣкъ Западной Сибири. Они сказывали, что Обь вытекаетъ изъ озера (Телейскаго); что за сею рѣкою и за Иртышемъ находятся два города Серпоновъ и Грустина, коихъ жители получаютъ жемчугъ и драгоцѣнные каменья отъ черныхъ людей, обитающихъ близъ озера Китая. Мы обязаны были сими свѣдѣніями господству великихъ князей надъ землею Пермскою и Югорскою. Лапландія также платила намъ дань. Дикіе жители ея приходили иногда въ сосѣдственныя россійскія области, начинали заимствовать нѣкоторыя гражданскія обыкновенія и ласково угощали купцовъ иноземныхъ, которые привозили къ нимъ вещи, нужныя для хозяйства.

Вообще Герберштеиново описаніе Россіи есть важное твореніе для нашей исторіи XVI вѣка, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки.

КОНЕЦЪ VII ТОМА.

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ VIII.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 2-го іюня 1903 г.

ГЛАВА I.

Великій князь и царь Іоаннъ IV Васильевичъ II.

Г. 1533—1538.

Безпокойство россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна.— Составъ государственной думы.—Главные вельможи Глинскій и Телепневъ.—Присяга Іоанну.—Заключеніе князя Юрія Іоанновича.— Общій страхъ.—Измѣна князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго.—Заключеніе и смерть Михаила Глинскаго.—Смерть князя Юрія.—Бѣгство, умыселъ и заключеніе князя Андрея Іоанновича.—Казнь бояръ и дѣтей боярскихъ.—Смерть князя Андрея.—Дѣла внѣшнія.—Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею.—Молдавія.—Посланникъ турецкій.—Астрахань.—Дѣла ногайскія.—Посольство къ Карлу V.—Присяга казанцевъ.—Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ.—Нападеніе крымцевъ.—Война съ Литвою.—Исламъ господствуетъ въ Тавридѣ.—Строеніе крѣпостей въ Литвѣ.—Набѣгъ крымцевъ.—Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ.—Мятежъ Казани.—Шигъ-Алей въ милости.—Война съ Казанью.—Побѣда надъ Литвою.—Крѣпости на литовской границѣ.—Перемиріе съ Литвою.—Дѣла крымскія.—Смерть Ислама.—Угрозы Саипъ Гирея.—Строеніе Китая-города и новыхъ крѣпостей.—Перемѣна въ цѣнѣ монеты.—Общая нелюбовь къ Еленѣ.—Кончина правительницы.

Не только искренняя любовь къ Василію производила общее сѣтованіе о безвременной кончинѣ его, но и страхъ, что будетъ съ государствомъ? волновалъ души. Никогда Россія не имѣла столь малолѣтняго властителя; никогда—если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу—не видала своего кормила государственнаго въ рукахъ юной жены и чужеземки, литовскаго, ненавистнаго рода. На тронѣ не бываетъ предателей: опасались Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, пристрастія къ Глинскимъ, коихъ имя напоминало измѣну. Хотя лесть придворная славила добродѣтели великой княгини; ея боголюбіе, милость, справедливость, мужество сердца, проницаніе ума и явное сходство съ безсмертною супругою Игоря; но благоразумные уже и тогда умѣли отличать языкъ Двора и лести отъ языка истины: знали, что добродѣтель царская, трудная и для мужа съ крѣпкими мышцами, еще гораздо труднѣе для юной, нѣжной, чувствительной жены, болѣе подверженной дѣйствію слѣпыхъ, пылкихъ страстей. Елена опиралась на думу боярскую: тамъ засѣдали

опытные совѣтники трона; но совѣтъ безъ государя есть какъ тѣло безъ главы: кому управлять его движеніемъ, сравнивать и рѣшить мнѣнія, обуздывать самолюбіе лицъ пользою общею? Братья государевы и двадцать бояръ знаменитыхъ составляли сію верховную думу: князья Бѣльскіе, Шуйскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Горбатый, Пеньковъ, Кубенскій, Барбашинъ, Микулинскій, Ростовскій, Бутурлинъ, Воронцовъ, Захарьинъ, Морозовы; но нѣкоторые изъ нихъ, будучи областными намѣстниками, жили въ другихъ городахъ и не присутствовали въ оной. Два человѣка казались важнѣе всѣхъ иныхъ по ихъ особенному вліянію на умъ правительницы: старецъ Михаилъ Глинскій, ея дядя, честолюбивый, смѣлый, самимъ Василіемъ назначенный быть ей главнымъ совѣтникомъ, и конюшій бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, юный лѣтами и подозрѣваемый въ сердечной связи съ Еленою. Полагали, что сіи два вельможи, въ согласіи между собою, будутъ законодателями думы, которая рѣшила дѣла внѣшнія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія именемъ великаго князя и его матери.

Первымъ дѣйствіемъ новаго правленія было торжественное собраніе духовенства, вельможъ и народа въ храмѣ Успенскомъ, гдѣ митрополитъ благословилъ державнаго младенца властвовать надъ Россіею и давать отчетъ единому Богу. Вельможи поднесли Іоанну дары, послали чиновниковъ во всѣ предѣлы государства извѣстить гражданъ о кончинѣ Василія и клятвеннымъ обѣтомъ утвердить ихъ въ вѣрности къ Іоанну.

Едва минула недѣля въ страхѣ и надеждѣ, вселяемыхъ въ умы государственными перемѣнами, когда столица была поражена несчастною судьбою князя Юрія Іоанновича Дмитровскаго, старшаго дяди государева, или оклеветаннаго, или дѣйствительно уличеннаго въ тайныхъ видахъ беззаконнаго властолюбія: ибо сказанія лѣтописцевъ несогласны. Пишутъ, что князь Андрей Шуйскій, сидѣвъ прежде въ темницѣ за побѣгъ отъ государя въ Дмитровъ, былъ милостиво освобожденъ вдовствующею великою княгинею, но вздумалъ измѣнить ей, возвести Юрія на престолъ и въ семъ намѣреніи открылся князю Борису Горбатому, усердному вельможѣ, который съ гнѣвомъ изобразилъ ему всю гнусность таковой измѣны. Шуйскій увидѣлъ свою неосторожность и, боясь доноса, рѣшился прибѣгнуть къ постыдной лжи: объявилъ Еленѣ, что Юрій тайно подговариваетъ къ себѣ знатныхъ чиновниковъ, его самого и князя Бориса, готоваго немедленно уѣхать въ Дмитровъ. Князь Борисъ доказалъ клевету и замыселъ Шуйскаго возмутить спокойствіе государства: первому изъявили благодарность, а второго посадили въ башню. Но бояре, излишне осторожные, представили великой княгинѣ, что если она хочетъ мирно цар-

ствовать съ сыномъ, то должна заключить и Юрія, властолюбиваго, привѣтливаго, любимаго многими людьми и весьма опаснаго для государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала имъ: „вы видите мою горесть, дѣлайте, что надобно для пользы государства“. Между тѣмъ нѣкоторые изъ вѣрныхъ слугъ Юріевыхъ, свѣдавъ о намѣреніи бояръ московскихъ, убѣждали князя своего, совершенно невиннаго и спокойнаго, удалиться въ

ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
Царь и Самодержецъ Всероссійскій

Дмитровъ. „Тамъ,—говорили они,—никто не посмѣетъ косо взглянуть на тебя, а здѣсь не минуешь бѣды“. Юрій съ твердостью отвѣтствовалъ: „Я пріѣхалъ въ Москву закрыть глаза государю брату и клялся въ вѣрности къ моему племяннику; не преступлю цѣлованія крестнаго и готовъ умереть въ своей правдѣ“.

Но другое преданіе обвиняетъ Юрія, оправдывая боярскую думу. Увѣряютъ, что онъ дѣйствительно чрезъ дьяка своего Тиш-

кова подговаривалъ князя Андрея Шуйскаго вступить къ нему въ службу. „Гдѣ же совѣсть?—сказалъ Шуйскій:—вчера князь вашъ цѣловалъ крестъ государю Іоанну, а нынѣ манитъ къ себѣ его слугъ“. Дьякъ изъяснялъ, что сія клятва была невольная и беззаконная; что бояре, взявъ ее съ Юрія, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягахъ взаимныхъ. Шуйскій извѣстилъ о томъ князя Бориса Горбатаго, князь Борисъ—думу, а дума—Елену, которая велѣла боярамъ дѣйствовать согласно съ ихъ обязанностію.

Замѣтимъ, что первое сказаніе вѣроятнѣе: ибо князь Андрей Шуйскій во все правленіе Елены сидѣлъ въ темницѣ. Какъ бы то ни было, 11 декабря взяли Юрія, вмѣстѣ со всѣми его боярами, подъ стражу и заключили въ той самой палатѣ, гдѣ кончилъ жизнь юный великій князь Димитрій. Предзнаменованіе бѣдственное! ему надлежало исполниться.

Такое начало правленія свидѣтельствовало грозную его рѣшительность. Жалѣли о несчастномъ Юріи; боялись тиранства: а какъ Іоаннъ былъ единственно именемъ государь и самая правительница дѣйствовала по внушеніямъ совѣта, то Россія видѣла себя подъ жезломъ возникающей олигархіи, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться отъ одного, нежели отъ двадцати гонителей. Самодержецъ гнѣвный уподобляется раздраженному Божеству, предъ коимъ надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имѣютъ сей выгоды въ глазахъ народа: онъ видитъ въ нихъ людей ему подобныхъ, и тѣмъ болѣе ненавидитъ злоупотребленіе власти. Говорили, что бояре хотѣли погубить Юрія, въ надеждѣ своевольствовать, ко вреду отечества; что другіе родственники государевы должны ожидать такой же участи—и сіи мысли, естественнымъ образомъ представляясь уму, сильно дѣйствовали не только на Юріева меньшого брата Андрея, но и на ихъ племянниковъ, князей Бѣльскихъ, столь ласково порученныхъ Василіемъ боярамъ въ послѣднія минуты его жизни. Князь Симеонъ Ѳеодоровичъ Бѣльскій и знатный окольничій Иванъ Лятцкій, родомъ изъ Пруссіи, мужъ опытный въ дѣлахъ воинскихъ, готовили полки въ Серпуховѣ на случай войны съ Литвою: недовольные правительствомъ, они сказали себѣ, что Россія не есть ихъ отечество, тайно снеслися съ королемъ Сигизмундомъ и бѣжали въ Литву. Сія неожидаемая измѣна удивила Дворъ и новыя жестокости были ея слѣдствіемъ. Князь Иванъ Бѣльскій, главный изъ воеводъ и членъ верховнаго совѣта, находился тогда въ Коломнѣ, учреждая станъ для войска: его и князя Воротынскаго съ юными сыновьями взяли, оковали цѣпями, заточили какъ единомышленниковъ Симеоновыхъ и Лятцкаго, безъ улики, по крайней мѣрѣ безъ суда торжественнаго;

но старшаго изъ Бѣльскихъ, князя Димитрія, также думнаго боярина, оставили въ покоѣ какъ невиннаго.—Дотолѣ считали Михаила Глинскаго душою и вождемъ совѣта: съ изумленіемъ узнали, что онъ не могъ ни губить другихъ, ни спасти самого себя. Сей человѣкъ имѣлъ великодушіе и бѣдственнымъ концомъ своимъ оправдалъ довѣренность къ нему Василіеву. Съ прискорбіемъ видя нескромную слабость Елены къ князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владѣя сердцемъ ея, хотѣлъ управлять и думою, и государствомъ, Михаилъ, какъ пишутъ, смѣло и твердо говорилъ племянницѣ о стыдѣ разврата, всегда гнуснаго, еще гнуснѣйшаго на тронѣ, гдѣ народъ ищетъ добродѣтели, оправдывающей власть самодержавную. Его не слушали, возненавидѣли и погубили. Телепневъ предложилъ, Елена согласилась, и Глинскій, обвиняемый въ мнимомъ, нелѣпомъ замыслѣ овладѣть государствомъ, вмѣстѣ съ ближнимъ бояриномъ и другомъ Василіевымъ Михайломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, безъ сомнѣнія, также добродѣтельнымъ, былъ лишенъ вольности, а скоро и жизни въ той самой темницѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде: мужъ знаменитый въ Европѣ умомъ и пылкими страстями, счастіемъ и бѣдствіемъ, вельможа и предатель двухъ государствъ, помилованный Василіемъ для Елены и замученный Еленою, достойный гибели измѣнника, достойный и славы великодушнаго страдальца въ одной и той же темницѣ! Глинскаго схоронили безъ всякой чести въ церкви Св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынули изъ земли и отвезли въ монастырь Троицкій, изготовивъ тамъ пристойнѣйшую могилу для государева дѣда; но Воронцовъ, только удаленный отъ Двора, пережилъ своихъ гонителей, Елену и князя Ивана Телепнева: бывъ намѣстникомъ новогородскимъ, онъ умеръ уже въ 1539 году съ достоинствомъ думнаго боярина.

Еще младшій дядя государевъ князь Андрей Іоанновичъ, будучи слабаго характера и не имѣя никакихъ свойствъ блестящихъ, пользовался наружными знаками уваженія при Дворѣ и въ совѣтѣ бояръ, которые въ сношеніяхъ съ иными державами давали ему имя перваго попечителя государственнаго; но въ самомъ дѣлѣ онъ нимало не участвовалъ въ правленіи: оплакивалъ судьбу брата, трепеталъ за себя и колебался въ нерѣшимости: то хотѣлъ милостей отъ Двора, то являлъ себя нескромнымъ его хулителемъ, слѣдуя внушеніямъ своихъ любимцевъ. Черезъ шесть недѣль по кончинѣ великаго князя, находясь еще въ Москвѣ, онъ смиренно билъ челомъ Еленѣ о прибавленіи новыхъ областей къ его удѣлу: ему отказали, но, согласно съ древнимъ обычаемъ, дали, въ память усопшаго, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ, шубъ, коней съ богатыми сѣдлами. Андрей уѣхалъ въ Старицу,

жалуясь на правительницу. Вѣстовщики и наушники не дремали: одни сказывали сему князю, что для него уже готовятъ темницу; другіе доносили Еленѣ, что Андрей злословитъ ее. Были разныя объясненія, для коихъ бояринъ князь Иванъ Шуйскій ѣздилъ въ Старицу и самъ Андрей въ Москву: увѣряли другъ друга въ любви и съ обѣихъ сторонъ не вѣрили словамъ, хотя митрополитъ ручался за истину оныхъ. Елена желала знать, кто ссоритъ ее съ деверемъ? онъ не именовалъ никого, отвѣтствуя: „мнѣ самому такъ казалось!“ Разстались ласково, но безъ искренняго примиренія.

Въ сіе время—26 августа 1536 года—князь Юрій Іоанновичъ умеръ въ темницѣ отъ голода, какъ пишутъ. Андрей былъ въ ужасѣ. Правительница звала его въ Москву на совѣтъ о дѣлахъ внѣшней политики: онъ сказался больнымъ и требовалъ врача. Извѣстный лѣкарь Өеофилъ не нашелъ въ немъ никакой важной болѣзни. Елену тайно извѣстили, что Андрей не смѣетъ ѣхать въ столицу и думаетъ бѣжать. Между тѣмъ сей несчастный писалъ къ ней: „Въ болѣзни и тоскѣ я отбылъ ума и мысли. Согрѣй во мнѣ сердце милостію. Неужели велитъ государь влачить меня отсюда на носилкахъ?“ Елена послала крутицкаго владыку Досиөея вывести его изъ неосновательнаго страха, или, въ случаѣ злого намѣренія, объявить ему клятву церковную. Тогда же бояринъ Андреевъ, отправленный имъ въ Москву, былъ задержанъ на пути и князья Оболенскіе, Никита Хромый съ конюшимъ Телепневымъ, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили въ Волокъ, чтобы гнаться за бѣглецомъ, если Досиөеевы увѣщанія останутся безполезными. Андрею сказали, что Оболенскіе идутъ схватить его: онъ немедленно выѣхалъ изъ Старицы съ женою и съ юнымъ сыномъ; остановился въ шестидесяти верстахъ, думалъ и рѣшился—быть преступникомъ: собрать войско, овладѣть Новымгородомъ и всею Россіею, буде возможно; послалъ грамоты къ областнымъ дѣтямъ боярскимъ и писалъ къ нимъ: „Великій князь младенецъ; вы служите только боярамъ. Идите ко мнѣ: я готовъ васъ жаловать“. Многіе изъ нихъ, дѣйствительно, явились къ нему съ усердіемъ; другіе представили мятежныя грамоты въ государственную думу. Надлежало взять сильныя мѣры: князь Никита Оболенскій спѣшилъ защитить Новгородъ, а князь Иванъ Телепневъ шелъ съ дружиною вслѣдъ за Андреемъ, который, оставивъ большую дорогу, поворотилъ влѣво къ Старой Русѣ. Князь Иванъ настигъ его въ Тюхоли: устроилъ воиновъ, распустилъ знамя и хотѣлъ начать битву. Андрей также вывелъ свою дружину, обнаживъ мечъ; но колебался и вступилъ въ переговоры, требуя клятвы отъ Телепнева, что государь и Елена не будутъ ему мстить. Телепневъ далъ сію

клятву и вмѣстѣ съ нимъ прiѣхалъ въ Москву, гдѣ великая княгиня, по словамъ лѣтописца, изъявила гнѣвъ своему любимцу, который будто бы самъ собою, безъ вѣдома государева, увѣрилъ мятежника въ безопасности и велѣла Андрея оковать, заключить въ тѣсной палатѣ; къ княгинѣ его и сыну приставили стражу; бояръ его, совѣтниковъ, вѣрныхъ слугъ пытали, не смотря на ихъ знатный княжескiй санъ: нѣкоторые умерли въ мукахъ, иные въ темницахъ; а дѣтей боярскихъ, взявшихъ сторону Андрееву, числомъ тридцать, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ новогородской, въ большомъ разстоянiи одинъ отъ другого.—Андрей имѣлъ участь брата: умеръ насильственною смертью чрезъ шесть мѣсяцевъ и, подобно ему, былъ съ честiю погребенъ въ церкви Архангела Михаила. Онъ, конечно, заслуживалъ наказанiя, ибо дѣйствительно замышлялъ бунтъ; но казни тайныя всегда доказываютъ малодушную злобу, всегда беззаконны, и притворный гнѣвъ Елены на князя Телепнева не могъ оправдать вѣроломства.

Такимъ образомъ въ четыре года Еленина правленiя именемъ юнаго великаго князя умертвили двухъ единоутробныхъ братьевъ его отца и дядю матери, брата внучатнаго ввергнули въ темницу, обезчестили множество знатныхъ родовъ торговою казнiю Андреевыхъ бояръ, между коими находились князья: Оболенскiе, Пронскiй, Хованскiй, Палецкiй. Опасаясь гибельныхъ дѣйствiй слабости въ малолѣтство государя самодержавнаго, Елена считала жестокость твердостiю; но сколь послѣдняя, основанная на чистомъ усердiи къ добру, необходима для государственнаго блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нѣтъ правительства, которое для своихъ успѣховъ не имѣло бы нужды въ любви народной.—Елена предавалась въ одно время и нѣжностямъ беззаконной любви, и свирѣпству кровожадной злобы!

Въ дѣлахъ внѣшней политики правительница и дума не уклонялись отъ системы Василiевой: любили миръ и не страшились войны.

Извѣстивъ сосѣдственныя державы о восшествiи Iоанновомъ на престолъ, Елена и бояре утвердили дружественныя связи съ Швецiею, Ливонiею, Молдавiею, съ князьями ногайскими и съ царемъ астраханскимъ. Въ 1535 и 1537 годахъ послы Густава Вазы были въ Москвѣ съ привѣтствiемъ, отправились въ Новгородъ и заключили тамъ шестидесятилѣтнее перемирiе. Густавъ обязался не помогать Литвѣ, ни Ливонскому Ордену въ случаѣ ихъ войны съ нами. Условились: 1) выслать пословъ на Оксу рѣку для возстановленiя древнихъ границъ, бывшихъ между Швецiею и Россiею при королѣ Магнусѣ; 2) россiянамъ въ Швецiи, шведамъ въ Россiи торговать свободно, подъ охраненiемъ законовъ; 3) возвратить бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Повѣренными Густава были Кнутъ Андерсонъ и Бiорнъ Классонъ, а

россійскими князь Борисъ Горбатый и Михайло Семеновичъ Воронцовъ, думные бояре, намѣстники новогородскіе, которые, въ 1535 году, утвердили миръ и съ Ливоніею на семнадцать лѣтъ. Уже старецъ Плеттенбергъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ магистровъ Ордена, скончался: преемникъ его Германъ фонъ-Брюггеней и рижскій архіепископъ отъ имени всѣхъ златоносцевъ или рыцарей, нѣмецкихъ бояръ и ратмановъ Ливоніи убѣдительно молили великаго князя о дружбѣ и покровительствѣ. Уставили, чтобы рѣка Нарова, какъ и всегда, служила границею между Ливоніею и Россіею, чтобы не препятствовать взаимной торговлѣ никакими дѣйствіями насилія и даже въ случаѣ самой войны не трогать купцовъ, ни ихъ достоянія; чтобы не казнить россіянъ въ Ливоніи, ни ливонцевъ въ Россіи безъ вѣдома ихъ правительствъ; чтобы нѣмцы берегли церкви и жилища русскія въ своихъ городахъ, и проч. Въ окончаніи договора сказано: „А кто преступитъ клятву, на того Богъ и клятва, моръ, гладъ, огнь и мечъ“.

Воевода Молдавскій Петръ Стефановичъ также ревностно искалъ нашего покровительства; хотя уже и платилъ легкую дань султану, но еще именовался господаремъ вольнымъ; имѣлъ свою особенную политическую систему, воевалъ и мирился, съ кѣмъ хотѣлъ, и правилъ землею какъ самодержецъ. Россія единовѣрная могла вступаться за него въ Константинополѣ, въ Тавридѣ и вмѣстѣ съ нимъ обуздывать Литву. Именитый бояринъ молдавскій Сунжаръ въ 1535 году былъ въ Москвѣ, а нашъ посолъ Заболоцкій ѣздитъ къ Петру съ увѣреніемъ, что великій князь не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ. Россія дѣйствительно имѣла въ немъ весьма усерднаго союзника противъ Сигизмунда, коему онъ не давалъ покоя, готовый всегда разорять польскія земли; но не могла быть ему щитомъ отъ грознаго Солимана, который (въ 1537 году) огнемъ и мечомъ опустошилъ всю Молдавію, требуя урочной, знатной дани и совершеннаго подданства отъ жителей. Они не смѣли противиться, однакожъ вымолили у султана право избирать собственныхъ владѣтелей и еще около ста лѣтъ пользовались онымъ. Турки взяли казну господарскую, множество золота, нѣсколько діадемъ, богатыхъ иконъ и крестовъ Стефана Великаго. Въ Москвѣ жалѣли о бѣдствіи сей единовѣрной державы, не думая о способахъ облегчить ея судьбу. Правительница и бояре не разсудили за благо возобновить сношенія съ Константинополемъ, и Солиманъ (въ 1538 году) приславъ въ Москву грека Андреяна, для разныхъ покупокъ, въ ласковомъ письмѣ къ юному Іоанну жаловался на сію холодность, хваляся своею дружбою съ его родителемъ,

Къ царю астраханскому Абдылъ-Рахману посылали боярскаго сына съ предложеніемъ союза: опасаясь и хана крымскаго и

ногаевъ, царь съ благодарностью принялъ оное, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишился трона: ногаи взяли Астрахань, изгнали Абдылъ-Рахмана и на его мѣсто объявили царемъ какого-то дервешелея. Имѣя съ Россіею выгодный торгъ, князья сихъ многолюдныхъ степныхъ ордъ Шійдякъ, Мамай, Кошумъ и другіе хотѣли быть въ мирѣ съ нею, но жаловались, что наши казаки мещерскіе не даютъ имъ покоя, тысячами отгоняютъ лошадей и берутъ людей въ плѣнъ; требовали удовлетворенія, даровъ (собольихъ шубъ, суконъ, доспѣховъ), уваженія и чести: напримѣръ, чтобы великій князь называлъ ихъ братьями и государями, какъ хановъ, не уступающихъ въ достоинствѣ крымскому, и посылалъ къ нимъ не малочиновныхъ людей, а бояръ для переговоровъ: грозили, въ случаѣ отказа, местію, напоминая, что отцы ихъ видали Москву, а дѣти также могутъ заглянуть въ ея стѣны; хвалились, что у нихъ 300 тысячъ воиновъ и летаютъ какъ птицы. Бояре обѣщали имъ управу и договаривались съ ними о свободной торговлѣ, которая обогащала Россію лошадьми и скотомъ; напримѣръ, съ ногайскими послами, въ 1534 году, было 5,000 купцовъ и 50,000 лошадей, кромѣ другого скота. Сверхъ того сіи князья обязывались извѣщать государя о движеніяхъ Крымской Орды и не впускать ея разбойниковъ въ наши предѣлы. Шійдякъ считалъ себя главою всѣхъ ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ хану, урочные поминки. Бояре отвѣтствовали: „Государь жалуетъ и хановъ, и князей, смотря по ихъ услугамъ, и не даетъ никому урока“. Мамай, именуясь калгою Шійдяковымъ, отличался въ грамотахъ своихъ краснорѣчіемъ и какою-то философіею. Изъявляя великому князю сожалѣніе о кончинѣ его родителя, онъ говорилъ: „Любезный братъ! не ты и не я произвели смерть, но Адамъ и Ева. Отцы умираютъ, дѣти наслѣдуютъ ихъ достояніе. Плачу съ тобою: но покоримся необходимости!“ Сіи ногайскія грамоты, писанныя высокопарнымъ слогомъ восточнымъ, показываютъ нѣкоторое образованіе ума, замѣчательное въ народѣ кочующемъ.

Правительница и бояре хотѣли возобновить дружественную связь съ императоромъ: въ 1538 году послы наши Юрій Скобельницъ и Дмитрій Васильевъ ѣздили къ Карлу V и къ его брату Фердинанду, королю венгерскому и богемскому. Мы не имѣемъ ихъ наказа и донесеній.

Но главнымъ предметомъ нашей политики были Таврида, Литва и Казань. Юный Іоаннъ предлагалъ союзъ хану Саипъ-Гирею, миръ Сигизмунду и покровительство Еналею. Царь и народъ казанскій новыми клятвенными грамотами обязались совершенно зависѣть отъ Россіи. Король Сигизмундъ отвѣтствовалъ гордо: „Могу согласиться на миръ, если юный великій князь уважитъ

мою старость и пришлетъ своихъ пословъ ко мнѣ или на границу". Надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ Іоанновымъ, король требовалъ всѣхъ городовъ, отнятыхъ у него Василіемъ; предвидя отказъ, вооружался и склонилъ хана къ союзу съ Литвою противъ Россіи. Еще гонецъ нашъ не возвратился отъ Саипъ-Гирея, когда узнали въ Москвѣ о впаденіи татаръ азовскихъ и крымскихъ въ рязанскія области, гдѣ на берегахъ Прони, воеводы князья Пунковъ и Гатевъ побили ихъ на-голову. За сей первый воинскій успѣхъ Іоаннова государствованія воеводамъ торжественно изъявили благоволеніе великаго князя.

Хотя увѣренные въ неминуемой войнѣ съ королемъ, правительница и бояре спѣшили изготовиться къ ней, но Сигизмундъ предупредилъ ихъ. Съ особенною милостію принявъ нашихъ измѣнниковъ, князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго, давъ имъ богатыя помѣстья и слушая ихъ разсказы о слабостяхъ Елены, о тиранствѣ вельможъ, о неудовольствіи народа, король замыслилъ вдругъ отнять у насъ всѣ Іоанновы и Васильевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Кіевскій воевода Андрей Немировъ со многочисленною ратію вступилъ въ предѣлы сѣверскіе, осадилъ Стародубъ и выжегъ его предмѣстья; но смѣлая вылазка россіянъ подъ начальствомъ храбраго мужа Андрея Левина такъ испугала литовцевъ, что они ушли въ безпорядкѣ, а намѣстникъ стародубскій князь Александръ Кашинъ прислалъ въ Москву 40 непріятельскихъ пушкарей со всѣмъ ихъ снарядомъ и съ знатнымъ чиновникомъ Суходольскимъ, взятымъ въ плѣнъ. Чтобы загладить первую неудачу, литовцы сожгли худо укрѣпленный Радогощъ (гдѣ сгорѣлъ и мужественный воевода Матвѣй Лыковъ), плѣнили многихъ жителей, обступили Черниговъ и нѣсколько часовъ стрѣляли въ городъ изъ большихъ пушекъ. Тамъ былъ воеводою князь Ѳеодоръ Мезецкій, умный и бодрый. Онъ не далъ непріятелю приблизиться къ стѣнамъ, искусно дѣйствуя снарядомъ огнестрѣльнымъ; и когда пальба ночью затихла, выслалъ черниговцевъ ударить на станъ литовскій, гдѣ сіе неожидаемое нападеніе произвело страшную тревогу: томные, сонные литовцы едва могли обороняться; во тьмѣ убивали другъ друга; бѣжали во всѣ стороны; оставили намъ въ добычу обозъ и пушки. На разсвѣтѣ уже не было ни одного непріятеля подъ городомъ: Сигизмундовъ воевода съ отчаяніемъ и стыдомъ ушелъ въ Кіевъ. Такъ король обманулся въ своей надеждѣ завоевать Украйну, беззащитную, какъ говорили ему наши измѣнники, — Бѣльскій и Лятцкій. Въ то же время другой воевода его князь Александръ Вишневецкій явился подъ стѣнами Смоленска; тамошній намѣсникъ князь Никита Оболенскій не далъ ему сжечь посада, отразилъ и гналъ его нѣсколько верстъ.

Узнавъ о сихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, наша боярская дума, въ присутствіи юнаго великаго князя и Елены требовала благословенія отъ митрополита на войну съ Литвою, а митрополитъ, обратясь къ державному младенцу, сказалъ: „Государь! защити себя и насъ. Дѣйствуй, мы будемъ молиться. Гибель зачинающему, а въ правдѣ Богъ помощникъ!" Полки въ глубокую осень выступили изъ Москвы съ двумя главными воеводами князьями Михаиломъ Горбатымъ и Никитою Оболенскимъ; любимецъ Елены, Телепневъ, желая славы мужества, велъ передовой полкъ. Отъ границъ Смоленска запылали села и предмѣстія городовъ литовскихъ: Дубровны, Орши, Друцка, Борисова. Не встрѣчая непріятеля въ полѣ и не занимаясь осадою крѣпостей, воеводы московскіе съ огнемъ и мечомъ дошли до Молодечны, гдѣ присоединился къ нимъ, съ новгородцами и псковитянами, намѣстникъ князь Борисъ Горбатый, опустошивъ всѣ мѣста вокругъ Полоцка, Витебска, Бряславля. Несмотря на глубокіе снѣга и жестокіе морозы, они пошли къ Вильнѣ: тамъ находился самъ король, встревоженный близостію враговъ; заботился, приказывалъ и не могъ ничего сдѣлать россіянамъ, коихъ было около 150,000. Легкіе отряды ихъ жгли и грабили въ пятнадцати верстахъ отъ Вильны. Но воеводы наши, довольные его ужасомъ и разореніемъ Литвы — истребивъ въ ней жилища и жителей, скотъ и хлѣбъ до предѣловъ Ливоніи—не потерявъ ни одного человѣка въ битвѣ, съ плѣнниками и добычею возвратились въ Россію, чрезъ область Псковскую, въ началѣ марта. — Другіе воеводы, князья Ѳедоръ Телепневъ и Тростенскіе ходили изъ Стародуба къ Мозырю, Турову, Могилеву и съ такимъ же успѣхомъ: вездѣ жгли, убивали, плѣняли и нигдѣ не сражались. Не личная слабость престарѣлаго Сигизмунда, но государственная слабость Литвы объясняетъ для насъ возможность такихъ истребительныхъ воинскихъ прогулокъ. Не было устроеннаго всегдашняго войска; надлежало собирать его долго и правительство литовское не имѣло способовъ нашего, то-есть сильнаго, твердаго самодержавія; а Польша, съ своими вельможными панами, составляя еще особенное королевство, неохотно вооружалась для защиты Литвы. Къ чести россіянъ, лѣтописецъ сказываетъ, что они въ грабежахъ не касались церквей православныхъ и многихъ единовѣрцевъ великодушно отпускали изъ плѣна.

Слѣдствіемъ литовскаго союза съ ханомъ было то, что царевичъ Исламъ возсталъ на Саипъ-Гирея за Россію, какъ пишутъ вспомнивъ старую съ нами дружбу; преклонилъ къ себѣ вельможъ, свергнулъ хана и началъ господствовать подъ именемъ царя; а Саипъ засѣлъ въ Киркорѣ, объявивъ Ислама мятежникомъ, и надѣялся смирить его съ помощію султана. Сія перемѣна казалась

для насъ счастливою. Исламъ, боясь турковъ, предложилъ тѣсный союзъ великому князю и писалъ, что 20,000 крымцевъ уже воюютъ Литву. Бояре московскіе, нетерпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго хана, велѣли ѣхать князю Александру Стригину посломъ въ Тавриду: сей чиновникъ своевольно остался въ Новогородкѣ и написалъ къ великому князю, что Исламъ обманываетъ насъ: будучи единственно калгою, именуется царемъ, и недавно, въ присутствіи литовскаго посла Горностаевича, далъ Сигизмунду клятву быть врагомъ Россіи, исполняя волю Саипъ-Гирееву. Сіе извѣстіе было несправедливо: Стригину объявили гнѣвъ государевъ и вмѣсто его отправили князя Мезецкаго къ Исламу, чтобы какъ можно скорѣе утвердить съ нимъ важный для насъ союзъ. Ханъ не замедлилъ прислать въ Москву и договорную, шертную грамоту, но бояре, увидѣвъ въ ней слова: „кто недругъ великому князю, а мнѣ другъ, тотъ и ему другъ“, не хотѣли взять ее. Наконецъ Исламъ согласился исключить сіе оскорбительное для насъ условіе, клялся въ любви къ младшему своему брату Іоанну и хвалился великодушнымъ безкорыстіемъ, увѣряя, что онъ презрѣлъ богатые дары Сигизмундовы, 10,000 золотыхъ и 200 поставовъ сукна; требовалъ отъ насъ благодарности, пушекъ, пятидесяти тысячъ денегъ и жаловался, что великій князь не исполнилъ родительскаго духовнаго завѣщанія, коимъ будто бы умирающій Василій въ знакъ дружбы отказалъ ему (Исламу) половину казны своей. Ханъ ручался за безопасность нашихъ предѣловъ, извѣстивъ государя, что Саипъ-Гиреевъ вельможа князь Булгакъ вышелъ изъ Перекопи съ толпами разбойниковъ, но, конечно, не посмѣетъ тревожить Россіи. Хотя Булгакъ въ противность Исламову увѣренію, вмѣстѣ съ Дашковичемъ, атаманомъ днѣпровскихъ казаковъ, нечаяннымъ впаденіемъ въ Сѣверскую область сдѣлалъ немало вреда ея жителямъ; хотя бояре московскіе именемъ великаго князя жаловались на то Исламу: однакожъ соблюдали умѣренность въ упрекахъ, не грозили ему местію и показывали, что вѣрятъ его искренней къ намъ дружбѣ.

Тогда прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго; не хотѣвъ служить измѣнникамъ, они пограбили казну господъ своихъ и донесли нашимъ боярамъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы: князь Василій Шуйскій главный воевода, съ Еленинымъ любимцемъ Телепневымъ, который вторично принялъ начальство надъ передовымъ отрядомъ, спѣшили встрѣтить непріятеля; нигдѣ не видали его, выжгли предмѣстье Мстиславля, взяли острогъ, отправили плѣнниковъ въ Москву и шли безпрепятственно далѣе. Новгородцы и псковитяне

должны были съ другой стороны также вступить въ Литву, основать на берегахъ Себежскаго озера крѣпость и соединиться съ Шуйскимъ; но предводители ихъ князь Борисъ Горбатый и Михайло Воронцовъ только отчасти исполнили данное имъ повелѣніе: отрядивъ воеводу Бутурлина съ дѣтьми боярскими къ Себежу, стали въ Опочкахъ и не хотѣли соединиться съ Шуйскимъ. Бутурлинъ заложилъ Иваньгородъ на Себежѣ, въ землѣ Литовской, какъ бы въ нашей собственной; укрѣпилъ его, наполнилъ всякими запасами, работалъ около мѣсяца: никто ему не противился; не было слуха о непріятелѣ.

Однакожъ Сигизмундъ не тратилъ времени въ бездѣйствіи: давъ россіянамъ волю свирѣпствовать въ восточныхъ предѣлахъ Литвы, послалъ 40,000 воиновъ въ наши собственныя южныя владѣнія, и между тѣмъ какъ Шуйскій жегъ окрестности Кричева, Радомля, Могилева, воеводы литовскіе: панъ Юрій Радзивилъ, Андрей Нѣмировъ, гетманъ Янъ Тарновскій, князь Илья Острожскій и нашъ измѣнникъ Симеонъ Бѣльскій шли къ Стародубу. Свѣдавъ о томъ, московскіе бояре немедленно выслали новые полки для защиты сего края; но вдругъ услышали, что 15,000 крымцевъ стремятся къ берегамъ Оки; что рязанскія села въ огнѣ и кровь жителей льется рѣкою; что Исламъ обманулъ насъ: прельщенный золотомъ литовскимъ, услужилъ королю симъ набѣгомъ, все еще именуясь Іоанновымъ союзникомъ и безсовѣстно увѣряя, что не онъ, а Саипъ-Гирей воюетъ Россію. Пословъ Исламовыхъ взяли въ Москвѣ подъ стражу; немедленно возвратили шедшее къ Стародубу войско; собрали въ Коломнѣ нѣсколько тысячъ людей. Князь Димитрій Бѣльскій и Мстиславскій отразили хищниковъ отъ береговъ Оки, гнались за ними; принудили ихъ бѣжать въ степи.

Но литовцы, пользуясь содѣйствіемъ крымцевъ и беззащитнымъ состояніемъ Малороссіи, приступили къ Гомелю: тутъ начальствовалъ малодушный князь Оболенскій-Щепинъ: онъ ушелъ со всѣми людьми воинскими и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Москву, гдѣ ввергнули его въ темницу. Гомель сдался. Литовцы надѣялись взять и Стародубъ; но тамъ былъ достойный вождь князь Ѳеодоръ Телепневъ: мужественный отпоръ ежедневно стоилъ имъ крови. Воеводы Сигизмундовы рѣшились продлить осаду, сдѣлали тайный подкопъ и взорвали стѣну: ужасный громъ потрясъ городъ; домы запылали; непріятель сквозь дымъ ворвался на улицы. Князь Телепневъ съ своею дружиною оказалъ геройство; топталъ, гналъ литовцевъ; два раза пробивался до ихъ стѣны; но стѣсненный густыми толпами пѣхоты и конницы, въ изнеможеніи силъ, былъ взятъ въ полонъ вмѣстѣ съ княземъ Ситцкимъ. Знатный мужъ князь Петръ Ромодановскій палъ въ битвѣ. Никита Колы-

чевъ умеръ отъ раны чрезъ два дня. 13,000 гражданъ обоего пола изгибло отъ пламени или меча; спаслися немногіе, и своими разсказами навели ужасъ на всю землю Сѣверскую. Въ Почепѣ, худо укрѣпленномъ, начальствовалъ бодрый москвитянинъ Ѳедоръ Сукинъ: онъ сжегъ городъ, велѣлъ жителямъ удалиться и зарыть, чего они не могли взять съ собою. Литовцы, завоевавъ единственно кучи пепла, ушли во-свояси; а Шуйскій, предавъ огню всѣ мѣста вокругъ Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны, отступилъ къ Смоленску.

Число враговъ нашихъ еще умножилось новою измѣною Казани. Недовольные, какъ и всегда, господствомъ Россіи надъ ними, возбуждаемые къ бунту Саипъ-Гиреемъ; презирая юнаго царя своего и думая, что Россія съ государемъ-младенцемъ ослабѣла и въ ея внутреннихъ силахъ, тамошнія вельможи, подъ руководствомъ царевны Горшадны и князя Булата, свергнули, умертвили Еналея за городомъ, на берегу Казанки и, снова призвавъ къ себѣ Сафа-Гирея изъ Тавриды, чтобы возстановить ихъ свободу и независимость, женили его на Еналеевой супругѣ, дочери князя ногайскаго Юсуфа. Желая узнать обстоятельства сей перемѣны, бояре послали гонца въ Казань съ письмами къ царевнѣ и къ уланамъ: онъ еще не возвратился, когда наши служивые городецкіе татары привезли вѣсть, что многіе изъ знатныхъ людей казанскихъ тайно видѣлись съ ними на берегу Волги, что они недовольны царевною и княземъ Булатомъ, имѣютъ до пяти-сотъ единомышленниковъ, хотятъ остаться вѣрными Россіи и надѣятся изгнать Сафа-Гирея, ежели великій князь освободитъ Шигъ-Алея и торжественно объявитъ его ихъ царемъ. Бояре совѣтовали Еленѣ немедленно послать за Шигъ-Алеемъ, который все еще сидѣлъ въ заключеніи на Бѣлѣозерѣ: ему объявили государеву милость, велѣли ѣхать въ Москву и явиться во дворцѣ.

Шестилѣтній великій князь сидѣлъ на тронѣ: Алей, обрадованный счастливою перемѣною судьбы своей, палъ ницъ и, стоя на колѣняхъ, говорилъ рѣчь о благодѣяніяхъ къ нему отца Іоаннова, винился въ гордости, въ лукавствѣ, въ злыхъ умыслахъ; славилъ великодушіе Іоанна и плакалъ. На него надѣли богатую шубу. Онъ желалъ представиться и великой княгинѣ. Василій Шуйскій и конюшій Телепневъ встрѣтили Алея у саней. Государь находился у матери, въ палатѣ св. Лазаря. Подлѣ Елены сидѣли знатныя боярыни; далѣе, съ обѣихъ сторонъ, бояре. Самъ Іоаннъ принялъ царя въ сѣняхъ и ввелъ къ государынѣ. Ударивъ ей челомъ въ землю, Алей снова клялъ свою неблагодарность, назывался холопомъ, завидовалъ брату Еналею, умершему за великаго князя, и желалъ себѣ такой же участи, чтобы загладить преступленіе. Вмѣсто Елены отвѣчалъ ему сановникъ Карповъ,

гордо и милостиво: „Царь Шигъ-Алей!“—сказалъ онъ:—Василій Іоанновичъ возложилъ на тебя опалу: Іоаннъ и Елена простили вину твою. Ты удостоился видѣть лицо ихъ! Дозволяемъ тебѣ забыть минувшее; но помни новый обѣтъ вѣрности!“ Алея отпустили съ честію и съ дарами. Жена его Фатьма-Салтанъ, встрѣченная у саней боярынями, а въ сѣняхъ самою Еленою, обѣдала у нея въ палатѣ. Іоаннъ привѣтствовалъ гостью на языкѣ татарскомъ и сидѣлъ за особеннымъ столомъ съ вельможами: царица же съ великою княгинею и съ боярынями. Служили стольники и чашники. Князь Рѣпнинъ былъ кравчимъ Фатьмы. Елена въ концѣ обѣда подала ей чашу и—никогда, по сказанію лѣтописцевъ, не бывало великолѣпнѣйшей трапезы при Дворѣ московскомъ. Правительница любила пышность и не упускала случая показывать, что въ ея рукѣ держава Россіи.

Между тѣмъ война съ Казанью началася: ибо заговоръ нѣкоторыхъ вельможъ ея противъ Сафа-Гирея не имѣлъ дѣйствія и сей царь отвѣтствовалъ грубо на письмо Іоанново. Московскіе полководцы князь Гундоровъ и Замыцкій должны были идти изъ Мещеры на Казанскую землю: но, встрѣтивъ татаръ близъ Волги, ушли назадъ и даже не извѣстили государя о непріятелѣ, который, нечаянно вступивъ въ Нижегородскую область, злодѣйствовалъ въ ней свободно. Жители Балахны, имѣя болѣе храбрости, нежели искусства, вышли въ поле и были разбиты. Воеводы нижегородскіе сошлись съ татарами подъ Лысковымъ: ни тѣ, ни другіе не хотѣли битвы; пользуясь темнотою ночи, казанцы и россіяне бѣжали въ разныя стороны. Сіе малодушіе московскихъ военачальниковъ требовало примѣра строгости: князя Гундорова и Замыцкаго посадили въ темницу, а на ихъ мѣсто отправили Сабурова и Карпова, которые одержали, наконецъ, побѣду надъ многочисленными казанскими и черемисскими толпами въ Коряковѣ. Плѣнниковъ отослали въ Москву, гдѣ ихъ, какъ вѣроломныхъ мятежниковъ, всѣхъ безъ исключенія осудили на смерть.

Война литовская продолжалась для насъ съ успѣхомъ и существованіе новой Себежской крѣпости утвердилось знаменитою побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно видѣть сію крѣпость въ своихъ предѣлахъ: онъ велѣлъ кіевскому намѣстнику Нѣмирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, составленное изъ 20,000 литовцевъ и поляковъ, обступило городъ. Началась ужасная пальба, земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкари литовскіе, вмѣсто непріятелей, били своихъ; ядра летѣли вправо и влѣво: ни одно не упало въ крѣпость. Россіяне же стрѣляли мѣтко и сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе пятились къ озеру, коего ледъ съ трескомъ обломился подъ ними. Тутъ воеводы себежскіе князь Засѣкинъ и Тушинъ не дали имъ

опомниться: ударили, смяли, топили несчастныхъ литовцевъ; взяли ихъ знамена, пушки и едва не всѣхъ истребили. Нѣмировъ на борзомъ конѣ ускакалъ отъ плѣна, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска—и какъ сѣтовали въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Краковѣ, такъ веселились въ Москвѣ; показывали народу трофеи—честили, славили мужественныхъ воеводъ. Елена, въ память сего блестящаго успѣха, велѣла соорудить церковь Живоначальной Троицы въ Себежѣ. Мы не давали покоя Литвѣ: возобновивъ Почепъ, Стародубъ, — основавъ на ся землѣ, въ Ржевскомъ уѣздѣ, городъ Заволочье и Велижъ въ Торопецкомъ, князья Горенскій и Барбашевъ выжгли посады Любеча, Витебска, взяли множество плѣнниковъ и всякой добычи.

Слѣдуя правиламъ Іоанна и Василія, дума боярская не хотѣла дѣйствовать наступательно противъ хана. Толпы его разбойниковъ являлись на берегахъ Быстрой Сосны и немедленно уходили, когда показывалось наше войско. Онѣ дерзнули (въ апрѣлѣ 1536 года) приступить къ Бѣлеву; но тамошній воевода разбилъ ихъ на голову. Хотя Исламъ, осыпанный королевскими дарами, примирился было съ Саипъ-Гиреемъ, чтобы вмѣстѣ тревожить Россію нападеніями; однакожъ, уступая ему имя царя, не уступалъ власти; началась новая ссора между ими и вѣроломный Исламъ отправлялъ въ Москву гонца за гонцомъ съ дружескими письмами, изъявляя ненависть ка Саипу и къ царю казанскому Сафа-Гирею.

Уже Сигизмундъ—видя, что Россія и съ государемъ-младенцемъ, сильнѣе Литвы—думалъ о мирѣ; изъявлялъ негодованіе нашимъ измѣнникамъ: держалъ Лятцкаго подъ стражею и столь немилостиво обходился съ княземъ Симеономъ Бѣльскимъ, что онъ, пылая ненавистью къ Россіи, съ досады уѣхалъ въ Константинополь искать защиты и покровительства султанова. Еще въ февралѣ 1536 года королевскій вельможа панъ Юрій Радзивилъ писалъ къ любимцу Елены, князю Телепневу (чрезъ его брата, бывшаго литовскимъ плѣнникомъ) о пользѣ мира для обѣихъ державъ: Телепневъ отвѣтствовалъ, что Іоаннъ не врагъ тишины. Но долго спорили о мѣстѣ переговоровъ. Сигизмундъ, приславъ знатнаго чиновника поздравить Іоанна съ восшествіемъ на тронъ, желалъ, чтобы онъ, будучи юнѣйшимъ, изъ уваженія къ его лѣтамъ, отправилъ своихъ вельможъ въ Литву для заключенія мира, а бояре московскіе считали то несогласнымъ съ нашимъ государственнымъ достоинствомъ. Сигизмундъ долженъ былъ уступить, и въ началѣ 1537 года пріѣхалъ въ Москву Янъ Глѣбовичъ, полоцкій воевода, съ четырьмя стами знатныхъ дворянъ и слугъ. Слѣдуя обыкновенію, обѣ стороны требовали невозможнаго: литовцы—Новагорода и Смоленска, мы—Кіева и всей Бѣлоруссіи;

не только спорили, но и бранились; устали и рѣшились заключить единственно перемиріе на пять лѣтъ съ условіемъ, чтобы мы владѣли новыми крѣпостями Себежемъ и Заволочьемъ, а Литва—Гомелемъ. Слѣдственно война кончилась уступкою и пріобрѣтеніемъ съ обѣихъ сторонъ, хотя и неважнымъ. Бояринъ Морозовъ и князь Палецкій отвезли перемирную грамоту къ Сигизмунду. Они не могли склонить его къ освобожденію плѣнныхъ россіянъ. Дозволивъ великокняжескимъ посламъ свободно ѣздить чрезъ Литву къ императору и королю венгерскому, Сигизмундъ не согласился пропустить молдавскаго чиновника къ намъ, сказавъ, что воевода Петръ есть мятежникъ и злодѣй Польши.

Если политика великихъ князей не терпѣла согласія Литвы съ ханами крымскими, всячески питая вражду между ими, то и крымцы не любили видѣть насъ въ мирѣ съ Литвою, ибо война представляла имъ удобность къ грабежу въ нашихъ и королевскихъ областяхъ. Исламъ, съ неудовольствіемъ свѣдавъ о мирныхъ переговорахъ, увѣрялъ Іоанна въ своей готовности наступить на короля всѣми силами и, въ доказательство ревностной къ намъ дружбы, увѣдомлялъ, что князь Симеонъ Бѣльскій, пріѣхавъ изъ Константинополя въ Тавриду, хвалится съ помощію султана завоевать Россію. „Остерегись, — писалъ Исламъ: — властолюбіе и коварство Солимана мнѣ извѣстны: ему хочется поработить и сѣверныя земли христіанскія, твою и Литовскую. Онъ велѣлъ пашамъ и Саипъ-Гирею собирать многочисленное войско, чтобы измѣнникъ твой Бѣльскій шелъ съ нимъ на Россію. Одинъ я стою въ дружбѣ къ тебѣ и мѣшаю ихъ замыслу“. Бѣльскій, дѣйствительно, искалъ гибели отечества, и чтобы злодѣйствовать тѣмъ безопаснѣе, хотѣлъ усыпить правительницу увѣреніями въ его раскаяніи: писалъ къ ней и требовалъ себѣ опасной грамоты, обѣщаясь немедленно быть въ Москвѣ, чтобы загладить вину своего бѣгства усердною службою. Могъ ли такой преступникъ ждать милосердія отъ Елены? Сіе мнимое раскаяніе было новымъ коварствомъ, и правительство наше не усомнилось также прибѣгнуть къ обману, чтобы наказать злодѣя. Именемъ Іоанновымъ бояре отвѣтствовали ему, что преступленіе его, извиняемое юностію лѣтъ, забывается навѣки; что и въ древнія времена многіе знаменитые люди уходили въ чужія земли, возвращались и снова пользовались милостію великихъ князей; что Іоаннъ съ любовію встрѣтитъ родственника, исправленнаго лѣтами и опытностью. Въ то же время послали гонца и дары къ Исламу съ убѣдительнымъ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ или умертвилъ сего измѣнника. Но Ислама не стало: одинъ изъ князей ногайскихъ Бакый, другъ Саипъ-Гиреевъ, въ нечаянномъ нападеніи убилъ его и, плѣнивъ многихъ крымцевъ, захватилъ между ими и Бѣльскаго, спасен-

наго судьбою для новыхъ преступленій: ибо Елена и бояре тщетно хотѣли выкупить его, посылая деньги и въ ногайскіе улусы будто бы отъ матери и братьевъ Симеоновыхъ: князь Багый, въ угодность хану, отослалъ къ нему сего важнаго плѣнника какъ его друга.

Смерть Исламова и возстановленное тѣмъ единовластіе Саипъ-Гирея въ Тавридѣ были для насъ весьма непріятны. Исламъ вѣроломствовалъ, но, будучи врагомъ сверженнаго имъ хана и казанскаго царя, находилъ собственныя выгоды въ союзѣ съ Россіею; а Саипъ-Гирей, покровительствуемый султаномъ, имѣлъ тѣсную связь съ мятежною Казанью и не безъ досады видѣлъ нашу дружбу къ Исламу, хотя мы, болѣе уважая послѣдняго какъ сильнѣйшаго, отъ времени до времени писали ласковыя грамоты и къ Саипу. Ханъ не замедлилъ оскорбить великаго князя: ограбилъ посла московскаго въ Тавридѣ; однакожъ, какъ бы удовольствованный сею местію, извѣстилъ насъ о гибели своего злодѣя и предлагалъ Іоанну братство, желая даровъ и запрещая ему тревожить Казань. „Я готовъ жить съ тобою въ любви, — велѣлъ онъ сказать великому князю, — и прислать въ Москву одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ своихъ, если ты пришлешь ко мнѣ или князя Василія Шуйскаго, или конюшаго Телепнева, примиришься съ моею Казанью и не будешь требовать дани съ ея народа; но если дерзнешь воевать, то не хотимъ видѣть ни пословъ, ни гонцовъ твоихъ: мы непріятели; вступимъ въ землю Русскую, и все будетъ въ ней прахомъ!“

Въ сіе время полки наши готовились идти на Казань. Ея хищники, разсѣянные близъ Волги вѣрными мещерскими казаками, одержали верхъ надъ двумя воеводами московскими, Сабуровымъ и княземъ Засѣкинымъ Пестрымъ, убитымъ въ сраженіи между Галичемъ и Костромою, а въ генварѣ 1537 года самъ царь казанскій нечаянно подступилъ къ Мурому, сжегъ предмѣстіе, не взялъ города и бѣжалъ, увидѣвъ вдали наши знамена. Елена и бояре, уже не опасаясь Литвы, хотѣли сильно дѣйствовать противъ Казани, отвергнувъ всѣ мирныя предложенія Сафа-Гирея; но угрозы хана казались столь важными, что государственный нашъ совѣтъ рѣшился отложить войну, извѣстивъ Саипъ-Гирея и казанскаго царя о согласіи великаго князя на миръ съ условіемъ, чтобы Сафа-Гирей остался присяжникомъ Россіи. Бояре отвѣтствовали хану именемъ Іоанна: „Ты называешь Казань своею, но загляни въ старыя лѣтописи: не тому ли всегда принадлежитъ царство, кто завоевалъ его? Можно отдать оное другому; но сей будетъ уже подданнымъ перваго, какъ верховнаго владыки. Говоря о твоихъ мнимыхъ правахъ, молчишь о существенныхъ правахъ Россіи. Казань наша, ибо дѣдъ

мой покорилъ ее; а вы только обманомъ и коварствомъ присвоивали себѣ временное господство надъ нею. Да будетъ все постарому и мы останемся въ братствѣ съ тобою, забывая вины Сафа-Гиреевы, отправимъ къ тебѣ знатнаго посла, но не Шуйскаго и не Телепнева, которые, по моей юности, необходимы въ государственной думѣ“.

Симъ заключились дѣла внѣшней политики Еленина правленія, ознаменованнаго и нѣкоторыми внутренними полезными учрежденіями, въ особенности строеніемъ новыхъ крѣпостей, нужныхъ для безопасности Россіи.

Еще великій князь Василій, находя Кремль тѣснымъ для многолюдства московскаго и недостаточнымъ для защиты онаго въ случаѣ непріятельскаго нашествія, хотѣлъ оградить столицу новою, обширнѣйшею стѣною. Елена исполнила его намѣреніе и въ 1534 году мая 20 начали копать глубокій ровъ отъ Неглинной вокругъ посада (гдѣ были всѣ купеческія лавки и торги) къ Москвѣ-рѣкѣ чрезъ площадь Троицкую (мѣсто судныхъ поединковъ) и Васильевскій лугъ. Работали слуги придворные, митрополитовы, боярскіе и всѣ жители безъ исключенія, кромѣ чиновниковъ или знатныхъ гражданъ, и въ іюнѣ кончили, а въ слѣдующемъ году, мая 16, послѣ крестнаго хода и молебна, отпѣтаго митрополитомъ, Петрокъ Малой, новокрещеный итальянецъ, заложилъ около рва каменную стѣну и четыре башни съ воротами Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козьмодемьянскиии на Великой улицѣ. Сей городъ былъ названъ по-татарски Китаемъ или среднимъ, какъ изъясняютъ.—Кромѣ двухъ крѣпостей на литовской границѣ, Елена основала: 1) въ Мещерѣ городъ Мокшанъ, на мѣстѣ издревле именуемомъ Мурунза; 2) Буй-городъ въ Костромскомъ уѣздѣ; 3) крѣпость Балахну у Соли, гдѣ прежде находился посадъ; 4) Пронскъ на Старомъ Городищѣ. Владиміръ, Ярославль, Тверь, пожаромъ обращенные въ пепелъ, были снова выстроены; Темниковъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто; Устюгъ и Софійскую сторону въ Новѣгородѣ окружили стѣнами; Вологду укрѣпили и распространили. Правительница, зная главную потребность государства, столь обширнаго и столь мало населеннаго, вызывала жителей изъ Литвы, давала имъ земли, преимущества, льготу и не жалѣла казны для искупленія многихъ россіянъ, увлекаемыхъ татарами въ плѣнъ: для чего требовала вспоможенія отъ духовенства и богатыхъ монастырей. Напримѣръ, архіепископъ Макарій (въ 1534 году) послалъ ей съ своей епархіи 700 рублей, говоря: „душа человѣческая дороже золота“. Сей умный владыка новогородскій, пользуясь уваженіемъ Двора, ѣздилъ въ Москву не только молиться съ митрополитомъ о благоденствіи Россіи, но

и способствовать одному мудрыми совѣтами въ государственной думѣ.

Къ чести Еленина правленія лѣтописцы относятъ еще перемѣну въ цѣнѣ государственной монеты, вынужденную обстоятельствами. Изъ фунта серебра дѣлали прежде обыкновенно пять рублей и двѣ гривны; но корыстолюбіе изобрѣло обманъ: стали обрѣзывать и переливать деньги для подмѣси, такъ что изъ фунта серебра выходило уже десять рублей. Многіе люди богатѣли симъ ремесломъ и произвели безпорядокъ въ торговлѣ: цѣны измѣнились, возвысились; продавецъ боялся обмана, вѣсилъ, испытывалъ монету, или требовалъ клятвы отъ купца, что она не поддѣльная. Елена запретила ходъ обрѣзныхъ, нечистыхъ и всѣхъ старыхъ денегъ; указала перелить ихъ и чеканить изъ фунта шесть рублей безъ всякаго примѣса, а поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла казнить (имъ лили растопленное олово въ ротъ и отсѣкали руки). Изображеніе на монетахъ осталось прежнее: великій князь на конѣ, но не съ мечомъ въ рукѣ, какъ дотолѣ, а съ копіемъ: отчего онѣ стали именоваться копейками.

Но Елена ни благоразуміемъ своей внѣшней политики, ни многими достохвальными дѣлами внутри государства не могла угодить народу: тиранство и беззаконная, уже всѣмъ явная любовь ея къ князю Ивану Телепневу-Оболенскому, возбуждали къ ней ненависть и даже презрѣніе, отъ коего ни власть, ни строгость не спасаютъ вѣнценосца, если святая добродѣтель отвращаетъ отъ него лицо свое. Народъ безмолствовалъ на стогнахъ; тѣмъ болѣе говорили въ тѣсномъ, для тирановъ непроницаемомъ кругу семействъ и дружества о несчастіи видѣть соблазнъ на тронѣ. Правительница, желая обмануть людей и совѣсть, часто ѣздила съ великимъ княземъ на богомолье въ монастыри; но лицемѣріе, хитрость слабодушныхъ, заслуживаетъ единственно хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ.—Ко гласу оскорбляемой добродѣтели присоединялся и гласъ зависти: одинъ Телепневъ былъ истиннымъ вельможею въ думѣ и въ государствѣ; другіе, старѣйшіе, назывались только именемъ бояръ: никто не имѣлъ заслугъ, если не могъ угодить любимцу Двора. Желали перемѣны — и великая княгиня, юная лѣтами, цвѣтущая здравіемъ, вдругъ скончалась. Современникъ, баронъ Герберштейнъ, въ запискахъ своихъ говоритъ утвердительно, что Елену отравили ядомъ. Онъ видитъ въ семъ случаѣ одну справедливую месть; но ея нѣтъ ни для сына противъ отца, ни для подданнаго противъ государя; а Елена по малолѣтству Іоанна законно властвовала въ Россіи. Худыхъ царей наказываетъ только Богъ, совѣсть, исторія: ихъ ненавидятъ въ жизни, клянутъ и по смерти. Сего довольно для блага граждан-

скихъ обществъ, безъ яда и желѣза; или мы должны отвергнуть необходимый уставъ монархіи, что особа вѣнценосца неприкосновенна. Тайна злодѣянія не уменьшаетъ его. Гнушаясь онымъ, согласимся, что извѣстіе Герберштейна вѣроятно. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о болѣзни Елены. Она преставилась во второмъ часу дня и въ тотъ же день погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ. Не сказано даже, чтобы митрополитъ отпѣвалъ ея тѣло. Бояре и народъ не изъявили, кажется, ни самой притворной горести. Юный великій князь плакалъ и бросился въ объятія къ Телепневу, который одинъ былъ въ отчаяніи, ибо только одинъ могъ всего лишиться и не могъ уже ничего пріобрѣсти кончиною Елены. Народъ спрашивалъ съ любопытствомъ: кто будетъ править государствомъ?

ГЛАВА II

Продолженіе государствованія Іоанна IV.

Г. 1538 — 1547.

Паденіе и смерть князя Телепнева.—Господство князя Василія Шуйскаго.—Освобожденіе князя Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго.—Смута боярская.—Князь Иванъ Бѣльскій снова заключенъ.—Смерть князя Василія Шуйскаго.—Господство его брата.—Сверженіе митрополита: избраніе Іоасафа.—Характеръ князя Ивана Шуйскаго и грабежи внутри государства.—Набѣги внѣшнихъ непріятелей.—Посольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ.—Договоръ съ Ганзою.—Союзъ съ Астраханью.—Посольства ногайскія.—Заговоръ противъ Шуйскаго.—Освобожденіе князя Ивана Бѣльскаго и власть его.—Прощеніе князя Владиміра Андреевича и его матери.—Облегчаютъ судьбу князя Димитрія Углицкаго.—Прощеніе князя Симеона Бѣльскаго.—Впаденіе царя казанскаго.—Нашествіе хана крымскаго.—Великодушіе народа и войска.—Бѣгство непріятеля.—Смута бояръ: паденіе князя Ивана Бѣльскаго.—Ссылка митрополита.—Новое господство князя Ивана Шуйскаго.—Посвященіе Макарія.—Перемиріе съ Литвою.—Набѣги крымцевъ, ногаевъ.—Дѣла казанскія.—Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею.—Перемѣна въ правленіи.—Наглость Шуйскихъ.—Худое воспитаніе Іоанна.—Заговоръ противъ главныхъ вельможъ.—Паденіе Шуйскихъ.—Власть Глинскихъ.—Жестокость правленія.—Доброе согласіе съ Литвою.—Рать на Казань.—Шигъ-Алей царемъ въ Казани и бѣжитъ оттуда.—Походъ къ устью Свіяги.—Путешествія великаго князя и неудовольствія народа.

Нѣсколько дней протекло въ неизвѣстности и въ тишинѣ для народа, въ тайныхъ совѣщаніяхъ и въ козняхъ для вельможъ честолюбивыхъ. Доселѣ правительница замѣняла государя: настало время совершенной аристократіи или державства бояръ при семилѣтнемъ государѣ. Немногіе изъ нихъ смѣли желать верховнаго владычества надъ Россіею: прочіе готовились единственно взять

сторону того или другого на выгоднѣйшихъ для своей личной пользы условіяхъ. Любимецъ Еленинъ, князь Иванъ Телепневъ, не дремалъ въ бездѣйствіи: будучи другомъ и братомъ Іоанновой надзирательницы, боярыни Агриппины Челядниной, онъ думалъ овладѣть юнымъ монархомъ, не отходилъ отъ него, ласкался къ нему и надѣялся на усердіе своихъ бывшихъ друзей; но число ихъ съ перемѣною обстоятельствъ уменьшилось и ревность охладѣла. Внезапная кончина Еленина—и неестественная, какъ мнили—предвѣщала явленіе новыхъ сильнѣйшихъ властителей: чтобы узнать, кто могъ быть ея тайнымъ виновникомъ, любопытные ждали, кто воспользуется оною? Сіе справедливое, или, несмотря на вѣроятность (какъ часто бываетъ), ложное подозрѣніе обратилось на старѣйшаго боярина Василія Васильевича Шуйскаго, потомка князей Суздальскихъ, изгнанныхъ еще сыномъ Донского изъ ихъ наслѣдственнаго владѣнія; злобствуя на московскихъ государей, они служили Новугороду и въ послѣдній день его свободы князь Шуйскій-Гребенка былъ тамъ главнымъ воеводою. Видя рѣшительное торжество самодержавія въ Россіи, сіи изгнанники, одинъ за другимъ, вступили въ службу московскую и были знаменитѣйшими вельможами. Князь Василій Васильевичъ, занимавъ первое мѣсто въ совѣтѣ при отцѣ Іоанновомъ, занималъ оное и при Еленѣ, и тѣмъ болѣе ненавидѣлъ ея временщика, который, уступая ему наружную честь, исключительно господствовалъ надъ думою. Изготовивъ средства успѣха, преклонивъ къ себѣ многихъ бояръ и чиновниковъ, сей властолюбивый князь жестокимъ дѣйствіемъ самовольства и насилія объявилъ себя главою правленія: въ седьмый день по кончинѣ Елениной велѣлъ схватить любимѣйшихъ юному Іоанну особъ: его надзирательницу боярыню Агриппину и брата ея князя Телепнева,—оковать цѣпями, заключить въ темницу, несмотря на слезы, на вопль державнаго, беззащитнаго отрока. Не судъ и не праведная, но беззаконная, лютая казнь была жребіемъ несчастнаго вельможи, коему за недѣлю предъ тѣмъ раболѣпствовали всѣ князья и бояре. Телепнева уморили голодомъ, какъ правительница или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей Іоанновыхъ; но злодѣйство не оправдываетъ злодѣйства, и лѣтописцы осуждаютъ сію личную месть, внушенную завистію къ бывшему любимцу Елены, который хотѣлъ быть и любимцемъ сына ея. Телепневъ имѣлъ умъ, дѣятельность, благородное честолюбіе; не боялся оставлять Двора для войны и еще недовольный властію хотѣлъ славы, которую даютъ дѣла, а не милость государей. Сестру его, боярыню Агриппину, сослали въ Каргополь и постригли въ монахини. Дума, государство и самъ государь сдѣлались подвластны Василію Шуйскому и брату его, князю Ивану, также знаменитому члену совѣта, гдѣ только одинъ

бояринъ могъ спорить съ ними о старѣйшинствѣ: князь Димитрій Бѣльскій, родственникъ Іоанновъ; они искали его дружбы. Братъ Димитріевъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ, и Шуйскій, Андрей Михайловичъ, сидѣли въ темницѣ: ихъ вмѣстѣ освободили съ честію какъ невинныхъ; первый занялъ въ думѣ свое прежнее мѣсто; второго пожаловали въ бояре. Ослѣпленный гордостію, князь Василій Шуйскій хотѣлъ утвердить себя на высшей степени трона свойствомъ съ государемъ и, будучи вдовцомъ лѣтъ пятидесяти или болѣе, женился на юной сестрѣ Іоанновой, Анастасіи, дочери Петра, казанскаго царевича. Но безпрекословное владычество сего вельможи продолжалось только мѣсяцевъ шесть: князь Иванъ Бѣльскій, имъ освобожденный, сдѣлался его непріятелемъ, будучи въ согласіи съ митрополитомъ Даніиломъ, съ дворецкимъ Михайломъ Тучковымъ и съ иными важными сановниками. Началось тѣмъ, что Бѣльскій просилъ юнаго Іоанна дать князю Юрію Булгакову-Голицыну боярство, а сыну знаменитаго Хабара Симскаго санъ окольничаго, не сказавъ ни слова Шуйскимъ, которые воспылали гнѣвомъ. Вражда усилилась бранью: съ одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусныхъ козняхъ; съ другой—о самовластіи, о тиранствѣ. Наконецъ Шуйскіе доказали свое могущество: снова заключили князя Ивана Бѣльскаго въ темницу, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ, а главному изъ нихъ, дьяку Ѳедору Мишурину, измученному воинами, раздѣтому, обнаженному, отсѣкли голову на плахѣ предъ городскою тюрьмою. Все сіе дѣлалось именемъ Шуйскихъ и бояръ, имъ преданныхъ, а не именемъ государя: то-есть беззаконно и нагло. Достойно замѣчанія, что старшій князь Бѣльскій, Димитрій, опять не имѣлъ участія въ бѣдственной судьбѣ брата, спасаемый, какъ вѣроятно, своимъ осторожнымъ, спокойнымъ характеромъ.

Уже самовластный вельможа князь Василій считалъ себя какъ бы царемъ Россіи: вдругъ узнали объ его болѣзни и смерти, которая могла быть естественною, но, безъ сомнѣнія, служила поводомъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ. Явивъ суетность властолюбія, она не исправила бояръ московскихъ, и братъ Василіевъ, князь Иванъ Шуйскій, ставъ ихъ главою, мыслилъ единственно о томъ, чтобы довершить месть надъ врагами и сдѣлать, чего не успѣлъ или не дерзнулъ исполнить умершій братъ его. Ни святость сана, ни хитрость ума не спасли митрополита Даніила: замышлявъ съ княземъ Иваномъ Бѣльскимъ свергнуть Шуйскихъ, онъ самъ былъ сверженъ съ митрополіи указомъ боярскимъ и сосланъ въ монастырь Іосифовъ, гдѣ строгою постною жизнію имѣлъ способъ загладить грѣхи своего придворнаго честолюбія и раболѣпства. Опасаясь упрековъ въ беззаконіи, вельможи взяли съ Даніила запись, коею сей бывшій архипастырь

будто бы добровольно отказался отъ святительства, чтобы молиться въ тишинѣ уединенія о государѣ и государствѣ. На его мѣсто епископы поставили—судьбами Божественными и великокняжескимъ (то-есть боярскимъ) изволеніемъ, какъ сказано въ лѣтописи,—Іоасафа Скрыпицына, игумена троицкаго.

Среди такихъ волненій и безпокойствъ, производимыхъ личнымъ властолюбіемъ бояръ, правительство могло ли имѣть надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутренняго благоустройства и внѣшней безопасности? Главный вельможа, князь Иванъ Шуйскій, не оказывалъ въ дѣлахъ ни ума государственнаго, ни любви къ добру: былъ единственно грубымъ самолюбцемъ; хотѣлъ только помощниковъ, но не терпѣлъ совмѣстниковъ; повелѣвалъ въ думѣ какъ деспотъ, а во дворцѣ какъ хозяинъ, и величался до нахальства; напримѣръ, никогда не стоялъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился у него въ спальнѣ, опирался локтемъ о постелю, клалъ ноги на кресла государевы; однимъ словомъ, изъявлялъ всю низкую, малодушную спѣсь раба-господина. Упрекали Шуйскаго и въ гнусномъ корыстолюбіи; писали, что онъ расхитилъ казну и наковалъ себѣ изъ ея золота множество сосудовъ, велѣвъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. По крайней мѣрѣ, его ближніе, клевреты, угодники грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ нажиточныя мѣста или должности государственныя. Такъ, бояринъ Андрей Михайловичъ Шуйскій и князь Василій Рѣпнинъ-Оболенскій, будучи намѣстниками во Псковѣ, свирѣпствовали какъ львы, по выраженію современника: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ беззаконными налогами, вымышляли преступленія, ободряли лживыхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ; но и въ самыхъ святыхъ обителяхъ искали добычи съ лютостію могольскихъ хищниковъ; жители пригородовъ не смѣли ѣздить во Псковъ какъ въ вертепъ разбойниковъ: многіе люди бѣжали въ иныя страны; торжища и монастыри опустѣли.—Къ сему ужасному бѣдствію неправосудія и насилія присоединялись частые, опустошительные набѣги внѣшнихъ разбойниковъ. „Мы были,—говорятъ лѣтописцы,—жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ: ханъ крымскій давалъ намъ законы, царь казанскій насъ обманывалъ и грабилъ. Первый, задержавъ великокняжескаго чиновника, посланнаго къ господарю молдавскому, писалъ къ Іоанну: „Я сдѣлалъ то, что вы нѣсколько разъ дѣлали. Отецъ и мать твоя, не разумѣя государственныхъ уставовъ, ловили, злодѣйски убивали моихъ пословъ на пути въ Казань: я также имѣю право мѣшать твоему сообщенію съ моимъ недругомъ молдавскимъ. Ты хочешь отъ меня пріязни: для чего же изъясняешься грубо? Знаешь ли, что у меня

болѣе ста тысячъ воиновъ? Если каждый изъ нихъ плѣнитъ хотя одного русскаго, сколько тебѣ убытка, а мнѣ прибыли? Не таюсь, ибо чувствую силу свою; все объявлю напередъ, ибо сдѣлаю, что говорю. Гдѣ желаешь видѣться со мною: въ Москвѣ или на берегахъ Оки? Знай, что буду къ тебѣ не одинъ, но съ великимъ султаномъ, который покорилъ вселенную отъ Востока до Запада. Укажу ему путь къ твоей столицѣ. Ты же что мнѣ сдѣлаешь? Злобствуй какъ хочешь, а въ моей землѣ не будешь". Не только Іоаннъ III и Василій, но и правительница, отъ времени до времени удовлетворяя корыстолюбію хановъ, изъявляли по крайней мѣрѣ благородную гордость въ перепискѣ съ ними и не дозволяли имъ забываться. Владычество Шуйскихъ ознаменовалось слабостію и робкимъ малодушіемъ въ политикѣ московской: бояре даже не смѣли отвѣтствовать Саипъ-Гирею на его угрозы; спѣшили отправить въ Тавриду знатнаго посла и купить вѣроломный союзъ варвара обязательствомъ не воевать Казани; а царь казанскій, увѣряя насъ въ своемъ миролюбіи, хотѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія. Напрасно ждали его уполномоченныхъ въ Москву: они не ѣхали, а казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ Нижняго, Балахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки, Перми; являлись единственно толпами, жгли, убивали, плѣнили, такъ что одинъ изъ лѣтописцевъ сравниваетъ бѣдствія сего времени съ Батыевымъ нашествіемъ, говоря: „Батый протекъ молніею Русскую землю; казанцы же не выходили изъ ея предѣловъ и лили кровь христіанъ какъ воду. Беззащитные укрывались въ лѣсахъ и въ пещерахъ: мѣста бывшихъ селеній заросли дикимъ кустарникомъ. Обративъ монастыри въ пепелъ, невѣрные жили и спали въ церквахъ, пили изъ святыхъ сосудовъ, обдирали иконы для украшенія женъ своихъ усерязями и монистами; сыпали горящіе уголья въ сапоги инокамъ и заставляли ихъ плясать, оскверняли юныхъ монахинь; кого не брали въ плѣнъ, тѣмъ выкалывали глаза, обрѣзывали уши, носъ; отсѣкали руки, ноги и—что всего ужаснѣе—многихъ приводили въ вѣру свою, а сіи несчастные сами гнали христіанъ какъ лютые враги ихъ. Пишу не по слуху, но видѣнное мною, и чего никогда забыть не могу". Что дѣлали правители государства, бояре? Хвалились своимъ терпѣніемъ предъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ, изъясняясь, что казанцы терзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, не двигаемъ ни волоса для защиты своей земли! Бояре хотѣли единственно мира и не имѣли его; заключили союзъ съ ханомъ Саипъ-Гиреемъ и видѣли безполезность онаго. Послы ханскіе были въ Москвѣ, а сынъ его Иминь съ шайками своихъ разбойниковъ грабилъ въ Каширскомъ

уѣздѣ. Мы удовольствовались извиненіемъ, что Иминь не слушается отца и поступаетъ самовольно.

Другія внѣшнія дѣйствія Россіи болѣе соотвѣтствовали ея государственному достоинству. Чиновникъ Адашевъ ѣздилъ изъ Москвы съ дружескими письмами къ султану и къ патріарху, Замыцкій изъ Новагорода къ королю шведскому: въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ оказали великую честь нашимъ посланникамъ. Бояре подтвердили купеческій договоръ съ Ганзою и возобновили союзъ съ Астраханью, гдѣ опять царствовалъ Абдылъ-Рахманъ. Послы ногайскіе одни за другими являлись къ Москвѣ, предлагая намъ свои услуги и требуя единственно свободной торговли какъ милости. Литва, соблюдая перемиріе, не тревожила Россіи: старецъ Сигизмундъ въ покоѣ доживалъ вѣкъ свой.

Въ сіе время сдѣлалась перемѣна въ нашей аристократіи. Свергнувъ митрополита Даніила, князь Иванъ Шуйскій считалъ новаго первосвятителя другомъ своимъ, но обманулся. Руководствуясь, можетъ быть, любовію къ добродѣтели, усердіемъ къ отечеству и видя неспособность Шуйскаго управлять державою, или по инымъ, менѣе достохвальнымъ причинамъ, митрополитъ Іоасафъ осмѣлился ходатайствовать у юнаго государя и въ думѣ за князя Ивана Бѣльскаго. Многіе бояре пристали къ нему: одни говорили только о милосердіи, другіе о справедливости и вдругъ, именемъ Іоанновымъ, съ торжествомъ вывели Бѣльскаго изъ темницы, посадили въ думу; а Шуйскій, изумленный дерзостію митрополита и бояръ, не успѣлъ отвратить удара: трепеталъ въ злобѣ, клялся отмстить имъ за измѣну и съ того дня не хотѣлъ участвовать въ дѣлахъ, не присутствовалъ въ думѣ, гдѣ сторона Бѣльскихъ, одержавъ верхъ, начала господствовать съ умѣренностію и благоразуміемъ. Не было ни опалъ, ни гоненія. Правивельство стало попечительнѣе, усерднѣе къ общему благу. Злоупотребленія власти уменьшились. Смѣнили нѣкоторыхъ худыхъ намѣстниковъ, и псковитяне освободились отъ насилій князя Андрея Шуйскаго, отозваннаго въ Москву. Дума сдѣлала для нихъ то же, что Василій сдѣлалъ для новогородцевъ: возвратила имъ судное право. Цѣловальники или присяжные, избираемые гражданами, начали судить всѣ уголовныя дѣла независимо отъ намѣстниковъ, къ великой досадѣ сихъ послѣднихъ, лишенныхъ тѣмъ способа беззаконствовать и наживаться. Народъ отдохнулъ во Псковѣ; славилъ милость великаго князя и добродѣтель бояръ.—Правительство заслужило еще хвалу освобожденіемъ двоюроднаго брата Іоаннова, юнаго князя Владиміра Андреевича, и матери его, заключенныхъ Еленою: они переѣхали въ свой домъ и жили уединенно; а чрезъ годъ, въ день Рождества Христова, мать и сынъ были представлены Іоанну. Имъ возвратили богатыя

помѣстья Андреевы и дозволили имѣть дворъ, бояръ и слугъ княжескихъ.—Назовемъ ли милостію скудное, жалостное благодѣяніе, оказанное тогда же другому родственнику Іоаннову? Внукъ Василія Темнаго, сынъ Андрея Углицкаго, именемъ Димитрій, еще находился въ числѣ живыхъ, забвенный всѣми, и сорокъ девять ужасныхъ лѣтъ, отъ нѣжной юности до глубокой старости, сидѣлъ въ темницѣ, въ узахъ, одинъ съ Богомъ и мирною совѣстію, не оскорбивъ никого въ жизни, не нарушивъ никакого устава человѣческаго, только за вины отца своего, имѣвъ несчастіе родиться племянникомъ самодержца, коему надлежало истребить все въ Россіи--вредную систему удѣловъ, и который любилъ единовластіе болѣе, нежели единокровныхъ. Правители, желая быть милосердыми, не рѣшились возвратить Димитрія, какъ бы изъ могилы, чуждому для него міру: велѣли только освободить его отъ тягости цѣпей, впустить къ нему въ темницу болѣе свѣта и воздуха! Ожесточенный бѣдствіемъ, Димитрій, можетъ быть, въ первый разъ смягчился тогда душою и пролилъ слезы благодарности, уже не гнетомый, не язвимый оковами, видя солнце и дыша свободнѣе. Онъ содержался въ Вологдѣ: тамъ и кончилъ жизнь. Братъ его, князь Иванъ, умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ монашествѣ. Оба лежатъ вмѣстѣ въ Вологодской церкви Спаса на Прилукѣ.

Милуя или облегчая судьбу гонимыхъ, первый вельможа, князь Иванъ Бѣльскій, хотѣлъ и виновнаго брата своего Симеона возвратить отечеству и добродѣтели. Митрополитъ Іоасафъ взялся быть ходатаемъ. Извиняли преступника, чѣмъ только могли: юностію его лѣтъ, несноснымъ тиранствомъ и самовластіемъ Еленина любимца. Государь простилъ: одно дѣйствіе, коимъ исторія упрекаетъ князя Ивана Бѣльскаго! Измѣнникъ, предатель, наводивъ враговъ на отечество, явился бы снова при Дворѣ и въ думѣ съ почестями, опредѣленными для вѣрныхъ, знаменитыхъ слугъ государства! Но Симеонъ не воспользовался милосердіемъ, противнымъ уставу справедливости и блага гражданскихъ обществъ. Гонецъ московскій уже не нашелъ Бѣльскаго въ Тавридѣ: сей измѣнникъ былъ въ полѣ съ ханомъ, замышляя гибель Россіи: ибо Саипъ-Гирей клялся въ дружбѣ къ великому князю единственно для того, чтобы произвести въ насъ оплошность и нечаянностію нападенія открыть себѣ путь въ сердце московскихъ владѣній. Но дума, подъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго, радѣя о внутреннемъ благоустройствѣ, не выпускала изъ виду и внѣшней безопасности.

Тайно готовясь къ войнѣ, ханъ приглашалъ и царя казанскаго идти на Россію: къ счастію нашему, имъ неудобно было дѣйствовать въ одно время: первый ждалъ весны и подножнаго корма

въ степяхъ; а второй, не имѣя сильной рати судовой, боялся лѣтомъ оставить за спиною Волгу, гдѣ, въ случаѣ его бѣгства, россіяне могли бы утопить казанцевъ. Ободряемый нашимъ долговременнымъ терпѣніемъ и бездѣйствіемъ, Сафа-Гирей, въ декабрѣ 1540 года, миновавъ Нижній-Новгородъ, успѣлъ безпрепятственно достигнуть Мурома, но далѣе не могъ ступить ни шага: воины и граждане бились мужественно на стѣнахъ и въ вылазкахъ; князь Димитрій Бѣльскій шелъ изъ Владиміра, а царь Алей съ своими вѣрными татарами—изъ Касимова, истребляя разсѣянныя толпы непріятелей въ Мещерской землѣ и въ селахъ Муромскихъ; Сафа-Гирей бѣжалъ назадъ, и такъ скоро, что воеводы московскіе не догнали его.—Сей не весьма удачный походъ умножилъ число недовольныхъ въ Казани: тамошніе князья и знатнѣйшій изъ нихъ, Булатъ, тайно писали въ Москву, чтобы государь послалъ къ нимъ войско; что они готовы убить или выдать намъ Сафа-Гирея, который, отнимая собственность у вельможъ и народа, шлетъ казну въ Тавриду. Бояре велѣли немедленно соединиться полкамъ изъ семнадцати городовъ въ Владимірѣ, подъ начальствомъ князя Ивана Васильевича Шуйскаго; отвѣтствовали Булату ласково, обѣщая ему милость и забвеніе прошедшаго; но ждали дальнѣйшихъ вѣстей изъ Казани, чтобы послать туда войско.

Еще ханъ Саипъ-Гирей скрывалъ свои замыслы: посолъ Іоанновъ, князь Александръ Кашинъ, жилъ въ Тавридѣ, а ханскій, именемъ Тагалдый, въ Москвѣ; но бояре угадывали, что царь казанскій дѣйствовалъ по согласію съ Крымомъ, и для того, на всякій случай, собрали войско въ Коломнѣ, гдѣ самъ юный Іоаннъ осмотрѣлъ его станъ. Весною узнали въ Москвѣ (чрезъ плѣнниковъ, ушедшихъ изъ Тавриды), что ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со всею Ордою, не оставивъ дома никого, кромѣ женъ, дѣтей и старцевъ; что у него дружина султанова съ огнестрѣльнымъ снарядомъ; что къ нему присоединились еще толпы изъ ногайскихъ улусовъ, изъ Астрахани, Кафы, Азова; что князь Симеонъ Бѣльскій взялся быть его путеводителемъ.—Намѣстнику путивльскому Ѳедору Плещееву велѣно было удостовѣриться въ истинѣ сего извѣстія: люди, посланные имъ въ степи, видѣли тамъ слѣды прошедшаго войска тысячъ ста или болѣе. Тогда князь Димитрій Бѣльскій, въ санѣ главнаго воеводы, прибылъ въ Коломну и вывелъ рать въ поле. Князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій остался въ Владимірѣ съ царемъ Шигъ-Алеемъ; многочисленныя дружины шли отовсюду къ Серпухову, Калугѣ, Тулѣ, Рязани. Наши смѣлые лазутчики встрѣтили хана близъ Дона: они смотрѣли на полки его и не видали имъ конца въ степяхъ открытыхъ. Уже Саипъ-Гирей былъ на сей сторонѣ Дона; при-

ступалъ къ Зарайску и не могъ взять крѣпости, отраженный славнымъ мужествомъ ея воеводы Назара Глѣбова.

Между тѣмъ, какъ наши полки располагались станомъ близъ Оки, Москва умилялась зрѣлищемъ, дѣйствительно трогательнымъ: десятилѣтній государь съ братомъ своимъ Юріемъ молился Всевышнему въ Успенскомъ храмѣ, предъ Владимірскою иконою Богоматери и гробомъ св. Петра митрополита о спасеніи отечества; плакалъ и въ слухъ народа говорилъ: „Боже! Ты защитилъ моего прадѣда въ нашествіи лютаго Темиръ-Аксака, защити и насъ юныхъ, сирыхъ! Не имѣемъ ни отца, ни матери, ни силы въ разумѣ, ни крѣпости въ десницѣ, а государство требуетъ отъ насъ спасенія". Онъ повелъ митрополита въ думу, гдѣ сидѣли бояре, и сказалъ имъ: „Врагъ идетъ; рѣшите, здѣсь ли мнѣ быть или удалиться?" Бояре разсуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что великіе князья, въ случаѣ непріятельскихъ нашествій, никогда не заключались въ Москвѣ. Другіе такъ отвѣтствовали: „Когда Едигей шелъ къ столицѣ, Василій Димитріевичъ удалился, чтобы собирать войско въ областяхъ россійскихъ, но въ Москвѣ оставилъ князя Владиміра Андреевича и своихъ братьевъ. Нынѣ государь у насъ отрокъ, а братъ его еще малолѣтнѣе: дѣтямъ ли скакать изъ мѣста въ мѣсто и составлять полки! Не скорѣе ли впадутъ они въ руки невѣрныхъ, которые, безъ сомнѣнія, разсѣятся и по инымъ областямъ, ежели достигнутъ Москвы?" Митрополитъ соглашался съ послѣдними и говорилъ: „Гдѣ искать безопасности великому князю? Новгородъ и Псковъ смежны съ Литвою и съ нѣмцами; Кострома, Ярославль, Галичъ подвержены набѣгамъ казанцевъ; и на кого оставить Москву, гдѣ лежатъ святые угодники? Димитрій Іоанновичъ оставилъ ее безъ воеводы сильнаго; что же случилось? Господь да сохранитъ насъ отъ такого бѣдствія! Нѣтъ нужды собирать войско: одно стоитъ на берегахъ Оки, другое въ Владимірѣ съ царемъ Шигъ-Алеемъ и защитятъ Москву. Имѣемъ силу, имѣемъ Бога и святыхъ, коимъ отецъ Іоанновъ поручилъ возлюбленнаго сына, не унывайте!" Всѣ бояре единодушно сказали: „Государь! останься въ Москвѣ!" И великій князь изустно далъ повелѣніе градскимъ приказчикамъ готовиться къ осадѣ. Ревность, усердіе оживляли воиновъ и народъ. Всѣ клялись умереть за Іоанна, стоять твердо за святыя церкви и домы свои. Людей расписали на дружины для защиты стѣнъ, воротъ и башенъ; вездѣ разставили пушки; укрѣпили посады надолбами. Никто не мыслилъ о бѣгствѣ, и лѣтописцы удивляются сему общему вдохновенію мужества, какъ бы дѣйствію сверхъестественному.

То же было и въ войскѣ. Полководцы обыкновенно считались тогда въ старшинствѣ или въ знатности родовъ между собою и

не хотѣли зависѣть отъ младшихъ, ни отъ равныхъ, вопреки государеву назначенію. Василій и отецъ его умѣли обуздывать ихъ мѣстничество; но юность Іоаннова, вселяя безстрашіе и дерзость въ главныхъ чиновниковъ, довела сіе зло до крайности. Пренія и вражда господствовали въ станахъ! Великій князь послалъ дьяка своего, Ивана Курицына, съ письмомъ къ Димитрію Бѣльскому и къ его знаменитымъ сподвижникамъ; убѣждалъ ихъ оставить всѣ личности, всѣ несогласія и свары, — соединиться духомъ и сердцемъ за отечество, за вѣру и государя юнаго, который уповаетъ единственно на Бога и на ихъ оружіе. „Ока да будетъ неодолимою преградою для хана!—писалъ Іоаннъ:—а если не удержите врага, то загородите ему путь къ Москвѣ своею грудью. Сразитесь крѣпко во имя Бога Всемогущаго! Обѣщаю любовь и милость не только вамъ, но и дѣтямъ вашимъ. Кто падетъ въ битвѣ, того имя велю вписать въ Книги Животныя; того жена и дѣти будутъ моими ближними“. Воеводы слушали грамоту съ умиленіемъ. „Такъ,—говорили они,—забудемъ вражду и самихъ себя; вспомнимъ милость великаго князя Василія; послужимъ малому, да отъ великаго честь пріимемъ! Если исполнится наше ревностное желаніе, если побѣдимъ, то не въ одной Русской, но и въ чуждыхъ, отдаленныхъ земляхъ прославимся. Мы не безсмертны: умремъ же за отечество! Богъ и государь не забудутъ насъ“. Сіи, дотолѣ сварливые, упрямые воеводы плакали, обнимали другъ друга въ восторгѣ великодушія; назывались братьями; клялися вмѣстѣ побѣдить или оставить кости свои на берегу Оки. Они вышли изъ шатра, читали войску письмо Іоанново, говорили рѣчи, сильныя глубокимъ, добродѣтельнымъ чувствомъ. Дѣйствіе было неописанное. Воины кричали: „Хотимъ, хотимъ пить смертную чашу съ татарами за государя юнаго! Когда вы, отцы наши, согласны между собою, идемъ съ радостію на враговъ невѣрныхъ!“ И всѣ полки двинулись впередъ, многочисленные, стройные и бодрые.

Уже ханъ пришелъ къ Окѣ и сталъ на высотахъ. Другой берегъ ея былъ занятъ московскою передовою дружиною подъ начальствомъ князей Ивана Турунтая-Пронскаго и Василія Охлябина-Ярославскаго. Татары, думая, что у насъ нѣтъ болѣе войска, спустили плоты на рѣку и хотѣли переправиться; а турки стрѣляли изъ пушекъ, изъ пищалей, чтобы отбить россіянъ, которые, дѣйствуя однѣми стрѣлами, сперва было дрогнули и замѣшались... Но приспѣли князья Пунковъ-Микулинскій и Серебряный-Оболенскій съ полками: россіяне стали твердо. Скоро явились новыя, густыя толпы ихъ и ряды необозримые: князья Михайло Кубенскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и самъ Димитрій Бѣльскій водрузили на берегу свои знамена. Съ правой

и лѣвой стороны еще шло войско; вдали показалась многочисленная запасная стража. Ханъ видѣлъ, изумлялся и съ гнѣвомъ сказалъ измѣннику нашему Симеону Бѣльскому и вельможамъ: „Вы обманули меня, увѣривъ, что Россія не въ силахъ бороться въ одно время съ Казанью и со мною. Какое войско! Ни я, ни опытные старцы мои не видывали подобнаго". Объятый ужасомъ, онъ хотѣлъ бѣжать; мурзы удержали его. Съ обѣихъ сторонъ летали ядра, пули и стрѣлы, ввечеру татары отступили къ высотамъ, а россіяне, одушевленные мужествомъ, кричали имъ: „идите сюда; мы васъ ожидаемъ!"

Наступила ночь; воеводы Іоанновы, по словамъ лѣтописцевъ, пировали духомъ, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня. Не было ни страха, ни сомнѣнія; не хотѣли отдыха; стукъ оружія и шумъ людей не умолкали въ станѣ; приходили новыя дружины одна за другою съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ непрестанно слышалъ издали радостные клики въ нашемъ войскѣ; видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ мы ставили пушки на холмахъ берега—и не дождался до утра: терзаемый страхомъ, злобою, стыдомъ, ускакалъ въ телѣгѣ; за нимъ побѣжало и войско, истребивъ часть обоза, другую же и нѣсколько пушекъ султановыхъ оставивъ намъ въ добычу. Тогда въ первый разъ мы увидѣли въ рукахъ своихъ оттоманскіе трофеи! Съ сею счастливою вѣстію Димитрій Бѣльскій послалъ въ Москву князя Ивана Кашина, а князей Микулинскаго и Серебрянаго вслѣдъ за ханомъ. Они плѣнили остальныхъ, которые извѣстили ихъ, что Саипъ-Гирей идетъ къ Пронску. Хвалившись стать на Воробьевыхъ горахъ и разорить всѣ области московскія, онъ думалъ уменьшить стыдъ свой взятіемъ сей маловажной крѣпости, подобно Тамерлану, не завоевавшему въ Россіи ничего, кромѣ Ельца. Тогда главный нашъ воевода отрядилъ впередъ новые полки, чтобы скорѣе выгнать хана изъ предѣловъ Россіи.

3 августа Саипъ-Гирей обступилъ Пронскъ, гдѣ начальствовалъ Василій Жулебинъ, у коего было немного людей, но много смѣлости: онъ пушками, кольями и каменьями отбилъ непріятеля. Мурзы хотѣли говорить съ нимъ; Жулебинъ явился на стѣнѣ. „Сдайся,—сказали они,—царь обѣщаетъ тебѣ милость, или будетъ стоять здѣсь, пока возьметъ городъ". Витязь отвѣтствовалъ: „Божіею волею ставится градъ и никто не возьметъ его безъ воли Божіей. Пусть царь стоитъ: увидитъ скоро воеводъ московскихъ". Саипъ-Гирей велѣлъ готовить туры для новаго, сильнѣйшаго приступа, а Жулебинъ вооружилъ не только всѣхъ гражданъ, но и самыхъ женъ. Груды камней и кольевъ лежали на стѣнѣ; котлы кипѣли съ водою; надъ заряженными пушками горѣли фитили. Тогда осажденные получили вѣсть, что князья

Микулинскій и Серебряный уже были близко: клики веселія раздались въ городѣ. Ханъ узналъ о томъ, сжегъ туры, и 6 августа удалился отъ Пронска, гонимый нашими воеводами до самаго Дона; а князь Воротынскій разбилъ царевича Иминя, который было остановился для грабежа въ Одоевскомъ уѣздѣ.

Вся Россія торжествовала сіе счастливое изгнаніе сильнаго врага изъ нѣдръ ея; славила государя и полководцевъ. Юность Іоаннова, умилительная для сердецъ во дни страха, была особенною прелестію и торжества народнаго, когда державный отрокъ въ храмѣ Всевышняго благодарилъ небо за спасеніе Россіи; когда именемъ отечества изъявлялъ признательность воеводамъ, и когда они, тронутые его милостію, съ радостными слезами отвѣчали ему: „Государь! мы побѣдили твоими ангельскими молитвами и твоимъ счастіемъ!“ Народъ всего болѣе вѣритъ счастію, и младыя лѣта Іоанновы открывали неизмѣримое поле для надежды. Такъ чувствовали современники, которые видѣли въ Саипъ-Гиреѣ новаго Мамая или Тамерлана и хвалились его бѣгствомъ, какъ славнымъ для Россіи происшествіемъ. Они не думали о будущемъ. Что случилось, могло и впередъ случиться. Россія, уже дѣйствительно сильная, оставалась еще жертвою внезапныхъ нападеній: мы хотѣли, чтобы непріятель давалъ намъ время изготовиться къ оборонѣ; выгоняли его, но села наши пустѣли и государство лишалось главной своей драгоцѣнности: людей! Только опыты вѣковъ приводятъ истинныя мѣры государственной безопасности въ твердую систему.

Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душою правительства, стоялъ на высшей степени счастія, опираясь на личную милость державнаго отрока, уже зрѣющаго душою, — на ближнее съ нимъ родство, на успѣхи оружія, на дѣла человѣколюбія и справедливости. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ... и втайнѣ кипѣла злоба, коварствовала зависть, неусыпная въ свѣтѣ, особенно дѣятельная при Дворѣ. Здѣсь исторія наша представляетъ опасность великодушія, какъ бы въ оправданіе жестокихъ, мстительныхъ властолюбцевъ, дающихъ миръ врагамъ только въ могилѣ. Князь Иванъ Бѣльскій, освобожденный митрополитомъ и боярами, могъ бы помѣняться темницею съ Шуйскимъ; могъ бы отнять у него и свободу, и жизнь; но презрѣлъ безсильную злобу и сдѣлалъ еще болѣе: оказалъ уваженіе къ его ратнымъ способностямъ и далъ ему воеводство: что назвали бы мы ошибкою великодушія, если бы оно имѣло цѣлію не внутреннее удовольствіе сердца, не добродѣтель, а выгоды страстей. Шуйскій, съ гнѣвомъ уступивъ власть своему неосторожному противнику, думалъ единственно о мести, и знаменитые бояре, князья Михайло, Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій, казначей Третьяковъ, во-

шли съ нимъ въ заговоръ, чтобы погубить Бѣльскаго и митрополита, связанныхъ дружбою и, какъ вѣроятно, усердною любовію къ отечеству. Не было, кажется, и предлога благовиднаго; заговорщики хотѣли просто низвергнувъ властелина, занять его мѣсто и доказать не правость, а силу свою. Они преклонили къ себѣ многихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, не только въ Москвѣ, но и въ разныхъ областяхъ, особенно въ Новѣгородѣ. Шуйскій, находясь съ полками въ Владимірѣ, чтобы идти на Казань, обѣщаніями и ласками умножилъ число единомышленниковъ въ войскѣ; взялъ съ нихъ тайную присягу, далъ знать московскимъ клевретамъ, что время приступить къ дѣлу и послалъ къ нимъ изъ Владиміра съ сыномъ княземъ Петромъ триста надежныхъ всадниковъ. Ночью, 3 генваря, сдѣлалась ужасная тревога въ Кремлѣ; заговорщики схватили князя Ивана Бѣльскаго въ его домѣ и посадили въ темницу; также вѣрныхъ ему друзей, князя Петра Щенятева и знатнаго сановника Хабарова: перваго извлекли задними дверьми изъ самой комнаты государевой; окружили митрополитовы келіи, бросали каменьями въ окна и едва не умертвили Іоасафа, который бѣжалъ отъ нихъ на Троицкое подворье; игуменъ лавры и князь Димитрій Палецкій только именемъ св. Сергія могли удержать неистовыхъ дѣтей боярскихъ, поднявшихъ руку на архипастыря. Митрополитъ искалъ безопасности во дворцѣ, въ присутствіи юнаго Іоанна; но государь, пробужденный свирѣпымъ воплемъ мятежниковъ, самъ трепеталъ какъ несчастная жертва. Бояре съ шумомъ вошли за Іоасафомъ въ комнату великаго князя; взяли, отправили митрополита въ ссылку, въ монастырь Кирилловъ на Бѣлѣозерѣ; велѣли придворнымъ священникамъ, за три часа до свѣта, пѣть заутреню, кричали, господствовали, какъ бы завоевавъ престолъ и церковь; не думали о соблюденіи ни малѣйшей пристойности; дѣйствовали въ видѣ бунтовщиковъ; устрашили столицу. Никто въ сію ужасную ночь не смыкалъ глазъ въ Москвѣ. На разсвѣтѣ прискакалъ Шуйскій изъ Владиміра и сдѣлался вторично главою бояръ. Князя Ивана Бѣльскаго послали въ заточеніе на Бѣлоозеро, Щенятева въ Ярославль, Хабарова въ Тверь. Тишина и спокойствіе возстановились. Но Шуйскій еще не былъ доволенъ: опасаясь перемѣны, добродѣтели князя Ивана Бѣльскаго и общей къ нему любви, онъ велѣлъ убить его, по согласію съ боярами, безъ вѣдома государева. Три злодѣя умертвили сего несчастнаго князя въ темницѣ: вельможу благодушнаго, воина мужественнаго, христіанина просвѣщеннаго, какъ пишутъ современники. Нѣкогда подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ, за излишнее миролюбіе, оказанное имъ въ двухъ войнахъ казанскихъ, онъ славою послѣднихъ лѣтъ своей жизни оправдался въ народномъ мнѣніи.

Россія уже знала Шуйскаго и не могла ожидать отъ его правленія ни мудрости, ни чистаго усердія къ государственному благу: могла единственно надѣяться, что власть сего человѣка, снисканная явнымъ беззаконіемъ, не продолжится. Дума осталась, какъ была: только нѣкоторые члены ея, смотря по ихъ отношеніямъ къ главному вельможѣ, утратили силу свою или пріобрѣли новую. Князь Димитрій Бѣльскій оплакивалъ брата и сидѣлъ на первомъ мѣстѣ въ совѣтѣ, какъ старшій именемъ бояринъ. Надлежало избрать митрополита: малолѣтство Іоанново давало архипастырю церкви еще болѣе важности; онъ имѣлъ свободный доступъ къ юному государю, могъ совѣтовать ему, смѣло противорѣчить боярамъ и дѣйствовать на умы гражданъ христіанскими увѣщаніями. Шуйскій и друзья его не хотѣли вторично ошибиться въ семъ выборѣ, медлили около двухъ мѣсяцевъ и призвали архіепископа Макарія, славнаго умомъ, дѣятельностію, благочестіемъ: любя и мірскую честь, онъ, можетъ быть, оказалъ ему услуги въ Новѣгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ сторону, въ надеждѣ заступить мѣсто Іоасафа. Чрезъ семь дней нарекли Макарія первосвятителемъ и возвели на дворъ митрополичій, а чрезъ десять дней посвятили. Такимъ образомъ князь Иванъ Шуйскій самовластно свергнулъ двухъ митрополитовъ единственно по личной къ нимъ ненависти, безъ всякаго суда и законнаго предлога. Духовенство молчало и повиновалось. — Всѣ прежнія насилія, несправедливости возобновились. Льгота и правда, данныя областнымъ жителямъ въ благословенное господствованіе князя Бѣльскаго, уничтожились происками намѣстниковъ. Россія сдѣлалась опять добычею клевретовъ, ближнихъ и слугъ Шуйскаго. Но Іоаннъ возрасталъ!

Важнѣйшимъ дѣломъ внѣшней политики сего времени было новое перемиріе съ Литвою на семь лѣтъ, заключенное въ Москвѣ королевскими панами Яномъ Глѣбовичемъ и Никодимомъ. Хотѣли и вѣчнаго мира съ обѣихъ сторонъ, но не согласились, какъ и прежде, въ условіяхъ. Бояре домогались размѣна плѣнныхъ: король требовалъ за то Чернигова и шести другихъ городовъ, боясь, кажется, чтобы литовскіе плѣнники не возвратились къ нему съ измѣною въ сердцѣ, и чтобы россійскіе не открыли намъ новыхъ способовъ побѣды. Наконецъ положили единственно не воевать другъ друга и купцамъ торговать свободно. Сигизмундъ уже слабѣлъ: паны договаривались именемъ его сына и наслѣдника Августа. Въ присутствіи юнаго Іоанна читали грамоты: великій князь цѣловалъ крестъ и далъ руку посламъ; а бояринъ Морозовъ ѣздилъ въ Литву для размѣна грамотъ. Ему велѣно было предстательствовать за нашихъ плѣнниковъ, чтобы ихъ не держали въ узахъ и дозволяли имъ ходить въ церковь: послѣднее

утѣшеніе для злосчастныхъ, осужденныхъ умереть въ странѣ непріятельской! — Между тѣмъ спорили о земляхъ Себежскихъ и другихъ; хотѣли и не могли размежеваться. Чиновникъ Сукинъ, посыланный для того въ Литву, долженъ былъ въ тайной бесѣдѣ съ ея вельможами сказать имъ, что Іоаннъ уже ищетъ себѣ невѣсты, и что бояре московскіе желаютъ знать ихъ мысли о пользѣ родственнаго союза между государями обѣихъ державъ. Въ донесеніи Сукина не находимъ отвѣта на сіе предложеніе.

Испытавъ неудачу, ханъ Саипъ-Гирей согласился быть въ дружбѣ съ нами, отпустилъ Іоаннова посла князя Александра Кашина въ Москву и далъ ему новую шертную грамоту; но сынъ ханскій Иминь и хищные мурзы тревожили набѣгами Сѣверскую область и Рязань. Воеводы московскіе встрѣтили ихъ; побили крымцевъ на славномъ полѣ Куликовѣ и гнали до рѣки Мечи. — Казанцы требовали мира; но князь Булатъ уже не хотѣлъ свергнуть Сафа-Гирея и писалъ о томъ боярину Димитрію Бѣльскому, а царевна Горшадна къ самому Іоанну. Сія царевна славилась ученостію и волхвованіемъ. Лѣтописцы увѣряютъ, что она торжественно предсказывала скорую гибель Казани и величіе Россіи. Дума боярская не отвергла мира; но Сафа-Гирей медлилъ и не заключалъ онаго. — Дружественныя сношенія продолжались съ Астраханью и съ Молдавіею. Царевичъ астраханскій Едигеръ пріѣхалъ служить въ Россію. Воевода молдавскій Иванъ Петровичъ, внукъ Стефановъ, писалъ къ великому князю, что Солиманъ, изгнавъ его, умилостивился и возвратилъ ему Молдавію, но требуетъ, сверхъ ежегодной дани, около трехъ-сотъ тысячъ золотыхъ, коихъ нельзя собрать въ землѣ опустошенной. Господарь молилъ Іоанна о денежномъ вспоможеніи, которое и было послано.

Но смуты и козни придворныя занимали думу болѣе, нежели внутреннія и внѣшнія дѣла государственныя. Недолго князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій пользовался властію: болѣзнь, какъ надобно думать, заставила его отказаться отъ Двора. Онъ жилъ еще года два или три, не участвуя въ правленіи, но сдавъ оное своимъ ближнимъ родственникамъ, тремъ Шуйскимъ: князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ и Ѳедору Ивановичу Скопину, которые, не имѣя ни великодушія, ни ума выспренняго, любили господствовать и не думали заслуживать любви согражданъ, ни признательности юнаго вѣнценосца истиннымъ усердіемъ къ отечеству. Искусство сихъ олигарховъ состояло въ томъ, чтобы не терпѣть противорѣчія въ думѣ и допускать до государя единственно преданныхъ имъ людей, удаляя всѣхъ, кто могъ быть для нихъ опасенъ или смѣлостію, или разумомъ, или благородными качествами сердца. Но Іоаннъ, приходя въ смыслъ, уже чувствовалъ тягость беззаконной опеки, ненавидѣлъ Шуйскихъ, особенно князя

Андрея, наглаго, свирѣпаго, и склонялся душою къ ихъ явнымъ или тайнымъ недоброхотамъ, въ числѣ коихъ былъ совѣтникъ думы Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ. Олигархи желали пристойнымъ образомъ удалить его и не могли; злобствовали и, видя возрастающую къ нему любовь Іоаннову, рѣшились прибѣгнуть къ насилію: во дворцѣ, въ торжественномъ засѣданіи думы, въ присутствіи государя и митрополита, Шуйскіе съ своими единомышленниками, князьями Кубенскими, Палецкимъ, Шкурлятевымъ, Пронскими и Алексѣемъ Басмановымъ, послѣ шумнаго пренія о мнимыхъ винахъ сего любимца Іоаннова, вскочили какъ неистовые, извлекли Воронцова силою въ другую комнату, мучили, хотѣли умертвить. Юный государь въ ужасѣ молилъ митрополита спасти несчастнаго: первосвятитель и бояре Морозовы говорили именемъ великаго князя, и Шуйскіе, какъ бы изъ милости къ нему, дали слово оставить Воронцова живого, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили въ темницу. Іоаннъ вторично отправилъ къ нимъ митрополита и бояръ съ убѣжденіемъ, чтобы они послали Воронцова на службу въ Коломну, если нельзя ему быть при Дворѣ и въ Москвѣ. Шуйскіе не согласились: государь долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ отвезли въ Кострому. Изображая тогдашнюю наглость вельможъ, лѣтописецъ сказываетъ, что одинъ изъ ихъ клевретовъ, Ѳома Головинъ, въ спорѣ съ митрополитомъ, наступивъ на его мантію, изорвалъ оную въ знакъ презрѣнія.

Сіи крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ правителяхъ государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душою, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары природы; но рано лишенный отца, матери и преданный въ волю буйныхъ вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникающими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если вмѣсто его мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ князь Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго вельможу у государя и государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; питали въ немъ

наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. Напримѣръ, любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а бояре говорили: „пусть державный веселится!“ Окруживъ Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о князѣ Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ; въ надеждѣ на вѣтренность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы великій князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ козни въ Кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, государевы дяди, князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые: первый засѣдалъ въ думѣ; второй имѣлъ знатный санъ конюшаго. Они, несмотря на бдительность Шуйскихъ, внушали тринадцати-лѣтнему племяннику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ бояръ и ругаются надъ самимъ государемъ, угрожая смертію всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, отставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: Дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ-Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ и вдругъ, созвавъ бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ; объявилъ съ твердостію, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю; что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только важнѣйшаго: князя Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ истерзали, умер-

твили сего знатнѣйшаго вельможу. Шуйскіе и друзья ихъ безмолвствовали: народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ, что онъ, ненасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли, отнималъ дворянскія земли, угнетая крестьянъ; что даже и слуги его господствовали и тиранствовали въ Россіи, не боясь ни судей, ни законовъ. Но сія варварская казнь, хотя и заслуженная недостойнымъ вельможею, была ли достойна истиннаго правительства и государя? Она явила, что бѣдствіе Шуйскихъ не умудрило ихъ преемниковъ; что не законъ и не справедливость, а только одна сторона надъ другою одержала верхъ, и насиліе уступило насилію: ибо юный Іоаннъ, безъ сомнѣнія, еще не могъ властвовать самъ собою: князья Глинскіе съ друзьями повелѣвали его именемъ, хотя и сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что „съ того времени бояре начали имѣть страхъ отъ государя“.

Опалы и жестокость новаго правленія дѣйствительно устрашили сердца. Сослали Ѳедора Шуйскаго-Скопина, князя Юрія Темкина, Ѳому Головина и многихъ иныхъ чиновниковъ въ отдаленныя мѣста, а знатнаго боярина Ивана Кубенскаго, сына двоюродной тетки государевой, княжны Углицкой, посадили въ темницу; онъ находился въ тѣсной связи съ Шуйскими, но отличался достоинствами, умомъ, тихимъ нравомъ. Его заключили въ Переяславлѣ вмѣстѣ съ женою, тамъ, гдѣ сидѣлъ нѣкогда злосчастный князь Андрей Углицкій съ дѣтьми своими. Казнь, изобрѣтенная варварствомъ, была участію сановника придворнаго Аѳанасія Бутурлина, обвиненнаго въ дерзкихъ словахъ: ему отрѣзали языкъ предъ темницею въ глазахъ народа. Чрезъ пять мѣсяцевъ освободивъ Кубенскаго, государь снова возложилъ на него опалу, также на князей Петра Шуйскаго, Горбатаго, Димитрія Палецкаго и на своего любимца боярина Ѳедора Воронцова; простилъ ихъ изъ уваженія къ ходатайству митрополита, но ненадолго. Разнесся слухъ, что ханъ крымскій готовится идти къ нашимъ предѣламъ: сынъ его Иминь за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ свободно грабилъ въ уѣздахъ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ (гдѣ наши воеводы только спорили о старѣйшинствѣ, не двигаясь съ мѣста для отраженія непріятеля). Самъ Іоаннъ, уже вступивъ въ лѣта юноши, предводительствовалъ многочисленною ратію, ѣздилъ водою на богомолье въ Угрѣшскій монастырь св. Николая, прибылъ къ войску и жилъ въ Коломнѣ около трехъ мѣсяцевъ. Ханъ не явился. Воинскій станъ сдѣлался дворомъ и злые честолюбцы занимались кознями. Однажды государь, по своему обыкновенію выѣхавъ на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятидесятью новогородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какія-то жалобы: Іоаннъ не слушалъ и велѣлъ своимъ дворянамъ разо-

гнать ихъ. Новогородцы противились: началась битва; стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, умертвили съ обѣихъ сторонъ человѣкъ десять. Государь возвратился въ станъ и велѣлъ ближнему дьяку Василію Захарову узнать, кто подучилъ новгородцевъ къ дерзости и мятежу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ Глинскими, донесъ ему, что бояре князь Иванъ Кубенскій и Воронцовы, Ѳедоръ и Василій, суть тайные виновники мятежа. Сего было довольно: безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія гнѣвный Іоаннъ велѣлъ отрубить имъ головы, объявивъ, что они заслужили казнь и прежними своими беззаконіями во время боярскаго правленія! Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невиновность, укоряя Ѳедора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительнаго первенства между боярами и досадовалъ, когда государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовавъ паденію Шуйскихъ и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный любимецъ положилъ голову на одной съ нимъ плахѣ!.. Такъ новые вельможи, пѣстуны или совѣтники Іоанновы, пріучали юношу-монарха къ ужасному легкомыслію въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и тиранству! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибель; подобно имъ, не удерживали, но стремили Іоанна на пути къ разврату и пеклись не о томъ, чтобы сдѣлать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ее въ рукахъ собственныхъ.

Въ отношеніи къ инымъ державамъ мы дѣйствовали съ успѣхомъ и съ честію. Король польскій сдалъ правленіе сыну Сигизмунду-Августу, который, извѣстивъ о томъ великаго князя, увѣрялъ Россію въ своемъ миролюбіи и въ твердомъ намѣреніи исполнять заключенный съ нею договоръ.—Обманы царя и вельможъ казанскихъ вывели Іоанна изъ терпѣнія. Двѣ рати—одна изъ Москвы, другая изъ Вятки,—въ одинъ день и часъ сошлися подъ стѣнами Казани, обратили въ пепелъ окрестности и кабаки царскіе, убили множество людей близъ города и на берегахъ Свіяги, взяли знатныхъ плѣнниковъ и благополучно возвратились. Сіе внезапное нашествіе россіянъ заставило думать царя, что казанскіе вельможи тайно подвели ихъ: онъ хотѣлъ мстить; умертвилъ нѣкоторыхъ князей, иныхъ выгналъ, и произвелъ всеобщее озлобленіе, коего слѣдствіемъ было то, что казанцы, требуя войска отъ Іоанна, желали выдать ему Сафа-Гирея съ тридцатью крымскими сановниками. Государь обѣщалъ послать войско, но хотѣлъ, чтобы они прежде свергнули и заключили царя. Бунтъ, дѣйствительно, открылся: Сафа-Гирей бѣжалъ и многіе изъ крымцевъ были истерзаны народомъ. Сеитъ, уланы, князья, всѣ чиновники казанскіе, давъ клятву быть вѣрными Россіи, снова приняли къ себѣ царя Шигъ-Алея, торжественно возведеннаго на престолъ князьями

Димитріемъ Бѣльскимъ и Палецкимъ; веселились, праздновали и снова измѣнили. Какъ бы въ предчувствіи неминуемаго, скораго конца державы ихъ, они сами не знали, чего хотѣли, волнуемые страстями и въ затменіи ума; взяли царя не для того, чтобы повиноваться, но чтобы его именемъ управлять землею; держали какъ плѣнника, не дозволяли ему выѣзжать изъ города, ни показываться народу; пировали во дворцѣ и гремѣли оружіемъ; пили изъ златыхъ сосудовъ царскимъ и брали оные себѣ; вѣрныхъ слугъ Алеевыхъ заключили въ темницу, даже умертвили нѣкоторыхъ и требовали, чтобы царь въ письмахъ къ Іоанну хвалился ихъ усердіемъ! Лѣтописецъ сказываетъ, что Шигъ-Алей предвидѣлъ свою участь и только изъ повиновенія къ великому князю согласился ѣхать въ Казань. Онъ терпѣлъ мѣсяцъ въ безмолвіи, имѣя довѣренность къ одному изъ знатнѣйшихъ князей, именемъ Чурѣ, преданному Россіи. Сей добрый вельможа не могъ усовѣстить властителей казанскихъ, тщетно грозивъ имъ пагубными слѣдствіями безумнаго непостоянства; раздраживъ Шигъ-Алея и боясь мести Іоанновой, они вздумали опять призвать Сафа-Гирея, который съ толпами ногайскими уже былъ на Камѣ. Князь Чура извѣстилъ Алея о семъ заговорѣ, совѣтовалъ ему бѣжать и приготовилъ суда. Настала какой-то праздникъ: вельможи и народъ пили до ночи, заснули глубокимъ сномъ и не видали, какъ царь вышелъ изъ дворца и благополучно уѣхалъ Волгою въ Россію; а Сафа-Гирей, въ третій разъ сѣвъ на престолѣ казанскомъ, началъ царствовать ужасомъ: убилъ князя Чуру и многихъ знатныхъ людей, окружилъ себя крымцами, ногаями и, ненавидя своихъ подданныхъ, хотѣлъ только держать ихъ въ страхѣ. Семьдесятъ-шесть князей и мурзъ, братья Чурины, вѣрные Алею, и самые неистовые злодѣи его, обманутые Сафа-Гиреемъ, искали убѣжища въ Москвѣ. Вслѣдъ за ними явились и послы горной черемисы съ увѣреніемъ, что ихъ народъ весь готовъ присоединиться къ нашему войску, если оно вступитъ въ казанскіе предѣлы. Тогда была зима: отложивъ полную месть до лѣта, но желая удостовѣриться въ благопріятномъ для насъ расположеніи дикарей черемисскихъ, Іоаннъ отрядилъ нѣсколько полковъ къ устью Свіяги. Князь Александръ Горбатый предводительствовалъ ими и сражался единственно съ зимними вьюгами, нигдѣ не находя сопротивленія. Ему не велѣно было осаждать Казани: онъ удовольствовался добычею и привелъ съ собою въ Москву сто воиновъ черемисскихъ, которые служили намъ залогомъ въ вѣрности ихъ народа.

Между тѣмъ великій князь ѣздилъ по разнымъ областямъ своей державы, но единственно для того, чтобы видѣть славные ихъ монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ

притѣсненія корыстолюбивыхъ намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Васильевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ въ Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, Новѣгородѣ, Псковѣ, гдѣ, окруженный сонмомъ бояръ и чиновниковъ, не видалъ печалей народа и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности; скакалъ на борзыхъ ишакахъ и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность: ибо сіи путешествія государевы, не принося ни малѣйшей пользы государству, стоили денегъ народу: Дворъ требовалъ угощенія и даровъ.—Однимъ словомъ, Россія еще не видала отца-монарха на престолѣ, утѣшаясь только надеждою, что лѣта и зрѣлый умъ откроютъ Іоанну святое искусство царствовать для блага людей.

ГЛАВА III.

Продолженіе государствованія Іоанна IV.

Г. 1546—1552.

Царское вѣнчаніе Іоанна. — Бракъ государевъ. — Добродѣтели Анастасіи.— Пороки Іоанновы и худое правленіе.—Пожары въ Москвѣ.—Бунтъ черни.— Чудное исправленіе Іоанна.—Сильвестръ и Адашевъ.—Рѣчь государева на лобномъ мѣстѣ.—Перемѣна двора и властей.—Кротость правленія.—Судебникъ.—Обузданіе мѣстничества.—Стоглавъ.—Уставныя грамоты.—Избраніе присяжныхъ.—Учрежденія церковныя.—Намѣреніе просвѣтить Россію.—Воинскія дѣянія.—Походъ на Казань.—Перемиріе съ Литвою.—Дѣла крымскія.— Смерть царя казанскаго.—Походъ на Казань.—Избраніе мѣста для новой крѣпости.—Впаденіе ногаевъ.—Основаніе Свіяжска.—Покореніе Горной стороны.—Ужасъ казанцевъ.—Мирныя условія съ ними.—Сюзюнбека.—Новое воцареніе Шигъ-Алея.—Освобожденіе плѣнниковъ.—Невѣрность казанцевъ и жестокость ихъ царя.—Переговоры съ Алеемъ.—Царь оставляетъ Казань.— Послѣдняя измѣна казанцевъ.

Великому князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ митрополита и долго говорилъ съ нимъ наединѣ. Митрополитъ вышелъ отъ него съ лицомъ веселымъ, отпѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, послалъ за боярами—даже и за тѣми, которые находились въ опалѣ,—и вмѣстѣ съ ними былъ у государя. Еще народъ ничего не вѣдалъ; но бояре, подобно митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину и съ нетерпѣніемъ ждали открытія счастливой тайны.

Прошло три дня. Велѣли собраться Двору: первосвятитель, бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ митрополиту: „Уповая на милость Божію и на святыхъ заступниковъ земли Русской, имѣю намѣреніе жениться:

ты, отче, благословилъ меня. Первою моею мыслію было искать невѣсты въ иныхъ царствахъ; но разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтись нравомъ съ иноземкою: будетъ ли тогда супружество счастіемъ? Желаю найти невѣсту въ Россіи по волѣ Божіей и твоему благословенію". Митрополитъ съ умиленіемъ отвѣтствовалъ: „Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе, столь вожделѣнное для твоихъ подданныхъ! Благословляю оное именемъ Отца Небеснаго". Бояре плакали отъ радости, какъ говоритъ лѣтописецъ; и съ новымъ восторгомъ прославили мудрость державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе „еще до своей женитьбы исполнить древній обрядъ предковъ его и вѣнчаться на царство". Онъ велѣлъ митрополиту и боярамъ готовиться къ сему торжеству, какъ бы утверждающему печатію вѣры святый союзъ между государемъ и народомъ. Оно было не новое для московской державы: Іоаннъ III вѣнчалъ своего внука на царство; но совѣтники великаго князя—желая или дать болѣе важности сему обряду, или удалить отъ мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ Димитрія Іоанновича — говорили единственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Владиміра Мономаха, на коего митрополитъ ефесскій возложилъ вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константиновны. Писали и разсказывали, что Мономахъ, умирая, отдалъ царскую утварь шестому сыны своему Георгію: велѣлъ только хранить ее какъ зеницу ока и передавать изъ рода въ родъ безъ употребленія, доколѣ Богъ не умилостивится надъ бѣдною Россіею и не воздвигнетъ въ ней истиннаго самодержца, достойнаго украситься знаками могущества. Сіе преданіе вошло въ лѣтописи XVI вѣка; тогда Россія дѣйствительно увидѣла самодержца на тронѣ, и Греція, издыхая въ бѣдствіи, отказала намъ величіе своихъ царей.

Генваря 16, утромъ, Іоаннъ вышелъ въ столовую комнату, гдѣ находились всѣ бояре; а воеводы, князья и чиновники, богато одѣтые, стояли въ сѣняхъ. Духовникъ государевъ, благовѣщенскій протоіерей, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на златомъ блюдѣ, животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы, отнесъ ихъ (провождаемый конюшимъ, княземъ Михайломъ Глинскимъ, казначеями и дьяками) въ храмъ Успенія. Скоро пошелъ туда и великій князь: передъ нимъ духовникъ съ крестомъ и святою водою, кропя людей на обѣихъ сторонахъ; за нимъ князь Юрій Васильевичъ, бояре, князья и весь Дворъ. Вступивъ въ церковь, государь приложился къ иконамъ: священные лики возгласили ему многолѣтіе; митрополитъ благословилъ его. Служили молебенъ. Посреди храма, на амвонѣ съ двѣнадцатью ступенями, были изготовлены два мѣста, одѣтыя златыми поволоками; въ ногахъ лежали бархаты

и камки; тамъ сѣли государь и митрополитъ. Предъ амвономъ стоялъ богато-украшенный аналой съ царскою утварью: архимандриты взяли и подали ее Макарію: онъ всталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ и, возлагая на него крестъ, бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чтобы всевышній оградилъ сего христіанскаго Давида силою Св. Духа; посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и милостивое око для послушныхъ. Обрядъ заключился возглашеніемъ новаго многолѣтія государю. Принявъ поздравленіе отъ духовенства, вельможъ, гражданъ, Іоаннъ слушалъ литургію, возвратился во дворецъ, ступая съ бархата на камку, съ камки на бархатъ. Князь Юрій Васильевичъ осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами, изъ мисы, которую несъ за нимъ Михайло Глинскій. Какъ скоро государь вышелъ изъ церкви, народъ, дотолѣ неподвижный, безмолвный, съ шумомъ кинулся обдирать царское мѣсто; всякій хотѣлъ имѣть лоскутъ паволоки на память великаго дня для Россіи.

Однимъ словомъ, сіе торжественное вѣнчаніе было повтореніемъ Димитріева, съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ молитвъ и съ тою разностію, что Іоаннъ III самъ (а не митрополитъ) надѣлъ вѣнецъ на главу юнаго монарха. Современные лѣтописцы не упоминаютъ о скипетрѣ, ни о мѵропомазаніи, ни о причащеніи; не сказываютъ также, чтобы Макарій говорилъ царю поученіе: самое умное, краснорѣчивое не могло быть столь дѣйствительно и сильно, какъ искреннее, умилительное воззваніе къ Богу Вседержителю, дающему и властителей народамъ и добродѣтель властителямъ! Съ сего времени россійскіе монархи начали уже не только въ сношеніяхъ съ иными державами, но и внутри государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именоваться царями, сохраняя и титулъ великихъ князей, освященный древностію; а книжники объявили народу, что симъ исполнилось пророчество Апокалипсиса о шестомъ царствѣ, которое есть Россійское. Хотя титло не придаетъ естественнаго могущества, но дѣйствуетъ на воображеніе людей, и библейское имя царя, напоминая ассирейскихъ, египетскихъ и іудейскихъ, наконецъ православныхъ греческихъ вѣнценосцевъ, возвысило въ глазахъ россіянъ достоинство ихъ государей. „Смирились,—говорятъ лѣтописцы,—„враги наши, цари невѣрные и короли нечестивые: Іоаннъ сталъ на первой степени державства между ими!“ Достойно примѣчанія, что константинопольскій патріархъ Іоасафъ, въ знакъ своего усердія къ вѣнценосцу Россіи, въ 1561 году соборною грамотою утвердилъ его въ санѣ царскомъ, говоря въ ней: „Не только преданіе людей достовѣрныхъ, но и самыя лѣтописи свидѣтельствуютъ, что нынѣшній властитель московскій происходитъ отъ

незабвенной царицы Анны, сестры императора Багрянороднаго, и что митрополитъ ефесскій, уполномоченный для того соборомъ духовенства византійскаго, вѣнчалъ россійскаго великаго князя Владимира на царство". Сія грамота подписана тридцатью-шестью митрополитами и епископами греческими.

Между тѣмъ знатные сановники, окольничіе, дьяки, объѣзжали Россію, чтобы видѣть всѣхъ дѣвицъ благородныхъ и представить лучшихъ невѣстъ государю: онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы Захарьиной, которой мужъ Романъ Юрьевичъ, былъ окольничьимъ, а свекоръ бояриномъ Іоанна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ нимъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ. Не независимость, а личныя достоинства невѣсты оправдывали сей выборъ, и современники, изображая свойства ея, приписываютъ ей всѣ женскія добродѣтели, для коихъ только находили они имя въ языкѣ русскомъ: цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ, ибо она считалась уже необходимою принадлежностію счастливой царской невѣсты. Совершивъ обрядъ вѣнчанія въ храмѣ Богоматери, митрополитъ сказалъ новобрачнымъ: „Днесь таинствомъ церкви соединены вы навѣки, да вмѣстѣ поклоняетесь Всевышнему и живете въ добродѣтели; а добродѣтель ваша есть правда и милость. Государь! люби и чти супругу; а ты, христолюбивая царица, повинуйся ему. Какъ святый крестъ глава церкви, такъ мужъ глава жены. Исполняя усердно всѣ заповѣди Божественныя, узрите благая Іерусалима и миръ во Израилѣ". Юные супруги явились глазамъ народа; благоволенія гремѣли на стогнахъ Кремля. Дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней. Царь сыпалъ милости на богатыхъ: царица питала нищихъ. Воспитанная безъ отца въ тишинѣ уединенія, Анастасія увидѣла себя какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ принесенную на театръ мірского величія и славы: но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами и, все относя къ Богу, поклонялась Ему и въ царскихъ чертогахъ такъ же усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы-матери. Прервавъ веселые пиры Двора, Іоаннъ и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву лавру и провели тамъ первую недѣлю Великаго поста, ежедневно моляся надъ гробомъ св. Сергія.

Сія набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ, не могли укротить его пылкой, безпокойной души, стремительной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Онъ любилъ показывать себя царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ, такъ ска-

зать, милостями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число отверженныхъ: своевольствовалъ, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависѣлъ отъ вельможъ, ибо не трудился въ устроеніи царства и не зналъ, что государь истинно независимый есть только государь добродѣтельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, что хотѣли именемъ юноши-государя; наслаждались почестями, богатствомъ и равнодушно видѣли невѣрность частныхъ властителей; требовали отъ нихъ раболѣпства, а не справедливости. Кто уклонялся предъ Глинскими, тотъ могъ смѣло давить пятою народъ и быть ихъ слугою значило быть господиномъ въ Россіи. Намѣстники не знали страха — и горе угнетеннымъ, которые мимо вельможъ шли ко трону съ жалобами! Такъ граждане псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ самодержавію и смѣлѣйшіе другихъ (весною въ 1547 году) жаловались новому царю на своего намѣстника, князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и уликами. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ; кричалъ, топалъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большого колокола въ Москвѣ: онъ ускакалъ въ столицу и бѣдные псковитяне остались живы.—Честные бояре съ потупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ; шуты, скоморохи забавляли царя, а льстецы славили его мудрость. Добродѣтельная Анастасія молилась вмѣстѣ съ Россіею и Богъ услышалъ ихъ. Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія; чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностію устремиться на путь добродѣтели. Для исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ!

Сія столица ежегодно возрастала своимъ пространствомъ и числомъ жителей. Дворы болѣе и болѣе стѣснялись въ Кремлѣ, въ Китаѣ; новыя улицы примыкали къ старымъ въ посадахъ; домы строились лучше для глазъ, но не безопаснѣе прежняго: тлѣнныя громады зданій, гдѣ-гдѣ раздѣленныя садами, ждали только искры огня, чтобы сдѣлаться пепломъ. Лѣтописи Москвы часто говорятъ о пожарахъ, называя иные великими, но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12 апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами, гостинные казенные дворы, обитель богоявленская и множество дворовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20 апрѣля обратились въ пепелъ за Яузою всѣ улицы, гдѣ жили

гончары и кожевники; а 21 іюня, около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинной, на Арбатскей улицѣ, съ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай, Большой посадъ. Вся Москва представляла зрѣлище огромнаго пылающаго костра, подъ тучами густого дыма. Деревянныя зданія исчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и въ другихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, даже мощи святыхъ истлѣли. Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма: силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живой былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ собора вынесли только образъ Маріи, писанный св. Петромъ митрополитомъ, и Правила Церковныя, привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ: къ счастію, огонь, разрушивъ кровлю и паперти, не проникъ во внутренность церкви.— Къ вечеру затихла буря и въ три часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли: дерева обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1.700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Нельзя, по сказанію современниковъ, ни описать, ни вообразить сего бѣдствія. Люди, съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили какъ тѣни среди ужасовъ обширнаго пепелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія; не находили и выли какъ дикіе звѣри. „Счастливъ,—говоритъ лѣтописецъ,—кто, умиляясь душою, могъ плакать и смотрѣть на небо!“ Утѣшителей не было: царь съ вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить Кремлевскій дворецъ; богатые также спѣшили строиться; о бѣдныхъ не думали. Симъ воспользовались непріятели Глинскихъ: духовникъ Іоанновъ, протоіерей Θеодоръ, князь Скопинъ-Шуйскій, бояринъ Иванъ Петровичъ Θедоровъ, князь Юрій Темкинъ, Ногай и Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, дядя царицы: они составили заговоръ; а народъ, несчастіемъ расположенный къ изступленію злобы и мятежу, охотно сдѣлался ихъ орудіемъ.

Въ слѣдующій день государь поѣхалъ съ боярами навѣстить митрополита въ Новоспасской обители. Тамъ духовникъ его, Ско-

пинъ-Шуйскій и знатные ихъ единомышленники объявили Іоанну, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь удивился и велѣлъ изслѣдовать сіе дѣло боярамъ, которые, чрезъ два дня пріѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто сжегъ столицу? Въ нѣсколько голосовъ отвѣчали имъ: „Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ княгиня Анна вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по Москвѣ. Вотъ отчего мы сгорѣли!“ Сію басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не вѣрили ей, однакожъ молчали: ибо Глинскіе заслужили общую ненависть. Многіе поджигали народъ, и самые бояре. Княгиня Анна, бабка государева, съ сыномъ Михайломъ находилась тогда во Ржевскомъ своемъ помѣстьѣ. Другой сынъ ея князь Юрій стоялъ на Кремлевской площади въ кругу бояръ: изумленный нелѣпымъ обвиненіемъ и видя ярость черни, онъ искалъ безопасности въ церкви Успенія, куда вломился за нимъ и народъ. Совершилось дотолѣ неслыханное въ Москвѣ злодѣйство: мятежники въ святомъ храмѣ убили родного дядю государева, извлекли его тѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ; разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили множество ихъ слугъ и дѣтей боярскихъ. Никто не унималъ беззаконія: правительства какъ бы не было...

Въ сіе ужасное время, когда юный царь трепеталъ въ Воробьевомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ іерей, родомъ изъ Новагорода; приблизился къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огнь небесный испепелилъ Москву; что сила Вышняго волнуетъ народъ и льетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ Святое Писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму царей земныхъ; заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія, потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, простеръ десницу къ наставнику вдохновенному; требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ—и пріялъ оную. Смиренный іерей, не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго вѣнценосца на пути исправленія, заключивъ тѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, коего описываютъ земнымъ ангеломъ: имѣя нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ

добру, онъ искалъ Іоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы отечества, и царь нашелъ въ немъ рѣдкое сокровище—друга, необходимо нужнаго самодержцу, чтобы лучше знать людей, состояніе государства, истинныя потребности онаго: ибо самодержецъ съ высоты престола видитъ лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ отдаленія; а другъ его какъ подданный стоитъ на ряду со всѣми, смотритъ прямѣе въ сердца и вблизи на предметы. Сильвестръ возбудилъ въ царѣ желаніе блага: Адашевъ облегчилъ царю способы благотворенія.—Такъ повѣствуетъ умный современникъ князь Андрей Курбскій, бывшій тогда уже знатнымъ сановникомъ Двора. По крайней мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Іоанновой славы, новая, ревностная дѣятельность въ правленіи, ознаменованная счастливыми для государства успѣхами и великими намѣреніями.

Во-первыхъ, обуздали мятежную чернь, которая, на третій день по убіеніи Глинскаго, явилась шумною толпою въ Воробьевѣ, окружила дворецъ и кричала, чтобы государь выдалъ ей свою бабку княгиню Анну и сына ея Михаила. Іоаннъ велѣлъ стрѣлять въ бунтовщиковъ: толпу разсѣяли; схватили и казнили нѣкоторыхъ; многіе ушли; другіе падали на колѣна и винились. Порядокъ возстановился. Тогда государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ: взяли мѣры, чтобы никто изъ нихъ не остался безъ крова и хлѣба.

Во-вторыхъ, истинные виновники бунта, подстрекатели черни, князь Скопинъ-Шуйскій съ клевретами обманулись, если имѣли надежду, свергнувъ Глинскихъ, овладѣть царемъ. Хотя Іоаннъ пощадилъ ихъ, изъ уваженія ли къ своему духовнику и къ дядѣ царицы, или за недостаткомъ ясныхъ уликъ, или предавъ одному суду Божію такое дѣло, которое, несмотря на беззаконіе способовъ, удовлетворяло общей, справедливой ненависти къ Глинскимъ; но мятежное господство бояръ рушилось совершенно, уступивъ мѣсто единовластію царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественнымъ дѣйствіемъ вѣры утвердить благословенную перемѣну въ правленіи и въ своемъ сердцѣ, государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы; созвалъ святителей, умиленно каялся въ грѣхахъ и разрѣшенный, успокоенный ими въ совѣсти, причастился Святыхъ Таинъ. Юное, пылкое сердце его хотѣло открыть себя предъ лицомъ Россіи: онъ велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избранныхъ, всякаго чина или состоянія для важнаго дѣла государственнаго. Они собрались—и въ день воскресный, послѣ обѣдни, царь вышелъ изъ Кремля съ духовенствомъ, съ крестами, съ боярами, съ дружиною воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ об-

ратился къ митрополиту и сказалъ: „Святый владыко! знаю усердіе твое ко благу и любовь къ отечеству; будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери; а вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть самовластными; моимъ именемъ похитили саны и чести, богатѣли неправдою, тѣснили народъ—и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенанію бѣдныхъ и не было обличенія въ устахъ моихъ. Вы, вы дѣлали что хотѣли, злые крамольники, судіи неправедные! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося? Я чистъ отъ сея крови! А вы ждете суда Небеснаго!“... Тутъ государь поклонился на всѣ стороны и продолжалъ: „Люди Божіи и намъ Богомъ дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшаго зла: могу только впредь спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ! Оставьте ненависть, вражду; соединимся всѣ любовію христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ“. Въ сей великій день, когда Россія въ лицѣ своихъ повѣренныхъ присутствовала на лобномъ мѣстѣ, съ благоговѣніемъ внимая искреннему обѣту юнаго вѣнценосца жить для ея счастія, Іоаннъ въ восторгѣ великодушія объявилъ искреннее прощеніе виновнымъ боярамъ; хотѣлъ, чтобы митрополитъ и святители также ихъ простили именемъ Судіи Небеснаго; хотѣлъ, чтобы всѣ россіяне братски обнялись между собою; чтобы всѣ жалобы и тяжбы прекратились миромъ до назначеннаго имъ срока.— Въ тотъ же день онъ поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ, обиженныхъ и сказалъ ему торжественно: „Алексій! ты не знатенъ и не богатъ, но добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто высокое, не по твоему желанію, но въ помощь душѣ моей, которая стремится къ такимъ людямъ, да утолите ея скорбь о несчастныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ! Не бойся ни сильныхъ, ни славныхъ, когда они, похитивъ честь, беззаконствуютъ. Да не обманутъ тебя и ложныя слезы бѣднаго, когда онъ въ зависти клевещетъ на богатаго! Все рачительно испытывай и доноси мнѣ истину, страшася единственно суда Божія“. Народъ плакалъ отъ умиленія вмѣстѣ съ юнымъ своимъ царемъ.

Царь говорилъ и дѣйствовалъ, опираясь на чету избранныхъ Сильвестра и Адашева, которые приняли въ священный союзъ свой не только благоразумнаго митрополита, но и всѣхъ мужей добродѣтельныхъ, опытныхъ, въ маститой старости еще усердныхъ къ отечеству и прежде отгоняемыхъ отъ трона, гдѣ вѣтреная юность не терпѣла ихъ угрюмаго вида. Ласкатели и шуты онѣмѣли при Дворѣ; въ думѣ заграждались уста навѣтникамъ и

хознодѣямъ, а правда могла быть откровенною. Не смотря на довѣренность, которую Іоаннъ имѣлъ къ совѣту, онъ самъ входилъ и въ государственныя, и важнѣйшія судныя дѣла, чтобы исполнить обѣтъ, данный имъ Богу и Россіи. Вездѣ народъ благословилъ усердіе правительства къ добру общему; вездѣ смѣняли недостойныхъ властителей: наказывали презрѣніемъ или темницею, но безъ излишней строгости; хотѣли ознаменовать счастливую государственную перемѣну не жестокою казнію худыхъ старыхъ чиновниковъ, а лучшимъ избраніемъ новыхъ, какъ бы объявляя тѣмъ народу, что злоупотребленія частной власти бываютъ обыкновеннымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ усыпленія или разврата въ главномъ начальствѣ: гдѣ оно терпитъ грабежъ, тамъ грабители почти невинны, пользуясь дозволяемымъ. Только въ однихъ самодержавныхъ государствахъ видимъ сіи легкіе, быстрые переходы отъ зла къ добру: ибо все зависитъ отъ воли самодержца, который, подобно искусному механику, движеніемъ перста даетъ ходъ громадамъ, вращаетъ махину неизмѣримую и влечетъ его милліоны ко благу или бѣдствію.

Вообще мудрая умѣренность, человѣколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для царской власти. Весьма немногіе изъ прежнихъ царедворцевъ—и самые злѣйшіе—были удалены; другихъ обуздали или исправили, какъ пишутъ. Духовникъ Іоанновъ, протоіерей Ѳеодоръ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ бывшаго мятежа, терзаемый совѣстію, заключился въ монастырѣ. Въ думу поступили новые бояре: дядя царицы Захарьинъ, Хабаровъ (вѣрный другъ несчастнаго Ивана Бѣльскаго), князья Куракинъ-Булгаковъ, Данило Пронскій и Дмитрій Палецкій, коего дочь княжна Іуліанія удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцатилѣтняго брата государева князя Юрія Васильевича. Отнявъ у ненавистнаго Михайла Глинскаго знатный санъ конюшаго, оставили ему боярство, помѣстья и свободу жить гдѣ хочетъ; но сей вельможа, устрашенный судьбою брата, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, бѣжалъ въ Литву. За ними гнался князь Петръ Шуйскій: видя, что имъ нельзя уйти, они возвратились въ Москву и, взятые, клялися, что ѣхали не въ Литву, а на богомолье въ Оковецъ. Несчастныхъ уличили во лжи, но милостиво простили, извинивъ бѣгство ихъ страхомъ.— Въ самомъ семействѣ государскомъ, гдѣ прежде обитали холодность, недовѣреніе, зависть, вражда, Россія увидѣла миръ и тишину искренней любви. Узнавъ счастіе добродѣтели, Іоаннъ еще болѣе узналъ цѣну супруги добродѣтельной; утверждаемый прелестною Анастасіею во всѣхъ благихъ мысляхъ и чувствахъ, онъ былъ и добрымъ царемъ, и добрымъ родственникомъ: женивъ князя Юрія Васильевича, избралъ супругу и для князя Влади-

міра Андреевича, дѣвицу Евдокію, изъ рода Нагихъ; жилъ съ первымъ въ одномъ дворцѣ; ласкалъ, чтилъ обоихъ; присоединяя имена ихъ къ своему, въ государственныхъ указахъ писалъ: „Мы уложили съ братьями и съ боярами“.

Желая уподобиться во всемъ великому Іоанну III, желая, по его собственному слову, быть царемъ правды, онъ не только острилъ мечъ на враговъ иноплеменныхъ, но въ цвѣтущей юности лѣтъ занялся и тѣмъ важнымъ дѣломъ государственнымъ, для коего въ самыя просвѣщенныя времена требуется необыкновенныхъ усилій разума и коимъ немногіе вѣнценосцы пріобрѣли истинную, бозсмертную славу: законодательствомъ. Окруженный сонмомъ бояръ и другихъ мужей, свѣдущихъ въ искусствѣ гражданскомъ, царь предложилъ имъ разсмотрѣть, дополнить Уложеніе Іоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной дѣятельности. Вышелъ Судебникъ (въ 1550 году) или Вторая Русская Правда, вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ, достойная подробнаго изложенія въ статьѣ особенной, гдѣ будемъ говорить вообще о тогдашнемъ состояніи Россіи. Здѣсь скажемъ единственно, что Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностной любовію къ справедливости, къ благоустройству; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не обгоняли настоящаго порядка вещей, не терялись мыслями въ возможностяхъ будущаго, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили какъ было и чѣмъ народъ казался довольнымъ: устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ; хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ—и безъ учености, безъ теоріи, не зная ничего, кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу, которая будетъ всегда любопытною, доколѣ стоитъ наше отечество: ибо она есть вѣрное зерцало нравовъ и понятій вѣка.—Въ прибавленіяхъ къ Судебнику находится и важный, по тогдашнему времени, указъ о мѣстничествѣ: государь еще не могъ совершенно искоренить сего великаго зла, а хотѣлъ единственно умѣрить оное, запретивъ дѣтямъ боярскимъ и княжатамъ считаться родомъ съ воеводами; уставилъ также, что воевода большого полку долженъ быть всѣхъ знатнѣе: что начальники передового и сторожевого полку ему одному уступаютъ въ старѣйшинствѣ и не считаются съ воеводами правой и лѣвой руки; что государю принадлежитъ судить о родахъ и достоинствахъ; что кто съ кѣмъ посланъ, тотъ тому и повинуется.

Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ Собору слугъ Божіихъ, и въ 1551 году, 23 февраля, дворецъ

Кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами русскаго царства, духовными и мирскими. Митрополитъ, девять святителей, всѣ архимандриты, игумены, бояре, сановники первостепенные сидѣли въ молчаніи, устремивъ взоръ на царя-юношу, который, съ силою ума и краснорѣчія, говорилъ имъ о возвышеніи и паденіи царствъ отъ мудрости или буйства властей, отъ благихъ или злыхъ обычаевъ народныхъ; описалъ все претерпѣнное вдовствующею Россіею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а послѣ развратной; упомянулъ о слезной кончинѣ дядей своихъ, о безпорядкахъ вельможъ, коихъ худые примѣры испортили въ немъ сердце; но повторилъ, что все минувшее предано имъ забвенію. Тутъ Іоаннъ изобразилъ бѣдствіе Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ народа. „Тогда, — сказалъ онъ, —ужаснулась душа моя и кости во мнѣ затрепетали; духъ мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродѣтель. Отъ васъ требую ревностнаго наставленія, пастыри христіанъ, учители царей и вельможъ, достойные святители церкви! Не щадите меня въ преступленіяхъ; смѣло упрекайте мою слабость; гремите словомъ Божіимъ, да жива будетъ душа моя!“ Далѣе, изъяснивъ свое благодѣтельное намѣреніе устроить счастіе Россіи всѣми данными ему отъ Бога способами и доказавъ необходимость исправленія законовъ для внутренняго порядка, царь предложилъ святителямъ Судебникъ на разсмотрѣніе и грамоты уставныя, по коимъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ надлежало избрать старостъ и цѣловальниковъ, или присяжныхъ, чтобы они судили дѣла вмѣстѣ съ намѣстниками или съ ихъ тіунами, какъ дотолѣ было въ одномъ Новѣгородѣ и Псковѣ; а сотскіе и пятидесятники, также избираемые общею довѣренностію, долженствовали заниматься земскою исправою, дабы чиновники царскіе не могли дѣйствовать самовластно и народъ не былъ безгласнымъ.—Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя постановленія Іоанновы.

Но симъ не кончилось его дѣйствіе: государь, устроивъ державу, предложилъ святителямъ устроить церковь: исправить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами-невѣждами, но и самые нравы духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образовать достойныхъ служителей алтаря; установить правила благочинія, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить христіанство россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важные предметы для вниманія отцовъ Собора, который назвали Стоглавымъ по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ. Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій онаго было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, чтобы іереи и діаконы, извѣстные умомъ и

добрыми свойствами, наставляли тамъ дѣтей въ грамотѣ и страхѣ Божіемъ: учрежденіе тѣмъ нужнѣйшее, что многіе священники въ Россіи едва умѣли тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную. Желая укоренить въ сердцахъ истинную вѣру, отцы Собора взяли мѣры для обузданія суевѣрія и пустосвятства: запретили тщеславнымъ строить безъ всякой нужды новыя церкви, а бродягамъ - тунеядцамъ келіи въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; запретили также, исполняя волю государя, епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія царскаго: ибо государь благоразумно предвидѣлъ, что они могли бы сею куплею присвоить себѣ, наконецъ, большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общества и собственной ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей достопамятный Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ.

Къ симъ, можно сказать, великимъ намѣреніямъ Іоанна принадлежитъ и замыслъ его обогатить Россію плодами искусствъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлиттъ, въ 1547 году, былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ, наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, разспрашивалъ его съ любопытствомъ и предложилъ ему ѣхать отъ насъ посланникомъ въ нѣмецкую землю, чтобы вывезти оттуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лѣкарей, аптекарей, типографщиковъ, но и людей искусcныхъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ—даже теологовъ! Шлиттъ охотно взялся услужить тѣмъ государю и Россіи; нашелъ императора Карла V въ Аугсбургѣ, на сеймѣ, и вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе сейма: долго разсуждали и согласились исполнить желаніе царя, но съ условіемъ, чтобы Шлиттъ именемъ Іоанновымъ обязался клятвенно не выпускать ученыхъ и художниковъ изъ Россіи въ Турцію и вообще не употреблять ихъ способностей ко вреду нѣмецкой имперіи. Карлъ V далъ нашему посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искать въ Германіи людей годныхъ для службы царя, а Шлиттъ набралъ болѣе ста-двадцати человѣкъ и готовился плыть съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все разрушилось отъ низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонскаго Ордена. Они боялись нашего просвѣщенія; думали, что Россія сдѣлается оттого еще сильнѣе, опаснѣе для сосѣдственныхъ державъ; и своими коварными представленіями заставили императора думать такъ же: вслѣдствіе чего сенаторы любекскіе беззаконно посадили Шлитта въ темницу; многочисленные спутники его разсѣялись и долго Іоаннъ не зналъ о несчастной судьбѣ своего посланника, который, бѣжавъ, наконецъ, изъ заключенія, уже въ 1557 году возвратился въ Москву, одинъ, безъ

денегъ, съ долгами и съ разными легкомысленными предложеніями: напримѣръ, чтобы царь помогалъ императору людьми и деньгами въ войнѣ турецкой, далъ ему аманатовъ (двадцать-пять князей и дворянъ) въ залогъ вѣрности, обѣщался соединить церковь нашу съ латинскою, имѣлъ всегдашняго посла при дворѣ Карловомъ, основалъ Орденъ для россіянъ и чужестранцевъ, нанялъ 6,000 нѣмецкихъ воиновъ, учредилъ почту отъ Москвы до Аугсбурга, и проч. Хотя благое намѣреніе царя не исполнилось совершенно отъ недоброжелательства любчанъ и правительства ливонскаго, послѣ имъ жестоко наказаннаго, однакожъ многіе изъ нѣмецкихъ художниковъ, остановленныхъ въ Любекѣ, вопреки запрещенію императора и магистра ливонскаго, умѣли тайно проѣхать въ Россію и были ей полезными въ важномъ дѣлѣ гражданскаго образованія.

Сіе истинно царское дѣло совершалось подъ звукомъ оружія и побѣдъ, тогда необходимыхъ для благоденствія Россіи. Надлежало унять варваровъ, которые, пользуясь юностію вѣнценосца и смутами бояръ, столь долго свирѣпствовали въ нашихъ предѣлахъ, такъ что за 200 верстъ отъ Москвы, къ югу и сѣверо-востоку, земля была усѣяна пепломъ и костями россіянъ. Не оставалось ни селенія, ни семейства цѣлаго! Чтобы начать съ ближайшаго, зловреднѣйшаго непріятеля, семнадцатилѣтній Іоаннъ, пылая ревностію славы, хотѣлъ самъ вести рать къ Казани, и выѣхалъ изъ Москвы въ декабрѣ мѣсяцѣ, но судьба искусила его твердость неудачею. Презирая нѣгу, онъ готовился терпѣть въ походѣ холодъ и метели, обыкновенные въ сіе время года: вмѣсто снѣга шелъ непрестанно дождь; обозы и пушки тонули въ грязи. 2 февраля, когда царь, ночевавъ въ Ельнѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго, прибылъ на островъ Работку, вся Волга покрылась водою: ледъ треснулъ; снарядъ огнестрѣльный провалился и множество людей погибло. Три дня государь жилъ на островѣ и тщетно ждалъ пути: наконецъ, какъ бы устрашенный худымъ предзнаменованіемъ, возвратился съ печалью въ Москву, однакожъ велѣлъ князю Димитрію Бѣльскому идти съ полками къ Казани, не для ея завоеванія, но чтобы нанести ей чувствительный ударъ. Царь Шигъ-Алей и другіе воеводы шли изъ Мещеры къ устью Цивили и соединились тамъ съ Бѣльскимъ: Сафа-Гирей ждалъ ихъ на Арскомъ полѣ, гдѣ одинъ князь Симеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его на голову и втопталъ въ городъ, плѣнивъ богатыря Азика и многихъ знатныхъ людей. Татары отмстили намъ разореніемъ галицкихъ селъ; но костромскій воевода Яковлевъ истребилъ всю толпу сихъ хищниковъ на берегахъ рѣчки Еговки, на Гусевѣ полѣ, убивъ ихъ предводителя, богатыря Арака.

Недовольный сими легкими дѣйствіями нашей силы, Іоаннъ готовился къ предпріятію рѣшительному: для того желалъ мира съ Литвою, гдѣ ветхій Сигизмундъ кончилъ дни свои, а юный его наслѣдникъ Августъ занимался болѣе любовными, нежели государственными дѣлами и не имѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ никакого сношенія съ Москвою. Сигизмундъ умеръ въ 1548 году. Уже срокъ перемирія исходилъ, а новый король молчалъ и даже не извѣстилъ Іоанна о смерти отца. Бояре наши князь Димитрій Бѣльскій и Морозовъ писали о томъ къ литовскимъ вельможамъ и дали имъ знать, что мы ждемъ ихъ пословъ для мирнаго дѣла. Въ генварѣ 1549 г. воевода витебскій Станиславъ Кишка и маршалокъ Комаевскій пріѣхали въ Москву; вступили въ переговоры о вѣчномъ мирѣ; требовали, какъ обыкновенно, Новагорода, Пскова, Смоленска, городовъ Сѣверскихъ и въ извиненіе сихъ нелѣпыхъ предложеній твердили боярамъ: „Посолъ какъ мѣхъ: что въ него вложишь, то и несетъ. Исполняемъ данное намъ отъ короля и думы повелѣніе". Бояре отвѣтствовали: „Итакъ, будемъ говорить единственно о перемиріи". Заключили его на старыхъ условіяхъ. Но паны литовскіе не согласились внести новаго царскаго титула въ грамоту. Съ обѣихъ сторонъ упрямились, такъ что послы было уѣхали изъ Москвы: ихъ воротили—и, соблюдая перемиріе, спорили о титулѣ. Августъ признавалъ Іоанна только великимъ княземъ, а мы съ досады уже не называли Августа королемъ. Были и другія неудовольствія. Государь, предлагая 2,000 рублей выкупа за нашихъ знатныхъ плѣнниковъ, князей Өедора Оболенскаго и Михайлу Голицу, получилъ отказъ и самъ отказалъ королю въ его требованіи, чтобы евреи литовскіе могли свободно торговать въ Россіи, согласно съ прежними договорами. „Нѣтъ",—отвѣчалъ Іоаннъ:—„сіи люди привозили къ намъ отраву тѣлесную и душевную: продавали у насъ смертоносныя зелія и злословили Христа Спасителя; не хочу о нихъ слышать".—Но ни Россія, ни Литва не желали войны.

Одинъ ханъ Саипъ-Гирей грозилъ мечомъ Іоанну и былъ тѣмъ надменнѣе, что ему удалось тогда завоевать Астрахань, богатую купечествомъ, но скудную войскомъ и беззащитную, несмотря на пышное имя царства, ею носимое. Взявъ сей городъ, ханъ разорилъ его до основанія, вывелъ многихъ жителей въ Крымъ и считалъ себя законнымъ властелиномъ единоплеменныхъ съ ними ногаевъ. Онъ самъ писалъ о томъ къ Іоанну; сказывалъ, что кабардинцы и горные китайки платятъ ему дань; хвалился своимъ могуществомъ и говорилъ: „Ты былъ молодъ, а нынѣ уже въ разумѣ; объяви, чего хочешь? любви или крови? Ежели хочешь любви, то присылай не бездѣлицы, а дары знатные, подобно королю, дающему намъ 15,000 золотыхъ ежегодно. Когда же угодно

тебѣ воевать, то я готовъ идти къ Москвѣ и земля твоя будетъ подъ ногами коней моихъ". Зная, что Саипъ-Гирей возьметъ дары, но не отступится отъ Казани, и что война съ нею должна быть и войною съ Крымомъ, государь уже презиралъ гнѣвъ хана и засадилъ его пословъ въ темницу, свѣдавъ, что онъ беретъ къ себѣ московскихъ купцовъ въ домашнюю услугу какъ невольниковъ, и что въ Тавридѣ обезчестили нашего гонца. Однимъ словомъ, мы чувствовали силу свою и надѣялись управиться со всѣмъ Батыевымъ потомствомъ.

Въ сіе время (въ мартѣ 1549 года) Казань лишилась царя: Сафа-Гирей пьяный убился во дворцѣ и кончилъ жизнь внезапно, оставивъ двухлѣтняго сына, именемъ Утемишь-Гирея, коего мать, прекрасная Сююнбека, дочь князя ногайскаго Юсуфа, была ему любезнѣе всѣхъ иныхъ женъ: вельможи возвели младенца Утемишъ-Гирея на престолъ, но искали лучшаго властителя и хотѣли, чтобы ханъ крымскій далъ имъ своего сына защитить ихъ отъ россіянъ; а въ Москву прислали гонца съ письмомъ отъ юнаго царя, требуя мира. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что о мирѣ говорятъ только съ послами; спѣшилъ воспользоваться мятежнымъ безначаліемъ Казани и велѣлъ собираться полкамъ: большому въ Суздалѣ, передовому въ Шуѣ и въ Муромѣ, сторожевому въ Юрьевѣ, правому на Костромѣ, лѣвому въ Ярославлѣ. 24 ноября самъ государь выѣхалъ изъ Москвы въ Владиміръ, гдѣ митрополитъ, благословивъ его, убѣждалъ воеводъ служить великодушно отечеству и царю въ духѣ любви и братства, забыть гордость и мѣстничество, терпимое въ мирные дни, а на войнѣ преступное. Начальникомъ въ Москвѣ остался князь Владиміръ Андреевичъ. Іоаннъ взялъ съ собою меньшого брата князя Юрія, царя Шигъ-Алея и всѣхъ знатныхъ казанскихъ бѣглецовъ. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пути отъ несноснаго холода. Государь все терпѣлъ и всѣхъ ободрялъ, забывъ нѣгу, роскошь Двора и ласки прелестной супруги. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ соединились полки и 14 февраля стали подъ Казанью, Іоаннъ съ дворянами на берегу озера Кабана, Шигъ-Алей и князь Димитрій Бѣльскій съ главною силою на Арскомъ полѣ, другая часть войска за рѣкою Казанкою, снарядъ огнестрѣльный на устьѣ Булака и Поганомъ озерѣ. Изготовили туры и приступили къ городу. Дотолѣ государи наши не бывали подъ стѣнами сей мятежной столицы, посылая единственно воеводъ для наказанія вѣроломныхъ ея жителей: тутъ юный, бодрый, любимый монархъ самъ обнажилъ мечъ; все видѣлъ, распоряжалъ, своимъ голосомъ и мужествомъ призывалъ воиновъ ко славѣ и побѣдѣ легкой. Царь Казани былъ въ пеленахъ, ея знатнѣйшіе вельможи погибли въ крамолахъ или передались къ намъ, окружали Іоанна и чрезъ своихъ

тайныхъ друзей склоняли единоземцевъ покориться его великодушію. 60,000 россіянъ стремилось къ крѣпости деревянной, сокрушаемой ужаснымъ громомъ стѣнобитныхъ орудій. Но послѣдній часъ для Казани еще не насталъ; сражались цѣлый день. Россіяне убили множество людей въ городѣ, князя крымскаго Челбака и сына одной изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, но не могли овладѣть крѣпостію. Въ слѣдующіе дни сдѣлалась оттепель; шли сильные дожди, пушки не стрѣляли, ледъ на рѣкахъ взломало, дороги испортились и войско, не имѣя подвозовъ, боялось голода. Надлежало уступить необходимости и съ величайшимъ трудомъ идти назадъ. Отправивъ впередъ большой полкъ и тяжелый снарядъ, государь самъ шелъ за ними съ легкою конницею, чтобы спасти пушки и напоръ непріятеля, изъявлялъ твердость, не унывалъ и, занимаясь только одною мыслію — низложеніемъ сего зловреднаго, ненавистнаго для Россіи царства, внимательно наблюдалъ мѣста; остановился при устьѣ Свіаги, увидѣлъ высокую гору, называемою Круглою; и, взявъ съ собою царя Шигъ-Алея, князей казанскихъ, бояръ, взъѣхалъ на ея вершину... Открылся видъ неизмѣримый во всѣ стороны: къ Казани, къ Вяткѣ, къ Нижнему и къ пустынѣ нынѣшней Симбирской губерніи. Удивленный красотою мѣста Іоаннъ сказалъ: „Здѣсь будетъ городъ христіанскій; стѣснимъ Казань: Богъ вдастъ ее намъ въ руки". Всѣ похвалили его счастливую мысль, а Шигъ-Алей, вельможи татарскіе описали ему богатство, плодородіе окрестныхъ земель—и государь, въ надеждѣ на будущіе успѣхи, возвратился въ Москву съ лицомъ веселымъ.

Но всякая неудача кажется народу виною: извиняя юность царя, упрекали главнаго воеводу князя Димитрія Бѣльскаго, говорили, что имя Бѣльскихъ несчастливо въ Казанскихъ походахъ: разсказывали, что будто бы казанцы въ своихъ набѣгахъ явно щадили помѣстья сего боярина изъ благодарности за его малодушіе или самую измѣну. Онъ въ тотъ же годъ умеръ, не бывъ, конечно, ни предателемъ, ни искуснымъ полководцемъ, ни властолюбивымъ вельможею: иначе Шуйскіе не дали бы ему спокойно засѣдать въ думѣ на первомъ мѣстѣ, свергнувъ и погубивъ его брата, незабвеннаго князя Ивана.

Ни государь, ни войско не успѣли еще отдохнуть, когда пришла въ Москву вѣсть о замыслѣ хана Саипъ-Гирея идти на Россію: немедленно полки двинулись къ границамъ и самъ Іоаннъ осмотрѣлъ ихъ въ Коломнѣ, въ Рязани; но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Москву, ибо осень наступала, а непріятеля не было. Зимою вмѣсто хана явились другіе разбойники, ногайскіе, мурзы, въ Мещерѣ и близъ Старой Рязани. Воеводы Іоанновы били ихъ вездѣ, гдѣ находили; гнали до воротъ Шацкихъ; взяли много

плѣнниковъ и съ ними мурзу Теляка; холодъ истребилъ остальныхъ и едва 50 человѣкъ спаслося. Зато государь милостиво угостилъ воеводъ въ Кремлевской набережной палатѣ и жаловалъ всѣхъ дѣтей боярскихъ великимъ жалованьемъ.

Еще казанцы надѣялись обмануть Іоанна и писали къ нему о мирѣ. Ходатаемъ за нихъ былъ князь ногайскій Юсуфъ, тесть Сафа-Гирея, властитель знаменитый умомъ и силою, такъ что султанъ турецкій писалъ къ нему ласковыя грамоты, называя его княземъ князей. Юсуфъ хотѣлъ выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шигъ-Алея, чтобы согласить волю Іоаннову съ желаніемъ народа казанскаго; представлялъ суету міра и земного величія, ссылался на Алкоранъ и Евангеліе, убѣждая государя не проливать крови и быть ему истиннымъ другомъ; винилъ умершаго зятя въ невѣрности, кровопійствѣ; винилъ и казанскихъ чиновниковъ въ духѣ мятежномъ, но стоялъ за дочь и за внука. Іоаннъ сказалъ, что объявитъ уловія мира, если казанцы пришлютъ въ Москку пять или шесть знатнѣйшихъ вельможъ—и, не теряя времени, въ самомъ началѣ весны—послѣ многихъ совѣщаній съ думными боярами и съ казанскими изгнанниками, послѣ торжественнаго молебствія въ церквахъ, принявъ благословеніе отъ митрополита—отпустилъ Шигъ-Алея съ пятью стами казанцевъ и съ сильнымъ войскомъ къ устью Сввіяги, гдѣ надлежало имъ во имя Іоанново поставить городъ, для коего стѣны и церкви, срубленныя въ лѣсахъ Углицкихъ, были посланы на судахъ Волгою. Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ и Симеонъ Ивановичъ Микулинскій, дворецкій Данило Романовичъ Юрьевъ (братъ царицы), конюшій Иванъ Петровичъ Өедоровъ, бояре Морозовъ и Хабаровъ, князья Полецкій и Нагаевъ предводительствовали московскою ратіею. Изъ Мещеры вышелъ князь Хилковъ, изъ Нижняго Новагорода князь Петръ Серебряный-Оболенскій, изъ Вятки Бахтеяръ Зюзинъ съ стрѣльцами и казаками. Отняли у непріятеля всѣ перевозы на Волгѣ и Камѣ, всѣ сообщенія. Князь Серебряный первый распустилъ знамя на Круглой горѣ, 16 мая, при закатѣ солнца; отпѣлъ тамъ вечернюю молитву и рано, 18 мая, нечаянно ударилъ на посадъ казанскій: истребивъ около тысячи сонныхъ людей, болѣе ста князей, мурзъ, знатныхъ гражданъ, освободилъ много плѣнниковъ россійскихъ, возвратился къ устью Свіяги и ждалъ главнаго войска. Оно прибыло на судахъ 24 мая и, радостными кликами привѣтствуя землю, которой надлежало быть новою Россіею, съ торжествомъ вышло на берегъ, гдѣ полки князя Серебрянаго-Оболенскаго стояли въ рядахъ и показывали братьямъ свои трофеи. Густой лѣсъ осѣнялъ гору: оставивъ мечи, воины взяли сѣкиры и въ нѣсколько часовъ ея вершина обнажилась. Назначили, размѣрили мѣсто, обошли во-

кругъ онаго со крестами, святили воду, основали стѣны, церковь во имя Рождества Богоматери и св. Сергія и въ четыре недѣли совершили городъ Свіяжскъ, къ изумленію окрестныхъ жителей, которые, видя сію грозную твердыню надъ главою ветхаго казанскаго царства, смиренно просили Шигъ-Алея взять ихъ подъ державу Іоаннову. Вся горная сторона, чуваши, мордва, черемисы, идолопоклонники финскаго племени, нѣкогда завоеванные татарами и не привязанные къ нимъ ни единствомъ вѣры, ни единствомъ языка—послали своихъ знатныхъ людей въ Москву, дали клятву въ вѣрности къ Россіи, получили отъ царя жалованную грамоту съ золотою печатію, были приписаны къ новому городу Свіяжскому и на три года освобождены отъ ясаковъ или даеи. Чтобы удостовѣриться въ ихъ искренности, Іоаннъ велѣлъ имъ воевать Казань; они не смѣли ослушаться, собралися и, перевезенные въ россійскихъ судахъ на луговую сторону, въ присутствіи нашихъ чиновниковъ имѣли битву съ казанцами среди поля Арскаго: хотя разсѣянные пушечными выстрѣлами, бѣжали въ безпорядкѣ, однакожъ, не доказавъ храбрости, доказали по крайней мѣрѣ свою вѣрность. Ихъ князья, мурзы и сотники въ теченіе сего лѣта непрестанно ѣздили въ Москву; обѣдали во дворцѣ и, награждаемые шубами, тканями, доспѣхами, конями, деньгами, славили милость царя и хвалились новымъ отечествомъ. Государь сыпалъ тогда серебро и золото, не жалѣя казны для исполненія великихъ намѣреній. Довольный успѣхомъ воеводъ, онъ прислалъ къ Шигъ-Алею, множество золотыхъ медалей, чтобы раздать оныя войску.

Между тѣмъ ужасъ и смятеніе господствовали въ Казани, гдѣ не было ни двадцати тысячъ воиновъ. Подданные измѣняли ей, князья и мурзы тайно уходили къ Шигъ-Алею, а россіяне опустошали ея ближайшія села и никого не пускали въ городъ: отъ устья Суры до Камы и Вятки стояли наши отряды. На престолѣ казанскомъ игралъ невинный, безсловесный младенецъ; вдовствующая царица Сююнбека то плакала надъ нимъ, то веселилась съ своимъ любовникомъ крымскимъ уланомъ Кощакомъ, ненавистнымъ народу; граждане укоряли вельможъ, вельможи другъ друга. Казанскіе чиновники желали покориться Іоанну: крымскіе гнушались симъ малодушіемъ; ждали войска изъ Тавриды, изъ Астрахани, изъ ногайскихъ улусовъ—и надменный Кощакъ, гремя саблею, обѣщалъ побѣду царицѣ: пишутъ, что онъ думалъ жениться на ней, умертвить ея сына и быть царемъ. Но сдѣлался бунтъ; крымцы, видя, что народъ готовъ выдать ихъ московскимъ воеводамъ, бѣжали, числомъ болѣе трехсотъ князей и сановниковъ. Они не могли спастись, вездѣ находили россіянъ и положили свои головы на берегу Вятки; а гордый Кощакъ и сорокъ-пять знатнѣй-

шихъ его единоземцевъ были взяты въ плѣнъ и казнены въ Москвѣ.

Тогда казанцы, немедленно заключивъ перемиріе съ нашими воеводами, отправили пословъ къ Іоанну: молили, чтобы онъ снова далъ имъ Шигъ-Алея въ цари; обязывались прислать къ нему младенца Утемишъ-Гирея, царицу Сююнбеку, женъ и дѣтей, оставленныхъ у нихъ крымцами; хотѣли также освободить всѣхъ россійскихъ плѣнниковъ. Іоаннъ согласился, вспомнивъ осторожную политику своего дѣда, которая состояла въ томъ, чтобы не доводить врага до крайности, изнурять въ немъ силы, губить его безъ спѣха, но вѣрно, зависѣть отъ случая какъ можно менѣе, беречь людей какъ можно болѣе и въ неудачахъ войны оправдываться ея необходимостію. Но дѣдъ Іоанновъ, наблюдая умѣренность, наблюдалъ и другое правило: удерживать взятое. Пославъ Адашева къ воеводамъ, чтобы исполнить условія мира и объявить Шигъ-Алея паремъ казанскимъ, онъ велѣлъ отдать ему единственно Луговую сторону, а Горную, завоеванную мечомъ Россіи, приписать къ Свіяжску. Сія мысль раздѣлить владѣнія Казани огорчила и народъ ея, и самого Шигъ-Алея. „Что жъ будетъ мое царство? — говорилъ онъ: — могу ли требовать любви отъ подданныхъ, уступивъ Россіи знатную часть земли ихъ?“ — Воеводы отвѣтствовали, что такъ угодно Іоанну. Тщетно казанцы думали лукавствовать, отрицались отъ условій, не хотѣли выдать ни царицы, ни плѣнниковъ. Воеводы сказали имъ рѣшительно: „или они будутъ въ рукахъ нашихъ, или государь въ началѣ осени будетъ здѣсь съ огнемъ и мечомъ для истребленія вѣроломныхъ“. Надлежало повиноваться, и казанцы извѣстили Шигъ-Алея, что царица съ сыномъ уже ѣдетъ въ Свіяжскъ.

Не только Сююнбека, но и вся Казань проливала слезы, узнавъ, что сію несчастную какъ плѣнницу выдаютъ государю московскому. Не укоряя ни вельможъ, ни гражданъ, Сююнбека жаловалась только на судьбу: въ отчаяніи лобызала гробъ Сафа-Гиреевъ и завидовала его спокойствію. Народъ печально безмолвствовалъ: вельможи утѣшали ее и говорили, что Іоаннъ милостивъ; что многіе цари мусульманскіе служатъ ему; что онъ изберетъ ей достойнаго между ими супруга и дастъ владѣніе. Весь городъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато украшенная ладія. Сююнбека тихо ѣхала въ колесницѣ; пѣстуны несли ея сына. Блѣдная, слабая, она едва могла сойти на пристань и, входя въ ладію, съ умиленіемъ поклонилася народу, который палъ ницъ, горько плакалъ, желалъ счастія бывшей своей царицѣ. Князь Оболенскій встрѣтилъ ее на берегу Волги, привѣтствовалъ именемъ государя и повезъ на судахъ въ Москву съ Утемишъ-Гиреемъ и съ семействами знатныхъ крымцевъ.

Такъ исполнилось первое условіе мира: воеводы требовали еще свободы нашихъ плѣнниковъ и присяги всѣхъ казанцевъ въ вѣрности къ Россіи; назначили день и стали у Казани отъ Волги до Царева луга. Алей послалъ своихъ вельможъ въ городъ, чтобы очистить дворецъ, и ночевать въ шатрѣ. Въ слѣдующее утро всѣ сановники и граждане собралися на лугу: выслушали написанную для нихъ клятвенную грамоту; благодарили Іоанна за даннаго имъ царя, но долго не хотѣли уступить Горной стороны. „И вы думаете, — сказали бояре, — что Іоаннъ, подобно вамъ, легкомысленъ? Взгляните на устье Свіяги; тамъ городъ христіанскій! Жители окрестныхъ земель торжественно поддалися намъ и воевали Казань: могутъ ли снова принадлежать ей? Забудьте старое: оно не возвратится". Наконецъ шертныя грамоты были утверждены печатію царскою и подписью всѣхъ знатныхъ людей. Народъ присягалъ три дни, толпа за толпою. Шигъ-Алей въѣхалъ въ столицу. Бояре князь Юрій Булгаковъ и Хабаровъ посадили его на тронъ—и дворъ царскій наполнился россійскими плѣнниками, изъ коихъ многіе лѣтъ двадцать страдали въ неволѣ. Алей объявилъ имъ свободу: они едва вѣрили своему счастію; обливались слезами, воздѣвали руки къ небу, славили Бога. „Іоаннъ царствуетъ въ Россіи!—говорили имъ бояре:—идите въ отечество и впредь уже не бойтеся плѣна!" Въ Свіяжскѣ надѣлили ихъ всѣмъ нужнымъ, одеждою, съѣстными припасами и послали Волгою вверхъ, числомъ 60.000, кромѣ жителей вятскихъ и пермскихъ, отправленныхъ инымъ путемъ. „Нѣкогда,—пишутъ современники,—Россія не видала пріятнѣйшаго зрѣлища: то былъ новый исходъ Израиля!" Освобожденіе столь многихъ людей, основаніе Свіяжска, взятіе знатной части казанскихъ владѣній и воцареніе Алея не стоили Іоанну ни одного человѣка: россіяне вездѣ гнали, били непріятелей въ маловажныхъ встрѣчахъ, на берегахъ Камы, Волги и только ихъ кровію обагрялись.—Князь Булгаковъ поѣхалъ къ государю съ счастливою вѣстію. Бояринъ Данило Романовичъ и князь Хилковъ также возвратились. Хабаровъ съ пятьюстами московскихъ стрѣльцовъ остался у Шигъ-Алея, а князь Симеонъ Микулинскій, мужъ, извѣстный умомъ и храбростію, въ Свіяжскѣ.

Еще Казань тишиною и вѣрностію къ Россіи могла бы продлить бытіе свое въ видѣ особеннаго мусульманскаго царства: но рокъ стремилъ ее къ паденію. Напрасно Іоаннъ изъявлялъ милость и ласку къ ея царю и вельможамъ: дарилъ перваго богатыми одеждами, сосудами, деньгами—также и царицу его, одну изъ бывшихъ женъ Сафа-Гиреевыхъ; дарилъ и всѣхъ знатныхъ казанцевъ, предостерегалъ ихъ отъ гибельныхъ слѣдствій новой измѣны. Шигъ-Алей непрестанно докучалъ ему о Горной сторонѣ,

желая, чтобы онъ возвратилъ хотя половину или часть ея, и, недовольный рѣшительными отказами, равнодушно видѣлъ, что казанцы укрываютъ еще многихъ плѣнниковъ россійскихъ, сажаютъ въ ямы, заключаютъ въ цѣпи; не хотѣлъ никого наказывать за то и говорилъ нашимъ сановникамъ: „боюсь мятежа!“ Но свѣдавъ, что нѣкоторые вельможи, по старому обычаю, втайнѣ кромольствуютъ, пересылаются съ ногаями, замышляютъ убить его и всѣхъ россіянъ, Алей не усомнился прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ: далъ пиръ во дворцѣ и велѣлъ рѣзать гостей, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ: однихъ умертвили въ его столовой комнатѣ, другихъ на дворѣ царскомъ, всего семьдесятъ человѣкъ, самыхъ знатнѣйшихъ; палачами служили собственные Алеевы князья и стрѣльцы московскіе. Два дня лилася кровь: народъ оцѣпенѣлъ; виновные и невиновные разбѣжались отъ страха.

Сіе ужасное происшествіе открыло Іоанну необходимость искать иныхъ способовъ для усмиренія Казани. Онъ послалъ туда Адашева, который объявилъ Алею, что государь не можетъ далѣе терпѣть злодѣйствъ казанскихъ; что время успокоить сіе несчастное царство и Россію; что московскіе полки вступятъ въ его столицу, защитятъ царя и народъ, утвердятъ ихъ и нашу безопасность. „Вижу самъ,—отвѣтствовалъ Алей съ горестью,—что мнѣ нельзя здѣсь царствовать: князья и народъ ненавидятъ меня; но кто виною? Пусть Іоаннъ отдастъ намъ Горную сторону: тогда поручусь за вѣрность Казани; иначе добровольно схожу съ трона и ѣду къ государю, не имѣя другого убѣжища въ свѣтѣ. Но я мусульманинъ и не введу сюда христіанъ, впрочемъ, могу оказать вамъ услугу, если государь удостовѣритъ меня въ своей милости: до отъѣзда моего изъ Казани погублю остальныхъ злыхъ вельможъ, испорчу весь снарядъ огнестрѣльный и приготовлю легкую для васъ побѣду“. Съ симъ отвѣтомъ Адашевъ возвратился въ Москву, гдѣ находились послы казанскіе; Муралей князь, Костровъ, Алимердинъ, личные пріятели Шигъ-Алея. Угадывая мысль государеву, они—или съ общаго согласія единоземцевъ своихъ, или сами собою—донесли Іоанну, что ихъ царь есть кровожадный убійца и наглый грабитель; что Казань желаетъ единственно избавиться отъ тирана и готова повиноваться намѣстнику московскому. „Если не исполнишь воли народа,—сказали послы,—то откроется бунтъ, неминуемо и скоро. Удали бѣдствіе; удали ненавистнаго злодѣя. Пусть россіяне займутъ нашу столицу: мы выѣдемъ въ предмѣстія или въ села; хотимъ во всемъ зависѣть отъ воли твоей, будемъ тебѣ усердными слугами; а если обманемъ, то наши головы да падутъ въ Москвѣ!“ Не теряя времени Іоаннъ снова послалъ Адашева въ Казань, чтобы свести царя съ пре-

стола въ угодность народу; обѣщалъ Алею милость и жалованье, требуя, чтобы онъ безъ сопротивленія впустилъ наше войско въ городъ. Тутъ Алей вторично изъявилъ благородную твердость. „Не жалѣю о престолѣ,—говорилъ онъ Адашеву:—я не могъ или не умѣлъ быть на немъ счастливъ. Самая жизнь моя здѣсь въ опасности. Повинуюсь государю: да не требуетъ только, чтобы я измѣнилъ правовѣрію. Возьмите Казань, но безъ меня: возьмите силою или договоромъ, но не изъ рукъ моихъ". Ни ласкою, ни угрозами Адашевъ не могъ склонить его къ тому, чтобы онъ сдалъ царство намѣстнику государеву. Тайно заколотивъ нѣсколько пушекъ и пищали съ порохомъ отправивъ въ Свіяжскъ, Алей выѣхалъ ловить рыбу на озеро со многими уланами и князьями; велѣлъ московскимъ стрѣльцамъ окружить ихъ и сказалъ симъ изумленнымъ чиновникамъ: „Вы думали убить меня, обносили въ Москвѣ, не хотѣли имѣть царемъ, и требовали намѣстниковъ отъ Іоанна: станемъ же вмѣстѣ предъ его судилищемъ!" Алей пріѣхалъ съ ними въ Свіяжскъ.

Тогда князь Симеонъ Микулинскій, назначенный управлять Казанью, далъ знать ея жителямъ, что воля ихъ исполнилась; что Алей сведенъ съ царства, и что они должны присягнуть государю московскому. Казанцы соглашались: желали только, чтобы Микулинскій отпустилъ къ нимъ двухъ свіяжскихъ князей, Чапкуна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными Россіи, могли бы успокоить народъ своимъ ручательствомъ въ Іоанновой милости. Сіи князья поѣхали туда съ нашими чиновниками. Тишина царствовала въ Казани. Вельможи, граждане и самые сельскіе жители дали клятву въ вѣрности; очистили дворы для намѣстника и войска; прислали въ Свіяжскъ жену Шигъ-Алееву; звали князя Микулинскаго: встрѣтили его на берегу Волги и били ему челомъ какъ усердные холопи государевы. Онъ шелъ съ полками. Воеводы уже отправили легкій обозъ въ Казань и готовились съ торжествомъ вступить въ ея стѣны. Безъ важныхъ усилій, безъ кровопролитія Іоаннъ пріобрѣталъ знаменитое царство: брался, такъ сказать, рукою за вѣнецъ онаго... Вдругъ все перемѣнилось.

Трое изъ вельможъ казанскихъ, отпущенные княземъ Микулинскимъ въ городъ къ ихъ семействамъ, возмутили народъ ложною вѣстію, что россіяне идутъ къ нимъ съ намѣреніемъ истребить всѣхъ жителей. Распространился ужасъ, сдѣлалось общее смятеніе; затворили крѣпость; начали вооружаться. Многіе князья старались разувѣрить народъ, представляя, что бояре Іоанновы торжественно клялися не трогать ни одного человѣка, ни въ городѣ, ни въ селахъ: обѣщались властвовать по законамъ, безъ насилія; оставить все, какъ было. Ихъ не слушали и кричали, что клятва бояръ есть обманъ; что самъ Алей за тайну сказы-

валъ то своимъ ближнимъ людямъ. Узнавъ о семъ волненіи, князь Микулинскій, Оболенскій, Адашевъ оставили войско на Булакѣ и съ малочисленною дружиною подъѣхали къ городу: ворота Царскія были заперты, а стѣны покрыты людьми вооруженными. Вышли нѣкоторые чиновники, извиняя народъ, обѣщались усмирить его, но не сдержали слова: граждане никакъ не хотѣли впустить россіянъ, захватили нашъ обозъ, многихъ дѣтей боярскихъ, и приказывали грубыя рѣчи къ московскимъ воеводамъ, которые узнали, что князь Чапкунъ, посланный ими въ лицѣ усерднаго слуги государева изъ Свіяжска въ Казань для успокоенія жителей, обманулъ насъ и сдѣлался тамъ главою мятежниковъ. Воеводы ночевали въ предмѣстьи: видя, что всѣ убѣжденія безплодны, они могли бы обратить его въ пепелъ и осадить городъ, но ждали государева указа; мирно отступили въ Свіяжску, заключили всѣхъ бывшихъ съ ними казанскихъ чиновниковъ въ темницу и немедленно отправили въ Москву боярина Шереметева съ донесеніемъ о новой измѣнѣ. Она была послѣднею.

ГЛАВА IV.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Приготовленіе къ походу казанскому.—Отношенія Россіи къ западнымъ державамъ.—Освобожденіе старца князя Булгакова.—Строеніе новыхъ крѣпостей.—Начало донскихъ казаковъ.—Новый ханъ въ Тавридѣ.—Дѣла астраханскія.—Болѣзнь въ Свіяжскѣ.—Едигеръ царь въ Казани.—Посланіе митрополита къ свіяжскому войску.—Совѣтъ о Казани.—Выѣздъ государевъ.—Нашествіе хана крымскаго.—Приступъ къ Тулѣ.—Бѣгство хана.—Наши трофеи.—Ропотъ въ войскѣ.—Походъ.—Осада.—Первая битва.—Буря.—Ставятъ туры.—Сильная вылазка.—Дѣйствіе бойницъ.—Наѣздникъ князь Япанча.—Утомленіе воиновъ.—Раздѣленіе полковъ.—Истребленіе Япончина войска.—Ожесточеніе казанцевъ.—Взорваніе тайника.—Унывіе казанцевъ.—Дѣятельность Іоаннова.—Взятіе острога и города Арскаго.—Нападенія Луговой черемисы.—Мнимыя чародѣйства.—Построеніе высокой башни.—Предложенія казанцевъ.—Кровопролитное дѣло.—Взорваніе тарасъ.—Занятіе Арской башни.—Послѣднее предложеніе казанцамъ.—Устроеніе войска для приступа.—Взорваніе подкоповъ и приступъ.—Геройство съ обѣихъ сторонъ.—Корыстолюбіе многихъ воиновъ.—Великодушіе Іоанна и бояръ.—Доблесть князя Курбскаго.—Взятіе Казани.—Водруженіе креста у воротъ Царскихъ.—Въѣздъ государевъ въ Казань.—Освобожденіе россійскихъ плѣнниковъ.—Рѣчь Іоанна къ войску.—Пиръ въ станѣ.—Подданство Арской области и Луговой черемисы.—Торжественное вступленіе въ Казань.—Зрѣлище Казани.—Учрежденіе правительства.—Совѣтъ вельможъ.—Возвратный путь государя въ Москву.—Рожденіе царевича.—Встрѣча Іоанну.—Рѣчь государева къ духовенству.—Отвѣтъ митрополитовъ.—Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы.

Г. 1552.

24-го марта узналъ государь о происшествіяхъ казанскихъ: велѣлъ Шигъ-Алею ѣхать въ Касимовъ, а шурину своему Дани-

лу Романовичу идти съ пѣхотною дружиною въ Свіяжскъ, объявивъ въ торжественномъ засѣданіи думы, что настало время сразить главу Казани. „Богъ видитъ мое сердце“, — говорилъ онъ: — хочу не земной славы, а покоя христіанъ. Могу ли нѣкогда безъ робости сказать Всевышнему: се я и люди, Тобою мнѣ данные, если не спасу ихъ отъ свирѣпости вѣчныхъ враговъ Россіи, съ коими не можетъ быть ни мира, ни отдохновенія?“ Бояре хвалили рѣшительность Іоаннову, но совѣтовали ему остаться въ Москвѣ и послать воеводъ на Казань: „ибо Россія имѣетъ не одного врага: если крымцы, ногаи въ отсутствіе государя нападутъ на ея предѣлы, кто защититъ оные?“ Іоаннъ отвѣтствовалъ, что возьметъ мѣры для безопасности государства и пойдетъ на свое дѣло. Велѣли собираться войску изъ дальнихъ мѣстъ въ Коломнѣ и Каширѣ, изъ ближайшихъ въ Муромѣ. Князья Александръ Борисовичъ Горбатый и Петръ Ивановичъ Шуйскій должны были вести московскіе полки въ Нижній-Новгородъ, Михайло Глинскій расположился станомъ на берегахъ Камы съ дѣтьми боярскими, стрѣльцами, казаками, устюжанами и вятчанами, а свіяжскіе воеводы занять легкими отрядами перевозы на Волгѣ и ждать Іоанна.

Готовясь къ знаменитому подвигу, юный царь могъ быть увѣренъ въ миролюбіи западныхъ державъ сосѣдственныхъ. Швеція и Ливонія не требовали ничего, кромѣ свободной у насъ торговли. Съ королемъ польскимъ мы спорили о титулѣ и земляхъ Себежскихъ; грубили словами другъ другу, но съ обѣихъ сторонъ удалялись отъ войны. Августъ оказалъ даже ласку Іоанну и, не хотѣвъ прежде за деньги освободить князя Михайлу Булгакова-Голицу, освободилъ его даромъ; прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ другимъ сановникомъ, княземъ Селеховскимъ и писалъ къ царю: „Думая, что мы обязаны уважать вѣрность не только въ своихъ, но и въ чужихъ слугахъ, умирающихъ за государя, даю свободу великому воеводѣ отца твоего. Всѣ иные знатные плѣнники московскіе, взятые нами въ славной Оршинской битвѣ, уже во гробѣ“. Царь изъявилъ Августу искреннюю благодарность, и съ живѣйшею любовію принялъ старца Булгакова, 38 лѣтъ страдавшаго въ неволѣ; выслалъ ему богатую шубу, украсилъ его грудь золотою медалью, обнялся съ нимъ какъ съ другомъ. Изнуренный долговременнымъ несчастіемъ, утомленный дальнимъ путемъ, старецъ не могъ обѣдать съ государемъ: плакалъ и благословлялъ милостиваго державнаго сына Василія.

Не опасаясь ничего со стороны образованныхъ державъ европейскихъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе занимался безопасностію нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ. Двѣ вновь построенныя крѣпости — Михайловъ на Пронѣ, Шатскъ на Цнѣ — служили оградою для

Рязани и Мещеры. Но важнѣйшимъ страшилищемъ для варваровъ и защитою для Россіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, сдѣлалась новая воинственная республика, составленная изъ людей, говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу вѣру, а въ лицѣ своемъ представляющихъ смѣсь европейскихъ съ азіатскими чертами, людей неутомимыхъ въ ратномъ дѣлѣ, природныхъ конниковъ и наѣздниковъ, иногда упрямыхъ, своевольныхъ, хищныхъ, но подвигами усердія и доблести изгладившихъ вины свои—говоримъ о славныхъ донскихъ казакахъ, выступившихъ тогда на театръ исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что они же назывались прежде азовскими, которые въ теченіе XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ харьковскихъ, воронежскихъ, въ окрестностяхъ Дона; грабили московскихъ купцовъ на дорогѣ въ Азовъ, въ Кафу; хватали людей, посылаемыхъ нашими воеводами въ степи для развѣдыванія о ногаяхъ или крымцахъ, и безпокоили набѣгами Украйну. Происхожденіе ихъ не весьма благородно: они считались россійскими бѣглецами; искали дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодородныхъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ Сѣверную Европу; утвердились въ нынѣшней своей области; взяли городъ Ахасъ, назвали его, думаю, Черкасскимъ, или казачьимъ (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себѣ женъ, какъ вѣроятно, изъ земли Черкесской и могли сими браками сообщить дѣтямъ нѣчто азіатское въ наружности. Отецъ Іоанновъ жаловался на нихъ султану, какъ государю Азовской земли; но казаки гнушались зависимостію отъ магометанскаго царства, признали надъ собою верховную власть Россіи—и въ 1549 году вождъ ихъ Сарыазманъ, именуясь подданнымъ Іоанна, строилъ крѣпости на Дону: они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали ногаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили турковъ; обязывались служить вдали бдительною стражею для Россіи, своего древняго отечества, и, водрузивъ знаменіе креста на предѣлахъ Отоманской имперіи, поставили грань Іоанновой державѣ въ виду у султана, который доселѣ мало занимался нами, но тутъ открылъ глаза, увидѣлъ опастность и хотѣлъ быть дѣятельнымъ покровителемъ сѣверныхъ владѣній магометанскихъ. Въ Тавридѣ господствовалъ новый ханъ Девлетъ-Гирей, племянникъ умершаго или сверженнаго Саипа: онъ взялся спасти Казань. Послы Солимановы убѣждали князей ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соединиться подъ хоругвію Магомета, чтобы обуздать наше властолюбіе. „Отдаленіе, — писалъ къ нимъ султанъ,— мѣшаетъ мнѣ помогать Азову и Казани. Заключите тѣсный союзъ съ ханомъ крымскимъ. Я велѣлъ ему отпустить всѣхъ астра-

ханскихъ жителей въ ихъ отечество, мною возстановляемое. Немедленно пришлю туда и царя; дамъ главу и Казани изъ рода Гиреевъ; а до того времени будьте ея защитниками“. Но сіи князья, находя выгоды въ торговлѣ съ Россіею, не хотѣли войны. Астрахань, важная, необходимая для купечества Западной Азіи, возникла на развалинахъ: въ ней властвовалъ Ямгурчей: онъ вызвался быть усерднымъ слугою Іоанновымъ, и чиновникъ московскій поѣхалъ къ нему для договора. Царевичъ астраханскій Кайбула, сынъ Аккубековъ, женился въ Россіи на племянницѣ Шигъ-Алея, дочери Еналеевой, получивъ городъ Юрьевъ во владѣніе.— Опасаясь единственнаго хана крымскаго, Іоаннъ ждалъ вѣстей объ его движеніяхъ и, собирая войско, готовился имѣть дѣло съ двумя непріятелями: съ Казанью и Тавридою.

Между тѣмъ мятежники казанскіе, пославъ искать себѣ царя въ ногайскихъ улусахъ, взволновали Горную сторону; къ несчастію, открылась весною ужасная болѣзнь въ Свіяжскѣ, цынга, отъ коей множество людей умерло. Воеводы были въ уныніи и въ бездѣйствіи, а казанцы тѣмъ дѣятельнѣе: отчасти силою, отчасти убѣжденіями они заставили всѣхъ своихъ бывшихъ подданныхъ отложиться отъ Россіи. Государь велѣлъ князьямъ Горбатому и Шуйскому спѣшить туда съ полками изъ Нижняго-Новгорода; но печальныя вѣсти, одна за другою, приходили въ Москву: болѣзнь усиливалась въ Свіяжскѣ; горные жители, дѣйствуя какъ непріятели, отгоняли наши табуны; казанцы побѣждали россіянъ въ легкихъ сшибкахъ, умертвивъ всѣхъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ. Воеводы знали, что астраханскій царевичъ Едигеръ Магмедъ ѣдетъ изъ ногайскихъ улусовъ съ 500 воиновъ: стерегли и не умѣли схватить его на пути; онъ пріѣхалъ въ Казанъ и сѣлъ на ея престолѣ, давъ клятву быть неумолимымъ врагомъ Россіи.

Въ то же время Іоаннъ, къ прискорбію своему, узналъ, что не одна тѣлесная, но и душевная зараза господствуетъ въ Свіяжскѣ, наполненномъ людьми военными, которые думали, что они внѣ Россіи, слѣдовательно и внѣ закона, и среди ужасовъ смерти предавались необузданному, самому гнусному любострастію. Исполняя волю Іоаннову, митрополитъ послалъ туда умнаго архангельскаго протоіерея Тимофея съ святою водою, съ наставленіемъ словеснымъ и письменнымъ, къ начальникамъ и ко всѣмъ воинамъ. „Милостію Божіею, мудростію нашего царя и вашимъ мужествомъ, — писалъ онъ, — твердыня христіанская поставлена въ землѣ враждебной. Господь далъ намъ и Казань безъ кровопролитія. Литва, Германія ищутъ нашего дружества. Чѣмъ же можемъ изъявить признательность Всевышнему? исполненіемъ Его заповѣдей. А вы исполняете ли ихъ? Молва народная тревожитъ

сердце государя и мое. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ васъ, забывъ страхъ Божій, утопаютъ въ грѣхахъ Содома и Гомора; что многія благообразныя дѣвы и жены, освобожденныя плѣнницы казанскія, оскверняются развратомъ между вами, что вы, угождая имъ, кладете бритву на брады свои, и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужами. Вѣрю сему, ибо Господь казнитъ васъ не только болѣзнію, но и срамомъ. Гдѣ ваша слава? Бывъ ужасомъ враговъ, нынѣ служите для нихъ посмѣшищемъ. Оружіе тупо, когда нѣтъ добродѣтели въ сердцѣ; крѣпкіе слабѣютъ отъ пороковъ. Злодѣйство возстало; измѣна явилась и вы уклоняете щитъ предъ ними! Богъ, Іоаннъ и церковь призываютъ васъ къ раскаянію. Исправьтеся, или увидите гнѣвъ царя, услышите клятву церковную".

Государь то присутствовалъ въ думѣ, то смотрѣлъ полки и снарядъ огнестрѣльный, изъявляя нетерпѣніе выступить въ поле. Бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, названный тогда, въ знакъ особенной къ нему милости Іоанновой, слугою государевымъ, пошли съ главною ратію въ Коломну. Передовую дружину вели князья Иванъ Пронскій, Турунтай и Дмитрій Хилковъ, правую руку бояринъ князь Петръ Щенятевъ и князь Андрей Михайловичъ Курбскій, лѣвую князь Дмитрій Микулинскій и Плещеевъ, стражу князь Василій Оболенскій-Серебряный и Семенъ Шереметевъ, а собственную царскую дружину князь Владиміръ Воротынскій и бояринъ Иванъ Шереметевъ. Уже полки стояли отъ Коширы до Мурома; Окою, Волгою плыли суда съ запасами и пушками къ Нижнему-Новугороду: но въ царскомъ совѣтѣ было еще несогласіе: многіе думали, что лучше идти на Казань зимою, нежели лѣтомъ; такъ въ особенности мыслилъ Шигъ-Алей: Іоаннъ призвалъ его изъ Касимова въ Москву, осыпалъ милостями, далъ ему нѣсколько селъ въ Мещерѣ и дозволилъ жениться на вдовѣ Сафа-Гиреевой, царицѣ Сююнбекѣ. Будучи неспособенъ къ ратному дѣлу, ни духомъ слабымъ, ни тѣломъ чрезмѣрно тучнымъ, Алей славился умомъ основательнымъ. „Казань,— говорилъ онъ,— „заграждена лѣсами, озерами и болотами: зима будетъ вамъ мостомъ". Іоаннъ не хотѣлъ ждать, и сказавъ: „войско готово, запасы отправлены и съ Божіей помощію найдемъ путь къ доброй цѣли", рѣшился ѣхать немедленно въ станъ коломенскій.

16 іюня государь простился съ супругою. Она была беременна: плакала, упала къ нему въ объятія. Онъ казался твердымъ; утѣшалъ ее; говорилъ, что исполняетъ долгъ царя и не боится смерти за отечество; поручилъ Анастасію Богу, а ей всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ; сказалъ: „милуй и благотвори безъ меня; даю тебѣ волю царскую; отворяй темницы; снимай опалу съ са-

мыхъ виновныхъ по твоему усмотрѣнію, и Всевышній наградитъ меня за мужество, тебя за благость“. Анастасія стала на колѣна и вслухъ молилась о здравіи, о побѣдѣ, о славѣ супруга; укрѣпилась душою и въ послѣднемъ нѣжномъ цѣлованіи явила примѣръ необыкновеннаго въ юной женѣ великодушія. Государь пошелъ въ церковь Успенія: долго молился; просилъ митрополита и епископовъ быть ревностными ходатаями за Россію предъ Богомъ, утѣшителями Анастасіи и совѣтниками брата его Юрія, который оставался главою Москвы. Святители, бояре, народъ, проливая слезы, обнимали государя. Вышедши изъ церкви, онъ сѣлъ на коня и съ дружиною царскою поѣхалъ въ Коломенское, гдѣ обѣдалъ съ боярами и воеводами; былъ веселъ, ласковъ; хотѣлъ ночевать въ любимомъ селѣ своемъ Островѣ и на семъ пути встрѣтилъ гонца съ вѣстію изъ Путивля, что крымцы густыми толпами идутъ отъ Малаго Дона Сѣверскаго къ нашей Украинѣ. Не знали, кто предводительствуетъ ими, ханъ или сынъ его. Государь не оказалъ ни малѣйшаго безпокойства; ободрялъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ чиновниковъ и говорилъ имъ: „Мы не трогали хана; но если онъ вздумалъ поглотить христіанство, то станемъ за отечество: у насъ есть Богъ!“ Іоаннъ спѣшилъ въ Коломну, взявъ съ собою князя Владиміра Андреевича, коего онъ хотѣлъ было отпустить назадъ въ Москву изъ Острова.

Въ Коломнѣ ожидали государя новыя вѣсти: крымцы шли къ Рязани. Іоаннъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе: велѣлъ стать большому полку у Колычева, передовому у Мстиславля, а лѣвой рукѣ близъ Голутвина; совѣтовался съ Шигъ-Алеемъ: отправилъ его въ Касимовъ; вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ осмотрѣлъ войско на берегахъ Оки; говорилъ рѣчи сановникамъ и рядовымъ; восхищалъ ихъ своею милостію, одушевлялъ бодростію и вездѣ слышалъ восклицанія: „мы готовы умереть за вѣру и за тебя, царя добродѣтельнаго!“ Избравъ мѣсто для битвы, онъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву, къ царицѣ и къ митрополиту, что ждетъ хана безъ ужаса, надѣясь на благость Всевышняго, на ихъ молитву и на мужество войска; что храмы въ Москвѣ должны быть отверсты, а сердца спокойны.

21 іюня получили въ Коломнѣ извѣстіе, что крымцы явились близъ Тулы. Воеводы князья Щенятевъ, Курбскій, Турунтай, Хилковъ, Воротынскій спѣшили къ сему городу; но узнали, что непріятель былъ тамъ въ малыхъ силахъ, ограбилъ нѣсколько деревень и скрылся. 23 іюня, когда Іоаннъ сидѣлъ за обѣдомъ, прискакалъ гонецъ отъ князя Григорія Темкина, намѣстника тульскаго, писавшаго къ царю: „Ханъ здѣсь — осаждаетъ городъ — имѣетъ много пушекъ и янычаръ султанскихъ“. Іоаннъ въ ту же минуту велѣлъ царской дружинѣ выступить изъ Коломны, а глав-

ной рати переправляться за Оку; отслушалъ молебенъ въ церкви Успенія, принялъ благословеніе отъ епископа Θеодосія и выѣхалъ на конѣ въ поле, гдѣ войско въ необозримыхъ рядахъ блистало, гремѣло оружіемъ—двинулось впередъ съ радостнымъ кликомъ и шло на битву какъ на потѣту. Лѣтописцы не сказываютъ числа, говоря только, что вся Россія казалась тамъ ополченною, хотя въ Свіяжскѣ, въ Муромѣ находилось еще другое сильное войско, а коломенское состояло единственно изъ дворянъ, жильцовъ или отборныхъ дѣтей боярскихъ, изъ новогородцевъ и прочихъ сѣверныхъ жителей. Ввечеру уже многіе полки были за Окою и самъ Іоаннъ приближался къ Коширѣ. Тутъ новый гонецъ отъ князя Темкина донесъ ему, что Тула спасена. 22 іюня, въ первомъ часу дня, ханъ приступилъ къ городу, стрѣляя изъ пушекъ огненными ядрами: домы загорѣлись и янычары кинулись на стѣны. Тула для защиты своей не имѣла воиновъ, отправивъ ихъ всѣхъ на службу государеву; но имѣла бодраго начальника и великодушныхъ гражданъ: одни тушили огонь, другіе бились мужественно, и янычары не могли взять крѣпости. Ханъ отложилъ приступъ до слѣдующаго утра, а ночью удалился, свѣдавъ, что сильные полки идутъ отъ Коширы. Граждане тульскіе стояли на стѣнахъ всю ночь: при свѣтѣ зари увидѣли бѣгство татаръ; увидѣли съ другой стороны пыль столбомъ и, воскликнувъ: „Государь, государь спѣшитъ къ намъ!“ — устремились вслѣдъ за непріятелемъ; взяли его снарядъ огнестрѣльный; убили многихъ людей и шурина ханскаго князя Камбирдея; самыя жены и дѣти помогали имъ. Тогда пришли воеводы, князья Щенятевъ, Курбскій и стали на томъ мѣстѣ, гдѣ были шатры ханскіе.—Обрадованный симъ успѣхомъ, Іоаннъ далъ отдохнуть войску и ночевалъ подъ Коширою.

На другой день онъ получилъ еще пріятнѣйшую вѣсть: Щенятевъ и Курбскій, имѣя только 15,000 воиновъ, разбили 30,000 или болѣе непріятелей, которые зло дѣйствовали въ окрестностяхъ Тулы, не знали о бѣгствѣ хана, шли къ нему и встрѣтили россіянъ. Въ сей жестокой битвѣ князь Андрей Курбскій, вождь юноша, ознаменовался славными ранами: ему изсѣкли голову и плеча. Воеводы гнали татаръ и, на берегахъ рѣчки Шевороны одержавъ новую побѣду надъ ними, освободили множество россіянъ. Ханъ оставилъ намъ въ добычу обозъ и цѣлые табуны верблюдовъ; а плѣнники объявили, что онъ шелъ на Москву, считая государя подъ Казанью: узнавъ же о сильномъ Іоанновомъ ополченіи, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Тулу, чтобы съ меньшимъ стыдомъ бѣжать во-свояси.—Легкіе отряды наши топтали крымцевъ до самыхъ степей.

Іоаннъ возвратился въ Коломну, извѣстилъ царицу, брата,

митрополита о славномъ изгнаніи врага и послалъ въ Москву трофеи: пушки непріятельскія, верблюдовъ, плѣнниковъ, чтобы обрадовать столицу свидѣтельствомъ нашей побѣды, а самъ распорядилъ походъ къ Казани двумя путями, объявивъ, что дружина царская, лѣвая рука и запасный полкъ должны идти съ нимъ на Владиміръ и Муромъ, главные же воеводы на Рязань и Мещеру, чтобы сойтись съ государемъ въ полѣ за Алтыремъ.— Въ войскѣ сдѣлался ропотъ: новогородцы, дѣти боярскіе, жаловались, что царь не даетъ имъ отдохновенія; что они уже нѣсколько мѣсяцевъ на службѣ и въ трудахъ; что имъ невозможно вынести дальняго похода, для коего не имѣютъ ни силъ, ни денегъ. Іоаннъ весьма огорчился; но, скрывъ досаду, велѣлъ переписать воиновъ усердныхъ, желающихъ служить отечеству, и тѣхъ, которые, по лѣности или неспособности, отказываются отъ славы участвовать въ великомъ подвигѣ. „Первые, — говорилъ онъ,—будутъ мнѣ любезны какъ дѣти, хочу знать ихъ нужды и все раздѣлю съ ними. Другіе же могутъ остаться: мнѣ не надобно малодушныхъ!“ Сіи слова произвели удивительное дѣйствіе. Всѣ сказали въ одинъ голосъ: „Идемъ, куда угодно государю; а послѣ онъ увидитъ нашу службу и не оставитъ бѣдныхъ“. Самые безпомѣстные дѣти боярскіе молчали о своихъ недостаткахъ, въ надеждѣ на будущую милость государеву.

3 іюля тронулось все войско. Іоаннъ съ отмѣннымъ усердіемъ молился предъ иконою Богоматери, которая была съ Димитріемъ Донскимъ въ Мамаевой битвѣ и стояла въ коломенскомъ храмѣ Успенія. На пути онъ съ умиленіемъ лобызалъ гробъ древняго героя Россіи Александра Невскаго и благословилъ память святыхъ муромскихъ угодниковъ, князя Петра и княгини Февроніи. Въ Владимірѣ донесли ему изъ Свіяжска, что болѣзнь тамъ прекратилась; что войско одушевлено ревностію; что князья Микулинскій, Серебряный и бояринъ Данило Романовичъ ходили на мятежниковъ Горной стороны, смирили многихъ и новою клятвою обязали быть вѣрными подданными Россіи. Въ Муромѣ увѣдомили государя изъ Москвы, что супруга его тверда и спокойна надеждою на Провидѣніе; что духовенство и народъ непрестанно молятъ Всевышняго о здравіи царя и воинства. Митрополитъ писалъ къ Іоанну съ ласкою друга и съ ревностію церковнаго учителя: „Будь чистъ и цѣломудренъ душею,—говорилъ онъ:—смиряйся въ славѣ и бодрствуй въ печали. Добродѣтели царя спасительны для царства“. И государь, и воеводы читали сію грамоту съ любовію. „Благодаримъ тебя, — отвѣтствовалъ Іоаннъ митрополиту,—за пастырское ученіе, вписанное у меня въ сердцѣ. Помогай намъ всегда наставленіемъ и молитвою. Идемъ далѣе. Да сподобитъ насъ Господь возвратиться съ миромъ для христіанъ!“

Онъ не терялъ ни часа въ бездѣйствіи, пѣшій и на конѣ смотрѣлъ полки, людей, оружіе; велѣлъ расписать дѣтей боярскихъ на сотни и выбрать начальника для каждой изъ воиновъ знатнѣйшихъ родомъ; отпустилъ Шигъ-Алея въ судахъ къ Казани съ княземъ Петромъ Булгаковымъ и стрѣльцами; послалъ дружину яртоульную наводить мосты, и 20 іюля, вслѣдъ за войскомъ переѣхавъ Оку, ночевалъ въ Саканскомъ лѣсу, на рѣкѣ Велетемѣ, въ 30 верстахъ отъ Мурома. Второй станъ былъ на Шилектѣ, третій подъ Саканскимъ городищемъ. Князья Касимовскіе и Темниковскій присоединились къ войску съ своими дружинами, татарами и мордвою. Августа 1 государь святилъ воду на рѣкѣ Мянѣ. Въ слѣдующій день войско переправилось за Алатырь, и 4 августа съ радостію увидѣло на берегахъ Суры полки князей Мстиславскаго, Щенятева, Курбскаго, Хилкова. Обѣ многочисленныя рати шли дремучими лѣсами и пустынями, питаясь ловлею, ягодами и плодами. „Мы не имѣли запасовъ съ собою, — пишутъ очевидцы:—вездѣ природа до наступленія поста готовила для насъ изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились въ рѣкахъ, птицы сами падали на землю предъ нами“.

Тутъ у Борончеева городища ждали царя послы свіяжскіе и черемисскіе съ донесеніемъ, что весь правый берегъ Волги ему повинуется въ тишинѣ и мирѣ. Мятежники раскаялись, и царь въ знакъ милости обѣдалъ съ ихъ старѣйшинами. Они клялися загладить вину свою: очистили путь для войска въ мѣстахъ тѣсныхъ; навели мосты на рѣкахъ; хотѣли усердно служить намъ мечомъ подъ Казанью.—6 августа Іоаннъ на рѣкѣ Кивашѣ слушалъ литургію и причастился Святыхъ Таинъ. 11 августа воеводы свіяжскіе встрѣтили государя съ конницею и пѣхотою; они шли тремя полками: въ первомъ князь Александръ Горбатый и вельможа Данило Романовичъ; во второмъ князья Симеонъ Микулинскій и Петръ Серебряный-Оболенскій съ дѣтьми боярскими; въ третьемъ казаки и горные жители, черемисы съ чувашами. Царь привѣтствовалъ и воеводъ, и воиновъ, числомъ болѣе двадцати тысячъ; звалъ ихъ къ рукѣ; говорилъ съ ними; хвалилъ за устройство и мужество; угостилъ всѣхъ на лугу Бейскомъ: сановники, рядовые обѣдали подъ наметами шатровъ. Время и мѣста были прекрасныя; съ одной стороны являлись глазамъ зеленыя равнины, холмы, рощи, лѣса темные, съ другой—величественная Волга съ дикими утесами, съ картинными островами: за нею необозримые луга и дубравы. Изрѣдка показывались селенія чувашскія, въ крутизнахъ и въ ущельяхъ. Жители давали намъ хлѣбъ и медъ: самъ государь въ постное время не имѣлъ иной вкуснѣйшей трапезы: пили чистую воду, и никто не жаловался; трезвость и веселіе господствовали въ станѣ.

Августа 13 открылся Свiяжскъ; съ любопытствомъ и съ живѣйшимъ удовольствiемъ царь увидѣлъ сей юный, его велѣнiемъ созданный градъ, знаменiе побѣды и торжества христiанъ въ предѣлахъ зловѣрiя. Духовенство съ крестами, князь Петръ Шуйскiй и бояринъ Заболоцкiй съ воинскою дружиною приняли Iоанна въ вратахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ соборную церковь: тамъ дiаконы пѣли ему многолѣтiе, а бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣтителя земли Свiяжской. Осмотрѣвъ крѣпость, богатые запасы ея, красивыя улицы, домы, государь изъявилъ благодарность князю Симеону Микулинскому и другимъ начальникамъ; любовался живописными видами и говорилъ вельможамъ, что нѣтъ въ Россiи иного, столь счастливаго мѣстоположенiя. Для него изготовили домъ. „Мы въ походѣ", сказалъ Iоаннъ, сѣлъ на коня, выѣхалъ изъ города и сталъ въ шатрахъ на лугу Свiяги.

Войско, утружденное путемъ, надѣялось отдохнуть среди изобилiя и прiятностей сего новаго мѣста, куда съѣхалось множество купцовъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго, со всякими товарами; суда за судами входили въ пристань; берегъ обратился въ гостиный дворъ: на пескѣ, въ шалашахъ раскладывались драгоцѣнности европейской и азiатской торговли. Люди знатные и богатые нашли тамъ свои запасы, доставленные Волгою. Всѣ были какъ дома: могли вкусно ѣсть и пить, угощать друзей и роскошествовать... Но Iоаннъ, призвавъ Шигъ-Алея, князя Владимiра Андреевича и всѣхъ думныхъ совѣтниковъ, положилъ съ ними немедленно идти къ Казани. Алей, будучи родственникомъ ея новаго царя Едигера, взялся написать къ нему убѣдительную грамоту, чтобы онъ не безумствовалъ въ надменности, не считалъ себя равносильнымъ великому монарху христiанскому, смирился и прiѣхалъ въ станъ къ Iоанну безъ всякой боязни. Написали и къ вельможамъ казанскимъ, что государь желаетъ не гибели ихъ, а раскаянiя; что если они выдадутъ ему виновниковъ мятежа, то всѣ иные могутъ быть спокойны подъ его счастливою державою. Сiи грамоты были посланы съ татариномъ 15 августа, а въ слѣдующiй день войско уже начало перевозиться за Волгу.

Приступая къ описанiю достопамятной осады казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа какъ славнѣйшiй подвигъ древности, извѣстный всѣмъ россiянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сiю чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаянiе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно

поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютости Шигъ-Алеевой, они въ теченіе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслить о слѣдствіяхъ. Казань съ намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ московскій. Ея вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцовъ: усиленная воспоминаніями древности—раздраженная ненавистію къ христіанамъ, прежнимъ данникамъ, тогдашнимъ угнетателямъ Батыева потомства—она преодолѣла естественную склонность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни; произвела восторгъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства казанцы не чувствовали своей слабости; а какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то они исчисляли всѣ безуспѣшные приступы наши къ ихъ столицѣ и говорили другъ другу: „не въ первый разъ увидимъ москвитянъ подъ стѣнами; не въ первый разъ побѣгутъ назадъ во-свояси и будемъ смѣяться надъ ними!“ Таково было расположеніе царя и народа въ Казани; но Іоаннъ предлагалъ милость, чтобы исполнить мѣру долготерпѣнія, согласно съ политикою его отца и дѣда.

19 августа государь съ 150.000 воиновъ былъ уже на Луговой сторонѣ Волги, Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ везъ снарядъ огнестрѣльный, рубленыя башни и тарасы, чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе луга обратились въ болота: казанцы испортили всѣ мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20 августа, на берегу Казанки, Іоаннъ получилъ отвѣтную грамоту отъ Едигера. Царь и вельможи казанскіе не оставили слова на миръ; поносили государя, Россію, христіанство; именовали Алея предателемъ и злодѣемъ; писали: „все готово: ждемъ васъ на пиръ!“—Въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань и стало въ шести верстахъ отъ нея на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые, подобно зеленому сукну, разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ, съ высокими башнями и дубовыми, широкими стѣнами (набитыми внутри иломъ и хрящомъ). Два дни выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани бѣглецъ мурза Камай, и донесъ государю, что онъ ѣхалъ къ намъ съ 200 товарищей, но что ихъ задержали въ городѣ; что царь Едигеръ, Кульшеривъ-молна или глава духовенства, князья Изенешъ ногайскій, Чапкунъ, Аталыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ, Кебекъ Тюменскій и Дербышъ умѣли одушевить народъ злобою на хри-

стіанъ; что никто не мыслитъ о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и ратными; что въ ней 30.000 воиновъ и 2.700 ногаевъ; что князь Япанча со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку вооружить, собрать тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями тревожить станъ россіянъ. Іоаннъ принялъ Камая милостиво; совѣтовался съ боярами; велѣлъ для укрѣпленіи изготовить на каждаго воина бревно, на десять воиновъ туръ; большому и передовому полку занять поле Арское, правой рукѣ берегъ Казанки, сторожевому устье Булака, лѣвой рукѣ стать выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а царской дружинѣ, предводимой имъ и княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на Царевомъ лугу; строго запретилъ чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ государева слова—и 23 августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Впереди шли князья Юрій Шемякинъ-Пронскій и Ѳедоръ Троекуровъ съ казаками пѣшими и стрѣльцами; за воеводами атаманы,—головы стрѣлецкіе, сотники, всякій по чину и въ своемъ мѣстѣ, наблюдая устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна; онъ далъ знакъ и полки стали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ, славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ. Князь Владиміръ Андреевичъ и бояре отвѣтствовали ему со слезами: „Дерзай царю! мы всѣ единою душею за Бога и за тебя“. Духовникъ Іоанновъ, протоіерей Андрей, благословилъ его и войско, которое изъявляло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на аргамака, богато украшеннаго; взглянулъ на Спасителевъ образъ святой хоругви, ознаменовалъ себя крестомъ и, громко сказавъ: „о Твоемъ имени движемся!“ повелъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто: не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что царь казанскій съ войскомъ отъ страха бѣжалъ въ лѣса; но опытные воеводы говорили другъ другу: „будемъ тѣмъ осторожнѣе!“.

Россіяне обступали Казань. 7.000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана и, видя предъ собою—не болѣе, какъ въ двухстахъ саженяхъ—царскія палаты, мечети каменныя, лѣзли

на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости къ Арскому полю... Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрипѣли, отворились ворота, и 15.000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ; разстроили, сломили ихъ. Юные князья Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, несмотря на сильную пальбу изъ города; взяли плѣнниковъ и медленно отступили, въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ, славнымъ дѣломъ. Приказъ государевъ въ точности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву и воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ.

Полки окружили Казань. Разставили шатры и три церкви полотняныя: архистратига Михаила, великомученицы Екатерины и св. Сергія. Ввечеру государь, собравъ воеводъ, изустно далъ имъ всѣ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры; потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ; что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ и готовился зимовать подъ Казанью.

25 августа легкая дружина князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Казанкѣ, выше города, чтобы отрѣзать его отъ луговой черемисы, соединиться съ правою рукою и стать ближе къ стѣнѣ. Татары сдѣлали вылазку. Мужественный витязь князь Шемякимъ былъ раненъ; но князь Дмитрій Хилковъ, глава всѣхъ передовыхъ отрядовъ, помогъ ему съ дѣтьми боярскими втоптать непріятеля въ крѣпость.—Ночью сторожевой полкъ и лѣвая рука безъ боя и сопротивленія разставили туры и пушки. Стрѣльцы окопались рвомъ; а казаки, подъ самою городскою стѣною, засѣли въ каменной, такъ называемой Даировой банѣ. — Въ сіи два дни Іоаннъ не сходилъ съ коня, ѣздилъ вокругъ города и наблюдалъ мѣста удобнѣйшія для приступа.

26 августа большой полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ стана: князь Михайло Воротынскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; князь Иванъ Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Государь далъ имъ отборныхъ дѣтей боярскихъ изъ собственной дружины. Казанцы ударили на нихъ съ воплемъ; а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму, въ огнѣ непоколебимые россіяне отражали конницу, пѣхо-

ту сильнымъ дѣйствіемъ своихъ бойницъ, ружейною стрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, втѣснили татаръ въ городъ и наполнили его мосты непріятельскими тѣлами. Пищальники, казаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время князю Воротынскому утвердить, насыпать землею туры въ пятидесяти саженяхъ ото рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ отступить имъ къ турамъ и закопаться подъ оными. Но темнота не прекратила битвы: казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Не было отдыха; ни воины, ни полководцы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять бьющихся. Наконецъ непріятель утомился; восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду россіянъ и государь велѣлъ пѣть въ станѣ благодарные молебны. Казанцы лишились въ семъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ людей, смѣлаго князя Ислама Нарыкова, Сюнчелея богатыря и другихъ. Въ числѣ убитыхъ москвитянъ находился добрый витязь Леонтій Шушеринъ.

27 августа бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ, прикативъ къ турамъ стѣнобитный снарядъ, открылъ сильную пальбу со всѣхъ нашихъ бойницъ; а пищальники стрѣляли въ городъ изъ окоповъ. — Казанцы скрывались за стѣнами; но, желая добыть языка, напали на людей, разсѣянныхъ въ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ князь Мстиславскій съ частію большого полку. Сей воевода успѣлъ защитить своихъ, обратилъ непріятеля въ бѣгство, плѣнилъ знатнаго улана, именемъ Карамыша, и представилъ государю, оказавъ личное мужество и въ двухъ мѣстахъ бывъ уязвленъ стрѣлою. Плѣнникъ сказывалъ, что казанцы, готовые умереть, не хотятъ слышать о мирныхъ переговорахъ.

Въ слѣдующій день россіяне ждали новой вылазки; непріятель явился съ другой стороны: вышелъ густыми толпами изъ лѣса на Арское поле, схватилъ стражу передового полку и кинулся на его станъ. Воевода князь Хилковъ съ великимъ усиліемъ оборонялся, но имѣлъ нужду въ немедленной помощи. Князья Иванъ Пронскій, Мстиславскій, Юрій Оболенскій, одинъ за другимъ, спѣшили удержать стремленіе непріятеля. Самъ Іоаннъ, отрядивъ къ нимъ часть царской дружины, сѣлъ на коня. Многіе изъ нашихъ чиновниковъ падали мертвые или раненые. Но число россіянъ умножалось ежеминутно: они прогнали татаръ въ лѣсъ и свѣдали отъ плѣнниковъ, что сіи толпы приходили съ княземъ Япанчею изъ укрѣпленія, сдѣланнаго казанцами на пути въ городъ Арскъ; что имъ велѣно не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми наѣздами.

29 августа воеводы правой руки, князья Щенятевъ и Курбскій, подвинулись къ городу и начали укрѣплять туры вдоль рѣки Ка-

занки подъ защитою стрѣльцовъ, а дружина князей Шемяки и Троекурова возвратилась на Арское поле, гдѣ снова показался непріятель изъ лѣса и гдѣ Мстиславскій, Хилковъ, Оболенскій стояли въ рядахъ, ожидая татаръ, между тѣмъ какъ иные воеводы, князья Дмитрій Палецкій, Алексѣй Адашевъ и головы царской дружины ставили туры съ поля Арскаго до Казанки. Съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ пушекъ, ружей и луковъ: вылазки не было. Непріятель не отходилъ отъ лѣса, видя россіянъ, готовыхъ въ битвѣ; и ввечеру донесли Іоанну, что весь городъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ; что нѣтъ пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Съ сего времени бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо ста-пятидесяти тяжелыхъ орудій.

Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удаляться отъ стана: князь Япанча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ. Сей опасный наѣздникъ держалъ россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи, чтобы заслонить осаду, очистить лѣсъ, успокоить станъ нашъ. Имѣя 30.000 конныхъ и 15.000 пѣшихъ воиновъ, князь Александръ расположился за горами, чтобы утаить свои движенія отъ непріятеля, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу. Япанча увидѣлъ ихъ и толпы его высыпали на поле. Россіяне, какъ бы устрашенные, дали тылъ. Татары гнали ихъ, втиснули въ обозъ, начали водить круги передъ нашими укрѣпленіями и пускали стрѣлы дождемъ; а другія толпы, конныя и пѣшія, шли медленно въ боевомъ порядкѣ, прямо на станъ главнаго войска московскаго. Тогда князь Юрій Шемякинъ съ готовымъ полкомъ своимъ изъ засады устремился на татаръ; они изумились, но, будучи уже далеко отъ лѣса, должны были принять битву. Скоро явился и самъ князь Александръ съ конными, многочисленными дружинами; а пѣхота наша съ правой и лѣвой стороны заходила въ тылъ непріятелю. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звуковъ созвалъ раз-

сѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ; однимъ словомъ, истребили Япанчу. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію; хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ, изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ. Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ предъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умолили казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили татарамъ: Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему. Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ и кричали: „лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!“ Сіе остервенѣніе удивило россіянъ и государя.

Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмцу размыслу (то-есть инженеру) дѣлать подкопъ отъ рѣки Булака между Аталыковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки и ходятъ туда подземельнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его отъ каменной Дауровой бани, занятой нашими казаками. Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые подъ надзоромъ князя Василья Серебрянаго и любимца Іоаннова, Алексѣя Адашева, рылись въ землѣ десять дней; услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою; вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороха и дали знать государю. 5 сентября рано Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ въ его глазахъ съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны, множество людей; бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ: ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ — и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа. Мы взяли немалое число плѣнныхъ; убили еще гораздо болѣе и ждали слѣдствій.

Несмотря на рѣшительность казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло и что они уже не имѣютъ средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободрили ихъ: рыли и нашли ключъ малый, смрадный, коимъ надлежало довольствоваться всему

городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Іоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не знали, когда онъ имѣлъ отдохновеніе: всегда рано и поздно молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій; останавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если казанцы тревожили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя; днемъ и ночью гремѣли пушки россійскія, заряжаемыя ядрами и каменями. Арскія ворота были до основанія сбиты: осаждаемые заграждались въ семъ мѣстѣ тарасами.

6 сентября Іоаннъ поручилъ князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города на крутой высотѣ, между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ ними были бояре Данило Романовичъ и Захарій Яковлевъ, князья Булгаковъ и Палецкій, головы царской дружины, дѣти боярскіе, стрѣльцы, атаманы съ казаками, мордва темниковская и горные черемисы, которые служили путеводителями. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней и вслѣдъ за смѣлыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ. Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе къ Арскому городу, мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ казанскіе вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые. Россіяне плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенія, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще немало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ, куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною съѣстныхъ припасовъ, такъ что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Лѣсъ Арскій уже не металъ стрѣлъ въ россіянъ: зато луговые черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ отъ Галицкой дороги. Стоящіе тутъ воеводы правой руки ходили за ними и побили ихъ на-голову; но, опасаясь новыхъ нападеній, всегдашнею бдительною осторожностію утомляли свой полкъ, который сверхъ того, занимая низ-

кія равнины вдоль Казанки, болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости, отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ россійскій, производили вѣтръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту бояръ, государь велѣлъ привезти изъ Москвы царскій животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана — и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни и войско ободрилось.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вышиною въ шесть саженъ; ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ Царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра и возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ. Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами; подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, изъ пищалей затинныхъ и мы теряли ежедневно немало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ куда имъ угодно, съ своимъ царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми: что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ Болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи. Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Между тѣмъ храбрый князь Михайло Воротынскій подвигалъ туры ближе и ближе къ Арской башнѣ; наконецъ одинъ ровъ, шириною въ три сажени, а глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны: стрѣльцы, казаки, головы съ людьми боярскими стояли за оными, бились до изнуренія силъ и смѣнялись. Иногда же, несмотря на близость разстояній, бой пресѣкался отъ усталости: тѣ и другіе воины отдыхали. Казанцы воспользовались однажды симъ временемъ: видя, что многіе изъ нашихъ сѣли обѣдать и что у пушекъ осталось мало людей, они, числомъ до десяти тысячъ, тихо вылѣзли изъ своихъ норъ и подъ начальствомъ вельможъ, главныхъ царскихъ совѣтниковъ, именуемыхъ карачами, устремились къ турамъ, смяли россіянъ и схватили ихъ пушки.

Тутъ князь Воротынскій самъ, а за нимъ и всѣ знатнѣйшіе чиновники кинулись на сѣчу. „Не выдадимъ отцовъ!“ — кричали россіяне и бились мужественно. Воеводы Петръ Морозовъ, князь Юрій Кашинъ пали въ толпѣ, опасно уязвленные: ихъ отнесли въ станъ. Князь Михайло Воротынскій, раненый въ лицо, не оставлялъ битвы: крѣпкій доспѣхъ его былъ изсѣченъ саблями. Многіе головы стрѣлецкіе лежали мертвые у пушекъ и казанцы еще не уступали намъ взятыхъ ими трофеевъ. Но явились муромцы, дѣти боярскіе, стародавные племенемъ и доблестію: ударили, сломили непріятеля, втиснули въ ровъ. Побѣда рѣшилась. Казанцы давили другъ друга, тѣснясь въ воротахъ и вползая въ свои норы. Сіе дѣло было однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ. Въ то же время непріятель нападалъ и на туры передового полку; однако жъ не весьма усиленно. Государь видѣлъ собственными глазами оба дѣла: изъявивъ особенную милость князю Михайлу Воротынскому и витязямъ муромскимъ, онъ навѣстилъ раненыхъ воеводъ, благодаря ихъ за усердную службу.

Уже около пяти недѣль россіяне стояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячъ непріятелей, кромѣ женъ и дѣтей. Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели труды и битвы осады; всѣ хотѣли скораго конца. Чтобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Іоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воротъ подкопать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ нашей стрѣльбы: 30 сентября онѣ взлетѣли на воздухъ. Сіе страшное дѣйствіе пороха, хотя уже и не новое для казанцевъ, произвело оцѣпенѣніе и тишину въ городѣ на нѣсколько минутъ; а россіяне, не теряя времени, подкатили туры къ воротамъ Арскимъ, Аталыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что насталъ часъ рѣшительный, казанцы высыпали изъ города и схватились съ тѣми полками, коимъ велѣно было прикрывать туры. Битва закипѣла. Іоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ — и какъ скоро они увидѣли его, то, единогласно воскликнувъ: „Царь съ нами!“ — бросились къ стѣнамъ; гнали, тѣснили непріятеля на мостахъ, въ воротахъ. Сѣча была ужасна. Громъ пушекъ, трескъ оружія, крикъ воиновъ раздавался въ облакахъ густого дыма, который носился надъ всѣмъ городомъ. Несмотря на мужественное, отчаянное сопротивленіе, многіе россіяне были уже на стѣнѣ, въ башнѣ отъ Арскаго поля, рѣзались въ улицахъ съ татарами. Князь Михайло Воротынскій увѣдомилъ о томъ государя и требовалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ идти на приступъ. Успѣхъ, дѣйствительно, казался вѣроятнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ вѣрнаго: большая часть войска находилась еще въ станѣ и не могла вдругъ ополчиться: излишняя торопь произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, неудачу, которая имѣла бы весьма

худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему отступить. Оно повиновалось неохотно: чиновники съ трудомъ вывели его изъ крѣпости и зажгли мосты. Но чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не осталось безплоднымъ, то князь Воротынскій занялъ Арскую башню нашими стрѣлками: они укрѣпились турами и рядомъ твердыхъ щитовъ; сказали воеводамъ: „здѣсь будемъ ждать васъ“—и сдержали слово: казанцы не могли отнять у нихъ сей башни.—Во всю ночь пылали мосты, и часть стѣны обгорѣла; дѣйствіе нашего снаряда огнестрѣльнаго также во многихъ мѣстахъ разрушило оную. Казанцы поставили и тамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею.

Наконецъ, 1 октября Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось пить общую чашу крови, то - есть къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ очистить душу наканунѣ дня рокового. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: мурза Камай и сѣдые старѣйшины Горной стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приблизились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины разрушенному; требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: „Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, на стѣнѣ Русь: не боимся; поставимъ иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ или отсидимся!“ Тогда государь началъ устраивать войско къ великому дѣлу.

Чтобы заслонить тылъ отъ луговой черемисы, отъ татаръ, бродящихъ по лѣсамъ, отъ ногайскихъ улусовъ, и чтобы отрѣзать казанцамъ всѣ пути для бѣгства, онъ приказалъ князю Мстиславскому съ частію большого полка, а Шигъ-Алею съ касимовцами и жителями Горной стороны занять дорогу Арскую и Чувашскую, князю Юрію Оболенскому и Григорію Мещерскому съ дворянами царской дружины Ногайскую, князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой отрядъ дворянъ, примыкая къ нему, долженъ былъ стоять вверхъ по Казанкѣ, на Старомъ Городищѣ. Отпустивъ сихъ воеводъ, Іоаннъ распорядилъ приступъ: велѣлъ быть впереди атаманамъ съ казаками, головамъ съ стрѣльцами и дворовымъ людямъ, раздѣленнымъ на сотни, подъ начальствомъ отборныхъ дѣтей боярскихъ, за ними идти полкамъ воеводскимъ: князю Михайлу Воротынскому съ окольничьимъ Алексѣемъ Басмановымъ ударить на крѣпость въ проломъ отъ Булака и

Поганаго озера; князьямъ Хилкову въ Кабацкія ворота, Троекурову въ Збойливыя, Андрею Курбскому въ Ельбугины, Семену Шереметеву въ Муралеевы, Дмитрію Плещееву въ Тюменскія. Каждому изъ нихъ помогалъ особенный воевода: первому самъ государь; другимъ же князья Иванъ Пронскій, Турунтай, Шемякинъ, Щенятевъ, Василій Серебряный-Оболенскій и Дмитрій Микулинскій. Приказавъ имъ изготовиться къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцомъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душеспасительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ. Тогда князь Воротынскій прислаль ему сказать, что инженеръ кончилъ дѣло и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ; что казанцы замѣтили нашу работу и что не надобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ заутреню въ церкви, отпустилъ дружину царскую, молился изъ глубины сердца... Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни россіяне, ни казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою.

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга: все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе и едва произнесъ слова: да будетъ едино стадо и единъ пастырь, грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго—и тогда, воскликнувъ: съ нами Богъ! полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: Алла! Алла! призывали Магомета и ждали нашихъ не стрѣляя, ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣрили глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачали воздухъ... Но россіяне, ободряемые примѣромъ

начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные татары, сломленные, низверженные сверху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ на улицахъ, сѣкли саблями, схватывались за руки съ россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Князь Михайло Воротынскій первый извѣстилъ Іоанна, что мы уже въ городѣ, но что битва еще кипитъ и нужна помощь. Государь отрядилъ къ нему часть своего полка; велѣлъ идти и другимъ воеводамъ. Наши одолѣвали по всѣхъ мѣстахъ и тѣснили татаръ къ укрѣпленному двору Царскому. Самъ Едигеръ съ знатнѣйшими вельможами медленно отступалъ отъ проломовъ, остановился среди города, у Тезицкаго или Купеческаго рва, бился упорно, и вдругъ замѣтилъ, что толпы наши рѣдѣютъ, ибо россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки—и самые чиновники, коимъ приказалъ государь идти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ бы мертвые или раненые; а изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани относили въ станъ, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ. Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: сѣкутъ! сѣкутъ! Государь, увидѣлъ сіе смятеніе, измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что казанцы выгнали все наше войско изъ города. „Съ нимъ были,—пишетъ Курбскій,—великіе синклиты,

мужи вѣка отцовъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ"; они дали совѣтъ государю, и государь явилъ великодушіе: взялъ святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря нагрянуло на татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные: абасы, сеиты, молны (муллы) и первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервенѣніи злобы устремились на вѣрную смерть и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами. Едигеръ съ остальными казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота... Тутъ юныя жены и дочери казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей; а въ другой сторонѣ—отцы, братья и мужья, окруживъ царя, еще бились усильно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота, къ нижней части города. Князь Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ; затруднялъ каждый шагъ; давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединились къ нему еще нѣсколько сотъ россіянъ. Гонимые, тѣснимые казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода князь Дмитрій Палецкій остановилъ сѣчу. „Слушайте,—сказали казанцы: — доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ вамъ и царя, живого, неуязвленнаго: ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле, испить съ вами послѣднюю чашу". Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго, престарѣлаго вельможу или карача, именемъ Заніета, и двухъ мамичей или совоспитанниковъ царскихъ; начали снова стрѣлять, прыгали съ стѣны внизъ и хотѣли идти къ стану нашей правой руки; но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво: кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и дворѣ царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные князья Курбскіе Андрей и Романъ съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили на густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи. Но татаръ было еще

5,000, и самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули нашихъ героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровію, за-мертво на землю, — шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервенѣніемъ еще опасный для россіянъ! Государь послалъ князя Симеона Микулинскаго, Михайла Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ татаръ отъ лѣса: воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе и то раненые.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча перестала, но кровь лилася; раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ. Дворъ царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми; отъ крѣпости до Казанки, далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда главный военачальникъ, князь Михайло Воротынскій, прислалъ сказать государю: „Радуйся, благочестивый самодержецъ! твоимъ мужествомъ и счастіемъ побѣда свершилась: Казань наша, царь ея въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣтныя богатства собраны: что прикажешь?“ „Славить Всевышняго“, отвѣтствовалъ Іоаннъ, воздѣлъ руки на небо, велѣлъ пѣть молебенъ подъ святою хоругвію и, собственною рукою на семъ мѣстѣ водрузивъ животворящій крестъ, назначилъ быть тамъ первой церкви христіанской. Князь Палецкій представилъ ему Едигера: безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: „Несчастный! развѣ ты не зналъ могущества Россіи и лукавства казанцевъ?“ Едигеръ, ободренный тихостію государя, преклонилъ колѣна, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ милости. Іоаннъ простилъ его и съ любовію обнялъ брата князя Владиміра Андреевича, Шигъ-Алея, вельможъ; отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно; всю славу отдавалъ Богу, имъ и воинству; послалъ бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины съ хвалою и милостивымъ словомъ; велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу отъ воротъ Мураллеевыхъ къ двору Царскому и въѣхалъ въ Казань: предъ нимъ воеводы, дворяне и духовникъ его съ крестомъ; за нимъ князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. У воротъ стояло множество освобожденныхъ россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани: увидѣвъ государя, они пали на землю и съ радостными слезами взывали: „Избавитель! ты вывелъ насъ изъ ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ, не щадилъ головы своей!“ Государь приказалъ

отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола царскаго; ѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ; видя трупы казанцевъ, говорилъ: „это не христіане, но подобные намъ люди;“ видя мертвыхъ россіянъ, молился за нихъ Всевышнему, какъ за жертву общаго спасенія. При вступленіи во дворецъ бояре, чиновники, воины снова поздравляли Іоанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ другу: „Гдѣ царствовало зловѣріе, упиваясь кровію христіанъ, тамъ видимъ крестъ животворящій и государя нашего во славѣ!“ Всѣ единогласно, единодушно, въ умиленіи сердецъ, принесли благодарность небу. Іоаннъ велѣлъ тушить огонь въ городѣ, и всю добычу, всѣ богатства казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ одного Едигера, отдалъ воинству; взялъ только утварь царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя державное и пушки, сказавъ: „моя корысть есть спокойствіе и честь Россіи!“ Онъ возвратился въ станъ; хотѣлъ видѣть войско и вышелъ къ полкамъ съ лицомъ свѣтлымъ. Они еще дымились кровію невѣрныхъ и своею; многіе витязи, по словамъ лѣтописца, сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ. Іоаннъ сталъ предъ войскомъ и громко произнесъ рѣчь, исполненную любви и милости: „Воины мужественные!—говорилъ онъ:— бояре, воеводы, чиновники! въ сей знаменитый день страдая за имя Божіе, за вѣру, отечество и царя, вы пріобрѣли славу, неслыханную въ наше время. Никто не оказывалъ такой храбрости; никто не одерживалъ такой побѣды! Вы новые македоняне, достойные потомки витязей, которые съ великимъ княземъ Димитріемъ сокрушили Мамая! Чѣмъ могу воздать вамъ?.. Любезнѣйшіе сыны Россіи, тамъ, на полѣ чести лежащіе! вы уже сіяете въ вѣнцахъ небесныхъ вмѣстѣ съ первыми мучениками христіанства. Се дѣло Божіе: наше есть славить васъ во вѣки вѣковъ, вписать имена ваши на хартіи священной для поминовенія въ соборной апостольской церкви. А вы, своею кровію обагренные, но еще живые для нашей любви и признательности! всѣ храбрые, коихъ вижу передъ собою! внимайте и вѣрьте моему обѣту— любить и жаловать васъ до конца дней моихъ... Теперь успокойтесь, побѣдители!“ Войско отвѣтствовало радостными кликами. Іоаннъ посѣтилъ, утѣшилъ раненыхъ; немедленно отправилъ шурина своего Данила Романовича въ Москву съ счастливою вѣстію къ супругѣ, къ митрополиту, къ князю Юрію; сѣлъ обѣдать съ боярами и далъ пиръ воинамъ. Сей великолѣпный праздникъ отечества украшался воспоминаніемъ минувшихъ золъ, чувствомъ настоящей славы и надеждою будущаго благоденствія.

Въ тотъ же день Іоаннъ послалъ жалованныя грамоты во всѣ окрестныя мѣста, объявляя жителямъ миръ и безопасность. „Идите къ намъ, — писалъ онъ, — безъ ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодѣйство уже наказано. Платите мнѣ, что вы

платили царямъ казанскимъ". Устрашенные бѣдствіемъ ихъ столицы, они разсѣялись по лѣсамъ: успокоенные милостивымъ словомъ Іоанновымъ, возвратились въ домы. Сперва жители арскіе, а послѣ вся луговая черемиса прислали старѣйшинъ въ станъ къ государю и дали клятву вѣрности.

3 октября погребали мертвыхъ и совершенно очистили городъ. На другой день Іоаннъ съ духовенствомъ, синклитомъ и воинствомъ торжественно вступилъ въ Казань; избралъ мѣсто, заложилъ каѳедральную церковь Благовѣщенія, обошелъ городъ съ крестами и посвятилъ его Богу истинному. Іереи кропили улицы, стѣны святою водою, моля Вседержителя, да благословитъ сію новую твердыню православія, да цвѣтетъ въ ней здравіе и доблесть, да будетъ вовѣки неприступною для враговъ, вовѣки неотъемлемою собственностію и честію Россіи!.. Осмотрѣвъ всю Казань, назначивъ гдѣ быть храмамъ и приказавъ немедленно возобновить разрушенныя укрѣпленія, стѣны, башни, государь съ вельможами поѣхалъ во дворецъ, на коемъ развѣвалось знамя христіанское.

Такъ пало къ ногамъ Іоанновымъ одно изъ знаменитыхъ царствъ, основанныхъ Чингисовыми моголами въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Возникнувъ на развалинахъ Болгаріи и поглотивъ ея бѣдные остатки, Казань имѣла и хищный воинственный духъ моголовъ и торговый, заимствованный ею отъ древнихъ жителей сей страны, гдѣ издавна съѣзжались купцы армянскіе, хивинскіе, персидскіе (и гдѣ онъ донынѣ сохранился: донынѣ казанскіе татары, потомки Золотой Орды и болгаровъ, имѣютъ купеческія связи съ Востокомъ). Около 115 лѣтъ казанцы намъ и мы имъ неутомимо враждовали отъ перваго ихъ царя Махмета, у коего прадѣдъ Іоанновъ былъ плѣнникомъ, до Едигера, взятаго въ плѣнъ Іоанномъ, котораго дѣдъ уже именовался государемъ болгарскимъ, уже считалъ Казань нашею областію, но при концѣ жизни своей видѣлъ ея страшный бунтъ и не могъ отмстить за кровь россіянъ, тамъ проліянную. Новые мирные договоры служили поводомъ къ новымъ измѣнамъ и всякая была ужасомъ для восточной Россіи, гдѣ, на всей длинной чертѣ отъ Нижняго-Новгорода до Перми, люди вѣчно береглися какъ на отводной стражѣ. Самая месть стоила намъ дорого и самые счастливые походы иногда заключались истребленіемъ войска и коней отъ болѣзней, отъ трудностей пути въ мѣстахъ дикихъ, населенныхъ народами свирѣпыми. Однимъ словомъ, вопросъ: надлежало ли покорить Казань? соединялся съ другимъ: надлежало ли безопасностію и спокойствіемъ утвердить бытіе Россіи? Чувство государственнаго блага, усиленное ревностію вѣры, производило въ побѣдителяхъ общій, живѣй-

шій восторгъ, и лѣтописцы говорятъ о семъ завоеваніи съ жаромъ стихотворцевъ, призывая современниковъ и потомство къ великому зрѣлищу, Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, осѣняемой хоругвями, украшаемой церквами православія, оживленной (послѣ ужасовъ кровопролитія, послѣ безмолвія смерти) присутствіемъ многочисленнаго, радостнаго войска, среди свѣжихъ трофеевъ, но уже въ глубокой мирной тишинѣ ликующаго на стогнахъ, площадяхъ, въ садахъ, и юнаго царя, сидящаго на славно-завоеванномъ престолѣ, въ блестящемъ кругу вельможъ и полководцевъ, у коихъ была только одна мысль, одно чувство: мы заслужили благодарность отечества!—Лѣтописцы сказываютъ, что небо благопріятствовало торжеству побѣды; что время стояло ясное, теплое, и россіяне, осаждавъ Казань въ мрачную, дождливую осень, вступили въ нее какъ бы весною.

6 октября духовникъ государевъ съ іереями свіяжскими освятилъ храмъ Благовѣщенія. Въ слѣдующіе дни Іоаннъ занимался учрежденіемъ правительства въ городѣ и въ областяхъ; объявилъ князя Александра Горбатаго-Шуйскаго казанскимъ намѣстникомъ, а князя Василія Серебрянаго его товарищемъ; далъ имъ письменное наставленіе, 1,500 дѣтей боярскихъ, 3,000 стрѣльцовъ со многими казаками, и 11 октября изготовился къ отъѣзду, хотя благоразумные вельможи совѣтовали ему остаться тамъ до весны со всѣмъ войскомъ, чтобы довершить покореніе земли, гдѣ обитало пять народовъ: мордва, чуваши, вотяки (въ Арской области), черемисы и башкирцы (вверхъ по Камѣ). Еще многіе изъ ихъ улусовъ не признавали нашей власти; къ нимъ ушли нѣкоторые изъ злѣйшихъ казанцевъ, и легко было предузнать опасныя того слѣдствія. Въ станѣ и въ Свіяжскѣ находилось довольно запасовъ для прокормленія войска. Но Іоаннъ, нетерпѣливо желая видѣть супругу и явить себя Москвѣ во славѣ, отвергнулъ совѣтъ мудрѣйшихъ, чтобы исполнить волю сердца, одобряемую братьями царицы и другими сановниками, которые также хотѣли скорѣе отдохнуть на лаврахъ. Отпѣвъ молебенъ въ церкви Благовѣщенія и поручивъ храненіе новой страны своей Іисусу, Дѣвѣ Маріи, россійскимъ угодникамъ Божіимъ, царь выѣхалъ изъ Казани, ночевалъ на берегу Волги, противъ Гостинаго острова, и 12 октября съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ боярами и съ пѣхотными дружинами отплылъ въ ладіяхъ къ Свіяжску. Князь Михайло Воротынскій повелъ конницу берегомъ къ Василю городу, путемъ уже безопаснымъ, хотя и труднымъ.

Пробывъ только одинъ день въ Свіяжскѣ и назначивъ князя Петра Шуйскаго правителемъ сей области, Іоаннъ 14 октября подъ Вязовыми горами сѣлъ на суда. Въ Нижнемъ, на берегу

Волги, встрѣтили его всѣ граждане съ крестами и, преклонивъ колѣна, обливались слезами благодарности за вѣчное избавленіе ихъ отъ ужасныхъ набѣговъ казанскихъ; славили побѣдителя громогласно, съ душевнымъ восхищеніемъ, такъ что сей благодарный плачъ, заглушая пѣніе священниковъ, принудилъ ихъ умолкнуть. Тутъ же послы отъ царицы, князя Юрія, митрополита здравствовали государю на Богомъ данной ему отчинѣ, царствѣ казанскомъ. Собравъ въ Нижнемъ все воинство, снова изъявивъ признательность своимъ усерднымъ сподвижникамъ; сказавъ, что разстается съ ними до перваго случая обнажить со славою мечъ за отечество, онъ уволилъ ихъ въ домы; самъ поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Балахну въ Владиміръ и въ Судогдѣ встрѣтилъ боярина Василія Юрьевича Траханіота, который скакалъ къ нему отъ Анастасіи съ вѣстію о рожденіи сына, царевича Димитрія. Государь въ радости спрыгнулъ съ коня, обнялъ, цѣловалъ Траханіота; благодарилъ небо, плакалъ и, не зная какъ наградить счастливаго вѣстника, отдалъ ему съ плеча одежду царскую и коня изъ-подъ себя. Іоаннъ имѣлъ уже двухъ дочерей, Анну и Марію, изъ коихъ первая скончалась одиннадцати мѣсяцевъ: рожденіе наслѣдника было тайнымъ желаніемъ его сердца. Онъ послалъ шурина Никиту Романовича къ Анастасіи съ нѣжными привѣтствіями; останавливался въ Владимірѣ, въ Суздалѣ единственно для того, чтобы молиться въ храмахъ, изъявлять чувствительность къ любви жителей, отовсюду стекавшихся видѣть лицо его, свѣтлое радостію; заѣхавъ въ славную Троицкую обитель св. Сергія, знаменовался у гроба его, вкусилъ хлѣба съ иноками, и 28 октября ночевалъ въ селѣ Тайнинскомъ, гдѣ ждали его братъ, князь Юрій и нѣкоторые бояре съ поздравленіемъ; а на другой день, рано, приближаясь къ любезной ему столицѣ, увидѣлъ на берегу Яузы безчисленное множество народа, такъ что на пространствѣ шести верстъ, отъ рѣки до посада, оставался только самый тѣсный путь для государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами гражданъ, ѣхалъ Іоаннъ, кланяясь на обѣ стороны; а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ непрестанно: „многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанъ!“ Тамъ, гдѣ жители московскіе приняли нѣкогда Владимірскій образъ Богоматери, несущій спасеніе граду въ нашествіе Тамерлана— гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій — тамъ митрополитъ, епископы, духовенство съ сею иконою, старцы, бояре, князь Михайло Ивановичъ Булгаковъ, Иванъ Григорьевичъ Морозовъ, слуги отца и дѣда его, со всѣми чиноначальниками стояли подъ церковными хоругвями. Іоаннъ сошелъ съ коня, приложился къ образу и,

благословенный святителями, сказалъ: „Соборъ духовенства православнаго! Отче митрополитъ и владыки! я молилъ васъ быть ревностными ходатаями предъ Всевышнимъ за царя и царство, да отпустятся мнѣ грѣхи юности, да устрою землю, да буду щитомъ ея въ нашествіи варваровъ; совѣтовался съ вами о казанскихъ измѣнахъ, о средствахъ прекратить оныя, погасить огонь въ нашихъ селахъ, унять текущую кровь россіянъ, снять цѣпи съ христіанскихъ плѣнниковъ, вывести ихъ изъ темницы, возвратить отечеству и церкви. Дѣдъ мой, отецъ и мы посылали воеводъ, но безъ успѣха. Наконецъ, исполняя совѣтъ вашъ, я самъ выступилъ въ поле. Тогда явился другой непріятель, ханъ крымскій, въ предѣлахъ Россіи, чтобы въ наше отсутствіе истребить христіанство. Вспомнивъ слово Евангельское: бдите и молитеся, да не внидите въ напасть! вы, достойные святители церкви, молились — и Богъ услышалъ васъ, и помогъ намъ — и ханъ, гонимый единственно гнѣвомъ Небеснымъ, бѣжалъ малодушно.. Ободренные явнымъ дѣйствіемъ вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цѣли и милостію Божіею, мужествомъ князя Владиміра Андреевича, нашихъ бояръ, воеводъ и всего воинства, сей градъ многолюдный палъ предъ нами; судомъ Господнимъ въ единый часъ изгибли невѣрные безъ вѣсти, царь ихъ взятъ въ плѣнъ, исчезла прелесть Магометова, на ея мѣстѣ водруженъ святый крестъ; области Арская и Луговая платятъ дань Россіи; воеводы московскіе управляютъ землею: а мы, во здравіи и веселіи, пришли сюда къ образу Богоматери, къ мощамъ великихъ угодниковъ, къ вашей святынѣ, въ свою любезную отчизну—и за сіе небесное благодѣяніе, вами испрошенное, тебѣ, отцу своему и всему освященному собору, мы съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ воинствомъ въ умиленіи сердца кланяемся“. Тутъ государь, князь Владиміръ и вся дружина воинская поклонились до земли. Іоаннъ продолжалъ: „Молю васъ и нынѣ, да ревностнымъ ходатайствомъ у престола Божія и мудрыми своими наставленіями способствуете мнѣ утвердить законъ, правду, благіе нравы внутри государства; да цвѣтетъ отечество подъ сѣнію мира въ добродѣтели; да цвѣтетъ въ немъ христіанство; да познаютъ Бога истиннаго невѣрные, новые подданные Россіи и вмѣстѣ съ нами да славятъ Святую Троицу во-вѣки вѣковъ. Аминь!“

Митрополитъ отвѣтствовалъ: „Царю благочестивый! мы, твои богомольцы, удивленные избыткомъ Небесной къ намъ милости, что речемъ предъ Господомъ? развѣ токмо воскликнемъ: дивенъ Богъ, творяй чудеса... Какая побѣда! какая слава для тебя и для всѣхъ твоихъ свѣтлыхъ сподвижниковъ! Что мы были? и что

нынѣ? Вѣроломные, лютые казанцы ужасали Россію, жадно пили кровь христіанъ, увлекали ихъ въ неволю, оскверняли, разоряли святыя церкви. Терзаемый бѣдствіемъ отечества, ты, царь великодушный, возложивъ неуклонную надежду на Бога Вседержителя, произнесъ обѣтъ спасти насъ; ополчился съ вѣрою, шелъ на труды и на смерть; страдалъ до крови; предалъ свою душу и тѣло за церковь, за отечество — и благодать небесная возсіяла на тебѣ, якоже на древнихъ царяхъ, угодныхъ Господу: на Константинѣ Великомъ, св. Владимірѣ, Димитріи Донскомъ, Александрѣ Невскомъ. Ты сравнялся съ ними — и кто превзошелъ тебя? Сей царствующій градъ казанскій, гдѣ гнѣздился змій, какъ въ глубокой норѣ своей, уязвляя, поядая насъ—сей градъ, столь знаменитый и столь ужасный, лежитъ бездушный у ногъ твоихъ; ты растопталъ главу змія, освободилъ тысячи христіанъ плѣненныхъ, знаменіями истинной вѣры освятилъ скверну Магометову—навѣки, навѣки успокоилъ Россію! Се дѣло Божіе, но чрезъ тебя совершенное: ибо ты помнилъ слово Евангельское: рабе благій! въ малѣ былъ еси вѣренъ: надъ многимъ тя поставлю! Веселися, о царь, любезный Богу и отечеству! Даровавъ побѣду, Всевышній даровалъ тебѣ и вожделѣннаго, перворoднаго сына! Живи и здравствуй съ добродѣтельною царицею Анастасіею, съ юнымъ царевичемъ Димитріемъ, съ своими братьями, боярами со всѣмъ православнымъ воинствомъ въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ и на всѣхъ своихъ царствахъ, въ сей годъ и въ предыдущія многія, многія лѣта. А мы тебѣ, государю благочестивому, за твои труды и подвиги великіе со всѣми святителями, со всѣми православными христіанами кланяемся". Митрополитъ, духовенство, сановники и народъ пали ницъ предъ Іоанномъ; слезы текли изъ глазъ; благословенія раздавались долго и непрерывно.

Тутъ государь снялъ съ себя воинскую одежду, возложилъ на плеча порфиру, на выю и на перси крестъ животворящій, на главу вѣнецъ Мономаховъ, и пошелъ за святыми иконами въ Кремль; слушалъ молебенъ въ храмѣ Успенія; съ любовію и благодарностію поклонился мощамъ россійскихъ угодниковъ Божіихъ, гробамъ своихъ предковъ; обходилъ всѣ храмы знаменитые и спѣшилъ, наконецъ, во дворецъ. Царица еще не могла встрѣтить его: лежала на постели; но, увидѣвъ супруга, забыла слабость и болѣзнь: въ восторгѣ упала къ ногамъ державнаго героя, который, обнимая Анастасію и сына, вкусилъ всю полноту счастія, даннаго въ удѣлъ человѣчеству.

Москва и Россія были въ неописанномъ волненіи радости. Вездѣ въ отверстыхъ храмахъ благодарили небо и царя, отовсюду

спѣшили усердные подданные видѣть лицо Іоанна; говорили единствено о великомъ дѣлѣ его, о преодолѣнныхъ трудностяхъ похода, усиліяхъ, хитростяхъ осады; о злобномъ ожесточеніи казанцевъ, о блистательномъ мужествѣ россіянъ и возвышались сердцемъ, повторяя: „мы завоевали царство! что скажутъ въ свѣтѣ?“

Нѣсколько дней посвятивъ счастію семейственному, Іоаннъ, ноября 8, далъ торжественный обѣдъ въ Большой Грановитой палатѣ митрополиту, епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ, князьямъ Юрію Васильевичу и Владиміру Андреевичу, всѣмъ боярамъ, всѣмъ воеводамъ, которые мужествовали подъ Казанью. „Никогда,—говорятъ лѣтописцы,—не видали мы такого великолѣпія, празднества, веселія во дворцѣ московскомъ, ни такой щедрости“. Іоаннъ дарилъ всѣхъ, отъ митрополита до простого воина, ознаменованнаго или славною раною, или замѣченнаго въ спискѣ храбрыхъ; князя Владиміра Андреевича жаловалъ шубами, златыми фряжскими кубками и ковшами; бояръ, воеводъ и дворянъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ воиновъ по достоянію одеждами съ своего плеча, бархатами, соболями, кубками, конями, доспѣхами или деньгами; три дни пировалъ съ своими знаменитѣйшими подданными и три дни сыпалъ дары, коихъ по счету, сдѣланному въ казначействѣ, вышло на сорокъ восемь тысячъ рублей (около милліона нынѣшнихъ), кромѣ богатыхъ отчинъ и помѣстьевъ, розданныхъ тогда воинскимъ и придворнымъ чиновникамъ.

Чтобы ознаменовать взятіе Казани достойнымъ памятникомъ для будущихъ столѣтій, государь заложилъ великолѣпный храмъ Покрова Богоматери у воротъ Флоровскихъ или Спасскихъ, о девяти куполахъ: енъ есть донынѣ лучшее произведеніе такъ называемой готической архитектуры въ нашей древней столицѣ.

Сей монархъ, озаренный славою, до восторга любимый отечествомъ, завоеватель враждебнаго царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый правитель, законодатель, имѣлъ только 22 года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ исторіи государствъ! Казалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человѣчество примѣромъ какого-то совершенства, великости и счастія на тронѣ... Но здѣсь восходитъ первое облако надъ лучезарною главою юнаго вѣнценосца.

ГЛАВА V.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Г. 1552—1560.

Крещеніе царевича Димитрія и двухъ царей казанскихъ.—Язва.—Мятежи въ землѣ Казанской.—Болѣзнь царя.—Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь.—Смерть царевича.—Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ епископомъ Вассіаномъ.—Рожденіе царевича Іоанна.—Бѣгство князя Ростовскаго.—Ересь.—Усмиреніе мятежей въ казанской землѣ.—Учрежденіе епархіи казанской.—Покореніе царства астраханскаго.—Посольства хивинское, бухарское, шавкальское, тюменское, грузинское. — Подданство черкесовъ. — Дружба съ ногаями.—Дань Сибирская.—Прибытіе англійскихъ кораблей въ Россію.—Посолъ въ Англію.—Дѣла крымскія.—Письмо Солиманово.—Впаденіе крымцевъ.—Война шведская. — Сношенія съ Литвою. — Нападеніе дьяка ржевскаго на Исламъ-Кирмень.—Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ царю и беретъ Хортицу.—Завоеваніе Темрюка и Тамани.—Моръ въ ногайскихъ и крымскихъ улусахъ.—Усердіе Вишневецкаго.—Предложеніе союза Литвѣ. — Дѣла ливонскія.—Важный замыселъ, приписываемый Іоанну.—Состояніе Ливоніи.—Новое могущество Россіи.—Лучшее образованіе войска.—Начало войны ливонской.—Взятіе Нарвы.—Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза.—Великодушіе дерптскаго бургомистра.—Бѣгство магистра.—Новый глава ордена.—Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ.—Кетлеръ беретъ Рингенъ.—Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. — За Ливонію ходатайствуютъ короли польскій, шведскій, датскій.—Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи.—Нашествіе крымцевъ.—Впаденіе россіянъ въ Тавриду.—Союзъ Ливоніи съ Августомъ.—Магистръ нарушаетъ перемиріе.—Славная защита Лаиса. — Угрозы Августовы. — Гонецъ отъ императора.—Новое разореніе Ливоніи.—Взятіе Маріенбурга. — Побѣды князя Курбскаго.—Кончина царицы Анастасіи.

Какъ скоро Анастасія могла встать съ постели, государь отправился съ нею и съ сыномъ въ обитель Троицы, гдѣ архіепископъ ростовскій Никандръ крестилъ Димитрія у мощей св. Сергія.—Насыщенный мірскою славою, Іоаннъ заключилъ торжество государственное христіанскимъ: два царя казанскіе, Утемишъ-Гирей и Едигеръ, пріяли вѣру Спасителя. Перваго, еще младенца, крестилъ митрополитъ въ Чудовѣ монастырѣ и нарекъ Александромъ: государь взялъ его къ себѣ во дворецъ и велѣлъ учить грамотѣ, закону и добродѣтели. Едигеръ самъ изъявилъ ревностное желаніе озариться свѣтомъ истины, и на вопросы митрополита: „не нужда ли, не страхъ ли, не мірская ли польза внушаетъ ему сію мысль?“ отвѣтствовалъ рѣшительно: „нѣтъ! люблю Іисуса и ненавижу Магомета!“ Священный обрядъ совершился на берегу Москвы-рѣки, въ присутствіи государя, бояръ и народа. Митрополитъ былъ воспреемникомъ отъ купели. Едигеръ, названный Симеономъ, удержалъ имя царя; жилъ въ Кремлѣ, въ особенномъ большомъ домѣ; имѣлъ боярина, чино-

вниковъ, множество слугъ и женился на дочери знатнаго сановника Андрея Кутузова, Маріи; пользовался всегда милостію государя и доказывалъ искреннюю любовь къ Россіи, забывъ, какъ смутную мечту, и прежнее свое царство, и прежнюю вѣру.

Послѣ многихъ неописанно-сладостныхъ чувствъ душа Іоаннова уже вкушала тогда горесть. Смертельная язва, которая подъ именемъ железы столь часто опустошала Россію въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, снова открылась во Псковѣ, гдѣ съ октября 1552 до осени 1553 года было погребено 25,000 тѣлъ въ скудельницахъ, кромѣ множества схорененныхъ тайно въ лѣсу и въ оврагахъ. Узнавъ о семъ, новогородцы немедленно выгнали псковскихъ купцовъ, объявивъ, что если кто-нибудь изъ нихъ пріѣдетъ къ нимъ, то будетъ сожженъ съ своимъ имѣніемъ. Осторожность и строгость не спасли Новагорода: язва въ октябрѣ же мѣсяцѣ начала свирѣпствовать и тамъ, и во всѣхъ окрестностяхъ. Полмилліона людей было ея жертвою; въ числѣ ихъ и архіепископъ Серапіонъ, который не берегъ себя, утѣшая несчастныхъ. На его опасное мѣсто митрополитъ поставилъ монаха Пимена Чернаго изъ Андреяновской пустыни; вмѣстѣ съ государемъ торжественно молился, святилъ воду—и Пименъ, 6 декабря съ умиленіемъ отслуживъ первую обѣдню въ Софійскомъ храмѣ, какъ бы притупилъ жало язвы: она сдѣлалась менѣе смертоносною, по крайней мѣрѣ въ Новѣгородѣ.

Весьма оскорбился государь и печальными вѣстями казанскими, увидѣвъ, что онъ еще не все совершилъ для успокоенія Россіи. Луговые и горные жители убивали московскихъ купцовъ и людей боярскихъ на Волгѣ: злодѣевъ нашли, и казнили 74 человѣка; но скоро вспыхнулъ бунтъ: вотяки и луговая черемиса не хотѣли платить дани, вооружились, умертвили нашихъ чиновниковъ, стали на высокой горѣ, у засѣки; разбили стрѣльцовъ и казаковъ, посланныхъ усмирить ихъ: 800 россіянъ легло на мѣстѣ. Въ семидесяти верстахъ отъ Казани, на рѣкѣ Мстѣ, мятежники основали земляную крѣпость и непрестанно безпокоили горную сторону набѣгами. Воевода Борисъ Салтыковъ, зимою выступивъ противъ нихъ изъ Свіяжска съ отрядомъ пѣхоты и конницы, тонулъ въ глубокихъ снѣгахъ: непріятель, катясь на лыжахъ, окружилъ его со всѣхъ сторонъ; въ долговременной, безпорядочной битвѣ россіяне падали отъ усталости и потеряли до пятисотъ человѣкъ. Самъ воевода былъ взятъ въ плѣнъ и зарѣзанъ варварами; немногіе возвратились въ Свіяжскъ, и бунтовщики, гордяся двумя побѣдами, думали, что господство россіянъ уже кончилось въ странѣ ихъ.

Іоаннъ вспомнилъ тогда мудрый совѣтъ опытныхъ вельможъ не оставлять Казани до совершеннаго покоренія всѣхъ ея дикихъ

народовъ. Уныніе при Дворѣ было столь велико, что нѣкоторые члены царской думы предлагали навсегда покинуть сію бѣдственную для насъ землю и вывести войско оттуда. Но государь изъявилъ справедливое презрѣніе къ ихъ малодушію; хотѣлъ исправить свою ошибку, и вдругъ занемогъ сильною горячкою, такъ что Дворъ, Москва, Россія въ одно время свѣдали о болѣзни его и безнадежности къ выздоровленію. Всѣ ужаснулись, отъ вельможи до земледѣльца: мысленно искали вины своей предъ Богомъ и говорили: „грѣхи наши должны быть безмѣрны, когда небо отнимаетъ у Россіи такого самодержца!“ Народъ толпился въ Кремлѣ; смотрѣли другъ другу въ глаза и боялись спрашивать; вездѣ блѣдныя, слезами орошенныя лица,—а во дворцѣ отчаяніе, смятеніе неописанное, тайный шепотъ между боярами, которые думали, что въ семъ бѣдственномъ случаѣ имъ должно не стенать и не плакать, но великодушно устроить судьбу государства. Представилось зрѣлище разительное. Іоаннъ былъ въ памяти. Дьякъ царскій Михайловъ, приступивъ къ одру, съ твердостію сказалъ болящему, что ему время совершить духовную. Несмотря на цвѣтущую юность, въ полнотѣ жизни и здравіи, Іоаннъ часто говаривалъ о томъ съ людьми ближними: не устрашился, и спокойно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ, единственнымъ государемъ Россіи. Бумагу написали: хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ и собрали ихъ въ царской столовой комнатѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежъ: одни требовали, другіе не давали присяги, и въ числѣ послѣднихъ князь Владиміръ Андреевичъ, который съ гнѣвомъ сказалъ вельможѣ Воротынскому, укоряющему его въ ослушаніи: „смѣешь ли браниться со мною?“ „Смѣю и драться,—отвѣтствовалъ Воротынскій, по долгу усерднаго слуги моихъ и твоихъ государей Іоанна и Димитрія; не я, но они повелѣваютъ тебѣ исполнить обязанность вѣрнаго россіянина“. Іоаннъ позвалъ ослушныхъ бояръ и спросилъ у нихъ: „Кого же думаютъ избрать въ цари, отказываясь цѣловать крестъ на имя моего сына? Развѣ забыли вы данную вами клятву служить единственно мнѣ и дѣтямъ моимъ?.. Не имѣю силъ говорить много“, промолвилъ онъ слабымъ голосомъ: „Димитрій и въ пеленахъ есть для васъ самодержецъ законный; но если не имѣете совѣсти, то будете отвѣтствовать Богу“. На сіе бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій сказалъ ему, что они не цѣловали креста, ибо не видали государя предъ собою; а Ѳедоръ Адашевъ, отецъ любимца Іоаннова, саномъ окольничій, объяснился откровеннѣе такими словами: „Тебѣ, государю, и сыну твоему мы усердствуемъ повиноваться, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ, которые, безъ сомнѣнія, будутъ властвовать въ Россіи именемъ младенца без-

словестнаго. Вотъ что страшитъ насъ! А мы до твоего возраста уже испили всю чашу бѣдствій отъ боярскаго правленія". Іоаннъ безмолвствовалъ въ изнеможеніи. Самодержецъ чувствовалъ себя простымъ, слабымъ смертнымъ у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не берегли: забывали священный долгъ покоить умирающцаго; шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно-лежащаго Іоанна—и разошлися.

Чего же хотѣли сіи дерзкіе сановники, можетъ быть дѣйствительно одушевленные любовію къ общему благу, дѣйствительно устрашенные мыслію о гибельныхъ для отечества смутахъ боярскихъ, которыя снова могли водвориться въ правительствующей думѣ, къ ужасу Россіи, въ малолѣтство Димитрія? Они хотѣли возложить вѣнецъ на главу брата Іоаннова—не Юрія: ибо сей несчастный князь, обиженный природою, не имѣлъ ни разсудка, ни памяти—но Владиміра Андреевича, одареннаго многими блестящими свойствами: умомъ любопытнымъ, острымъ, дѣятельнымъ, мужествомъ и твердостію. Предполагая самое чистое, благороднѣйшее побужденіе въ сердцахъ бояръ, лѣтописецъ справедливо осуждаетъ ихъ замыселъ самовольно испровергнуть наслѣдственный уставъ государства, со временъ Димитрія Донского утверждаемый торжественною присягою, основанный на общемъ благѣ, плодъ долговременныхъ, старыхъ опытовъ и причину новаго могущества Россіи. Всѣ человѣческіе законы имѣютъ свои опасности, неудобства, иногда вредныя слѣдствія, но бываютъ душою порядка, священны для благоразумныхъ, нравственныхъ людей и служатъ оплотомъ, твердынею державъ. Предвидѣніе ослушныхъ бояръ могло и не исполниться: но если бы малолѣтство царя и произвело временныя бѣдствія для Россіи, то лучше было сносить оные, нежели нарушеніемъ главнаго устава государственнаго ввергнуть отечество въ бездну всегдашняго мятежа неизвѣстностію наслѣдственнаго права, столь важнаго въ монархіяхъ.

Къ счастію, другіе бояре остались вѣрными совѣсти и закону. Въ тотъ же вечеръ князья Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, Владиміръ Ивановичъ Воротынскій, Дмитрій Палецкій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ, Захарьины-Юрьевы, дьякъ Михайловъ присягнули царевичу; также и юный другъ государевъ, Алексѣй Адашевъ. Между тѣмъ донесли Іоанну, что князь Петръ Щенятевъ, Иванъ Пронскій, Семонъ Ростовскій, Дмитрій Нѣмый-Оболенскій во дворѣ и на площади славятъ князя Владиміра Андреевича, говоря: „лучше служить старому, нежели малому, и раболѣпствовать Захарьинымъ". Истощая послѣднія силы свои, государь хотѣлъ видѣть князя Владиміра и такъ называемою цѣловальною записью обязать его въ вѣрности: сей князь торжественно отрекся отъ присяги. Съ удивительною

кротостію Іоаннъ сказалъ ему: „Вижу твое намѣреніе: бойся Всевышняго!“ а боярамъ, давшимъ клятву: „Я слабѣю; оставте меня и дѣйствуйте по долгу чести и совѣсти“. Они съ новою ревностію начали убѣждать всѣхъ думныхъ совѣтниковъ исполнить волю государеву. Имъ отвѣтствовали: „Знаемъ, чего вы желаете: быть господами; но мы не сдѣлаемъ по вашему“. Называли другъ друга измѣнниками, властолюбцами; гнѣвъ, злоба кипѣла въ сердцахъ и каждое слово съ обѣихъ сторонъ было угрозою.

Въ часы сего ужаснаго смятенія князь Владиміръ Андреевичъ и мать его, Евфросинія, собирали у себя въ домъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ деньги. Народъ изъявилъ негодованіе. Благоразумные вельможи говорили князю Владиміру, что онъ безразсудно ругается надъ общей скорбію, какъ бы празднуя болѣзнь царя; что не время жаловать людей, когда отечество въ слезахъ и въ страхѣ. Князь и мать его отвѣчали словами колкими, съ досадою; а бояре, окружающіе государя, уже не хотѣли пускать къ нему сего явно злонамѣреннаго брата. Тутъ выступилъ на позорище чрезвычайный мужъ Сильвестръ, доселѣ главный совѣтникъ Іоанновъ, ко благу Россіи, но къ тайному неудовольстію многихъ, которые видѣли, что простой іерей управляетъ и церковію и думою: ибо (по словамъ лѣтописца) ему недоставало только сѣдалища царскаго и святительнаго: онъ указывалъ и вельможамъ и митрополиту, и судіямъ, и воеводамъ; мыслилъ, а царь дѣлалъ. Сія власть, не будучи беззаконіемъ и происходя единственно отъ справедливой довѣренности государевой къ мудрому совѣтнику, могла, однакожъ, измѣнить чистоту его первыхъ намереній и побужденій; могла родить въ немъ любовь къ господству и желаніе утвердить оное навсегда: искушеніе опасное для добродѣтели! Всѣми уважаемый, не всѣми любимый, Сильвестръ терялъ съ Іоанномъ политическое бытіе свое и, соглашая личное властолюбіе съ пользою государственною, можетъ быть, тайно доброхотствовалъ сторнѣ князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою. По крайней мѣрѣ, видя остервененіе ближнихъ Іоанновыхъ противъ сего князя, онъ вступился за него и говорилъ съ жаромъ: „кто дерзаетъ удалять брата отъ брата и злословить невиннаго, желающаго лить слезы надъ болящимъ?“ Захарьины и другіе отвѣтствовали, что они исполняютъ присягу, служить Іоанну, Димитрію и не терпятъ измѣнниковъ, Сильвестръ оскорбился и навлекъ на себя подозрѣніе.

Въ слѣдующій день государь вторично созвалъ вельможъ и сказалъ имъ: „Въ послѣдній разъ требую отъ васъ присяги. Цѣлуйте крестъ предъ моими ближними боярами, князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ: я не въ силахъ быть того свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву умереть за меня и за сына моего,

вспомните оную, когда меня не будетъ; не допустите вѣроломныхъ извести царевича: спасите его; бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ вамъ путь!.. А вы, Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ бояръ: они не пощадятъ васъ: вы будете первыми мертвецами. Итакъ, явите мужество: умрите великодушно за моего сына и за мать его; не дайте жены моей на поруганіе измѣнникамъ!“ Сіи слова произвели сильное дѣйствіе въ сердцѣ бояръ; они содрогнулись и, безмолвствуя, вышли въ переднюю комнату, гдѣ дьякъ Иванъ Михайловъ держалъ крестъ, а князь Владиміръ Воротынскій стоялъ подлѣ него. Всѣ присягали въ тишинѣ и съ видомъ умиленія, моля Всевышняго, да спасетъ Іоанна, или да будетъ сынъ его подобенъ ему для счастія Россіи! Одинъ князь Иванъ Пронскій-Турунтай, взглянувъ на Воротынскаго, сказалъ ему: „Отецъ твой и ты самъ былъ первымъ измѣнникомъ по кончинѣ великаго князя Василія; а теперь приводишь насъ къ святому кресту!“ Воротынскій отвѣчалъ ему спокойно: „да, я измѣнникъ, а требую отъ тебя клятвы быть вѣрнымъ государю нашему и сыну его; ты приведенъ, а не хочешь дать ее!“ Турунтай замѣшался и присягнулъ.

Но сей священный обрядъ не всѣхъ утвердилъ въ вѣрности. Князь Дмитрій Палецкій, сватъ государевъ, тесть Юрія, тогда же послалъ зятя своего Василія Бороздина къ князю Владиміру Андреевичу и къ матери его сказать имъ, что если дадутъ Юрію удѣлъ, назначенный ему въ духовномъ завѣщаніи великаго князя Василія, то онъ (Палецкій) готовъ, вмѣстѣ съ другими, помогать имъ и возвести ихъ на престолъ! Еще двое изъ вельможъ оставались въ подозрѣніи; князь Дмиарій Курлятевъ, другъ Алексѣя Адашева, и казначей Никита Фуниковъ; они не были во дворцѣ за болѣзнію, но, по увѣренію доносителей, имѣли тайное сношеніе съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Курлятевъ на третій день, когда уже все затихло, велѣлъ нести себя во дворецъ и присягнулъ Димитрію; Фуниковъ также, по послѣдній. Самъ князь Владиміръ Андреевичъ обязался клятвенною грамотою не думать о царствѣ и въ случаѣ Іоанновой кончины повиноваться Димитрію какъ своему законному государю, а мать Владиміра долго не хотѣла приложить княжеской печати къ сей грамотѣ; наконецъ, исполнила рѣшительное требованіе бояръ, сказавъ: „что значитъ присяга невольная?“

Сіи два дни смятенія и тревоги довели слабость болящаго до крайней степени; онъ казался въ усыпленіи, которое могло быть преддверіемъ смерти. Но дѣйствія природы неизъяснимы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда губитъ, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Іоаннова? Жизнь мила въ юности: его жизнь украшалась еще славою и

всѣми лестными надеждами вѣнценосной добродѣтели. Въ кипѣніи силъ и чувствительности касаться гроба, падать съ престола въ могилу, видѣть страшное измѣненіе въ лицахъ: въ безмолвныхъ дотолѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, строптивость; государю самовластному уже зависѣть отъ тѣхъ, коихъ судьба зависѣла прежде отъ его слова; смиренно молить ихъ, да спасутъ, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства! Іоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минутъ; огнь души усилилъ дѣятельность природы, и болящій выздоровѣлъ къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкоторыхъ. Хотя князь Владиміръ Андреевичъ и единомышленники его исполнили, наконецъ, волю Іоаннову и присягнули Димитрію, но могъ ли самодержецъ забыть мятежъ ихъ и муку души своей, ими растерзанной въ минуты его боренія съ ужасами смерти?..

Что жъ сдѣлалъ Іоаннъ? всталъ съ одра, исполненный милости ко всѣмъ боярамъ, благоволенія и довѣренности къ прежнимъ друзьямъ и совѣтникамъ, далъ санъ боярскій отцу Адашева, который смѣлѣе другихъ опровергалъ царское завѣщаніе; честилъ, ласкалъ князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ помнить, что случилось въ болѣзнь его, и казался только признательнымъ къ Богу за свое чудесное исцѣленіе!

Такова была наружность; но въ сердцѣ осталась рана опасная. Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и юный Адашевъ тайно держалъ сторону князя Владиміра. Не сомнѣваясь въ ихъ усердіи ко благу Россіи, онъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему; уважая того и другого, простылъ къ нимъ въ любви; обязанный имъ главными успѣхами своего царствованія, страшился быть неблагодарнымъ и соблюдалъ единственно пристойность; шесть лѣтъ усердно служивъ добродѣтели и вкусивъ всю ея сладость, не хотѣлъ измѣнить ей, не мстилъ никому явно; но съ усиліемъ, которое могло ослабѣть въ продолженіе времени. Всего хуже было то, что супруга Іоаннова, дотолѣ согласно съ Адашевымъ и Сильвестромъ питавъ въ немъ любовь къ святой нравственности, отдѣлилась отъ нихъ тайною непріязнію, думая, что они имѣли намѣреніе пожертвовать ею, сыномъ ея и братьями выгодамъ своего особеннаго честолюбія. Анастасія способствовала, какъ вѣроятно, остудѣ Іоаннова сердца къ друзьямъ. Съ сего времени онъ непріятнымъ образомъ почувствовалъ свою отъ нихъ зависимость и находилъ иногда удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать по-своему: въ чемъ, какъ пишутъ, еще болѣе утвердило царя слѣдующее происшествіе.

Исполняя обѣтъ, данный имъ въ болѣзни, Іоаннъ объявилъ намѣреніе ѣхать въ монастырь св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ царицею и сыномъ. Сіе отдаленное путешествіе казалось нѣ-

которымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ неблагоразумнымъ: представляли ему, что онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Димитрія; что важныя дѣла, въ особенности бунты казанскіе, требуютъ его присутствія въ столицѣ. Государь не слушалъ сихъ представленій и поѣхалъ сперва въ обитель св. Сергія. Тамъ, въ старости, тишинѣ и молитвѣ жилъ славный Максимъ грекъ, сосланный въ Тверь великимъ княземъ Василіемъ, но освобожденный Іоанномъ какъ невинный страдалецъ. Царь посѣтилъ келію сего добродѣтельнаго мужа, который, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить объ его путешествіи. „Государь! —сказалъ Максимъ, вѣроятно по внушенію Іоанновыхъ совѣтниковъ:—пристойно ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и съ младенцемъ? Обѣты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность къ Небесной благости, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе Казанскаго царства, счастливое для Россіи, было гибелью для многихъ христіанъ; вдовы, сироты, матери избіенныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло царское!“ Іоаннъ не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ, какъ увѣряютъ, велѣлъ сказать ему чрезъ Алексѣя Адашева и князя Курбскаго, что царевичъ Димитрій будетъ жертвою его упрямства. Іоаннъ не испугался пророчества: поѣхалъ въ Дмитровъ, въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь, оттуда на судахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ обитель св. Кирилла и возвратился чрезъ Ярославль и Ростовъ въ Москву безъ сына: предсказаніе Максимово сбылось: Димитрій скончался въ дорогѣ.—Но важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего такъ называемаго Кирилловскаго ѣзда было Іоанново свиданіе въ монастыры Пѣсношскомъ, на берегу Яхромы, съ бывшимъ коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостію великаго князя Василія, но въ боярское правленіе лишился епархіи за свое лукавство и жестокосердіе. Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править государствомъ. Вассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо: „Если хочешь быть истиннымъ самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣе себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться—повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на царствѣ и грозою вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій государя неминуемо овладѣетъ имъ“. Сіи ядовитыя слова проникли въ глу-

бину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостью сказалъ: самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!.. Нѣтъ, Государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ нужду въ пособіи другихъ умовъ, и тѣмъ превосходнѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣе совѣтники, имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь умныхъ, впадаетъ въ руки хитрыхъ, которые въ угодность ему притворятся даже глупцами; не плѣняя въ немъ разума, плѣнятъ страсть и поведутъ его къ своей цѣли. Цари должны опасаться не мудрыхъ, а коварныхъ или безсмысленныхъ совѣтниковъ". Съ такими или подобными разсужденіями описываетъ князь Курбскій злую бесѣду старца Вассіана, которая, по его увѣренію, растлила душу юнаго монарха.

Но еще долгое время онъ не перемѣнялся явно: чтилъ мужей добролюбивыхъ, съ уваженіемъ слушалъ наставленія Сильвестровы, ласкалъ Адашева и далъ ему санъ окольничаго, употребляя его, вмѣстѣ съ дьякомъ Михайловымъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней политики. Чрезъ девять мѣсяцевъ утѣшенный рожденіемъ второго сына Іоанна, государь въ новомъ, тогда написанномъ завѣщаніи, показалъ величайшую довѣренность къ брату, князю Владиміру Андреевичу: объявилъ его, въ случаѣ своей смерти, не только опекуномъ юнаго царя, не только государственнымъ правителемъ, но и наслѣдникомъ трона, если царевичъ Іоаннъ скончается въ малолѣтствѣ; а князь Владиміръ далъ клятву быть вѣрнымъ совѣсти и долгу: не щадить ни самой матери княгини Евфросиніи, если бы она замыслила какое-либо зло противъ Анастасіи или сына ея: не знать ни мести, ни пристрастія въ дѣлахъ государственныхъ, не вершить оныхъ безъ вѣдома царицы, митрополита, думныхъ совѣтниковъ и не держать у себя въ московскомъ домѣ болѣе ста воиновъ.—Въ самыхъ справедливыхъ наказаніяхъ государь, какъ и прежде, слѣдовалъ движеніямъ милосердія, напримѣръ князь Симеонъ Ростовскій, знатный вельможа, оказавъ себя въ болѣзнь государя противникомъ его воли, не могъ быть спокоенъ духомъ; не вѣрилъ наружной тихости Іоанновой, мучился страхомъ, вздумалъ бѣжать въ Литву съ братьями и племянниками; сносился съ королемъ Августомъ, съ литовскими думными панами, открывалъ имъ государственныя тайны, давалъ вредные для насъ совѣты, чернилъ царя и Россію. Онъ послалъ къ королю своего ближняго князя Никиту Лобанова-Ростовскаго: его остановили въ Торопцѣ, допросили, узнали измѣну; и князь Симеонъ, взятый подъ стражу, самъ во всемъ признался, извиняясь скудостію и малоуміемъ. Бояре единогласно осудили пре-

ступника на смертную казнь; но государь, внявъ моленію духовенства, смягчилъ рѣшеніе суда: князя Симеона выставили на позоръ и заточили въ Бѣлоозеро.—Въ дѣлѣ иного рода оказалось также милосердіе Іоанново. Донесли государю, что возникаетъ опасная ересь въ Москвѣ; что нѣкто Матвѣй Башкинъ проповѣдуетъ ученіе совсѣмъ не-христіанское, отвергаетъ таинства нашей вѣры, божественность Христа, дѣянія соборовъ и святость угодниковъ Божіихъ. Его взяли въ допросъ: онъ заперся, называя себя истиннымъ христіаниномъ; но, посаженный въ темницу, началъ тосковать, открылъ ересь свою ревностнымъ инокамъ Іосифовскаго монастыря Герасиму и Филофею; самъ описалъ ее, наименовалъ единомышленниковъ Ивана и Григорія Борисовыхъ, монаха Бѣлобаева и другихъ; сказалъ, что развратителями его были католики аптекарь Матвѣй Литвинъ и Андрей Хотѣевъ; что какіе-то заволжскіе старцы въ искренней бесѣдѣ съ нимъ объявили ему такое же мнѣніе о Христѣ и святыхъ; что будто бы рязанскій епископъ Кассіанъ благопріятствовалъ ихъ заблужденію, и проч. Царь и митрополитъ, соборомъ уличивъ еретиковъ, не хотѣли употребить жестокой казни: осудили ихъ единственно на заточеніе, да не сѣютъ соблазна между людьми; а епископа Кассіана, разбитаго параличомъ, отставили.

Доказавъ, что болѣзнь и горестныя ея слѣдствія не ожесточили его сердца—что онъ умѣетъ быть выше обыкновенныхъ страстей человѣческихъ и забывать личныя, самыя чувствительныя оскорбленія—Іоаннъ съ прежнею ревностію занялся дѣлами государственными, изъ коихъ главнымъ было тогда усмиреніе завоеваннаго имъ царства. Онъ послалъ Данила Адашева, брата Алексѣева, съ дѣтьми боярскими и съ вятчанами на Каму; а знаменитыхъ доблестію воеводъ князя Симеона Микулинскаго, Ивана Шереметева и князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Казань со многими полками. Они выступили зимою въ самые жестокіе морозы; воевали цѣлый мѣсяцъ въ окрестностяхъ Камы и Меши; разорили тамъ новую крѣпость, сдѣланную мятежниками; ходили за Ашитъ, Уржумъ до самыхъ вятскихъ и башкирскихъ предѣловъ; сражались ежедневно въ дикихъ лѣсахъ, въ снѣжныхъ пустыняхъ; убили 10.000 непріятелей и двухъ злѣйшихъ враговъ Россіи: князя Янчуру Измаильтянина и богатыря черемисскаго Алеку; взяли въ плѣнъ 6.000 татаръ, а женъ и дѣтей 15.000. Князья Иванъ Мстиславскій и Михайло Васильевичъ Глинскій воевали луговую черемису, захватили 1,600 именитыхъ людей: князей, мурзъ, чиновниковъ татарскихъ, и всѣхъ умертвили. Воеводы и сановники, дѣйствуя ревностно, неутомимо, получили отъ государя золотыя медали, лестную награду сего времени: ими витязи украшали грудь свою вмѣсто нынѣшнихъ крестовъ

ордынскихъ.—Еще бунтъ не угасалъ; еще бѣглецы казанскіе укрывались въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ, вездѣ волнуя народъ; грабили, убивали нашихъ купцовъ и рыболововъ на Волгѣ; строили крѣпости; хотѣли возстановить свое царство. Одинъ изъ луговыхъ сотниковъ Мамичъ Бердей, призвавъ какого-то ногайскаго князя, далъ ему имя царя, но самъ умертвилъ его какъ неспособнаго и малодушнаго: отрубивъ ему голову, взоткнулъ ее на высокое дерево и сказалъ: „Мы взяли тебя на царство для войны и побѣды, а ты съ своею дружиною умѣлъ только объѣдать насъ! Теперь да царствуетъ голова твоя на высокомъ престолѣ!“ Сего опаснаго мятежника горные жители заманили въ сѣти; дружелюбно звали къ себѣ на пиръ, схватили и отослали въ Москву, за что государь облегчилъ ихъ въ налогахъ. Нѣсколько разъ земля Арская присягала и снова измѣняла: луговая же долѣе всѣхъ упорствовала въ мятежѣ. Россіяне пять лѣтъ не опускали меча: жгли и рѣзали. Безъ пощады губя вѣроломныхъ, Іоаннъ награждалъ вѣрныхъ: многіе казанцы добровольно крестились; другіе, не оставляя закона отцовъ своихъ, вмѣстѣ съ первыми служили Россіи. Имъ давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяства. Наконецъ, усилія бунтовщиковъ ослабѣли; вожди ихъ погибли всѣ безъ исключенія, крѣпости были разрушены, другія (Чебоксары, Лаишевъ) вновь построены нами и заняты стрѣльцами. Вотяки, черемисы, самые отдаленные башкирцы приносили дань, требуя милосердія. Весною въ 1557 году Іоаннъ въ сію несчастную землю, наполненную пепломъ и могилами, послалъ стряпчаго Семена Ярцова съ объявленіемъ, что ужасы ратные миновались и что народы ея могутъ благоденствовать въ тишинѣ какъ вѣрные подданные бѣлаго царя. Онъ милостиво принялъ въ Москвѣ ихъ старѣйшинъ и далъ имъ жалованныя грамоты.

Съ того времени Казань сдѣлалась мирною собственностью Россіи, сохраняя имя царства въ титулѣ нашихъ монарховъ. Іоаннъ, въ 1553 году, соборомъ духовенства уставилъ для ея новыхъ христіанъ особенную епархію; далъ ей архіепископа, уступающаго въ старѣйшинствѣ одному новогородскому владыкѣ; подчинилъ его духовному вѣдомству Свіяжскъ, Васильгородъ и Вятку; опредѣлилъ въ жалованье на церковные расходы десятину изъ доходовъ казанскихъ. Первымъ святителемъ былъ тамъ Гурій, игуменъ Селижарова монастыря. Съ какою ревностію сей добродѣтельный мужъ, причисленный нашею церковію къ лику угодниковъ Божіихъ, насаждалъ въ своей паствѣ вѣру Спасителеву, средствами истинно-христіанскими, ученіемъ любви и кротости; съ такимъ усердіемъ намѣстникъ государевъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій образовалъ сей новый край въ гражданскомъ

порядкѣ, изглаждая слѣды опустошеній, водворяя спокойствіе, оживляя торговлю и земледѣліе. Села царскія и княжескія были отданы архіепископу, монастырямъ и дѣтямъ боярскимъ.

Совершилось и другое, менѣе трудное, но также славное завоеваніе. Издревле, еще до начала державы Россійской, при устьѣ Волги существовалъ городъ козарскій, знаменитый торговлею, Атель или Балангіаръ; въ XIII вѣкѣ онъ принадлежалъ аланамъ, именуемый Сумеркентомъ, а въ нашихъ лѣтописяхъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ Асторокани, будучи владѣніемъ Золотой Орды, и со времени ея паденія столицею особенныхъ хановъ, единоплеменныхъ съ ногайскими князьями. Тѣснимые черкесами, крымцами, сіи ханы, слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и послѣдній изъ нихъ Ямгурчей хотѣлъ даже, какъ мы видѣли, быть данникомъ Іоанновымъ, но, обольщенный покровительствомъ султана, обманулъ государя: присталъ къ Девлетъ-Гирею и къ Юсуфу, ногайскому князю, отцу Сююнбекину, который возненавидѣлъ Россію за плѣнъ его дочери и внука, сверженнаго нами съ престола казанскаго. Посла московскаго обезчестили въ Астрахани и держали въ неволѣ: государь воспользовался симъ случаемъ, чтобы, по мнѣнію тогдашнихъ книжниковъ, возвратить Россіи ея древнее достояніе, гдѣ будто бы княжилъ нѣкогда сынъ св. Владиміра, Мстиславъ: ибо они считали Астрахань древнимъ Тмутороканемъ, основываясь на сходствѣ имени. Мурзы ногайскіе Исмаилъ и другіе непріятели Юсуфовы, утверждали Іоанна въ семъ намѣреніи: молили его, чтобы онъ далъ Астрахань изгнаннику Дербышу, ихъ родственнику, бывшему тамъ царемъ прежде Ямгурчея, и хотѣли помогать намъ всѣми силами. Государь, призвавъ Дербыша изъ ногайскихъ улусовъ, весною въ 1554 году послалъ съ нимъ на судахъ войско, не многочисленное, но отборное: оно состояло изъ царскихъ дворянъ, жильцовъ, лучшихъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ, вятчанъ. Предводители были князь Юрій Ивановичъ Пронскій-Шемякинъ и постельничій Игнатій Вешняковъ, мужъ отлично храбрый. 29 іюня, достигнувъ Переволоки, Шемякинъ отрядилъ впередъ князя Александра Вяземскаго, который близъ Чернаго острова встрѣтилъ и побилъ нѣсколько сотъ астраханцевъ, высланныхъ развѣдать о нашей силѣ. Узнали отъ плѣнниковъ, что Ямгурчей стоитъ пять верстъ ниже города, а татары засѣли на островахъ, въ своихъ улусахъ. Россіяне плыли мимо столицы Батыевой, Сарая, гдѣ 200 лѣтъ государи наши унижались предъ ханами Золотой Орды, но тамъ были уже однѣ развалины! Видѣть во время славы памятники минувшаго стыда легче, нежели во время уничиженія видѣть памятники минувшей славы!.. Въ сей нѣкогда ужасной странѣ, полной мечей и копій,

обитала тогда безоружная, мирная робость: все бѣжало—и граждане, и царь. Шемякинъ 2 іюля вступилъ въ безлюдную Астрахань, а князь Вяземскій нашелъ въ Ямгурчеевомъ станѣ не мало кинутыхъ пушекъ и пищалей. Гнались за бѣгущими во всѣ стороны,—до Бѣлаго озера и Тюмени: однихъ убивали, другихъ вели въ городъ, чтобы дать подданныхъ Дербышу, объявленному царемъ въ пустынной столицѣ. Ямгурчей съ двадцатью воинами ускакалъ въ Азовъ. Настигли только женъ и дочерей его, также многихъ знатныхъ чиновниковъ, которые всѣ хотѣли служить Дербышу и зависѣть отъ Россіи, требуя единственно жизни и свободы личной. Ихъ представили новому царю: онъ велѣлъ имъ жить въ городѣ, распустивъ народъ по улусамъ. Князей и мурзъ собралося пятьсотъ, а простыхъ людей десять тысячъ. Они вмѣстѣ съ Дербышемъ клялися въ томъ, чтобы повиноваться Іоанну какъ верховному своему властителю, присылать ему 40 тысячъ алтынъ и 3 тысячи рыбъ, какъ ежегодную дань, а въ случаѣ Дербышевой смерти нигдѣ не искать себѣ царя, но ждать, кого Іоаннъ или наслѣдники его пожалуютъ имъ въ правители. Въ клятвенной грамотѣ, скрѣпленной печатями, сказано было, что россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря вмѣстѣ съ астраханцами безданно и безъявочно. — Учредивъ порядокъ въ землѣ, оставивъ у Дербыша казаковъ (съ дворяниномъ Тургеневымъ) для его безопасности и для присмотра за нимъ, князь Шемякинъ и Вешняковъ возвратились въ Москву съ пятью взятыми въ плѣнъ царицами и съ великимъ числомъ освобожденныхъ россіянъ, бывшихъ невольниками въ астраханскихъ улусахъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ успѣхѣ государь получилъ 29 августа, въ день своего рожденія, празднуя его въ селѣ Коломенскомъ съ митрополитомъ и со всѣмъ дворомъ: изъявилъ живѣйшую радость; уставилъ церковное молебствіе; милостиво наградилъ воеводъ; встрѣтилъ плѣнныхъ царицъ съ великою честію и въ удовольствіе Дербышу отпустилъ назадъ въ Астрахань, кромѣ младшей изъ нихъ, которая на пути родила сына и вмѣстѣ съ нимъ крестилась въ Москвѣ: сына назвали царевичемъ Петромъ, а мать Іуліаніею, и государь женилъ на ней своегоименитаго дворянина, Захарію Плещеева. — Недолго Астрахань была еще особеннымъ царствомъ: скоро вѣроломство Дербыша доказало необходимость учредить въ ней россійское правительство: ибо нѣтъ надежной средины между независимостію и совершеннымъ подданствомъ державы. Мужествомъ нашихъ казаковъ отразивъ изгнанника Ямгурчея, хотѣвшаго завоевать Астрахань съ помощью крымцевъ и сыновей ногайскаго князя Юсуфа, Дербышъ замыслилъ измѣну: несмотря на то, что государь снисходительно уступилъ его народу всю дань перваго года, онъ тайно сносился

съ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, взявъ къ себѣ царевича крымскаго Казбулата въ должность калги. Голова стрѣлецкій Иванъ Черемисиновъ, съ новою воинскою дружиною, былъ посланъ обличить и наказать измѣнника. Дербышъ снялъ съ себя личину, вывелъ жителей изъ города, соединился съ толпами ногайскими, крымскими и дерзко началъ войну, ободренный малочисленностію россіянъ. Но у насъ былъ искренній, ревностный другъ: князь ногайскій Исламъ, своимъ ходатайствомъ доставивъ престолъ сему неблагодарному, помогъ Черемисинову—и Дербышъ, разбитый на голову (въ 1557 году), по слѣдамъ Ямгурчея, бѣжалъ въ Азовъ. Тогда всѣ жители, удостовѣренные въ безопасности, возвратились въ городъ и въ окрестные улусы, дали присягу Россіи и не думали уже измѣнять, довольные своимъ жребіемъ подъ властію великой державы, которой сила могла быть имъ защитою отъ Тавриды и ногаевъ. Черемисиновъ утвердилъ за ними прежнюю собственность: острова, пашни; обложилъ всѣхъ данію легкою, наблюдалъ справедливость, пріобрѣлъ общую любовь и довѣренность; однимъ словомъ, устроилъ все наилучшимъ образомъ для пользы жителей Россіи.

Съ того времени государь въ подписи своихъ грамотъ началъ означать лѣта казанскаго и астраханскаго завоеваній, коихъ эпоха есть, безъ сомнѣнія, самая блестящая въ нашей исторіи среднихъ вѣковъ. Громкое имя покорителя царствъ дало Іоанну, въ глазахъ россіянъ-современниковъ, безпримѣрное величіе и возвысило ихъ государственное достоинство, плѣняя честолюбіе, питая гордость народную, удивительную для иноземцевъ, которые не понимали ея причины, ибо видѣли только гражданскіе недостатки наши въ сравненіи съ другими европейскими народами и не сравнивали Россіи Василія Темнаго съ Россіею Іоанна IV: первый имѣлъ только 1,000 воиновъ для ея защиты, а второй взялъ чуждое царство отрядомъ легкаго войска, не трогая своихъ главныхъ полковъ. Между сими происшествіями минуло едва столѣтіе, и народъ могъ единственно возгордиться столь быстрыми шагами къ величію. Не только иноземцы, но и мы сами не оцѣнимъ справедливо государственныхъ успѣховъ древней Россіи, если не вникнемъ въ обстоятельства тѣхъ временъ, не поставимъ себя на мѣстѣ предковъ и не будемъ смотрѣть ихъ глазами на вещи и дѣянія, безъ обманчиваго соображенія съ новѣйшими временами, когда все измѣнилось, умножились средства, прозябли сѣмена и насажденія. Великія усилія рождаютъ великое, а въ твореніяхъ государственныхъ начало едва ли не труднѣе совершенія.

Кромѣ славы и блеска, Россія, примкнувъ свои владѣнія къ морю Каспійскому, открыла для себя новые источники богатства

и силы, ея торговля и политическое вліяніе распространились. Звукъ оружія изгналъ чужеземныхъ купцовъ изъ Астрахани: спокойствіе и тишина возвратили ихъ. Они пріѣхали изъ Шемахи, Дербента, Шавкала, Тымени, Хивы, Сарайчика со всякими товарами, весьма охотно платя въ государеву казну установленную пошлину. Цари хивинскій и бухарскій прислали своихъ знатныхъ людей въ Москву съ дарами, желая благоволенія Іоаннова и свободной торговли въ Россіи. Земля шавкальская, тюменская, грузинская хотѣли быть въ нашемъ подданствѣ. Князья черкескіе, присягнувъ государю въ вѣрности, требовали, чтобы онъ помогъ имъ воевать султанскія владѣнія и Тавриду. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что султанъ въ мирѣ съ Россіею, но что мы всѣми силами будемъ оборонять ихъ отъ хана Девлетъ-Гирея. Вѣра Спасителева, насажденная между Чернымъ и Каспійскимъ морями въ самыя древнія времена имперіи Византійской, еще не совсѣмъ угасла въ сихъ странахъ: оставались ея темныя преданія и нѣкоторые обряды: извѣстность и могущество Россіи оживили тамъ память христіанства и любовь къ оному. Князья крестили дѣтей своихъ въ Москвѣ, отдавали ихъ на воспитаніе царю,—нѣкоторые сами крестились. Сынъ князя Сибока Худадекъ-Александръ и Темрюковъ Салтанукъ-Михаилъ учились грамотѣ во дворцѣ кремлевскомъ вмѣстѣ съ Сююнбекинымъ сыномъ.—Признательный къ усердію союзныхъ нами ногаевъ, государь позволилъ имъ кочевать въ зимнее время близъ самой Астрахани: они мирно и спокойно въ ней торговали. Князь Исмаилъ, убивъ своего брата Юсуфа, писалъ къ Іоанну изъ городка Сарайчика: „Врага твоего уже нѣтъ на свѣтѣ: племянники и дѣти мои единодушно дали мнѣ поводы уздъ своихъ: я властвую надо всѣми улусами“. Онъ совѣтовалъ россіянамъ основать крѣпость на Переволокѣ, а другую—на Иргизѣ (въ нынѣшней Саратовской губерніи), гдѣ скитались нѣкоторые бѣглые ногайскіе мурзы, не хотѣвшіе ему повиноваться и быть намъ друзьями. Утверждая пріязнь дарами и ласками, государь, однакожъ, не дозволялъ Исмаилу въ шертныхъ грамотахъ называться ни отцомъ его, ни братомъ, считая то унизительнымъ для россійскаго монарха.

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ проникъ и въ отдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственно среднюю часть нынѣшней Тобольской губерніи, было давно извѣстно въ Москвѣ отъ нашихъ югорскихъ и пермскихъ данниковъ. Тамъ господствовали князья могольскіе, потомки Батыева брата Сибана или Шибана. Вѣроятно, что они и прежде имѣли сношенія съ Россіею и даже признавали себя въ нѣкоторой зависимости отъ сильнаго ея царя: Іоаннъ, уже въ 1554 году, именовался въ грамотахъ властителемъ Сибири; но лѣтописи молчатъ о томъ до 1555 года:

въ сіе время князь сибирскій Едигеръ прислалъ двухъ чиновниковъ въ Москву поздравить государя со взятіемъ Казани и Астрахани. Дѣло шло не объ одной учтивости: Едигеръ вызвался платить дань Россіи, съ условіемъ, чтобы мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли. Государь увѣрилъ пословъ въ своей милости, взялъ съ нихъ клятву въ вѣрности и далъ имъ жалованную грамоту. Они сказали, что въ Сибири 30,700 жителей: Едигеръ хотѣлъ съ каждаго человѣка давать намъ ежегодно по соболю и бѣлкѣ. Сынъ боярскій Дмитрій Куровъ поѣхалъ въ Сибирь, чтобы обязать присягою князя и народъ: возвратился въ концѣ 1556 года съ новымъ посломъ Едигеровымъ и, вмѣсто обѣщанныхъ тридцати тысячъ, привезъ только 700 соболей. Едигеръ писалъ, что земля его, разоренная шибанскимъ царевичемъ, не можетъ дать болѣе, но Куровъ говорилъ противное, и царь велѣлъ заключить посла сибирскаго. Наконецъ, въ 1558 году, Едигеръ доставилъ въ Москву дань полную съ увѣреніемъ, что будетъ впредь исправнымъ плательщикомъ.—Такимъ образомъ Россія открыла себѣ путь къ неизмѣримымъ пріобрѣтеніямъ на сѣверѣ Азіи, неизвѣстномъ дотолѣ ни историкамъ, ни географамъ образованной Европы.

Сіе достопамятное время Іоаннова царствованія прославилось еще тѣснымъ союзомъ Россіи съ одною изъ знаменитѣйшихъ державъ европейскихъ, которая была внѣ ея политическаго горизонта, едва знала объ ней по слуху, и вдругъ, нечаянно, нашла доступъ къ самымъ отдаленнымъ, всѣхъ менѣе извѣстнымъ странамъ государства Іоаннова, чтобы съ великою выгодою для себя дать намъ новыя средства обогащенія, новые способы гражданскаго образованія. Еще Англія не была тогда первостепенною морскою державою, но уже стремилась къ сей цѣли, соревнуя Испаніи, Португаліи, Венеціи и Генуѣ; хотѣла проложить путь въ Китай, въ Индію Ледовитымъ моремъ, и весною въ 1553 году, въ царствованіе юнаго Эдуарда VI послала три корабля въ океанъ Сѣверный. Начальниками ихъ были Гугъ Виллоби и капитанъ Ченселеръ. Разлученные бурею, сіи корабли не могли уже соединиться; два изъ нихъ погибли у береговъ Россійской Лапландіи: въ пристани Арцинѣ, гдѣ Гугъ Виллоби замерзъ со всѣми людьми своими: зимою въ 1554 году рыбаки лапландскіе нашли его мертваго, сидящаго въ шалашѣ за своимъ журналомъ. Но капитанъ Ченселеръ благополучно доплылъ до Бѣлаго моря; 24 августа 1553 года вошелъ въ Двинскій заливъ и присталъ къ берегу, гдѣ былъ тогда монастырь св. Николая и гдѣ послѣ основанъ городъ Архангельскъ. Англичане увидѣли людей, изумленныхъ явленіемъ большого корабля; свѣдали отъ нихъ, что сей берегъ есть россійскій; сказали, что имѣютъ отъ короля англійскаго

письмо къ царю и желаютъ завести съ нимъ торговлю. Давъ имъ съѣстные припасы, начальники Двинской земли немедленно отправили гонца къ Іоанну, который тотчасъ понялъ важность сего случая, благопріятнаго для успѣховъ нашей торговли, — велѣлъ Ченселеру быть въ Москву и доставилъ ему всѣ возможныя удобности въ пути. Представленные англичане съ удивленіемъ видѣли, по ихъ словамъ, безпримѣрное великолѣпіе его двора: ряды красивыхъ чиновниковъ, кругъ сановитыхъ бояръ въ златыхъ одеждахъ, блестящій тронъ и на немъ юнаго самодержца въ блистательной коронѣ, окруженнаго величіемъ и безмолвіемъ. Ченселеръ подалъ слѣдующую грамоту Эдуардову, писанную на разныхъ языкахъ ко всѣмъ сѣвернымъ и восточнымъ государямъ:

„Эдуардъ VI вамъ, цари, князья, властители, судіи земли, во всѣхъ странахъ подъ солнцемъ, желаетъ мира, спокойствія, чести вамъ и странамъ вашимъ! Господь Всемогущій даровалъ человѣку сердце дружелюбное, да благотворитъ ближнимъ въ особенности странникамъ, которые, пріѣзжая къ намъ изъ мѣстъ отдаленныхъ, ясно доказываютъ тѣмъ превосходную любовь свою къ братскому общежитію. Такъ думали отцы наши, всегда гостепріимные, всегда ласковые къ иноземцамъ, требующимъ покровительства. Всѣ люди имѣютъ право на гостепріимство, но еще болѣе купцы, презирая опасности и труды, оставляя за собою моря и пустыни для того, чтобы благословенными плодами земли своей обогатить страны дальнія и взаимно обогатиться ихъ произведеніями: ибо Господь вселенныя разсѣялъ дары Его благости, чтобы народы имѣли нужду другъ въ другѣ и чтобы взаимными услугами утверждалась пріязнь между людьми. Съ симъ намѣреніемъ нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ предпріяли дальнее путешествіе моремъ и требовали отъ насъ согласія. Исполняя ихъ желаніе, мы позволили мужу достойному Гугу Виллоби и товарищамъ его, нашимъ вѣрнымъ слугамъ, ѣхать въ страны, донынѣ неизвѣстныя, и мѣняться съ ними избыткомъ: брать, чего не имѣемъ, и давать, чѣмъ изобилуемъ, для обоюдной пользы и дружества. Итакъ, молимъ васъ, цари, князья, властители, чтобы вы свободно пропустили сихъ людей чрезъ свои земли: ибо они не коснутся ничего безъ вашего дозволенія. Не забудьте человѣчества. Великодушно помогите имъ въ нуждѣ и пріимите отъ нихъ, чѣмъ могутъ вознаградить васъ. Поступите съ ними, какъ хотите, чтобы мы поступили съ вашими слугами, если они когда-нибудь къ намъ заѣдутъ. А мы клянемся Богомъ, Господомъ всего сущаго на небесахъ, на землѣ и въ морѣ, клянемся жизнію и благомъ нашего царства, что всякаго изъ вашихъ подданныхъ встрѣтимъ какъ единоплеменника и друга изъ благодарности за любовь, которую окажете нашимъ. За симъ молимъ

Бога Вседержителя, да сподобитъ васъ земного долголѣтія и мира вѣчнаго. Дано въ Лондонѣ, нашей столицѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 5517, царствованія нашего въ 7".

Англичане, принятые милостиво, обѣдали у государя въ Золотой палатѣ и съ новымъ изумленіемъ видѣли пышность царскую. Гости, числомъ болѣе ста, ѣли и пили изъ золотыхъ сосудовъ; одежда ста-пятидесяти слугъ также сіяла золотомъ.—Послѣ сего Ченселеръ имѣлъ переговоры съ боярами и былъ весьма доволенъ оными. Его немедленно отпустили назадъ (въ февралѣ 1554 года) съ отвѣтомъ Іоанновымъ. Царь писалъ къ Эдуарду, что онъ, искренно желая быть съ нимъ въ дружбѣ, согласно съ ученіемъ вѣры христіанской, съ правилами истинной науки государственной и съ лучшимъ его разумѣніемъ, готовъ сдѣлать все ему угодное; что, принявъ ласково Ченселера, такъ же приметъ и Гуга Виллоби, если послѣдній будетъ у насъ; что дружба, защита, свобода и безопасность ожидаютъ англійскихъ пословъ и купцовъ въ Россіи.—Эдуарда не стало: Марія царствовала въ Англіи и Ченселеръ, вручивъ ей Іоаннову грамоту съ нѣмецкимъ переводомъ, произвелъ своими вѣстями живѣйшую радость въ Лондонѣ. Всѣ говорили о Россіи какъ о новой открытой землѣ; хотѣли знать ея любопытную исторію, географію, и немедленно составилось общество купцовъ для торговли съ нею. Въ 1555 году Ченселеръ вторично отправился къ намъ на двухъ корабляхъ съ повѣренными сего общества Греемъ и Киллингвортомъ, чтобы заключить торжественный договоръ съ царемъ, коему Марія и супругъ ея Филиппъ письменно изъявили благодарность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Іоаннъ съ новою милостію принялъ Ченселера и его товарищей въ Москвѣ: обѣдая съ ними, обыкновенно сажалъ ихъ передъ собою; говорилъ ласково и называлъ королеву Марію любезнѣйшею сестрою. Учредили особенный совѣтъ для разсмотрѣнія правъ и вольностей, коихъ требовали англичане: въ немъ присутствовали и купцы московскіе. Положили, что главная мѣна товаровъ будетъ въ Колмогорахъ, осенью и зимою; что цѣны остаются произвольными, но что всякіе обманы въ куплѣ судятся какъ уголовное преступленіе. Іоаннъ далъ, наконецъ, торговую жалованную грамоту англичанамъ, уставивъ въ ней, что они могутъ свободно купечествовать во всѣхъ городахъ Россіи, безъ всякаго стѣсненія, и не платя никакой пошлины — вездѣ жить, имѣть домы, лавки — нанимать слугъ, работниковъ, и брать съ нихъ присягу въ вѣрности; что за всякую вину отвѣтствуетъ только виновный, а не общество; что государь, какъ законный судія, имѣетъ право отнять у преступника честь и жизнь, но не касается имѣнія; что они изберутъ старѣйшину для разбора ссоръ и тяжбъ между ими; что на-

мѣстники государевы обязаны дѣятельно помогать ему въ случаѣ нужды для усмиренія ослушныхъ и давать орудія казни; что нельзя взять англичанина подъ стражу, если старѣйшина объявитъ себя его порукою; что правительство немедленно удовлетворяетъ ихъ жалобамъ на россіянъ и строго казнитъ обидчиковъ.— Главными изъ товаровъ, привезенныхъ англичанами въ Россію, были сукна и сахаръ. Купцы наши предлагали 12 рублей (или гиней) за половинку сукна и 4 алтына (или шиллинга) за фунтъ сахару; но сія цѣна казалась для нихъ низкою.

Съ того времени пристань св. Николая— гдѣ, кромѣ бѣднаго, уединеннаго монастыря, было пять или шесть домиковъ,—оживилась и сдѣлалась важнымъ торговымъ мѣстомъ. Англичане построили тамъ особенный красивый домъ, а въ Колмогорахъ, нѣсколько обширныхъ дворовъ для складки товаровъ. Имъ дали землю, огороды, луга. — Между тѣмъ, надѣясь открыть путь черезъ Ледовитое море въ Китай, капитанъ ихъ Стефанъ Борро, отъ устья Двины доходилъ до Новой Земли и Вайгача, но устрашенный бурями и ледяными громадами, въ исходѣ августа мѣсяца возвратился въ Колмогоры.

Въ 1556 году Ченсѳлеръ отплылъ въ Англію съ четырьмя богато нагруженными кораблями и съ посланникомъ государевымъ Іосифомъ Непѣею Вологжанинымъ. Счастіе, дотолѣ всегда благопріятное сему искусному мореплавателю, измѣнило ему: буря разсѣяла его корабли; только одинъ изъ нихъ вошелъ въ пристань лондонскую. Самъ Ченселеръ утонулъ близъ шотландскихъ береговъ; спасли только посланника Іоаннова, который, лишась всего, былъ осыпанъ въ Лондонѣ дарами и ласками. Знатные сановники государственные и сто сорокъ купцовъ со множествомъ слугъ, всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, въ богатой одеждѣ, выѣхали къ нему навстрѣчу. Онъ сѣлъ на коня, великолѣпно украшеннаго, и, окруженный старѣйшинами купечества, выѣхалъ въ городъ. Любопытные жители лондонскіе тѣснились въ улицахъ, привѣтствуя посланника громкими восклицаніями. Ему отвели одинъ изъ лучшихъ домовъ, гдѣ богатство уборовъ отвѣчало роскоши ежедневнаго угощенія; угадывали, предупреждали всякое желаніе гостя; то звали его на пиры, то водили обозрѣвать всѣ достопамятности Лондона, дворцы, храмъ св. Павла, Вестминстеръ, крѣпость, ратушу. Принятый Маріею съ отмѣннымъ благоволеніемъ, Непѣя въ торжественный день ордена Подвязки сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ близъ королевы. Нигдѣ не оказывалось такой чести русскому имени. Сей незнатный, но достойный представитель Іоаннова лица умѣлъ заслужить весьма лестный отзывъ англійскихъ министровъ: они донесли королевѣ, что его умъ въ дѣлахъ равняется съ его благородною важностью

въ поступкахъ. Вмѣстѣ съ грамотою царскою вручивъ Маріи и Филиппу нѣсколько соболей, Непѣя сказалъ, что богатѣйшіе дары Іоанновы во время Ченселерова кораблекрушенія были расхищены шотландцами. Королева послала къ царю самыя лучшія произведенія англійскихъ суконныхъ фабрикъ, блестящій доспѣхъ; льва и львицу; а старѣйшины россійскаго торговаго общества, въ послѣдній разъ великолѣпно угостивъ Непѣю въ залѣ лондонскихъ суконниковъ, объявили, что не дворъ, не казна, но ихъ общество взяло на себя всѣ издержки, коихъ требовало его пребываніе въ Англіи, и что они сдѣлали то съ живѣйшимъ удовольствіемъ въ знакъ своей добросердечной, ревностной, нѣжной дружбы къ нему и къ Россіи. Онъ получилъ отъ нихъ въ даръ золотую цѣпь во сто фунтовъ стерлинговъ и пять драгоцѣнныхъ сосудовъ; возвратился на англійскомъ кораблѣ въ сентябрѣ 1557 года и привезъ въ Москву ремесленниковъ, рудокоповъ и медиковъ, въ числѣ коихъ былъ искусный докторъ Стендишъ. Такъ Россія пользовалась всякимъ случаемъ заимствовать отъ иноземцевъ нужнѣйшее для ея гражданскаго образованія.

Съ удовольствіемъ читая ласковыя письма Маріи и Филиппа, которые именовали его въ оныхъ великимъ императоромъ; слыша отъ Непѣи, сколько чести и пріязни оказали ему въ Лондонѣ и дворъ, и народъ, Іоаннъ обходился съ англичанами какъ съ любезнѣйшими гостями Россіи; велѣлъ отвести имъ домы во всѣхъ торговыхъ городахъ, въ Вологдѣ, въ Москвѣ и лично привѣтствовалъ ихъ столь милостиво, что они не могли безъ чувства живѣйшей благодарности писать о томъ къ своимъ лондонскимъ знакомцамъ. Главный начальникъ англійскихъ кораблей, прибывшихъ въ 1557 году къ устью Двины, Антоній Дженкисонъ, ѣздилъ изъ Москвы въ Астрахань, чтобы завести торговлю съ Персіею: изъявили совершенную довѣренность къ видамъ лондонскаго купечества, государь обѣщалъ доставить оному всѣ способы для сего дальнаго перевоза товаровъ.—Однимъ словомъ, связь наша съ Британіею, основываясь на взаимныхъ выгодахъ безъ всякаго опаснаго совмѣстничества въ политикѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, служила доказательствомъ мудрости царя и придала новый блескъ его царствованію.—Открытіемъ англичанъ немедленно воспользовались и другіе купцы европейскіе: изъ Голландіи, изъ Брабанта начали приходить корабли къ сѣвернымъ берегамъ Россіи и торговать съ нею въ Корельскомъ устьѣ, что продолжалось отъ 1555 до 1587 года.

Сіи достопамятныя происшествія были не единственнымъ предметомъ Іоанновой дѣятельности. Усмиряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персіи, а торговлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россія

воевала и съ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и съ Швеціею, и съ Ливоніею, неусыпно наблюдая Литву.

Совершенное паденіе казанскаго царства приводило въ ужасъ Тавриду: Девлетъ-Гирей, кипя злобою, хотѣлъ бы поглотить Россію; но чувствовалъ нашу силу, ждалъ времени, манилъ Іоанна мирными обѣщаніями и грозилъ нападеніемъ. Въ 1553 году царь стоялъ съ полками въ Коломнѣ, ожидая хана; но ханъ прислалъ въ Москву грамоту шертную: соглашаясь быть намъ другомъ, онъ требовалъ богатыхъ даровъ и называлъ Іоанна только великимъ княземъ. Государь писалъ ему въ отвѣтъ, что мы не покупаемъ дружбы, и скромно извѣстилъ его о взятіи Астрахани. Тогда нѣкоторые изъ думныхъ совѣтниковъ предлагали государю довершить великое дѣло славы, безопасности, благоденствія нашего завоеваніемъ послѣдняго царства Батыева; и если бы онъ исполнилъ ихъ совѣтъ, то предупредилъ бы двумя вѣками знаменитое дѣло Екатерины Второй: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ бы противиться усиліямъ Россіи, которая уже стояла пятою на двухъ, лежащихъ предъ нею царствахъ, и смотрѣла на третіе какъ на лестную добычу: двѣсти тысячъ побѣдителей готовы были ударить на гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Есть время для завоеваній; оно проходитъ и долго не возвращается. Но сія мысль казалась еще дерзкою: путь къ Крыму еще не былъ знакомъ войску: степи, даль, трудность продовольствія устрашили. Сверхъ того Іоаннъ опасался раздражить султана, верховнаго властителя Тавриды, съ коимъ мы находились въ дружественныхъ сношеніяхъ: возбуждая противъ насъ князей ногайскихъ, онъ таилъ свою непріязнь и въ знакъ уваженія писалъ золотыми буквами къ Іоанну, именовалъ его царемъ счастливымъ и правителемъ мудрымъ; напоминалъ ему о старой любви и присылалъ въ Москву купцовъ за товарами. Еще и другая мысль склоняла государя щадить Тавриду: онъ надѣялся, подобно своему дѣду, употреблять ея хановъ въ орудіе нашей политики, чтобы вредить или угрожать Литвѣ. Уже опыты доказывали ненадежность сего орудія; но мы хотѣли новыхъ опытовъ, чтобы удостовѣриться въ необходимости истребленія варваровъ, и оставили въ ихъ рукѣ огонь и мечь на Россію!

Видя ложь, обманы Девлетъ-Гирея и свѣдавъ, что онъ идетъ воевать землю пятигорскихъ черкесовъ, нашихъ друзей, государь (въ іюнѣ 1555 года) послалъ воеводу Ивана Шереметева изъ Бѣлева Муравскою дорогою съ тринадцатью тысячами дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ въ Мамаевы луга, къ Перекопи, чтобы отогнать стада ханскія. Но Девлетъ-Гирей отъ Изюмскаго кургана своротилъ влѣво и вдругъ устремился къ предѣ-

ламъ Россіи, имѣя тысячъ шестьдесятъ войска. Шереметевъ, находясь близъ Святыхъ Горъ и Донца, открылъ сіе движеніе непріятеля, увѣдомилъ государя и пошелъ вслѣдъ за ханомъ, къ Тулѣ. Самъ Іоаннъ немедленно выступилъ изъ Москвы съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, царемъ казанскимъ Симеономъ, со всѣми воеводами и дѣтьми боярскими: уже не хотѣлъ, какъ бывало въ старину, ждать крымцевъ на Окѣ, но спѣшилъ встрѣтить ихъ далѣе въ полѣ. Девлетъ-Гирей былъ между двумя войсками и не зналъ того. Нескромность дьяковъ государевыхъ спасла его отъ гибели: они писали изъ Москвы къ намѣстникамъ украинскимъ, что ханъ въ сѣтяхъ; что спереди царь, сзади Шереметевъ въ одно время стиснутъ, истребятъ непріятеля. Намѣстники разгласили счастливую вѣсть, которая дошла и до хана чрезъ жителей, захваченныхъ крымцами. Въ ужасѣ онъ рѣшился бѣжать. Между тѣмъ мужественный, дѣятельный Шереметевъ взялъ обозъ Девлетъ-Гиреевъ, 60,000 коней, 200 аргамаковъ, 180 верблюдовъ; отправилъ сію добычу въ Мценскъ, въ Рязань; остался только съ семью тысячами воиновъ; въ 150 верстахъ отъ Тулы, на судбищахъ, встрѣтилъ всю непріятельскую силу и не уклонился отъ битвы: сломилъ передовой полкъ, отнялъ знамя ширинскихъ князей и ночевалъ на мѣстѣ сраженія. Къ хану привели двухъ плѣнниковъ: ихъ пытали; одинъ молчалъ, а другой не вынесъ мукъ и сказалъ ему о маломъ числѣ россіянъ. Опасаясь нашего главнаго войска, но стыдясь уступить побѣду горсти отважныхъ витязей, Девлетъ-Гирей утромъ возобновилъ нападеніе всѣми полками. Бились часовъ восемь, и россіяне нѣсколько разъ видѣли тылъ непріятеля; одни янычары султановы стояли крѣпко, берегли хана и снарядъ огнестрѣльный. Къ несчастію, герой Шереметевъ былъ раненъ: другіе воеводы не имѣли его духа; усилія наши ослабѣли, а непріятель удвоилъ свои. Россіяне смѣшались; искали спасенія въ бѣгствѣ. Тутъ мужественные чиновники Алексѣй Басмановъ и Стефанъ Сидоровъ ударили въ бубны, затрубили въ трубы, остановили бѣгущихъ и засѣли съ двумя тысячами въ буеракѣ: ханъ трижды приступалъ, не могъ одолѣть ихъ и, боясь терять время, на закатѣ солнца ушелъ въ степи.

Государь приближался къ Тулѣ, когда донесли ему, что Шереметевъ разбитъ и что ханъ будто бы идетъ къ Москвѣ съ несмѣтною силою. Люди боязливые совѣтовали царю идти назадъ за Оку, а смѣлые впередъ: онъ послушался смѣлыхъ и вступилъ въ Тулу, куда прибыли Шереметевъ, Басмановъ, Сидоровъ съ остаткомъ своихъ воиновъ. Узнавъ, что ханъ спѣшитъ къ предѣламъ Тавриды и что нельзя догнать его, Іоаннъ возвратился въ Москву. Онъ милостиво наградилъ всѣхъ усердныхъ сподвижниковъ Ше-

реметева, не побѣдителей, но ознаменованныхъ славою отчаянной битвы. Многіе изъ нихъ умерли отъ ранъ и въ томъ числѣ храбрый воевода Сидоровъ, уязвленный пулею и копьемъ: отслуживъ царю, онъ скинулъ съ себя обагренный кровію доспѣхъ и скончался въ мантіи схимника.

Въ сіе время Іоаннъ долженъ былъ обратить вниманіе на Швецію. Густавъ Ваза, съ безпокойствомъ видя возрастающее могущество Россіи, старался тайно вредить ей: сносился съ королемъ польскимъ, съ Ливоніею, съ герцогомъ прусскимъ, съ Даніею, чтобъ общимъ усиліемъ сѣверныхъ державъ противиться опасному Іоаннову властолюбію; и встревоженный нашею выгодною торговлею съ англичанами, убѣждалъ королеву Марію запретить оную, какъ несогласную съ благосостояніемъ Швеціи и дающую новыя средства избытка, новую силу естественнымъ врагамъ ея. Несмотря на то, ни Густавъ, ни царь не хотѣлъ кровопролитія: первый чувствовалъ слабость свою, послѣдній не имѣлъ никакихъ видовъ на завоеванія въ Швеціи. Но споры о неясныхъ границахъ произвели войну. Ссылаясь на старый договоръ Магнуса съ новогородцами, россіяне считали рѣки Саю и Сестрь предѣломъ обѣихъ державъ: шведы выходили за сей рубежъ: ловили рыбу, косили сѣно, пахали землю въ нашихъ владѣніяхъ; именовали Сестріею совсѣмъ иную рѣку и не слушали никакихъ возраженій. Россіяне жгли ихъ нивы, а шведы жгли наши села, умертвивъ нѣсколько боярскихъ дѣтей и посадивъ одного изъ нихъ на колъ; отняли у насъ также нѣсколько погостовъ въ Лапландіи и хотѣли разорить тамъ уединенный монастырь св. Николая не Печенгѣ, противъ Варгава. Новогородскій намѣстникъ князь Димитрій Палецкій отправилъ къ королю Густаву сановника Никиту Кузьмина; его задержали въ Стокгольмѣ какъ лазутчика по ложному донесенію выборгскаго начальника, и Густавъ не далъ отвѣта князю Палецкому, желая объясниться письменно съ самимъ царемъ. Жители Новогородской области вооруженною рукою заняли нѣкоторыя спорныя мѣста: шведы побили ихъ на голову. Еще съ обѣихъ сторонъ предлагали дружелюбно изслѣдовать взаимныя неудовольствія; назначали время и мѣсто для съѣзда повѣренныхъ: шведскіе не явились. Государь велѣлъ князю Ногтеву и воеводамъ новогородскимъ защитить границу; а Густавъ, опасаясь нападенія, самъ прибылъ въ Финляндію единственно для обороны. Но адмиралъ его Іоаннъ Багге, пылая ревностію отличить себя подвигомъ славы, убѣждалъ короля предупредить насъ; отвѣтствовалъ ему за успѣхъ; донесъ, что слухъ носится о внезапной кончинѣ царя; что Россія въ смятеніи; что онъ надѣется собрать двадцать тысячъ воиновъ и проникнуть съ ними въ средину ея владѣній. Старецъ

Густавъ, имъ обольщенный, согласился дѣйствовать наступательно; а Багге немедленно осадилъ Нотебургъ, или Орѣшекъ съ конницею, пѣхотою, со многими вооруженными судами: громилъ стѣны изъ пушекъ и жегъ наши селенія. Россіяне взяли мѣры: крѣпость оборонялась сильно: съ одной стороны князь Ногтевъ, съ другой—дворецкій Симеонъ Шереметевъ тѣснили непріятеля, разбивали его отряды, хватали кормовщиковъ, брали суда. Настала осень, и Багге, потерявъ немало людей въ теченіе мѣсяца, возвратился въ Финляндію, хвалясь единственно тѣмъ, что россіяне не могли преградить ему пути и что онъ вездѣ мужественно отражалъ ихъ.

Зимою собралось многочисленное войско въ Новѣгородѣ; а царь оказывалъ еще миролюбіе: воеводы московскіе писали къ королю, что онъ, безсовѣстно нарушивъ перемиріе, будетъ виновникомъ ужаснаго кровопролитія, если въ теченіе двухъ недѣль самъ не выѣдетъ къ нимъ на разсмотрѣнія обоюдныхъ неудовольствій и для казни обидчиковъ. Вмѣсто Густава отвѣтствовали выборгскіе чиновники, что адмиралъ Багге началъ войну безъ королевскаго повелѣнія; что шведы, доказавъ россіянамъ свое мужество, готовы возобновить старую дружбу съ ними. Но сей отвѣтъ казался неудовлетворительнымъ: воеводы князья Петръ Щенятевъ и Дмитрій Палецкій, съ астраханскимъ царевичемъ Кайбулою, вступили въ Финляндію: взяли въ оставленномъ шведами городкѣ Кивени семь пушекъ, сожгли его, а за пять верстъ отъ Выборга встрѣтили непріятеля, который, смявъ ихъ передовые отряды, расположился на горѣ. Мѣсто давало ему выгоду: Іоанновы искусные воеводы обошли его, напали съ тылу, рѣшили побѣду и плѣнили знатнѣйшихъ сановниковъ королевскихъ. Шведы заключились въ Выборгѣ: три дни стрѣлявъ по городу, россіяне не могли сбить крѣпкихъ стѣнъ; опустошили берега Воксы, разорили Нейшлотъ, вывели множество плѣнниковъ. Лѣтописецъ говоритъ, что они продавали человѣка за гривну, а дѣвку за пять алтынъ.—Іоаннъ былъ доволенъ воеводами: послалъ въ даръ ногайскому князю Исмаилу нѣсколько шведскихъ доспѣховъ и писалъ къ нему: „Вотъ новые трофеи Россіи! Король нѣмецкій сгрубилъ намъ: мы побили его людей, взяли города, истребили селенія. Такъ казнимъ враговъ: будь намъ другомъ!“

Густавъ, отъ самой юности примѣръ благоразумія между вѣнценосцами, ибо умѣлъ быть героемъ безъ воинскаго славолюбія и, великодушно избавивъ отечество отъ иноземнаго тирана, хотѣлъ всегда мира, тишины, благоденствія.—Густавъ на старости могъ винить себя въ ошибкѣ легкомыслія: видѣлъ, что Швеція безъ союзниковъ не въ силахъ бороться съ Россіею, и прислалъ сановника Канута въ Москву. Онъ писалъ къ Іоанну учтиво, дру-

желюбно, требуя мира, обвиняя бывшаго новогородскаго намѣстника князя Палецкаго (тогда смѣненнаго) и доказывая, что не шведы, а россіяне начали войну. Канутъ представилъ дары Густавовы: десять шведскихъ лисицъ, и хотя былъ посланникомъ недруга, однакожъ имѣлъ честь обѣдать съ государемъ, ибо сей недругъ уже просилъ мира. Отвѣтствуя Густаву, царь не соглашался съ нимъ въ причинахъ войны, но соглашался въ желаніи прекратить ее. „Твои люди,—писалъ онъ,—дѣлали ужасныя неистовства въ Корельской землѣ нашей: не только жгли, убивали, но и ругались надъ церквами, снимали кресты, колокола, иконы. Жители новогородскіе требовали отъ меня большихъ полковъ московскихъ, татарскихъ, черемисскихъ и другихъ; воеводы мои пылали нетерпѣніемъ идти къ Абову, къ Стокгольму: мы удержали ихъ, ибо не любимъ кровопролитія. Все зло произошло отъ того, что ты, по своей гордости, не хотѣлъ сноситься съ новогородскими намѣстниками, знаменитыми боярами великаго царства. Если не знаешь, каковъ Новогородъ, то спроси у своихъ купцовъ: они скажутъ тебѣ, что его пригороды болѣе твоего Стокгольма. Оставь надменность и будемъ друзьями". Густавъ оставилъ ее: послы его, совѣтникъ государственный Стенъ Эриксонъ, архіепископъ упсальскій Лаврентій, епископъ абовскій Михаилъ Агрикола и королевскій печатникъ Олофъ Ларсонъ въ февралѣ 1557 года пріѣхали въ Москву на 150 подводахъ, жили на Дворѣ Литовскомъ какъ бы въ заключеніи, не могли никого видѣть, кромѣ царскихъ чиновниковъ, поднесли Іоанну серебряный кубокъ съ часами, обѣдали у него въ Грановитой палатѣ и должны были принять всѣ условія, имъ объявленныя. О рубежѣ не спорили, возобновили старый, но послы долго требовали, чтобы мы освободили безденежно всѣхъ плѣнниковъ шведскихъ и чтобы король имѣлъ дѣло единственно съ царемъ. Бояре отвѣчали: 1) „Вы, какъ виновные, обязаны безъ выкупа отпустить россіянъ, купцовъ и другихъ, вами захваченныхъ; а мы, какъ правые, дозволяемъ вамъ выкупить шведскихъ плѣнниковъ, у кого ихъ найдете, если они не приняли нашей вѣры. 2) Не безчестіе, а честь королю имѣть дѣло съ новогородскими намѣстниками. Знаете ли кто они? Дѣти или внучата государей литовскихъ, казанскихъ или россійскихъ. Нынѣшній намѣстникъ, князь Глинскій есть племянникъ Михаила Львовича Глинскаго, столь знаменитаго и славнаго въ земляхъ нѣмецкихъ. Скажемъ вамъ также не въ укоръ, но единственно въ разсудъ: кто государь вашъ? Вѣнценосецъ, правда; но давно ли еще торговалъ волами? И въ самомъ великомъ монархѣ смиреніе лучше надменности". Послы уступили: зато бояре, желая изъявить снисхожденіе, согласились не именовать короля въ договорѣ клятвопреступникомъ! Написали въ Москвѣ

перемирную грамоту на сорокъ лѣтъ и велѣли новогородскимъ намѣстникамъ скрѣпить ее своими печатями. Между тѣмъ посламъ оказывалась честь, какой ни отецъ, ни дѣдъ Іоанновъ никогда не оказывалъ шведскимъ: ихъ встрѣчали и провожали во дворцѣ знатные сановники, угощали на золотѣ, пышно и великолѣпно. Вмѣсто дара государь прислалъ къ нимъ двадцать освобожденныхъ финляндскихъ плѣнниковъ. Историкъ Швеціи разсказываетъ, что Іоаннъ желалъ слышать богословское преніе архіепископа упсальскаго съ нашимъ митрополитомъ; выбрали для того греческій языкъ: но переводчикъ, не разумѣя смысла важнѣйшихъ словъ, толковалъ оныя столь нелѣпо, что государь велѣлъ прекратить сей разговоръ, въ знакъ благоволѣнія надѣвъ золотую цѣпь на грудь архіепископа.

Въ сей кратковременной шведской войнѣ король Августъ и магистръ ливонскій естественно доброжелательствовали Густаву; обѣщались и помогать ему, но оставались спокойными зрителями. Первый только ходатайствовалъ за него въ Москвѣ, убѣждая Іоанна не тѣснить Швеціи, которая могла бы вмѣстѣ съ Польшею дѣйствовать противъ невѣрныхъ. „Я не тѣсню никого, — писалъ государь въ отвѣтъ Августу: — имѣю царство обширное, которое отъ временъ Рюрика до моего непрестанно увеличивается; завоеванія не льстятъ меня, но стою за честь“. Возобновивъ перемиріе съ Литвою до 1562 года, Іоаннъ соглашался заключить и вѣчный миръ съ нею, если Августъ признаетъ его царемъ; но король упрямился, отвѣтствуя, что не любитъ новостей; что сей титулъ принадлежитъ одному нѣмецкому императору и султану. Бояре наши явили его посламъ грамоты папы Климента, императора Максимиліана, султановы, государей испанскаго, шведскаго, датскаго, которые именовали еще дѣда, отца Іоаннова царемъ; явили и новѣйшую грамоту королевы англійской: ничто не убѣдило Августа. Казалось, что онъ страшился титула болѣе, нежели силы государя россійскаго. Іоаннъ торжественно увѣдомилъ его о завоеваніи Астрахани: король изъявилъ ему благодарность и писалъ, что радуется его побѣдамъ надъ невѣрными! Такое увѣреніе было одною учтивостію; но разбои хана Девлетъ-Гирея, не щадившаго и Литвы, могли бы склонить сіи два государства къ искреннему союзу, если бы не встрѣтились новыя важныя противности въ ихъ выгодахъ.

Послѣднее впаденіе въ наши предѣлы дорого стоило хану, который лишился не только обоза, но и знатной части войска въ битвѣ съ Шереметевымъ. Несмотря на то, онъ хвалился побѣдою и снова ополчался; казаки подъ начальствомъ дьяка Ржевскаго стерегли его между Днѣпромъ и Дономъ; они извѣстили государя (въ маѣ 1556), что ханъ расположился станомъ

у Конскихъ водъ и мѣтитъ на Тулу или Козельскъ. Въ нѣсколько дней собралося войско: царь осмотрѣлъ его въ Серпуховѣ и хотѣлъ встрѣтить непріятеля за Тулою; но узналъ, что вся опасность миновалась. Смѣлый дьякъ Ржевскій, приманивъ къ себѣ триста малороссійскихъ литовскихъ казаковъ съ атаманами Млынскимъ и Еськовичемъ, ударилъ на Исламъ-Кирмень, на Очаковъ; шесть дней бился съ ханскимъ калгою, умертвилъ множество крымцевъ и турокъ, отогналъ ихъ табуны, вышелъ съ добычею и принудилъ Девлетъ-Гирея спѣшить назадъ для защиты Крыма, гдѣ, сверхъ того, свирѣпствовали смертоносныя болѣзни. Въ сіе же время, къ удовольствію государя, предложилъ ему свои услуги одинъ изъ знатнѣйшихъ князей литовскихъ, потомковъ св. Владиміра: Дмитрій Вишневецкій, мужъ ума пылкаго, отважный, искусный въ ратномъ дѣлѣ. Бывъ любимымъ вождемъ днѣпровскихъ казаковъ и начальникомъ Канева, онъ скучалъ мирною системою Августа; хотѣлъ подвиговъ, опасностей и, прельщенный славою нашихъ завоеваній, воскипѣлъ ревностію мужествовать подъ знаменами своего древняго отечества, коему провидѣніе явно указывало путь къ необыкновенному величію. Вишневецкій стыдился предстать Іоанну въ видѣ бѣглеца: вышелъ изъ Литвы со многими усердными казаками, занялъ островъ Хортицу близъ Днѣпровскаго устья, противъ Конскихъ водъ; сдѣлалъ крѣпость и писалъ къ государю, что не требуетъ у него войска: требуетъ единственно чести именоваться россіяниномъ, и запретъ хана въ Тавридѣ, какъ въ вертепѣ. Обнадеженный Іоанномъ въ милости, сей удалецъ сжегъ Исламъ-Кирмень, вывезъ оттуда пушки въ свою Хортицкую крѣпость и славно отразилъ всѣ нападенія хана, который 24 дня безъ успѣха приступалъ къ его острову. Съ другой стороны черкесскіе князья именемъ Россіи овладѣли двумя городками азовскими Темрюкомъ и Таманомъ, гдѣ было наше древнее Тмутороканское княженіе. Девлетъ-Гирей трепеталъ: думалъ, что Ржевскій, Вишневецкій и князья черкесскіе составляютъ только передовой отрядъ нашего главнаго войска; ждалъ самаго Іоанна, просилъ у него мира и въ отчаяніи писалъ къ султану, что все погибло, если онъ не спасетъ Крыма. Никогда,—говоритъ современный историкъ,—не бывало для Россіи удобнѣйшаго случая истребить остатки моголовъ, явно караемыхъ тогда гнѣвомъ Божіимъ. Улусы ногайскіе, прежде многолюдные, богатые, опустѣли въ жестокую зиму 1557 года; скотъ и люди гибли въ степяхъ отъ несноснаго холода. Нѣкоторые мурзы искали убѣжища въ Тавридѣ и нашли въ ней язву съ голодомъ, произведеннымъ чрезвычайною засухою. Едва ли 10,000 исправныхъ конныхъ воиновъ оставалось у хана; еще менѣе въ ногаяхъ. Къ симъ бѣдствіямъ присоединилось междо-

усобіе. Въ ногайской Ордѣ улусы возстали на улусы. Въ Тавридѣ вельможи хотѣли убить Девлетъ-Гирея, чтобы объявить царемъ Тохтамыша, жившаго у нихъ астраханскаго царевича, брата Шигъ-Алеева. Заговоръ открылся; Тохтамышъ бѣжалъ въ Россію и могъ основательно извѣстить государя о слабости Крыма.

Но мы, — по мнѣнію историка, знаменитаго Курбскаго, — не слѣдовали указанію перста Божія и дали оправиться невѣрнымъ. Вишневецкій не удержался на Хортицѣ, когда явились многочисленныя дружины турецкія и волошскія, присланныя къ Девлетъ-Гирею султаномъ: истощивъ силы и запасы, оставилъ свою крѣпость, удалился къ предѣламъ ливонскимъ и, занявъ Черкасы, Каневъ, гдѣ жители любили его, написалъ къ Іоанну, что будучи снова готовъ идти на хана, можетъ оказать Россіи еще важнѣйшую услугу покореніемъ ея скипетру всѣхъ южныхъ областей днѣпровскихъ. Предложеніе было лестно, но государь не хотѣлъ нарушить утвержденнаго съ Литвою перемирія: велѣлъ возвратить Черкасы и Каневъ Августу, призвалъ Вишневецкаго въ Москву и далъ ему въ помѣстье городъ Бѣлевъ со многими богатыми волостями, чтобы имѣть въ немъ страшилище какъ для хана, такъ и для короля польскаго.—Между тѣмъ Девлетъ-Гирей отдохнулъ. Хотя онъ все еще изъявлялъ желаніе быть въ мирѣ съ Россіею, хотя съ честію отпустилъ нашего посла Загряжскаго, державъ его у себя пять лѣтъ какъ плѣнника; доставилъ и союзную грамоту Іоанну, обязываясь, въ знакъ искренней къ намъ дружбы, воевать Литву: однакожъ предлагалъ условія гордыя и требовалъ дани, какую присылалъ къ нему Сигизмундъ и Августъ. „Для тебя, — говорилъ Девлетъ-Гирей, — разрываю союзъ съ Литвою: слѣдственно ты долженъ вознаградить меня“. Сыновья его дѣйствительно грабили тогда въ Волыніи и въ Подоліи, къ изумленію Августа, считавшаго себя ихъ другомъ. Они искали легкой добычи и находили ее въ сихъ плодоносныхъ областяхъ, гдѣ королевскіе паны гордо хвалились мужествомъ на пирахъ и малодушно бѣгали отъ разбойниковъ, не умѣя оберегать земли. Узнавъ о томъ, государь созвалъ бояръ: всѣ думали, что требованіе вѣроломнаго Девлетъ - Гирея недостойно вниманія; что надобно воспользоваться симъ случаемъ и предложить Августу союзъ противъ хана. Снова послали князя Вишневецкаго на Днѣпръ; дали ему 5,000 жильцовъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ: велѣли имъ соединиться съ князьями черкесскими и вмѣстѣ воевать Тавриду; а къ королю написалъ Іоаннъ, что онъ беретъ живѣйшее участіе въ бѣдствіи, претерпѣнномъ Литвою отъ гибельнаго набѣга крымцевъ; что время имъ обоимъ вразумиться въ истинную пользу ихъ державъ и общими силами сокрушить злодѣевъ, живущихъ обманами и гра-

бежомъ; что Россія готова помогать ему въ томъ усердно всѣми данными ей отъ Бога средствами. Сіе предложеніе столь радостно удивило короля, вельможъ, народъ, связанный съ нами узами единокровія и вѣры, что посланника московскаго носили на рукахъ въ Литвѣ, какъ вѣстника тишины и благоденствія для ея гражданъ, которые всегда ужасались войны съ Россіею. Честили его при Дворѣ, въ знатныхъ домахъ; славили умъ, великодушіе Іоанна. Августъ въ знакъ искренней любви освободилъ нѣсколько старыхъ плѣнниковъ московскихъ и прислалъ своего конюшаго виленскаго Яна Волчкова изъявить живѣйшую благодарность государю, обѣщаясь немедленно выслать и знатнѣйшихъ вельможъ въ Москву для заключенія мира вѣчнаго и союза. Съ обѣихъ сторонъ говорили съ жаромъ о христіанскомъ братствѣ; воспоминали судьбу Греціи, жертвы бывшаго между европейскими державами несоглаеія; хотѣли вмѣстѣ унять хана и противиться туркамъ. — Сіе обоюдное доброе расположеніе исчезло какъ мечта: Дѣла снова запутались и древняя взаимная ненависть между нами и Литвою воспрянула.

Виною тому была Ливонія. Съ 1503 года мы не имѣли съ нею ни войны, ни твердаго мира; возобновляли только перемиріе и довольствовались единственно купеческими связями. Съ ревностію предпріявъ возвеличить Россію не только побѣдами, но и внутреннимъ гражданскимъ образованіемъ, дающимъ новыя силы государству, Іоаннъ съ досадою видѣлъ недоброжелательство Ливонскаго Ордена, который заграждалъ путь въ Москву не только людямъ искуснымъ въ художествахъ и въ ратномъ дѣлѣ, но вообще и всѣмъ иноземцамъ. „Уже Россія такъ опасна,— писали чиновники орденскіе къ императору,— что всѣ христіанскіе сосѣдственные государи уклоняютъ главу предъ ея вѣнценосцемъ, юнымъ, дѣятельнымъ, властолюбивымъ и молятъ его о мирѣ. Благоразумно ли будетъ умножать силы природнаго врага нашего сообщеніемъ ему искусствъ и снарядовъ воинскихъ? Если откроемъ свободный путь въ Москву для ремесленниковъ и художниковъ, то подъ симъ именемъ устремится туда множество людей, принадлежащихъ къ злымъ сектамъ анабаптистовъ, сакраментистовъ и другихъ, гонимыхъ въ нѣмецкой землѣ: они будутъ самыми ревностными слугами царя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ замышляетъ овладѣть Ливоніею и Балтійскимъ моремъ, дабы тѣмъ удобнѣе покорить всѣ окрестныя земли: Литву, Польшу, Пруссію, Швецію“. По крайней мѣрѣ Іоаннъ не хотѣлъ терпѣть, чтобы ливонцы препятствовали ему въ исполненіи благодѣтельныхъ для Россіи намѣреній и готовилъ месть. Въ 1554 году послы магистра Генрика фонъ-Галена, архіепископа рижскаго и епископа дерптскаго, молили его возобновить перемиріе еще на 15 лѣтъ. Онъ со-

глашался съ условіемъ, чтобы область Юрьевская или Дерптская платила ему ежегодно искони установленную дань. Нѣмцы изъявили удивленіе: имъ показали Плеттенбергову договорную грамоту, писанную въ 1503 году, гдѣ именно упоминалось о сей дани, забытой въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Ихъ возраженій не слушали. Именемъ государевымъ Адашевъ сказалъ: „или такъ, или нѣтъ вамъ перемирія!“ Они уступили, и Дерптъ обязался грамотою, за ручательствомъ могистра, не только впредь давать намъ ежегодно по нѣмецкой маркѣ съ каждаго человѣка въ его области, но и за минувшія 50 лѣтъ представить въ три года всю недоимку. Магистръ клялся не быть въ союзѣ съ королемъ польскимъ и возстановить наши древнія церкви, вмѣстѣ съ католическими опустошенныя фанатиками новаго лютеранскаго исповѣданія въ Дерптѣ, Ревелѣ и Ригѣ: за что еще отецъ Іоанновъ грозилъ местію литовцамъ, сказавъ: „я не папа и не императоръ, которые не умѣютъ защитить своихъ храмовъ“. Торговлю объявили свободною, по волѣ Іоанна, которому жаловалась Ганза, что правительство рижское, ревельское, дерптское запрещаетъ ея купцамъ ввозить къ намъ металлы, оружіе, доспѣхи и хочетъ, чтобы нѣмцы покупали наше сало и воскъ въ Ливоніи. Только въ одномъ устоялъ магистръ; онъ не далъ слова пропускать иноземцевъ въ Россію: обстоятельство важное, которое дѣлало миръ весьма ненадежнымъ.

Съ сею грамотою, написанною въ Москвѣ и скрѣпленною печатями литовскихъ пословъ, отправился въ Дерптъ Іоанновъ чиновникъ келарь Терпигоревъ, чтобы, согласно съ обычаемъ, епископъ и старѣйшины утвердили оную свою клятвою и печатями. Но епископъ, бургомистръ и совѣтники ихъ ужаснулись быть данниками Россіи; угощая Терпигорева, тайно разсуждали между собою; винили пословъ ливонскихъ въ легкомысліи, въ преступленіи данной имъ власти, и не знали, что дѣлать. Минуло нѣсколько дней: чиновникъ московскій требовалъ присяги, не хотѣлъ ждать и грозился уѣхать. Тогда епископскій канцлеръ, тонкій политикъ, предложилъ совѣту обмануть Іоанна. „Царь силенъ оружіемъ, а не хитеръ умомъ“,—сказалъ онъ:—„чтобы не раздражить его, утвердимъ договоръ, но объявимъ, что не можемъ вступить ни въ какое обязательство безъ согласія императора римскаго, нашего законнаго покровителя; отнесемся къ нему, будемъ ждать, медлить—а тамъ, что Богъ дастъ!“ Сіе мнѣніе одержало верхъ: присягнули и возвратили грамоту послу Іоаннову съ оговоркою, что она не имѣетъ полной силы безъ утвержденія императорскаго. „Царю моему нѣтъ дѣла до императора! — сказалъ посолъ: — дайте мнѣ только бумагу; дадите и серебро“. Велѣвъ дьяку завернуть грамоту въ шелковую ткань, онъ промол-

вилъ съ усмѣшкою: „береги; это важная вещь“!—Терпигоревъ донесъ государю, что обрядъ исполненъ, но что нѣмцы замышляютъ обманъ.

Іоаннъ молчалъ; но съ сего времени уже писался въ грамотахъ государемъ Ливонскія земли. Въ февралѣ 1557 года снова явились въ Москву послы магистровы и дерптскаго епископа. Узнавъ, что они пріѣхали не съ деньгами, а съ пустыми словами и желаютъ доказывать боярамъ несправедливось нашего требованія, царь велѣлъ имъ ѣхать назадъ съ отвѣтомъ: „Вы свободно и клятвенно обязались платить намъ дань; дѣло рѣшено. Если не хотите исполнить обѣта, то мы найдемъ способъ взять свое.“ Онъ запретилъ купцамъ новогородскимъ и псковскимъ ѣздить въ Ливонію, объявивъ, что нѣмцы могутъ торговать у насъ спокойно; послалъ окольничнаго князя Шастунова заложить городъ съ пристанью въ самомъ устьѣ Нарвы, желая имѣть моремъ вѣрное, безопасное сообщеніе съ Германіею, и началъ готовиться къ войнѣ, котороя, по всѣмъ вѣроятностямъ, обѣщала намъ дешевые успѣхи и легкое завоеваніе. Ливонія и въ лучшее, славнѣйшее для Ордена время, при самомъ великомъ мужѣ Плеттенбергѣ, видѣла невозможность счастливо воевать съ Россіею: Орденъ, лишенный опоры Нѣмецкаго, сдѣлался еще слабѣе, и пятидесятилѣтній миръ, обогативъ землю, умноживъ пріятности жизни, роскошь, нѣгу, совершенно отучилъ рыцарей отъ суровой воинской дѣятельности: они въ великолѣпныхъ зȧмкахъ своихъ жили единственно для чувственныхъ наслажденій и низкихъ страстей (какъ увѣряютъ современные лѣтописцы): пили, веселились, забывъ древнее происхожденіе ихъ братства, вину и цѣль онаго: гнушались не пороками, а скудностію; безстыдно нарушая святые уставы нравственности, стыдились только уступать другъ другу въ пышности, не имѣя драгоцѣнныхъ одеждъ, множества слугъ, богато убранныхъ коней и прекрасныхъ любовницъ. Тунеядство, пиры, охота были главнымъ дѣломъ знатныхъ людей въ семъ, по выраженію историка, земномъ раю, а какъ жили орденскіе, духовные санавники, такъ и дворяне свѣтскіе, и купцы, и мѣщане въ своемъ избыткѣ; одни земледѣльцы трудились въ потѣ лица, обременяемые налогами алчнаго корыстолюбія, но отличались не лучшими нравами, а грубѣйшими пороками въ безсмысліи невѣжества и въ гибельной заразѣ пьянства. Многосложное, раздѣленное правительство было слабо до крайности: пять епископовъ, магистръ, орденскій маршалъ, восемь командоровъ и восемь фохтовъ владѣли землею; каждый имѣлъ свои города, волости, уставы и права; каждый думалъ о частныхъ выгодахъ, мало заботясь о пользѣ общей. Введеніе лютеранскаго исповѣданія, принятаго городами, свѣтскимъ дворянствомъ, даже многими рыцарями, еще болѣе за-

мѣшало Ливонію: волнуемый усердіемъ къ новой вѣрѣ, народъ мятежничалъ, опустошалъ латинскія церкви, монастыри; властители, отчасти за вѣру, отчасти за корысть, возставали другъ на друга. Такъ, преемникъ магистра фонъ-Галена, Фирстенбергъ, свергнулъ и заключилъ архіепископа рижскаго маркграфа Вильгельма (послѣ освобожденнаго угрозами короля Августа). Для храненія самой внутренней тишины, нанимая воиновъ въ Германіи, миролюбивый Орденъ не думалъ о способахъ противиться сильному врагу внѣшнему; не имѣя собственной рати, не имѣлъ и денегъ: магистры, сановники богатѣли, а казна скудѣла, изводимая для ихъ удовольствій и пышности; они считали достояніе орденское своимъ, а свое не орденскимъ. Однимъ словомъ, избытокъ земли, слабость правленія и нѣга гражданъ манили завоевателя.

Россія же была могущественнѣе прежняго. Кромѣ славы громкихъ завоеваній, мы пріобрѣли новыя вещественныя силы: усмиренные народы казанскіе давали намъ ратниковъ; князья черкесскіе пріѣзжали служить царю съ многолюдными конными дружинами. Но всего важнѣе было тогда новое, лучшее образованіе нашего войска, почти удвоившее силу онаго. Сіе знаменитое дѣло Іоаннова царствованія совершилось въ 1556 году, когда еще лилась кровь на берегахъ Волги, когда мы воевали съ Швеціею и ждали впаденія крымцевъ: учрежденіе, равно достопамятное въ воинскомъ и гражданскомъ законодательствѣ Россіи. Отъ временъ Іоанна III чиновники великокняжескіе и дѣти боярскіе награждались землями, но не всѣ: другимъ давали судное право въ городахъ и волостяхъ, чтобы они, въ завоеваніи намѣстниковъ, жили судными оброками и пошлинами, храня устройство, справедливость и безопасность болщую. Многіе честно исполняли свой долгъ: многіе думали единственно о корысти: тѣснили и грабили жителей. Непрестанныя жалобы доходили до государя: смѣняя чиновниковъ, ихъ судили, и слѣдствіемъ было то, что самые невинныя разорялись отъ тяжбъ и ябеды. Чтобы искоренить зло, Іоаннъ отмѣнилъ судные платежи, указавъ безденежно рѣшить тяжбы избираемымъ старостамъ и сотскимъ, а вмѣсто сей пошлины наложилъ общую дань на города и волости, на промыслы и земли, собираемую въ казну царскими дьяками; чиновниковъ же и боярскихъ дѣтей всѣхъ безъ исключенія уровнялъ или денежнымъ жалованьемъ или помѣстьями, сообразно съ ихъ достоинствомъ и заслугами; отнялъ у нѣкоторыхъ лишнюю землю и далъ неимущимъ, уставивъ службу не только съ помѣстьевъ, но и съ вотчинъ боярскихъ, такъ что владѣлецъ ста четвертей угожей земли долженъ былъ идти въ походъ на конѣ и въ доспѣхѣ, или вмѣсто себя выслать человѣка, или внести уложенную за то цѣ-

ну въ казну. Желая пріохотить людей къ службѣ, Іоаннъ назначилъ всѣмъ денежное жалованье во время похода и двойное боярскимъ дѣтямъ, которые выставляли лишнихъ ратниковъ сверхъ опредѣленнаго закономъ числа. Такимъ образовъ, измѣривъ земли, узнали нашу силу воинскую; доставивъ ратнымъ людямъ способъ жить безъ нужды въ мирное время и содержать себя въ походахъ, могли требовать, отъ нихъ лучшей исправности и строже наказывать лѣниныхъ, избѣгавшихъ службы. Съ сего времени, какъ говорятъ лѣтписцы, число воиновъ нашихъ несравненно умножилось. Имѣвъ подъ Казанью 150,000, Іоаннъ чрезъ нѣсколько лѣтъ могъ выводить въ поле уже до трехъ сотъ тысячъ всадниковъ пѣшихъ. Послѣдніе, именуемые стрѣльцами и вооруженные пищалями, избирались изъ волостныхъ сельскихъ людей, составляли безсмѣнную рать, жили обыкновенно въ городахъ и были преимущественно употребляемы для осады крѣпостей: учрежденіе, приписываемое Іоанну, по крайней мѣрѣ имъ усовершенное. Хотя оно еще не могло вдругъ измѣнить нашего древняго азіатскаго образа войны, но уже сближало его съ европейскимъ; давало болѣе твердости, болѣе устройства ополченіямъ.—Прибавимъ къ сему неутомимость россіянъ, ихъ физическую окрѣплость въ трудахъ, навыкъ сносить недостатокъ, холодъ въ зимнихъ походахъ,—вообще опытность ратную; прибавимъ, наконецъ, необъятную нравственнвю силу государства самодержавнаго, движимаго единою мысліею, единымъ словомъ вѣнценосца, юнаго, бодраго, который, по сказанію нашихъ и чужеземныхъ современниковъ, жилъ только для подвиговъ войны и вѣры. Чего могли ожидать ливонцы, имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ?—Погибели.

Всякое бореніе слабаго съ сильнымъ, возбуждая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго: но и россійскіе и ливонскіе историки винятъ Орденъ въ томъ, что онъ своимъ явнымъ недоброжелательствомъ, коварствомъ, обманами раздражилъ Іоанна, дѣйствуя по извинительному чувству нелюбви къ сосѣду опасному, но дѣйствуя неблагоразумно. Истинная политика велитъ быть другомъ, ежели нѣтъ силы быть врагомъ; прямодушіе можетъ иногда усовѣстить и властолюбца, отнимая у него предлогъ законной мести: ибо не легко наглымъ образомъ топтать уставы нравственности, и самая коварная или дерзкая политика должна закрываться ея личиною. Іоаннъ, начиная войну ливонскую, могъ тайно дѣйствовать по властолюбію, рождаемому или питаемому блестящими успѣхами; однакожъ могъ искренно увѣрить себя и другихъ въ своей справедливости, обязанный сею выгодою худому разсчету ливонскихъ властителей, которые, зная физическую силу россіянъ, надѣялись ихъ проводить хитростію, посольствами, учтивыми словами, льсти-

выми обѣщаніями и навлекли на себя ужасное двадцатипятилѣтнее бѣдствіе, въ коемъ, среди развалинъ и могилъ, палъ верхній Орденъ какъ утлое дерево.

Свѣдавъ о нашемъ вооруженіи, магистръ Фирстенбергъ и дерптскій епископъ требовали отъ царя опасной грамоты для проѣзда въ Москву ихъ новыхъ пословъ. Іоаннъ далъ грамоту, но гонцы нѣмецкіе видѣли у насъ вездѣ страшныя приготовленія къ войнѣ: обозы съ ратными запасами шли къ предѣламъ Ливоніи; вездѣ наводили мосты, учреждали станы, ямы, гостиницы по дорогѣ— и въ исходѣ осени 1557 года уже сорокъ тысячъ воиновъ стояло на границѣ подъ начальствомъ Шигъ-Алея, бояръ Глинскаго, Данила Романовича, Ивана Шереметева, князей Серебряныхъ, Андрея Курбскаго и другихъ знатныхъ сановниковъ. Кромѣ россіянъ, въ семь войскѣ были татары, черемисы, мордва, пятигорскіе черкесы. Ждали только слова государева, а государь ждалъ пословъ ливонскихъ; они пріѣхали съ богатыми дарами и съ краснорѣчіемъ: Іоаннъ не хотѣлъ ни того, ни другого. Алексѣй Адашевъ и дьякъ Иванъ Михайловъ, указывая имъ на договорную хартію, требовали дани. Согласились, наконецъ, чтобы Дерптъ, вмѣсто поголовной, ежегодно присылалъ намъ тысячу венгерскихъ золотыхъ, а Ливонія заплатила 45,000 ефимковъ за воинскія издержки. Написали договоръ; оставалось исполнить его, но послы объявили, что съ ними нѣтъ денегъ. Тогда государь, какъ пишутъ, пригласилъ ихъ обѣдать во дворцѣ и велѣлъ подать имъ только пустыя блюда: они встали изъ-за стола голодные и поѣхали назадъ ни съ чѣмъ; а за ними войско наше, среди холодной снѣжной зимы, 22 генваря, съ огнемъ и мечомъ вступило въ Ливонію. Несмотря на то, что угрозы Іоанновы были ясны и приготовленія въ войнѣ давно извѣстны, ливонскіе властители изумились, пируя въ сіе время пышную свадьбу какого-то знатнаго ревельскаго чиновника. Россіяне дѣлали что хотѣли въ землѣ, оставляя нѣмцевъ сидѣть покойно въ городахъ укрѣпленныхъ. Князья Барабашинъ, Рѣпинъ, Данило Ѳедоровичъ Адашевъ громили южную Ливонію на пространствѣ двухъ сотъ верстъ; выжгли посады Нейгауза, Киренпе, Маріенбурга, Курслава, Ульцена, и соединились подъ Дерптомъ съ главными воеводами, которые взяли Альтентурнъ и также на пути своемъ все обратили въ пепелъ. Нѣмцы осмѣлились сдѣлать вылазку изъ Дерпта, конные и пѣшіе, въ числѣ пяти сотъ; ихъ побили на-голову. Простоявъ три дня въ виду сей важной крѣпости, воеводы пошли къ Финскому заливу; другіе—къ рѣкѣ Аа; еще разбили нѣмцевъ близь Везенберга; сожгли предмѣстье Фалькенау, Конготы, Лаиса, Пиркеля; были только въ пятидесяти верстахъ отъ Риги, въ тридцати отъ Ревеля, и въ концѣ февраля возвратились въ Иванюгороду

съ толпами плѣнниковъ, съ обозами богатой добычи, умертвивъ множество людей. Нѣмецкіе историки говорятъ съ ужасомъ о свирѣпости россіянъ, жалуясь въ особенности на шайки такъ называемыхъ охотниковъ новогородскихъ и псковскихъ, которые, видя Ливонію беззащитною, вездѣ опустошали ея селенія, жестокостію превосходя самыхъ татаръ и черкесовъ, бывшихъ въ семъ войскѣ. Россіяне, посланные не для завоеванія, а единственно для разоренія земли, думали, что они исполняютъ долгъ свой, дѣлая ей какъ можно болѣе зла; и главный полководецъ, князь Михайло Глинскій, столько любилъ корысть, что грабилъ даже въ области Псковской, надѣясь на родственную милость государеву, но ошибся: изъявивъ благоволеніе всѣмъ другимъ воеводамъ, Іоаннъ въ справедливомъ гнѣвѣ велѣлъ доправить съ него все, беззаконно взятое имъ въ походѣ.

Совершивъ казнь, воеводы московскіе написали къ магистру, что нѣмцы должны единственно винить самихъ себя, дерзнувъ играть святостію договоровъ; что если они хотятъ исправиться, то могутъ еще умилостивить Іоанна смиреніемъ; что царь Шигъ-Алей и бояре готовы за нихъ ходатайствовать, изъ жалости къ бѣдной землѣ, дымящейся кровію. Ливонія, дѣйствительно, была въ жалостномъ состояніи: несчастные земледѣльцы, избѣжавшіе меча и плѣна, не могли помѣститься въ городахъ, умирали отъ изнуренія силъ и холода среди лѣсовъ, на кладбищахъ; вездѣ вопль народный требовалъ защиты или мира отъ правителей, которые, на сеймѣ въ Венденѣ долго разсуждавъ о лучшихъ мѣрахъ для ихъ спасенія, то гордо хваляся славою, мужествомъ предковъ, то съ ужасомъ воображая могущество царя, рѣшились вновь отправить посольство въ Москву. Шигъ-Алей—коего одни изъ литовскихъ историковъ именуютъ свирѣпымъ кровопійцею, а другіе весьма умнымъ, скромнымъ человѣкомъ—взялся склонять Іоанна къ миру, дѣйствуя, конечно, по данному ему отъ государя наказу, но судьба хотѣла, чтобы Орденъ былъ жертвою неразумія своихъ чиновниковъ и чтобы сильный Іоаннъ, терзая слабую Ливонію, казался правымъ.

Ожидая магистровыхъ пословъ, государь велѣлъ прекратить всѣ воинскія дѣйствія до 24 апрѣля. Насталъ великій постъ: благочестивые россіяне спокойно говѣли и молились въ Иванѣгородѣ, отдѣляемомъ рѣкою отъ Нарвы, гдѣ нѣмцы, новые лютеране, презирая уставы древней вѣры, не считали за грѣхъ пировать въ сіе время и вдругъ, разгоряченные виномъ, начали стрѣлять въ Иваньгородъ. Тамошніе воеводы, князь Куракинъ и Бутурлинъ, извѣстили о томъ государя, который велѣлъ имъ обороняться, и послалъ князя Темкина, стоявшаго въ Изборскѣ, воевать ближайшіе предѣлы Ливоніи, чтобы наказать нѣмцевъ за ихъ вѣролом-

ство. Темкинъ выжегъ села въ окрестностяхъ Валка; разбилъ отрядъ непріятельскій, взялъ четыре пушки и возвратился. Еще главная рать московская не трогалась: но изъ Нарвы безпрестанно летали ядра въ Иваньгородъ и били жителей; а нѣмцы нарвскіе, какъ бы въ насмѣшку, приказывали къ Іоанновымъ воеводамъ: „не мы, но фохтъ орденскій стрѣляетъ; не можемъ унять его“. Тогда воеводы сами открыли сильную пальбу: ядра огненыя и каменья осыпали Нарву въ теченіе недѣли; люди гибли; домы пылали, разрушались—и нѣмцы, въ ужасѣ забывъ гордость, требовали пощады. Бургомистры, ратманы выѣхали къ воеводамъ; объявили, что ни въ чемъ не противятся Іоанновой волѣ; умолили ихъ прекратить стрѣльбу; дали заложниковъ и послали въ Москву депутатовъ Іокима Крумгаузена и Арнта фонъ-Дедена. Когда сіи депутаты явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, окольничій Адашевъ и дьякъ Михайловъ вышли къ нимъ отъ государя и спросили, чего хотятъ они? Быть, какъ мы были, отвѣтствовалъ умный Крумгаузенъ: не перемѣнять нашихъ законовъ; остаться городомъ Ливонскимъ; удовлетворить всѣмъ инымъ требованіямъ царя милостиваго“.—„Нѣтъ!—сказалъ Адашевъ:—мы не смѣемъ донести ему о такихъ условіяхъ. Вы дерзко нарушили перемиріе, стрѣляли въ россіянъ и, видя гибель надъ собою, объявили, что готовы исполнить волю царя; а царю угодно, чтобы вы немедленно прислали въ Москву своего орденскаго властителя (фохта Шнелленберга) и сдали намъ городъ; за что Іоаннъ милостиво обѣщаетъ не выводить васъ изъ домовъ; не касаться ни лицъ, ни собственности, ни древнихъ вашихъ обычаевъ; блюсти общее благоденствіе и свободу торговли; однимъ словомъ, владѣть Нарвою, какъ владѣли ею сановники орденскіе. Такъ, и не иначе!“ Депутаты, заплакавъ, присягнули Россіи за себя и за всѣхъ согражданъ; были представлены государю и получили отъ него жалованную грамоту. Велѣвъ увѣдомить о томъ нарвское правительство, Іоаннъ писалъ къ воеводамъ, чтобы они берегли сей городъ, какъ россійскій, отъ магистра.

Но все перемѣнилось въ Нарвѣ: ея легкомысленные граждане, узнавъ, что магистръ шлетъ къ нимъ 1,000 воиновъ съ командоромъ ревельскимъ, ободрились, забыли страхъ и послали сказать нашему главному воеводѣ, что депутаты ихъ не имѣли власти предать отечество царю московскому, а командоръ, думая воспользоваться нечаянностью, хотѣлъ схватить россійскую стражу за рѣкою Наровою: ударилъ—и бѣжалъ отъ первыхъ выстрѣловъ. Вѣсть о новомъ вѣроломствѣ нѣмцевъ дошла до Москвы почти въ одно время съ другою, радостною, совершенно неожидаемою: съ вѣстью, что Нарва уже взята россіянами!

Сіе происшествіе ославилось чудомъ. Разсказываютъ, что пья-

ные нарвскіе нѣмцы, увидѣвъ икону Богоматери въ одномъ домѣ, гдѣ живали купцы псковскіе, бросили ее въ огонь, отъ коего вдругъ сдѣлался пожаръ (11 мая) съ ужасною бурею. Россіяне изъ-за рѣки увидѣли общее смятеніе въ городѣ и, не слушаясь воеводъ своихъ, устремились туда: кто плылъ въ лодкѣ, кто на бревнѣ или доскѣ; выскочили на берегъ и дружно приступили къ Нарвѣ. Воеводы уже не могли быть праздными зрителями и сами повели къ нимъ остальное войско. Въ нѣсколько минутъ все рѣшилось: головы стрѣлецкіе съ бояриномъ Алексѣемъ Басмановымъ и Даниломъ Адашевымъ (окольничимъ, мужественнымъ братомъ любимца государева) вломились въ Русскія ворота, а Иванъ Бутурлинъ въ Колыванскія; въ огнѣ и въ дыму рѣзали устрашенныхъ нѣмцевъ, вогнали ихъ въ крѣпкій замокъ, называемый Вышегородомъ, и не дали имъ тамъ опомниться: громя его изъ всѣхъ пушекъ, своихъ и взятыхъ въ Нарвѣ, разбивали стѣны, готовили лѣстницы. Между тѣмъ два командора, феллинскій и ревельскій, Кетлеръ и Зегегафенъ, съ сильною дружиною, пѣхотою, конницею и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ стояли въ трехъ миляхъ отъ города видѣли пожаръ, слышали пальбу и не двигались съ мѣста, разсуждая, что крѣпость, имѣющая каменныя стѣны и желѣзныя ворота, должна безъ ихъ помощи отразить непріятеля. Но къ вечеру замокъ сдался, съ условіемъ, чтобы побѣдители выпустили фохта Шнелленберга, нѣмецкихъ воиновъ и жителей, которые захотять удалиться. Вышли знатнѣйшіе только съ женами и дѣтьми, оставивъ намъ въ добычу все свое имѣніе; другіе отпустили семейства, а сами, вмѣстѣ съ народомъ, присягнули царю въ вѣрности. Россіяне взяли 230 пушекъ и великое богатство; но, гася пожаръ, усердно и безкорыстно спасали достояніе тѣхъ жителей, которые сдѣлались нашими поддаными.—Сіе важное завоеваніе, давъ Россіи знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Іоанна, что онъ съ великою пышностію торжествовалъ его въ Москвѣ и во всемъ государствѣ; наградилъ воеводъ и воиновъ; милостиво подтвердилъ жалованную грамоту, данную Крумгаузену и фонъ-Дедену, несмотря на перемѣну обстоятельствъ; освободилъ всѣхъ нарвскихъ плѣнниковъ; указалъ отдать собственность всякому, кто изъ вышедшихъ жителей Нарвы захочетъ возвратиться. Архіепископъ новогородскій долженъ былъ немедленно отправить туда архимандрита юрьевскаго и софійскаго протоіерея, чтобы освятить мѣсто во имя Спасителя, крестнымъ ходомъ и молебнами очистить отъ вѣры латинской и Лютеровой, соорудить церковъ въ замкѣ, другую въ городѣ и поставить въ ней ту икону Богоматери, отъ коей загорѣлась Нарва и которую нашли цѣлою въ пеплѣ.

Въ сіе время пріѣхали, наконецъ, послы ливонскіе въ Москву,

братъ магистра Фирстенберга, Θеодоръ, и другіе чиновники не съ данію, но съ моленіемъ, чтобы государь уступилъ ее землѣ разоренной. „Вся страна дерптская, — говорили они боярамъ,— стенаетъ въ бѣдствіи и долго не увидитъ дней счастливыхъ. Съ кого требовать дани? вы уже взяли ее своимъ оружіемъ,—взяли въ десять разъ болѣе. Впредь можемъ исправиться, и тогда заплатимъ по договору". Государь отвѣтствовалъ чрезъ Адашева: „Послѣ всего, что случилось, могу ли еще слушать васъ? Кто вѣритъ вѣроломнымъ? Мнѣ остается только искать управы мечомъ. Я завоевалъ Нарву и буду пользоваться своимъ счастіемъ. Однакожъ, не любя кровопролитія, еще предлагаю средство унять его: пусть магистръ, архіепископъ рижскій, епископъ дерптскій лично ударятъ мнѣ челомъ, заплатятъ дань со всей Ливоніи и впредь повинуются мнѣ какъ цари казанскіе, астраханскіе и другіе знаменитые владѣтели: или я силою возьму Ливонію". Послы ужаснулись, и сказавъ: „видимъ, что намъ здѣсь не будетъ дѣла, просили отпуска, который и дали имъ немедленно. Хотя магистръ и епископъ дерптскій, пораженные судьбою Нарвы, уже готовы были заплатить намъ 60,000 ефимковъ; хотя не безъ усилія собрали и деньги; но время прошло: государь требовалъ уже не дани юрьевской, а подданства всей земли. Началась новая война и россіяне, снова вступивъ въ Ливонію, не довольсвовались ея розореніемъ: они хотѣли городовъ и постояннаго владычества надъ нею.

25 мая князь Θедоръ Троеруковъ и Данило Адашевъ осадили Нейшлосъ, а 6 іюня взяли на договоръ. Тамошній фохтъ вышелъ изъ крѣпости съ немногими людьми и съ пустыми руками, отдавъ все оружіе и достояніе побѣдителямъ. Жители города и всего уѣзда (въ длину на 60, а въ ширину на 40 и 50 верстъ) латыши и самые нѣмцы признали себя подданными Россіи, такъ что берега озера Чудскаго и рѣка Нарова, отъ ея верховья до моря, заключились въ нашихъ владѣніяхъ. Государь, пославъ къ воеводамъ золотыя медали, велѣлъ исправить тамъ укрѣпленія и соорудить церковь во имя св. Иларіона: ибо въ день его памяти сдался Нейшлосъ. Жители уѣзда и городка Адежскаго добровольно присягнули Іоанну вмѣстѣ съ нѣкоторыми сосѣдственными везенбергскими волостями и выдали россіянамъ все казенное имѣніе, пушки, запасы.

Главная сила, подъ начальствомъ многихъ знатныхъ воеводъ, князей Петра Шуйскаго, Василія Серебрянаго, Андрея Курбскаго, шла къ Дерпту. Прежде надлежало взять Нейгаузъ, городъ весьма крѣпкій, гдѣ не было ни двухъ сотъ воиновъ, но былъ витязь орденскій Укскиль фонъ-Паденормъ, который, вооруживъ и гражданъ и земледѣльцевъ, около мѣсяца мужественно проти-

вился многочисленному войску. Съ симъ героемъ нѣмцы, по выраженію нашего лѣтописца, сидѣли на смерть: бились отчаянно, неутомимо и заслужили удивленіе московскихъ полководцевъ. Сбивъ стѣны, башни, россіяне вошли въ городъ: Укскиль отступилъ въ замокъ съ горстію людей и хотѣлъ умереть въ послѣдней его развалинѣ; но сподвижники объявили ему, что не имѣютъ болѣе силъ—и воеводы, изъ уваженія къ храбрости, дозволили имъ выйти съ честію. Сей примѣръ доказывалъ, что Ливонія, ограждаемая многими крѣпостями и богатая снарядомъ огнестрѣльнымъ, могла бы весьма затруднить успѣхи Іоаннова оружія, если бы другіе защитники ея, хотя и малочисленные, имѣли духъ Укскилевъ, а граждане—добродѣтель Тилеву, одного изъ бургомистровъ дерптскихъ, который, въ тогдашнемъ собраніи земскихъ чиновъ, сильно и трогательно изобразивъ бѣдствіе отечества, сказалъ: „Настало время жертвъ или погибели: лишимся всего, да спасемъ честь и свободу нашу; принесемъ въ казну свое золото и серебро; не оставимъ у себя ничего драгоцѣннаго, ни сосуда, ни украшенія, дадимъ правительству способъ нанять войско, купить дружбу и защиту державъ сосѣдственныхъ!“ Но убѣжденія и слезы великодушнаго мужа не произвели никакого дѣйствія: его слушали и молчали!

Во время осады Нейгауза магистръ Фирстенбергъ, командоры и самъ епископъ дерптскій съ 8,000 воиновъ неподвижно стояли въ тридцати верстахъ оттуда, за Двиною и вязкими болотами, на мѣстѣ неприступномъ, и не сдѣлали ничего для спасеніи крѣпости; узнавъ же, что она сдалась, зажгли станъ свой и городокъ Киренпе, гдѣ находилось множество всякихъ припасовъ; спѣшили удалиться, бѣжали день и ночь, магистръ къ Валку, а епископъ—къ Дерпту, гонимые нашими воеводами, которые за 30 верстъ отъ Дерпта настигли и разбили епископа, взяли его чиновниковъ въ плѣнъ, весь обозъ и снаряды. Магистръ, избравъ крѣпкое мѣсто близъ Валка, остановился: воеводы велѣли передовой дружинѣ вступить съ нимъ въ битву, а сами начали обходить его и принудили бѣжать далѣе къ Вендену, такъ скоро и въ такой жаръ, что люди и лошади издыхали отъ усталости. Россіяне истребили весь задній отрядъ Фирстенберговъ, едва не схвативъ знаменитѣйшаго изъ командоровъ, Готгарда Кетлера, подъ коимъ въ семъ дѣлѣ упала лошадь. Обозъ магистровъ былъ нашею добычею, и воеводы, извѣстивъ государя, что непріятеля уже нѣтъ въ полѣ, обратились къ Дерпту.

Въ сихъ для Ордена ужасныхъ обстоятельствахъ старецъ Фирстенбергъ сложилъ съ себя достоинство магистра, и юный Кетлеръ, повинуясь чинамъ, принялъ его со слезами. Славясь отличнымъ умомъ и твердостію характера, онъ вселялъ надежду

въ другихъ, но самъ имѣлъ весьма слабую, и только изъ великодушія согласился быть послѣднимъ магистромъ издыхающаго Ордена! Чтобы употребить всѣ возможныя средства спасенія, Кетлеръ ревностно старался воспламенить хладныя сердца любовью къ отечеству, заклиналъ сановниковъ дѣйствовать единодушно, не жалѣть ни достоянія, ни жизни для блага общаго; собиралъ деньги и людей; требовалъ защиты отъ императора, короля датскаго, шведскаго, польскаго; писалъ и къ царю, моля его о мирѣ; но не видалъ желаемаго успѣха. Раздоръ, взаимныя подозрѣнія ливонскихъ властителей мѣшали всѣмъ добрымъ намѣреніямъ магистра. Хотѣли спасенія, но безъ жертвъ, торжественно доказывая, что богатые люди не обязаны разоряться для онаго—и Кетлеръ могъ единственно займомъ наполнить пустую казну Ордена для необходимыхъ воинскихъ издержекъ. Помощи внѣшней не было. Императоръ, Карлъ V, обнимавшій взоромъ своимъ всю Европу, уже оставилъ тогда короны и престолы; какъ вторый Діоклетіанъ удалился отъ міра, столь долго волнуемаго его властолюбіемъ, и хотѣлъ въ пустынѣ удивить людей особеннымъ родомъ славы, рѣдкой, но не менѣе суетной: славы казаться выше земного величія. Новый императоръ Фердинандъ ссорился съ папою, мирилъ Германію, опасался турковъ и только жалѣлъ о бѣдной Ливоніи; другіе государи довольствовались обѣщаніемъ склонить Іоанна къ миролюбію, а царь отвѣтствовалъ Кетлеру: жду тебя въ Москвѣ и, смотря по твоему челобитью, изъявлю милость“ Сія милость казалась магистру послѣднимъ изъ возможныхъ бѣдствій для державнаго ливонскаго рыцарства: онъ лучше хотѣлъ погибнуть съ честію, нежели съ униженіемъ безполезнымъ.

Воеводы Іоанновы не теряли времени: взявъ Киреппе, Курславъ и крѣпкій замокъ Вербекъ на Эмбахѣ, всѣми силами приступили къ Дерпту, славному богатствомъ жителей и многими общественнми, благодѣтельными заведеніями. Кромѣ вооруженныхъ гражданъ, готовыхъ стоять за честь и вольность, двѣ тысячи наемныхъ нѣмцевъ были защитниками сего важнаго, искусно укрѣпленнаго мѣста, подъ главнымъ начальствомъ епископа Германа Вейланда, который хвалился болѣе воинскою доблестію, нежели смиренною набожностію христіанскаго пастыря. Шесть дней продолжались битвы жестокія и достойныя мужей рыцарскихъ, какъ пишетъ воевода Курбскій, очевидецъ и правдивый судія дѣлъ ратныхъ. Но превосходная сила одолѣвала: вылазки дорого стоили осажденнымъ, и россіяне, пользуясь густымъ туманомъ, заперли городъ со всѣхъ сторонъ турами, вели подкопы, ставили бойницы, разрушали стѣны пальбою, предлагая жителямъ самыя выгодныя условія, если они сдадутся. Епископъ не хотѣлъ сперва слышать о переговорахъ; но магистратъ донесъ ему, что

городъ не въ силахъ обороняться долго; что многіе изъ воиновъ и гражданъ пали въ вылазкахъ, или больны, или отъ усталости едва дѣйствуютъ оружіемъ; что пушки непріятельскія, вредя стѣнамъ, бьютъ людей и въ улицахъ. Послали тайныхъ вѣстниковъ къ магистру: они возвратились благополучно. Магистръ писалъ, что Орденъ нанимаетъ воиновъ и молится о спасеніи Дерпта!

Главный воевода Іоанновъ, князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, былъ, по сказанію современнаго ливонскаго историка, мужъ добролюбивый, честный, благородный душею. Совершивъ подкопы и прикативъ туры къ самымъ стѣнамъ, онъ велѣлъ объявить съ барабаннымъ боемъ, что даетъ жителямъ два дня на размышленіе, а въ третій возьметъ Дерптъ приступомъ; что Іоаннъ торжественно обѣщаетъ имъ милость, свободу вѣры, цѣлость ихъ древнихъ правъ и законовъ; что всякій можетъ безопасно выѣхать изъ города и возвратиться. Тогда магистратъ и граждане единодушно сказали епископу: „Мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у насъ блюдо на столѣ и ложка въ рукахъ, если упорство наше будетъ достохвальнымъ мужествомъ, а не безсмысленною дерзостію; но благоразумно ли отвергать великодушныя предложенія царя, когда въ самомъ дѣлѣ не имѣемъ силъ ему противиться?“ То же говорили и воины нѣмецкіе, требуя отпуска и свидѣтельства въ оказанной ими вѣрности; то же и священники римской вѣры, опасаясь упрямствомъ раздражить непріятеля. Епископъ согласился. Написали слѣдующія условія: 1) государь даетъ епископу монастырь Фалькенау съ принадлежащими къ оному волостями, домъ и садъ въ Дерптѣ; 2) подъ его вѣдомствомъ будутъ духовенство и церкви латинскія съ ихъ достояніемъ; 3) дворяне, желающіе быть подданными Россіи, спокойно владѣютъ своими замками и землями; 4) нѣмецкіе ратники выдутъ изъ города съ оружіемъ и съ пожитками; 5) въ теченіе двѣнадцати дней всякій дерптскій житель воленъ ѣхать куда хочетъ; 6) исповѣданіе аугсбургское остается главнымъ и безъ всякихъ перемѣнъ; 7) магистратъ нѣмецкій всѣмъ управляетъ, какъ было, не лишаясь ни правъ, ни доходовъ своихъ; 8) купцы свободно и безъ пошлинъ торгуютъ съ Германіею и съ Россіею; 9) не выводить никого изъ дерптской въ московскія области; 10) кто захочетъ переселиться въ другую землю, можетъ взять или продать имѣніе; 11) граждане свободны отъ ратнаго постоя; 12) всѣ преступленія, самыя государственныя, даже оскорбленія царскаго величества, судятся чиновниками магистрата; 13) новые граждане присягаютъ царю и магистрату“. Благоразумный Шуйскій, уполномоченный Іоанномъ, не отвергнулъ ни одной статьи, руководствуясь не только человѣколюбіемъ, но и политикою; надлежало милостію, снисхожденіемъ, духомъ умѣренности ослабить нена-

вистъ ливонцевъ къ Россіи и тѣмъ облегчить для насъ завоеваніе земли ихъ.

Когда уже всѣ условія было одобрены побѣдителемъ и когда надлежало только скрѣпить оный печатями, старецъ Антонъ Тиле, добродѣтельный бургомистръ дерптскій, еще выступилъ изъ безмолвнаго круга унылыхъ сановниковъ. „Свѣтлѣйшій князь и государь!—сказалъ онъ епископу:—если кто-нибудь думаетъ, что Дерптъ можно спасти оружіемъ и битвою, да явится! Иду съ нимъ и мы вмѣстѣ положимъ свой головы за отечество!“ Сія рѣчь, видъ, голосъ старца произвели сильное впечатлѣніе. Епископъ отвѣтствовалъ: „Мужъ достойный! никто изъ насъ не заслужитъ имени малодушнаго: уступаемъ необходимости“.—18 іюня Дерптъ сдался. Желая сдѣлать все возможное въ пользу несчастныхъ, князь Шуйскій поставилъ стражу у воротъ и не велѣлъ пускать россіянъ въ городъ, чтобы жители спокойно укладывались и выѣзжали; оберегалъ ихъ въ пути, давалъ имъ проводниковъ до мѣстъ безопасныхъ. Епископа отпустили въ Фалькенау съ двумя стами отборныхъ московскихъ всадниковъ.

Когда все затихло въ городѣ, депутаты магистрата вручили Шуйскому ключи отъ крѣпости. Онъ сѣлъ на коня и торжественно вступилъ въ городъ. Впереди ѣхалъ младшій воевода, держа въ рукѣ знамя мира; за нимъ Шуйскій, окруженный депутатами и канониками. На улицахъ въ два ряда стояли государевы дѣти боярскіе. Уже народъ не страшился побѣдителей и съ любопытствомъ смотрѣли на ихъ мирное, стройное шествіе; самыя жены не прятались. Магистръ поднесъ Шуйскому золотую чашу. Сей умный князь, изъявивъ благодарность, сказалъ, что „его жилище и слухъ будутъ отверсты для всякаго; что онъ пришелъ казнить злодѣевъ и благотворить добрымъ“—ласково звалъ къ себѣ обѣдать дерптскихъ чиновниковъ и старѣйшинъ, далъ имъ въ замкѣ великолѣпный пиръ и своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ заслужилъ любовь общую.—Россіяне взяли въ Дерптѣ 552 пушки, также не мало богатства казеннаго и частнаго, оставленнаго тѣми жителями, которые выѣхали въ Ригу, въ Ревель, въ Феллинъ. Государь утвердилъ договоръ, заключенный воевовами; но велѣлъ епископу Герману и знатнѣйшимъ дерптскимъ сановникамъ быть въ Москву. Сей бывшій державный епископъ, проклинаемый въ отечествѣ за мнимую измѣну, уже не выѣхалъ изъ Россіи и кончилъ дни свои въ горести, слыша, что друзей и слугъ его, обвиняемыхъ въ тайномъ согласіи съ непріятелемъ, пытаютъ, казнятъ въ Ливоніи: чѣмъ орденскіе властители хотѣли закрыть свою слабость, увѣряя народъ, что одна измѣна причиною нашихъ выгодъ.

Но сія жестокость не задруднила успѣховъ для могущества, соединеннаго съ благоразуміемъ. Примѣръ Дерпта доказывалъ,

что Іоаннъ умѣетъ щадить побѣжденныхъ; Шуйскій писалъ оттуда ко всѣмъ градоначальникамъ ливонскимъ, требовалъ подданства, обѣщалъ, грозилъ—и крѣпости Везенбергъ, Пиркель, Лаисъ, Оберпаленъ, Рингенъ или Тушинъ, Ацель, сдалися нашимъ воеводамъ, которые вездѣ мирно выпускали орденскихъ властителей, довольствовались присягой жителей и не касались ихъ собственности; но все предавали огню и мечу въ областяхъ непокорныхъ: въ Феллинской, Ревельской, Венденской, Шваненбургской, сожгли посадъ Виттенштейна, гдѣ начальствовалъ юный мужественный рыцарь Каспаръ фонъ-Ольденбокъ; разбили нѣмцевъ въ полѣ, близъ Вендена и Шваненбурга; плѣнили двухъ знатныхъ чиновниковъ, взяли всего двадцать городовъ, и, въ каждомъ оставивъ нужные запасы, охранное войско, въ концѣ сентября пріѣхали къ государю. Онъ былъ въ Троицкой лаврѣ: встрѣтилъ ихъ съ милостію и веселіемъ; обнималъ, славилъ за ревностную службу; вмѣстѣ съ ними молился, благодарилъ Бога и поѣхалъ въ Александровскую слободу, гдѣ изъ собственныхъ рукъ жаловалъ имъ шубы, кубки, доспѣхи; велѣлъ выбирать любыхъ изъ коней царскихъ и сверхъ того далъ богатыя помѣстья, а дѣтямъ боярскимъ земли и маетности въ завоеванной Ливоніи, чтобы они тѣмъ усерднѣе берегли оную.

Новые начальники, присланные туда изъ Москвы, князья Дмитрій Курлятевъ и Михайло Рѣпинъ были менѣе счастливы: хотя завоевали еще городокъ Кавелехтъ, сожгли Верполь и побили нѣмцевъ въ самомъ предмѣстіи Ревеля; но магистръ и воевода архіепископа рижскаго Фелькерзамъ, собравъ болѣе десяти тысячъ ратниковъ, осадили Рингенъ въ виду нашихъ полковъ и взяли сію крѣпость, несмотря на мужество ея защитника, головы стрѣлецкаго Русина-Игнатьева, который съ двумя или тремя стами воиновъ держался въ ней около пяти недѣль, отразилъ два приступа и не имѣлъ уже, наконецъ, ни фунта пороху. Воеводы Іоанновы оправдывались крѣпостію нѣмецкаго стана, утомленіемъ своей рати и хвалились побѣдою, одержанною ими надъ братомъ магистровымъ, Іоанномъ Кетлеромъ, коего они плѣнили вмѣстѣ съ двумя стами шестидесятью нѣмцами между Рингеномъ и Дерптомъ; но магистръ самъ напалъ на нихъ, стопталъ дружину князя Рѣпнина и могъ бы отнять у насъ Дерптъ, гдѣ оставалось мало ратниковъ, а жители знатнѣйшіе тайно звали его къ себя. Къ счастію нашему, утружденные нѣмцы хотѣли отдохновенія. Число ихъ уменьшилось до шести тысячъ. Зная, что полководцы московскіе ждутъ вспоможенія и любятъ воевать зимою, магистръ въ исходѣ октября ушелъ назадъ, безчеловѣчно умертвивъ всѣхъ россіянъ, взятыхъ имъ въ Рингенѣ; а мы снова заняли сей городъ.—Въ то же время непріятель отъ Лужи, Резицы и Валка тревожилъ набѣгами Псков-

скую область: сжегъ предмѣстіе Краснаго, монастырь св. Николая близъ Себежа и множество селъ.

Недовольный Курлятевымъ и Рѣпнинымъ, государь въ декабрѣ мѣсяцѣ послалъ въ Ливонію мужественныхъ воеводъ князей Симеона Микулинскаго, Василія и Петра Серебряныхъ, Ивана Шереметева, Михайла Морозова, царевича Тохтамыша, князей черкескихъ и войско сильное, чтобы идти прямо къ Ригѣ, опустошить землю, истреблять непріятеля въ полѣ. Готовые начать кровопролитіе, они писали къ магистру, что отъ него зависитъ война и миръ; что Іоаннъ еще можетъ простить, если нѣмцы изъявятъ покорность. Отвѣта не было. 17 генваря россіяне вступили въ Ливонію: отъ города Краснаго захвативъ пространство ста верстъ или болѣе, шли на Маріенбургъ, и близъ Тирсина встрѣтили нѣмцевъ, коими предводительстволъ Фелькерзамъ. Тутъ былъ одинъ князь Василій Серебряный съ своею дружиною. Непріятель оказалъ мужество: знатнѣйшіе витязи Ордена и чиновники архіепископа рижскаго стояли въ рядахъ. Храбрый Фелькерзамъ и четыреста нѣмцевъ пали въ битвѣ. Канцлеръ архіепископовъ и тридцать лучшихъ дворянъ находились въ числѣ плѣнниковъ; остальные разсѣялись, и князь Серебряный открылъ безопасный путь войску до самаго моря. Зима была жестокая. Не занимаясь осадою большихъ крѣпостей, Вендена, Риги, воеводы подступали единственно къ маленькимъ городкамъ. Нѣмцы уходили изъ нихъ. Одинъ Шмильтенъ не сдавался: казаки наши разбили ломами каменную стѣну его и долго рѣзались въ улицахъ съ отчаяннымъ непріятелемъ. Россіяне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взять съ собою; истребили такимъ образомъ одиннадцать городовъ; три дня стояли подъ Ригою, сожгли множество кораблей въ устьѣ Двины, опустошили ея берега, приморскую землю, Курляндію до Пруссіи и Литвы; обогатились добычею и съ несмѣтнымъ числомъ плѣнниковъ вышли, 17 февраля, къ Опочкѣ, извѣстивъ Іоанна, что рать его цѣла, а Ливонія въ пеплѣ!

Наконецъ явились ходатаи за сію несчастную землю. Мы оставили короля Августа, готоваго къ твердому миру и союзу съ Россіею противъ хана: для чего въ мартѣ 1559 года прибыли въ Москву послы литовскіе. Начали говорить о мирѣ: Іоаннъ хотѣлъ, чтобы обѣ державы владѣли безспорно, чѣмъ владѣютъ, но Августъ въ первомъ словѣ потребовалъ Смоленска! Сего мало: онъ предписывалъ намъ не воевать Ливоніи, будто бы отданной ему императоромъ и германскими чинами! Іоаннъ велѣлъ посламъ ѣхать назадъ, сказавъ: „Вижу, что король перемѣнилъ свои мысли: да будетъ какъ ему угодно! Ливонцы суть древніе данники Россіи, а не ваши; я наказываю ихъ за невѣрность, обманы, тор-

говыя вины и разореніе церквей“. Послы уѣхали. Государь не согласился заключить и новаго перемирія съ Литвою; обѣщался только не нарушать стараго (до 1562 года), если король будетъ давать лучшую управу россіянамъ, обижаемымъ его подданными.— Однимъ словомъ, ясно было, что война ливонская произведетъ литовскую. Августъ думалъ не о томъ, чтобы великодушно спасти ветхій, слабый Орденъ, но чтобы не отдать его богатыхъ владѣній Іоанну, а взять себѣ, если можно. Желаніе весьма естественное въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Ордена, Литвы и Россіи—весьма согласное съ благоразуміемъ политики, которая осудила бы безчестность сего монарха, если бы онъ не употребилъ всѣхъ способовъ исторгнуть Ливонію изъ рукъ царя. Надлежало только имѣть рѣшительность и твердость: чего недоставало Августу. Онъ шелъ на войну и хотѣлъ удалить ее; смѣло воображалъ оную впереди, ужасаясь мысли обнажить мечъ немедленно.

Гораздо болѣе равнодушія, гораздо менѣе ревности оказывалъ другой заступникъ Ордена: старецъ Густавъ Ваза. Тщетно хотѣвъ противиться властолюбію Россіи соединенными силами державъ сѣверныхъ—видѣвъ, что Августъ и магистръ не думали помогать ему въ войнѣ съ Іоанномъ, ограничиваясь единственно пустыми увѣреніями въ доброжелательствѣ—Густавъ писалъ къ царю: „Не указываю тебѣ въ дѣлахъ твоихъ; не требую, но только въ угодность императору Фердинанду молю тебя, какъ великодушнаго сосѣда, даровать миръ Ливоніи изъ жалости къ человѣчеству и для общей пользы христіанству. Я самъ не могу хвалиться искреннимъ дружествомъ и честностію ливонцевъ: знаю ихъ по опыту! Если хочешь, то напишу къ нимъ, что они должны пасть къ ногамъ твоимъ съ раскаяніемъ и смиреніемъ. Уймешь ли кровопролитіе, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ буду свято хранить заключенный договоръ съ Россіею и чтить высоко твою дружбу“. Іоаннъ благодарилъ Густава за доброе расположеніе; изъяснялъ причину войны и сказалъ: „если не имѣешь особеннаго желанія вступаться въ дѣла Ливоніи, то нѣтъ тебѣ нужды писать къ магистру: я самъ найду способъ образумить его“.

Третьимъ ходатаемъ былъ король датскій Фридерикъ II. Эстонія, какъ извѣстно, принадлежала нѣкогда его предкамъ. Тѣснимая Іоанномъ и видя, что Орденъ не можетъ спасти ее, сія земля искала защиты отца Фридерикова, Христіана III: Ревель, вся Гаррія и Вирландія изъявили ему желаніе быть снова у него въ подданствѣ. Но Христіанъ, уже старый и близкій къ концу, отвѣчалъ равнодушно: „Мнѣ трудно править и своими землями! благоразумно ли искать еще новыхъ и за нихъ стражаться?“ Однакожъ далъ Эстоніи нѣсколько тысячъ гульденовъ, нѣсколько

пушекъ и назначилъ посольство въ Москву; между тѣмъ умеръ. Имѣя болѣе властолюбія и дѣятельности, сынъ его желалъ возвратить Даніи сію немаловажную область; писалъ къ магистру, къ епископу ревельскому, къ дворянству эстонскому; обѣщалъ имъ не только ходатайство, но и войско въ случаѣ нужды; далъ посламъ своимъ наставленіе и велѣлъ имъ спѣшить въ Москву. Уже болѣе сорока лѣтъ мы не имѣли никакого сношенія съ симъ королевствомъ: Фридерикъ I и Христіанъ III считали безполезнымъ союзъ Россіи, столь уважаемый Христіаномъ II, другомъ Василія Іоанновича. Самыя торговыя связи прервалися между Копенгагеномъ и Новымгородомъ. Увѣдомивъ Іоанна, какъ добраго, любезнаго сосѣда о своемъ восшествіи на престолъ, изъявивъ ревностное желаніе быть его другомъ и возстановить торговлю съ нами, уничтоженную смутными обстоятельствами минувшихъ временъ, Фридерикъ убѣдительно просилъ, чтобы онъ не тревожилъ Эстоніи, издревле области датской, только на время порученной магистру, и чтобы, благосклонно уваживъ безкорыстное его (Фридериково) ходатайство, даровалъ миръ и самому Ордену. Адашевъ именемъ царя сказалъ посламъ: „Мы со вниманіемъ слушали ваши рѣчи, читали грамоты, писанныя государями россійскими къ датскимъ и датскими къ россійскимъ; видѣли ихъ любовь взаимную; видѣли, что подданные обѣихъ державъ свободно и выгодно торговали другъ съ другомъ. Если король желаетъ возобновить сію счастливую дружбу, то и мы искренно расположены къ оной. Но удивляемся, что онъ находитъ датскія владѣнія въ той землѣ, которая уже шестьсотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи. Великій князь Георгій Владиміровичъ, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ тамъ церкви греческія, обложилъ всю землю данію—и съ того времени она не бывала достояніемъ иныхъ государей. Знаю, что ея жители безъ вѣдома Россіи взяли было къ себѣ двухъ королевичей датскихъ; но предки мои казнили ихъ за сію вину огнемъ и мечомъ, а королевичей выслали; казнили и вторично, свѣдавъ, что ливонцы тайно признали надъ собою мнимую власть римскаго цезаря. Если Фридерикъ не знаетъ сего, то мы велимъ явить вамъ древніе договоры Ордена съ намѣстниками новогородскими: читайте и разумѣйте истину сказаннаго нами!... Было время, когда мы, сиротствуя во младенчествѣ, не могли защитить правъ своихъ: враги ликовали, тѣснили, губили Россію. Тогда и магистръ, и епископы ливонскіе не захотѣли платить намъ дани: брали ее съ земледѣльцевъ, съ городовъ, но для себя“... Описавъ вины ихъ, государь продолжалъ: „Итакъ, да не вступается Фридерикъ въ Эстонію, его земля Данія и Норвегія, а другихъ не вѣдаемъ. Когда же хочетъ добра Ливоніи, да со-

вѣтуетъ ея магистру и епископамъ лично явиться въ Москвѣ предъ нами, тогда, изъ особеннаго уваженія къ королю, дадимъ имъ миръ, согласный съ честію и пользою Россіи. Назначаемъ срокъ: шесть мѣсяцевъ Ливонія можетъ быть спокойна!“ Посламъ вручили опасную грамоту на имя властителей ливонскихъ, въ коей было сказано, что царь жалуетъ перемиріе Ордену отъ мая до ноября 1559 года, и чтобъ магистръ или самъ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, или, вмѣсто себя, прислалъ знатнѣйшихъ людей для вѣчнаго мирнаго постановленія. Симъ отдохновеніемъ Ливонія обязана была въ самомъ дѣлѣ не ходатайству короля Фридерика, но услугамъ другого, не исканнаго ею благопріятеля: хана Девлетъ-Гирея. Іоаннъ долженствовалъ унять крымцевъ, и чтобы не раздѣлять силъ, далъ на время покой Ордену, въ удостовѣреніи, что Россія всегда можетъ управиться съ симъ слабымъ непріятелемъ.

Князь Дмитрій Вишневецкій, въ 1558 году посланный воевать въ Тавриду, доходилъ до устья Днѣпра, не встрѣтивъ ни одного татарина въ полѣ: Девлетъ-Гирей со всѣми улусами сидѣлъ внутри полуострова, ожидая россіянъ. Вишневецкій возвратился въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ мужественнаго дьяка Ржевскаго съ казаками. Между тѣмъ ханъ, желая узнать, что дѣлается въ землѣ Казанской, посылалъ къ берегамъ Волги легкіе отряды, истребляемые горными жителями и казаками. Долго не смѣлъ онъ предпріять ничего важнаго, но, услышавъ о войнѣ ливонской и повѣривъ ложной вѣсти, что всѣ наши силы заняты ею—что Россія беззащитна и самъ Іоаннъ борется съ непріятелемъ страшнымъ на отдаленныхъ берегахъ моря Балтійскаго—Девлетъ-Гирей ободрился, приманилъ къ себѣ многихъ ногаевъ и, собравъ, какъ пишутъ, до ста тысячъ всадниковъ, зимою (въ декабрѣ 1558 года) велѣлъ сыну своему Магметъ-Гирею идти къ Рязани, улану Магмету къ Тулѣ, ногаямъ и князьямъ Ширинскимъ къ Коширѣ. Сіе войско уже достигло рѣки Мечи: тутъ плѣнники сказали царевичу, что Іоаннъ въ Москвѣ и что въ Ливоніи только малая часть нашей рати. Онъ изумился; спросилъ: гдѣ смѣлый князь Вишневецкій? гдѣ храбрый Иванъ Шереметевъ? и свѣдавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а послѣдній въ Рязани, и что князь Михайло Воротынскій стоитъ въ Тулѣ съ полками сильными, Магметъ-Гирей не дерзнулъ идти далѣе; гонимый однимъ страхомъ, бѣжалъ назадъ и поморилъ не только лошадей, но и всадниковъ. Князь Воротынскій шелъ за нимъ до Оскола по трупамъ и не могъ его настигнуть; а донскіе казаки, пользуясь отсутствіемъ крымскаго войска, близъ Перекопи разбили улусы ногаевъ, ушедшихъ отъ своего князя Ислама къ Девлетъ-Гирею и взяли 15.000 коней.

Чтобы ханъ не имѣлъ времени образумиться, Іоаннъ приказалъ князю Вишневецкому съ пятью тысячами легкихъ воиновъ идти на Донъ, построить суда, плыть къ Азову и съ сей стороны тревожить нападеніями Тавриду. Тогда же извѣстный мужествомъ окольничій Данило Адашевъ выступилъ изъ Москвы къ Днѣпру съ дружиною дѣтей боярскихъ, съ казаками и стрѣльцами для нанесенія чувствительнѣйшаго удара непріятелю, смотря по обстоятельствамъ. Успѣхи Вишневецкаго были маловажны: онъ истребилъ нѣсколько сотъ крымцевъ, хотѣвшихъ снова пробраться къ Казани; но юный, достойный братъ любимца государева, Данило Адашевъ искусствомъ и смѣлостію заслужилъ удивленіе современниковъ. Съ осмью тысячами воиновъ онъ сѣлъ близъ Кременчуга на ладіи, имъ самимъ построенныя въ сихъ тогда ненаселенныхъ мѣстахъ, спустился къ устью Днѣпра, взялъ два корабля на морѣ и присталъ къ Тавридѣ. Сдѣлалась неописанная тревога во всѣхъ улусахъ; кричали: „Русскіе! русскіе! и царь съ ними!“ уходили въ горы, прятались въ дебряхъ. Ханъ трепеталъ въ ужасѣ, звалъ воиновъ, видѣлъ только бѣглецовъ— и болѣе двухъ недѣль Адашевъ на свободѣ громилъ западную часть полуострова, жегъ юрты, хваталъ стада и людей, освобождая россійскихъ и литовскихъ невольниковъ. Наполнивъ ладіи добычею, онъ съ торжествомъ возвратился къ Очакову. Въ числѣ плѣнниковъ, взятыхъ на корабляхъ и въ улусахъ, находились турки: Адашевъ послалъ ихъ къ пашамъ очаковскимъ, велѣвъ имъ сказать, что царь воевалъ землю своего злодѣя—Девлетъ-Гирея, а не Султана, коему всегда хочетъ быть другомъ. Паши сами выѣхали къ нему съ дарами, славя его мужество и добрую пріязнь Іоаннову къ Солиману. Между тѣмъ ханъ опомнился: узналъ о малыхъ силахъ непріятеля и гнался берегомъ за Адашевымъ, который медленно плылъ вверхъ Днѣпра, стрѣлялъ въ татаръ, миновалъ пороги и сталъ у Монастырскаго острова, готовый къ битвѣ; но Девлетъ-Гирей, опасаясь новаго стыда, съ малодушною злобою обратился назадъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ подвигѣ младого витязя, привезенная въ Москву княземъ Ѳеодоромъ Хворостининымъ, его сподвижникомъ, не только государю, но и всему народу сдѣлала величайшее удовольствіе. Митрополитъ служилъ благодарственный молебенъ. Читали торжественно донесеніе Адашева; радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра сего темнаго царства, гдѣ дотолѣ сабля русская еще не обагрялась кровію невѣрныхъ; воспоминали, что тамъ цвѣло нѣкогда христіанство и св. Владиміръ узналъ Бога истиннаго; думали, что Іоанну остается пожелать—и крестъ снова возсіяетъ на берегахъ Салгира. Уже государь хотѣлъ перемѣнить нашу древнюю, робкую систему

войны противъ сихъ неутомимыхъ разбойниковъ и дѣйствовать наступательно: пославъ золотыя медали Адашеву и его товарищамъ, велѣлъ имъ быть къ себѣ для совѣта; но война ливонская опять запылала сильнѣе прежняго и спасла Тавриду. Іоаннъ оставилъ только ногаямъ и казакамъ тревожить хана, и писалъ къ нему въ отвѣтъ на его новыя мирныя предложенія: „Видишь, что война съ Россіею уже не есть чистая прибыль. Мы узнали путь въ твою землю и степями и моремъ. Не говори безлѣпицы и докажи опытомъ свое искреннее миролюбіе: тогда будемъ друзьями".—Кромѣ ногаевъ, послушныхъ князю Исламу, вѣрному союзнику Россіи, и донскихъ казаковъ, царь имѣлъ на югѣ усердныхъ слугъ въ князьяхъ черкесскихъ: они требовали отъ насъ полководца, чтобы воевать Тавриду, и церковныхъ пастырей, чтобы просвѣтить всю ихъ землю ученіемъ евангельскимъ. То и другое желаніе было немедленно исполнено: государь послалъ къ нимъ бодраго Вишневецкаго и многихъ священниковъ, которые, въ дебряхъ и на скатахъ горъ Кавказскихъ основавъ церкви, обновили тамъ древнее христіанство.

Давъ какъ бы изъ милости перемиріе Ордену, государь не думалъ, чтобы ливонцы нарушили оное: вывелъ большую часть войска изъ Эстоніи и ждалъ вѣстей отъ магистра. Но Кетлеръ молчалъ; увѣренный, что надобно или побѣдить россіянъ, или принадлежать россіянамъ, онъ рѣшился ѣхать не въ Москву, а въ Краковъ, чтобы склонить Августа къ дѣятельному, ревностному участію въ сей войнѣ, на коихъ бы то ни было условіяхъ, и даже съ опасностію для самой независимости Ордена; ибо ливонцы въ крайности хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи, издревле имъ ненавистной. Еще достоинство орденскаго магистра не упало въ общемъ мнѣніи: юный Кетлеръ, одаренный пріятною наружностію, умомъ, краснорѣчіемъ, благородными душевными свойствами, предсталъ Августу въ смиренномъ величіи, окруженный многими знатными сановниками; сильно изобразилъ бѣдствіе Ливоніи, опасности самой Польши, страшные замыслы Іоанновы; доказывалъ необходимость войны для короля и вѣрность побѣды, не уменьшая многочисленности россіянъ, не говоря съ презрѣніемъ о нашемъ искусствѣ ратномъ. Августъ желалъ знать мнѣніе сейма: вельможи польскіе, тронутые краснорѣчіемъ магистра, хотѣли немедленно обнажить мечъ; а литовскіе, лучше зная силу Россіи, совѣтовали употребить прежде всѣ иные способы для защиты Ордена: убѣдительное ходатайство, настоятельныя требованія, угрозы, подкрѣпляемыя вооруженіемъ. Наконецъ подписали договоръ. Магистръ и рижскій архіепископъ отдали королю въ залогъ крѣпости Маріенгаузенъ, Лубанъ, Ашератъ, Дюннебургъ, Розитенъ, Луценъ, съ условіемъ

заплатить ему семьсотъ тысячъ гульденовъ по окончаніи войны; а король обязался стоять всѣми силами за Ливонію, возстановить цѣлость ея владѣній и братски раздѣлить съ Орденомъ будущія завоеванія въ Россіи.

Съ сею хартіею Кетлеръ возвратился въ Ливонію какъ съ трофеемъ: ободрилъ чиновниковъ и гражданъ; ручался за вѣрность короля и за успѣхъ; требовалъ только усердія и великодушія отъ истинныхъ сыновъ отечества. Надежда блеснула въ сердцахъ. Увѣряли себя въ могуществѣ Литвы; вспоминали славную для нея битву Днѣпровскую; искали между извѣстными воеводами Августовыми новыхъ Константиновъ Острожскихъ. „Мы должны указать имъ путь къ побѣдѣ — говорилъ Кетлеръ: — кто требуетъ содѣйствія—долженъ дѣйствовать; первые обнаживъ мечъ, увлечемъ друзей за собою въ поле". Герцогъ макленбургскій Христовъ, коадъюторъ рижскаго архіепископа, привелъ изъ Германіи новую дружину наемниковъ. Сеймъ имперскій обѣщалъ Кетлеру сто тысячъ золотыхъ. Герцогъ прусскій, ревельскій магистратъ и нѣкоторые усердные граждане ссудили его знатною суммою денегъ: такъ, одинъ рижскій лавочникъ далъ ему тридцать тысячъ марокъ подъ росписку. Богатѣйшіе выходцы дерптскіе хотѣли бѣжать въ Германію съ своимъ имѣніемъ: у нихъ взяли серебро и золото въ казну орденскую. Симъ способомъ магистръ удвоилъ число воиновъ и, зная, что россіянъ мало въ Ливоніи, выступилъ изъ Вендена за мѣсяцъ до назначеннаго въ перемирной грамотѣ срока, осенью, въ ужасную грязь; нечаянно явился близъ Дерпта и на-голову разбилъ неосторожнаго воеводу Захарія Плещеева, положивъ на мѣстѣ болѣе тысячи россіянъ. Сіе нападеніе справедливо казалось Іоанну новымъ вѣроломствомъ: онъ поручилъ месть своимъ знаменитѣйшимъ воеводамъ, князьямъ Ивану Мстиславскому, Петру Шуйскому, Василію Серебряному, которые съ лучшими дѣтьми боярскими, московскими и новогородскими спѣшили спасти завоеванную нами часть Ливоніи. Худыя дороги препятствовали скорому походу и непріятель могъ бы имѣть важные успѣхи въ землѣ, гдѣ всѣ жители были на его сторонѣ, готовые свергнуть иго россіянъ; но умъ и мужество двухъ нашихъ сановниковъ обратили въ ничто побѣду магистрову.

Кетлеръ немедленно приступилъ къ Дерпту. Тамошній воевода, бояринъ, князь Андрей Кавтыревъ-Ростовскій, успѣлъ взять мѣры: заключилъ опасныхъ гражданъ въ ратушѣ; встрѣтилъ нѣмцевъ сильною пальбою и сдѣлалъ удачную вылазку. Магистръ десять дней стоялъ въ верстѣ отъ города, стрѣляя изъ пушекъ безъ всякаго вреда для осажденныхъ. Морозы, вьюги, худая пища произвели ропотъ въ его станѣ. Наемные германскіе воины не любили трудовъ. Кетлеръ долженъ былъ рѣшиться на долговремен-

ную зимнюю осаду или на приступъ: то и другое казалось ему неблагоразуміемъ. Крѣпкія стѣны охранялись многими бойницами, сильною дружиною и воеводою искуснымъ; граждане не могли имѣть сношенія съ осаждающими и способствовать имъ въ успѣхѣ; а число россіянъ въ полѣ ежедневно умножалось: они заходили въ тылъ къ нѣмцамъ, показывая намѣреніе окружить ихъ. Принужденный удалиться отъ Дерпта, магистръ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Лаисъ, гдѣ находилось четыреста воиновъ съ неустрашимымъ головою стрѣлецкимъ Кашкаровымъ. Нѣмцы поставили туры, разбили стѣну и не могли вломиться въ крѣпость; россіяне изумили ихъ своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ, такъ что Кетлеръ, два дни приступавъ съ жаромъ, ушелъ назадъ къ Вендену, какъ побѣжденный и съ знатнымъ урономъ въ людяхъ, а еще болѣе уныніемъ воиновъ надолго лишилъ себя способа предпріять что-нибудь важное. Сія удивительная защита Лаиса есть одно изъ самыхъ блестящихъ дѣяній воинской исторіи древнихъ и новыхъ временъ, если не число дѣйствующихъ, а доблесть ихъ опредѣляетъ цѣну подвиговъ. Князь Андрей Ростовскій прислалъ самого Кашкарова съ донесеніемъ о бѣгствѣ нѣмцевъ. Государь изъявилъ живѣйшую благодарность тому и другому за спасеніе ввѣренныхъ имъ городовъ, нашей чести и славы ратной.

Вѣроятно, что магистръ, съ такимъ усиліемъ и успѣхомъ возобновивъ кровопролитіе, ждалъ отъ Августа, по уговору съ нимъ, какого-нибудь движенія противъ Россіи: король, дѣйствительно, готовилъ войско, но только готовилъ, и прислалъ въ Москву секретаря своего Володковича съ грамотою, въ коей рѣшительно требовалъ, чтобы Іоаннъ вывелъ войско изъ Ливоніи и возвратилъ всѣ взятые имъ города: „иначе (писалъ онъ) я долженъ буду оружіемъ защитить мою собственность: ибо магистръ торжественно назвалъ себя присяжникомъ великаго герцогства литовскаго. Мнимыя права Россіи на Ливонію суть новый вымыселъ: ни отецъ, ни дѣдъ твой, ни ты самъ донынѣ не объявлялъ ихъ“. Володковичъ словесно убѣждалъ бояръ московскихъ способствовать миру, открывая имъ за тайну, что польскіе вельможи готовы свергнуть короля, если онъ не вступится за Ливонію. Іоаннъ, велѣвъ показать ему договорную магистрову грамоту о дерптской дани, сказалъ: „вотъ наше право!“ Не только Богу и всѣмъ государямъ, но и самому народу извѣстно, кому принадлежитъ Ливонія. Она съ вѣдома и согласія нашего, избирая себѣ нѣмецкихъ магистровъ и мужей духовныхъ, всегда платила дань Россіи. Твои требованія смѣшны и непристойны. Знаю, что магистръ ѣздилъ въ Литву и беззаконно отдалъ тебѣ нѣкоторыя крѣпости; если хочешь мира, то выведи оттуда всѣхъ своихъ начальниковъ и не вступайся за измѣнниковъ, коихъ судьба должна зависѣть

отъ нашего милосердія. Вспомни, что честь обязываетъ государей и дѣлать, и говорить правду. Искренно хотѣвъ быть въ союзѣ съ тобою противъ невѣрныхъ, не отказываюсь и теперь заключить его. Жду отъ тебя пословъ и благоразумнѣйшихъ предложеній". Іоаннъ ждалъ войны. Оставалось только знать, кому начать ее?

Тогда же пріѣхалъ въ Москву гонецъ изъ Вѣны отъ цезаря Фердинанда, который, не имѣвъ дотолѣ сношенія съ Россіею, писалъ къ Іоанну, что желаетъ его дружбы и проситъ не воевать Ливоніи, имперской области. Письмо было учтиво и ласково; но государь сухо отвѣтствовалъ Фердинанду, что „если онъ, подобно Максимиліану и Карлу V, дѣйствительно хочетъ дружества Россіи, то долженъ объясниться съ нимъ чрезъ пословъ, людей именитыхъ: ибо съ гонцами не разсуждаютъ о дѣлахъ важныхъ" — и не сказалъ болѣе ни слова, хотя императоръ, какъ законный покровитель Ордена, справедливѣе Литвы и Даніи могъ за него вступиться.

Между тѣмъ Ливонія пылала. Россіяне вслѣдъ за бѣгущимъ Кетлеромъ устремились изъ Дерпта съ огнемъ и мечомъ казнить вѣроломство; подступили къ Тарвасту, гдѣ находился старый магистръ Фирстенбергъ, стоптали его въ сдѣланной имъ вылазкѣ, сожгли предмѣстье и побили нѣмцевъ у Феллина; а главные воеводы московскіе, князья Мстиславскій, Шуйскій, Серебряный разгромили всю землю отъ Псковскаго озера до Рижскаго залива, въ уѣздахъ Венденскомъ, Вольмарскомъ, гдѣ еще многія мѣста оставались цѣлы до сего новаго и для бѣдныхъ жителей нечаяннаго впаденія. Напрасно искавъ магистра и битвы въ полѣ, воеводы пришли къ Алысту или Маріенбургу. Сей городокъ былъ тогда однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Ливоніи; стоялъ на островѣ среди большого озера и казался недоступнымъ въ лѣтнее время: зима проложила къ нему путь и россіяне, подкативъ тяжелый снарядъ огнестрѣльный (коимъ управлялъ бояринъ Михайло Морозовъ, славный казанскою осадою) въ нѣсколько часовъ разбили до основанія стѣну. Нѣмцы бларазумно сдалися; но глава ихъ, командоръ Зибургъ, умеръ за то въ Кирхгольмской темницѣ: ибо магистръ хотѣлъ, чтобы орденскіе сановники защищали крѣпости подобно Укскилю и Кашкарову. Воеводы, исправивъ стѣны, оставили въ Маріенбургѣ сильную дружину, возвратились во Псковъ и получили отъ государя золотыя медали.—Весною россіяне опять ходили изъ Дерпта въ Эстонію; выманили нѣмцевъ изъ Верпеля и засадою истребили всѣхъ до одного человѣка; а такъ называемые сторонщики псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ и толпами гнали ихъ для продажи въ Россію.

Но Іоаннъ, предвидя неминуемую войну литовскую, хотѣлъ какъ можно скорѣе управиться съ Орденомъ и еще въ концѣ зимы послалъ новую рать къ Дерпту съ княземъ Андреемъ Курбскимъ. Желая изъявить ему особенную довѣренность, онъ призвалъ его къ себѣ въ спальню; исчислилъ всѣ знаменитыя дѣла сего храбраго мужа и сказалъ: „Мнѣ должно или самому ѣхать въ Ливонію, или вмѣсто себя послать воеводу опытнаго, бодраго, смѣлаго, съ благоразуміемъ: избираю тебя, моего любимаго! Иди и побѣждай!“ Іоаннъ умѣлъ плѣнять своихъ ревностныхъ слугъ: Курбскій въ восторгѣ цѣловалъ руку державнаго. Юный государь обѣщалъ неизмѣнную милость, юный бояринъ — усердіе до конца жизни: оба не сдержали слова, къ несчастію своему и Россіи!.. Помощникъ Курбскаго былъ славный Данило Адашевъ. Они въ исходѣ мая выступили изъ Дерпта къ Бѣлому камню или Виттенштейну; взяли крѣпкій замокъ епископа ревельскаго Фегефеєръ; опустошили богатѣйшую область Коскильскую, гдѣ находилось множество прекрасныхъ усадебъ рыцарскихъ, схватили отрядъ нѣмецкій подъ самымъ Виттенштейномъ и, свѣдавъ отъ плѣнниковъ, что бывшій магистръ Фирстенбергъ съ девятью полками, конными и пѣхотными, стоитъ въ восьми миляхъ отъ города, за вязкими болотами, рѣшились идти на него съ пятью тысячами легкихъ, отборныхъ воиновъ, пославъ въ Дерптъ обозы съ добычею. Цѣлый день россіяне вязли въ болотахъ, и если бы Фирстенбергъ ударилъ въ сіе время, то съ меньшимъ числомъ истребилъ бы ихъ совершенно; но онъ ждалъ непріятеля на гладкомъ широкомъ полѣ, въ десяти верстахъ оттуда. Солнце садилось. Россіяне дали отдохнуть конямъ; шли тихо, въ лунную, самую яснѣйшую ночь, какая бываетъ лѣтомъ только въ мѣстахъ приморскихъ; увидѣли нѣмцевъ, готовыхъ къ бою, и сразились въ самую полночь. Около двухъ часовъ продолжалась сильная пальба; наши имѣли ту выгоду, что стояли лицомъ къ огнямъ непріятельскимъ и лучше могли цѣлить. Курбскій оставилъ назади запасное войско: оно приспѣло: россіяне устремились впередъ, сломили, гнали нѣмцевъ верстъ шесть, до глубокой рѣки, гдѣ мостъ обрушился подъ бѣгущими. Фирстенбергъ спасся съ немногими: одни утонули, другіе пали отъ меча или сдалися. Курбскій на восходѣ солнца возвратился къ магистрову стану; взялъ весь его обозъ и привелъ въ Дерптъ сто семьдесятъ чиновныхъ плѣнниковъ.—Сей воевода въ два мѣсяца одержалъ еще шесть или семь побѣдъ: важнѣйшею была Феллинская. Фирстенбергъ охранялъ сію крѣпость: видя нѣсколько сотъ татарскихъ всадниковъ передъ стѣнами, онъ выѣхалъ съ дружиною, попался въ засаду и едва ускакалъ на борзомъ конѣ, оставивъ многихъ рыцарей на мѣстѣ битвы.

Но въ то время, какъ сильная рука Іоаннова давила слабую Ливонію, небо готовило ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

Тринадцать лѣтъ онъ наслаждался полнымъ счастіемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ нѣжной и добродѣтельней. Анастасія еще родила сына Ѳеодора и дочь Евдокію; цвѣла юностію и здравіемъ; но въ іюлѣ 1560 года занемогла тяжкою болѣзнію, умноженною испугомъ. Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ; тучи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывезъ больную Анастасію въ село Коломенское; самъ тушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоялъ противъ вѣтра, осыпаемый искрами, и своею неустрашимостью возбудилъ такое рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ, что дворяне и бояре кидались въ пламя, ломали зданія, носили воду, лазили по кровлямъ. Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и стоилъ битвы: многіе люди лишились жизни или остались изувѣченными. Царицѣ отъ страха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство медиковъ не имѣло успѣха, и, къ отчаянію супруга, Анастасія 7 августа, въ пятомъ часу дня, преставилась... Никогда общая горесть не изображалась умилительнѣе и сильнѣе. Не дворъ одинъ, а вся Москва погребала первую любимѣйшую царицу. Когда несли тѣло въ дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни духовенству, ни вельможамъ, тѣснясь на улицахъ ко гробу. Всѣ плакали, и всѣхъ неутѣшнѣе бѣдные, нищіе, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную въ такихъ случаяхъ милостыню—они не принимали, чуждаясь всякой отрады въ сей день печали. Іоаннъ шелъ за гробомъ; братья князья Юрій, Владиміръ Андреевичъ и юный царь казанскій Александръ вели его подъ руки. Онъ стеналъ и рвался; одинъ митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости христіанина... Но еще не знали, что Анастасія унесла съ собою въ могилу!

Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ IX.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 23 іюня 1903 г.

ГЛАВА I.

Царствованіе Іоанна IV Васильевича Грознаго.

Г. 1560 — 1564.

Перемѣна въ Іоаннѣ.—Клевета на Адашева и Сильвестра.—Судъ.—Заточеніе Сильвестра.— Смерть Адашева.— Начало злу.— Новые любимцы.— Первыя казни.—Война ливонская.—Великодушіе Беля.—Взятіе Феллина.—Слово царя казанскаго.—Конецъ Ордена.—Переговоры съ Швеціею.—Война съ Литвою.— Второй бракъ Іоанновъ.—Взятіе Полоцка.—Рожденіе царевича Василія.— Торжество Іоанново.—Смерть царевича.—Дѣла Крымскія.—Замыселъ султана.—Происшествіе въ Ливоніи.—Перемиріе съ Швеціею.—Злонравіе супруги Іоанновой.—Кончина князя Юрія.—Постриженіе Іоанновой невѣстки и матери князя Владиміра.—Кончина Макарія.—Сочиненіе Житій Святыхъ и Степенной книги.—Заведеніе типографіи.—Изданіе библіи въ Острогѣ.—Полоцкая архіепископія.—Бѣлый клобукъ митрополитовъ.—Посвященіе Аѳанасія въ митрополиты.

Приступаемъ къ описанію ужасной перемѣны въ душѣ царя и въ судьбѣ царства.

И россіяне современные и чужеземцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, изображаютъ сего юнаго, тридцатилѣтняго вѣнценосца, какъ примѣръ монарховъ благочестивыхъ, мудрыхъ, ревностныхъ ко славѣ и счастію государства. Такъ изъясняются первыя: „Обычай Іоанновъ есть соблюдать себя чистымъ предъ Богомъ. И въ храмѣ и въ молитвѣ уединенной, и въ совѣтѣ боярскомъ и среди народа у него одно чувство: да властвую, какъ Всевышній указалъ властвовать своимъ истиннымъ помазанникамъ. Судъ нелицемѣрный, безопасность каждаго и общая, цѣлость порученныхъ ему государствъ, торжество вѣры, свобода христіанъ есть всегдашняя дума его. Обремененный дѣлами, онъ не знаетъ иныхъ утѣхъ, кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удовольствія исполнять свою обязанность; не хочетъ обыкновенныхъ прохладъ царскихъ. Ласковый къ вельможамъ и народу, любя, награждая всѣхъ по достоинству, щедростію искореняя бѣдность, а зло примѣромъ добра, сей Богомъ урожденный царь желаетъ въ день страшнаго суда услышать гласъ милости: Ты еси царь правды!

и отвѣтствовать съ умиленіемъ: се азъ и люди, яже далъ ми еси Ты!“ Не менѣе хвалятъ его и наблюдатели иноземные, англичане, пріѣзжавшіе въ Россію для торговли. „Іоаннъ, — пишутъ они, — затмилъ своихъ предковъ и могуществомъ и добродѣтелію; имѣетъ многихъ враговъ и смиряетъ ихъ. Литва, Польша, Швеція, Данія, Ливонія, Крымъ, ногаи ужасаются русскаго имени. Въ отношеніи къ подданнымъ онъ удивительно снисходителенъ, привѣтливъ, любитъ разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды во дворцѣ и, несмотря на то, умѣетъ быть повелительнымъ; скажетъ боярину: — иди! и бояринъ бѣжитъ; изъявитъ досаду вельможѣ, и вельможа въ отчаяніи: скрывается, тоскуетъ въ уединеніи, отпускаетъ волосы въ знакъ горести, пока царь не объявитъ ему прощенія. Однимъ словомъ, нѣтъ народа въ Европѣ, болѣе россіянъ преданнаго своему государю, коего они равно и страшатся и любятъ. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Іоаннъ во все входитъ, все рѣшитъ; не скучаетъ дѣлами и не веселится звѣриною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: какъ служить Богу и какъ истреблять враговъ Россіи!“

Вѣроятно ли, чтобы государь, любимый, обожаемый, могъ съ такой высоты блага, счастія, славы низвергнуться въ бездну ужасовъ тиранства? Но свидѣтельства добра и зла равно убѣдительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феноменъ въ его постепенныхъ измѣненіяхъ.

Исторія не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка; но, предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахь, изъясняетъ тѣ и другіе, во-первыхъ, природными свойстами людей, во-вторыхъ, обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу. Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ и основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной вѣрѣ, ибо самые дерзкіе развратители царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце, исхитили юношу изъ сѣтей нѣги и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни разстроили сей прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣренность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не умалилась; но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась: благодарный имъ за мудрые совѣты,

государь перестал чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ и тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое прямодушіе казалось ему непристойною грубостію, оскорбительною для монарха. Напримѣръ, Адашевъ и Сильвестръ не одобряли войны ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить невѣрныхъ, злыхъ враговъ Россіи и Христа; что ливонцы, хотя и не греческаго исповѣданія, однакожъ христіане и для насъ не опасны; что Богъ благословляетъ только войны справедливыя, нужныя для цѣлости и свободы государствъ. Дворъ былъ наполненъ людьми, преданными симъ двумъ любимцамъ: но братья Анастасіи не любили ихъ; также и многіе обыкновенные завистники, не терпящіе никого выше себя. Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры: проповѣдуя небесную добродѣтель, хотятъ мірскихъ выгодъ; стоятъ высоко предъ трономъ и не даютъ народу видѣть царя, желая присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, и въ то же время препятствуютъ симъ успѣхамъ, совѣтуя государю быть умѣреннымъ въ счастіи, ибо внутренно страшатся оныхъ, думая, что избытокъ славы можетъ дать ему справедливое чувство величія, опасное для ихъ властолюбія. Они говорили: „кто сіи люди, дерзающіе предписывать законы царю великому и мудрому, не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ домашнихъ, семейственныхъ, въ самомъ образѣ жизни; дерзающіе указывать ему, какъ обходиться съ супругою, сколько пить и ѣсть въ міру?“, ибо Сильвестръ, наставникъ Іоанновой совѣсти, всегда требовалъ отъ него воздержанія, умѣренности въ физическихъ наслажденіяхъ, къ коимъ юный монархъ имѣлъ сильную склонность. Іоаннъ не унималъ злословія, ибо уже скучалъ излишне строгими нравоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы; не мыслилъ оставить добродѣтели,—желалъ единственно избавиться отъ учителей и доказать, что можетъ безъ нихъ обойтись. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ. Пишутъ, что скоро по завоеваніи Казани онъ, въ гнѣвѣ на одного воеводу, сказалъ вельможамъ: „теперь уже не боюсь васъ!“ Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердце. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣнную вѣрность въ любви ко благу. Хотя государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало

въ Кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ Думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ противорѣчить совѣтникамъ. Такъ было до весны 1560 года.

Въ сіе время холодность государева къ Адашеву и къ Сильвестру столь явно обнаружилась, что они увидали необходимость удалиться отъ двора. Первый, занимавъ дотолѣ важнѣйшее мѣсто въ Думѣ и всегда употребляемый въ переговорахъ съ европейскими державами, хотѣлъ еще служить царю инымъ способомъ: принялъ санъ воеводы и поѣхалъ въ Ливонію; а Сильвестръ, отъ чистаго сердца давъ государю благословеніе, заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ. Друзья ихъ осиротѣли, непріятели восторжествовали, славили мудрость царя и говорили: „нынѣ ты уже истинный самодержецъ, помазанникъ Божій; единъ управляешь землею, открылъ свои очи и зришь свободно на все царство! Но сверженные любимцы казались имъ еще страшными. Вопреки извѣстной государевой немилости, Адашева честили въ войскѣ; самые граждане ливонскіе изъявляли отмѣнное къ нему уваженіе: все покорялось его уму и добродѣтели. Не менѣе и Сильвестръ, уже монахъ смиренный, блисталъ добродѣтелями христіанскими въ пустынѣ: иноки съ удивленіемъ видѣли въ немъ примѣръ благочестія, любви, кротости. Царь могъ узнать о томъ, раскаяться, возвратить изгнанниковъ: надлежало довершить ударъ и сдѣлать государя столь несправедливымъ, столь виновнымъ противъ сихъ мужей, чтобы онъ уже не могъ и мыслить объ искреннемъ мирѣ съ ними. Кончина царицы подала къ тому случай.

Іоаннъ былъ растерзанъ горестію; всѣ вокругъ его проливали слезы, или отъ истинной жалости, или въ угодность царю печальному—и въ сихъ-то слезахъ явилась гнусная клевета подъ личиною усердія, любви, будто бы приведенной въ ужасъ открытіемъ неслыханнаго злодѣйства. „Государь! — сказали Іоанну: — ты въ отчаяніи, Россія также, а два изверга торжествуютъ: добродѣтельную царицу извели Сильвестръ и Адашевъ, ея враги тайные и чародѣи, ибо они безъ чародѣйства не могли бы такъ долго владѣть умомъ твоимъ“. Представили и доказательства, которыя не убѣждали и самыхъ легковѣрныхъ; но государь зналъ, что Анастасія со времени его болѣзни не любила ни Сильвестра ни Адашева; думалъ, что они также не любили ее, и принялъ клевету, можетъ быть желая оправдать свою къ нимъ немилость, если не вѣрными уликами въ ихъ злодѣйствѣ, то хотя подозрѣніемъ. Свѣдавъ о семъ доносѣ, изгнанники писали царю, требуя суда и очной ставки съ обвинителями. Послѣдняго не хотѣли враги ихъ, представляя ему, что они, какъ василиски ядовиты,

могутъ однимъ взоромъ снова очаровать его, и, любимые народомъ, войскомъ, всѣми гражданами, произвести мятежъ: что страхъ сомкнетъ уста доносителямъ. Государь велѣлъ судить обвиняемыхъ заочно: митрополитъ, епископы, бояре, многіе иные духовные и свѣтскіе чиновники собралися для того во дворцѣ. Въ числѣ судей были и коварные монахи, Вассіанъ Бѣскій, Мисаилъ Сукинъ, главные злодѣи Сильвестровы. Читали не одно, но многія обвиненія, изъясняемыя самимъ Іоанномъ въ письмѣ къ князю Андрею Курбскому. „Ради спасенія души моей — пишетъ царь,— приблизилъ я къ себѣ іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ споспѣшникомъ во благѣ, но сей лукавый лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять царствомъ безъ царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольства въ бояръ; роздали единомышленникамъ города и волости; сажали, кого хотѣли, въ Думу; заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи дни уничиженія и стыда? Какъ плѣнника влекутъ царя съ горстію воиновъ сквозь опасную землю непріятельскую (Казанскую) и не щадятъ ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія страшила, чтобы привести въ ужасъ мою душу; велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго, запрещаютъ ѣздитъ по святымъ обителямъ, не дозволяютъ карать нѣмцевъ... Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: когда я страдалъ въ тяжкой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовластія хотѣли, мимо сына моего, взять себѣ иного царя, и не тронутые, неисправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ своихъ чѣмъ платили намъ за оное? новыми оскорбленіями: ненавидѣли, злословили царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали князю Владиміру Андреевичу. И такъ удивительно ли, что я рѣшился наконецъ не быть младенцемъ въ лѣтахъ мужества и свергнуть иго, возложенное на царство лукавымъ попомъ и неблагодарнымъ слугою Алексіемъ?“ и проч. Замѣтимъ, что Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ смерти Анастасіи и тѣмъ свидѣтельствуетъ нелѣпую ложь сего доноса. Всѣ иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безразсудны въ устахъ тридцатилѣтняго самодержца, который признаніемъ своей бывшей неволи открываетъ тайну своей жалкой слабости. Адашевъ и Сильвестръ могли, какъ люди, ослѣпиться честолюбіемъ, но государь симъ нескромнымъ обвиненіемъ уступилъ имъ славу прекраснѣйшаго въ исторіи царствованія. Увидимъ, какъ онъ безъ нихъ властвовалъ; и если не Іоаннъ, но любимцы его отъ 1547 до 1560 года управляли Россіею, то для счастія подданныхъ и царя надлежало бы симъ добродѣтельнымъ мужамъ

не оставлять государственнаго кормила: лучше неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ, клевещетъ на самого себя; гораздо вѣроятнѣе, что онъ искренно любилъ благо, узнавъ его прелесть, и, наконецъ, увлеченный страстями, только обузданными, не искорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ ему мудрыми наставниками, ибо легче перемѣниться, нежели такъ долго принуждать себя—и кому? государю самовластному, который однимъ словомъ всегда могъ расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи. Адашевъ, какъ совѣтникъ, не одобряя войны ливонской, служилъ Іоанну, какъ подданный, какъ министръ и воинъ усерднымъ орудіемъ для успѣховъ ея; слѣдственно государь повелѣвалъ и, вопреки его жалобамъ, не былъ рабомъ любимцевъ.

Выслушавъ бумагу о преступленіяхъ Адашева и Сильвестра, нѣкоторые изъ судей объявили, что сіи злодѣи уличены и достойны казни; другіе, потупивъ глаза, безмолвствовали. Тутъ старецъ митрополитъ Макарій, близостію смерти и саномъ первосвятительства утверждаемый въ обязанности говорить истину, сказалъ царю, что надобно призвать и выслушать судимыхъ. Всѣ добросовѣстные вельможи согласились съ симъ мнѣніемъ; но сонмъ губителей, по выраженію Курбскаго, возопилъ противъ онаго, доказывая, что люди, осуждаемые чувствомъ государя велемудраго, милостиваго, не могутъ представить никакого законнаго оправданія; что ихъ присутствіе и козни опасны; что спокойствіе царя и отечества требуетъ немедленнаго рѣшенія въ семъ важномъ дѣлѣ. Итакъ, рѣшили, что обвиняемые виновны. Надлежало только опредѣлить казнь, и государь, еще желая имѣть видъ милосердія, умѣрилъ оную: послали Сильвестра на дикій островъ Бѣлаго моря, въ уединенную обитель Соловецкую, и велѣли Адашеву жить въ новопокоренномъ Феллинѣ, коего взятію онъ способствовалъ тогда своимъ умомъ и распоряженіями; но твердость и спокойствіе сего мужа досаждали злобнымъ гонителямъ: его заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ черезъ два мѣсяца умеръ горячкою, къ радости своихъ непріятелей, которые сказали царю, что обличенный измѣнникъ отравилъ себя ядомъ... мужъ незабвенный въ нашей исторіи, краса вѣка и человѣчества, по вѣроятному сказанію его друзей, ибо сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелію царя и погибъ съ нею... Феноменъ удивительный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изъясняемый единственно неизмѣримою силою искренняго благолюбія, коего божественное вдохновеніе озаряетъ умъ естественный въ самой тьмѣ невѣжества и вѣрнѣе науки, вѣрнѣе ученой мудрости руководствуетъ людей къ великому. Обязанный милости Іоанновой нѣкоторымъ избыткомъ, Адашевъ зналъ одну роскошь благодѣя-

нія: питалъ нищихъ, держалъ въ своемъ домѣ десять прокаженныхъ и собственными руками обмывалъ ихъ, усердно исполняя долгъ христіанина и всегда памятуя бѣдность человѣчества.

Отселѣ начало злу, и такимъ образомъ, уже не было двухъ главныхъ дѣйствователей благословеннаго Іоаннова царствованія; но друзья ихъ, мысли и правила оставались: надлежало, истребивъ Адашева, истребить и духъ его, опасный для клеветниковъ добродѣтели, противный самому государю въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ. Требовали клятвы отъ всѣхъ бояръ и знатныхъ людей не держаться стороны удаленныхъ, наказанныхъ измѣнниковъ и быть вѣрными государю. Присягнули, одни съ радостію, другіе съ печалію, угадывая слѣдствія, которыя и открылись немедленно. Все, что прежде считалось достоинствомъ и способомъ угождать царю, сдѣлалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра. Говорили Іоанну: „Всегда ли плакать тебѣ о супругѣ? Найдешь другую, равно прелестную; но можешь неумѣренностію въ скорби повредить своему здравію безцѣнному. Богъ и народъ требуютъ, чтобы ты въ земной горести искалъ и земного утѣшенія“. Іоаннъ искренно любилъ супругу, но имѣлъ легкость во нравѣ, несогласную съ глубокими впечатлѣніями горести. Онъ безъ гнѣва внималъ утѣшителямъ — и черезъ восемь дней по кончинѣ Анастасіи митрополитъ, святители, бояре торжественно предложили ему искать невѣсты,—законы пристойности были тогда не строги. Раздавъ по церквамъ и для бѣдныхъ нѣсколько тысячъ рублей въ память усопшей, пославъ богатую милостыню въ Іерусалимъ, въ Грецію, государь 18 августа объявилъ, что онъ намѣренъ жениться на сестрѣ короля польскаго.

Съ сего времени умолкъ плачъ во дворцѣ. Начали забавлять царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и свѣтлыми пирами; напоминали другъ другу, что вино радуетъ сердце, смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности, называли постничество лицемѣріемъ. Дворецъ уже казался тѣснымъ для сихъ шумныхъ сборищъ: юныхъ царевичей, брата Іоаннова Юрія и казанскаго царя Александра перевели въ особенные домы. Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностію. Еще многіе бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ: сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицомъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали; ихъ осмѣивали, унижали, лили имъ вино на голову. Между новыми любимцами государевыми отличались бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его, кравчій Ѳедоръ, князь Аѳанасій Вяземскій, Василій Грязной, Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, готовые на все для удовлетворенія своему честолюбію. Прежде они подъ личиною благонравія терялись въ толпѣ

обыкновенныхъ царедворцевъ, но тогда выступили впередъ и, по симпатіи зла, вкрались въ душу Іоанна, пріятные ему какою-то легкостью ума, искусственною веселостію, хвастливымъ усердіемъ исполнять, предупреждать его волю какъ божественную, безъ всякаго соображенія съ иными правилами, которыя обуздываютъ и благихъ царей и благихъ слугъ царскихъ, первыхъ въ ихъ желаніяхъ, вторыхъ въ исполненіи оныхъ. Старые друзья Іоанновы изъявляли любовь къ государю и къ добродѣтели, новые— только къ государю, и казались тѣмъ любезнѣе. Они сговорились съ двумя или съ тремя монахами, заслужившими довѣренность Іоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коимъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрить робкую совѣсть царя и своимъ присутствіемъ какъ бы оправдывать безчиніе шумныхъ пировъ его. Курбскій въ особенности именуетъ здѣсь чудовского архимандрита Левкія, главнаго угодника придворнаго. Порокъ ведетъ къ пороку: женолюбивый Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забылъ цѣломудріе и въ ожиданіи новой супруги для вѣчной, единственной любви, искалъ временныхъ предметовъ въ удовлетвореніе грубымъ вожделѣніямъ чувственнымъ. Мнимая, прозрачная завѣса тайны не скрываетъ слабостей вѣнценосца: люди съ изумленіемъ спрашивали другъ у друга, какимъ гибельнымъ наитіемъ государь, дотолѣ примѣръ воздержанія и чистоты душевной, могъ унизиться до распутства?

Сіе, безъ сомнѣнія, великое зло произвело еще ужаснѣйшее. Развратники, указывая царю на печальныя лица важныхъ бояръ, шептали: „Вотъ твои недоброхоты! Вопреки данной ими присягѣ, они живутъ адашевскимъ обычаемъ, сѣютъ вредные слухи, волнуютъ умы, хотятъ прежняго своевольства“. Такіе ядовитые навѣты растравляли Іоанново сердце, уже безпокойное въ чувствѣ своихъ пороковъ; взоръ его мутился, изъ устъ вырывались слова грозныя. Обвиняя бояръ въ злыхъ намѣреніяхъ, въ вѣроломствѣ, въ упорной привязанности къ ненавистной памяти мнимыхъ измѣнниковъ, онъ рѣшился быть строгимъ — и сдѣлался мучителемъ, коему равнаго едва ли найдемъ въ самыхъ Тацитовыхъ лѣтописяхъ! Не вдругъ, конечно, разсвирѣпѣла душа, нѣкогда благолюбивая: успѣхи добра и зла бываютъ постепенны; но лѣтописцы не могли проникнуть въ ея внутренность, не могли видѣть въ ней бореніе совѣсти съ мятежными страстями; видѣли только дѣла ужасныя, и называютъ тиранство Іоанново чуждою бурею, какъ бы изъ нѣдръ ада посланною возмутить, истерзать Россію. Оно началось гоненіемъ всѣхъ ближнихъ Адашева; ихъ лишали собственности, ссылали въ мѣста дальнія. Народъ жалѣлъ о невинныхъ, проклиная ласкателей, новыхъ совѣтниковъ царскихъ; а царь злобился и хотѣлъ мѣрами жестокими унять дер-

зость. Жена знатная, именемъ Марія, славилась въ Москвѣ христіанскими добродѣтелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидитъ и мыслитъ чародѣйствомъ извести царя; ее казнили вмѣстѣ съ пятью сыновьями, а скоро и многихъ иныхъ, обвиняемыхъ въ томъ же: знаменитаго воинскими подвигами окольничаго Данила Адашева, брата Алексѣева съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, трехъ Сатиныхъ, коихъ сестра была за Алексѣемъ, и родственника его Ивана Шишкина, съ женою и съ дѣтьми. Князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ, сынъ воеводы умершаго плѣнникомъ въ Литвѣ, погибъ за нескромное слово. Оскорбленный надменностію юнаго любимца государева Ѳедора Басманова, князь Дмитрій сказалъ ему: „мы служимъ царю трудами полезными, а ты гнусными дѣлами содомскими!“ Басмановъ принесъ жалобу Іоанну, который, въ изступленіи гнѣва, за обѣдомъ вонзилъ несчастному князю ножъ въ сердце; другіе пишутъ, что онъ велѣлъ задушить его. Бояринъ, князь Михайло Рѣпнинъ, также былъ жертвою великодушной смѣлости. Видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ царь, упоенный крѣпкимъ медомъ, плясалъ со своими любимцами въ маскахъ, сей вельможа заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣть на него маску; Рѣпнинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: „Государю ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ Думы, не могу безумствовать“. Царь выгналъ его и черезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить, стоящаго въ святомъ храмѣ, на молитвѣ; кровь сего добродѣтельнаго мужа обагрила помостъ церковный. Угождая несчастному расположенію души Іоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихіе разговоры въ семействахъ, между друзьями; смотрѣли на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступленій, ибо доносы нравились государю и судія не требовалъ уликъ вѣрныхъ. Такъ, безъ вины, безъ суда, убили князя Юрія Кашина, члена Думы, и брата его князя Дмитрія Курлятова, друга Адашевыхъ, неволею постригли и скоро умертвили со всѣмъ семействомъ первостепеннаго вельможу, знатнаго слугу государева, побѣдителя казанцевъ князя Михаила Воротынскаго, съ женою, съ сыномъ и съ дочерью сослали на Бѣлоозеро. Ужасъ крымцевъ, воевода бояринъ Иванъ Шереметевъ, былъ ввержень въ душную темницу, истерзанъ, окованъ тяжкими цѣпями. Царь пришелъ къ нему и хладнокровно спросилъ: „Гдѣ казна твоя? ты слылъ богачомъ“. „Государь! — отвѣчалъ полумертвый страдалецъ: — я руками нищихъ переслалъ ее къ моему Христу Спасителю!“ Выпущенный изъ темницы, онъ еще нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ Думѣ; наконецъ, укрылся отъ міра въ пустынѣ Бѣлозерской, но не укрылся отъ гоненія: Іоаннъ писалъ къ тамошнимъ монахамъ,

что они излишне честятъ сего бывшаго вельможу, какъ бы въ досаду царю. Братъ его, Никита Шереметевъ, также думный совѣтникъ и воевода, израненный въ битвахъ за отечество, былъ удавленъ.

Москва цѣпенѣла въ страхѣ. Кровь лилася; въ темницахъ, въ монастыряхъ стенали жертвы; но... тиранство еще созрѣвало, настоящее ужасало будущимъ! Нѣтъ исправленія для мучителя, всегда болѣе и болѣе подозрительнаго, болѣе и болѣе свирѣпаго; кровопійство не утоляетъ, но усиливаетъ жажду крови, оно дѣлается лютѣйшею изъ страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безуміе, казнь народовъ и самого тирана. Любопытно видѣть, какъ сей государь, до конца жизни усердный чтитель христіанскаго закона, хотѣлъ соглашать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостію,—то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, чародѣи, враги Христа и Россіи, то смиренно винился предъ Богомъ и людьми, называлъ себя гнуснымъ убійцею невинныхъ, приказывалъ молиться за нихъ въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ себя земное величіе, въ мирной обители св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ инокомъ! Такъ писалъ Іоаннъ къ князю Андрею, Курбскому и къ начальникамъ любимыхъ имъ монастырей, во свидѣтельство, что гласъ неумолимой совѣсти тревожилъ мутный сонъ души его, готовя ее къ внезапному, страшному пробужденію въ могилѣ!

Оставимъ до времени ужасы тиранства, чтобы слѣдовать за теченіемъ государственныхъ дѣлъ, въ коихъ природный умъ Іоанновъ еще былъ виденъ, какъ лучъ свѣта посреди облаковъ темныхъ.

Успѣхи наши въ войнѣ ливонской заключились ударомъ сильнымъ, рѣшительнымъ. Государь (въ 1560 году) послалъ въ Дерптъ еще новую рать, 60,000 конницы и пѣхоты, 40 осадныхъ пушекъ и 50 полевыхъ, съ знатнѣйшими воеводами, князьями Иваномъ Мстиславскимъ и Петромъ Шуйскимъ, чтобы непремѣнно взять Феллинъ, главную защиту Ливоніи, гдѣ заключился бывшій магистръ Фирстенбергъ. Полки московскіе шли медленно берегомъ рѣки Эмбаха, тяжелый снарядъ огнестрѣльный везли на судахъ, а воевода князь Барбашинъ, съ 12,000 легкихъ всадниковъ, спѣшилъ занять дорогу къ морю, ибо носился слухъ, что Фирстенбергъ отправляетъ для безопасности богатую казну въ Гапсаль. Утомивъ коней, Барбашинъ отдыхалъ верстахъ въ пяти отъ Эрмиса, и въ жаркій полдень, когда воины его спали въ тѣни, сдѣлалась тревога: 500 нѣмецкихъ всадниковъ и столько же пѣхоты, подъ начальствомъ храбраго ландмаршала Филиппа Бсля, съ крикомъ и воплемъ устремились изъ лѣса къ наше-

му тихому стану, оберегаемому малочисленною стражею. Россіяне хотя и знали о близости непріятеля, но думали, что онъ не вступитъ въ битву съ ихъ превосходною силою. Внезапность дала ему только минутную выгоду: послѣ перваго замѣшательства, россіяне остановили, стѣснили нѣмцевъ и всѣхъ до единаго истребили, взявъ въ плѣнъ 11 командоровъ и 120 рыцарей, въ числѣ коихъ находился и главный предводитель. Утрата столь многихъ чиновниковъ, особенно ландмаршала, называемаго послѣднимъ, ревностнымъ защитникомъ, послѣднею надеждою Ливоніи, была величайшимъ бѣдствіемъ для Ордена. Представленный воеводамъ московскимъ, сей знаменитый мужъ не измѣнился въ своей душевной твердости; не таилъ внутренней скорби, но взиралъ на нихъ съ гордымъ величіемъ; отвѣтствовалъ на всѣ вопросы искренно, спокойно, смѣло. Курбскій, хваля его характеръ, умъ, красно-рѣчіе, повѣствуетъ слѣдующее:

„Стараясь привѣтливостію смягчить жестокую долю сего необыкновеннаго человѣка, мы за обѣдомъ ласково бесѣдовали съ нимъ объ исторіи Ливонскаго Ордена. „Когда—сказалъ онъ—усердіе къ истинной вѣрѣ, добродѣтель, благочестіе обитали въ сердцахъ нашихъ, тогда Господь явно помогалъ намъ; не боялись мы ни россіянъ, ни литовскихъ князей. Вы слыхали о той славной, достопамятной битвѣ съ грознымъ Витовтомъ, въ коей легли шесть магистровъ орденскихъ, одинъ за другимъ избранныхъ для предводительства: таковы были древніе рыцари; таковы и новѣйшіе, съ коими имѣлъ войну дѣдъ нынѣшняго царя московскаго, Іоаннъ Великій, и которые столь мужественно сражались съ вашимъ славнымъ воеводою Даніиломъ. Когда же мы отступили отъ Бога, испровергли уставы истинной вѣры, пріяли новую, изобрѣтенную умомъ человѣческимъ въ угодность страстямъ; когда забыли чистоту нравовъ, вдались въ гнустное сластолюбіе, необузданно устремились на широкій путь разврата, тогда Богъ предалъ орденъ въ руки ваши. Грады красные, твердыни высокія, палаты и дворы свѣтлые, созданные нашими предками,—сады и винограды, ими насажденные, безъ труда вамъ достались. Но что говорю о россіянахъ! по крайней мѣрѣ вы брали мечомъ, другіе (поляки) меча не обнажали, а брали, лукаво обѣщая намъ дружбу, защиту, вспоможеніе. Вотъ ихъ дружба: стоимъ предъ вами въ узахъ, и милое отечество гибнетъ! Нѣтъ, не думайте, чтобы вы доблестію побѣдили насъ: Богъ вами казнитъ грѣшниковъ!“ Тутъ онъ залился слезами, отеръ ихъ и съ лицомъ свѣтлымъ промолвилъ, „Но я благодарю Всевышняго и въ оковахъ; сладостно терпѣть за отечество: и не боюся смерти!“—Воеводы россійскіе слушали его съ любопытствомъ, съ сердечнымъ умиленіемъ и, пославъ въ Москву вмѣстѣ со всѣми плѣнниками, убѣ-

дительно писали къ государю, чтобы онъ изъявилъ милосердіе къ сему добродѣтельному витязю, который, будучи столь уважаемъ въ Ливоніи, могъ оказать намъ великія услуги и склонить магистра къ покорности. Но Іоаннъ уже любилъ тогда жестокость; призвавъ его къ себѣ, началъ говорить съ нимъ гнѣвно. Великодушный плѣнникъ отвѣтствовалъ, что Ливонія стоитъ за честь, за свободу и гнушается рабствомъ; что мы ведемъ войну, какъ лютые варвары и кровопійцы. Іоаннъ велѣлъ отсѣчь ему голову—за противное слово (говоритъ лѣтописецъ) и за вѣроломное нарушеніе перемирія. Невольно удивляясь смѣлой твердости Беля, Іоаннъ послалъ остановить казань; но она между тѣмъ совершилась.

Полководцы наши, осадивъ Феллинъ, разбили пушками стѣны и въ одну ночь зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ. Тогда воины нѣмецкіе объявили Фирстенбергу, что надобно вступить въ переговоры. Тщетно сей знаменитый старецъ убѣждалъ ихъ не измѣнять чести и долгу, предлагая имъ всѣ свои сокровища, золото и серебро въ награду за мужество; наемники не хотѣли вѣрной смерти, ибо ни откуда не могли ждать помощи. Фирстенбергъ требовалъ, чтобы россіяне выпустили его съ казною; совѣтъ боярскій не принялъ сего условія, отвѣтствуя, что государь для чести желаетъ имѣть магистра плѣнникомъ, а изъ великодушія обѣщаетъ ему милость. Выпустили только воиновъ нѣмецкихъ (21 августа); но, узнавъ, что они разломали сундуки Фирстенберговы и похитили многія драгоцѣнности, свезенныя ливонскимъ дворянствомъ въ Феллинъ, князь Мстиславскій велѣлъ отнять у нихъ все, взятое ими беззаконно, даже и собственность, такъ что сіи несчастные пришли нагіе въ Ригу, гдѣ Кетлеръ повѣсилъ ихъ, какъ измѣнниковъ. Занявъ городъ, россіяне удивились малодушію нѣмцевъ, которые могли бы долго противиться величайшимъ усиліямъ осаждающихъ, имѣя въ немъ три каменныя крѣпости съ глубокими рвами, 450 пушекъ и множество всякихъ запасовъ. „Такая робость непріятелей (говорили они) есть милость Божія къ царю православному“. Когда плѣнники феллинскіе прибыли въ Москву, Іоаннъ велѣлъ показать ихъ народу и водить изъ улицы въ улицу. Пишутъ, что царь казанскій, находясь въ числѣ любопытныхъ зрителей сего торжества, плюнулъ на одного нѣмецкаго сановника, сказавъ ему: „За дѣло вамъ, безумцамъ! Вы научили русскихъ владѣть оружіемъ: погубили насъ и самихъ себя!“—Государь принялъ Фирстенберга весьма благосклонно, исполнилъ всѣ обѣщанія воеводъ и далъ ему костромское мѣстечко Любимъ во владѣніе, гдѣ онъ и кончилъ дни свои, жалуясь на судьбу, но искренно хваля милосердіе Іоанново.

Паденіе Феллина предвѣстило совершенное паденіе Ордена. Города Тарвастъ, Руя, Верполь и многіе укрѣпленные замки сдалися. Князь Андрей Курбскій разбилъ новаго орденскаго ландмаршала близъ Вольмара и, свѣдавъ что легкіе отряды литовскіе приближаются къ Вендену, встрѣтилъ ихъ, какъ непріятелей, обратилъ въ бѣгство, выгналъ изъ предѣловъ Ливоніи. Воевода Яковлевъ, опустошивъ приморскую часть Эстоніи, захватилъ множество скота и богатства, ибо знатнѣйшіе жители Гарріи укрывались тамъ съ своимъ имѣніемъ. Онъ шелъ мимо Ревеля; смѣлые граждане, числомъ менѣе тысячи, сдѣлали вылазку и были жертвою нашей превосходной силы,—легли на мѣстѣ или отдались въ плѣнъ. Вѣроятно, что россіяне могли бы овладѣть тогда и Ревелемъ; но главный воевода, князь Мстиславскій, на пути къ нему хотѣлъ безъ государева повелѣнія взять крѣпкій, окруженный вязкими ржавцами Вейсенштейнъ: стоялъ подъ нимъ шесть недѣль, не отважился на приступъ, издержалъ всѣ запасы и долженъ былъ осенью возвратиться въ Россію.

Въ сіе время Ливонія уже перестала мыслить о сохраненіи независимости: изнуренная безполезными усиліями, она искала только лучшаго властелина, чтобы спасти бѣдные остатки свои отъ плѣна и меча россіянъ. Фридерикъ, король датскій, хотѣлъ Эстоніи, и купилъ для своего брата Магнуса епископство Эзельское. Сей юный принцъ, осужденный быть удивительнымъ игралищемъ судьбы, весною 1560 года прибылъ въ Гапсаль съ лестными обѣщаніями для рыцарства. Король шведскій не показывалъ властолюбивыхъ замысловъ на орденскія земли, но, боясь успѣховъ Россіи, далъ знать магистру, что онъ готовъ снабдить Ревель воинскими запасами; что тамошніе жители, въ случаѣ осады, могутъ прислать женъ и дѣтей въ Финляндію; что Швеція, забывая невѣрность Ордена, искренно ему благопріятствуетъ и никогда не согласится на его уничтоженіе. Такъ думалъ старецъ Густавъ Ваза, умершій въ концѣ 1560 года. Новый король Эрикъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе: представилъ чинамъ эстонскимъ съ одной стороны неминуемую гибель, съ другой—защиту, спасеніе и безъ всякаго труда убѣдилъ ихъ объявить себя подданными Швеціи, къ досадѣ магистра, который находился въ тайныхъ переговорахъ съ Сигизмундомъ. Сіе важное происшествіе ускорило развязку драмы. Видя, что ветхое зданіе Ордена рушится, Кетлеръ, архіепископъ рижскій и депутаты Ливоніи спѣшили въ Вильну, гдѣ 28-го ноября 1561 года, въ присутствіи короля и вельможъ литовскихъ, навѣки уничтожилось бытіе знаменитаго Братства Меченосцевъ въ силу торжественнаго, клятвою утвержденнаго договора, по коему Сигизмундъ-Августъ былъ признанъ государемъ Ливоніи, съ условіемъ

не измѣнять ни вѣры ея, ни законовъ, ни правъ гражданскихъ, а Кетлеръ—наслѣдственнымъ герцогомъ Курляндіи, вассаломъ или подручникомъ королевскимъ. Въ сей достопамятной грамотѣ сказано, что „Ливонія, терзаемая лютѣйшимъ изъ враговъ, не можетъ спастися безъ тѣснаго соединенія съ королевствомъ Польскимъ; что Сигизмундъ обязанъ вступиться за христіанъ, утѣсняемыхъ варварами; что онъ изгонитъ россіянъ и внесетъ войну въ собственную ихъ землю, ибо лучше питаться кровію непріятеля, нежели питать его своею“. Возвратясь въ Ригу, Кетлеръ всенародно сложилъ съ себя достоинство магистра, крестъ и мантію; рыцари также, проливая слезы. Присягнувъ въ вѣрности королю, онъ вручилъ его намѣстнику, князю Николаю Радзивилу, печать Ордена, грамоты императоровъ и ключи городскіе; а Радзивилъ, именемъ короля, далъ ему санъ ливонскаго правителя. Такимъ образомъ земли орденскія раздѣлились на пять частей: Нарва, Дерптъ, Аллентакенъ, нѣкоторые уѣзды Ервенскіе, Вирландскіе и всѣ мѣста сосѣдственныя съ Россіею были завоеваны Іоанномъ; Швеція взяла Гаррію, Ревель и половину Вирландіи; Магнусъ владѣлъ Эзелемъ; Готгардъ Кетлеръ Курляндіею и Семигаліею; Сигизмундъ южною Ливоніею. Каждый изъ сихъ владѣтелей старался пріобрѣсть любовь новыхъ подданныхъ,—ибо самъ Іоаннъ, ужасный въ видѣ непріятеля, изъявлялъ милость народу и дворянству въ областяхъ завоеванныхъ. Но конецъ Ордена еще не могъ быть концомъ бѣдствій для стѣсненной Ливоніи, гдѣ четыре сѣверныя державы находились въ опасномъ совмѣстничествѣ другъ съ другомъ и гдѣ каждая изъ нихъ желала распространить свое господство.

Въ то время, когда шведское войско уже вступало въ Ревель, Эрикъ предлагалъ намъ миръ и дружбу, но съ условіемъ относиться во всемъ къ самому царю, не къ намѣстникамъ новгородскимъ, и выключить изъ прежняго договора важную статью, коею Густавъ Ваза обязывался не помогать ни Литвѣ, ни Ордену. Чиновники шведскіе въ переговорахъ съ московскими боярами сказали имъ въ угрозу: „Императоръ, король Сигизмундъ и Фридерикъ датскій убѣждаютъ государя нашего вмѣстѣ съ ними воевать Россію. Послы ихъ въ Стокгольмѣ. Эрикъ не далъ имъ рѣшительнаго отвѣта, ибо ждетъ вашего“. Бояре объявили, что Россія семь вѣковъ слѣдуетъ одной системѣ политической и не измѣняетъ старыхъ своихъ обычаевъ. „Въ Швеціи, — говорили они,—было много владѣтелей до Эрика, который же не сносился съ Новгородомъ? Густавъ Ваза, не хотѣвъ того, видѣлъ ужасное опустошеніе земли своей и смирился. Густавъ славился мудростію, а Эрикъ еще неизвѣстенъ. Легко начать злое дѣло, но трудно исправить его. Іоаннъ захотѣлъ—и взялъ два царства. Что сдѣ-

лалъ вашъ король новый? Или снова утвердите грамоту отца его, или вы еще не доѣдете до Стокгольма, а война уже запылаетъ— и не скоро угаснетъ ея пламя. Вы пугаете насъ Литвою, цесаремъ, Даніею; будьте друзьями всѣхъ царей и королей—не устрашимся". Сія твердость принудила шведовъ возобновить старый договоръ. Хотя Іоаннъ не могъ безъ досады свѣдать о происшедшемъ въ Эстоніи; хотя чиновники новгородскіе, посланные въ Стокгольмъ съ мирною грамотою, жаловались царю, что Эрикъ принялъ ихъ весьма грубо (и даже предлагалъ имъ ѣсть мясо въ постные дни); хотя они дали знать королю, что мы не будемъ равнодушными зрителями его властолюбія, однакожъ миръ состоялся, ибо царь не хотѣлъ умножать числа враговъ своихъ до времени, чтобы управиться съ главнымъ, то-есть съ Литвою.

Мы говорили о сватовствѣ Іоанновомъ; онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ его и весьма ошибся, къ прискорбію своего самолюбія. Послы наши, отправленные въ Вильну, торжественно говорили Сигизмунду о мирѣ, а тайно о желаніи царя быть ему зятемъ. Имъ надлежало выбрать или большую сестру королевскую, Анну, или меньшую, Екатерину, смотря по ихъ красотѣ, здоровью и дородству. Они избрали Екатерину. Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что для сего нужно согласіе императора, князя Брауншвейгскаго и короля венгерскаго, ея покровителей и родственниковъ; что приданое невѣсты, хранимое въ польской казнѣ, состоитъ изъ цѣпей, запонъ, платья и золота, всего на 100,000 червонныхъ; что хотя и не слѣдовало бы выдать меньшую сестру прежде большей, но онъ не противится сему браку съ условіемъ, чтобы Екатерина осталась въ римскомъ законѣ. Послы желали представиться невѣстѣ; имъ дозволили видѣть ее въ церкви и вручили портреты обѣихъ сестеръ. Но Сигизмундъ, увѣренный въ необходимости войны за Ливонію, считалъ безполезнымъ свойство съ Іоанномъ. Приславъ въ Москву маршалка Шимковича будто бы для договора о мирѣ и сватовствѣ, онъ требовалъ Новгорода, Пскова, земли Сѣверской, Смоленска! Посолъ уѣхалъ, и непріятельскія дѣйствія начались тѣмъ, что литовскій гетманъ Радзивилъ, вступивъ съ войскомъ въ Ливонію, взялъ городъ Тарвастъ; осада продолжалась пять недѣль, а воеводы московскіе не успѣли дать ему помощи; собирались, готовились и не хотѣли слушаться другъ друга, считаясь въ старѣйшинствѣ между собою. Тогдашняя строгость Іоаннова не унимала зловреднаго мѣстничества, и государь, казня вельможъ за одно слово нескромное, за укорительный взглядъ, за великодушную смѣлость, изъявлялъ снисхожденіе къ сему старому обычаю. Подвиги нашего многочисленнаго войска состояли единственно въ новомъ опустошеніи нѣкоторыхъ ливонскихъ селеній. Князь Василій Глинскій и Петръ Серебряный хо-

дили вслѣдъ за Радзивиломъ и побили его отрядъ близъ Пернау. Литовцы, занявъ важнѣйшія крѣпости, не остались въ Тарвастѣ: Іоаннъ велѣлъ разорить сей городъ до основанія.

Тогда Сигизмундъ написалъ къ царю, что, долго и безполезно убѣждавъ его оставить Ливонію въ покоѣ, онъ долженъ прибѣгнуть къ оружію; что Радзивилъ, взявъ Тарвастъ, выпустилъ оттуда россіянъ; что виновникъ кровопролитія дастъ отвѣтъ Богу; что мы еще можемъ отвратить войну, если выведемъ войско изъ бывшихъ орденскихъ владѣній и заплатимъ всѣ убытки, или Европа увидитъ, на чьей сторонѣ правда и месть великодушная, на чьей лютость и стыдъ. Вручителю письма, дворянину Корсаку, единовѣрцу нашему, бояре объявили, что ему не будетъ оказано посольской чести, ибо грамота королевская исполнена выраженій непристойныхъ, а царь отвѣчалъ Сигизмунду: „Ты умѣешь слагать вину свою на другихъ. Мы всегда уважали твои справедливыя требованія; но, забывъ условія предковъ и собственную присягу, ты вступаешься въ древнее достояніе Россіи, ибо Ливонія наша, была и будетъ. Упрекаешь меня гордостію, властолюбіемъ,—совѣсть моя покойна; я воевалъ единственно для того, чтобы даровать свободу христіанамъ, казнить невѣрныхъ или вѣроломныхъ. Не ты ли склоняешь короля шведскаго къ нарушенію заключеннаго имъ съ Новгородомъ мира? Не ты ли, говоря со мною о дружбѣ и сватовствѣ, зовешь крымцевъ воевать мою землю? Грамота твоя къ хану у меня въ рукахъ: прилагаю списокъ ея, да устыдишься... Итакъ уже знаемъ тебя совершенно, и болѣе знать нечего. Возлагаемъ надежду на Судію Небеснаго: Онъ воздастъ тебѣ по твоей злой хитрости и неправдѣ“.

Тогда Іоаннъ, уже рѣшительно оставивъ мысль быть Сигизмундовымъ зятемъ, искалъ себѣ другой невѣсты въ земляхъ азіатскихъ, по примѣру нашихъ древнихъ князей. Ему сказали, что одинъ изъ знатнѣйшихъ черкесскихъ владѣтелей, Темгрюкъ, имѣетъ прелестную дочь; царь хотѣлъ видѣть ее въ Москвѣ, полюбилъ и велѣлъ учить Закону. Митрополитъ былъ ея воспріемникомъ отъ купели, давъ ей христіанское имя Маріи. Бракъ совершился 21 августа 1561 года; но Іоаннъ не переставалъ жалѣть о Екатеринѣ, по крайней мѣрѣ, досадовать, готовясь мстить королю и за Ливонію и за отказъ въ сватовствѣ, оскорбительный для гордости жениха.

Однакожъ, несмотря на взаимныя угрозы, воинскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ были слабы: Іоаннъ опасался хана и держалъ полки въ южной Россіи, гдѣ предводительствовалъ ими князь Владиміръ Андреевичъ; а Сигизмундъ, разставивъ войско по крѣпостямъ въ Ливоніи, имѣлъ въ полѣ только малые отряды, которые приступали къ Опочкѣ, къ Невлю. Князь Петръ Серебряный раз-

билъ литовцевъ близъ Мстиславля; Курбскій выжегъ предмѣстіе Витебска; другіе воеводы изъ Смоленска ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Копысу, Шклову. Болѣе грабили, нежели сражались. Панъ Ходкѣвичъ, предводитель Сигизмундова войска въ Ливоніи, убѣждалъ нашихъ воеводъ не тратить людей въ безполезныхъ сшибкахъ. Начались было и мирные переговоры; вельможи литовскіе писали къ митрополиту и боярамъ московскимъ, чтобы они своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе. Старецъ Макарій велѣлъ сказать имъ: „знаю только дѣла церковныя; не стужайте мнѣ государственными"; а бояре объявили, что Іоаннъ согласенъ на миръ, если Сигизмундъ не будетъ спорить съ нами ни о Ливоніи ни о титулѣ царскомъ. „Вспомните, — прибавили они: — что и самая Литва есть отчина государей московскихъ! Для спокойствія обѣихъ державъ Іоаннъ хотѣлъ жениться на вашей королевнѣ; Сигизмундъ отвергнулъ его предложеніе—и для чего? безъ сомнѣнія, въ угодность хану! Еще можно исправить зло: пользуйтесь временемъ!" Но 1563 годъ наступалъ, а послы королевскіе, ожидаемые въ Москвѣ, не являлись; уже не боясь хана, который, вступивъ въ южную Россію, бѣжалъ назадъ отъ города Мценска, Іоаннъ замыслилъ нанести важный ударъ Литвѣ.

Въ началѣ зимы собралися полки въ Можайскѣ; самъ государь отправился туда декабря 23; а съ нимъ князь Владиміръ Андреевичъ, цари казанскіе, Александръ и Симеонъ, царевичи Ибакъ, Тохтамышъ, Бекбулатъ, Кайбула и сверхъ знатнѣйшихъ воеводъ двадцать бояръ думныхъ, 5 окольничихъ, 16 дьяковъ. Воиновъ было, какъ увѣряютъ, 280,000, обозныхъ людей 80,900, а пушекъ 200. Сіе огромное, необыкновенное ополченіе столь незамѣтно вступило въ Литву, что король, находясь въ Польшѣ, не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. Іоаннъ 31 января осадилъ Полоцкъ, и 7-го февраля взялъ укрѣпленія внѣшнія. Тутъ узнали, что 40,000 литовцевъ съ двадцатью пушками идутъ отъ Минска; гетманъ Радзивилъ предводительствовалъ ими; онъ далъ слово королю спасти осажденный городъ, но встрѣченный московскими воеводами, князьями Юріемъ Рѣпнинымъ и Симеономъ Палицкимъ, не отважился на битву; хотѣлъ единственно тревожить россіянъ и не успѣлъ ничего сдѣлать, ибо городъ 15 февраля былъ уже въ рукахъ Іоанновыхъ. Тамошній начальникъ, именемъ Довойна, услужилъ царю своею безразсудностію: впустилъ въ крѣпость 20,000 поселянъ и чрезъ нѣсколько дней, выгнавъ ихъ, далъ случай Іоанну явить опасное въ такихъ случаяхъ великодушіе. Сіи несчастные шли на вѣрную смерть и были приняты въ московскомъ станѣ какъ братья: изъ благодарности они указали намъ множество хлѣба, зарытаго ими въ глубокихъ ямахъ, и тайно извѣстили гражданъ, что царь есть отецъ всѣхъ единовѣрныхъ:

побѣждая, милуетъ. Между тѣмъ ядра сыпались въ городъ; стѣны падали, и малодушный воевода, въ угодность жителямъ, спѣшилъ заключить выгодный договоръ съ непріятелемъ снисходительнымъ, который обѣщалъ свободу личную, цѣлость имѣнія — и не сдержалъ слова. Полоцкъ славился торговлею, промышленностію, избыткомъ; Іоаннъ, взявъ государственную казну, взялъ и собственность знатныхъ, богатыхъ людей, дворянъ, купцовъ: золото, серебро, драгоцѣнныя вещи; отправилъ въ Москву епископа, воеводу полоцкаго, многихъ чиновниковъ королевскихъ, шляхту и гражданъ; велѣлъ разорить латинскія церкви и крестить всѣхъ жидовъ, а непослушныхъ топить въ Двинѣ. Одни королевскіе иноземные воины могли хвалиться великодушіемъ побѣдителя: имъ дали нарядныя шубы и письменный, милостивый пропускъ, въ коемъ Іоаннъ съ удовольствіемъ назвалъ себя великимъ княземъ полоцкимъ, приказывая своимъ боярамъ, сановникамъ россійскимъ, черкесскимъ, татарскимъ, нѣмецкимъ, оказывать имъ въ пути защиту и вспоможеніе. Нѣсколько дней онъ праздновалъ сіе легкое, блестящее завоеваніе древняго княжества Россіи, наслѣдія достопамятной Гориславы, знаменитаго въ исторіи нашихъ междоусобій и раннимъ подданствомъ Литвѣ, спасеннаго отъ ига монголовъ; послалъ всюду гонцовъ, чтобы россіяне изъявили благодарность Небу за свою новую славу, и писалъ къ первосвятителю Макарію: „се нынѣ исполнилось пророчество дивнаго Петра митрополита, сказавшаго, что Москва вознесетъ руки свои на плеща враговъ ея“.

Сигизмундъ и паны его были въ страхѣ: многолюдный, укрѣпленный Полоцкъ считался главною твердынею Литвы, и воеводы московскіе, не теряя времени, шли на Вильну, къ Мстиславлю, въ Самогитію, опустошая землю невозбранно, ибо гетманъ бѣжалъ назадъ въ Минскъ. Въ сихъ обстоятельствахъ вельможи королевскіе писали къ нашимъ боярамъ, что послы ихъ готовы ѣхать въ Москву, если мы остановимъ непріятельскія дѣйствія; а царь, приказавъ отвѣтствовать, что посла ни сѣкутъ, ни рубятъ, далъ Литвѣ перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Велѣвъ исправить укрѣпленія, отслуживъ молебенъ въ Софійскомъ полоцкомъ храмѣ и ввѣривъ защиту города мужественному князю Петру Шуйскому, государь 26 февраля выступилъ оттуда со всѣмъ войскомъ, распустилъ его въ Великихъ Лукахъ, спѣшилъ въ столицу и встрѣтилъ на пути бояръ, высланныхъ къ нему изъ Москвы съ поздравленіями отъ сыновей и супруги. Мать князя Владиміра Андреевича, Евфросинія, великолѣпно угостила его въ удѣлѣ своего сына, въ Старицѣ. Царевичъ Іоаннъ ждалъ родителя въ обители св. Іосифа, Ѳеодоръ въ селѣ Крылацкомъ. Тутъ былъ новый пиръ; а на другой день, 21 марта, когда государь ѣхалъ Крылацкимъ полемъ, явился бояринъ Траханіотовъ съ вѣстью,

что царица родила ему сына Василія. У церкви Бориса и Глѣба, на Арбатѣ, стояло духовенство съ хоругвями и крестами; Іоаннъ благодарилъ митрополита и святителей за ихъ усердныя молитвы: святители благодарили царя за мужество и побѣду. Онъ шелъ въ торжествѣ, отъ Арбата до соборовъ, среди вельможъ и народа, среди привѣтствій и восклицаній, точно такъ, какъ по взятіи Казани... Недоставало народу единственно любви къ государю, а государю счастія, ибо его нѣтъ для тирановъ! Новорожденный царевичъ жилъ только пять недѣль.

Не сомнѣваясь въ продолженіи войны съ Литвою и надѣясь на благопріятное дѣйствіе своей знаменитой побѣды, Іоаннъ извѣстилъ о томъ хана; писалъ къ нему съ гордостью и съ ласкою, поминалъ искреннюю дружбу Менгли-Гирееву съ великимъ княземъ Іоанномъ, счастливую для обѣихъ державъ, и всѣ худые успѣхи крымскихъ впаденій, хотя вредныхъ для Россіи, но еще болѣе для самой Тавриды, уже бѣдной людьми, оружіемъ и конями; указывалъ на христіанскія церкви въ Казани, въ Астрахани; хвалился усердіемъ вѣрныхъ князей черкесскихъ и ногаевъ, сожалѣлъ о безсильной злобѣ Сигизмунда, наказаннаго стыдомъ, разореніемъ земли его, и говорилъ: „Всѣ паны королевскіе били челомъ боярамъ нашимъ, да прекратимъ ихъ бѣдствія. Бояре молили князя Владиміра Андреевича и вмѣстѣ съ нимъ пали къ ногамъ моимъ, вѣщая: Государь! у насъ одна вѣра: на что болѣе проливать кровь? Руки твои наполнились плѣна и богатства; ты взялъ лучшій городъ у Сигизмунда. Недругъ въ слезахъ и желаетъ быть въ твоей волѣ. Я не хотѣлъ оскорбить любезнаго мнѣ брата и вельможъ добрыхъ: мы возвратились!.. Угодно ли тебѣ быть моимъ другомъ?“ Уже нѣсколько лѣтъ послы вѣроломнаго Девлетъ-Гирея сидѣли у насъ въ тѣсной неволѣ,—ихъ освободили въ знакъ государева къ нему благорасположенія; но Іоаннъ въ письмѣ своемъ не хотѣлъ его назвать братомъ, и вмѣсто старинваго челобитья приказалъ единственно поклонъ хану. Несмотря на то, посолъ московскій Аѳанасій Нагой долженъ былъ за тайну объявить крымскимъ вельможамъ, что царь удалилъ отъ себя Адашевыхъ, воеводу Шереметева и дьяка Ивана Михайлова, будто бы за ихъ ненависть къ Девлетъ-Гирею! Умъ, ловкость нашего посла и богатые дары произвели дѣйствіе: ханъ склонился къ миру, года два не тревожилъ Россіи и въ знакъ своего доброжелательства открылъ намъ важную тайну. Мы видѣли, что могущественный Солиманъ неравнодушно смотрѣлъ на успѣхи Іоаннова величія и на гибель царствъ мусульманскихъ; занимаясь другими, ближайшими опасностями и предпріятіями важнѣйшими для его славолюбія, онъ медлилъ; наконецъ, по внушенію знатнаго бѣглеца астраханскаго, князя Ярлыгаша, замыслилъ

великое дѣло: соединить Донъ съ Волгою прокопомъ, основать крѣпость на Переволокѣ (тамъ, гдѣ сіи рѣки сближаются), другую на Волгѣ, гдѣ нынѣ Царицынъ, третью близъ моря Каспійскаго, чтобы сперва утвердить безопасность своихъ азовскихъ владѣній, а послѣ взять Астрахань, Казань,—стѣснить, ослабить Россію. Главнымъ орудіемъ или дѣйствователемъ надлежало быть хану: султанъ велѣлъ ему идти къ Астрахани, обѣщая прислать Дономъ пушки и людей искусныхъ въ строеніи крѣпостей. Но, къ счастію Россіи, Девлетъ-Гирей страшился господства турковъ еще болѣе, нежели ея силы; не хотѣлъ уступить имъ царствъ Батыевыхъ и, стараясь доказать султану невозможность успѣха, извѣстилъ Іоанна о семъ опасномъ для насъ предпріятіи, которое осталось тогда безъ исполненія. Несмотря на дружелюбныя сношенія съ Крымомъ, государь ласкалъ постояннаго врага Девлетъ-Гиреева, главу ногайскихъ владѣтелей Измаила, который оберегалъ Астрахань, увѣдомлялъ насъ о вѣроломныхъ замыслахъ ея князей, тайныхъ друзей Крыма, и, къ сожалѣнію россіянъ, умеръ въ 1563 году, оставивъ сына Тинъ-Ахмата начальникомъ Орды ногайской. Подобно отцу, сей князь усердно искалъ Іоанновой милости.

Уже Польша, Данія и Швеція воевали за Ливонію; первыя двѣ хотѣли общими силами обуздать властолюбіе Эрика, ибо шведы отняли у Сигизмунда Пернау и Вейсенштейнъ, у датчанъ Леаль и Гапсаль. Король датскій Фридерикъ желалъ союза Іоаннова; царь утвердилъ съ нимъ миръ, какъ бы изъ великодушія уступилъ ему Эзель и Викъ; но гордо отвергнулъ его посредничество въ нашихъ дѣлахъ съ Литвою, сказавъ: „мы сами умѣемъ стоять за себя и, кромѣ Божіей помощи, не хотимъ никакой“. Онъ велѣлъ отвести дворы купцамъ датскимъ въ Новгородѣ и Нарвѣ, съ условіемъ, чтобы и нашимъ отведены были такіе же въ Копенгагенѣ и Визби, гдѣ россіяне издревле торговали. Гофмейстеръ Фридериковъ Эллеръ Гарденбергъ, съ другими чиновниками, былъ въ Москвѣ для договора; князь Ромодановскій ѣздилъ въ Данію для размѣна грамотъ. Въ то же время и шведы старались всячески улестить опаснаго царя; Эрикъ извинялся въ неучтивостяхъ, оказанныхъ нашимъ посламъ, и прислалъ шесть знатныхъ сановниковъ въ Москву, чтобы заключить договоръ о Ливоніи съ самимъ царемъ, а не съ его воеводами. Отвѣтомъ была грубая насмѣшка. Іоаннъ велѣлъ сказать Эрику: „когда я съ дворомъ своимъ переселюсь въ Швецію, тогда повелѣвай и величайся — а не нынѣ! Я отъ тебя такъ далеко, какъ небо отъ земли“. Шведы уступили. Государь велѣлъ боярину Морозову, намѣстнику ливонскому, дать королю особенное перемиріе на семь лѣтъ по дѣламъ Ливоніи; дозволилъ Эрику владѣть Ревелемъ и

всѣми занятыми имъ городами въ Эстоніи, но оставилъ себѣ право, по истеченіи означеннаго срока, изгнать оттуда шведовъ какъ хищниковъ; то-есть Іоаннъ не мѣшалъ враждующимъ за Ливонію державамъ изнурять другъ друга, готовый воспользоваться ихъ ослабленіемъ и присоединить ее къ Россіи. Увидимъ слѣдствія, какихъ не ожидала его хитрая политика... Теперь будемъ говорить о внутреннихъ происшествіяхъ сего времени.

Второй бракъ Іоанновъ не имѣлъ счастливыхъ дѣйствій перваго. Марія, одною красотою плѣнивъ супруга, не замѣнила Анастасіи ни для его сердца, ни для государства, которое уже не могло съ мыслію о царицѣ соединять мысль о царской добродѣтели. Современники пишутъ, что сія княжна черкасская, дикая нравомъ, жестокая душою, еще болѣе утверждала Іоанна въ злыхъ склонностяхъ, не умѣвъ сохранить и любви его, скоро простывшей, ибо онъ уже вкусилъ опасную прелесть непостоянства и не зналъ стыда. Равнодушный къ Маріи, Іоаннъ помнилъ Анастасію, и еще лѣтъ семь, въ память ея, надѣлялъ богатою милостынею святые монастыри Аѳонскіе. Такимъ же образомъ государь честилъ и память своего брата Юрія, умершаго въ исходѣ 1563 года. Сей князь, скудный умомъ, пользовался наружными знаками уваженія и, неспособный ни къ ратнымъ, ни къ государственнымъ дѣламъ, только именемъ начальствовалъ въ Москвѣ, когда царь выѣзжалъ изъ столицы. Но супруга его Іуліанія считалась второю Анастасіею по своимъ необыкновеннымъ достоинствамъ; она рѣшилась оставить свѣтъ. Іоаннъ, царица Марія, князь Владиміръ Андреевичъ, бояре и народъ въ глубокомъ молчаніи шли за нею отъ Кремля до Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ, названная во инокиняхъ Александрою, она хотѣла кончить дни свои въ мирѣ, не предвидя, что сей, тронутый ея ревностнымъ, ангельскимъ благочестіемъ царь, исполненный къ ней — такъ казалось — любви и братской нѣжности, въ порывѣ безумнаго гнѣва будетъ ея свирѣпымъ убійцею! Онъ желалъ, чтобы невѣстка его и въ видѣ смиренной монахини имѣла почести царскія: устроилъ ей въ келіяхъ пышный дворъ, далъ сановниковъ въ услугу и богатыя помѣстья во владѣніе, какъ бы желая тѣмъ еще привязать ее къ суетамъ міра!

Еще прежде Іуліаніи, волею или неволею, постриглась мать князя Владиміра Андреевича, честолюбивая Евфросинія, вмѣстѣ съ сыномъ заслуживъ гнѣвъ царя по доносу дьяка ихъ, который за свои худыя дѣла сидѣлъ въ темницѣ. Государь призвалъ обвиняемыхъ, митрополита, епископовъ, уличилъ—какъ сказано въ лѣтописи—мать и сына въ неправдѣ, но, уваживъ моленіе духовенства, изъ милосердія отпустилъ имъ вину. Тогда Евфросинія, оставивъ свѣтъ, заключилась въ Воскресенскомъ монастырѣ на

Бѣлѣозерѣ, куда проводили ее знатные дворскіе чиновники; а князю Владиміру Іоаннъ далъ новыхъ бояръ, стольниковъ и дьяковъ, взявъ его собственныхъ къ себѣ въ царскую службу, то-есть окружилъ сего князя надзирателями; между тѣмъ обходился съ нимъ ласково, ѣздилъ къ нему гостемъ въ Старицу, въ Верею, въ села Вышегородскія, чтобы пировать и веселиться. Еще внутренняяя злоба таилась подъ личиною дружелюбія.

Въ послѣдній день 1563 года скончался, въ глубокой старости, знаменитый митрополитъ Макарій, обвиняемый современниками въ честолюбіи, въ робости духа, но хвалимый за благонравіе, — не смѣлый обличитель царскихъ пороковъ, но и не грубый льстецъ ихъ. За нѣсколько дней до смерти открывая душу передъ людьми и Богомъ въ грамотѣ прощальной, Макарій пишетъ, что изнуряемый многими печалями, онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя житію молчальному или пустынному, но царь и святители всегда неотступно убѣждали его остаться. Сей пастырь церкви не былъ, кажется, спокойнымъ зрителемъ Іоаннова разврата, предпочитая тишину пустыни блестящему сану іерарха. Ревностный къ успѣхамъ христіанскаго просвѣщенія, онъ велѣлъ перевести греческую Минею и прибавилъ къ ней Житія святыхъ россійскихъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, для коихъ, соборомъ 26 февраля 1547 года, уставилъ онъ службу и празднества: новгородскому архіепископу Іоанну, Александру Невскому, Савватію, Зосимѣ Соловецкимъ и другимъ. Макарій велѣлъ также сочинить извѣстную Степенную книгу, доведенную отъ Рюрика до 1559 года, и способствовалъ учрежденію первой въ Москвѣ типографіи. Европа уже около ста лѣтъ пользовалась счастливымъ открытіемъ Гуттенберга, Фауста и Шеффера; государи московскіе слышали о томъ и хотѣли присвоить себѣ выгоду, столь важную для успѣховъ просвѣщенія, имъ любезнаго. Великій князь Іоаннъ III давалъ жалованье славному любекскому типографщику Варѳоломею; царь Іоаннъ въ 1547 году искалъ въ Германіи художниковъ для книжнаго дѣла и, какъ вѣроятно, нашелъ ихъ для образованія нашихъ собственныхъ въ Москвѣ, ибо въ 1553 году онъ приказалъ устроить особенный домъ книгопечатанія подъ руководствомъ двухъ мастеровъ: Ивана Ѳедорова, діакона церкви Николая Гостунскаго, и Петра Тимофеева Мстиславца, которые въ 1564 издали Дѣянія и посланія апостоловъ, древнѣйшую изъ печатныхъ книгъ россійскихъ, достойную замѣчанія красотою буквъ и бумаги. Въ прибавленіи сказано, что Макарій благословилъ царя на благое дѣло доставить христіанамъ, вмѣсто невѣрныхъ рукописей, печатныя, исправныя книги, содержащія въ себѣ и законъ Божій и службу церковную, для чего надлежало сличать древнѣйшіе, лучшіе списки, дабы не обмануться ни въ

словахъ ни въ смыслѣ. Сіе важное предпріятіе, внушенное христіанскою просвѣщенною ревностію, возбудило негодованіе многихъ грамотѣевъ, которые жили записываніемъ книгъ церковныхъ. Къ симъ людямъ присоединились и суевѣры, изумленные новостію. Начались толки, и художникъ Иванъ Ѳедоровъ, смертію Макарія лишенный усерднаго покровителя, какъ мнимый еретикъ, долженъ былъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Петромъ Мстиславцемъ, удалиться отъ гонителей въ Литву. Хотя московская типографія, переведенная въ Александровскую слободу, еще напечатала Евангеліе, но царь уступилъ славу издать всю Библію волынскому князю Константину Константиновичу, одному изъ потомковъ св. Владиміра. Сей князь, ревностный сынъ нашей церкви, съ любовію принявъ изгнанника Ивана Ѳедорова, завелъ типографію въ своемъ городѣ Острогѣ; досталъ въ Москвѣ же (черезъ государственнаго секретаря литовскаго Гарабурду) полный списокъ Ветхаго и Новаго Завѣта, свѣрилъ его съ Греческою Библіею, присланною къ нему отъ Іереміи, патріарха константинопольскаго, исправилъ (посредствомъ нѣкоторыхъ филологовъ) и напечаталъ въ 1581 году, заслуживъ тѣмъ благодарность всѣхъ единовѣрцевъ.—Между достопамятными церковными дѣяніями Макаріева времени замѣтимъ еще учрежденіе полоцкой архіепископіи въ честь сего древняго княжества и тамошняго знаменитаго храма Софійскаго. Бывшій святитель Суздальскій Трифонъ Ступишинъ, постриженникъ св. Іосифа Волоцкаго, мужъ добродѣтельный, но ветхій и недужный, въ угодность царю, принялъ санъ полоцкаго архипастыря.

По кончинѣ Макарія, всѣ епископы съѣхались въ Москву, чтобы избрать новаго пастыря церкви; но еще прежде того, исполняя волю государеву, они соборною грамотою установили, что митрополиты россійскіе должны впредь носить клобуки бѣлые съ рясами и съ херувимомъ, какъ изоброжаются на иконахъ митрополиты Петръ и Алексій, новгородскій архіепископъ Іоаннъ и чудотворцы ростовскіе Леонтій, Игнатій, Исаія. „Для чего“,— сказано въ сей грамотѣ,—„для чего одни святители новгородскіе носятъ бѣлые клобуки, мы искали и не могли найти въ писаніяхъ. Да возвратится митрополитамъ ихъ древнее отличіе! Да печатаютъ также, подобно архіепископамъ новгородскому и казанскому, всѣ грамоты свои краснымъ воскомъ. Печать на одной сторонѣ должна представлять образъ Богоматери съ Младенцемъ, а на другой руку благословенную съ именемь митрополита“. Чрезъ нѣсколько дней былъ избранъ въ первосвятители инокъ Чудова монастыря Афанасій, бывшій благовѣщенскій протоіерей и духовникъ государевъ. По совершеніи литургіи, владыки, снявъ съ митрополита одежду служебную, возложили на него золотую

икону вратную, мантію съ источниками и бѣлый клобукъ. Афанасій сталъ на святительское мѣсто, выслушалъ привѣтственную рѣчь царя, далъ ему благословеніе и громогласно молилъ Всевышняго, да ниспошлетъ здравіе и побѣду Іоанну. Онъ уже не смѣлъ, кажется, говорить о добродѣтели!

ГЛАВА II.

Г. 1563 — 1569.

Переговоры и война съ Литвою.—Бѣгство россіянъ въ Литву.—Измѣна князя Андрея Курбсааго.—Переписка его съ царемъ.—Нападеніе Литвы и крымцевъ.—Посольство вел. магистра нѣмецкаго.—Таинственный отъѣздъ Іоанновъ.—Письмо царя къ митрополиту и къ народу.—Ужасъ въ Москвѣ.—Учрежденіе опричнины.—Вторая эпоха казней.—Александровская слобода.—Монашеская жизнь Іоаннова.—Иноземные любимцы Іоанновы.—Великодушіе митрополита Филиппа.—Третья эпоха убійствъ.—Язва.—Воинскія дѣйствія и пероговоры.—Земская дума.—Перемиріе съ Литвою.—Дѣла шведскія.—Важное предпріятіе султана.—Бѣдствіе турковъ.—Сношеніе съ Персіею.—Дань сибирская.—Торговля.—Посольства англійскія.—Замыселъ Іоанновъ бѣжать въ Англію.—Злодѣй Бомелій.

Перемиріе, данное Іоанномъ Сигизмунду, не мѣшало россіянамъ и литовцамъ нападать другъ на друга. Первые малочисленными отрядами довершали завоеваніе полоцкой области. Слуга Сигизмундовъ, князь Михайло Вишневецкій, съ толпами казаковъ и бѣлгородскихъ татаръ, опустошалъ уѣзды Черниговскіе, Стародубскіе; князь Иванъ Щербатый, сѣверскій воевода, разбилъ его на-голову. Пословъ Сигизмундовыхъ долго ждали въ Москвѣ; наконецъ они пріѣхали 5 декабря 1563 года и, слѣдуя обыкновенію, требовали отъ насъ Новгорода, Пскова, кромѣ всѣхъ завоеваній дѣда, отца Іоаннова и его собственныхъ; а бояре наши, также слѣдуя обыкновенію, отвѣтствовали, что мы для надежнаго мира должны взять у Литвы не только Кіевъ, Волынію, Подолію, но и Вильну, которая въ древнія времена принадлежала Россіи. Они говорили о неправдахъ, лукавствѣ, спѣси короля, не хотящаго именовать Іоанна царемъ и замышляющаго быть государемъ Ливоніи, гдѣ еще въ XI вѣкѣ основанъ Ярославомъ Великимъ городъ Юрьевъ, и гдѣ Александръ Невскій огнемъ и мечомъ казнилъ своихъ подданныхъ, нѣмцевъ, за ихъ бунтъ и непослушаніе. „Такъ было“,—заключили бояре словомъ государя,—такъ было до временъ великаго мстителя неправдамъ, моего дѣда, до славнаго родителя моего, обрѣтателя древней нашей отчизны, и до меня смиреннаго“. Хотя съ обѣихъ сторонъ умѣрили требо-

ванія; хотя мы соглашались уже не говорить о Вильнѣ, Подоліи, Волыніи и дружелюбно уступили Сигизмунду Курляндію, желая единственно всей Полоцкой земли, чтобы заключить перемиріе на 10 или 15 лѣтъ, однакожъ послы не приняли сего условія. Іоаннъ изустно сказалъ имъ: „Если король не хочетъ давать мнѣ царскаго имени, да будетъ его воля! Не имѣю нужды въ титулѣ, ибо всѣмъ извѣстно, что родъ мой происходитъ отъ Кесаря Августа, а даннаго Богомъ человѣкъ не отниметъ". Такая генеалогія должна была удивить пословъ; имъ, безъ сомнѣнія, объяснили ее. Надобно знать, что московскіе книжники сего времени, можетъ быть въ угодность Іоаннову честолюбію, производили перваго князя новгородскаго Рюрика отъ мнимаго Прусса, Августова брата, который будто бы, оставивъ Римъ, сдѣлался владѣтелемъ Пруссіи. Послы не спорили о предкахъ Рюриковыхъ, но не хотѣли утвердить за нами ни Полоцкой области, ни Ливоніи, и выѣхали изъ Москвы 9 января.

Тогда воеводы московскіе немедленно выступили: Шуйскій изъ Полоцка, князья Серебряные, Оболенскіе изъ Вязьмы, чтобы дѣйствовать противъ Литвы; государь велѣлъ имъ соединиться подъ Оршею, идти къ Минску, къ Новугородку литовскому, назначилъ станы, предписалъ всѣ движенія. Но князь Петръ Шуйскій, завоеватель Дерпта, славный и доблестію и человѣколюбіемъ, какъ бы ослѣпленный рокомъ, изъявилъ удивительную неосторожность: шелъ безъ всякаго устройства, съ толпами невооруженными; доспѣхи везли на саняхъ, впереди не было стражи; никто не думалъ о непріятелѣ, — а воевода троцкій, Николай Радзивилъ, съ дворомъ королевскимъ, съ лучшими полками литовскими, стоялъ близъ Витебска, имѣлъ вѣрныхъ лазутчиковъ, зналъ все, и вдругъ, близъ Орши, въ мѣстахъ лѣсныхъ, тѣсныхъ, напалъ на россіянъ. Не успѣвъ ни стать въ ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились въ бѣгство, воевода и воины. Несчастный Шуйскій заплатилъ жизнью за свою неосторожность. Одни пишутъ, что онъ былъ застрѣленъ въ голову и найденъ мертвый въ колодцѣ; другіе, что литовскій крестьянинъ изрубилъ его сѣкирою. Изъ знатныхъ людей пали еще два брата, князья Симеонъ и Ѳедоръ Палицкіе. Литовцы взяли въ плѣнъ воеводу Захарія Плещеева-Очина, князя Ивана Охлябинина и нѣсколько дѣтей боярскихъ, такъ что мы изъ двадцати тысячъ воиновъ лишились менѣе двухъ сотъ человѣкъ; всѣ другіе ушли въ Полоцкъ, оставивъ непріятелю въ добычу обозы и пушки. Тѣло Шуйскаго съ торжествомъ отвезли въ Вильну, а плѣнниковъ россійскихъ представили больному королю въ Варшавѣ; онъ велѣлъ пѣть молебны и дѣйствіемъ радости исцѣлился отъ недуга.

Впрочемъ, сія побѣда не имѣла дальнѣйшихъ счастливыхъ слѣдствій для Сигизмунда. Князья Оболенскіе стояли подъ Оршею; Радзивилъ не хотѣлъ сразиться съ ними; желалъ единственно, чтобы они вышли изъ королевскихъ владѣній, и для того гонецъ литовскій съ вѣстію о бѣдствіи Шуйскаго нарочно былъ посланъ въ Дубровну чрезъ такія мѣста, гдѣ ему надлежало встрѣтить россіянъ; его схватили и привели къ воеводамъ нашимъ, которые, узнавъ, что случилось, дѣйствительно возвратились къ Смоленску, но отомстивъ непріятелю огнемъ и мечомъ: выжгли селенія отъ Дубровны до Кричева, взяли въ плѣнъ множество земледѣльцевъ. Мѣсяцевъ пять миновало въ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ: въ іюлѣ полководецъ Іоанновъ, князь Юрій Токмаковъ, съ малочисленною пѣхотою и конницею, ходилъ изъ Невля къ Озерищу, въ надеждѣ завладѣть симъ городомъ. Свѣдавъ, что 12,000 литовцевъ идутъ изъ Витебска спасти осажденныхъ, сей воевода, извѣстный мужествомъ, отпустилъ снарядъ и пѣхоту на судахъ въ Невль, съ одною конницею встрѣтилъ непріятеля и разбилъ его передовую дружину; но когда подошло главное войско литовское, онъ долженъ былъ отступить, безчеловѣчно умертвивъ взятыхъ имъ плѣнниковъ. Смоленскій воевода Бутурлинъ, предводительствуя дѣтьми боярскими, татарами, мордвою, снова опустошилъ правый берегъ Днѣпра и вывелъ 4,800 плѣнниковъ обоего пола. Между тѣмъ литовцы тревожили нападеніемъ область Дерптскую, а казаки Сигизмундовы грабили купцовъ и посланниковъ Іоанновыхъ на пути изъ Москвы въ Тавриду. Но скоро война сдѣлалась важнѣе, по крайней мѣрѣ для насъ опаснѣе, отъ неожиданной измѣны одного изъ славнѣйшихъ воеводъ Іоанновыхъ.

Ужасъ, наведенный жестокостями царя на всѣхъ россіянъ, произвелъ бѣгство многихъ изъ нихъ въ чужія земли. Князь Димитрій Вишневецкій служилъ примѣромъ: усердный ко славѣ нашего отечества и любивъ Іоанна добродѣтельнаго, онъ не хотѣлъ подвергать себя злобному своенравію тирана: изъ воинскаго стана въ южной Россіи ушелъ къ Сигизмунду, который принялъ Дмитрія милостиво, какъ злодѣя Іоаннова, и далъ ему собственнаго медика, чтобы излѣчить сего славнаго воина отъ тяжкаго недуга, произведеннаго въ немъ отравою. Но Вишневецкій не думалъ лить крови единовѣрныхъ россіянъ: тайно убѣждаемый нѣкоторыми вельможами Молдавіи изгнать недостойнаго ихъ господаря Стефана, онъ съ дружиною вѣрныхъ казаковъ спѣшилъ туда искать новой славы и былъ жертвою обмана: никто не явился подъ знамена героя; Стефанъ плѣнилъ Вишневецкаго и послалъ въ Константинополь, гдѣ султанъ велѣлъ умертвить его. Вслѣдъ за Вишневецкимъ отъѣхали въ Литву

два брата, знатные сановники, Алексѣй и Гаврило Черкасскіе, безъ сомнѣнія, угрожаемые опалою. Бѣгство не всегда измѣна; гражданскіе законы не могутъ быть сильнѣе естественнаго: спасаться отъ мучителя; но горе гражданину, который за тирана мститъ отечеству! Юный, бодрый воевода, въ нѣжномъ цвѣтѣ лѣтъ ознаменованный славными ранами, мужъ битвы и совѣта, участникъ всѣхъ блестящихъ завоеваній Іоанновыхъ, герой подъ Тулою, подъ Казанью, въ степяхъ башкирскихъ и на поляхъ Ливоніи, нѣкогда любимецъ, другъ царя, возложилъ на себя печать стыда и долгъ на историка вписать гражданина столь знаменитаго въ число государственныхъ преступниковъ. То былъ князь Андрей Курбскій. Доселѣ онъ имѣлъ славу заслугъ, не имѣя ни малѣйшаго пятна на сей славѣ въ глазахъ потомства; но царь уже не любилъ его, какъ друга Адашевыхъ, искалъ только случая обвинить невиннаго. Начальствуя въ Дерптѣ, сей гордый воевода сносилъ выговоры, разныя оскорбленія; слышалъ угрозы, наконецъ свѣдалъ, что ему готовится погибель. Не боясь смерти въ битвахъ, но устрашенный казнію, Курбскій спросилъ у жены своей, чего она желаетъ: видѣть ли его мертваго передъ собою, или разстаться съ нимъ живымъ навѣки? Великодушная съ твердостью отвѣтствовала, что жизнь супруга ей драгоцѣннѣе счастія. Заливаясь слезами, онъ простился съ нею, благословилъ девятилѣтняго сына, ночью тайно вышелъ изъ дому, перелѣзъ черезъ городскую стѣну, нашелъ двухъ осѣдланныхъ коней, изготовленныхъ его вѣрнымъ слугою, и благополучно достигъ Вольмара, занятаго литовцами. Тамъ воевода Сигизмундовъ принялъ изгнанника какъ друга, именемъ королевскимъ обѣщая ему знатный санъ и богатство. Первымъ дѣломъ Курбскаго было изъясниться съ Іоанномъ: открыть душу свою, исполненную горести и негодованія. Въ порывѣ сильныхъ чувствъ онъ написалъ письмо къ царю; усердный слуга, единственный товарищъ его, взялся доставить оное и сдержалъ слово: подалъ запечатанную бумагу самому государю, въ Москвѣ, на Красномъ крыльцѣ, сказавъ: „отъ господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича“. Гнѣвный царь ударилъ его въ ногу острымъ жезломъ своимъ, кровь лилась изъ язвы; слуга, стоя неподвижно, безмолвствовалъ. Іоаннъ оперся на жезлъ и велѣлъ читать вслухъ письмо Курбскаго такого содержанія:

„Царю, нѣкогда свѣтлому, отъ Бога прославленному — нынѣ же, по грѣхамъ нашимъ, омраченному адскою злобою въ сердцѣ, прокаженному въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми невѣрными владыками земли. Внимай! въ смятеніи горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзалъ ты сильныхъ во Израилѣ, вождей знаменитыхъ, данныхъ

тебѣ Вседержителемъ, и святую, побѣдоносную кровь ихъ проліялъ во храмахъ Божіихъ? Развѣ они не пылали усердіемъ къ царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты вѣрныхъ называешь измѣнниками, христіанъ чародѣями, свѣтъ тьмою и сладкое горькимъ! Чѣмъ прогнѣвали тебя сіи предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы царства, гдѣ предки наши томились въ тяжкой неволѣ? Не ими ли взяты твердыни германскія въ честь твоего имени? И что же воздаешь намъ, бѣднымъ?—гибель! Развѣ ты самъ безсмертенъ? Развѣ нѣтъ Бога и правосудія вышняго для царя?.. Не описываю всего, претерпѣннаго мною отъ твоей жестокости: еще душа моя въ смятеніи; скажу единое, ты лишилъ меня святыя Руси! Кровь моя, за тебя изліянная, вопіетъ къ Богу. Онъ видитъ сердца. Я искалъ вины своей и въ дѣлахъ и въ тайныхъ помышленіяхъ; вопрошалъ совѣсть, внималъ отвѣтамъ ея, и не вѣдаю грѣха моего предъ тобою. Я водилъ полки твои, и никогда не обращалъ хребта ихъ къ непріятелю, слава моя была твоею. Не годъ, не два служилъ тебѣ, но много лѣтъ, въ трудахъ и въ подвигахъ воинскихъ, терпя нужду и болѣзни, не видя матери, не зная супруги, далеко отъ милаго отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все извѣстно. Ему поручаю себя, въ надеждѣ на заступленіе святыхъ и праотца моего, князя Θеодора Ярославскаго... Мы разстались съ тобою навѣки: не увидишь лица моего, до дни суда страшнаго. Но слезы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мертвыхъ: убитые тобою живы для Всевышняго, они у престола его требуютъ мести! Не спасутъ тебя воинства; не сдѣлаютъ безсмертнымъ ласкатели, бояре недостойные, товарищи пировъ и нѣги, губители души твоей, которые приносятъ тебѣ дѣтей своихъ въ жертву! Сію грамоту, омоченную слезами моими, велю положить въ гробъ съ собою и явлюся съ нею на судъ Божій. Аминь. Писано въ градѣ Вольмарѣ, въ области короля Сигизмунда, государя моего, отъ коего съ Божіею помощію надѣюсь милости и жду утѣшенія въ скорбяхъ“.

Іоаннъ выслушалъ чтеніе письма и велѣлъ пытать вручителя, чтобы узнать отъ него всѣ обстоятельства побѣга, всѣ тайныя связи, всѣхъ единомышленниковъ Курбскаго въ Москвѣ. Добродѣтельный слуга, именемъ Василій Шибановъ (сіе имя принадлежитъ исторіи), не объявилъ ничего; въ ужасныхъ мукахъ хвалилъ своего отца-господина; радовался мыслію, что за него умираетъ. Такая великодушная твердость, усердіе, любовь изумили всѣхъ и самого Іоанна, какъ онъ говоритъ о томъ въ письмѣ къ изгнаннику, ибо царь, волнуемый гнѣвомъ и внутреннимъ безпокойствомъ совѣсти, немедленно отвѣчалъ Курбскому. „Во имя Бога Всемогущаго (пишетъ Іоаннъ), Того, Кѣмъ живемъ и

движемся, Кѣмъ цари царствуютъ и сильные глаголютъ, смиренный христіанскій отвѣтъ бывшему россійскому боярину, нашему совѣтнику и воеводѣ князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему быть ярославскимъ владыкою. Почто, несчастный, губишь свою душу измѣною, спасая бренное тѣло бѣгствомъ? Если ты праведенъ и добродѣтеленъ, то для чего же не хотѣлъ умереть отъ меня, строптиваго владыки, и наслѣдовать вѣнецъ мученика? Что жизнь, что богатство и слава міра сего? суета и тѣнь: блаженъ, кто смертію пріобрѣтаетъ душевное спасеніе! Устыдися раба своего Шибанова: онъ сохранилъ благочестіе предъ царемъ и народомъ; давъ господину обѣтъ вѣрности, не измѣнилъ ему при вратахъ смерти. А ты, отъ единаго моего гнѣвнаго слова, тяготишь себя клятвою измѣнниковъ; не только себя, но и душу предковъ твоихъ, ибо они клялися великому моему дѣду служить намъ вѣрно со всѣмъ ихъ потомствомъ. Я читалъ и разумѣлъ твое писаніе. Ядъ аспида въ устахъ измѣнника; слова его подобны стрѣламъ. Жалуешься на претерпѣнныя тобою гоненія; но ты не уѣхалъ бы ко врагу нашему, если бы мы не излишне миловали васъ, недостойныхъ! Я иногда наказывалъ тебя за вины, но всегда легко и съ любовію, а жаловалъ примѣрно. Ты въ юныхъ лѣтахъ былъ воеводою и совѣтникомъ царскимъ, имѣлъ всѣ почести и богатство. Вспомни отца своего: онъ служилъ въ бояpахъ у князя Михайла Кубенскаго! Хвалишься пролитіемъ крови своей въ битвахъ: но ты единственно платилъ долгъ отечеству. И велика ли слава твоихъ подвиговъ? Когда ханъ бѣжалъ отъ Тулы, вы пировали на обѣдѣ у князя Григорія Темкина и дали непріятелю время уйти во-свояси. Вы были подъ Невлемъ съ 15.000 и не умѣли разбить четырехъ тысячъ литовцевъ. Говоришь о царствахъ Батыевыхъ, будто бы вами покоренныхъ: разумѣешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани), но чего намъ стоило вести васъ къ побѣдѣ? Сами идти не желая, вы безумными словами и въ другихъ охлаждали ревность къ воинской славѣ. Когда буря истребила подъ Казанью суда наши съ запасомъ, вы хотѣли бѣжать малодушно—и безвременно требовали рѣшительной битвы, чтобы возвратиться въ домы побѣдителями или побѣжденными, но только скорѣе. Когда Богъ даровалъ намъ городъ, что вы дѣлали? грабили! А Ливоніею можете ли хвалиться? Ты жилъ праздно въ Псковѣ, и мы семь разъ писали къ тебѣ, писали къ князю Петру Шуйскому: идите на нѣмцевъ! Вы съ малымъ числомъ людей взяли тогда болѣе пятидесяти городовъ; но своимъ ли умомъ и мужествомъ? Нѣтъ, только исполненіемъ, хотя и лѣнивымъ, нашего распоряженія. Что жъ вы сдѣлали послѣ съ своимъ мудрымъ начальникомъ Алексѣемъ Адашевымъ, имѣя у

себя войско многочисленное?—едва могли взять Феллинъ, ушли отъ Пайды (Вейсенштейна)! Если бы не ваша строптивость, то Ливонія давно бы вся принадлежала Россіи. Вы побѣждали невольно, дѣйствуя какъ рабы, единственно силою вынужденія. Вы говорите, проливали за насъ кровь свою: мы же проливали потъ и слезы отъ вашего неповиновенія. Что было отечество въ ваше царствованіе и въ наше малолѣтство? пустынею отъ востока до запада; а мы, унявъ васъ, устроили села и грады тамъ, гдѣ витали дикіе звѣри. Горе дому, коимъ владѣетъ жена, горе царству, коимъ владѣютъ многіе! Кесарь Августъ повелѣвалъ вселенною, ибо не дѣлился ни съ кѣмъ властію: Византія пала, когда цари начали слушаться эпарховъ, синклитовъ и поповъ, братьевъ вашего Сильвестра". Тутъ Іоаннъ описываетъ уже извѣстныя читателю вины бывшихъ своихъ любимцевъ и продолжаетъ: „Безстыдная ложь, что говоришь о нашихъ мнимыхъ жестокостяхъ! Не губимъ сильныхъ въ Израилѣ; ихъ кровію не обагряемъ церквей Божіихъ: сильные, добродѣтельные здравствуютъ и служатъ намъ. Казнимъ однихъ измѣнниковъ — и гдѣ же щадятъ ихъ? Константинъ Великій не пощадилъ и сына своего; а предокъ вашъ, святый князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, сколько убилъ христіанъ въ Смоленскѣ? Много опалъ, горестныхъ для моего сердца; но еще болѣе измѣнъ гнусныхъ, вездѣ и всѣмъ извѣстныхъ. Спроси у купцовъ чужеземныхъ, пріѣзжающихъ въ наше государство: они скажутъ тебѣ, что твои предстатели суть злодѣи уличенные, коихъ не можетъ носить земля Русская. И что такое предстатели отечества? Святые ли, боги ли, какъ Аполлоны, Юпитеры? Доселѣ владѣтели россійскіе были вольны, независимы, жаловали и казнили своихъ подданныхъ безъ отчета. Такъ и будетъ! Уже я не младенецъ. Имѣю нужду въ милости Божіей, пречистыя Дѣвы Маріи и святыхъ угодниковъ: наставленія человѣческаго не требую. Хвала Всевышнему: Россія благоденствуетъ; бояре мои живутъ въ любви и согласіи: одни друзья, совѣтники ваши, еще во тьмѣ коварствуютъ. Угрожаешь мнѣ судомъ Христовымъ на томъ свѣтѣ: а развѣ въ семъ мірѣ нѣтъ власти Божіей? Вотъ ересь манихейская! Вы думаете, что Господь царствуетъ только на небесахъ, діаволъ во адѣ, на землѣ же властвуютъ люди: нѣтъ, нѣтъ! Вездѣ Господня держава, и въ сей, и въ будущей жизни. Ты пишешь, что я не узрю здѣсь лица твоего еѳіопскаго: горе мнѣ! какое бѣдствіе! Престолъ Всевышняго окружаешь ты убіенными мною,—вотъ новая ересь! Никто, по слову апостола, не можетъ видѣть Бога. Положи свою грамоту въ могилу съ собою: симъ докажешь, что и послѣдняя искра христіанства въ тебѣ угасла, ибо христіанинъ умираетъ съ любовію, съ прощеніемъ,

а не съ злобою. Къ довершенію измѣны называешь ливонскій городъ Вольмаръ областью короля Сигизмунда и надѣешься отъ него милости, оставивъ своего законнаго, Богомъ даннаго тебѣ властителя. Ты избралъ себѣ государя лучшаго! Великій король твой есть рабъ рабовъ: удивительно ли, что его хвалятъ рабы? Но умолкаю: Соломонъ не велитъ плодить рѣчей съ безумными: таковъ ты дѣйствительно. Писано нашея великія Россіи въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта міроздація 7072, іюля мѣсяца въ 5 день".

Сіе письмо, наполненое изрѣченіями Ветхаго и Новаго Завѣта, свидѣтельствами историческими, богословскими толкованіями и грубыми насмѣшками, составляетъ цѣлую книгу въ подлинникѣ. Курбскій отвѣтствовалъ на оное съ презрѣніемъ: стыдилъ Іоанна забвеніемъ властительскаго достоинства, унижаемаго языкомъ браннымъ, суесловіемъ жалкимъ, непристойною смѣсью божественныхъ сказаній съ ложью и клеветами. „Я невиненъ, и бѣдствую въ изгнаніи,—говоритъ онъ: — добрые жалѣютъ обо мнѣ,—слѣдственно не ты! Пождемъ мало: истина не далеко". Доселѣ можемъ осуждать изгнанника только за язвительность жалобы и за то, что онъ наслажденію мести, удовольствію терзать учителя словами смѣлыми, пожертвовалъ добрымъ, усерднымъ слугою; по крайней мѣрѣ еще не видимъ въ немъ государственнаго преступника и не можемъ вѣрить обвиненію, что Курбскій хотѣлъ будто бы назваться государемъ ярославскимъ. Но увлеченный страстію, сей мужъ злополучный лишилъ себя выгоды быть правымъ и главнаго утѣшенія въ бѣдствіяхъ: внутренняго чувства добродѣтели. Онъ могъ безъ угрызенія совѣсти искать убѣжища отъ гонителя въ самой Литвѣ,—къ несчастію, сдѣлалъ болѣе: присталъ ко врагамъ отечества. Обласканный Сигизмундомъ, наргажденный отъ него богатымъ помѣстьемъ Ковельскимъ, онъ предалъ ему свою честь и душу, совѣтовалъ, какъ губить Россію, упрекалъ короля слабостію въ войнѣ, убѣждалъ его дѣйствовать смѣлѣе, не жалѣть казны, чтобы возбудить противъ насъ хана,—и скоро услышали въ Москвѣ, что 70,000 литовцевъ, ляховъ, прусскихъ нѣмцевъ, венгровъ, волоховъ, съ измѣнникомъ Курбскимъ идутъ къ Полоцку; что Девлетъ-Гирей съ 60,000 хищниковъ вступилъ въ Рязанскую область...

Сія послѣдняя вѣсть изумила царя: онъ ѣхалъ тогда на богомолье въ Суздаль, всякій день ожидая новой шертной грамоты отъ хана, который обѣщалъ ему и миръ и союзъ. Грамота въ самомъ дѣлѣ была написана, и посолъ Іоанновъ, Аѳанасій Нагой, уже готовился къ отъѣзду изъ Тавриды, но золото Сигизмундово все перемѣнило. Взявъ его, Девлетъ - Гирей устремился на Россію, беззащитную, какъ онъ думалъ, ибо король писалъ къ нему, что

Іоаннъ со всѣми полками на ливонской границѣ. Обманутый дружелюбными увѣреніями хана, царь дѣйствительно распустилъ наши полки украинскіе, такъ что въ Рязани, осажденной Девлетъ-Гиреемъ, не было ни одного воина, кромѣ жителей. Она спаслася геройствомъ двухъ любимцевъ государевыхъ, боярина Алексѣя Басманова и сына его Ѳеодора, которые, находясь тогда въ ихъ богатомъ помѣстьѣ на берегу Оки, первые извѣстили царя о непріятелѣ, первые вооружились съ людьми своими, разбили нѣсколько отрядовъ ханскихъ и засѣли въ Рязани, гдѣ ветхія стѣны падали, но гдѣ ревность, неустрашимость сихъ витязей, вмѣстѣ съ увѣщаніями епископа Филоѳея, одушевили гражданъ рѣдкимъ мужествомъ. Крымцы приступали днемъ и ночью безъ успѣха: трупы ихъ лежали грудами подъ стѣнами. Дѣйствіе нашего огнестрѣльнаго снаряда не давало имъ отдыха и въ станѣ. Узнавъ, что Іоаннъ въ Москвѣ; что воеводы Ѳедоровъ и Яковлевъ съ царскою дружиною уже стоятъ на берегу Оки; что изъ Михайлова, изъ Дѣдилова идетъ къ нимъ войско; что смѣлые наѣздники россійскіе вездѣ бьютъ крымцевъ, приближаясь къ самому ихъ стану,—Девлетъ-Гирей ушелъ еще скорѣе, нежели пришелъ: не дождался и своихъ отрядовъ, которые жгли берега Оки и Вожи. За ними не гналися: но Ширинскій князь его Мамай, хотѣвъ долѣе грабить въ селахъ пронскихъ, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ 500 крымцевъ; на мѣстѣ легло ихъ болѣе трехъ тысячъ. Чрезъ 6 дней все затихло: уже не было слуха о крымцахъ. Іоаннъ, оставивъ царицу и дѣтей въ Александровской слободѣ, выѣзжалъ изъ Москвы къ войску, когда Басмановы донесли ему о бѣгствѣ непріятеля. Личная доблесть и слава сихъ двухъ любимцевъ еще болѣе оживляла его радость: онъ далъ имъ золотыя медали.

Вниманіе государя обратилось на Полоцкъ. И тамъ мы торжествовали, къ стыду измѣнника нашего и гордаго пана Радзивила, главнаго воеводы Сигизмундова. Они расположились станомъ въ двухъ верстахъ отъ города, между рѣками Двиною и Полотою, въ надеждѣ, что возьмутъ его однимъ страхомъ или измѣною, но воевода полоцкій, князь Петръ Щенятевъ, отвѣтствовалъ на ихъ предложенія выстрѣлами, а бывшій царь казанскій Симеонъ, князья Иванъ Пронскій, Петръ и Василій Оболенскіе-Серебряные спѣшили изъ Великихъ Лукъ зайти непріятелю въ тылъ, ибо государь, угадывая дѣйствіе совѣтовъ Курбскаго, заблаговременно усилилъ полки свои на сей границѣ. Радзивилъ не имѣлъ довѣренности къ Курбскому (такова участь предателей!): вопреки его мнѣнію, опасался битвы, въ коей могъ быть между двумя огнями; 17 дней стоялъ праздно, терялъ людей отъ выстрѣловъ изъ крѣпости и 4 октября перешелъ на литовскую сторону Двины.

Сего не довольно: воеводы московскіе, изгнавъ литовцевъ, взяли приступомъ Озерище, а славный побѣдитель Шуйскаго не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы спасти сію важную крѣпость. Въ ту же осень князь Василій Прозоровскій отразилъ литовцевъ отъ Чернигова и, взявъ знамя пана Сапѣги, заслужилъ царскую милость. Зимою Курбскій съ 15,000 воиновъ королевскихъ входилъ въ область Великихъ Лукъ; но подвиги его состояли единственно въ разореніи селъ, даже монастырей. „То сдѣлалось противъ моей воли,—писалъ онъ къ Іоанну:—нельзя было удержать хищныхъ ратниковъ. Я воевалъ мое отечество такъ же, какъ Давидъ, гонимый Сауломъ, воевалъ землю Израильскую“.

Къ общему распоряженію короля принадлежали и дѣйствія воеводъ его въ Ливоніи: чтобы способствовать успѣхамъ хана и Радзивила, онъ велѣлъ князю Александру Полубенскому и другимъ своимъ воеводамъ идти къ Маріенбургу, Дерпту, въ область Псковскую. Было нѣсколько дѣлъ, довольно важныхъ: въ одномъ храбрый витязь Іоанновъ, Василій Вешняковъ, разбилъ непріятеля, а въ другомъ князь Иванъ Шуйскій и меньшій Шереметевъ уступили ему поле битвы. Литовцы не могли овладѣть Краснымъ; не могли защитить окрестностей Шмильтена, Вендена, Вольмара, Роннебурга, откуда мужественный воевода Бутурлинъ вывелъ 3,200 плѣнниковъ, за что государь прислалъ къ нему золотыя медали. Силы литовцевъ были раздѣлены; они сражались съ нами и съ шведами; послѣдніе же на сухомъ пути съ ними, а на морѣ съ датчанами, за спорную Ливонію, къ удовольствію Іоанна, который внутренно смѣялся надъ ихъ усиліями, считая себя единственнымъ ея законнымъ государемъ.

Іоаннъ надѣялся еще далѣе распространить пламя войны ливонской и найти новаго, усерднаго сподвижника противъ короля Сигизмунда въ великомъ магистрѣ нѣмецкомъ Вольфгангѣ, ибо сей древній Орденъ, утративъ свое бытіе въ Пруссіи, былъ возстановленъ въ Германіи, болѣе именемъ и обрядами, нежели духомъ и характеромъ. Вольфгангъ писалъ къ царю, что онъ мыслитъ съ помощію императора завоевать Пруссію, желаетъ союза Россіи, дабы общими силами наступить на Сигизмунда и шлетъ пословъ въ Москву. Они дѣйствительно пріѣхали (въ сентябрѣ 1564 года) съ письмами отъ императора Фердинанда и магистра, но единственно для того, чтобы исходатайствовать свободу плѣннику, старцу Фирстенбергу: не было слова о союзѣ и войнѣ. Государь съ досадою отвѣтствовалъ, что магистръ нынѣ говоритъ одно, а завтра иное; что если Вольфгангъ отниметъ у Сигизмунда Ригу и Венденъ, то царь пожалуетъ имъ Фирстенберга; что императору не будетъ отвѣта, ибо онъ писалъ къ царю не съ своимъ, а съ чужими послами.

Такимъ образомъ измѣна Курбскаго и замыселъ Сигизмундовъ потрясти Россію произвели одну кратковременную тревогу въ Москвѣ. Но сердце Іоанново не успокоилось, болѣе и болѣе кипѣло гнѣвомъ, волновалось подозрѣніями. Всѣ добрые вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго: онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ; слышалъ укоризны или угрозы въ ихъ молчаніи; требовалъ доносовъ, и жаловался, что ихъ мало: самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его жаждѣ къ истязанію. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были передъ нимъ, и еще не издыхали, къ его изумленію и мукѣ. Іоаннъ искалъ предлога для новыхъ ужасовъ—и вдругъ, въ началѣ зимы 1564 года, Москва узнала, что царь ѣдетъ неизвѣстно куда съ своими ближними, дворянами, людьми приказными, воинскими, поимянно созванными для того изъ самыхъ городовъ отдаленныхъ, съ ихъ женами и дѣтьми. 3-го декабря, рано, явилось на Кремлевской площади множество саней; въ нихъ сносили изъ дворца золото и серебро, святыя иконы, кресты, сосуды драгоцѣнные, одежды, деньги. Духовенство, бояре ждали государя въ церкви Успенія; онъ пришелъ и велѣлъ митрополиту служить обѣдню, молился съ усердіемъ, принялъ благословеніе отъ Аѳанасія, милостиво далъ цѣловать руку своимъ боярамъ, чиновникамъ, купцамъ; сѣлъ въ сани съ царицею, съ двумя сыновьями, съ Алексѣемъ Басмановымъ, Михайломъ Салтыковымъ, княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ, Иваномъ Чеботовымъ, съ другими любимцами и, провождаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ село Коломенское, гдѣ жилъ двѣ недѣли за распутьемъ, ибо сдѣлалась необыкновенная оттепель, шли дожди и рѣки вскрылись. 17-го декабря онъ съ обозами своими переѣхалъ въ село Тайнинское, оттуда въ монастырь Троицкій, къ Рождеству въ Александровскую слободу. Въ Москвѣ, кромѣ митрополита, находились тогда многіе святители. Они вмѣстѣ съ боярами, вмѣстѣ съ народомъ— не зная, что думать о государевомъ необыкновенномъ, таинственномъ путешествіи — безпокоились, унывали, ждали чего-нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, не радостнаго. Прошелъ мѣсяцъ.

3-го января вручили митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи, неустройства, беззаконія боярскаго правленія во время его малолѣтства; доказывалъ, что и вельможи и приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья государевы; радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество, что сей духъ не измѣнился, что они не перестаютъ злодѣйствовать: воеводы не хотятъ быть защитниками христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ хану, Литвѣ, нѣмцамъ терзать Россію; а если

государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ боярамъ и чиновникамъ, то митрополитъ и духовенство вступаются за виновныхъ, грубятъ, стужаютъ ему. „Вслѣдствіе чего,—писалъ Іоаннъ,—не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости сердца оставили государство и поѣхали, куда Богъ укажетъ намъ путь“. — Другую грамоту прислалъ онъ къ гостямъ, купцамъ и мѣщанамъ: дьяки Путило Михайловъ и Андрей Васильевъ въ собраніи народа читали оную велегласно. Царь увѣрялъ добрыхъ москвитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа,

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства: „Государь насъ оставилъ! — вопилъ народъ:—мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ съ иноплеменными? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?“ Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали отъ митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшася. Всѣ говорили ему одно: „Пусть царь казнитъ своихъ лиходѣевъ; въ животѣ и въ смерти воля его: но царство да не останется безъ главы! Онъ нашъ владыка, Богомъ данный: иного не вѣдаемъ. Мы всѣ со своими головами ѣдемъ за тобою бить челомъ государю и плакаться“. То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя: пусть царь укажетъ намъ своихъ измѣнниковъ:—мы сами истребимъ ихъ!“ Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными послами святителя новгородскаго Пимена и чудовскаго архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ другіе епископы: Никандръ ростовскій, Елевѳерій суздальскій, Филоѳей рязанскій, Матѳей крутицкій, архимандриты: троицкій, симоновскій, спасскій и андрониковскій; за духовенствомъ вельможи, князья Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, — всѣ бояре, окольничіе, дворяне и приказные люди, прямо изъ палатъ митрополитовыхъ, не заѣхавъ къ себѣ въ домы; также и многіе гости, купцы, мѣщане, чтобы ударить челомъ государю и плакаться.

Святители остановились въ Слотинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну. Онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую слободу съ приставами и 5-го января впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ царю благословеніе отъ митрополита, епископы слезно молили его снять опалу съ духовенства, съ вельможъ, дворянъ, приказныхъ людей, не оставлять государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили, наконецъ, чтобы онъ дозволилъ боярамъ видѣть очи царскія. Іоаннъ впустилъ и бояръ,

которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали царя сжалиться надъ Россіею, возвеличенною его побѣдами и мудрыми уставами, славною мужествомъ ея народа многочисленнаго, богатою сокровищами природы, еще славнѣйшею благовѣніемъ. „Когда,—сказали вмѣстѣ и духовные, и государственные сановники,—когда ты не уважаешь мірского величія и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмовъ, гдѣ совершились чудеса божественной къ тебѣ милости, гдѣ лежатъ цѣлебныя мощи угодниковъ Христовыхъ. Вспомни, что ты блюститель не только государства, но и церкви: первый, единственный монархъ православія! Если удалишься, кто спасетъ истину, чистоту нашей вѣры? Кто спасетъ милліоны душъ отъ погибели вѣчной?“ Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упреки боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи и строптивости; ссылался на исторію; доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія, междоусобія въ Россіи; издревле врагами державныхъ наслѣдниковъ Мономаховыхъ; хотѣли (обвиненіе новое!) извести царя, супругу, сыновей его... Бояре безмолствовали. „Но,—продолжалъ царь,—для отца моего, митрополита Аѳанасія, для васъ, богомольцевъ нашихъ, архіепископовъ и епископовъ, соглашаюсь паки взять своя государства, а на какихъ условіяхъ—вы узнаете“. Условія состояли въ томъ, чтобы Іоанну невозбранно казнить измѣнниковъ опалою, смертію, лишеніемъ достоянія, безъ всякаго стуженія, безъ всякихъ претительныхъ докукъ со стороны духовенства. Въ сихъ десяти словахъ Іоаннъ изрекъ гибель многимъ боярамъ, которые предъ нимъ стояли: казалось, что никто изъ нихъ не думалъ о своей жизни; хотѣли единственно возвратить царя царству—и всѣ со слезами благодарили, славили Іоаннову милость, вельможи и духовенство, у коего отнималъ государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинныхъ, но и за виновныхъ, еще достойныхъ милосердія! Грозный владыка, какъ бы смягченный смиреніемъ обреченныхъ жертвъ, велѣлъ святителямъ праздновать съ нимъ Богоявленіе; удержалъ въ слободѣ князей Бѣльскаго и Щенятева, а другихъ бояръ, вмѣстѣ съ дьяками, отпустилъ въ Москву, чтобы дѣла не остановились въ приказахъ.

Москва съ нетерпѣніемъ ждала царя, и долго; говорили, что онъ занимается тайными дѣлами съ людьми ближними; угадывали оное не безъ боязни. Наконецъ, 2 февраля, Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой день созвалъ духовенство, бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ. Видъ его изумилъ всѣхъ. Опишемъ здѣсь наружность Іоаннову. Онъ былъ великъ ростомъ, строенъ; имѣлъ высокія плечи, крѣпкія мышцы, широкую грудь,

прекрасные волосы, длинный усъ, носъ римскій, глаза небольшіе, сѣрые, но свѣтлые, проницательные, исполненные огня, и лицо нѣкогда пріятное. Въ сіе время онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость, всѣ черты исказились, взоръ угасъ, а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса, отъ неизмѣннаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его. Снова исчисливъ вины бояръ и подтвердивъ согласіе остаться царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе державъ, брать всѣ нужныя для того мѣры, о кратковременности жизни, о необходимости видѣть далѣе гроба; и предложилъ уставъ опричнины, — имя, дотолѣ неизвѣстное! Іоаннъ сказалъ, что онъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особыхъ тѣлохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недовѣрчивость, боязливость, свойственную нечистой совѣсти; но обстоятельства удивили, а слѣдствія привели въ новый ужасъ Россію. 1) Царь объявилъ своею собственностію города: Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Ярославецъ, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галичъ, Юрьевецъ, Балахну, Вологду, Устюгъ, Старую Русу, Каргополь, Вагу, также волости московскія и другія съ ихъ доходами; 2) выбиралъ 1,000 тѣлохранителей изъ князей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и давалъ имъ помѣстья въ сихъ городахъ, а тамошнихъ вотчинниковъ и владѣльцевъ переводилъ въ иныя мѣста; 3) въ самой Москвѣ взялъ себѣ улицы Чертольскую, Арбатскую, съ Сивцовымъ Врагомъ, половину Никитской, съ разными слободами, откуда надлежало выслать всѣхъ дворянъ и приказныхъ людей, не записанныхъ въ царскую тысячу; 4) назначилъ особыхъ сановниковъ для услугъ своихъ: дворецкаго, казначеевъ, ключниковъ, даже поваровъ, хлѣбниковъ, ремесленниковъ; 5) наконецъ, какъ бы возненавидѣвъ славныя воспоминанія кремлевскія и священные гробы предковъ, не хотѣлъ жить въ великолѣпномъ дворцѣ Іоанна III: указалъ строить новый за Неглинною, между Арбатомъ и Никитскою улицею, и, подобно, крѣпости, оградить высокою стѣною. Сія часть Россіи и Москвы, сія тысячная дружина Іоаннова, сей новый дворецъ, какъ отдѣльная собственность царя, находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы опричниною; а все остальное, то-есть все государство—земщиною, которую Іоаннъ поручилъ боярамъ земскимъ, князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому и другимъ, велѣвъ старымъ государственнымъ чиновникамъ—конюшему, дворецкому, казначеямъ, дьякамъ — сидѣть въ ихъ приказахъ, рѣшать всѣ дѣла гражданскія, а въ важнѣйшихъ относиться къ боярамъ, коимъ дозволялось въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ

дѣламъ, ходить съ докладомъ къ государю. То-есть Іоаннъ, по-видимому, желалъ какъ бы удалиться отъ царства, стѣснивъ себя въ маломъ кругу частнаго владѣльца, и въ доказательство, что государство и государственное уже не одно знаменуютъ въ Россіи, требовалъ себѣ изъ казны земской 100,000 рублей за издержки его путешествія отъ Москвы до слободы Александровской! Никто не противорѣчилъ: воля царская была закономъ. Обнародовали новое учрежденіе.

4 февраля Москва увидала исполненіе условій, объявленныхъ царемъ духовенству и боярамъ въ Александровской слободѣ. Начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые, будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ, умышляли на жизнь Іоанна, покойной царицы Анастасіи и дѣтей его. Первою жертвою былъ славный воевода князь Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій, потомокъ св. Владиміра, Всеволода Великаго и древнихъ князей суздальскихъ, знаменитый участникъ въ завоеваніи Казанскаго царства, мужъ ума глубокаго, искусный въ дѣлахъ ратныхъ, ревностный другъ отечества и христіанинъ. Ему надлежало умереть вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ, семнадцатилѣтнимъ юношею. Оба шли къ мѣсту казни безъ страха, спокойно держа другъ друга за руку. Сынъ не хотѣлъ видѣть казни отца и первый склонилъ подъ мечъ свою голову; родитель отвелъ его отъ плахи, сказавъ съ умиленіемъ:—„да не зрю тебя мертваго!“ Юноша уступилъ ему первенство, взявъ отсѣченую голову отца, поцѣловалъ ее, взглянулъ на небо и съ лицомъ веселымъ отдалъ себя въ руки палача. Шуринъ Горбатаго, Петръ Ховринъ (родомъ грекъ), окольничій Головинъ, князь Иванъ Сухой-Кашинъ и кравчій князь Петръ Ивановичъ Горенскій были казнены въ тотъ же день, а князь Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ; пишутъ, что сей несчастный страдалъ цѣлый день, но, укрѣпляемый вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ канонъ Іисусу. Двухъ бояръ, Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмого, постригли; у многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отняли имѣніе, другихъ съ семействами сослали въ Казань. Одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ, ближній родственникъ добродѣтельной царицы Анастасіи, бояринъ и воевода Иванъ Петровичъ Яковлевъ, также навлекъ на себя опалу; но Іоаннъ въ самомъ ожесточеніи еще любилъ хвалиться милосердіемъ: простивъ Яковлева, взялъ съ него клятвенную грамоту, утвержденную подписями святителей, въ томъ, чтобы не уходить ему изъ Россіи ни въ Литву, ни къ папѣ, ни къ императору, ни къ султану, ни къ князю Владиміру Андреевичу, и не имѣть съ нимъ никакихъ тайныхъ сношеній. Мы упоминали о ссылкѣ первостепеннаго боярина, славнаго воеводы, князя Михаила Воротынскаго: лишенный имѣнія, онъ года четыре жилъ въ Бѣлѣозерѣ, получая изъ го-

сударевой казны около 100 рублей ежегодно, сверхъ запаса винъ, плодовъ иноземныхъ, одежды, бѣлья. Наконецъ Іоаннъ возвратилъ сего знаменитаго изгнанника къ двору, въ Думу: сдѣлалъ намѣстникомъ казанскимъ и державцемъ новосильскимъ, обязавъ его въ вѣрности такою же грамотою, какъ и Яковлева, съ прибавленіемъ, что митрополитъ и епископы были ихъ ходатаями. Не велѣвъ духовенству вступаться за опальныхъ, царь желалъ польстить ему симъ милостивымъ словомъ. Но ходатаевъ уже не было! Духовенство могло только слезами орошать алтари и возсылать теплыя молитвы къ Богу о спасеніи несчастныхъ! Другіе бояре, Левъ Андреевичъ Салтыковъ, князья Василій Серебряный, Иванъ Охлябининъ, Захарія Очинъ-Плещеевъ, долженствовали представить за себя ручателей въ неизмѣнной службѣ государю; а въ случаѣ ихъ бѣгства ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались внести знатную сумму денегъ въ казну: напримѣръ, за князя Серебрянаго 25.000 рублей или около полумилліона нынѣшнихъ. Предосторожность безполезная и постыдная для государя; но сей государь былъ тиранъ!

Послѣ князей Іоаннъ занялся образованіемъ своей новой дружины. Въ совѣтѣ съ нимъ сидѣли Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, князь Аѳанасій Вяземскій и другіе любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ дѣтей боярскихъ, отличныхъ не достоинствами, но такъ называемымъ удальствомъ, распутствомъ, готовностію на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ ихъ, о друзьяхъ и покровителяхъ: требовалось именно, чтобы они не имѣли никакой связи съ знатными боярами; неизвѣстность, самая низость происхожденія вмѣнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, царь избралъ 6,000 и взялъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ земскими (то-есть со всѣми не записанными въ опричнину), не водить съ ними хлѣба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. За то государь далъ имъ не только земли, но и дома и всю движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ опричнины съ голыми руками, такъ что многіе изъ нихъ, люди заслуженные, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ иныя отдаленныя, пустыя помѣстья. Самые земледѣльцы были жертвою сего несправедливаго учрежденія: новые дворяне, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, хотѣли пышностію закрасить свою подлость, имѣли нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами, трудами: деревни разорились. Но сіе зло казалось еще маловажнымъ въ сравненіи съ другими. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предаетъ всю Россію въ жертву своимъ опричнымъ: они были всегда правы въ судахъ, а на

нихъ не было ни суда, ни управы. Опричникъ, или кромѣшникъ— такъ стали называть ихъ какъ бы извергов тьмы кромѣшней— могъ безопасно тѣснить, грабить сосѣда, и въ случаѣ жалобы бралъ съ него пеню за безчестье. Сверхъ многихъ иныхъ злодѣйствъ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, слѣдующее вошло въ обыкновеніе: слуга опричника, исполняя волю господина, съ нѣкоторыми вещами прятался въ домѣ купца или дворянина; господинъ заявлялъ его мнимое бѣгство, мнимую кражу; требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и взыскивалъ съ невиннаго хозяина пятьсотъ, тысячу или болѣе рублей. Не было снисхожденія: надлежало или немедленно заплатить, или идти на правежъ, то-есть неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сѣчь его всенародно до заплаты денегъ. Иногда опричникъ самъ подметывалъ что-нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ, и за сію будто бы украденную у него вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ человѣка на улицѣ, велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань, ибо сказать неучтивое слово кромѣшнику значило оскорбить самого царя; въ такомъ случаѣ невинный спасался отъ тѣлесной казни тягостною денежною пенею. Однимъ словомъ, люди земскіе, отъ дворянина до мѣщанина, были безгласны, безотвѣтны противъ опричныхъ; первые были ловомъ, послѣдніе ловцами, и единственно для того, чтобы Іоаннъ могъ надѣяться на усердіе своихъ разбойниковъ-тѣлохранителей въ новыхъ, замышляемыхъ имъ убійствахъ. Чѣмъ болѣе государство ненавидѣло опричныхъ, тѣмъ болѣе государь имѣлъ къ нимъ довѣренности: сія общая ненависть служила ему залогомъ ихъ вѣрности. Затѣйливый умъ Іоанновъ изобрѣлъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что грызутъ лиходѣевъ царскихъ и метутъ Россію.

Хотя новый дворецъ уподоблялся неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя и въ немъ безопаснымъ: по крайней мѣрѣ не взлюбилъ Москвы, и съ сего времени жилъ большею частію въ слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ; на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ. Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные государственные, воинскіе чиновники—въ особенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу; купцы также. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать оттуда безъ вѣдома Іоаннова, для чего въ трехъ верстахъ отъ слободы, прозванной Неволею,

обыкновенно стояла воинская стража. Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельностію успокаивать душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ иноковъ: выбралъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ самыхъ злѣйшихъ, назвалъ братіею, себя игуменомъ, князя Аѳанасія Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова параклисіархомъ; далъ имъ тафьи, или скуфейки, и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою; сочинилъ для нихъ уставъ монашескій и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ заутренѣ; братья спѣшили въ церковь; кто не являлся, того наказывали осьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до шести или семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ. Въ 8 часовъ опять собирались къ обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу, всѣ, кромѣ Іоанна, который, стоя, читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія. Между тѣмъ братья ѣли и пили досыта; всякій день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ, то-есть царь, обѣдалъ послѣ; бесѣдовалъ съ любимцами о Законѣ; дремалъ или ѣхалъ въ темницу пытать какого-нибудь несчастнаго. Казалось, что сіе ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія, шутилъ, говаривалъ тогда веселѣе обыкновеннаго. Въ 8 часовъ шли къ вечернѣ; въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ, одинъ за другимъ, разсказывали ему сказки; онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не надолго: въ полночь вставалъ — и день его начинался молитвою! Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ; иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время заутрени или обѣдни! Единообразіе сей жизни онъ прерывалъ такъ называемыми объѣздами; посѣщалъ монастыри, и ближніе и дальніе, осматривалъ крѣпости на границѣ, ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ; любилъ въ особенности медвѣжью травлю; между тѣмъ вездѣ и всегда занимался дѣлами, ибо земскіе бояре, мнимо-уполномоченные правители государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда пріѣзжали къ намъ знатные послы иноземные, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой Кремлевской палатѣ, близъ церкви св. Іоанна; являлся тамъ и въ другихъ

важныхъ случаяхъ, но рѣдко. Опричники, блистая въ своихъ золотыхъ одеждахъ, наполняли дворецъ, но не заграждали пути къ престолу и старымъ боярамъ: только смотрѣли на нихъ спесиво, величаясь какъ подлые рабы въ чести недостойной.

Кромѣ сихъ любимцевъ, Іоаннъ удивительнымъ образомъ честилъ тогда нѣкоторыхъ ливонскихъ плѣнниковъ. Въ іюнѣ въ 1565 году, обвиняя дерптскихъ гражданъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ магистромъ, онъ вывелъ оттуда всѣхъ нѣмцевъ и сослалъ въ Владиміръ, Угличъ, Кострому, Нижній-Новгородъ, съ женами и дѣтьми, но далъ имъ пристойное содержаніе и христіанскаго наставника, дерптскаго пастора Веттермана, который могъ свободно ѣздить изъ города въ городъ, чтобы утѣшать ихъ въ печальной ссылкѣ. Царь отмѣнно уважалъ сего добродѣтельнаго мужа и велѣлъ ему разобрать свою библіотеку, въ коей Веттерманъ нашелъ множество рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ Рима, вѣроятно царевною Софіею. Нѣмцы Эберфельдъ, Кальбъ, Таубе, Крузе вступили къ намъ въ службу и хитрою лестію умѣли вкрасться въ довѣренность къ Іоанну. Увѣряютъ даже, что Эберфельдъ склонялъ его къ принятію Аугсбургскаго исповѣданія, доказывая ему, словесно и письменно, чистоту онаго. По крайней мѣрѣ царь дозволилъ лютеранамъ имѣть церковь въ Москвѣ и взыскалъ важную денежную пеню съ митрополита за какую-то обиду, сдѣланную имъ одному изъ сихъ иновѣрцевъ; хвалилъ ихъ обычаи, славился своимъ германскимъ происхожденіемъ, хотѣлъ женить сына на княжнѣ нѣмецкой, а дочь выдать за нѣмецкаго князя, дабы утвердить дружественную связь съ имперіею. Въ искреннихъ бесѣдахъ онъ жаловался чужестраннымъ любимцамъ на бояръ, на духовенство, и не таилъ мысли искоренить первыхъ, чтобы царствовать свободнѣе, безопаснѣе съ дворянствомъ новымъ, или съ опричниною, ему преданною, ибо она видѣла въ немъ своего отца и благодѣтеля, а бояре жалѣли о временахъ Адашевскихъ, когда имъ была свобода, а царю неволя (такъ говорилъ Іоаннъ)! Естественно не любя Россіи, страшной для сосѣдственныхъ державъ, и желая только угождать царю, иноземцы, безъ сомнѣнія, не думали выводить его изъ мрачнаго заблужденія и гнѣвить смѣлымъ языкомъ истины; могли даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть сію бурю, которая сокрушала главные столпы великой монархіи, ибо царь губилъ лучшихъ воеводъ своихъ, лучшихъ совѣтниковъ государственныхъ. Иноземцы молчали, или, вопреки совѣсти, хвалили тирана. Знаменитые россіяне, лишаемые свободнаго доступа къ государю, ознаменованные какъ бы презрительнымъ именемъ земскихъ, нагло оскорбляемые неистовыми кромѣшниками, угрожаемые опалою, казнію безъ вины, также молчали, вмѣстѣ съ духовенствомъ. Но когда

старецъ, митрополитъ Аѳанасій, изнуренный тяжкою болѣзнію, а можетъ быть и душевною горестію, оставилъ (въ 1566 г.) митрополію, тогда явился мужъ смѣлый добродѣтелію и ревностною любовію къ отечеству, который подобно Сильвестру предпріялъ исправить царя, нô, менѣе счастливый, могъ только умереть за царство въ вѣнцѣ мученика.

Изъявляя усердіе ко благу церкви, Іоаннъ хотѣлъ дать ей пастыря отличнаго христіанскими достоинствами. Выборъ палъ сперва на архіепископа казанскаго, Германа, который долго уклонялся отъ сана опаснаго въ такихъ обстоятельствахъ Россіи и при такомъ царѣ, но долженъ былъ, исполняя рѣшительную волю его, согласиться. Уже всѣ епископы съѣхались въ Москву; уже написали грамоту избирательную, и Германъ нѣсколько дней жилъ въ палатахъ митрополитскихъ, готовясь къ посвященію. Въ сіе время, бесѣдуя съ Іоанномъ наединѣ, онъ хотѣлъ испытать его сердце: началъ говорить съ нимъ, какъ должно первосвятителю, о грѣхахъ и христіанскомъ покаяніи, тихо, скромно, однакожъ съ нѣкоторою силою; упомянулъ о смерти, о страшномъ судѣ, о вѣчной мукѣ злыхъ. Іоаннъ задумался; вышелъ отъ него съ лицомъ мрачнымъ, пересказалъ любимцамъ своимъ рѣчи архіепископа и спрашивалъ, что они думаютъ? Алексѣй Басмановъ отвѣтствовалъ: „Думаемъ, государь, что Германъ желаетъ быть вторымъ Сильвестромъ: ужасаетъ твое воображеніе и лицемѣритъ, въ надеждѣ овладѣть тобою; но спаси насъ и себя отъ такого архипастыря!“ Германа изгнали изъ палатъ, и царь искалъ другого первосвятителя.

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игуменъ Филиппъ, сынъ боярина Колычева, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ строгой жизни для иноковъ-отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостиницъ, плотинъ, ибо сей игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата, сдѣлалъ воздухъ благораствореннѣе. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважамый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ игумену свою

душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго царя, устройствомъ и счастіемъ царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на край вселенныя, и не могъ ожидать такой славы. Никто, безъ сомнѣнія, не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, царь вздумалъ—мимо святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ — возвести Филиппа на митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для совѣта духовнаго, отслужилъ литургію, причастилъ всю братію и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новгорода встрѣтили смиреннаго соловецкаго игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ, ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ. Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не ввѣрять бремени великаго ладіи малой. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ царю: „Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества“. Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ, отвѣтствовалъ тихо: „Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня; что ближніе готовятъ мнѣ гибель?“ и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные пастыри церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ церкви, не гнѣвить государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппа въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ святителя есть молиться и наставлять царя

единственно во спасеніе души, а не въ дѣлахъ царства. Нѣкоторые изъ святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ея; другіе—именно Пименъ новгородскій, Филоѳей рязанскій—искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ Провидѣнію, Которое властвуетъ надъ царями и не даетъ имъ выступать за черту Его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: „Да будетъ, что угодно государю и церковнымъ пастырямъ!“

Написали грамоту, въ коей сказано, что новый избираемый митрополитъ далъ слово архіепископамъ и епископамъ не вступаться въ опричнину государеву и не оставлять митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ опричнины, былъ немедленно возведенъ на митрополію, къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаружилъ свою важную мысль: россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого первосвятителя. Всѣ добрые слушали привѣтственную рѣчь новаго митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству,—хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земного величія; о побѣдахъ невооруженной любви, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость имъ забвенную. Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ митрополита; а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея святыхъ, Зосимы и Савватія.

Но сія тишина, дѣйствіе или угрызеній совѣсти или притвор-

ства Іоаннова, была предтечею новой бури. Тиранъ изъ слободского вертепа своего свирѣпо глядѣлъ на Москву. Хотѣвъ удивить Россію избраніемъ митрополита, о коемъ никто не думалъ, Іоаннъ не замедлилъ увидѣть въ немъ орудіе ненавистныхъ бояръ; увѣрялъ себя, что они внушили ему мысль требовать уничтоженія опричнины и возмущаютъ народъ противъ сей царской дружины, ибо кромѣшники, посылаемые въ столицу для наблюденій, доносили, что граждане бѣгаютъ отъ нихъ какъ отъ язвы, на улицахъ и площадяхъ, что все безмолвствуетъ, гдѣ явится опричникъ. Въ воображеніи Іоанна составились ковы и заговоры: надлежало открыть, доказать ихъ—и слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ новымъ убійствамъ. Главнымъ боярамъ московскимъ, князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому, конюшему Ивану Петровичу Ѳедорову, тайно вручили грамоты, подписанныя королемъ Сигизмундомъ и литовскимъ гетманомъ Хоткевичемъ; король и гетманъ убѣждали ихъ оставить царя жестокаго, звали къ себѣ, обѣщали имъ удѣлы; напоминали двумъ первымъ, что они литовскаго рода, третьему, что онъ былъ нѣкогда владѣтельнымъ княземъ; и конюшему Ѳедорову, что царь уже давалъ ему чувствовать гнѣвъ свой въ разныхъ случаяхъ. Бояре, представивъ сіи грамоты Іоанну, отвѣтствовали королю, что склонять вѣрныхъ подданныхъ къ измѣнѣ есть дѣло безчестное; что они умрутъ за царя добраго, ужаснаго для однихъ злодѣевъ; что если король желаетъ вызвать ихъ изъ Россіи, то пусть отдастъ имъ всю Литву, Галицію, Пруссію, Жмудь, Бѣлорусію, Волынскую и Подольскую землю. Ѳедоровъ писалъ къ Сигизмунду: „Какъ могъ ты вообразить, чтобы я, занося ногу во гробъ, вздумалъ погубить душу свою гнусною измѣною? Что мнѣ у тебя дѣлать? Водить полковъ твоихъ я не въ силахъ, пировъ не люблю, веселить тебя не умѣю, пляскамъ вашимъ не учился“. Въ письмѣ къ гетману Хоткевичу онъ прибавилъ: „Чѣмъ можете обольстить меня? я богатъ и знатенъ. Угрожаешь мнѣ гнѣвомъ царя: вижу отъ него только милости“. Самъ Іоаннъ взялся, какъ вѣроятно, доставить королю сіи отвѣты, писанные однимъ слогомъ; но доставилъ ли, неизвѣстно: по крайней мѣрѣ, любя всегда упрекать Сигизмунда кознями, нигдѣ въ сношеніяхъ съ Литвою не упоминаетъ о такомъ безчестномъ, неосторожномъ подманѣ нашихъ вельможъ. Если государь составленіемъ мнимыхъ королевскихъ грамотъ испытывалъ вѣрность бояръ своихъ, то она симъ случаемъ была доказана въ его глазахъ, но не въ глазахъ Россіи: гражданинъ, дающій врагамъ надежду склонить его къ измѣнѣ, уже омрачается какою-то подозрительною тѣнью. На сей разъ князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій уцѣлѣли; но Ѳедоровъ, мужъ старыхъ

обычаевъ, украшенный воинскою славою и сѣдиною государственной опытности, бывъ 19 лѣтъ въ знатномъ санѣ конюшаго и начальникомъ казеннаго приказа, вельможа щедрый, пышный, сдѣлался предметомъ клеветы. Еще онъ ревностно служилъ царю, доживая вѣкъ свой съ супругою святою, не имѣя дѣтей, и готовился дать отчетъ Судіи Вышнему, когда земный судія объявилъ его главою заговорщиковъ, повѣривъ или вымысливъ, что сей ветхій старецъ думаетъ свергнуть царя съ престола и властвовать надъ Россіею. Іоаннъ спѣшилъ разрушить мнимый ужасный заговоръ: въ присутствіи всего двора, какъ пишутъ, надѣлъ на Ѳедорова царскую одежду и вѣнецъ, посадилъ его на тронъ, далъ ему державу въ руки, снялъ съ себя шапку, низко поклонился и сказалъ: „Здравъ буди, великій царь земли русскія! Се пріялъ ты отъ меня честь, тобою желаемую! Но имѣя власть сдѣлать тебя царемъ, могу и низвергнуть съ престола!" Сказавъ, ударилъ его въ сердце ножомъ; опричники дорѣзали старца, извлекли обезображенное тѣло изъ дворца, бросили псамъ на съѣденіе; умертвили и престарѣлую жену конюшаго, Марію. Потомъ казнили всѣхъ мнимыхъ единомышленниковъ невиннаго: князей Ивана Андреевича Куракина-Булгакова, Дмитрія Ряполовскаго (мужественнаго воина, одержавшаго многія побѣды надъ крымцами) и трехъ князей Ростовскихъ. Одинъ изъ нихъ воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; присланные изъ Москвы кромѣшники, числомъ тридцать, нашли его тамъ стоящаго въ церкви и сказали: „Князь Ростовскій! велѣніемъ государя ты нашъ узникъ". Воевода, бросивъ на землю властительную булаву свою, спокойно отдался имъ въ руки. Его раздѣли, повезли обнаженнаго, и въ двадцати верстахъ, на берегу Волги, остановились; онъ спросилъ хладнокровно, зачѣмъ? „Поить коней", отвѣтствовали кромѣшники. „Не конямъ (сказалъ несчастный), а мнѣ пить сію воду, и не выпить!" Ему въ то же мгновеніе отсѣкли голову; тѣло кинули въ рѣку, а голову положили къ ногамъ Іоанна, который, оттолкнувъ ее, злобно смѣялся и говорилъ, что сей князь, любивъ обагряться кровію непріятелей въ битвахъ, наконецъ обагрился и собственною. Князь Петръ Щенятевъ, знаменитый полководецъ, думалъ укрыться отъ смерти въ монастырѣ: отказался отъ свѣта, отъ имѣнія, отъ супруги и дѣтей; но убійцы нашли его въ келіи и замучили: жгли на сковородѣ (какъ повѣствуетъ Курбскій), вбивали ему иглы за ногти. Князь Иванъ Турунтай Пронскій, сѣдой старецъ, служилъ еще отцу Іоаннову, участвовалъ во всѣхъ походахъ, во всѣхъ битвахъ, славнѣйшихъ для Россіи, и также хотѣлъ быть наконецъ монахомъ: его утопили. Казначея государева, именемъ Хозяина Юрьевича Тютина, славнаго богатствомъ, разсѣкли на части,

вмѣстѣ съ женою, съ двумя сыновьями младенцами, съ двумя юными дочерьми; сію казнь совершилъ князь Михайло Темгрюковичъ Черкасскій, братъ царицы! Такъ же истерзали и печатника или думнаго дьяка Казарина Дубровскаго. Многихъ другихъ именитыхъ людей умертвили, когда они, ничего не вѣдая, шли спокойно или въ церковь, или въ свои приказы. Опричники, вооруженные длинными ножами, сѣкирами, бѣгали по городу, искали жертвъ, убивали всенародно человѣкъ десять или двадцать въ день; трупы лежали на улицахъ, на площадяхъ; никто не смѣлъ погребать ихъ. Граждане боялись выходить изъ домовъ. Въ безмолвіи Москвы тѣмъ страшнѣе раздавался свирѣпый вопль палачей царскихъ.

Безмолвствовалъ и добродѣтельный митрополитъ для гражданъ и бояръ отчаянныхъ; но Богъ видѣлъ его сердце, а царь слышалъ тайныя увѣщанія, самыя жестокія укоризны, къ несчастію безполезныя: убѣгалъ, не хотѣлъ видѣть его. Добрые вельможи приходили къ Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленныя стогны; онъ утѣшалъ горестныхъ именемъ Отца Небеснаго, далъ имъ слово не щадить своей жизни для спасенія людей, и сдержалъ оное.

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія; царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: „Святый владыко, се государь: благослови его!“ Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О, государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ—а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства— и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ его? обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!.. Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго!“ Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ мятеж-

никовъ: отнынѣ буду, каковымъ вы меня нарицаете!" и вышелъ съ угрозою. — На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самого первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда-нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе — и между тѣмъ что дѣлалъ?

Такъ пишутъ очевидцы: въ іюлѣ мѣсяцѣ 1568 года, въ полночь, любимцы Іоанновы, князья Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Василій Грязной, съ царскою дружиною вломились въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, дьякамъ, купцамъ: взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывезли изъ города. Вслѣдъ за ними, по восхожденіи солнца, выѣхалъ и самъ Іоаннъ, окруженный тысячами кромѣшниковъ. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ: онъ избралъ нѣкоторыхъ для себя, другихъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, жегъ усадьбы бояръ опальныхъ, казнилъ ихъ вѣрныхъ слугъ, даже истреблялъ скотъ, особенно въ коломенскихъ селахъ убитаго конюшаго Ѳедорова, возвратился въ Москву и велѣлъ ночью развести женъ по домамъ: нѣкоторыя изъ нихъ умерли отъ стыда и горести.

Убѣгая митрополита, царь, однакожъ, видалъ его въ церкви. Въ день св. апостоловъ Прохора и Никанора, 28 іюля, Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами; тутъ былъ и царь съ опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ тафьѣ. Митрополитъ, увидѣвъ сіе безчиніе, остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ государю; но опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ, клялся, что уличитъ его во всемъ — и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ духовникомъ своимъ, благовѣщенскимъ протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ. Немедленно отправился въ Соловки епископъ суздальскій Пафнутій, архимандритъ андрониковскій Ѳеодосій и князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную; сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы царскіе то ласкали, то ужасали монаховъ соловецкихъ, требуя,

чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго игумена. Всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ глава, игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святого мужа съ неслыханною дерзостью. Вмѣсто оправданія безполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго; а царю: „Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ и страшитесь Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земного". Онъ хотѣлъ удалиться; царь остановилъ его, сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день Архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: „молитесь!" На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ,— вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель св. Николая Стараго, на берегу Москвы-рѣки; тер-

лѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истребилъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: „се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ къ сверженному митрополиту—слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости, — царь велѣлъ отвезти страдальца въ тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

Освободивъ себя отъ архипастыря строгаго, непреклоннаго, и давъ сей важный санъ иноку доброму, но слабодушному, безмолвному, Іоаннъ могъ тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ необузданнѣе свирѣпствовать; дотолѣ губилъ людей: оттолѣ цѣлые города. Началось съ Торжка, гдѣ неистовые опричники, въ день ярмарки, завели ссору и драку съ жителями: царь объявилъ гражданъ бунтовщиками; велѣлъ ихъ мучить, топить въ рѣкѣ. То же сдѣлалось въ Коломнѣ и такія же были слѣдствія. Къ сему городу принадлежали помѣстья несчастнаго Ѳедорова: жители любили его и казались Іоанну мятежниками.

Однимъ словомъ, тиранство созрѣло, но конецъ онаго былъ еще далеко! Ничто не могло обезоружить свирѣпаго: ни смиреніе, ни великодушіе жертвъ, ни самыя естественныя бѣдствія сего времени, ибо Россія, омрачаемая ужасами мучительства, была тогда же казнима язвою, пришедшею къ намъ изъ Эстоніи или Швеціи. Въ іюлѣ 1566 года началось моровое повѣтріе въ новгородской Шелонской Пятинѣ, а черезъ мѣсяцъ и въ Новгородѣ, Полоцкѣ, Озерищѣ, Невлѣ, Великихъ Лукахъ, Торопцѣ, Смоленскѣ. Люди умирали скоропостижно, знаменіемъ, какъ сказано въ лѣтописи,— вѣроятно, пятномъ или нарывомъ. Многія деревни опустѣли, многіе дома затворились въ городахъ, церкви стояли безъ пѣнія, лишенныя іереевъ, которые не берегли себя въ усердномъ исполненіи своихъ обязанностей; на мѣсто ихъ присылали священниковъ изъ другихъ городовъ. Умирало болѣе духовныхъ и гражданъ, нежели воинскихъ людей. Язва дошла и до Можайска: царь учредилъ тамъ заставу и не велѣлъ никого пускать въ столицу изъ мѣстъ зараженныхъ. Сообщеніе пересѣклось между многими городами. Мучились страхомъ, терпѣли нужду, дороговизну. Въ разныхъ областяхъ были неурожаи; въ Казанской и въ сосѣдственныхъ съ нею явилось неописанное множество мышей, которыя тучами выходили изъ лѣсовъ, ѣли хлѣбъ на корню, въ скирдахъ,

въ житницахъ, такъ что земледѣльцы не могли защитить себя отъ сихъ животныхъ. Повѣтріе утишилось въ началѣ весны, но еще нѣсколько разъ возобновлялось.

Въ сихъ внутреннихъ бѣдствіяхъ государства, въ семъ уныніи вельможъ и народа, Іоаннъ не слабѣлъ въ дѣлахъ войны и политики внѣшней; еще является съ блескомъ и величіемъ въ отношеніи къ другимъ державамъ. Литовцы въ нападеніяхъ на Россію нигдѣ не имѣли успѣха. Изъ Смоленска бояринъ Морозовъ, изъ Полоцка князь Андрей Ногтевъ писали къ государю, что легкіе отряды наши вездѣ бьютъ непріятеля. Съ Тавридою мы хотѣли мира; но казанскіе бѣглецы, князь Спатъ, Ямгурчей-Ази, Уланъ Ахмаметъ, сильные при дворѣ хана, доказывали ему, что Іоаннъ обманываетъ его: говоритъ о мирѣ, а велитъ казакамъ строить городъ на Дону, готовитъ суда на Пслѣ, на Днѣпрѣ, имѣя намѣреніе взять Азовъ, открыть себѣ путь въ Тавриду; что сей царь умнѣе, счастливѣе, слѣдственно опаснѣе всѣхъ прежнихъ государей московскихъ; что онъ, будучи въ войнѣ съ ханомъ, умѣлъ завоевать Казань, Астрахань, Ливонію, Полоцкъ—овладѣлъ землею черкесскою, располагаетъ ногаями; что если Девлетъ-Гирей выдастъ короля Сигизмунда, то царю не станетъ Польши и на годъ; что, истребивъ короля, Іоаннъ на досугѣ истребитъ и послѣдній юртъ Батыевъ. Сіи представленія имѣли дѣйствіе; а еще болѣе дары Сигизмунда, который послалъ вдругъ 30.000 золотыхъ въ алчную Тавриду—и ханъ снова обнажилъ мечъ, написавъ къ Іоанну: „Вспомни, что предки твои рады были своей землѣ, а мусульманскихъ не трогали; если хочешь мира, то отдай мнѣ Астрахань и Казань!“ Но государь остерегся. Въ степяхъ донскихъ разъѣзжали казаки для открытія первыхъ движеній непріятеля; въ городахъ стояло войско; другое, главное, подъ начальствомъ знатнѣйшихъ бояръ, князей Бѣльскаго и Мстиславскаго, на берегу Оки. Въ сентябрѣ (1565 года) ханъ перешелъ Донецъ, везъ тяжелыя пушки съ собою на телѣгахъ, и 7-го октября приступилъ къ Болхову. Тамъ были воеводами князья Иванъ Золотой и Василій Кашинъ. Они сдѣлали вылазку, бились мужественно, не дали крымцамъ сжечь посада, взяли плѣнниковъ—а Бѣльскій и Мстиславскій уже приближались. Ханъ бѣжалъ ночью, жалуясь на Литву, ибо король, убѣждая его воевать Россію, клялся дѣйствовать противъ насъ съ другой стороны всѣми силами, и не исполнилъ обѣщанія.

Между тѣмъ посолъ нашъ, Аѳанасій Нагой, жилъ въ Тавридѣ, дѣйствовалъ неутомимо, подкупалъ евреевъ, чиновниковъ ханскихъ, имѣлъ вездѣ лазутчиковъ, опровергалъ ложные слухи, распускаемые врагами нашими о кончинѣ Іоанновой; зналъ все и писалъ къ государю, что Девлетъ-Гирей сносится съ казански-

ми татарами, мордвою, черемисою. Тайные послы сихъ измѣнниковъ увѣряли хана, что онъ, вступивъ въ ихъ землю, найдетъ между ими 70.000 усердныхъ сподвижниковъ, и что ни одного россіянина не останется живого ни въ Свіяжскѣ, ни въ Казани. Когда ханъ понуждалъ Аѳанасія выѣхать изъ Тавриды, сей ревностный слуга Іоанновъ отвѣтствовалъ: „умру здѣсь, а не выѣду безъ окончанія дѣлъ“—то есть безъ мира, и не терялъ надежды. Иногда литовская, иногда наша сторона одерживала верхъ въ ханской думѣ, такъ что Девлетъ-Гирей, съ дозволенія султанова, въ 1567 году разорилъ часть королевскихъ владѣній за неисправный платежъ дани; однакожъ и съ нами не утверждалъ мира: требовалъ отъ Іоанна богатѣйшихъ даровъ, какіе присылались изъ Москвы Магметъ-Гирею; запрещалъ Россіи вступаться въ черкесскую землю. Государь нѣсколько разъ совѣтовался съ боярами. Отклоняя требованія хана, предлагалъ ему женить сына или внука на дочери царя Шигъ-Алея и взять за нею въ приданое городъ отца ея, Касимовъ, ибо сей знаменитый изгнанникъ тогда умеръ (почти въ одно время съ другими бывшими царями казанскими, Симеономъ и Александромъ). Но Девлетъ-Гирей размышлялъ, колебался и снова требовалъ невозможнаго, то есть Астрахани и Казани.

Съ Литвою мы также были въ переговорахъ. Казалось, что Сигизмундъ искренно желалъ конца войны, для него тягостной; казалось, что и царь хотѣлъ отдохновенія. Съ обѣихъ сторонъ изъявляли рѣдкую уступчивость. Единственно для соблюденія стараго обычая, великіе послы королевскіе, пріѣхавъ въ Москву, требовали Смоленска, а наши бояре Кіева, Бѣлорусіи и Волыніи: ни мы, ни они въ самомъ дѣлѣ не помышляли о семъ невозможномъ возвратѣ. Сигизмундъ уступалъ намъ даже Полоцкъ; а государь велѣлъ сказать посламъ: „Любя спокойствіе христіанъ, я уже не требую царскаго титула отъ короля: довольно, что всѣ иные вѣнценосцы даютъ мнѣ оный“. Затрудненіе состояло въ Ливоніи: Сигизмундъ предлагалъ, чтобы каждому владѣть въ ней своею частію, ему и намъ; чтобы общими силами изгнать шведовъ изъ Эстоніи и раздѣлить ее между Польшею и Россіею: въ такомъ случаѣ обязывался быть истиннымъ другомъ Іоанну и называть его царемъ. Но царь хотѣлъ Риги, Вендена, Вольмара, Роннебурга, Кокенгузена, за что уступалъ королю Озерище, Лукомль, Дриссу, Курляндію и 12 городковъ въ Ливоніи; освобождалъ безденежно всѣхъ плѣнниковъ королевскихъ, а своихъ выкупалъ. Послы стояли за Ригу, за Венденъ; наконецъ, сказали боярамъ, что истинный, твердый миръ всего скорѣе можетъ быть заключенъ между ихъ государями въ личномъ свиданіи на границѣ. Сія мысль сперва полюбилась Іоанну. Избрали мѣсто: царю надлежало пріѣхать въ

Смоленскъ, королю въ Оршу, каждому съ пятью тысячами благородныхъ воиновъ. Но послы не брали на себя условиться въ обрядахъ свиданія: напримѣръ, Іоаннъ желалъ въ первый день угостить Сигизмунда въ своемъ шатрѣ, что имъ казалось несовмѣстно съ достоинствомъ государя ихъ. Миновало около двухъ мѣсяцевъ въ переговорахъ.

Тогда (въ іюлѣ 1556 года) Іоаннъ явилъ Россіи зрѣлище необыкновенное: призвалъ въ Земскую Думу не только знатнѣйшее духовенство, бояръ, окольничихъ, всѣхъ другихъ сановниковъ, казначеевъ, дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи, но и гостей, купцовъ, помѣщиковъ иногородныхъ, отдалъ имъ на судъ переговоры наши съ Литвою, и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ королемъ? Въ собраніи находилось 339 человѣкъ. Всѣ отвѣтствовали—духовенство за себя, бояре, сановники, граждане также особенно, но единогласно—что государю безъ вреда для Россіи уже нельзя быть снисходительнѣе; что Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева, или Дерпта, самаго Пскова и Новгорода, коихъ торговля стѣснится и затворится, если сіи города ливонскіе останутся у короля; что государи вольны видѣться на границѣ для тишины христіанъ, но что Сигизмундъ, повидимому, намѣренъ только длить время, дабы между тѣмъ устроить запутанныя дѣла въ своемъ отечествѣ, примириться съ цесаремъ, умножить войско въ Ливоніи. Духовенство прибавило: „Государь! твоя власть дѣйствовать, какъ вразумитъ тебя Богъ; намъ должно молиться за царя, а совѣтовать непристойно“. Воинскіе чиновники изъявили готовность пролить кровь свою въ битвахъ; граждане вызывались отдать царю послѣднее достояніе на войну, если гордый Сигизмундъ отвергнетъ предлагаемыя ему условія для мира. Была ли свобода во мнѣніяхъ, была ли искренность въ отвѣтѣ сей земской или государственной Думы? Но совѣщаніе имѣло видъ торжественный, и народъ съ благоговѣніемъ видѣлъ Іоанна не среди опричниковъ ненавистныхъ, а въ истинномъ величіи государя, внимающаго гласу отечества изъ устъ россіянъ знаменитѣйшихъ,— явленіе достойное лучшихъ временъ Іоаннова царствованія.

Дума утвердила сей приговоръ грамотою; а панамъ королевскимъ сказали, что государь чрезъ своихъ пословъ объяснится съ королемъ, соглашаясь между тѣмъ прекратить воинскія дѣйствія и размѣняться плѣнниками. Симъ кончилось дѣло. Вслѣдъ за послами литовскими (въ 1567 году) отправились къ Сигизмунду наши, бояринъ Умной-Колычевъ и дворецкій Григорій Нагой, уполномоченные подписать миръ, что было новостію, ибо прежніе договоры съ Литвою совершались единственно въ Москвѣ. Сигизмундъ встрѣтилъ нашихъ бояръ въ Гроднѣ. Когда они вошли

къ нему, всѣ литовскіе вельможи встали; но послы увидѣли тутъ князя Андрея Курбскаго и съ презрѣніемъ отвратились: имъ велѣно было требовать головы сего измѣнника! Девять разъ они съѣзжались съ королевскими панами и не могли ни въ чемъ согласиться: Іоаннъ непремѣнно хотѣлъ, изгнавъ шведовъ и датчанъ, владѣть всею Ливоніею, уступая Сигизмунду Курляндію. Несмотря на свое искреннее желаніе мира, король отвергнулъ сіи предложенія; не согласился выдать и Курбскаго. Рѣшились продолжать войну. „Я вижу“,—писалъ Сигизмундъ къ Іоанну,— „что ты хочешь кровопролитія; говоря о мирѣ, приводишь полки въ движеніе. Надѣюсь, что Господь благословитъ мое оружіе въ защитѣ необходимой и справедливой“.

Полки наши дѣйствительно шли изъ Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска къ Великимъ Лукамъ. Цѣлію была Ливонія. Основавъ на литовской границѣ новыя крѣпости Усвятъ, Улу, Соколъ, Копіе, государь съ царевичемъ Іоанномъ выѣхалъ изъ Москвы къ войску. 5-го октября, въ полѣ, близъ Мѣднаго, представили ему посланника королевскаго, Юрія Быковскаго, съ упомянутымъ письмомъ Сигизмундовымъ. Іоаннъ сидѣлъ въ шатрѣ, вооруженный, въ полномъ доспѣхѣ, среди бояръ, многихъ чиновниковъ, также вооруженныхъ съ головы до ногъ, и сказалъ ему: „Юрій! мы посылали къ брату нашему, Сигизмунду Августу, своихъ знатныхъ бояръ съ предложеніемъ весьма умѣреннымъ. Онъ задержалъ ихъ въ пути, оскорблялъ, безчестилъ. Итакъ, не дивися, что мы сидимъ въ доспѣхѣ воинскомъ, ибо ты пришелъ къ намъ отъ брата нашего съ язвительными стрѣлами“. Спросивъ Юрія о здравіи королевскомъ, приказавъ ему сѣсть, но не давъ руки, Іоаннъ выслалъ изъ шатра всѣхъ чиновниковъ ратныхъ, кромѣ совѣтниковъ, большихъ дворянъ и дьяковъ; выслушалъ рѣчь посланника, велѣлъ угостить его въ другой ставкѣ и немедленно отослать въ темницу Московскую! Сіе нарушеніе права народнаго, безъ сомнѣнія, не извинялось грубыми выраженіями письма королевскаго и тѣмъ, что бояре Колычевъ и Нагой, пріѣхавъ тогда же въ станъ къ Іоанну, жаловались ему на худыя съ ними поступки въ Литвѣ.

Кромѣ множества сановниковъ, тѣлохранителей, провождали царя суздальскій епископъ Пафнутій, архимандритъ Ѳеодосій, игуменъ Никонъ до Новгорода, гдѣ онъ жилъ 8 дней, усердно моляся въ древнемъ Софійскомъ храмѣ и занимаясь распоряженіемъ полковъ, чтобы идти къ ливонскимъ городамъ, Лужѣ и Рѣжицѣ. Но вдругъ воинскій жаръ его простылъ: встрѣтились затрудненія, опасности, коихъ Іоаннъ не предвидѣлъ, и для того призвалъ всѣхъ главныхъ воеводъ на совѣтъ. Они 12 ноября съѣхались близъ Краснаго, въ селеніи Оршанскомъ, и разсуждали

съ царемъ, начать ли осаду непріятельскихъ городовъ или отложить походъ, ибо за худыми дорогами обозы съ тяжелымъ снарядомъ двигались медленно къ границѣ, лошади падали, люди разбѣгались; надлежало ждать долго и стоять въ мѣстахъ скудныхъ хлѣбомъ. Узнали также, что король собираетъ войско въ Борисовѣ, замышляя идти зимою къ Полоцку и Великимъ Лукамъ. Боялись утомить рать осадою крѣпостей, въ то время, когда непріятель съ другой стороны можетъ явиться въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ; а всего болѣе опасались найти язву въ Ливоніи, гдѣ, по слуху, многіе люди умирали отъ заразительныхъ болѣзней. Рѣшили, чтобы государю ѣхать назадъ въ Москву, а воеводамъ стоять въ Великихъ Лукахъ, въ Торопцѣ и наблюдать непріятеля.

Такимъ образомъ Іоаннъ не безъ внутренней досады возвратился въ столицу; но, къ утѣшенію его самолюбія, король польскій сдѣлалъ то же (въ 1568 году): собравъ 60,000 или болѣе воиновъ, хваляся по слѣдамъ Ольгерда устремиться къ Москвѣ и дѣйствительно выступивъ въ поле съ дворомъ блестящимъ, Сигизмундъ нѣсколько недѣль стоялъ праздно въ Минской области, распустилъ главное войско и, самъ уѣхавъ въ Гродно, послалъ только отряды въ Западную Россію. Подъ Улою литовцы претерпѣли великій уронъ; но имѣли и нѣкоторыя выгоды. Строеніемъ новой крѣпости, названной Копіемъ, управляли князья Петръ Серебряный и Василій Палицкій. Литовцы въ нечаянномъ нападеніи убили Палицкаго, а князь Серебряный едва ускакалъ въ Полоцкъ. Близъ Велижа плѣнивъ знатнаго чиновника, Петра Головина, они истребили нѣсколько селеній въ Смоленской области и какимъ-то обманомъ взяли Изборскъ (въ началѣ 1569 года); но россіяне выгнали ихъ немедленно, громили польскую Ливонію, сожгли большую часть Витебска. Между тѣмъ размѣнивались плѣнниками на границѣ: Іоаннъ освободилъ королевскаго воеводу Довойну, Сигизмундъ князя Темкина. Жена Довойны умерла въ Москвѣ; царь согласился отпустить ея тѣло въ Литву, съ условіемъ, чтобы король прислалъ въ Москву тѣло князя Петра Шуйскаго, о чемъ просили добрые сыновья сего несчастнаго воеводы.

Уваживъ совѣтъ бояръ не прерывать мирныхъ сношеній съ Литвою, государь освободилъ посланника Сигизмундова, семь мѣсяцевъ страдавшаго въ темницѣ; далъ ему видѣть лицо свое, говорилъ съ нимъ милостиво, сказалъ: „Юрій! ты вручилъ намъ письмо столь грубое, что тебѣ не надлежало бы остаться живымъ; но мы не любимъ крови. Иди съ миромъ къ государю своему, который забылъ тебя въ несчастіи. Мы готовы съ нимъ видѣться; готовы прекратить бѣдствіе войны. Кланяйся отъ насъ брату,

королю Сигизмунду Августу". Начались снова переговоры. Гонцы ѣздили изъ земли въ землю: Сигизмундовы въ рѣчахъ съ боярами именовали Іоанна царемъ, и на вопросъ: что значить сія новость? отвѣтствовали: „такъ намъ приказано отъ вельможъ литовскихъ". Гонцамъ московскимъ давались также наставленія миролюбивыя, и слѣдующее, достойное замѣчанія: „Если будетъ говорить съ вами въ Литвѣ князь Андрей Курбскій или ему подобный знатный бѣглецъ россійскій, то скажите имъ: ваши гнусныя измѣны не вредятъ ни славѣ, ни счастію царя великаго: Богъ даетъ ему побѣды, а васъ казнитъ стыдомъ и отчаяніемъ. Съ простымъ же бѣглецомъ не говорите ни слова: только плюньте ему въ глаза и отворотитесь... Когда же спросятъ у васъ: что такое московская опричнина? скажите: Мы не знаемъ опричнины: кому велитъ государь жить близъ себя, тотъ и живетъ близко; а кому далеко, тотъ далеко. Всѣ люди Божіи да государевы". Наконецъ Іоаннъ и Сигизмундъ условились остановить непріятельскія дѣйствія. Посламъ литовскимъ надлежало быть въ Москву для заключенія мира, коего желали искренно обѣ стороны, что изъясняется обстоятельствами времени. Сигизмундъ не имѣлъ дѣтей: движимый истинною любовію къ отечеству, онъ хотѣлъ неразрывнымъ соединеніемъ Литвы съ Польшею утвердить ихъ могущество, опасаясь, чтобы та и другая держава, по его смерти, не избрала себѣ особеннаго властителя. Намѣреніе было достохвально, полезно, но исполненіе трудно, ибо вельможи польскіе и литовскіе жили въ вѣчной враждѣ между собою; одна власть королевская могла обуздать ихъ страсти. Сигизмундъ желалъ внѣшняго спокойствія, чтобы успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ, предложенномъ тогда Люблинскому сейму; а царь желалъ короны Сигизмундовой, ибо носился слухъ, что паны мыслятъ избрать въ короли сына его, царевича Іоанна. Гонцамъ нашимъ велѣно было развѣдать о томъ въ Литвѣ и ласкать вельможъ. Государь унялъ кровопролитіе, дабы потушить въ литовцахъ враждебное къ намъ чувство.

Перемѣна въ отношеніяхъ Швеціи къ Россіи также не мало способствовала миролюбію Іоаннову въ отношеніи къ Сигизмунду. Чтобы удержать Эстонію за собою вопреки Даніи и Польшѣ, король Эрикъ имѣлъ нужду не только въ мирѣ, но и въ союзѣ съ царемъ, для чего употреблялъ всѣ возможныя средства и мыслилъ даже совершить подлое, гнусное злодѣяніе. Прелестная и не менѣе добрая сестра Сигизмундова, Екатерина, на коей царь хотѣлъ жениться и которая, можетъ быть, спасла бы его и Россію отъ великихъ несчастій — Екатерина въ 1562 году вступила въ супружесто съ любимымъ сыномъ Густава Вазы, герцогомъ финляндскимъ Іоанномъ. Завистливый, безразсудный Эрикъ из-

давна не терпѣлъ сего брата и возненавидѣлъ еще болѣе за противный ему союзъ съ королемъ польскимъ; выдумалъ клевету и заключилъ Іоанна. Тутъ обнаружилось великодушіе Екатерины: ей предложили на выборъ, оставить супруга или свѣтъ. Вмѣсто отвѣта она показала свое кольцо, съ надписью: ничто, кромѣ смерти—и четыре года была ангеломъ-утѣшителемъ злосчастнаго Іоанна въ грипсгольмской темницѣ, не зная того, что два тирана готовили ей гораздо ужаснѣйшую долю. Царь предложилъ, и король согласился выдать ему Екатерину, какъ предметъ странной любви или злобы его за безчестіе отказа. Дѣло началось тайною перепискою, а кончилось торжественнымъ договоромъ: въ февралѣ 1567 года пріѣхали шведскіе государственные сановники, канцлеръ Нильсъ Гилленстирна и другіе, прямо въ Александровскую слободу, были угощены великолѣпно и подписали хартію союза Швеціи съ Россіею. Царь назвалъ Эрика другомъ и братомъ, уступалъ ему навѣки Эстонію, обѣщалъ помогать въ войнѣ съ Сигизмундомъ, доставить миръ съ Даніею и съ городами Ганзейскими, за что Эрикъ обязывался прислать свою невѣстку въ Москву. Думный совѣтникъ Воронцовъ и дворянинъ Наумовъ поѣхали въ Стокгольмъ съ договорною грамотою, а бояре Морозовъ, Чеботовъ, Сукинъ должны были принять Екатерину на границѣ. Но Провидѣніе не дало восторжествовать Іоанну. Послы наши, встрѣченные въ Стокгольмѣ съ великою честію, жили тамъ цѣлый годъ безъ всякаго успѣха въ своемъ дѣлѣ. Пригласивъ ихъ обѣдать съ собою, Эрикъ упалъ въ обморокъ и не могъ выйти къ столу; съ сего времени послы не видали короля; имъ сказывали, что онъ или боленъ, или сражается съ датчанами. Для переговоровъ являлись къ Воронцову только совѣтники думы королевской и говорили, что выдать Екатерину царю, отнять жену у мужа, мать у дѣтей противно Богу и закону; что самъ царь навѣки обезславилъ бы себя такимъ нехристіанскимъ дѣломъ; что у Сигизмунда есть другая сестра, дѣвица, которую Эрикъ можетъ достать для царя; что послы шведскіе заключили договоръ о Екатеринѣ безъ вѣдома королевскаго. Бояринъ московскій не щадилъ въ отвѣтахъ своихъ ни совѣтниковъ, ни государя ихъ; доказывалъ, что они лжецы, клятвопреступники, и требовалъ свиданія съ Эрикомъ. Сей несчастный король былъ тогда въ жалостномъ состояніи: многими жестокими, безразсудными дѣлами заслуживъ общую ненависть, боялся и народа и дворянства, мучился совѣстію, терялъ умъ, освободилъ и думалъ снова заключить брата; въ смятеніи духа, въ малодушномъ страхѣ то объявлялъ нашимъ посламъ, что самъ ѣдетъ въ Москву, то опять хотѣлъ послать Екатерину къ царю. Наконецъ совершился ударъ: 29 сентября 1568 года послы московскіе увидѣли страш-

ное волненіе въ столицѣ и не долго были спокойными зрителями онаго: воины съ ружьями, съ обнаженными мечами вломились къ нимъ въ домъ, сбили замки, взяли все: серебро, мѣха; даже раздѣли пословъ, грозили имъ смертію. Въ сію минуту явился принцъ Карлъ, меньшій братъ Эриковъ; бояринъ Воронцовъ, стоя передъ нимъ въ одной рубашкѣ, съ твердостію сказалъ ему, что такъ дѣлается въ вертепѣ разбойниковъ, а не въ государствахъ христіанскихъ. Карлъ выгналъ неистовыхъ воиновъ; изъяснилъ боярину, что Эрикъ, какъ безумный тиранъ, сверженъ съ престола; что новый король, братъ его Іоаннъ, желаетъ дружбы царя московскаго; что обида, сдѣланная посламъ, не останется безъ наказанія, будучи единственно слѣдствіемъ безпорядка, соединеннаго съ перемѣною верховной власти. Послы требовали отпуска, выѣхали изъ Стокгольма, но 8 мѣсяцевъ жили въ Абовѣ какъ невольники и возвратились въ Москву уже въ іюлѣ 1569 года, донести царю о судьбѣ его друга и брата, несчастнаго Эрика, торжественно осужденнаго государственными чинами умереть въ темницѣ за разныя злодѣйства, какъ сказано въ семъ приговорѣ, и за безчестныя, не христіанскія условія союза съ Россіею. Легко представить себѣ досаду царя. Онъ умѣлъ скрывать свои чувства; дозволилъ шведскимъ посламъ, епископу абовскому, Павлу Юсту, съ другими знатными чиновниками быть въ Москву и велѣлъ ихъ ограбить, задержать въ Новгородѣ, точно такъ, какъ бояринъ Воронцовъ и Наумовъ были ограблены, задержаны въ Швеціи. Сіе дѣйствіе казалось ему справедливою местію, но онъ хотѣлъ и важнѣйшей: хотѣлъ немедленно выгнать шведовъ изъ Эстоніи, и для того примириться на время съ Сигизмундомъ, чтобы не имѣть дѣла съ двумя врагами.

Надлежало отвратить еще другую опасность, которая тогда явилась для Россіи, но не долго тревожила Іоанна и дала безъ побѣды новую воинскую славу его царствованію. Что замышлялъ противъ насъ Солиманъ великій, то сынъ его, малодушный Селимъ, хотѣлъ исполнить, — возстановить царство мусульманское на берегахъ Ахтубы, къ чему склоняли султана нѣкоторые князья ногайскіе, хивинцы и бухарцы, представляя ему, что государь россійскій истребляетъ магометанскую вѣру, и пресѣкъ для нихъ сообщеніе съ Меккою; что Астрахань есть главная пристань Каспійскаго моря, наполненная кораблями всѣхъ народовъ азіатскихъ, и что въ казну царскую входитъ тамъ ежедневно около тысячи золотыхъ монетъ. Послы литовскіе, находясь въ Константинополѣ, говорили то же. Одинъ ханъ Девлетъ-Гирей доказывалъ, что къ Астрахани нельзя идти ни зимою, ни лѣтомъ: зимою отъ несноснаго для турковъ холода, лѣтомъ отъ безводія, и что гораздо лучше воевать московскую Украину. Не слушая

возраженій хана, Селимъ (весною 1569 года) прислалъ въ Кафу 15,000 спаговъ, 2.000 янычаръ и велѣлъ ея пашѣ, Касиму, идти къ Переволокѣ, соединить Донъ съ Волгою, море Каспійское съ Азовскимъ, взять Астрахань или, по крайней мѣрѣ, основать тамъ крѣпость въ ознаменованіе султанской державы. 31 мая паша выступилъ въ походъ; ханъ также, имѣя до 50,000 всадниковъ. Они сошлися въ нынышней Качалинской станицѣ и ждали судовъ, которыя плыли Дономъ отъ Азова съ тяжелымъ снарядомъ, съ богатою казною, имѣя для защиты своей только 500 воиновъ и 2,500 гребцовъ, большею частію христіанскихъ невольниковъ, окованныхъ цѣпями. Турки въ отмеляхъ выгружали пушки, влекли ихъ берегомъ, съ трудомъ неописаннымъ. Тысячи двѣ россіянъ могли бы безъ кровопролитія взять снарядъ и казну; невольники ждали ихъ съ надеждою, а турки съ трепетомъ — никто не показывался! Донскіе казаки, испуганные слухомъ о походѣ султанскаго войска, скрылись въ дальнихъ степяхъ, и суда 15 августа благополучно достигли Переволоки. Тутъ началась работа жалкая и смѣшная: Касимъ велѣлъ рыть каналъ отъ Дона до Волги; увидѣвъ невозможность, велѣлъ тащить суда землею. Турки не хотѣли слушаться и говорили, что паша безумствуетъ, предпринимая такое дѣло, для коего мало ста лѣтъ для всѣхъ работниковъ Оттоманской имперіи. Ханъ совѣтовалъ возвратиться, но, къ удовольствію Касима, явились послы астраханскіе. „На что вамъ суда?—сказали они:—мы дадимъ ихъ вамъ, сколько хотите; идите только избавить насъ отъ власти россіянъ". Паша усмирилъ войско: 2 сентября отпустилъ пушки назадъ въ Азовъ, и съ 12 легкими орудіями пошелъ къ Астрахани, гдѣ жители готовились встрѣтить его какъ избавителя; надежда ихъ не исполнилась.

Посолъ Іоанновъ, Афанасій Нагой, писалъ къ государю изъ Тавриды о замыслѣ султановомъ; письма его, хотя и не скоро, доходили. Война съ Турціею не представляла Іоанну ничего, кромѣ опасностей: собирая многочисленное войско въ Нижнемъ-Новгородѣ и немедленно отрядивъ мужественнаго князя Петра Серебрянаго съ легкою дружиною занять Астрахань, онъ въ то же время послалъ дары къ пашѣ Кафинскому, чтобы склонить его къ миролюбію. Паша взялъ дары, цѣловалъ грамоту Іоаннову, три дня честилъ гонцовъ московскихъ, а на четвертый заключилъ въ темницу. Но государь успокоился, свѣдавъ о маломъ числѣ турковъ и худомъ усердіи Девлетъ-Гирея къ сему походу; угадывалъ слѣдствія, и не обманулся.

16 сентября паша и ханъ стали ниже Астрахани, на городищѣ, гдѣ была, какъ вѣроятно, древняя столица Козарская. Тутъ ждали ихъ наши измѣнники астраханскіе съ судами и ногаи съ друже-

ственными увѣреніями. Касимъ, велѣвъ ногаямъ прикочевать къ Волгѣ, началъ строить новую крѣпость на городищѣ, и турки, къ изумленію своему, узнали, что паша намѣренъ зимовать подъ Астраханью, гдѣ горсть бодрыхъ россіянъ обуздывала измѣну жителей и казалась ему страшною, такъ что онъ не смѣлъ отважиться на приступъ. Въ самомъ дѣлѣ ничто не могло быть безразсуднѣе сего намѣренія: паша давалъ россіянамъ время изготовиться къ оборонѣ; давалъ время царю прислать войско въ Астрахань, а свое изнурялъ трудами, голодомъ, ибо астраханцы не могли доставлять ему хлѣба въ избыткѣ. Ропотъ обратился въ мятежъ, когда услышали турки, что ханъ, по совершеніи крѣпости, долженъ возвратиться въ Тавриду. Они рѣшительно объявили, что никто изъ нихъ не останется зимовать въ землѣ непріятельской. Еще Касимъ упорствовалъ, грозилъ; но вдругъ, 26 сентября, зажегъ сдѣланныя имъ деревянныя укрѣпленія и вмѣстѣ съ ханомъ удалился отъ Астрахани; причиною было то, что князь Петръ Серебряный вступилъ въ сей городъ съ войскомъ, и что за нимъ, какъ сказывали, шло другое, сильнѣйшее. Турки и крымцы бѣжали день и ночь. Въ шестидесяти верстахъ, на Бѣломъ озерѣ, встрѣтились имъ гонцы султанскій и литовскій. Селимъ писалъ къ пашѣ, чтобы онъ непремѣнно держался подъ Астраханью до весны; что къ нему будетъ новая рать изъ Константинополя; что лѣтомъ увидитъ Россія въ нѣдрахъ своихъ знамена оттоманскія, за коими долженъ идти и ханъ къ Москвѣ, утвердивъ союзъ и дружбу съ Литвою. Но Касимъ продолжалъ бѣгство. Путеводитель его, Девлетъ-Гирей, умышленно велъ турокъ мѣстами безводными, голодною пустынею, гдѣ кони и люди умирали отъ изнуренія; гдѣ черкесы стерегли ихъ въ засадахъ, и томныхъ, полумертвыхъ брали въ плѣнъ; гдѣ россіяне могли бы совершенно истребить сіе жалкое войско, если бы они не слѣдовали правилу, что надобно давать волю бѣгущему непріятелю. Турки были въ отчаяніи: проклиная пашу, не щадили и султана, который послалъ ихъ въ землю неизвѣстную, въ ужасную Россію, не за побѣдою, а за голодомъ и смертію безчестною. Касимъ съ толпою блѣдныхъ тѣней черезъ мѣсяцъ достигъ Азова, чтобы золотомъ откупиться отъ петли. Онъ приписывалъ свое несчастіе единственно тому, что не могъ ранѣе начать похода; но Девлетъ-Гирей увѣрялъ султана въ невозможности взять или удержать Астрахань, столь отдаленную отъ владѣній турецкихъ; а крымскому послу нашему сказалъ: „государь твой долженъ благодарить меня: я погубилъ султанское войско; не хотѣлъ ни приступать къ Астрахани, ни строить тамъ крѣпости на старомъ городищѣ, во-первыхъ, желая угодить ему, во-вторыхъ, и для того, что не хочу видѣть

турковъ властелинами древнихъ улусовъ татарскихъ". Къ утвержденію нашей безопасности съ сей стороны, азовская крѣпость со всѣми пороховыми запасами взлетѣла тогда на воздухъ; не только большая часть города, зажженнаго, какъ думали, россіянами, но и пристань съ военными судами обратилась въ пепелъ.

Сей несчастный походъ войска Селимова описанъ нами по сказанію очевидца, царскаго сановника Семена Мальцова, достойнаго быть извѣстнымъ потомству. Онъ ѣхалъ изъ ногайскихъ улусовъ и встрѣтилъ непріятелей на берегу Волги; окруженный ими, скрылъ государевъ наказъ, какъ неприкосновенную святыню, въ деревѣ на Царицынѣ-островѣ; сдался уже полумертвый отъ ранъ; прикованный къ пушкѣ, терзаемый чувствомъ боли, жажды, голода, — ежечасно угрожаемый смертію, не преставалъ ревностно служить царю своему; стращалъ турковъ разсказами: увѣрялъ, что астраханцы и ногаи манятъ ихъ въ сѣти, что шахъ персидскій есть союзникъ Россіи, что мы послали къ нему 100 пушекъ и 500 пищалей для нападенія на Касима, что князь Серебряный плыветъ съ тридцатью тысячами къ Астрахани, а князь Иванъ Бѣльскій идетъ полемъ съ несмѣтною силою. Мальцевъ училъ и другимъ нашихъ плѣнниковъ сказывать то же; склонялъ грековъ и волоховъ, бывшихъ съ Касимомъ, пристать къ россіянамъ въ случаѣ битвы, звалъ сыновей Девлетъ-Гиреевыхъ къ намъ въ службу; говорилъ имъ: „Васъ у отца много, онъ раздаетъ васъ по людямъ. Вы ни сыты, ни голодны; скитаетесь изъ мѣста въ мѣсто. Въ Москвѣ же найдете честь и богатство. Самъ отецъ будетъ вамъ завидовать". Безъ всякой надежды увидѣть святую Русь, безъ всякой мысли о наградѣ, о славѣ, сей усердный гражданинъ хотѣлъ еще и наканунѣ смерти быть полезнымъ государю, отечеству. Такихъ слугъ имѣлъ Іоаннъ Грозный, упиваясь кровію своихъ подданныхъ. Провидѣніе спасло Мальцова. Выкупленный въ Азовѣ нашимъ крымскимъ посломъ, Аѳанасіемъ Нагимъ, онъ возвратился въ Москву, донести царю, что россіяне могутъ не страшиться оттомановъ.

Итакъ внѣшнія дѣйствія или отношенія Россіи къ иноземнымъ державамъ были довольно благопріятны. Съ Литвою мы ожидали мира, удерживая за собою новыя, важныя завоеванія; слабую Швецію презирали; видѣли тылъ и гибель султанской рати; узнавъ непріязнь хана къ туркамъ, тѣмъ менѣе опасались его впаденій и тѣмъ болѣе надѣялись съ нимъ примириться. Войско наше было многочисленно, границы укрѣплены, на самомъ отдаленномъ Терекѣ Іоаннъ поставилъ городъ, какъ для защиты своего тестя, черкасскаго князя Темгрюка, такъ и для утвержденія своей власти надъ симъ краемъ. Шахъ персид-

скій, Тамасъ, хотѣлъ быть другомъ Іоанну, который, желая заключить съ нимъ тѣсный союзъ противъ султана, въ маѣ 1569 года посылалъ въ Персію чиновника Алексѣя Хозникова. Сибирь платила намъ дань; около 1563 года новый князь ея, шибанскій царевичъ Едигеръ, убилъ тамъ нашего данщика, за что государь остановилъ въ Москвѣ посла сибирскаго, но скоро освободилъ его, изъ уваженія къ ходатайству Исмаила, ногайскаго владѣтеля, и въ 1569 году торжественнымъ договоромъ съ новымъ сибирскимъ царемъ, Кучюмомъ, утвердилъ сію землю въ подданствѣ Россіи. Іоаннъ взялъ Кучюма подъ свою руку, въ обереганіе, съ условіемъ, чтобы онъ давалъ ему ежегодно тысячу соболей, а посланнику государеву, который пріѣдетъ за данію, тысячу бѣлокъ. Боярскій сынъ, Третьякъ Чабуковъ (въ 1571 году) отвезъ въ Сибирь жалованную Іоанномъ грамоту, украшенную златою печатію. Россія внутри бѣдствовала отъ язвы, голода и тиранства, но торговля ея процвѣтала. Цари Абдула шамаханскій и бухарскій того же имени, Сеидъ самаркандскій, Азимъ хивинскій присылали дары въ Москву, чтобы Іоаннъ дозволялъ ихъ подданнымъ купечествовать не только въ Астрахани и въ Казани, но и въ другихъ городахъ нашихъ. Несмотря на явную вражду султана, россіяне еще торговали въ Кафѣ, въ Азовѣ, а турки въ Москвѣ, вмѣстѣ съ армянами. Самъ государь изъ казны своей отправлялъ за Каспійское море мѣха драгоцѣнные и купцовъ московскихъ въ Антверпенъ, въ Лондонъ, даже въ Ормусъ. Ганза не переставала искать милости въ Іоаннѣ и мѣнялась съ нами товарами въ Нарвѣ, завидуя англичанамъ, которые пользовались благосклонностью царя и правами исключительными въ Россіи, особенно съ восшествія на престолъ Елисаветы, ибо сія знаменитая королева, одаренная и великимъ умомъ и любезными свойствами, снискала его дружбу. Лондонское Россійское общество дарило царя алмазами; Елисавета писала къ нему ласковыя письма. Три раза посланникъ ея, Дженкинсонъ, былъ въ Москвѣ; ѣздилъ оттуда въ Персію и съ усердіемъ исполнилъ тайный наказъ государевъ къ шаху. Слѣдствіемъ было то, что въ 1567 и 1569 году Іоаннъ далъ новыя выгоды купцамъ англійскимъ: дозволилъ имъ ѣздить изъ Россіи въ Персію, завести селенія на рѣкѣ Вычегрѣ, искать желѣзной руды и плавить ее, съ условіемъ выучить россіянъ сему искусству, а при вывозѣ желѣза въ Англію платить деньгу съ фунта. Англичане должны были всѣ драгоцѣнныя вещи показывать государеву казначею; обязывалися также продавать царскіе товары въ Англіи и въ Персіи; впрочемъ, могли вездѣ купечествовать свободно, безъ пошлинъ, вездѣ строить жилища, лавки и чеканить для себя талеры; судились только судомъ опричнины, и московскій ихъ дворъ, у церкви св. Максима, на-

ходился въ ея вѣдомствѣ. Напрасно купцы ганзейскіе старались вредить англичанамъ въ умѣ Іоанна; напрасно короли польскій и шведскій убѣждали Елисавету не способствовать, выгодами торговли, могуществу опасной Россіи. Бывали неудовольствія взаимныя, однакожъ прекращались дружелюбно. Напримѣръ въ 1568 году посланникъ Елисаветинъ Томасъ Рандольфъ, около четырехъ мѣсяцевъ жилъ въ Москвѣ, не видавъ царя. Іоаннъ досадовалъ на англійскихъ купцовъ за то, что они ежегодно возвышали цѣну своихъ товаровъ; наконецъ велѣлъ Рандольфу быть къ себѣ, но не далъ лошадей; люди польскіе шли во дворецъ пѣшкомъ, и никто изъ царскихъ саповниковъ не кланялся представителю лица королевина. Гордый англичанинъ, оскорбленный сею грубостію, самъ надѣлъ шляпу во дворцѣ. Ждали гнѣва, опалы; вмѣсто чего Іоаннъ принялъ Рандольфа весьма ласково, увѣрялъ въ своей дружбѣ къ любезной сестрѣ Елисаветѣ и возвратилъ милость купцамъ англійскимъ; имѣлъ съ нимъ другое свиданіе на единѣ, ночью; говорилъ три часа и послалъ къ Елисаветѣ дворянина Андрея Савина, съ дѣломъ тайнымъ, которое знаемъ только по отвѣту Елисаветину, хранящемуся въ нашемъ архивѣ; оно весьма любопытно и доказываетъ малодушіе Іоанна. Сей монархъ, еще побѣдитель, еще гроза всѣхъ державъ сосѣдственныхъ, не находя ни малѣйшаго сопротивленія въ своихъ бѣдныхъ подданныхъ, невинно имъ губимыхъ, трепеталъ въ сердцѣ, ждалъ казни, мечталъ о бунтахъ, объ изгнаніи; не устыдился писать о томъ къ Елисаветѣ и просить убѣжища въ ея землѣ на сей случай,—униженіе достойное мучителя! Благоразумная королева отвѣтствовала, что желаетъ ему царствовать со славою въ Россіи, но готова дружественно принять его вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, ежели, вслѣдствіе тайнаго заговора, внутренніе мятежники или внѣшніе непріятели изгонятъ Іоанна изъ отечества; что онъ можетъ жить, гдѣ ему угодно, въ Англіи, наблюдать въ богослуженіи всѣ обряды вѣры греческой, имѣть своихъ слугъ и всегда свободно выѣхать, назадъ ли въ Россію или въ другую землю. Въ вѣрности сихъ обѣщаній Елисавета дала ему слово христіанскаго вѣнценосца и грамоту, ею собственноручно подписанную въ присутствіи всѣхъ ея государственныхъ совѣтниковъ, великаго канцлера Николая Бакона, лорда Нортамптона, Русселя, Арунделя и другихъ, съ прибавленіемъ, что Англія и Россія будутъ всегда соединенными силами противиться ихъ врагамъ общимъ. Донесенія Савина, хотя обласканнаго въ Лондонѣ, не весьма благопріятствовали англичанамъ: онъ сказалъ царю, что королева думаетъ единственно о выгодахъ лондонскаго купечества. Іоаннъ былъ недоволенъ и тѣмъ, что Елисавета въ дѣлѣ столь важномъ отвѣтствовала ему чрезъ его посланника, а не прислала

своего; но берегъ ея дружбу, ибо дѣйствительно хотѣлъ бѣжать въ крайности за море. Сію мысль вселилъ въ него, какъ увѣряютъ, голландскій докторъ Елисей Бомелій, негодяй и бродяга, изгнанный изъ Германіи. Снискавъ доступъ къ царю, онъ полюбился ему своими кознями: питалъ въ немъ страхъ, подозрѣнія; чернилъ бояръ и народъ, предсказывалъ бунты и мятежи, чтобы угождать несчастному расположенію души Іоанновой. Цари и въ добрѣ и въ злѣ имѣютъ всегда ревностныхъ помощниковъ: Бомелій заслужилъ первенство между услужниками Іоанна, то-есть между злодѣями Россіи. Казнь Божія для нихъ готовилась; но кровавый пиръ тиранства былъ еще въ серединѣ. Открывается новый театръ ужасовъ.

ГЛАВА III.

Г. 1569 — 1572.

Кончина царицы.—Четвертая ужаснѣйшая эпоха мучительства. — Запустѣніе Новгорода.—Спасеніе Пскова.—Казни въ Москвѣ.—Царскіе шуты.—Голодъ и моръ.—Сношенія съ Литвою. — Королевство Ливонское. — Милость царя къ Магнусу. — Посольство въ Константинополь. — Нашествіе хана. — Сожженіе Москвы.—Новое супружество Іоанново.—Пятая эпоха душегубства. — Смерть царицы.—Путешествіе Іоанново въ Новгородъ.—Дѣла шведскія. —Четвертый бракъ Іоанновъ.—Союзъ съ Елисаветою. — Переговоры съ Давіею и съ Литвою.—Отбытіе Іоанна въ Новгородъ —Нашествіе хана. — Знаменитая побѣда князя Воротынскаго.—Письмо къ королю шведскому.

1-го сентября 1569 года скончалась супруга Іоаннова, Марія, едва ли искренно оплаканная и самимъ царемъ, хотя для соблюденія пристойности вся Россія долженствовала явить образъ глубокой печали. Дѣла остановились; бояре, дворяне, приказные люди надѣли смиренное платье, или трауръ (шубы бархатныя и камчатныя безъ золота); во всѣхъ городахъ служили панихиды, давали милостыню нищимъ, вклады въ монастыри и въ церкви; показывали горесть лицемѣрную, скрывая истинную, общую, производимую свирѣпствомъ Іоанна, который черезъ десять дней уже могъ спокойно принимать иноземныхъ пословъ во дворцѣ московскомъ, но спѣшилъ выѣхать изъ столицы, чтобы въ страшномъ уединеніи Александровской слободы вымыслить новыя измѣны и казни. Кончина двухъ супругъ его, столь несходныхъ въ душевныхъ свойствахъ, имѣла слѣдствія равно несчастныя: Анастасія взяла съ собою добродѣтель Іоаннову; казалось, что Марія завѣщала ему превзойти самого себя въ лютыхъ убійствахъ. Распустивъ слухъ, что Марія, подобно Анастасіи, была отра-

влена тайными злодѣями, онъ приготовилъ тѣмъ Россію къ ужаснѣйшимъ изступленіямъ своей ярости.

Іоаннъ каралъ невинныхъ, а виновный, дѣйствительно виновный, стоялъ предъ тираномъ, — тотъ, кто въ противность закону хотѣлъ быть на тронѣ, не слушался болящаго царя, радовался мыслію объ его близкой смерти, подкупалъ вельможъ и воиновъ на измѣну—князь Владиміръ Андреевичъ! Прошло 16 лѣтъ, но Іоаннъ, какъ мы видѣли, умѣлъ помнить старыя вины и не переставалъ его опасаться. Никто изъ бояръ не дерзалъ имѣть дружелюбнаго обхожденія съ симъ княземъ: одни лазутчики приближались къ нему, чтобы всякое нескромное слово употребить въ доносъ. Что спасло несчастнаго. Естественный ли ужасъ обагрить руки кровію ближняго родственника? Быть можетъ, ибо есть остановки, есть затрудненія для самаго ожесточеннаго тирана: иногда онъ бываетъ человѣкомъ; уже не любя добра, боится крайностей во злѣ; тревожимый совѣстію, облегчаетъ себя мыслію, что онъ еще удерживается отъ нѣкоторыхъ преступленій! Но сей оплотъ ненадеженъ: злодѣйства стремятъ къ злодѣйствамъ, и князь Владиміръ могъ предвидѣть свою неминуемую участь, несмотря на милостивое прощеніе, ему объявленное въ 1563 году,— несмотря на лицемѣріе Іоанна, который вегда честилъ, ласкалъ его. Въ знакъ милости давъ Владиміру большое мѣсто въ Кремлѣ для новаго великолѣпнаго дворца и города Дмитровъ, Боровскъ, Звенигородъ, царь взялъ себѣ на обмѣнъ Верею, Алексинъ, Старицу, безъ сомнѣнія для того, что сей князь съ новыми помѣстьями казался менѣе опаснымъ, нежели съ наслѣдственными, гдѣ еще хранился духъ древней удѣльной системы. Весною въ 1569 году, собирая войско въ Нижнемъ - Новгородѣ для защиты Астрахани, Іоаннъ не усомнился ввѣрить оное своему мужественному брату; но сія мнимая довѣренность произвела опалу и гибель. Князь Влидиміръ ѣхалъ въ Нижній чрезъ Кострому, гдѣ граждане и духовенство встрѣтили его со крестами, съ хлѣбомъ и солью, съ великою честію, съ изъявленіемъ любви. Узнавъ о томъ, царь велѣлъ привезти тамошнихъ начальниковъ въ Москву и казнилъ ихъ; а брата ласково звалъ къ себѣ. Владиміръ съ супругою, съ дѣтьми, остановился верстахъ въ трехъ отъ Александровской слободы, въ деревнѣ Слотинѣ; далъ знать царю о своемъ пріѣздѣ — ждалъ отвѣта — и вдругъ видитъ полкъ всадниковъ: скачутъ во всю прыть съ обнаженными мечами, какъ на битву, окужаютъ деревню; Іоаннъ съ ними сходитъ съ коня и скрывается въ одномъ изъ сельскихъ домовъ. Василій Грязной, Малюта Скуратовъ объявляютъ князю Владиміру, что онъ умышлялъ на жизнь государеву, и представляютъ уличителя, царскаго повара, коему Вла-

диміръ далъ будто бы деньги и ядъ, чтобы отравить Іоанна. Все было вымышлено, приготовлено. Ведутъ несчастнаго съ женою и съ двумя юными сыновьями къ государю: они падаютъ къ ногамъ его, клянутся въ своей невинности, требуютъ постриженія. Царь отвѣтствовалъ: „вы хотѣли умертвить меня ядомъ: пейте его сами!“ Подали отраву. Князь Владиміръ, готовый умереть, не хотѣлъ изъ собственныхъ рукъ отравить себя. Тогда супруга его, Евдокія (родомъ княжна Одоевская), умная, добродѣтельная—видя, что нѣтъ спасенія, нѣтъ жалости въ сердцѣ губителя—отвратила лицо свое отъ Іоанна, осушила слезы и съ твердостію сказала мужу: „не мы себя, но мучитель отравляетъ насъ; лучше принять смерть отъ царя, нежели отъ палача“. Владиміръ простился съ супругою, благословилъ дѣтей и выпилъ ядъ; за нимъ Евдокія и сыновья. Они вмѣстѣ молились. Ядъ начиналъ дѣйствовать; Іоаннъ былъ свидѣтелемъ ихъ терзанія и смерти! Призвавъ боярынь и служанокъ княгини Евдокіи, онъ сказалъ: „Вотъ трупы моихъ злодѣевъ! Вы служили имъ, но изъ милосердія дарую вамъ жизнь“. Съ трепетомъ увидавъ мертвыя тѣла господъ своихъ, онѣ единогласно отвѣчали: „Мы не хотимъ твоего милосердія, звѣрь кровожадный! Растерзай насъ: гнушаясь тобою, презираемъ жизнь и муки!“ Сіи юныя жены, вдохновенныя омерзѣніемъ къ злодѣйству, не боялись ни смерти, ни самаго стыда: Іоаннъ велѣлъ обнажить ихъ и разстрѣлять.—Мать Владимірова, Евфросинія, нѣкогда честолюбивая, но въ монашествѣ смиренная, уже думала только о спасеніи души; умертвивъ сына, Іоаннъ тогда же умертвилъ мать: ее утопили въ рѣкѣ Шекснѣ, вмѣстѣ съ другою инокинею, добродѣтельною Александрою, его невѣсткою, виновною, можетъ быть, слезами о жертвахъ царскаго гнѣва.

Судьба несчастнаго князя Владиміра произвела всеобщую жалость: забыли страхъ; слезы лились въ домахъ и въ храмахъ. Никто, безъ сомнѣнія, не вѣрилъ объявленному умыслу сего князя на жизнь государеву: видѣли одно гнусное братоубійство, внушенное еще болѣе злобою, нежели подозрѣніемъ. Онъ не имѣлъ великихъ свойствъ, но имѣлъ многія достохвальныя: могъ бы царствовать въ Россіи и не быть тираномъ! сносилъ долговременную, явную опалу свою съ твердостію, ждалъ своей неминуемой гибели съ какимъ-то христіанскимъ спокойствіемъ и приводилъ добрыя сердца въ умиленіе, рождающее любовь. Іоаннъ слышалъ если не смѣлыя укоризны, то по крайней мѣрѣ воздыханія россіянъ великодушныхъ, и хотѣлъ открытіемъ мнимаго важнаго заговора доказать необходимость своей жестокости для обузданія предателей, будто бы единомышленниковъ князя Владиміра. Сія новая клевета на живыхъ и мертвыхъ была ли только

изобрѣтеніемъ смятеннаго ума Іоаннова, или адскимъ ковомъ его сподвижниковъ въ губительствѣ, которые желали тѣмъ изъявить ему свое усердіе и питать въ немъ страсть къ мучительству? Надѣялся ли Іоаннъ обмануть современниковъ и потомство грубою ложью, или обманывалъ самого себя легковѣріемъ? Послѣднее утверждаютъ лѣтописцы, чтобы облегчить лежащее на Іоаннѣ бремя дѣлъ страшныхъ; но самое легковѣріе въ такомъ случаѣ не вопіетъ ли на небо? уменьшаетъ ли омерзѣніе къ убійствамъ неслыханнымъ?

Новгородъ, Псковъ, нѣкогда свободныя державы, смиренныя самовластіемъ, лишенныя своихъ древнихъ правъ и знатнѣйшихъ гражданъ, населенныя отчасти иными жителями, уже измѣнились въ духѣ народномъ, но сохранили еще какую-то величавость, основанную на воспоминаніяхъ старины и на нѣкоторыхъ остаткахъ ея въ ихъ бытіи гражданскомъ. Новгородъ именовался Великимъ и заключалъ договоры съ королями шведскими, избирая, равно какъ и Псковъ, своихъ судныхъ цѣловальниковъ или присяжныхъ. Дѣти отъ родителей наслѣдовали и тайную нелюбовь къ Москвѣ: еще разсказывали въ Новгородѣ о битвѣ Шелонской; еще могли быть очевидцы послѣдняго народнаго вѣча во Псковѣ. Забыли бѣдствія вольности, не забыли ея выгодъ. Сіе расположеніе тамошняго слабаго гражданства, хотя уже и не опасное для могущественнаго самодержавія, безпокоило, гнѣвило царя, такъ что весною 1569 года онъ вывелъ изъ Пскова 500 семействъ, а изъ Новгорода 150 въ Москву, слѣдуя примѣру своего отца и дѣда. Лишаемые отчизны плакали; оставленные въ ней трепетали. То было началомъ; ждали слѣдствія. Въ сіе время, какъ увѣряютъ, одинъ бродяга волынскій, именемъ Петръ, за худыя дѣла наказанный въ Новгородѣ, вздумалъ отмстить его жителямъ, зная Іоанново къ нимъ неблаговоленіе, сочинилъ письмо отъ архіепископа и тамошнихъ гражданъ къ королю польскому, скрылъ оное въ церкви св. Софіи, за образъ Богоматери, бѣжалъ въ Москву и донесъ государю, что Новгородъ измѣняетъ Россіи. Надлежало представить улику. Царь далъ ему вѣрнаго человѣка, который поѣхалъ съ нимъ въ Новгородъ и вынулъ изъ-за образа мнимую архіепископову грамоту, къ коей было сказано, что святитель, духовенство, чиновники и весь народъ поддаются Литвѣ. Болѣе не требовалось никакихъ доказательствъ. Царь, принявъ нелѣпость за истину, осудилъ на гибель и Новгородъ и всѣхъ людей, для него подозрительныхъ или ненавистныхъ.

Въ декабрѣ 1569 года онъ съ царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ дворомъ, со всею любимою дружиною выступилъ изъ слободы Александровской, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинъ, пер-

вый городъ бывшаго Тверского великаго княженія. Думая, вѣроятно, что всѣ жители сей области, покоренной его дѣдомъ, суть тайные враги московскаго самодержавія, Іоаннъ велѣлъ смертоносному легіону своему начать войну, убійства, грабежъ, тамъ, гдѣ никто не мыслилъ о непріятелѣ, никто не зналъ вины за собою; гдѣ мирные подданные встрѣчали государя, какъ отца и защитника. Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни женъ, ни младенцевъ. Отъ Клина до Городни и далѣе истребители шли съ обнаженными мечами, обагряя ихъ кровію бѣдныхъ жителей, до самой Твери, гдѣ въ уединенной тѣсной келіи Отроча-монастыря еще дышалъ св. старецъ Филиппъ, молясь (безъ услышанія!) Господу о смягченіи Іоаннова сердца. Тиранъ не забылъ сего сверженнаго имъ митрополита и послалъ къ нему своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословеніе. Старецъ отвѣтствовалъ, что благословляютъ только добрыхъ и на доброе. Угадывая вину посольства, онъ съ кротостію промолвилъ: „я давно ожидаю смерти: да исполнится воля государева!“ Она исполнилась: гнусный Скуратовъ задушилъ св. мужа; но, желая скрыть убійство, объявилъ игумену и братіи, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ его келіи. Устрашенные иноки вырыли могилу за алтаремъ и въ присутствіи убійцы погребли сего великаго іерарха церкви россійской, украшеннаго вѣнцомъ мученика и славы, ибо умереть за добродѣтель есть верхъ человѣческой добродѣтели, и ни новая, ни древняя исторія не представляютъ намъ героя знаменитѣйшаго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1584 году) святыя мощи его были перенесены въ обитель Соловецкую, а послѣ (въ 1654 году) въ Москву, въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ мы и нынѣ съ умиленіемъ имъ поклоняемся.

За тайнымъ злодѣйствомъ слѣдовали явныя. Іоаннъ не хотѣлъ въѣхать въ Тверь и пять дней жилъ въ одномъ изъ ближнихъ монастырей, между тѣмъ какъ сонмы неистовыхъ воиновъ грабили сей городъ, начавъ съ духовенства и н оставивъ ни одного дома цѣлаго: брали легкое, драгоцѣнное; жгли, чего не могли взять съ собою; людей мучили, убивали, вѣшали въ забаву; однимъ словомъ, напомнили несчастнымъ тверитянамъ ужасный 1327 годъ, когда жестокая месть хана Узбека совершалась надъ ихъ предками. Многіе литовскіе плѣнники, заключенные въ тамошнихъ темницахъ, были изрублены или утоплены въ прорубяхъ Волги; Іоаннъ смотрѣлъ на сіе душегубство. Оставивъ наконецъ дымящуюся кровію Тверь, онъ такъ же свирѣпствовалъ въ Мѣдномъ, въ Торжкѣ, гдѣ въ одной башнѣ сидѣли крымскіе, а въ другой ливонскіе плѣнники, окованные цѣпями; ихъ умертвили, но крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту

Скуратова, едва не ранивъ и самого Іоанна. Вышній Волочокъ и всѣ мѣста до Ильменя были опустошены огнемъ и мечомъ. Всякаго, кто встрѣчался на дорогѣ, убивали, для того, что походъ Іоанновъ долженствовалъ быть тайною для Россіи!

2-го января передовая многочисленная дружина государева вошла въ Новгородъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ крѣпкими заставами, дабы ни одинъ человѣкъ не могъ спастися бѣгствомъ. Опечатали церкви, монастыри въ городѣ и въ окрестностяхъ, связали иноковъ и священниковъ, взыскивали съ каждаго изъ нихъ по двадцати рублей; а кто не могъ заплатить сей пени, того ставили на правежъ: всенародно били, сѣкли съ утра до вечера. Опечатали и дворы всѣхъ гражданъ богатыхъ; гостей, купцовъ, приказныхъ людей оковали цѣпями; женъ, дѣтей стерегли въ домахъ. Царствовала тишина ужаса. Никто не зналъ ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытія государева.

6-го января, въ день Богоявленія, ввечеру Іоаннъ съ войскомъ сталъ на городищѣ, въ двухъ верстахъ отъ посада. На другой день казнили всѣхъ иноковъ, бывшихъ на правежѣ: ихъ избили палицами и каждаго отвезли въ свой монастырь для погребенія. Января 8-го царь съ сыномъ и съ дружиною вступилъ въ Новгородъ, гдѣ, на Великомъ мосту, встрѣтилъ его архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами. Не принявъ святительскаго благословенія, Іоаннъ грозно сказалъ: „Злочестивецъ! въ рукѣ твоей не крестъ животворящій, но оружіе убійственное, которое ты хочешь вонзить намъ въ сердце. Знаю умыселъ твой и всѣхъ гнусныхъ новогородцевъ, знаю, что вы готовитесь предаться Сигизмунду Августу. Отселѣ ты уже не пастырь, а врагъ церкви и св. Софіи, хищный волкъ, губитель, ненавистникъ вѣнца Мономахова“. Сказавъ, государь велѣлъ ему идти съ иноками и крестами въ Софійскую церковь; слушалъ тамъ литургію, молился усердно, пошелъ въ палату къ архіепископу, сѣлъ за столъ со всѣми боярами, началъ обѣдать и вдругъ завопилъ страшнымъ голосомъ... Явились воины, схватили архіепископа, чиновниковъ, слугъ его; ограбили палаты, келіи, — а дворецкій Левъ Салтыковъ и духовникъ государевъ Евстафій церковь Софійскую: взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола; обнажили и другіе храмы въ монастыряхъ богатыхъ, послѣ чего немедленно открылся судъ на городищѣ... Судили Іоаннъ и сынъ его такимъ образомъ: ежедневно представляли имъ отъ пятисотъ до тысячи и болѣе новгородцевъ; били ихъ, мучили, жгли какимъ-то составомъ огненнымъ, привязывали головою или ногами къ санямъ, влекли на берегъ Волхова, гдѣ сія рѣка не мерзнетъ зимою, и бросали съ моста въ воду, цѣлыми семействами, женъ съ мужьями, матерей съ грудными младенцами.

Ратники московскіе ѣздили на лодкахъ по Волхову съ кольями, баграми и сѣкирами: кто изъ вверженныхъ въ рѣку всплывалъ, того кололи, разсѣкали на части. Сіи убійства продолжались пять недѣль и заключились грабежомъ общимъ: Іоаннъ съ дружиною объѣхалъ всѣ обители вокругъ города; взялъ казны церковныя и монастырскія; велѣлъ опустошить дворы и келіи, истребить хлѣбъ, лошадей, скотъ; предалъ также и весь Новгородъ грабежу, лавки, домы, церкви; самъ ѣздилъ изъ улицы въ улицу, смотрѣлъ, какъ хищные воины ломились въ палаты и кладовыя, отбивали ворота, влѣзали въ окна, дѣлили между собою шелковыя ткани, мѣха, жгли пеньку, кожи, бросали въ рѣку воскъ и сало. Толпы злодѣевъ были посланы и въ пятины новгородскія, губить достояніе и жизнь людей безъ разбора, безъ отвѣта. Сіе, какъ говоритъ лѣтописецъ, неисповѣдимое колебаніе, паденіе, рузрушеніе великаго Новгорода продолжалось около шести недѣль.

Февраля 12, въ понедѣльникъ второй недѣли Великаго поста, на разсвѣтѣ, государь призвалъ къ себѣ остальныхъ именитыхъ новгородцевъ, изъ каждой улицы по одному человѣку; они явились какъ тѣни, блѣдные, изнуренные ужасомъ, ожидая смерти. Но царь воззрѣлъ на нихъ окомъ милостивымъ и кроткимъ; гнѣвъ, ярость, дотолѣ пылавшіе въ глазахъ его, какъ страшный метеоръ, угасли. Іоаннъ сказалъ тихо: „Мужи новгородскіе, всѣ, доселѣ живущіе! молите Господа о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о христолюбивомъ воинствѣ, да побѣждаемъ всѣхъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ! Суди Богъ измѣннику моему, вашему архіепископу Пимену, и злымъ его совѣтникамъ! На нихъ, на нихъ взыщется кровь, здѣсь изліянная! Да умолкнетъ плачъ и стенаніе; да утишится скорбь и горесть! Живите и благоденствуйте въ семъ градѣ! Вмѣсто себя оставляю вамъ правителя, боярина и воеводу моего, князя Петра Даніиловича Пронскаго. Идите въ домы свои съ миромъ!“ — Еще судьба архіепископа не рѣшилась: его посадили на бѣлую кобылу, въ худой одеждѣ, съ волынкою, съ бубномъ въ рукахъ, какъ шута или скомороха, возили изъ улицы въ улицу, и за крѣпкою стражею отвезли въ Москву.

Іоаннъ немедленно удалился отъ Новгорода дорогою Псковскою, отправивъ несмѣтную добычу святотатства и грабежа въ столицу. Некому было жалѣть о богатствѣ похищенномъ: кто остался живъ, благодарилъ Бога или не помнилъ себя въ изступленіи! Увѣряютъ, что гражданъ и сельскихъ жителей изгибло тогда не менѣе шестидесяти тысячъ. Кровавый Волховъ, запруженный тѣлами и членами истерзанныхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро. Голодъ и болѣзни довершили казнь Іоанно-

ву, такъ что іереи, въ теченіе шести или семи мѣсяцевъ, не успѣвали погребать мертвыхъ: бросали ихъ въ яму безъ всякихъ обрядовъ. Наконецъ Новгородъ какъ бы пробудился отъ мертваго оцѣпенѣнія: 8 сентября всѣ, еще живые, духовенство, міряне собрались въ полѣ, у церкви Рождества Христова, служить общую панихиду за усобшихъ надъ тамошнею скудельницею, гдѣ лежало 10,000 неотпѣтыхъ тѣлъ христіанскихъ! (Въ первомъ мѣстѣ стоялъ нищій старецъ, Іоаннъ Жгальцо, который одинъ съ молитвою предавалъ мертвыхъ землѣ въ сіе ужасное время).— Опустѣлъ Великій Новгородъ. Знатная часть Торговой, нѣкогда многолюдной стороны, обратилась въ площадь, гдѣ, сломавъ всѣ уже необитаемые дома, заложили дворецъ государевъ.

Іоаннъ готовилъ Пскову участь Новагорода, думая, что и жители онаго хотѣли измѣнить Россіи. Тамъ начальствовалъ добрый князь Юрій Токмаковъ и жилъ славный благочестіемъ отшельникъ Салосъ (юродивый) Никола: одинъ счастливымъ совѣтомъ, другой счастливою дерзостію спасли городъ. Въ субботу второй недѣли Великаго поста царь ночевалъ въ монастырѣ св. Николая на Любатовѣ, видя Псковъ, гдѣ, въ ожиданіи приближающейся грозы, никто не смыкалъ глазъ; всѣ люди были въ движеніи, ободряли другъ друга или прощались съ жизнію, отцы съ дѣтьми, жены съ мужьями. Въ полночь царь услышалъ благовѣсть и звонъ церквей псковскихъ: сердце его, какъ пишутъ современники, чудесно умилилось. Онъ вообразилъ живо, съ какими чувствами идутъ граждане къ заутрени, въ послѣдній разъ молить Всевышняго о спасеніи ихъ отъ гнѣва царскаго; съ какимъ усердіемъ, съ какими слезами припадаютъ къ святымъ иконамъ—и мысль, что Господь внимаетъ гласу сердецъ сокрушенныхъ, тронула душу, столь ожесточенную! Въ какомъ-то неизъяснимомъ порывѣ жалости Іоаннъ сказалъ воеводамъ своимъ: „Иступите мечи о камень! да престанутъ убійства!..“ На другой день, вступивъ въ городъ, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ на всѣхъ улицахъ, передъ домами, столы съ изготовлеными яствами (такъ было сдѣлано по совѣту князя Юрія Токмакова): граждане, жены ихъ, дѣти, держа хлѣбъ и соль, преклоняли колѣна, благословляли, привѣтствовали царя и говорили ему: „Государь князь великій! мы, вѣрные твои подданные, съ усердіемъ и любовію предлагаемъ тебѣ хлѣбъ-соль; а съ нами и животами нашими твори волю свою: ибо все, что имѣемъ, и мы сами твои, самодержецъ великій!“ Сія неожиданная покорность была пріятна Іоанну. Игуменъ печерскій, Корнилій, съ духовенствомъ встрѣтилъ его на площади, у церквей св. Варлаама и Спаса. Царь слушалъ молебенъ въ храмѣ Троицы; поклонился гробу св. Всеволода-Гавріила, съ удивленіемъ разсматривалъ тяжелый мечъ сего древняго князя и

зашелъ въ келію къ старцу Салосу Николѣ, который, подъ защитою своего юродства, не убоялся обличать тирана въ кровопійствѣ и святотатствѣ. Пишутъ, что онъ предложилъ Іоанну въ даръ... кусокъ сырого мяса; что царь сказалъ: „Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ Великій постъ“; а пустынникъ отвѣтствовалъ: „ты дѣлаешь хуже; питаешься человѣческою плотію и кровію, забывая не только постъ, но и Бога!“ Грозилъ ему, предсказывалъ несчастія и такъ устрашилъ Іоанна, что онъ немедленно выѣхалъ изъ города; жилъ нѣсколько дней въ предмѣстіи; дозволилъ воинамъ грабить имѣніе богатыхъ людей, но не велѣлъ трогать иноковъ и священниковъ; взялъ только казны монастырскія и нѣкоторыя иконы, сосуды, книги и, какъ бы невольно пощадивъ Ольгину родину, спѣшилъ въ Москву, чтобы новою кровію утолить свою неутолимую жажду къ мучительству.

Архіепископъ Пименъ и нѣкоторые знатнѣйшіе новгородскіе узники, вмѣстѣ съ нимъ присланные въ Александровскую слободу, ждали тамъ конца своего. Миновало около пяти мѣсяцевъ, но не въ бездѣйствіи: производилось важное слѣдствіе; собирали доносы, улики; искали въ Москвѣ тайныхъ единомышленниковъ Пименовыхъ, которые еще укрывались отъ мести государевой, сидѣли въ главныхъ приказахъ, даже въ Совѣтѣ царскомъ, даже пользовались особенною милостію, довѣренностію Іоанна. Печатникъ, или канцлеръ, Иванъ Михайловичъ Висковатый, мужъ опытнѣйшій въ дѣлахъ государственныхъ, казначей Никита Фуниковъ, также вѣрный слуга царя и царства отъ юности до лѣтъ преклонныхъ, бояринъ Семенъ Васильевичъ Яковлевъ, думные дьяки Василій Степановъ и Андрей Васильевъ были взяты подъ стражу; а съ ними вмѣстѣ, къ общему удивленію, и первые любимцы Іоанновы: вельможа Алексѣй Басмановъ, воевода мужественный, но безстыдный угодникъ тиранства; сынъ его, кравчій Ѳеодоръ, прекрасный лицомъ, но гнусный душою, безъ коего Іоаннъ не могъ ни веселиться на пирахъ, ни свирѣпствовать въ убійствахъ; наконецъ самый ближайшій къ его сердцу нечестивецъ, князь Аѳанасій Вяземскій, обвиняемые въ томъ, что они съ архіепископомъ Пименомъ хотѣли отдать Новгородъ и Псковъ Литвѣ, извести царя и посадить на тронъ князя Владиміра Андреевича. Жалѣя о добрыхъ, заслуженныхъ сановникахъ, россіяне могли съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть казнь Божію надъ клевретами мучителя, безъ сомнѣнія, невинными предъ нимъ, но виновными предъ государствомъ и человѣчествомъ. Сіи жестокіе царедворцы поздно узнали, что милость тирана столь же опасна, какъ и ненависть его; что онъ не можетъ долго вѣрить людямъ, коихъ гнусность ему извѣстна; что малѣйшее подозрѣніе, одно слово, одна мысль достаточны для ихъ паденія; что губитель, карая сво-

ихъ услужниковъ, наслаждается чувствомъ праводусія,—удовольствіе рѣдкое для кворожаднаго сердца, закоснѣлаго во злѣ, но все еще угрызаемаго совѣстію въ злодѣяніяхъ! Бывъ долго клеветниками, они сами погибли отъ клеветы. Пишутъ, что царь имѣлъ неограниченную довѣренность къ Аѳанасію Вяземскому: единственно изъ рукъ сего любимаго оружничаго принималъ лѣкарства своего доктора Арнольфа Лензея, единственно съ нимъ бесѣдовалъ о всѣхъ тайныхъ намѣреніяхъ, ночью, въ глубокой тишинѣ, въ спальнѣ. Сынъ боярскій, именемъ Ѳедоръ Ловчиковъ, облагодѣтельствованный княземъ Аѳанасіемъ, донесъ на него, что онъ будто бы предувѣдомилъ новгородцевъ о гнѣвѣ царскомъ, слѣдственно былъ ихъ единомышленникомъ. Іоаннъ не усомнился: молчалъ нѣсколько времени, и вдругъ, призвавъ Вяземскаго къ себѣ, говоря ему о важныхъ дѣлахъ государственныхъ съ обыкновенною довѣренностію, велѣлъ между тѣмъ умертвить его лучшихъ слугъ; возвращаясь домой, князь Вяземскій увидѣлъ ихъ трупы, не показалъ ни изумленія, ни жалости, прошелъ мимо, въ надеждѣ симъ опытомъ своей преданности обезоружить государя; но былъ ввержен въ темницу, гдѣ уже сидѣли и Басмановы, подобно ему уличаемые въ измѣнѣ. Всѣхъ обвиняемыхъ пытали: кто не могъ вынести мукъ, клеветалъ на себя и другихъ, коихъ также пытали, чтобы вывѣдать отъ нихъ неизвѣстное имъ самимъ. Записывали показанія истязуемыхъ; составили дѣло огромное, предложенное государю и сыну его, царевичу Іоанну; объявили казнь измѣнникамъ: ей надлежало совершиться въ Москвѣ, въ глазахъ всего народа и такъ, чтобы столица, уже пріученная къ ужасамъ, еще могла изумиться!

25 іюля, среди большой торговой площади, въ Китаѣ-городѣ поставили 18 висѣлицъ; разложили многія орудія мукъ; зажгли высокій костеръ и надъ нимъ повѣсили огромный чанъ съ водою. Увидѣвъ сіи грозныя приготовленія, несчастные жители вообразили, что насталъ послѣдній день для Москвы; что Іоаннъ хочетъ истребить ихъ всѣхъ безъ остатка: въ безпамятствѣ страха они спѣшили укрыться, гдѣ могли. Площадь опустѣла; въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги; не было ни одного человѣка, кромѣ толпы опричниковъ у висѣлицъ и костра пылающаго. Въ сей тишинѣ раздался звукъ бубновъ: явился царь на конѣ съ любимымъ старшимъ сыномъ, съ боярами и князьями, съ легіономъ кромѣшниковъ, въ стройномъ ополченіи; позади шли осужденные, числомъ 300 или болѣе, въ видѣ мертвецовъ, истерзанные, окровавленные, отъ слабости едва передвигая ноги. Іоаннъ сталъ у висѣлицъ, осмотрѣлся и, не видя народа, велѣлъ опричникамъ искать людей, гнать ихъ отовсюду на площадь; не имѣвъ терпѣнія ждать, самъ поѣхалъ за ними, призывая москвитянъ быть

свидѣтелями его суда, обѣщая имъ безопасность и милость. Жители не смѣли ослушаться: выходили изъ ямъ, изъ погребовъ; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стѣнѣ, на кровляхъ стояли зрители. Тогда Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: „Народъ, увидишь муки и гибель, но караю измѣнниковъ! Отвѣтствуй: правъ ли судъ мой?“ Всѣ отвѣтствовали велегласно: „Да живетъ многія лѣта государь великій! да погибнутъ измѣнники!“ Онъ приказалъ вывести 180 человѣкъ изъ толпы осужденныхъ и даровалъ имъ жизнь, какъ менѣе виновнымъ. Потомъ думный дьякъ государевъ, развернувъ свитокъ, произнесъ имена казнимыхъ; вызвалъ Висковатаго и читалъ слѣдующее: „Иванъ Михайловъ, бывшій тайный совѣтникъ государевъ! ты служилъ неправедно его царскому величеству и писалъ къ королю Сигизмунду, желая предать ему Новгородъ. Се первая вина твоя!“ Сказавъ, ударилъ Висковатаго въ голову и продолжалъ: „А се вторая, меньшая вина твоя: ты, измѣнникъ неблагодарный, писалъ къ султану турецкому, чтобы онъ взялъ Астрахань и Казань“. Ударивъ его въ другой и въ третій разъ, дьякъ примолвилъ: „Ты же звалъ и хана крымскаго опустошать Россію: се твое третье злое дѣло!“ Тутъ Висковатый, смиренный, но великодушный, поднявъ глаза на небо, отвѣтствовалъ: „Свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ, вѣдающимъ сердца и помышленія человѣческія, что я всегда служилъ вѣрно царю и отечеству. Слышу наглыя клеветы; не хочу болѣе оправдываться, ибо земной судія не хочетъ внимать истинѣ; но Судія Небесный видитъ мою невинность — и ты, о, государь! увидишь ее предъ лицомъ Всевышняго!..“ Кромѣшники заградили ему уста, повѣсили его вверхъ ногами, обнажили, разсѣкли на части, и первый Малюта Скуратовъ, сошедши съ коня, отрѣзалъ ухо страдальцу. Второю жертвою былъ казначей Фуниковъ-Карцовъ, другъ Висковатаго, въ тѣхъ же измѣнахъ и столь же нелѣпо обвиняемый. Онъ сказалъ царю: „Се кланяюся тебѣ въ послѣдній разъ на землѣ, моля Бога, да пріимешь въ вѣчности праведную мзду по дѣламъ своимъ“. Сего несчастнаго обливали кипящею и холодною водою: онъ умеръ въ страшныхъ мукахъ. Другихъ кололи, вѣшали, рубили. Самъ Іоаннъ, сидя на конѣ, пронзилъ копьемъ одного старца. Умертвили въ 4 часа около двухъ сотъ человѣкъ. Наконецъ, совершивъ дѣло, убійцы, обліянные кровію, съ дымящимися мечами стали предъ царемъ, восклицая: гойда! гойда! и славили его правосудіе. Объѣхавъ площадь, обозрѣвъ груды тѣлъ, Іоаннъ, сытый убійствами, еще не насытился отчаяніемъ людей: желалъ видѣть злосчастныхъ супругъ Фуникова и Висковатаго; пріѣхалъ къ нимъ въ домъ, смѣялся надъ ихъ слезами: мучилъ первую, требуя сокровищъ; хотѣлъ мучить и пятнадцатилѣтнюю дочь ея, которая стенала и вопила, но отдалъ

ее сыну, царевичу Іоанну, а послѣ вмѣстѣ съ матерію и съ женою Висковатаго заточилъ въ монастырь, гдѣ онѣ умерли въ горести.

Граждане московскіе, свидѣтели сего ужаснаго дня, не видали въ числѣ его жертвъ ни князя Вяземскаго, ни Алексѣя Басманова: первый испустилъ духъ въ пыткахъ; конецъ послѣдняго — несмотря на всѣ безпримѣрныя, описанныя нами злодѣйства — кажется еще невѣроятнымъ: да будетъ сіе страшное извѣстіе вымысломъ богопротивнымъ, внушеніемъ естественной ненависти къ тирану, но клеветою! Современники пишутъ, что Іоаннъ будто бы принудилъ юнаго Ѳедора Басманова убить отца своего, тогда же или прежде заставивъ князя Никиту Прозоровскаго умертвить брата, князя Василія! По крайней мѣрѣ сынъ-извергъ не спасъ себя отцеубійствомъ: онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ другими. Имѣніе ихъ отписали на государя; многихъ знатныхъ людей сослали на Бѣлоозеро, а святителя Пимена, лишивъ сана архіепископскаго, въ тульскій монастырь св. Николая; многихъ выпустили изъ темницъ на поруки; нѣкоторыхъ даже наградили царскою милостію. Три дня Іоаннъ отдыхалъ, ибо надлежало предать трупы землѣ! Въ четвертый день снова вывели на площадь нѣсколько осужденныхъ и казнили: Малюта Скуратовъ, предводитель палачей, разсѣкалъ топорами мертвыя тѣла, которыя цѣлую недѣлю лежали безъ погребенія, терзаемыя псами. (Тамъ, близъ Кремлевскаго рва, на крови и на костяхъ, въ послѣдующія времена стояли церкви, какъ умилительный, христіанскій памятникъ сего душегубства). Жены избіенныхъ дворянъ, числомъ 80, были утоплены въ рѣкѣ.

Однимъ словомъ, Іоаннъ достигъ наконецъ высшей степени безумнаго своего тиранства; могъ еще губить, но уже не могъ изумлять россіянъ никакими новыми изобрѣтеніями лютости. Скрѣпивъ сердце, опишемъ только нѣкоторыя изъ безчисленныхъ злодѣяній сего времени.

Не было ни для кого безопасности, но всего менѣе для людей, извѣстныхъ заслугами и богатствомъ, ибо тиранъ, ненавидя добродѣтель, любилъ корысть. Славный воевода, отъ коего бѣжала многочисленная рать Селимова,—который двадцать лѣтъ не сходилъ съ коня, побѣждая и татаръ, и Литву, и нѣмцевъ, князь Петръ Семеновичъ Оболенскій-Серебряный, призванный въ Москву, видѣлъ и слышалъ отъ царя однѣ ласки; но вдругъ легіонъ опричниковъ стремится къ его дому кремлевскому: ломаютъ ворота, двери, и предъ лицомъ, у ногъ Іоанна отсѣкаютъ голову сему, ни въ чемъ не обвиненному воеводѣ. Тогда же были казнены: думный совѣтникъ Захарія Ивановичъ Очинъ-Плещеевъ; Хабаровъ-Добрынскій, одинъ изъ богатѣйшихъ сановниковъ; Иванъ

Воронцовъ, сынъ Ѳедора, любимца Іоанновой юности; Василій Разладинъ, потомокъ славнаго въ XIV вѣкѣ боярина Квашни; воевода Кирикъ-Тырковъ, равно знаменитый и ангельскою чистотою нравовъ, и великимъ умомъ государственнымъ, и примѣрнымъ мужествомъ воинскимъ, израненный во многихъ битвахъ; герой и защитникъ Лаиса, Андрей Кошкаревъ; воевода нарвскій, Михайло Матвѣевичъ Лыковъ, коего отецъ сжегъ себя въ 1534 году, чтобы не отдать города непріятелю, и который, будучи съ юныхъ лѣтъ плѣнникомъ въ Литвѣ, выучился тамъ языку латинскому, имѣлъ свѣдѣнія въ наукахъ, отличался благородствомъ души, пріятностію въ обхожденіи—и ближній родственникъ сего воеводы, также Лыковъ, прекрасный юноша, посланный царемъ учиться въ Германію: онъ возвратился было ревностно служить отечеству съ душою пылкою, съ разумомъ просвѣщеннымъ! Воевода Михайловскій, Никита Казариновъ-Голохвастовъ, ожидая смерти, уѣхалъ изъ столицы и посхимился въ какомъ-то монастырѣ на берегу Оки; узнавъ же, что царь прислалъ за нимъ опричниковъ, вышелъ къ нимъ и сказалъ: „я тотъ, кого вы ищете!“ Царь велѣлъ взорвать его на бочкѣ пороха, говоря въ шутку, что схимники ангелы и должны летѣть въ небо. Чиновникъ Мясоѣдъ Вислой имѣлъ прелестную жену: ее взяли, обезчестили, повѣсили передъ глазами мужа, а ему отрубили голову.

Гнѣвъ тирана, падая на цѣлыя семейства, губилъ не только дѣтей съ отцами, супругъ съ супругами, но часто и всѣхъ родственниковъ мнимаго преступника. Такъ, кромѣ десяти Колычевыхъ, погибли многіе князья Ярославскіе (одного изъ нихъ, князя Ивана Шаховского, царь убилъ изъ собственныхъ рукъ булавою); многіе князья Прозоровскіе, Ушатые, многіе Заболотскіе, Бутурлины. Нерѣдко знаменитые россіяне избавлялись отъ казни славною кончиною. Два брата, князья Андрей и Никита Мещерскіе, мужественно защищая новую Донскую крѣпость, пали въ битвѣ съ крымцами: еще трупы сихъ витязей, орошаемые слезами добрыхъ сподвижниковъ, лежали непогребенные, когда явились палачи Іоанновы, чтобы зарѣзать обоихъ братьевъ: имъ указали тѣла ихъ! То же случилось и съ княземъ Андреемъ Оленкинымъ: присланные убійцы нашли его мертваго на полѣ чести. Іоаннъ, нимало тѣмъ не умиленный, совершилъ лютую месть надъ дѣтьми сего храбраго князя: уморилъ ихъ въ заточеніи.

Но смерть казалась тогда уже легкою, жертвы часто требовали ее какъ милости. Невозможно безъ трепета читать въ запискахъ современныхъ о всѣхъ адскихъ вымыслахъ тиранства, о всѣхъ способахъ терзать человѣчество. Мы упоминали о сковородахъ; сверхъ того были сдѣланы для мукъ особенныя печи, желѣзныя клещи, острые ногти, длинныя иглы; разрѣзывали людей по соста-

вамъ, перетирали тонкими веревками на-двое, сдирали кожу, выкраивали ремни изъ спины...

И когда, въ ужасахъ душегубства, Россія цѣпенѣла, во дворцѣ раздавался шумъ ликующихъ: Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и людьми веселыми, или скоморохами, коихъ присылали къ нему изъ Новгорода и другихъ областей, вмѣстѣ съ медвѣдями! Послѣдними онъ травилъ людей и въ гнѣвѣ и въ забаву: видя иногда близъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей и громко смѣялся бѣгству, воплю устрашенныхъ, гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; но изувѣченныхъ всегда награждалъ: давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе. Одною изъ главныхъ утѣхъ его были также многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить царя прежде и послѣ убійствъ, и которые иногда платили жизнію за острое слово. Между ими славился князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, недовольный какою-то шуткою, царь вылилъ на него миску горячихъ щей; бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать; Іоаннъ ударилъ его ножомъ... Обливаясь кровію, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. „Исцѣли слугу моего добраго,—сказалъ царь:—я поигралъ съ нимъ неосторожно“. Такъ неосторожно (отвѣчалъ Арнольфъ), что развѣ Богъ и твое царское величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія. Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему воевода старицкій, Борисъ Титовъ,—поклонился до земли и величалъ его какъ обыкновенно. Царь сказалъ: „Будь здравъ, любимый мой воевода, ты достоинъ нашего жалованья“—и ножомъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ, не изъявивъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицомъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе, желалъ ему царствовать счастливо!—Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ явства и питіе, оставлялъ пиръ, громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови. Такъ онъ изъ-за роскошнаго обѣда устремился растерзать литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ московской темницѣ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцомъ усердно дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у россіянъ и надежду на будущее царствованіе! Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: гойда! гойда! съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу... Однакожъ и въ сіе время, и на сихъ пирахъ убійственныхъ еще слышался

иногда голосъ человѣческій, вырывались слова великодушной смѣлости. Мужъ храбрый, именемъ Молчанъ Митьковъ, нудимый Іоанномъ выпить чашу крѣпкаго меда, воскликнулъ въ горести: „О царь! ты велишь намъ вмѣстѣ съ тобою пить медъ, смѣшанный съ кровію нашихъ братьевъ, христіанъ правовѣрныхъ!“ Іоаннъ вонзилъ въ него свой острый жезлъ. Митьковъ перекрестился и съ молитвою умеръ.

Таковъ былъ царь; таковы были подданные! Ему ли, имъ ли должны мы наиболѣе удивляться? Если онъ не всѣхъ превзошелъ въ мучительствѣ, то они превзошли всѣхъ въ терпѣніи, ибо считали власть государеву властію божественною и всякое сопротивленіе беззаконіемъ, приписывали тиранство Іоанново гнѣву небесному и каялись въ грѣхахъ своихъ; съ вѣрою, съ надеждою ждали умилостивленія, но не боялись и смерти, утѣшаясь мыслію, что есть другое бытіе для счастія добродѣтели, и что земное служитъ ей только искушеніемъ; гибли, но спасли для насъ могущество Россіи, ибо сила народнаго повиновенія есть сила государственная.

Довершимъ картину ужасомъ сего времени: голодъ и моръ помогали тирану опустошать Россію. Казалось, что земля утратила силу плодородія: сѣяли, но не сбирали хлѣба; и холодъ, и засуха губили жатву. Дороговизна сдѣлалась неслыханная: четверть ржи стоила въ Москвѣ 60 алтынъ или около девяти нынѣшнихъ рублей серебряныхъ. Бѣдные толпились на рынкахъ, спрашивали о цѣнѣ хлѣба и вопили въ отчаяніи. Милостыня оскудѣла, ее просили и тѣ, которые дотолѣ сами питали нищихъ. Люди скитались какъ тѣни; умирали на улицахъ, на дорогахъ. Не было явнаго возмущенія, но были страшныя злодѣйства: голодные тайно убивали и ѣли другъ друга! Отъ изнуренія силъ, отъ пищи неестественной родилась прилипчивая, смертоносная болѣзнь въ разныхъ мѣстахъ. Царь приказалъ заградить многіе пути; конная стража ловила всѣхъ ѣдущихъ безъ письменнаго вида, неуказною дорогою, имѣя повелѣніе жечь ихъ вмѣстѣ съ товарами и лошадьми. Сіе бѣдствіе продолжалось до 1572 года.

Но ни судьба, ни тиранъ еще не насытились жертвами. Не заключимъ, а только прервемъ описаніе золъ, чтобы съ удивленіемъ видѣть Іоанна какъ бы равнодушнаго, спокойнаго въ его неутомимой политической дѣятельности.

Весною въ 1570 году послы Сигизмундовы пріѣхали въ Москву для заключенія мира, желая доставить его и королю шведскому; но Іоаннъ не хотѣлъ слышать о послѣднемъ. Въ тайной бесѣдѣ они сказали царю, что вельможи ихъ думаютъ въ случаѣ Сигизмундовой, вѣроятно не отдаленной, смерти предложить ему вѣнецъ королевскій, какъ государю славянскаго племени, христіанину и

владыкѣ сильному. Не изъявивъ ни удовольствія, ни рѣшительнаго согласія, Іоаннъ хладнокровно отвѣтствовалъ: „Милосердіемъ Божіимъ и молитвами нашихъ прародителей Россія велика: на что мнѣ Литва и Польша? Когда же вы имѣете сію мысль, то вамъ не должно раздражать насъ затрудненіями въ святомъ дѣлѣ покоя христіанскаго". Говорили о мирѣ, но заключили только перемиріе на три года, утвержденное Сигизмундомъ въ Варшавѣ, въ присутствіи нашихъ пословъ, которые донесли царю, что вельможи литовскіе желаютъ выдать за него сестру Сигизмундову, Софію, и видятъ въ немъ уже будущаго своего властителя; что они не хотятъ поддаться ни цесарю, худому защитнику и собственныхъ земель его, ни другимъ государямъ, болѣе или менѣе слабымъ, въ сравненіи съ московскимъ, непріятелемъ опаснымъ, но и самымъ надежнѣйшимъ покровителемъ. Честолюбивый Іоаннъ вѣрилъ и мысленно уже простиралъ свою кровавую десницу къ вѣнцу Ягеллоновъ!

Между тѣмъ онъ дѣятельно занимался Ливоніею. Любимцы его, Таубе и Крузе, возвышенные имъ въ санъ думныхъ людей, внушили ему мысль составить изъ бывшихъ орденскихъ земель особенное королевство подъ верховною властію Россіи, увѣряя, что всѣ жители въ такомъ случаѣ пристанутъ къ намъ душою и сердцемъ, изгонятъ шведовъ, литовцевъ и будутъ вмѣстѣ съ королемъ своимъ вѣрнѣйшими подданными великаго государя московскаго. Еще въ 1565 году, какъ пишутъ, Іоаннъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ предлагалъ знаменитому своему плѣннику Фирстенбергу быть ливонскимъ владѣтелемъ и царскимъ присяжникомъ; но сей великодушный старецъ отвѣчалъ: что для него лучше умереть въ неволѣ, нежели измѣнить совѣсти и святымъ обѣтамъ рыцарства. Въ 1569 году Таубе и Крузе, пользуясь довѣренностію Іоанновою, имѣли сношенія съ ревельскими гражданами, склоняя ихъ поддаться царю, обѣщая имъ времена златыя, свободу, тишину, и говорили имъ: „Что представляетъ Ливонія въ теченіе двѣнадцати лѣтъ? картину ужасныхъ бѣдствій, кровопролитій, разореній. Никто не увѣренъ ни въ жизни, ни въ достояніи. Мы служимъ великому царю московскому, но не измѣнили своему первому, истинному отечеству, коему хотимъ добра и спасенія. Знаемъ, что онъ намѣренъ всѣми силами ударить на Ливонію: выгнать шведовъ, поляковъ и датчанъ. Гдѣ защитники? Германія о васъ не думаетъ: безпечность и слабость императора вамъ извѣстны. Король датскій не смѣетъ молвить царю грубаго слова. Дряхлый Сигизмундъ унижается, ищетъ мира въ Москвѣ, а своихъ ливонскихъ подданныхъ только утѣсняетъ. Швеція ждетъ мести и казни: вы уже сидѣли бы въ осадѣ, если бы жестокая язва, свирѣпствуя въ Россіи, не препятствовала царю мыслить

о воинскихъ дѣйствіяхъ. Онъ любитъ нѣмцевъ; самъ происходитъ отъ дома Баварскаго и даетъ вамъ слово, что подъ его державою не будетъ города счастливѣе Ревеля. Изберите себѣ властителя изъ князей германскихъ: не вы, но единственно сей властитель долженъ зависѣть отъ Іоанна, какъ нѣмецкіе принцы зависятъ отъ императора — не болѣе. Наслаждайтесь миромъ, вольностію, всѣми выгодами торговли, не платя дани, не зная трудовъ службы воинской. Царь желаетъ быть единственно вашимъ благодѣтелемъ!" Въ то же время они именемъ Іоанновымъ предлагали герцогу курляндскому Готгарду санъ ливонскаго короля. Но имъ не вѣрили, какъ ненавистнымъ слугамъ московскаго, уже вездѣ извѣстнаго, тирана. Ревель не хотѣлъ измѣнить Швеціи, а Готгардъ Сигизмунду. Тогда повѣренные Іоанновы обратились къ принцу датскому Магнусу, владѣтелю Эзеля, и сей легкомысленный юноша, ими обольщенный, согласился быть орудіемъ Іоанновой политики, безъ вѣдома брата своего, короля датскаго.

Въ знакъ довѣренности къ великимъ милостямъ, ему обѣщаннымъ, Магнусъ самъ поѣхалъ къ царю. Въ Дерптѣ услышалъ онъ о судьбѣ Новгорода; остановился, медлилъ и думалъ возвратиться съ пути отъ ужаса. Но честолюбіе одержало верхъ: онъ пріѣхалъ въ Москву съ великою пышностію, на двухъ стахъ коняхъ, со множествомъ слугъ и чиновниковъ; былъ принятъ съ особенною благосклонностію, угощаемъ пирами, и черезъ нѣсколько дней совершилось важное дѣло: царь назвалъ Магнуса королемъ Ливоніи, а Магнусъ царя своимъ верховнымъ владыкою и отцомъ, удостоенный чести жениться на его племянницѣ, Евфиміи, дочери несчастнаго князя Владиміра Андреевича. Бракъ отложили до благопріятнѣйшаго времени. Іоаннъ обѣщалъ невѣстѣ пять бочекъ золота; для своего будущаго зятя освободилъ дерптскихъ плѣнниковъ; далъ ему войско для изгнанія шведовъ изъ Эстоніи. Провожаемый многими нѣмцами и полками россійскими, Магнусъ вступилъ въ Ливонію, объявляя жителямъ свое королевство, милость Іоаннову, соединеніе всѣхъ земель орденскихъ, начало тишины и благоденствія. Таубе, Крузе, уполномоченные царемъ, торжественно ручались за его искренность и добрую волю; говорили и писали, что Ливонія останется державою свободною, платя только легкую дань государю московскому; что всѣ наши чиновники выѣдутъ оттуда; что одни нѣмцы именемъ короля и закона будутъ управлять землею. Многіе вѣрили и радовались, но недолго. Магнусъ, жертва честолюбія и легковѣрія, сдѣлался виновникомъ новыхъ бѣдствій для несчастной Ливоніи.

Слушаясь во всемъ Таубе и Крузе, онъ (23-го августа) приступилъ къ Ревелю съ 25,000 россіянъ и со многочисленною нѣ-

мецкою дружиною, въ надеждѣ овладѣть имъ безъ кровопролитія; но граждане отвѣтствовали на его предложеніе, что они знаютъ коварство Іоанна; что тиранъ своего народа не можетъ быть благотворителемъ чужого; что неопытный, юный Магнусъ имѣетъ совѣтниковъ или злонамѣренныхъ, или безразсудныхъ; что ему готовится въ Россіи участь князя Михаила Глинскаго, но что Ревель не хочетъ уподобиться Смоленску. Началась осада, вылазки и смертоносныя болѣзни, какъ въ городѣ, такъ и въ ставѣ россіянъ, которые оказывали болѣе терпѣнія, нежели искусства и храбрости. Земляныя работы изнуряли осаждающихъ безполезно, дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда было слабо. Занявъ высоты предъ самыми воротами ревельскими и построивъ деревянныя башни, они пускали гранаты, каленыя ядра въ крѣпость, безъ важнаго вреда для непріятеля. Настала осень, зима. Воеводы московскіе, бояринъ Иванъ Петровичъ Яковлевъ, князья Лыковъ, Кропоткинъ, не умѣя взять Ревеля, только ограбили села эстонскія и въ февралѣ отпустили въ Россію 2,000 саней, наполненныхъ добычею. Ждали, что голодъ заставитъ осажденныхъ сдаться; но шведскій флотъ успѣлъ доставить имъ изобиліе въ съѣстныхъ и воинскихъ припасахъ. Наконецъ, войско уже изъявляло неудовольствіе. Магнусъ былъ въ отчаяніи, винилъ царскихъ совѣтниковъ, Таубе и Крузе, не зналъ, что дѣлать, и послалъ духовника своего Шраффера съ новыми убѣжденіями къ ревельскимъ гражданамъ. Сей краснорѣчивый пасторъ безстыдно увѣрялъ ихъ, что Іоаннъ есть государь истинно христіанскій, любитъ церковь латинскую болѣе греческой и легко можетъ пристать къ аугсбургскому исповѣданію; что онъ строгъ по необходимости для однихъ россіянъ, а нѣмцамъ другъ истинный; что Ревель безполезнымъ сопротивленіемъ удаляетъ златый вѣкъ, даруемый Ливоніи въ особѣ юнаго короля. Граждане велѣли ему идти безъ отвѣта—и 16-го марта, стоявъ подъ Ревелемъ 30 недѣль, Магнусъ снялъ осаду, зажегъ станъ, ушелъ со своею нѣмецкою дружиною въ Оберпаленъ, данный ему царемъ въ залогъ будущаго королевства, а наше войско расположилось въ восточной Ливоніи.

Сія первая неудача должна была оскорбить царя. Въ то же время, свѣдавъ о мирѣ короля датскаго съ шведскимъ, онъ изъявилъ Магнусу живѣйшее неудовольствіе, обвиняя брата его въ нарушеніи союза съ Россіею и въ дружбѣ съ ея злодѣемъ. Другое неожиданное происшествіе еще болѣе встревожило и царя и Магнуса. Обязанные Іоанну свободою, знатностію, богатствомъ, Крузе и Таубе, послѣ несчастной ревельской осады утративъ довѣренность новаго короля ливонскаго, боясь утратить и государеву, забыли клятву, честь, вступили въ тайныя сношенія съ

шведами, съ поляками и вознамѣрились овладѣть Дерптомъ, чтобы отдать его тѣмъ или другимъ. Способъ казался легкимъ: они могли располагать дружиною нѣмецкихъ воиновъ, которые, служа царю за деньги, не усомнились измѣнить ему. Знатные жители дерптскіе, бывъ долго плѣнниками въ Россіи, болѣе другихъ ливонцевъ ненавидѣли ея господство, слѣдственно можно было надѣяться на ихъ ревностное содѣйствіе. Съ сею мыслію заговорщики вломились въ городъ, умертвили стражу, звали къ себѣ друзей, братьевъ, кричали, что насталъ часъ свободы и мести. Но изумленные граждане остались только зрителями: никто не присталъ къ измѣнникамъ, съ коими россіяне въ нѣсколько минутъ управились: однихъ изрубили, другихъ выгнали, и считая жителей предателями, въ остервенѣніи умертвили многихъ невинныхъ. Таубе и Крузе спаслися бѣгствомъ; отверженные ревельцами, не хотѣвшими ни слушать, ни видѣть ихъ, они искали убѣжища въ польскихъ владѣніяхъ, гдѣ король и въ особенности герцогъ курляндскій приняли сихъ безразсудныхъ съ великою честію, въ надеждѣ свѣдать отъ нихъ важныя государственныя тайны Россіи, но свѣдали единственно о всѣхъ ужасахъ тиранства Іоаннова. За годъ до того времени Таубе и Крузе писали къ императору Максиміліану, что одинъ Іоаннъ можетъ изгнать турковъ изъ Европы, имѣя войско безчисленное, опытное, непобѣдимое; измѣнивъ Россіи, они увѣряли Максиміліана и другихъ европейскихъ государей въ ея безсиліи и въ возможности завоевать или, по крайней мѣрѣ, стѣснить оную! Опасаясь быть жертвою ихъ измѣны и гнѣва Іоаннова, Магнусъ, хотя и невинный, спѣшилъ уѣхать изъ Оберпалена на островъ Эзель.

Но царь умѣлъ быть твердымъ въ намѣреніяхъ, скрывать внутреннюю досаду, казаться хладнокровнымъ въ самыхъ важныхъ невзгодахъ. Онъ старался успокоить Магнуса новыми увѣреніями въ своей милости; съ горестію извѣстивъ его о внезапной кончинѣ невѣсты, юной Евфиміи, предложилъ ему руку малолѣтней сестры ея, Маріи, съ такими же условіями, съ тѣмъ же богатымъ приданымъ, и снова обѣщалъ завоевать для него Эстонію. Магнусъ утѣшился: съ благодарностію принялъ опять имя жениха царской племянницы, ждалъ съ нею королевства и писалъ къ брату, къ императору, къ князьямъ Германіи, что не суетное честолюбіе, но истинное усердіе къ общему благу христіанъ заставило его искать союза Россіи, дабы сдѣлаться посредникомъ между имперіею и сею великою державою, которая можетъ вмѣстѣ съ другими европейскими вѣнценосцами возстать для обузданія Турціи. Сію надежду имѣлъ и самъ императоръ, и вся Германія, устрашаемая султанскимъ властолюбіемъ; но Іоаннъ, какъ увидимъ, не думалъ о славѣ защитить христіанскую Европу отъ

магометанскаго оружія; думалъ единственно о выгодахъ своей особенной политики — о вѣрнѣйшемъ способѣ овладѣть всею Ливоніею и смирить гордость ревельцевъ, которые дерзали торжественно именовать его тираномъ и величались побѣдою, одержанною надъ россіянами, уставивъ ежегодно праздноватъ ея память 16-го марта. Онъ готовилъ месть, замедленную тогда ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ Москвы и всей юго-восточной Россіи.

Слѣдуя правилу не умножать враговъ Россіи, Іоаннъ хотѣлъ отвратить новую, безполезную войну съ султаномъ, коего добрая къ намъ пріязнь могла обуздить хана; для того (въ 1570 году) дворянинъ Новосильцовъ ѣздилъ въ Константинополь поздравить Селима съ воцареніемъ. Іоаннъ въ ласковомъ письмѣ къ нему исчислялъ всѣ дружественныя сношенія Россіи съ Турціею отъ временъ Баязета, удивлялся впаденію Селимовой рати въ наши владѣнія безъ объявленія войны, предлагалъ миръ и дружбу. „Мой государь“, — долженъ былъ сказать Новосильцовъ вельможамъ султанскимъ, — не есть врагъ мусульманской вѣры. Слуга его, царь Саинъ-Булатъ, господствуетъ въ Касимовѣ, царевичъ Кайбула въ Юрьевѣ, Ибакъ въ Сурожикѣ, князья ногайскіе въ Романовѣ: всѣ они свободно и торжественно славятъ Магомета въ своихъ мечетяхъ, ибо у насъ всякій иноземецъ живетъ въ своей вѣрѣ. Въ Кадомѣ, въ Мещерѣ многіе приказные государевы люди мусульманскаго закона. Если умершій царь казанскій Симеонъ, если царевичъ Муртоза сдѣлались христіанами, то они сами желали, сами требовали крещенія“. Новосильцовъ былъ доволенъ благосклоннымъ пріемомъ, замѣтивъ только, что султанъ не спрашивалъ его о здравіи Іоанна и, въ противность нашему обыкновенію, не звалъ обѣдать съ собою. Но сіе посольство и другое (въ 1571 году) не имѣли желаемаго слѣдствія, хотя царь, въ угодность Селиму, согласился уничтожить новую крѣпость нашу въ Кабардѣ. Гордый султанъ хотѣлъ Астрахани и Казани, или того, чтобы Іоаннъ, владѣя ими, призналъ себя данникомъ Оттоманской имперіи. Предложеніе столь нелѣпое осталось безъ отвѣта. Въ то же время царь узналъ, что Селимъ проситъ Кіева у Сигизмунда для удобнѣйшаго впаденія въ Россію, что онъ велѣлъ дѣлать мосты на Дунаѣ и запасать хлѣбъ въ Молдавіи, что ханъ, возбуждаемый турками, готовится къ войнѣ съ нами, что царевичъ крымскій разбилъ тестя государева, Темгрюка, и взялъ въ плѣнъ двухъ его сыновей. Ужъ Девлетъ-Гирей, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Москвою, снова началъ грозить, требовать дани и возстановленія царствъ Батыевыхъ, Казанскаго, Астраханскаго. Уже изъ Донкова, изъ Путивля извѣщали государя о движеніяхъ ханскаго войска; разъѣзды наши видѣли въ степяхъ пыль необычайную, огни ночью, сакму

или слѣды многочисленной конницы; слышали вдали прыскъ и ржаніе табуновъ. Полководцы московскіе стояли на Окѣ. Два раза самъ Іоаннъ съ сыномъ своимъ выѣзжалъ къ войску, въ Коломну, въ Серпуховъ. Уже были и легкія сшибки, въ мѣстахъ рязанскихъ и коширскихъ, но крымцы вездѣ являлись въ маломъ числѣ, немедленно исчезая, такъ что государь наконецъ успокоился, объявилъ донесенія сторожевыхъ атамановъ неосновательными и зимою распустилъ бо́льшую часть войска...

Тѣмъ болѣе онъ встрѣвожился при наступленіи весны, когда ханъ, вооруживъ всѣхъ своихъ улусниковъ, тысячъ сто или болѣе, съ необыкновенною скоростію вступилъ въ южные предѣлы Россіи, гдѣ встрѣтили его нѣкоторые бѣглецы, наши дѣти боярскіе, изгнанные изъ отечества ужасомъ московскихъ казней; сіи измѣнники сказали Девлетъ-Гирею, что голодъ, язва и непрестанныя опалы въ два года истребили большую часть Іоаннова войска, что остальные въ Ливоніи и въ крѣпостяхъ, что путь къ Москвѣ открытъ, что Іоаннъ только для славы, только для вида можетъ выйти въ полѣ съ малочисленною опричниною, но не замедлитъ бѣжать въ сѣверныя пустыни; что въ истинѣ того они ручаются своею головою и будутъ вѣрными путеводителями крымцевъ. Измѣнники, къ несчастію, сказали правду: мы имѣли уже гораздо менѣе воеводъ мужественныхъ и войска исправнаго. Князья Бѣльскіе, Мстиславскій, Воротынскій, бояре Морозовъ, Шереметевъ спѣшили, какъ обыкновенно, занять берега Оки, но не успѣли: ханъ обошелъ ихъ и другимъ путемъ приблизился къ Серпухову, гдѣ былъ самъ Іоаннъ съ опричниною. Требовалось рѣшительности и великодушія – царь бѣжалъ!.. въ Коломну, оттуда въ Слободу, мимо несчастной Москвы; изъ Слободы къ Ярославлю, чтобы спастись отъ непріятеля, спастись отъ измѣнниковъ, ибо ему казалось, что и воеводы и Россія выдаютъ его татарамъ! Москва оставалась безъ войска, безъ начальниковъ, безъ всякаго устройства, а ханъ уже стоялъ въ тридцати верстахъ! Но воеводы царскіе съ береговъ Оки, не отдыхая, приспѣли для защиты—и что же сдѣлали? Вмѣсто того, чтобы встрѣтить, отразить хана въ полѣ, заняли предмѣстія московскія, наполненныя безчисленнымъ множествомъ бѣглецовъ изъ деревень окрестныхъ; хотѣли обороняться между тѣсными, бренными зданіями. Князь Иванъ Бѣльскій и Морозовъ съ большимъ полкомъ стали на Варламовской улицѣ; Мстиславскій и Шереметевъ съ правою рукою на Якимовской; Воротынскій и Татевъ на Таганскомъ лугу противъ Крутицъ; Темкинъ съ дружиною опричниковъ за Неглинною. На другой день, мая 24, въ праздникъ Вознесенія, ханъ подступилъ къ Москвѣ—и случилось, чего ожидать надлежало: онъ велѣлъ зажечь предмѣстья. Утро было тихое, ясное.

Россіяне мужественно готовились къ битвѣ, но увидѣли себя объятыми пламенемъ: деревянные домы и хижины вспыхнули въ десяти разныхъ мѣстахъ. Небо омрачилось дымомъ; поднялся вихрь и чрезъ нѣсколько минутъ огненное, бурное море разлилось изъ конца въ конецъ города съ ужаснымъ шумомъ и ревомъ. Никакая сила человѣческая не могла остановить разрушенія: никто не думалъ тушить; народъ, воины, въ безпамятствѣ искали спасенія и гибли подъ развалинами пылающихъ зданій, или въ тѣснотѣ давили другъ друга, стремясь въ городъ, въ Китай, но, отовсюду гонимые пламенемъ, бросались въ рѣку и тонули. Начальники уже не повелѣвали, или ихъ не слушались: успѣли только завалить кремлевскія ворота, не впуская ни кого въ сіе послѣднее убѣжище спасенія, огражденное высокими стѣнами. Люди горѣли, падали мертвые отъ жара и дыма въ церквахъ каменныхъ. Татары хотѣли, но не могли грабить въ предмѣстіяхъ: огонь выгналъ ихъ, и самъ ханъ устрашенный симъ адомъ, удалился къ селу Коломенскому. Въ три часа не стало Москвы— ни посадовъ, ни Китая-города; уцѣлѣлъ одинъ кремль, гдѣ въ церкви Успенія Богоматери сидѣлъ митрополитъ Кириллъ съ святынею и съ казною; арбатскій любимый дворецъ Іоанновъ разрушился. Людей погибло невѣроятное множество: болѣе ста двадцати тысячъ воиновъ и гражданъ, кромѣ женъ, младенцевъ и жителей сельскихъ, бѣжавшихъ въ Москву отъ непріятеля, а всѣхъ около восьмисотъ тысячъ. Главный воевода, князь Бѣльскій, задохнулся въ погребѣ на своемъ дворѣ, также бояринъ Михайло Ивановичъ Вороной, первый докторъ Іоанновъ Арнольфъ Лензей и 25 лондонскихъ купцовъ. На пеплѣ бывшихъ зданій лежали груды обгорѣлыхъ труповъ, человѣческихъ и конскихъ. „Кто видѣлъ сіе зрѣлище",—пишутъ очевидцы: — „тотъ вспоминаетъ о немъ всегда съ новымъ ужасомъ и молитъ Бога не видать онаго вторично".

Девлетъ-Гирей совершилъ подвигъ: не хотѣлъ осаждать Кремля и, съ Воробьевыхъ горъ обозрѣвъ свое торжество, кучи дымящагося пепла на пространствѣ тридцати верстъ, немедленно рѣшился идти назадъ, испуганный, какъ увѣряютъ, ложнымъ слухомъ, что герцогъ или король Магнусъ приближается со многочисленнымъ войскомъ. Іоаннъ, въ Ростовѣ получивъ вѣсть объ удаленіи врага, велѣлъ князю Воротынскому идти за ханомъ, который однакожъ успѣлъ разорить большую часть юго-восточныхъ областей московскихъ и привелъ въ Тавриду болѣе ста тысячъ плѣнниковъ. Не имѣя великодушія быть утѣшителемъ своихъ подданныхъ въ страшномъ бѣдствіи, боясь видѣть театръ ужаса и слезъ, царь не хотѣлъ ѣхать на пепелище столицы: возвратился въ слободу и далъ указъ очистить московскія раз-

валины отъ гніющихъ труповъ. Хоронить было некому: только знатныхъ или богатыхъ погребали съ христіанскими обрядами; тѣлами другухъ наполнили Москву-рѣку, такъ что ея теченіе пресѣклось: они лежали грудами, заражая ядомъ тлѣнія и воздухъ и воду, а колодези осушились или были засыпаны; остальные жители изнемогали отъ жажды. Наконецъ собрали людей изъ окрестныхъ городовъ, вытаскали трупы изъ рѣки и предали ихъ землѣ.—Такимъ образомъ фіалъ гнѣва небеснаго излился на Россію. Чего не доставало къ ея бѣдствіямъ послѣ голода, язвы, огня, меча, плѣна и—тирана?

Теперь увидимъ, сколь тиранъ былъ малодушенъ въ семъ первомъ, важнѣйшемъ злоключеніи своего царствованія. 15 іюня онъ приблизился къ Москвѣ и остановился въ Братовщинѣ, гдѣ представили ему двухъ гонцовъ отъ Девлетъ-Гирея, который, выходя изъ Россіи, какъ величавый побѣдитель, желалъ съ нимъ искренно объясниться. Царь былъ въ простой одеждѣ; бояре и дворяне также, въ знакъ скорби или неуваженія къ хану. На вопросъ Іоанновъ о здравіи брата его, Девлетъ-Гирея, чиновникъ ханскій отвѣтствовалъ: „Такъ говоритъ тебѣ царь нашъ: Мы назывались друзьями; нынѣ стали непріятелями. Братья ссорятся и мирятся. Отдай Казань съ Астраханью, тогда усердно пойду на враговъ твоихъ“. Сказавъ, гонецъ явилъ дары ханскіе: ножъ, окованный золотомъ, и примолвилъ: „Девлетъ-Гирей носилъ его на бедрѣ своемъ: носи и ты. Государь мой еще хотѣлъ послать тебѣ коня, но кони наши утомились въ землѣ твоей“. Іоаннъ отвергнулъ сей даръ непристойный и велѣлъ читать Девлетъ-Гиреву грамоту: „Жгу и пустошу Россію, — писалъ ханъ,—единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги примѣняю къ праху. Я вездѣ искалъ тебя, въ Серпуховѣ и въ самой Москвѣ; хотѣлъ вѣнца и головы твоей; но ты бѣжалъ изъ Серпухова, бѣжалъ изъ Москвы — и смѣешь хвалиться своимъ царскимъ величіемъ, не имѣя ни мужества, ни стыда! Нынѣ узналъ я пути государства твоего: снова буду къ тебѣ, если не освободишь посла моего, безполезно томимаго неволею въ Россіи, если не сдѣлаешь, чего требую, и не дашь мнѣ клятвенной грамоты за себя, дѣтей и внучатъ своихъ“. Какъ же поступилъ Іоаннъ, столь надменный противъ христіанскихъ знаменитыхъ вѣнценосцевъ Европы? Билъ челомъ хану: обѣщалъ уступить ему Астрахань при торжественномъ заключеніи мира; а до того времени молилъ его не тревожить Россіи; не отвѣчалъ на слова бранныя и насмѣшки язвительныя; соглашался отпустить посла крымскаго, если ханъ отпуститъ Аѳанасія Нагого и пришлетъ въ Москву вельможу для дальнѣйшихъ переговоровъ. Дѣйствительно, готовый въ крайности отказаться отъ своего блестящаго

завоеванія, Іоаннъ писалъ въ Тавриду къ Нагому, что мы должны по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ ханомъ утверждать будущихъ царей астраханскихъ на ихъ престолѣ; то-есть желалъ сохранить тѣнь власти надъ сею державою. Измѣняя нашей государственной чести и пользѣ, онъ не усомнился измѣнить и правиламъ церкви: въ угодность Девлетъ-Гирею выдалъ ему тогда же одного знатнаго крымскаго плѣнника, сына княжескаго, добровольно принявшаго въ Москвѣ вѣру христіанскую; выдалъ на муку или на перемѣну закона, къ неслыханному соблазну для православія.

Унижаясь предъ врагомъ, Іоаннъ какъ бы обрадовался новому поводу къ душегубству въ бѣдной землѣ своей, и еще Москва дымилась, еще татары злодѣйствовали въ нашихъ предѣлахъ, а царь уже казнилъ и мучилъ подданныхъ! Мы видѣли, что измѣнники россійскіе вели Девлетъ-Гирея къ столицѣ: сею измѣною Іоаннъ могъ изъяснять успѣхъ непріятеля; могъ, какъ и прежде, оправдывать изступленія своего гнѣва и злобы; нашелъ и другую вину, не менѣе важную. Скучая вдовствомъ, хотя и не цѣломудреннымъ, онъ уже давно искалъ себѣ третьей супруги. Впаденіе ханское прервало сіе дѣло; когда же опасность миновалась, царь снова занялся онымъ. Изъ всѣхъ городовъ свезли невѣстъ въ Слободу, и знатныхъ и незнатныхъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ: каждую представляли ему особенно. Сперва онъ выбралъ 24, а послѣ 12, коихъ надлежало осмотрѣть доктору и бабкамъ; долго сравнивалъ ихъ въ красотѣ, въ пріятностяхъ, въ умѣ; наконецъ предпочелъ всѣмъ Мареу Васильеву Собакину, дочь купца новгородскаго, въ то же время избравъ невѣсту и для старшаго царевича, Евдокію Богданову Сабурову. Отцы счастливыхъ красавицъ изъ ничего сдѣлались боярами, дяди будущей царицы окольничими, братъ крайчимъ; возвысивъ, саномъ ихъ надѣлили и богатствомъ, и добычею опалъ, имѣніемъ, отнятымъ у древнихъ родовъ княжескихъ и боярскихъ. Но царская невѣста занемогла, начала худѣть, сохнуть; сказали, что она испорчена злодѣями, ненавистниками Іоаннова семейственнаго благополучія, и подозрѣніе обратилось на ближнихъ родственниковъ царицъ умершихъ, Анастасіи и Маріи. Разыскивали — вѣроятно, страхомъ и лестію домогались истины или клеветы. Не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ; знаемъ только, кто и какъ погибъ въ сію пятую эпоху убійствъ. Шуринъ Іоанновъ, князь Михайло Темгрюковичъ, суровый азіатецъ, но знатнѣйшій воевода, то гнуснѣйшій палачъ, осыпаемый и милостями и ругательствами, многократно обогощаемый и многократно лишаемый всего въ забаву царю, долженъ былъ съ полкомъ опричниковъ идти вслѣдъ за Девлетъ-Гиреемъ. Онъ выступилъ—и вдругъ, сраженный опалою, былъ посаженъ на колъ! Вельможу Ивана Петровича Яко-

влева (прощеннаго въ 1566 году), брата его Василія, бывшаго пѣстуномъ старшаго царевича, и воеводу Замятню Сабурова, родного племянника несчастной Соломониды, первой супруги отца Іоаннова, засѣкли, а боярина Льва Андреевича Салтыкова, постригли въ монахи Троицкой обители и тамъ умертвили. Открылись казни иного рода: злобный клеветникъ, докторъ Елисѣй Бомелій, о коемъ мы упоминали, предложилъ царю истреблять лиходѣевъ ядомъ и составлялъ, какъ увѣряютъ, губительное зеліе съ такимъ адскимъ искусствомъ, что отравляемый издыхалъ въ назначенную тираномъ минуту. Такъ Іоаннъ казнилъ одного изъ своихъ любимцевъ, Григорія Грязного, князя Ивана Гвоздева-Ростовскаго и многихъ другихъ, признанныхъ участниками въ отравленіи царской невѣсты или въ измѣнѣ, открывшей путь хану къ Москвѣ. Между тѣмъ царь женился (28 октября) на больной Маѳѣ, надѣясь, по его собственнымъ словамъ, спасти ее симъ дѣйствіемъ любви и довѣренности къ милости Божіей; чрезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокіи, но свадебные пиры заключились похоронами: Марфа 13 ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою человѣческой злобы или только несчастною виновницею казни безвинныхъ. Во всякомъ случаѣ царственный гробъ ея, стоящій подлѣ двухъ супругъ Іоанновыхъ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, есть предметъ умиленія и горестныхъ мыслей для потомства.

Утѣшенный местію, Іоаннъ искалъ дальнѣйшаго разсѣянія въ дѣлахъ государственныхъ. Боясь вторичнаго ханскаго нашествія и желая взять мѣры для безопасности Москвы, онъ уничтожилъ ея посады: всѣхъ купцовъ и мѣщанъ перевелъ оттуда въ городъ и запретилъ имъ строить высокіе деревянные домы, опасные въ случаѣ пожара; осмотрѣлъ, распорядилъ войско, велѣлъ касимовскому царю Саинъ-Булату съ передовою дружиною идти на шведовъ къ Орѣшку и самъ отправился въ Новгородъ. Казалось, что ему не легко было увидѣть сіе позорище лютыхъ казней, ужасное знаменіе его гнѣва, — то мѣсто, гдѣ, въ страшномъ безмолвіи людей, камни вопіяли на губителя,—мѣсто скорби, унынія, нищеты и болѣзней, которыя тамъ еще свирѣпствовали. Намѣстники новгородскіе велѣли собраться всѣмъ жителямъ предъ пустымъ, необитаемымъ дворомъ архіепископскимъ и читали имъ грамоту Іоаннову: царь писалъ, чтобы они были спокойны и готовили, по древнему обычаю, запасы для его прибытія. Очистили ему дворъ и садъ на Никитской улицѣ, поставили въ Софійской церкви новое мѣсто царское и надъ нимъ златого голубя, какъ бы въ знакъ примиренія и незлобія; обновили и мѣсто святительское въ семъ, безъ владыки осиротѣломъ храмѣ, взяли строгія мѣры для безопасности царскаго здравія: не велѣли хоронить

въ городѣ людей, умирающихъ отъ болѣзни заразительной; отвели для нихъ кладбище на берегу Волхова, близъ монастыря Хутынскаго; съ утра до ночи ходили стражи по улицамъ, осматривая домы и запирая тѣ, въ коихъ сей недугъ обнаруживался; не пускали къ больнымъ и священниковъ, угрожая тѣмъ и другимъ, въ случаѣ непослушанія, сожженіемъ на кострѣ. Сія жестокая строгость имѣла однакожъ благодѣтельное слѣдствіе: въ началѣ зимы духовенство объявило торжественно посланнику государеву, что моръ совершенно прекратился въ Новгородѣ — и 23-го декабря, для обрадованія жителей, пріѣхалъ къ нимъ новый архіепископъ Леонидъ, поставленный въ Москвѣ изъ архимандритовъ Чудовскаго монастыря; а на другой день и самъ государь съ дѣтьми своими и съ знатнѣйшими чиновниками. Еще дворъ Іоанновъ, несмотря на избіеніе столь многихъ вельможъ, казался пышнымъ и блестящимъ; еще являлись у трона мужи, украшенные сѣдиною и заслугами. Походную или воинскую Думу его составляли тогда бояре и князья Мстиславскій, Воротынскій, Пронскій, Трубецкій, Одоевскій, Сицкій, Шереметевъ и знатнѣйшій между ними Петръ Тутаевичъ Шийдяковъ Ногайскій, окольничій Василій Собакинъ, думные дворяне Малюта Скуратовъ и Черемисиновъ, печатникъ Олферьевъ, дьяки Андрей и Василій Яковлевы Щелкаловы, главные дѣльцы по смерти злосчастнаго Ивана Михайловича Висковатаго. Полки собирались въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ, чтобы воевать вмѣстѣ и Финляндію и Эстонію, въ отмщеніе королю шведскому за неисполненіе Эрикова безумнаго договора и за неудачу Магнуса подъ Ревелемъ.

Но пепелъ Москвы, оскудѣніе Россіи и новыя опасенія со стороны хана склоняли Іоанна къ миролюбію: онъ хотѣлъ только мира честнаго. Послы шведскіе были сосланы въ Муромъ; ихъ привезли въ Новгородъ, гдѣ объявили имъ условія царской милости. Іоаннъ требовалъ, чтобы король заплатилъ 10,000 ефимковъ за оскорбленіе Воронцова и Наумова въ Стокгольмѣ, уступилъ намъ всю Эстонію и серебряные рудники въ Финляндіи, заключилъ съ царемъ союзъ противъ Литвы и Даніи, а въ случаѣ войны давалъ ему 1,000 конныхъ и 500 пѣшихъ ратниковъ; наконецъ, чтобы король именовалъ его въ грамотахъ властителемъ Швеціи и прислалъ въ Москву свой гербъ для изображенія онаго на печати царской! Послы, изнуренные жестокою неволею, страшились досадить Іоанну какъ за себя, такъ и за слабую Швецію, угрожаемую нападеніемъ сильнаго войска; молили царевичей и бояръ убѣдить государя, чтобы онъ унялъ свой мечъ, отпустилъ ихъ къ королю и согласился мирно ждать отвѣта; говорили, что въ Финляндіи нѣтъ серебряной руды; что Швеція есть земля бѣдная и не въ силахъ помогать войскомъ. Пред-

ставленные Іоанну, они пали ницъ: царь велѣлъ имъ встать и сказалъ: „Я владыка христіанскій и не хочу земного себѣ поклоненія; исчислилъ вины короля, повторилъ свои требованія и примолвилъ: „да исполнитъ волю нашу, или увидимъ, чей мечъ острѣе“. Далѣе объявилъ имъ, что онъ, требуя Екатерины отъ Эрика, считалъ ее вдовою бездѣтною, слѣдственно, не нарушалъ тѣмъ устава божественнаго; хотѣлъ единственно имѣть надежный залогъ для усмиренія Сигизмунда. Послы увѣряли, что король во всемъ исправится и добьетъ челомъ царю за вину свою; обѣдали съ нимъ, и подписали грамоту, въ коей сказано, что великій государь россійскій премѣнилъ гнѣвъ на милость къ Швеціи и согласился не воевать ея владѣній до Троицына дня, съ условіемъ, чтобы король прислалъ къ сему времени другихъ пословъ въ Новгородъ, а съ ними 10,000 ефимковъ за обиду Воронцова и Наумова, 200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по нѣмецкому чину, на службу московскую и нѣсколько искусныхъ металлурговъ; чтобы онъ свободно пропускалъ въ Россію мѣдь, олово, свинецъ, нефть, сѣру, также медиковъ, художниковъ, людей воинскихъ. Въ ласковой бесѣдѣ съ епископомъ абовскимъ бояре разспрашивали о лѣтахъ, умѣ и дородствѣ юной сестры королевской; изъявили желаніе имѣть ея живописный образъ и дали чувствовать, что царь можетъ на ней жениться. Наконецъ отпустили пословь въ Стокгольмъ съ честію и съ письмомъ къ королю. Іоаннъ писалъ: „Ничѣмъ не умолишь меня, если не откажешься отъ Ливоніи. Надежда твоя на цесаря есть пустая. Говори, что хочешь; но словами не защитишь земли своей“. Тогда царь объявилъ войску, что непріятельскія дѣйствія отлагаются изъ уваженія къ челобитью шведовъ и, пробывъ 26 дней въ Новгородѣ, не сдѣлавъ тамъ никому зла, возстановивъ, къ удовольствію жителей, старинный обычай судныхъ поединковъ, давъ имъ въ намѣстники первостепеннаго боярина князя Мстиславскаго и Пронскаго — 18 января выѣхалъ оттуда, провождаемый благословеніями народа.

Первымъ дѣломъ его, по возвращеніи въ Москву или Александровскую слободу, было неслыханное дотолѣ въ Россіи церковное беззаконіе. Онъ въ четвертый разъ женился на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской, дѣвицѣ весьма не знатной, не разсудивъ за благо требовать святительскаго благословенія; но немедленно усовѣстился, созвалъ епископовъ и молилъ ихъ утвердить сей бракъ. Митрополитъ Кириллъ въ то время преставился; на соборѣ первенствовалъ новгородскій архіепископъ Леонидъ, корыстолюбецъ, угодникъ мірской власти. Такъ Іоаннъ говорилъ святителямъ (торжественно, въ храмѣ Успенія): „Злые люди чародѣйствомъ извели первую супругу мою, Анастасію. Вторая,

княжна Черкасская, также была отравлена и въ мукахъ, въ терзаніяхъ отошла ко Господу. Я ждалъ немало времени и рѣшился на третій бракъ, отчасти для нужды тѣлесной, отчасти для дѣтей моихъ, еще не достигшихъ совершеннаго возраста: юность ихъ претила мнѣ оставить міръ, а жить въ мірѣ безъ жены соблазнительно. Благословенный митрополитомъ Кирилломъ я долго искалъ себѣ невѣсты, испытывалъ, наконецъ избралъ; но зависть, вражда погубили Мареу, только именемъ царицу; еще въ невѣстахъ она лишилась здравія и чрезъ двѣ недѣли супружества преставилась дѣвою. Въ отчаяніи, въ горести я хотѣлъ посвятить себя житію иноческому; но видя опять жалкую младость сыновей и государство въ бѣдствіяхъ, дерзнулъ на четвертый бракъ. Нынѣ, припадая съ умиленіемъ, молю святителей о разрѣшеніи и благословеніи". Такое смиреніе великаго царя, какъ сказано въ дѣяніяхъ сего собора, глубоко тронуло архіепископовъ и епископовъ: они проливали слезы, болѣзнуя о винѣ и виновномъ. Читали Уставъ вселенскихъ соборовъ; разсуждали и положили утвердить бракъ, ради теплаго, умильнаго покаянія государева, съ заповѣдью не входить Іоанну въ храмъ до Пасхи, только въ сей день причаститься святыхъ тайнъ, годъ стоять въ церкви съ припадающими, годъ съ вѣрными и вкушать антидоръ единственно въ праздники; но въ случаѣ воинскаго похода увольняли его отъ сей эпитиміи: брали ее на себя, между тѣмъ обязывались молиться за царицу Анну—и дабы беззаконіе царя не было соблазномъ для народа, то грозили ужасною церковною клятвою всякому, кто, подобно Іоанну, дерзнетъ взять четвертую жену. Кромѣ Леонида, грамоту разрѣшительную подписали архіепископы Корнилій ростовскій и Антоній полоцкій, семь епископовъ, нѣсколько архимандритовъ и знатнѣйшихъ игуменовъ. Успокоивъ Іоаннову совѣсть, они занялись и другимъ важнымъ дѣломъ: избрали митрополита: сей чести удостоился архіепископъ Антоній.

Между тѣмъ, желая мира, но готовясь къ войнѣ – требуя всѣхъ дѣтей боярскихъ на службу, укрѣпляя города южные, Волховъ, Орелъ, незадолго до сего времени основанный въ степи,—Іоаннъ имѣлъ переговоры съ разными державами. Онъ возобновилъ союзъ съ королевою Елисаветою, бывъ недоволенъ ея холодностію къ объявленному имъ намѣренію искать убѣжища въ Англіи и едва не выгнавъ изъ Россіи лондонскихъ купцовъ, обвиняемыхъ въ беззаконномъ корыстолюбіи. Чтобы умилостивить царя, Елисавета въ четвертый разъ прислала къ нему Дженкинсона, съ увѣреніями въ дружествѣ искреннемъ и неизмѣнномъ. „Для чего же королева—сказалъ Іоаннъ,—занимаясь единственно выгодами англійской торговли, не оказала живого участія въ обстоятель-

ствахъ рѣшительныхъ для судьбы моей? Знаю, что торговля важна для государства, но собственныя дѣла царскія еще важнѣе купеческихъ". Дженкинсонъ оправдывалъ Елисавету, виня худыхъ переводчиковъ, которые не умѣли истолковать ея словъ, одушевленныхъ любовію къ царю; спрашивалъ о преступленіи купцовъ лондонскихъ, исчислилъ ихъ услуги; доказывалъ, что они, исполняя волю королевы, содѣйствовали успѣхамъ нашего оружія въ Ливоніи, не давъ сѣвернымъ державамъ заградить морского пути въ Нарву и лишить Россію выгодъ балтійской торговли. Іоаннъ смягчился, объявилъ милость всѣмъ англичанамъ; не хотѣлъ говорить о винѣ ихъ, сказавъ: „Кого прощаю, того уже не виню. Будемъ друзьями, какъ были. Прежняя тайна останется тайною. Теперь иныя обстоятельства; а въ случаѣ нужды откроюсь возлюбленной сестрѣ моей Елисаветѣ съ полною довѣренностію". То есть, искоренивъ мнимыхъ внутреннихъ враговъ, онъ уже не мыслилъ о бѣгствѣ въ Лондонъ. Снова исходатайствовавъ для купцовъ своихъ милостивое дозволеніе торговать въ Россіи, предложивъ основать контору въ Астрахани для мѣны съ Персіею и гостиный дворъ въ Холмогорахъ, Дженкинсонъ требовалъ еще: 1) свободнаго отпуска англійскихъ художниковъ и ремесленниковъ изъ Москвы въ Лондонъ; 2) платежа за товары, взятые у англичанъ въ долгъ нѣкоторыми опальными, казненными дворянами царскими, и 3) за все, что сгорѣло у сихъ купцовъ во время московскаго пожара. Сіи требованія, кажется, были непріятны Іоанну; онъ сказалъ, что иноземцы вольны жить или не жить у насъ; что велитъ справиться о долгахъ, а впредь не хочетъ объ нихъ слышать; что государь не отвѣтствуетъ за огонь и за гнѣвъ Божій, который обратилъ Москву въ пепелъ. Дженкинсона отпустили съ честію и съ ласковымъ письмомъ къ Елисаветѣ.

Въ новыхъ сношеніяхъ съ Даніею и съ Литвою Іоаннъ слѣдовалъ старымъ правиламъ гордой непреклонности. Король Фридерикъ не давалъ ему знать о своемъ мирѣ съ Швеціею, не изъявлялъ ни малѣйшаго участія въ судьбѣ Магнуса, но увѣрялъ царя въ неизмѣнномъ дружествѣ; жаловался, что россіяне отнимаютъ отъ норвежцевъ земли и рыбныя ловли; просилъ опасной грамоты для пословъ императора Максиміліана, ѣдущихъ въ Москву за важнымъ дѣломъ. Царь сказалъ: „Фридерикъ хорошо дѣлаетъ, что желаетъ намъ быть вѣрнымъ другомъ до конца жизни; но то не хорошо, что безъ нашего велѣнія мирится съ непріятелемъ Россіи. Да исправится; да стоитъ съ нами заедино; да убѣдитъ шведовъ повиноваться волѣ моей. О дѣлахъ норвежскихъ развѣдаемъ и не замедлимъ въ управѣ. Пословъ брата нашего, Максиміліана, ожидаемъ: имъ путь сво-

боденъ сюда и отсюда". Сигизмундовъ посланникъ Гарабурда объявилъ Іоанну, что во многихъ нѣмецкихъ городахъ ходятъ отъ его имени письма бранныя, весьма оскорбительныя для короля, исполненныя лжи и нелѣпостей; что царь долженъ торжественно отказаться отъ сихъ злобою разсѣянныхъ клеветъ; что герцогъ Магнусъ съ помощію россіянъ воевалъ королевскія мызы; что мы въ противность договору заняли Тарвастъ; что Сигизмундъ желалъ бы охотно уступить намъ нѣкоторые изъ ливонскихъ городовъ за Полоцкъ. Дьякъ царскій Андрей Щелкаловъ отвѣтствовалъ, что бранныя письма о королѣ сочинены нѣмцами, Таубе и Крузе, въ опроверженіе Сигизмундова злословія, какъ они доносили Іоанну; что сіи два негодяя бѣжали въ Литву, что королю должно прислать ихъ въ Москву для казни и что тогда царь немедленно извѣститъ всѣхъ государей европейскихъ о подлогѣ оскорбительныхъ для Сигизмунда грамотъ; что Тарвастъ занятъ нами, ибо онъ нашъ; что Магнусъ воевалъ не польскія, а шведскія владѣнія; что если король уступитъ Россіи всю Ливонію, то мы готовы уступить ему и Полоцкъ и Курляндію; что Іоаннъ для дѣла, столь важнаго, будетъ ждать великихъ пословъ королевскихъ во Псковѣ, ибо царь опять уѣхалъ въ Новгородъ, чтобы заключить миръ или воевать съ Швеціею презираемою, въ то время, когда, не имѣя вѣстей изъ Тавриды, могъ угадывать злое намѣреніе хана; когда уже носился слухъ о близости его новаго нашествія; когда безопасность и Москвы и Россіи требовала царскаго присутствія въ столицѣ, возникающей изъ пепла, слабой, робкой въ ужасныхъ воспоминаніяхъ своего недавняго бѣдствія! Іоаннъ какъ бы искалъ единственно личной безопасности въ странѣ отдаленной: послалъ въ Новгородъ 450 возовъ съ казною; взялъ туда съ собою и юную супругу, обоихъ сыновей, царевича Михаила (Кайбулина сына), молдавскаго воеводича Стефана и волошскаго Радула, братьевъ царицы, Григорія и Александра Колтовскихъ, немногихъ бояръ, всѣхъ любимцевъ, лучшихъ дьяковъ и войско отборное, а на случай осады (слѣдственно имъ предвидѣнной)! ввѣрилъ защиту Москвы князьямъ Юрію Токмакову и Тимоѳею Долгорукову. Но осталось войско и въ полѣ: знаменитый мужъ князь Михайло Воротынскій съ достойными товарищами, съ бояриномъ Шереметевымъ, съ князьями Никитою Одоевскимъ, Андреемъ Хованскимъ, стояли на Окѣ, чтобы ждать, отразить хана. Государь далъ имъ и свою семитысячную дружину нѣмецкую съ ея предводителемъ Георгіемъ Фаренсбахомъ; только самъ былъ уже далеко!

Пріѣхавъ въ Новгородъ, Іоаннъ усилилъ войско въ Дерптѣ, Феллинѣ, Лаисѣ; ждалъ вѣстей отъ короля шведскаго и писалъ

къ Сигизмунду, что успѣхъ государственныхъ дѣлъ зависитъ отъ выбора людей, что кастелянъ троицкій Евстафій Воловичъ и писарь Михайло Гарабурда скорѣе всѣхъ иныхъ литовскихъ пановъ могутъ доставить своему отечеству надежный миръ съ Россіею. Король не хотѣлъ, кажется, исполнить желаніе Іоанново, отвѣтствуя, что послами его будутъ сановники равной знатности съ Воловичемъ и съ Гарабурдою. Сіе письмо было послѣднимъ Сигизмундовымъ словомъ къ царю: онъ умеръ 18-го іюля, давъ совѣтъ вельможамъ предложить корону Ягеллоновъ государю россійскому. По крайней мѣрѣ они спѣшили извѣстить царя о Сигизмундовой смерти, обѣщая немедленно вступить съ нимъ въ важные переговоры. Открылись новые, благопріятные виды для честолюбія Іоаннова... Но въ сіе время онъ думалъ болѣе о спасеніи своего царства, нежели о пріобрѣтеніи чуждаго.

Еще недовольный ни разореніемъ московскихъ областей, ни униженіемъ гордаго Іоанна и въ надеждѣ вторично обогатиться плѣнниками безъ сраженія, убивать только безоружныхъ, достигнуть нашей столицы безъ препятствія, даже свергнуть, изгнать царя, варваръ Девлетъ-Гирей молчалъ, отдыхалъ, не разсѣдлывая коней, и вдругъ, сказавъ уланамъ, князьямъ, вельможамъ, что лучше не тратить времени въ перепискѣ лживой, а рѣшить дѣло объ Астрахани и Казани съ государемъ московскимъ изустно, лицомъ къ лицу, устремился старымъ, знакомымъ ему путемъ къ Дону, къ Угрѣ, сквозь безопасныя для него степи, мимо городовъ обожженыхъ, чрезъ пепелъ разрушенныхъ селъ, съ войскомъ, какого послѣ Мамая, Тохтамыша, Ахмета не собирали ханы—съ ногаями, съ султанскими янычарами, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Малочисленные россіяне сидѣли въ крѣпостяхъ неподвижно; въ полѣ изрѣдка являлись всадники не для битвы, а для наблюденій. Ханъ уже видѣлъ Оку предъ собою—и тутъ увидѣлъ, наконецъ, войско московское: оно стояло на лѣвомъ берегу ея, въ трехъ верстахъ отъ Серпухова, въ окопахъ подъ защитою многихъ пушекъ. Сіе мѣсто считалось самымъ удобнѣйшимъ для переправы; но ханъ, занявъ россіянъ жаркою пальбою, сыскалъ другое; менѣе оберегаемое, и въ слѣдующій день уже былъ на лѣвомъ берегу Оки, на московской дорогѣ... Іоаннъ узналъ о семъ 31-го іюля въ Новгородѣ, гдѣ онъ, скрывая внутреннее безпокойство души, пировалъ въ монастыряхъ съ боярами, праздновалъ свадьбу шурина своего Григорія Колтовскаго и топилъ въ Волховѣ дѣтей боярскихъ. Еще имѣя полки, но, уже не имѣя времени защитить ими столицу, царь праздно ждалъ дальнѣйшихъ вѣстей, а Москва трепетала, слыша, что ханъ уже назначилъ въ ея стѣнахъ домы для вельможъ крымскихъ. Насталъ часъ рѣшить, справедливо ли государь гнѣвный всегда обвинялъ

полководцевъ россійскихъ въ малодушіи, въ нерадѣніи, въ холодности ко благу и ко славѣ отечества!

Воротынскій, кинувъ укрѣпленія безполезныя, ринулся за непріятелемъ, гналъ его по пятамъ, настигъ, остановилъ, принудилъ къ битвѣ, 1-го августа, въ пятидесяти верстахъ отъ столицы, у Воскресенія, въ Молодяхъ. У хана было 120,000 воиновъ; у нашихъ гораздо менѣе. Первымъ надлежало побѣдить и для того, чтобы взять Астрахань съ Казанью, и для того, чтобы спастися или открыть себѣ свободный путь назадъ, въ отдаленные свои улусы; а россіяне стояли за все, что могли еще любить въ жизни: за вѣру, отечество, родителей, женъ и дѣтей! Москва безъ Іоанна тѣмъ болѣе умиляла ихъ сердца жалостію, возставъ изъ пепла какъ бы единственно для новаго разрушенія. Вступили въ бой на-смерть съ обѣихъ сторонъ. Берега Лопасни и Рожая облилися кровію. Стрѣляли, но болѣе сѣклись мечами въ схваткѣ отчаянной; давили другъ друга, хотѣли побѣдить дерзостію, упорствомъ. Но князь Воротынскій и бился и наблюдалъ: устроивалъ, ободрялъ своихъ, вымышлялъ хитрости; заманивалъ татаръ въ мѣста, гдѣ они валились грудами отъ дѣйствія скрытыхъ имъ пушекъ—и когда обѣ рати, двигаясь взадъ и впередъ, утомились, начали слабѣть, невольно ждали конца дѣлу, сей потомъ и кровію орошенный воевода зашелъ узкою долиною въ тылъ непріятелю. Битва рѣшилась. Россіяне побѣдили; ханъ оставилъ имъ въ добычу обозы, шатры, собственное знамя свое; ночью бѣжалъ въ степи и привелъ въ Тавриду не болѣе двадцати тысячъ всадниковъ, какъ увѣряютъ. Лучшіе князья его пали, а знатнѣйшій храбрецъ невѣрныхъ, бичъ, губитель христіанъ Дивій, мурза ногайскій, отдался въ плѣнъ суздальскому витязю Алалыкину. Сей день принадлежитъ къ числу великихъ дней нашей воинской славы: россіяне спасли Москву и честь, утвердили въ нашемъ подданствѣ Астрахань и Казань, отмстили за пепелъ столицы, и если не навсегда, то по крайней мѣрѣ надолго уняли крымцевъ, наполнивъ ихъ трупами нѣдра земли между Лопаснею и Рожаемъ, гдѣ донынѣ стоятъ высокіе курганы, памятники сей знаменитой побѣды и славы князя Михайла Воротынскаго.

6-го августа привезли радостную вѣсть въ Новгородъ. Сановникъ Давыдовъ и князь Ногтевъ, свидѣтели, участники побѣды, съ лицомъ веселымъ, какого уже давно не видалъ Іоаннъ предъ собою, вручили ему трофеи: два лука, двѣ сабли Девлетъ-Гиреевы; смиренно били челомъ отъ воеводъ доблихъ, которые всю славу приписывали Богу и государю. Чуждый умиленія благодарности, онъ былъ счастливъ концомъ своего мучительнаго страха: осыпалъ вѣстниковъ и воеводъ милостями, велѣлъ звонить въ колокола, пѣть молебны день и ночь, три дня сряду, и въ обли-

ченіе своего малодушія—въ доказательство, что не Ливонія, не Швеція, но боязнь ханскаго нашествія заставила его оставить Москву—спѣшилъ возвратиться въ столицу, съ супругою, съ царевичами, со всѣмъ дворомъ, чтобы принять благодарность народа за спасеніе отечества...

Предъ выѣздомъ изъ Новгорода, Іоаннъ написалъ грозное письмо къ королю шведскому. „Думая, говорилъ онъ, что ты и земля твоя, казненная вашимъ гнѣвомъ, уже образумились, я ждалъ пословъ отъ тебя: они не ѣдутъ, и ты распускаешь слухъ, будто я прошу у васъ мира!.. Тебѣ не жаль земли шведской; надѣешься на свое богатство!.. Спроси, что было хану крымскому отъ воеводъ моихъ! Мы ѣдемъ нынѣ въ Москву, а къ декабрю будемъ опять въ Великомъ Новгородѣ. Тогда увидишь, какъ царь россійскій и его войско просятъ мира у шведовъ“.

ГЛАВА IV.

Г. 1572 — 1577.

Уничтоженіе опричнины. —Годуновъ.—Дѣла крымскія.—Сношенія съ Литвою.—Война въ Эстоніи.—Бунтъ въ Казанской области.—Бракъ Магнуса.—Перемиріе съ Швеціею.—Дѣла Польскія.—Союзъ съ Австріею.—Избраніе Баторія въ короли.—Война Ливонская.—Измѣна Магнусова.—Письмо къ Курбскому.—Шестая эпоха казней.—Мѣстничества.—Примѣръ вѣрности.—Пятое и шестое супружество Іоанново.

Іоаннъ въѣхалъ въ Москву съ торжествомъ и славою. Все ему благопріятствовало. Бѣдствія, опасности и враги исчезли. Смертоносныя болѣзни и голодъ прекратились въ Россіи. Ханъ смирился. Султанъ уже не мыслилъ о войнѣ съ нами. Литва, Польша, сиротствуя безъ короля, нелицемѣрно искали Іоанновой дружбы. Швеція не имѣла ни силъ, ни устройства а царь, оставивъ въ Ливоніи рать многочисленную, нашелъ въ Москвѣ 70,000 побѣдителей, готовыхъ къ новымъ побѣдамъ. Но и безъ оружія, безъ кровопролитія онъ могъ совершить дѣло великое, исполнить важный замыселъ своего отца, возвратить, чего мы лишились въ злосчастныя времена Батыевы, и еще соединить съ Россіею древнее достояніе Піастовъ,—то-есть вслѣдствіе мирнаго, добровольнаго избранія быть королемъ польскимъ. Одинъ внутренній мятежъ сердца злобнаго мѣшалъ Іоанну наслаждаться сими лестными для его честолюбія видами; но казалось, что Небо, избавивъ Россію отъ язвы и голода, хотѣло тогда смягчить и душу ея царя.

Безпримѣрными ужасами тиранства испытавъ неизмѣнную вѣрность народа; не видя ни тѣни сопротивленія, ни тѣни опасностей для мучительства; истребивъ гордыхъ, самовластныхъ друзей Адашева, главныхъ сподвижниковъ своего добраго царствованія; передавъ ихъ знатность и богатство сановникамъ новымъ, безмолвнымъ, ему угоднымъ: Іоаннъ, къ внезапной радости подданныхъ, вдругъ уничтожилъ ненавистную опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лѣтъ терзала внутренность государства. По крайней мѣрѣ исчезло сіе страшное имя съ его гнуснымъ символомъ, сіе безумное раздѣленіе областей, городовъ, двора, приказовъ, воинства. Опальная земщина назвалась опять Россіею. Кромѣшники разоблачились, стали въ ряды обыкновенныхъ царедворцевъ, государственныхъ чиновниковъ, воиновъ, имѣя уже не атамана, но царя, единаго для всѣхъ россіянъ, которые могли надѣяться, что время убійствъ и грабежа миновало, что мѣра золъ исполнилась, и горестное отечество успокоится подъ сѣнію власти законной.

Нѣкоторыя дѣйствія правосудія, совершенныя Іоанномъ въ сіе время, безъ сомнѣнія, также питали надежду добрыхъ. Объявивъ непріятелей великодушнаго іерарха Филиппа наглыми клеветниками, онъ заточилъ соловецкаго игумена, лукаваго Паисія, на дикій островъ Валаамъ; безсовѣстнаго Филоѳея, епископа рязанскаго, лишилъ святительства; чиновника Стефана Кобылина, жестокаго, грубаго пристава Филиппова, сослалъ въ монастырь Каменнаго острова и многихъ иныхъ пособниковъ зла съ гнѣвомъ удалилъ отъ лица своего, къ утѣшенію народа, который въ ихъ бѣдствіи видѣлъ доказательство, что Богъ не предалъ Россіи въ жертву слѣпому случаю; что есть Всевышній Мститель, законъ и правда небесная!

Оставался еще одинъ, но главный изъ клевретовъ тиранства, Малюта Григорій Лукьяновичъ Скуратовъ-Бѣльскій, наперсникъ Іоанновъ до гроба: онъ жилъ вмѣстѣ съ царемъ и другомъ своимъ для суда за предѣлами сего міра. Любовь къ нему государева (если тираны могутъ любить!) начинала тогда возвышать и благороднаго юношу, зятя его, свойственника первой супруги отца Іоаннова, Бориса Ѳедоровича Годунова, въ коемъ уже зрѣли и великія добродѣтели государственныя, и преступное властолюбіе. Въ сіе время ужасовъ юный Борисъ, украшенный самыми рѣдкими дарами природы, сановитый, благолѣпный, прозорливый, стоялъ у трона окровавленнаго, но чистый отъ крови, съ тонкою хитростію избѣгая гнуснаго участія въ смертоубійствахъ, ожидая лучшихъ временъ, и среди звѣрской опричнины сіяя не только красотою, но и тихостію нравственною, наружно увѣтливый, внутренно неуклонный въ своихъ дальновидныхъ

замыслахъ. Болѣе царедворецъ, нежели воинъ, Годуновъ являлся подъ знаменами отечества единственно при особѣ монарха, въ числѣ его первыхъ оруженосцевъ и, еще, не имѣя никакого знатнаго сана, уже былъ на Іоанновой свадьбѣ (въ 1571 году) дружкою царицы Маѳы, а жена его, Марія, свахою, что служило доказательствомъ необыкновенной къ нему милости государевой. Можетъ быть, хитрый честолюбецъ Годуновъ, желая имѣть право на благодарность отечества, содѣйствовалъ уничтоженію опричнины, говоря не именемъ добродѣтели опальной, но именемъ снисходительной, непротивной тиранамъ политики, которая спускаетъ имъ многое, осуждаемое вѣрою и нравственностію, но будто бы нужное для ихъ личнаго, особеннаго блага, отвергая единственно зло безполезное въ семъ смыслѣ: ибо царь не исправился, какъ увидимъ, и, сокрушивъ любезное ему дотолѣ орудіе мучительства, остался мучителемъ!

Довольный расположеніемъ признательнаго народа, свободный отъ стыда и боязни, Іоаннъ, по возвращеніи въ столицу, величаво принялъ гонца ханскаго. Девлетъ-Гирей писалъ, что онъ совсѣмъ не думалъ воевать Россіи, а ходилъ къ Москвѣ единственно для заключенія мира; что наши воеводы хвалятся побѣдою мнимою, вымышленною; что ногаи, утомивъ коней своихъ, слезами убѣдили его идти назадъ, и что бывшія маловажныя сшибки доказали превосходное мужество крымцевъ, а не россіянъ. „Долго ли, — говорилъ ханъ, — враждовать намъ за Астрахань и Казань? Отдай ихъ, и мы друзья навѣки. Тѣмъ спасешь меня отъ грѣха: ибо, по нашимъ книгамъ, не можемъ оставить царствъ мусульманскихъ въ рукахъ у невѣрныхъ. Казны твоей не требуемъ: съ одной стороны у насъ Литва, съ другой—Черкасы: станемъ ихъ воевать по сосѣдству и не будемъ голодны“. Онъ просилъ хотя одной Астрахани; но Іоаннъ отвѣтствовалъ ему уже какъ побѣдитель: „Удаляясь отъ кровопролитія, мы доселѣ тѣшили брата своего Девлетъ-Гирея, но ничемъ не утѣшили. Его требованія безразсудны. Нынѣ видимъ противъ себя одну саблю, Крымъ; а если отдадимъ хану завоеванное нами, то Казань будетъ вторая сабля, Астрахань третья, ногаи четвертая“. Девлетъ-Гирей, отпустивъ, наконецъ, знаменитаго Россійскаго посла Аѳанасія Нагого въ Москву, желалъ, чтобы государь освободилъ и крымскаго, Янъ-Болдыя, который 17 лѣтъ томился у насъ въ неволѣ; но сей вельможа ханскій, получивъ свободу, не успѣлъ ею воспользоваться и кончилъ жизнь въ Дорогобужѣ. Одинъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Василій Грязной, былъ взятъ крымцами въ разъѣздѣ на Молошныхъ Водахъ: ханъ предлагалъ царю обмѣнять сего плѣнника на мурзу Дивія. Іоаннъ не согласился, хотя и жалѣлъ о судьбѣ Грязного, хотя и писалъ къ

нему дружественныя письма, въ коихъ, по своему характеру, милостиво издѣвался надъ его заслугами, говоря: „Ты мыслилъ, что воевать съ крымцами такъ же легко, какъ шутить за столомъ моимъ. Они не вы: не дремлютъ въ землѣ непріятельской и не твердятъ безпрестанно: время домой! Какъ вздумалось тебѣ назваться знатнымъ человѣкомъ? Правда, что мы, окруженные боярами измѣнниками, должны были, удаливъ ихъ, приблизить васъ, низкихъ рабовъ, къ лицу нашему; но не забывай отца и дѣда своего! Можешь ли равняться съ Дивіемъ? Свобода возвратитъ тебѣ мягкое ложе, а ему мечъ на христіанъ. Довольно, что мы, жалуя рабовъ усердныхъ, готовы искупить тебя нашею казною“.—„Нѣтъ, государь,—писалъ въ отвѣтъ Василій Грязной, рабъ умомъ и душою, хвастливый и подлый:—я не дремалъ въ землѣ непріятельской: исполняя приказъ твой, добывалъ языковъ для безопасности русскаго царства; не вѣрилъ другимъ, самъ день и ночь бодрствовалъ. Меня взяли израненнаго, полумертваго, оставленнаго робкими товарищами. Въ бою я губилъ враговъ христіанства, а въ плѣну твоихъ измѣнниковъ: никто изъ нихъ не остался здѣсь въ живыхъ; всѣ тайно пали отъ руки моей! Шутилъ я за столомъ государевымъ, чтобы веселить государя; нынѣ же умираю за Бога и за тебя; еще дышу, но единственно по особенной милости Божіей, и то изъ усердія къ твоей службѣ, да возвращуся вновь тѣшить царя моего. Я тѣломъ въ Крыму, а душою у Бога и у тебя. Не боюся смерти: боюся только опалы“. Имѣя нужду въ такихъ людяхъ для своей забавы и (какъ онъ думалъ) безопасности, Іоаннъ выкупилъ Грязного за 2,000 рублей, а Дивій умеръ невольникомъ въ Новгородѣ, къ сожалѣнію царя, ибо ханъ готовъ былъ клятвенно утвердить союзъ съ нами, для освобожденія сего важнаго плѣнника, уже не требуя Астрахани. Между тѣмъ гонцы московскіе ѣздили въ Крымъ съ дружескими письмами не столько для заключенія мира, сколько для вѣстей, которыя были весьма благопріятны для спокойствія Россіи: ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ Тавридѣ; казаки донскіе и днѣпровскіе непрестанными набѣгами опустошали улусы ея, первые взяли даже Азовъ, и хотя не могли въ немъ удержаться, но сей смѣлостію изумили Константинополь. Ханъ жилъ въ непрестанной тревогѣ: боялся гнѣва султанскаго и внутренняго мятежа; слышалъ о намѣреніи вельможъ литовскихъ возвести Іоанна на престолъ ихъ отечества и страшился новаго могущества Россіи.

Сіи обстоятельства, утверждая безопасность нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ, дозволяли царю свободно заниматься иными важными дѣлами его внѣшней политики. Вельможи коронные и литовскіе убѣждали Іоанна изъ жалости къ осиротѣлому ихъ го-

сударству не тревожить онаго никакими воинскими дѣйствіями, ни самой Ливоніи, до будущаго вѣчнаго мира. Призвавъ къ себѣ литовскаго посланника Воропая, онъ торжественно изъявилъ ему желаніе быть Сигизмундовымъ преемникомъ, хвалился могуществомъ и богатствомъ, искренно винился въ своей жестокости, но извинялъ ее, какъ обыкновенно, вѣроломствомъ бояръ. Сія любопытная рѣчь, ознаменованная какимъ-то искусственнымъ простосердечіемъ, снисхожденіемъ, умѣренностію принадлежитъ къ достопамятнымъ изображеніемъ ума Іоаннова. Царь сказалъ посланнику: „Ѳеодоръ! ты извѣстилъ меня отъ имени пановъ о кончинѣ брата моего Сигизмунда-Августа, о чемъ я хотя уже и прежде слышалъ, но не вѣрилъ; ибо насъ, государей христіанскихъ, часто объявляютъ умершими; а мы, по волѣ Божіей, все еще живемъ и здравствуемъ. Теперь вѣрю и сожалѣю, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ не оставилъ ни брата ни сына, который могъ бы радѣть о душѣ его и доброй памяти; оставилъ двухъ сестеръ: одну замужемъ (но какова жизнь ея въ Швеціи?—къ несчастію, всѣмъ извѣстно); другую въ дѣвицахъ, безъ заступника, безъ покровителя — но Богъ ея покровитель! Вельможные паны теперь безъ главы, хотя у васъ и много головъ, но нѣтъ ни единой превосходной, въ коей соединялись бы всѣ думы, всѣ мысли государственныя, какъ потоки въ морѣ... Не малое время были мы въ раздорѣ съ братомъ Сигизмундомъ; вражда утихла: любовь начинала водворяться между нами, но еще не утвердилась—и Сигизмунда не стало! Злочестіе высится, христіанство никнетъ. Если бы вы признали меня своимъ государемъ, то увидѣли бы, умѣю ли быть государемъ-защитникомъ! Престало бы веселиться злочестіе, не унизилъ бы насъ ни Царь-градъ ни самый Римъ величавый! Въ отечествѣ нашемъ ославили меня злобнымъ, гнѣвливымъ: не отрицаю того; но да спросятъ у меня, на кого злобствую? Скажу въ отвѣтъ: на злобныхъ; а доброму не пожалѣю отдать и сію золотую цѣпь, и сію одежду, мною носимую...“ Тутъ вельможа Малюта-Скуратовъ, прервавъ рѣчь Іоаннову, сказалъ: „Царь самодержавный! казна твоя неубога: есть чѣмъ жаловать слугъ вѣрныхъ!“— Государь продолжалъ: „Въ Вильнѣ, въ Варшавѣ знаютъ о богатствѣ моего отца и дѣда: я вдвое богатѣе и сильнѣе. Упоминаю о томъ единственно мимоходомъ. Удивительно ли, что ваши короли любятъ своихъ подданныхъ, которые ихъ взаимно любятъ? А мои желали предать меня въ руки хану и, бывъ впереди, не сразились; пусть не одержали бы побѣды, но дали бы царю время изготовиться къ новой битвѣ. Я съ благодарностію принялъ бы отъ нихъ, во знаменіе усердія, хотя одинъ бичъ, одну плеть татарскую! Имѣя съ собою не болѣе шести тысячъ воиновъ, я не испугался мно-

гочисленности враговъ; но, видя измѣну своихъ, только устранился. Одна тысяча мужественныхъ спасла бы Москву; но люди знатные не хотѣли обороняться: что было дѣлать войску и народу? Ханъ сжегъ столицу, а мнѣ и знать о томъ не дали. Вотъ дѣла бояръ моихъ! Я казнилъ измѣнниковъ: не милуютъ ихъ и въ Вильнѣ, гдѣ, напримѣръ, казнили злодѣя Викторина, уличивъ его въ намѣреніи извести брата моего Сигизмунда и распустивъ слухъ, что будто бы я участвовалъ въ семъ замыслѣ,— клевета гнусная, нелѣпая!“ Сей Викторинъ былъ четвертованъ въ Вильнѣ около 1563 года за тайное сношеніе съ царемъ московскимъ. Іоаннъ продолжалъ: „Кто меня злословитъ въ вашемъ отечествѣ? мои ненавистники, предатели, Курбскій и подобные ему... Курбскій!.. сей человѣкъ отнялъ у него мать (тутъ отъ указалъ на царевича Іоанна)... отнялъ у меня супругу милую; а я хотѣлъ только на время лишить его боярскаго сана и жалованнаго имѣнія, не думая о казни смертной, въ чемъ свидѣтельствуюсь Богомъ! Однимъ словомъ: желаете ли узнать злость или доброту мою—пришлите своихъ дѣтей служить мнѣ вѣрно... осыпанные милостями царскими, они увидятъ истину! если угодно Всевышнему, чтобы я властвовалъ надъ вами, то обѣщаю ненарушимо блюсти всѣ уставы, права, вольности ваши, и еще распространить ихъ, буде надобно. Если паны вздумаютъ избрать въ короли моего царевича, то знайте, что у меня два сына, какъ два ока: не разстанусь ни съ единымъ. Если же не захотите признать меня своимъ государемъ, то можете черезъ великихъ пословъ условиться со мною о мирѣ. Не стою за Полоцкъ; соглашусь придать къ нему и нѣкоторыя изъ моихъ наслѣдственныхъ владѣній, буде уступите мнѣ всю Ливонію по Двину. Тогда обяжемся клятвою, я и дѣти мои, не воевать Литвы, доколѣ царствуетъ домъ нашъ въ Россіи православной. Перемирія не нарушу до срока; даю тебѣ опасную грамоту для пословъ, и буду ждать ихъ. Время дорого“.

За симъ Іоаннъ, въ глубокую осень, выѣхалъ изъ Москвы съ обоими сыновьями, чтобы устроить войско въ Новгородѣ и сдержать данное королю шведскому слово. Полки стояли уже въ готовности и двинулись къ Нарвѣ; самъ государь предводительствовалъ ими, имѣя съ собою всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ, царя Саинъ-Булата и короля Магнуса, вооруженною рукою взятаго въ Аренсбургѣ и привезеннаго къ Іоанну болѣе въ видѣ плѣнника, нежели будущаго зятя. Въ одинъ день вступило 80,000 россіянъ въ Эстоніи, гдѣ никто не ожидалъ ихъ и гдѣ мирные дворяне въ замкахъ своихъ весело праздновали святки, такъ что передовые наши отряды вездѣ находили пиры, музыку, пляски. Царь велѣлъ не щадить никого: грабили домы, убивали жителей,

безчестили дѣвицъ. Не было сопротивленія, до крѣпости Виттенштейна, гдѣ 50 шведовъ съ гражданами и земледѣльцами рѣшились дать отпоръ всему войску Іоаннову. Россіяне взяли приступомъ Виттенштейнъ; но царь лишился друга: Малюта Скуратовъ умеръ честною смертію воина, положивъ голову на стѣнѣ, какъ бы въ доказательство, что его злодѣянія превзошли мѣру земныхъ казней! Іоаннъ изъявилъ не жалость, но гнѣвъ и злобу: пославъ, съ богатою вкладою, тѣло Малюты въ монастырь св. Іосифа Волоцкаго, гдѣ лежалъ отецъ, мать и сынъ его, онъ сжегъ на кострѣ всѣхъ плѣнниковъ, шведовъ и нѣмцевъ,—жертвоприношеніе достойное мертвеца, который жилъ душегубствомъ!

Овладѣвъ сею важною крѣпостію, Іоаннъ написалъ къ шведскому королю новое ругательною письмо: «Казнимъ тебя и Швецію,—говорилъ онъ:—правые всегда торжествуютъ! обманутые ложнымъ слухомъ о вдовствѣ Екатерины, мы хотѣли имѣть ее въ рукахъ своихъ единственно для того, чтобы отдать королю польскому, а за нею безъ кровопролитія взять Ливонію. Вотъ истина, вопреки клеветамъ вашимъ. Что мнѣ въ женѣ твоей? Стоитъ ли она войны? Польскія королевны бывали за конюхами. Спроси у людей знающихъ, кто былъ Войдило при Ягайлѣ? Но дорогъ мнѣ и король Эрикъ: смѣшно думать, чтобы я мыслилъ возвратить ему престолъ, для коего ни онъ, ни ты не родился. Скажи, чей сынъ отецъ твой? Какъ звали вашего дѣда? Пришли свою родословную, уличи насъ въ заблужденіи, ибо мы доселѣ увѣрены, что вы крестьянскаго племени. О какихъ древнихъ короляхъ шведскихъ ты писалъ къ намъ въ своей грамотѣ? Былъ у васъ одинъ король Магнусъ, и то самозванецъ, ибо ему надлежало бы именоваться княземъ. Мы хотѣли имѣть печать твою и титло гусударя шведскаго, не даромъ, а за честь, коей ты отъ насъ требовалъ, за честь сноситься прямо со мною, мимо новгородскихъ намѣстниковъ. Избирай любое: или имѣй дѣло съ ними, какъ всегда бывало, или намъ поддайся. Народъ вашъ искони служилъ моимъ предкамъ: въ старыхъ лѣтописяхъ упоминается о варягахъ, которые находились въ войскѣ самодержавца Ярослава-Георгія, а варяги были шведы, слѣдственно его подданные. Ты писалъ, что мы употребляемъ печать Римскаго царства; нѣтъ, собственную нашу, прародительскую. Впрочемъ, и римская не есть для насъ чужая, ибо мы происходимъ отъ Августа-Кесаря. Не хвалимся, и тебя не хулимъ, а говоримъ истину, да образумишься. Хочешь ли мира—да явятся послы твои предъ нами!»

Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, оставивъ царя Саинъ-Булата и Магнуса съ полками воевать Эстонію. Они взяли Нейгофъ и Каркусъ; но шведскій генералъ Акесонъ разбилъ отрядъ нашъ

близъ Лоде, взялъ обозъ, пушки и знамена. Ливонскіе историки пишутъ, что шведовъ было менѣе двухъ тысячъ, а россіянъ 16,000 и что сія славная побѣда, доказавъ искусство первыхъ, склонила Іоанна къ миру. По крайней мѣрѣ царь, выслушавъ донесенія своихъ воеводъ и мнѣніе боярскаго совѣта, написалъ новое письмо къ шведскому королю, уже не бранное, но миролюбивое, увѣдомляя, что воеводамъ нашимъ велѣно остановить всѣ непріятельскія дѣйствія до прибытія въ Новгородъ пословъ его, ожидаемыхъ съ нетерпѣніемъ для утвержденія истиннаго дружества между обоими государствами. Сія перемѣна въ расположеніи Іоанновомъ изъясняется не столько успѣхомъ генерала Акесона, сколько другимъ важнымъ обстоятельствомъ, которое тогда нечаянно встревожило царя и Москву: сильнымъ бунтомъ въ Казанской области, гдѣ свирѣпый, дикій народъ черемисскій, луговой и горный, имѣя тайныя связи съ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, явно отложился отъ Россіи, такъ что государь долженъ былъ немедленно послать многочисленную рать къ берегамъ Волги. Къ счастію, мятежники скоро увидѣли свое неблагоразуміе: ханъ не могъ дать имъ войска, а россійское уже стояло въ Муромѣ, готовое казнить ихъ огнемъ и мечомъ. Они смирились.

Въ сіе время Іоаннъ, прекративъ войну въ Ливоніи, торжествовалъ въ Новгородѣ бракосочетаніе Магнуса съ юною княжною Маріею Владиміровною: пировалъ, веселился съ своими любимыми гостями нѣмецкими; самъ распоряжалъ плясками и пѣлъ съ монахами духовныя пѣсни. Уже Магнусъ, честимый, ласкаемый, надѣялся быть дѣйствительнымъ королемъ, воображая, что царь, сверхъ богатаго, обѣщаннаго вѣна, отдастъ ему всѣ города ливонскіе, занятые россіянами; но, вмѣсто пяти бочекъ золота, привезли къ нему въ домъ нѣсколько сундуковъ съ бѣльемъ и съ нарядными одеждами молодой королевы; вмѣсто всей Ливоніи государь пожаловалъ своему зятю городокъ Каркусъ съ слѣдующимъ словеснымъ и письменнымъ наставленіемъ: „Король Магнусъ! иди съ супругою въ удѣлъ, для васъ назначенный. Я хотѣлъ нынѣ же вручить тебѣ власть и надъ иными городами ливонскими, вмѣстѣ съ богатымъ денежнымъ приданнымъ, но вспомнилъ измѣну Таубе и Крузе, осыпанныхъ нашими милостями... Ты сынъ вѣнценосца, и слѣдственно могу имѣть къ тебѣ болѣе довѣренности, нежели къ слугамъ подлымъ, но—ты человѣкъ! Если измѣнишь, то золотомъ казны моей наймешь воиновъ, чтобы дѣйствовать за-одно съ нашими врагами, и мы принуждены будемъ своею кровію вновь доставать Ливонію. Заслужи милость постоянною, испытанною вѣрностію“. Такимъ образомъ Магнусъ съ печальнымъ сердцемъ уѣхалъ въ Каркусъ, изъ Каркуса въ Оберпаленъ, гдѣ, въ ожиданіи государства, жилъ весьма бѣдно,

не имѣя болѣе трехъ блюдъ на столѣ (какъ писалъ его братъ Фридерикъ, король датскій, къ своему тестю, герцогу мекленбургскому), веселя тринадцатилѣтнюю жену дѣтскими игрушками, питая сластями и, къ неудовольствію россіянъ, одѣвъ ее въ нѣмецкое платье. Сей герцогъ Іоаннъ-Альбрехтъ находился тогда въ сношеніяхъ съ царемъ, присылалъ въ Новгородъ сановника мекленбургскаго, доктора Фелинга, и хотѣлъ, чтобы Россія утвердила его (Альбрехтова) сына на Ригу, обѣщанную ему королемъ польскимъ Сигизмундомъ Августомъ. Фелингъ отъ имени герцога поднесъ Іоанну въ даръ золотого, алмазами и яхонтами украшеннаго льва, съ объясненіемъ, что левъ ужасаетъ всѣхъ звѣрей, а государь московскій всѣхъ непріятелей. Царь отвѣтствовалъ: „Благодарю за смиреніе и ласку, но не могу отдать, чего еще не имѣю, хотя Ливонія съ Ригою и моя отчизна, а не королевская. Я намѣренъ отправить посольство къ нѣмецкому императору для заключенія съ нимъ союза противъ невѣрныхъ и для дѣлъ ливонскихъ. Совѣтую герцогу вооружиться терпѣніемъ: могу отдать ему Ригу, когда возьму ее, договоромъ или саблею“.

Между тѣмъ Іоаннъ не безъ досады видѣлъ, что король шведскій, имъ презираемый, началъ изъявлять гордость. Долго не было никакой вѣсти изъ Стокгольма; наконецъ король отвѣчалъ, что никогда послы его не будутъ въ такой землѣ, гдѣ народное право неизвѣстно,—гдѣ ихъ грабятъ, сажаютъ въ темницу; что царь можетъ прислать своихъ къ нему, если дѣйствительно желаетъ мира, или по крайней мѣрѣ на границу, куда выѣдутъ и шведскіе уполномоченные; что о перемиріи надлежало бы говорить тремя годами ранѣе, а не тогда, какъ войско шведское выступаетъ въ поле. Сего мало, гонецъ нашъ, будучи въ Стокгольмѣ, терпѣлъ обиды, неслыханныя въ державахъ образованныхъ. „Вельможи королевскіе — доносилъ онъ царю — хотѣли прежде времени знать содержаніе твоей грамоты. Я доказывалъ имъ нелѣпость сего требованія; за что одинъ изъ нихъ ударилъ меня въ грудь, поносилъ словами непристойными. Если бы—отвѣчалъ холопъ твой нахалу шведскому—если бы я сидѣлъ на конѣ вооруженный, ты не дерзнулъ бы безчинствовать, ни поднять руки, ни открыть гнуснаго рта своего; но мы здѣсь не для битвы... Другой вельможа хотѣлъ удержать меня идущаго къ престолу королевскому, говоря: дай письмо, а на сукно тронное не ступай. Я всталъ на сукно и вручилъ письмо королю... Въ слѣдующее утро сановникъ шведскій Христофоръ Флемингъ сказалъ мнѣ: знай, что ты вчера не видалъ государя: я сидѣлъ на его мѣстѣ, а онъ стоялъ между вельможами, ибо не хотѣлъ взять грамоты царя вашего, думая, что въ ней могутъ быть новыя ругательства, коихъ нельзя читать и простому мѣщанину... Отпуская меня,

король молвилъ: царь сдѣлался миролюбивъ; но я не хочу съ нимъ мириться, я его не боюсь". Однимъ словомъ Швеція ободрилась, нанявъ 3,000 шотландцевъ и 2,000 англичанъ; а царь, имѣя болѣе ста тысячъ воиновъ въ Ливоніи и Новгородѣ, изъявилъ кротость, не вступился за обиду гонца своего, снесъ насмѣшки и сдѣлалъ угодное королю: то есть, выслалъ бояръ, князя Сицкаго съ товарищами, на рѣку Сестру (которая служила границею между Финляндіею и Россіею) для переговоровъ о мирѣ съ адмираломъ Класомъ Фемингомъ и другими королевскими чиновниками. Долго спорили о мѣстѣ свиданія: Флемингъ требовалъ, чтобы оно было на мосту, въ шатрахъ; но князь Сицкій заставилъ шведовъ перейти на россійскій берегъ рѣки. Далѣе ни въ чемъ не могли согласиться. Царь хотѣлъ взять Эстонію и въ такомъ случаѣ давалъ королю право сноситься прямо съ нимъ, а король хотѣлъ послѣдняго безъ всякой уступки, явивъ длинную родословную свѣтлѣйшаго дома Вазъ, дабы убѣдить Іоанна въ древней знаменитости онаго. Заключили только перемиріе (отъ Ильина дня 1575 до 1577 года) между Финляндіею и нашими сѣверными владѣніями: Россія обязывалась не воевать первой, а Швеція новгородской земли, Корелы, Орѣшка и другихъ мѣстъ, не было слова о Ливоніи, которая оставалась театромъ войны. Іоаннъ удовольствовался обѣщаніемъ, что скоро къ нему будутъ шведскіе послы для новаго мирнаго договора и торжественно обязался принять ихъ съ честью, не лишать ни свободы, ни имѣнія,— не оскорблять ни дѣломъ ни словомъ! Съ того времени короли шведскіе перестали относиться къ Новгороду, что всегда казалось имъ унизительно, происходило дѣйствительно отъ малаго уваженія государей московскихъ къ симъ вѣнценосцамъ и было дотолѣ непремѣннымъ закономъ нашей гордой политики.

Если снисходительность царя казалась для него безполезною, то и королю не доставила она никакой существенной выгоды: непріятельскія дѣйствія продолжались въ Ливоніи. Шведы съ своими шотландскими наемниками безъ успѣха приступали къ Везенбергу: россіяне опустошили всѣ мѣста вокругъ Ревеля и взяли городъ Пернау, который стоилъ имъ семи тысячъ воиновъ, убитыхъ въ его укрѣпленіяхъ. Тамъ полководецъ Іоанновъ Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ изумилъ жителей великодушіемъ, оставилъ на волю каждому или присягнуть царю, или выѣхать со всѣмъ достояніемъ. Слѣдствіемъ политики, столь человѣколюбивой и благоразумной, было то, что замки Гемлетъ, Эрмисъ, Руэнъ, Пургель, Леаль, Лоде, Фикель, сдалися безъ сопротивленія, а скоро и важная крѣпость Гапсаль, гдѣ находилось множество всякихъ запасовъ, не мало воиновъ и дворянъ, которые всегда любили хвалиться мужествомъ. Пишутъ, что сіи мирные

герои, увѣренные царскимъ воеводою въ совершенной безопасности, тѣшились и веселились въ самый тотъ часъ, когда россіяне входили въ городъ, что одинъ изъ нашихъ молодыхъ князей, видя ихъ забавы, сказалъ своему пріятелю нѣмцу: „Если бы мы, русскіе живые сдали непріятелю такую крѣпость, что сдѣлалъ бы съ нами царь? и кто изъ насъ смѣлъ бы взглянуть прямо въ лицо доброму христіанину? А вы, нѣмцы, празднуете стыдъ свой!“ Они праздновали среди могилъ и пепла. Казалось, что Ливонія, истерзанная всѣми бѣдствіями войны долговременной, жертва и добыча всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ, уже не могла испытать ничего злѣйшаго. Голодъ, нищета свирѣпствовали не только въ хижинахъ, но и въ замкахъ. Такъ лѣтописецъ говоритъ, что жена рыцаря фонъ-Тедвена, имѣвъ прежде великолѣпный домъ, блиставъ пышностію удивительною для самыхъ богатыхъ людей, умерла тогда въ Гапсалѣ на соломѣ и положена въ землю нагая! Но судьба еще готовила новые ужасы для сей страны несчастной; еще Іоаннъ удерживалъ свою руку, мечомъ и пламенемъ вооруженную для ея покоренія или гибели. Остерегаясь, хотя уже и не страшась Девлетъ-Гирея, онъ долженъ былъ въ угрозу ему отъ времени до времени собирать полки на берегахъ Оки; самъ, выѣхавъ изъ Новгорода (лѣтомъ въ 1574 году), осматривалъ войско многочисленное въ Серпуховѣ; посылалъ отряды и въ степи, гдѣ являлись иногда толпы ханскія, для разбоевъ, всего же болѣе занимался происшествіями варшавскими, которыя, польстивъ его властолюбіе, имѣли слѣдствія неожидаемыя, оскорбительныя для царя и вредныя для Россіи.

Въ началѣ 1573 г. открылся сеймъ въ Варшавѣ, чтобы избрать короля. Главными кандидатами были: 1) юный Эрнестъ, сынъ императора Максиміліана; 2) герцогъ д'Анжу, братъ Карла IX; 3) король шведскій или сынъ его, Сигизмундъ; 4) государь россійскій. За перваго ходатайствовали послы испанскій и Максиміліановъ, за второго французскій, за третьяго шведскіе; нашихъ не было. Царь ждалъ къ себѣ пословъ отъ сейма, разсуждая: „я имъ нуженъ, а не они мнѣ!“ Несмотря на сію гордость, многіе коронные, и въ особенности литовскіе, вельможи думали избрать Іоанна, чтобы симъ способомъ утвердить навѣки счастливый союзъ съ опасною, могущественною Россіею,—мысль, внушенная политикою здравою и дальновидною! Зная, безъ сомнѣнія, всю его жестокость, они надѣялись, что законы ихъ республики обуздаютъ тирана—и могли обмануться! Но судьба устранила сей опытъ. Условія, съ обѣихъ сторонъ предложенныя, были равно неумѣренны, равно противны и той и другой. Выслушавъ въ Новгородѣ посла литовскаго, Михайла Гарабурду, Іоаннъ (28-го февраля 1573 года) далъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Долговременное молча-

ніе вашихъ пановъ въ дѣлѣ столь важномъ меня удивляло: ибо худо государству быть безъ государя. Вы извиняетесь бѣдствіями язвы, которая свирѣпствовала въ землѣ вашей: сожалѣю; это воля Божія. Нынѣ спрашиваете, самъ ли я желаю властвовать надъ Литвою и Польшею, или дать вамъ царевича Θеодора въ короли, и требуете отъ насъ клятвы въ вѣрномъ соблюденіи вашихъ уставовъ; хотите еще, чтобы мы, отпустивъ къ вамъ сына, возвратили княжеству Литовскому Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ, Озерище, а ему, Θеодору, пожаловали нѣкоторые особенные города изъ древнихъ владѣній Россійскихъ. Одно естественно, чтобы всякая земля хранила свои обычаи, уставы, законы, и мы, конечно, можемъ утвердить присягою ваши права; но дѣльно ли требовать отъ насъ Смоленска, Полоцка, даже наслѣдственныхъ городовъ московскихъ, въ приданое князю Θеодору? развѣ онъ дѣвица и невѣста? Славно увеличивать, а не умалять государства. Польское и Литовское нескудно городами: есть гдѣ жить королю. И не вы, а мы должны требовать возмездія. Слушайте: если желаете имѣть Θеодора своимъ государемъ, то 1) пишите весь мой титулъ, какъ уставлено Богомъ; называйте меня царемъ, ибо я наслѣдовалъ сіе достоинство отъ предковъ и не присвоиваю себѣ чуждаго. 2) Когда, Господь возьметъ моего сына изъ здѣшняго свѣта, да властвуютъ надъ вами его сыновья правомъ наслѣдія, а не избранія; когда же не останется у него сыновей, то Литва и Польша да будутъ нераздѣльны съ Россіею, какъ собственность моихъ наслѣдниковъ во вѣки вѣковъ, но безъ всякаго измѣненія правъ и вольностей народныхъ, съ особеннымъ именемъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго въ титулѣ государей Россійскихъ. Пристойно ли сыну короля не быть наслѣдникомъ его престола? И для общаго блага сихъ трехъ державъ имъ должно имѣть единаго владыку. Знаю, что Австрія и Франція гораздо снисходительнѣе въ переговорахъ съ вами; но онѣ не примѣръ для Россіи: ибо мы вѣрно знаемъ, что, кромѣ насъ и султана, нѣтъ въ Европѣ государей, коихъ родъ царствовалъ бы за 200 лѣтъ предъ симъ: одни изъ князей, другіе иноземцы, и для того плѣняются честію королевства! а мы цари изначальные и происходимъ отъ Августа Кесаря (что всѣмъ извѣстно). 3) Кто изъ моихъ наслѣдниковъ скончается въ землѣ вашей, тѣло его да будетъ привезено въ Москву для погребенія. 4) Городъ Кіевъ, древнѣйшее достояніе Россіи, да присоединится къ ея владѣніямъ, за что, изъ любви къ тишинѣ и согласію христіанскому, уже не буду отыскивать нашихъ старыхъ владѣній въ Литвѣ по рѣку Березу. 5) Ливонія вся останется за Россіею! — Вотъ условія, на коихъ могу отпустить къ вамъ моего любезнаго сына. Но онъ еще слишкомъ молодъ и не въ силахъ противиться врагамъ, своимъ и нашимъ.

Сверхъ того знаю, что многіе изъ пановъ хотятъ въ короли меня, а не царевича. Если они говорятъ вамъ иное, то притворствуютъ. Слышу еще, что будто вы думаете взять у меня сына обманомъ, съ намѣреніемъ выдать его туркамъ, для заключенія съ ними мира. Правда ли, ложь ли, не знаю; но не могу скрыть сего отъ тебя въ бесѣдѣ искренней".

Видя, что Іоаннъ желаетъ королевства болѣе для себя, нежели для сына, умный посолъ сказалъ: „Государь! всѣ мы хотѣли бы имѣть такого сильнаго и мудраго властителя, какъ ты; но Москва далека отъ Варшавы, а присутствіе короля необходимо для внѣшней безопасности, для внутренняго устройства и правосудія. У насъ нѣтъ обычая, чтобы король выѣзжалъ изъ государства и вмѣсто себя оставлялъ намѣстниковъ. Къ тому же безъ принятія вѣры римской ты не можешь быть коронованъ".—Іоаннъ велѣлъ послу удалиться.

На другой день. снова призвавъ Гарабурду, царь сказалъ: „Мы размыслили — и находимъ, что можемъ управлять вмѣстѣ тремя государствами, переѣзжая изъ одного въ другое, и что легко устранить препятствія, о коихъ ты говорилъ намъ. Требую только Кіева безъ всѣхъ иныхъ городовъ и волостей. Отдамъ Литвѣ Полоцкъ и Курляндію. Возьму Ливонію до рѣки Двины. Титулъ нашъ будетъ: Божіею милостію господарь царь и великій князь всея Россіи, Кіевскій, Владимірскій, Московскій, король Польскій и великій князь Литовскій. Имена всѣхъ другихъ областей распишемъ по ихъ знатности: польскія и литовскія могутъ стоять выше россійскихъ. Требую уваженія къ вѣрѣ греческой; требую власти строить церкви православія во всѣхъ моихъ государствахъ. Да вѣнчаетъ меня на королевство не латинскій архіепископъ, а митрополитъ россійскій!.. Но не измѣню ни въ чемъ вашихъ правъ и вольностей: буду раздавать мѣста и чины съ согласія думы Польской и Литовской. Когда же, изнуренный лѣтами въ силахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, вздумаю оставить свѣтъ и престолъ, чтобы въ уединенной обители жить молитвою, тогда изберите себѣ въ короли любого изъ сыновей моихъ, но не чуждаго, не иноплеменнаго князя. Паны говорятъ, что Литва и Польша нераздѣльны: ихъ воля; но скажу, что я хотѣлъ бы лучше быть единственно великимъ княземъ первой; тогда, утвердивъ всѣ ея законы моимъ крестнымъ цѣлованіемъ, возьму къ Россіи одинъ Кіевъ, а Литвѣ возвращу, силою или договорами, всѣ ея древнія владѣнія, отнятыя поляками, и буду писаться въ титулѣ великимъ княземъ московскимъ и литовскимъ. — Слушай далѣе. Могу, но не безъ труда, ѣздить изъ земли въ землю, ибо приближаюсь къ старости; а государю надобно все видѣть собственными глазами. Итакъ, не лучше ли вамъ избрать въ короли сына цесарева, заключивъ съ

нами миръ и союзъ на сихъ условіяхъ: 1) Кіевъ и Ливонія къ Россіи, Полоцкъ и Курляндія къ Литвѣ; 2) мнѣ, цесарю и сыну его помогать другъ другу войскомъ и деньгами противъ нашихъ общихъ враговъ? Тогда буду желать Литвѣ и Польшѣ столько же, какъ моей Россіи—и въ семъ тѣсномъ союзѣ кого убоимся? Не захотятъ ли и всѣ иные государи европейскіе присоединиться къ оному, чтобы возстать на злодѣевъ христіанства? Какая слава и какая польза! Наконецъ, приказываю тебѣ сказать панамъ, чтобы они не избирали князя французскаго, ибо сей князь будетъ другомъ злочестивыхъ турковъ, а не христіанъ, а если изберете его, то знайте, что я не останусь спокойнымъ зрителемъ вашего неблагоразумія. Еще объяви панамъ, что многіе изъ нихъ писали къ намъ тайныя грамоты, совѣтуя мнѣ идти съ войскомъ въ Литву, чтобы страхомъ вынудить себѣ королевство. Другіе просили у меня золота и соболей, чтобы избрать моего сына. Да знаетъ о томъ ваша Дума государственная".

Съ такимъ отвѣтомъ Гарабурда поѣхалъ въ Варшаву. Вѣроятно, что паны литовскіе единственно для вида и для соблюденія пристойности требовали Смоленска и городовъ россійскихъ, что они въ самомъ дѣлѣ не ждали столь великой уступчивости отъ царя и безъ дальняго упрямства отказались бы отъ сего требованія; тѣмъ непреклоннѣе былъ царь въ своихъ условіяхъ, единогласно отверженныхъ сеймомъ, который немедленно исключилъ его изъ кандидатовъ. Перемѣнились ли Іоанновы мысли, увѣрился ли онъ въ невозможности господствовать надъ Польшею и Литвою, какъ бы ему хотѣлось? Боялся ли примѣра своевольныхъ вельможъ ихъ для Россіи безмолвной? Разсудилъ ли, что сей тѣсный союзъ имѣлъ бы истинныя выгоды для первыхъ двухъ державъ, а не для нашего отечества, что не онѣ намъ, но мы имъ долженствовали бы помогать и людьми, и казною въ случаѣ войны съ Турціею, съ Австріею, съ Тавридою; что имя короля съ властью ограниченною, ненадежною, не стоило умноженія опасностей и расходовъ для государя наслѣдственной, великой державы, которой Небо судило быть сильною не чуждыми, а собственными, природными силами? Или царь думалъ, что сеймъ могъ согласиться на такія предложенія строгія, уничтожить коренные законы республики, добровольно отмѣнить избраніе королей, уставить верховную власть наслѣдственную, отдать намъ Кіевъ и святителю иновѣрному вручить вѣнецъ Ягеллоновъ для возложенія на Іоанна? Трудно вообразить, чтобы надменность ослѣпляла его до сей степени безразсудности: гораздо вѣроятнѣе, что онъ, изъявивъ сперва искреннее желаніе заступить мѣсто Сигизмунда-Августа, по основательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, уже сдѣлался равнодушнымъ къ такой чести.

По избраніе эрцгерцога въ короли, имъ одобренное, не угрожало ли намъ опаснымъ сосѣдствомъ съ австрійскою сильною державою, тѣмъ болѣе, что ея посолъ, ходатайствуя за Эрнеста, торжественно обѣщалъ панамъ усердное вспоможеніе императора въ войнахъ съ Россіею? Іоаннъ не долженствовалъ ли скорѣе благопріятствовать исканіямъ Франціи, отдаленной и слѣдственно менѣе для насъ опасной? Не можемъ осудить его политики. Зная дружественную связь Парижа съ Константинополемъ, онъ мыслилъ, что Генрихъ д'Анжу будетъ располагать силами Турціи противъ нашего отечества, а султаны, кромѣ ихъ зловѣрія, были страшнѣе императоровъ славою войскъ и побѣдъ многочисленныхъ. Къ досадѣ царя и Максимиліана, варшавскій сеймъ избралъ Генриха, обольщенный хитростями французскаго посла Манлюка, который въ пышныхъ рѣчахъ своихъ безстыдно хвалилъ вельможъ польскихъ и литовскихъ, сравнивалъ ихъ съ древними римлянами, называлъ ужасомъ тирановъ, героями добродѣтели, обѣщая имъ милліонъ флориновъ, сильное войско для изгнанія россіянъ изъ Ливоніи и совершенную зависимость короля отъ Верховнаго Совѣта.

Такое, какъ говоритъ Іоаннъ, ослушаніе сейма соединило виды нашей политики съ австрійскою. Императоръ спѣшилъ воспользоваться добрымъ расположеніемъ царя: писалъ къ нему ласково; жаловался на „злодѣйство Карла IX, истребившаго болѣе ста тысячъ вѣрныхъ подданныхъ въ день св. Варѳоломея, единственно за то, что они имѣли свою вѣру особенную", говорилъ съ негодованіемъ о пріязни французовъ съ султаномъ, коего ревностнымъ вспоможеніемъ дается Генриху вѣнецъ Ягеллоновъ; убѣждалъ Іоанна вступиться за христіанъ; предлагалъ ему взять Литву, а Польшу уступить Австріи, и заключить тѣсный союзъ съ имперіею противъ турковъ. Царь немедленно отправилъ гонца къ Максимиліану, совѣтуя ему употребить всѣ способы для задержанія Генриха на пути въ Варшаву, желалъ видѣть скорѣе пословъ императорскихъ въ Москвѣ, чтобы утвердить вѣчный союзъ Австріи съ Россіею, и писалъ: „Мы всѣ будемъ стараться о томъ, чтобы королевство Польское и Литва не отошли отъ нашихъ государствъ; а мнѣ все одно, мой ли, твой ли сынъ сядетъ тамъ на престолѣ... Ты, братъ нашъ любезный, сѣтуешь объ ужасномъ истребленіи невинныхъ людей и младенцевъ въ день св. Варѳоломея: всѣ государи христіанскіе должны скорбѣть о сей безчеловѣчной жестокости короля французскаго, пролившаго безъ ума столь много крови!"

Однакожъ Іоаннъ, слѣдуя миролюбивой системѣ, не хотѣлъ прежде времени объявить себя врагомъ новаго короля польскаго; напротивъ того, узнавъ о его прибытіи и торжественномъ коронованіи въ древней столицѣ Піастовъ, онъ готовился послать къ нему знатнаго чиновника съ привѣтствіемъ. Но Генрихъ преду-

предилъ царя: извѣстилъ о своемъ восшествіи на тронъ; убѣждалъ не нарушать перемирія съ республикою до 1576 года; писалъ, что онъ въ горести; что король французскій умеръ; что ему должно ѣхать въ Парижъ и что сіе временное отсутствіе не мѣшаетъ царю сноситься въ дѣлахъ съ вельможными панами. Іоаннъ отвѣтствовалъ: „Братъ нашъ Генрихъ! о твоемъ восшествіи на престолъ радуемся, о твоей печали сожалѣемъ Кончина государей христіанскихъ есть бѣдствіе для христіанъ и веселіе для невѣрныхъ. Мы хотимъ жить въ любви съ тобою. Послы мои будутъ въ Варшаву, когда ты возвратишься: ожидаю твоихъ въ Москву, а безъ тебя мнѣ непристойно имѣть дѣло съ панами. О сохраненіи перемирія мы дали указъ своимъ воеводамъ". Но Генрихъ былъ уже королемъ-бѣглецомъ! Искавъ вѣнца польскаго единственно въ угодность матери, честолюбивой Екатерины Медичисъ, которая дѣйствовала въ семъ случаѣ по внушенію хитраго карлы и бродяги Іоанна Красовскаго, Генрихъ, лѣнивый, сладострастный, въ три мѣсяца не государственной дѣятельности, а пировъ, нѣги и звѣриной ловли, успѣлъ возненавидить свое королевство и власть ограниченную: тайно изготовился къ отъѣзду и ночью ускакалъ отъ одного престола къ другому; спѣшилъ наслѣдоватъ державу и несчастіе своего брата; подобно ему царствовать среди мятежей, измѣнъ и злодѣйствъ, оказать себя малодушнымъ, вѣроломнымъ, но умереть съ прекраснымъ словомъ, которое навѣки осталось въ исторіи и достойно наилучшаго изъ царей. Изумленные бѣгствомъ короля, паны должны были искать другого. Тогда многіе изъ нихъ — архіепископъ гнѣзненскій, кастеланъ минскій, Янъ Глѣбовичъ и другіе снова обратились къ царю: совѣтовали ему немедленно прислать умныхъ бояръ въ Варшаву, съ такими условіями, на какихъ былъ избранъ Генрихъ; отнестися письменно къ духовенству, рыцарству и къ каждому вельможѣ въ особенности; просить ихъ объ избраніи его (Іоанна) въ короли; сказать въ грамотѣ, что онъ не еретикъ, а христіанинъ и дѣйствительно крещенъ во имя Троицы; что поляки и россіяне, будучи единаго племени, славянскаго или сарматскаго, должны, какъ братья, имѣть единаго отца-государя. Іоаннъ писалъ къ нимъ весьма дружелюбно, благодарилъ за доброе намѣреніе, обѣщалъ выслать бояръ своихъ къ сейму, но не сказалъ ничего рѣшительнаго въ разсужденіи условій, ибо ждалъ пословъ цесаревыхъ, которые уже ѣхали въ Москву.

Гонецъ нашъ Скобельцынъ, въ августѣ 1574 года, возвратился изъ Вѣны безъ всякаго отвѣта, сказывая, что императоръ хотѣлъ писать къ царю съ своимъ человѣкомъ. Сія странность объяснилась: новый гонецъ Максимілановъ привезъ къ Іоанну жалобу, что Скобельцынъ не взялъ отвѣтной грамоты, будто бы написан-

ной безъ полнаго царскаго имени, и самовольно уѣхалъ; сверхъ чего велъ себя непристойно и злословилъ императора. Максиміліанъ увѣрялъ царя въ искренней дружбѣ и благодарности, а царь извѣстилъ его, что онъ возложилъ на Скобельцына опалу. Послѣ того были въ Москвѣ и другіе чиновники австрійскіе, съ извиненіемъ, что Максиміліанъ за большими недосугами медлитъ условиться съ Іоанномъ въ дѣлахъ польскихъ. Въ знакъ усердія одинъ изъ сихъ гонцовъ донесъ боярамъ, что паны тайно склоняютъ Магнуса измѣнить Россіи, обѣщая ему городъ Ригу. Наконецъ, въ январѣ 1576 года пріѣхали къ намъ знатные австрійскіе сановники, Янъ Кобенцель и Даніилъ Принцъ. Государь встрѣтилъ ихъ въ Можайскѣ, великолѣпно и пышно: въ русскомъ саженомъ платьѣ сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ и діадимѣ; держа въ рукахъ скипетръ; престолъ окружали всѣ бояре и дворяне въ златыхъ одеждахъ. Іоаннъ и царевичъ встали, спрашивали о здравіи императора, который прислалъ въ даръ своему брату и союзнику золотую цѣпь, украшенную драгоцѣнными каменьями съ изображеніемъ имени Максиміліанова, цѣною въ 8,000 талеровъ. Императоръ молилъ Іоанна способствовать ему словомъ и дѣломъ, грамотами и мечомъ въ возведеніи Эрнеста на тронъ польскій, и не воевать Ливоніи, области издавна принадлежащей къ Римской имперіи. „Тогда,—говорили послы Максиміліановы Іоанну — вся Европа христіанская заключитъ союзъ съ тобою, чтобы однимъ ударомъ, на моряхъ и на сушѣ, низвергнуть высокую державу оттомановъ. Вотъ подвигъ, коимъ ты можешь навѣки прославить себя и Россію! Изгонимъ турковъ изъ Константинополя въ Аравію, искоренимъ вѣру Магометову, знаменіемъ креста снова осѣнимъ Ѳракію, Элладу и все древнее царство греческое на восходъ солнца да будетъ твое, о царь великій! Такъ вѣщаютъ императоръ, св. отецъ папа и король испанскій“. Іоаннъ слушалъ холодно, не плѣняясь мыслею царствовать на берегахъ Босфора и Геллиспонта; сказалъ, что его слово всегда твердо и ненарушимо; что онъ не перемѣнилъ своихъ мыслей въ разсужденіи королевства польскаго: отдаетъ его Эрнесту и снова напишетъ о томъ къ вельможамъ коронпымъ; но что Литва и Кіевъ должны навѣки соединиться съ Россіею; что Ливонія наша была и будетъ; что прежде никто не мыслилъ объ ней, а когда мы взяли оную, тогда императоръ, Данія, Швеція, Польша вздумали объявить свои мнимыя права на сію землю; что для заключенія союза противъ невѣрныхъ надлежитъ быть въ Москву посламъ короля испанскаго, датскаго, князей нѣмецкихъ и другихъ государей; что въ Россіи извѣстна судьба Людовика венгерскаго, который, вѣря обѣщаніямъ императора, выступилъ въ поле, но, всѣми оставленный, въ неравной битвѣ съ

турками лишился жизни. Послы цесаревы, соглашаясь уступить намъ Ливонію и Кіевъ, доказывали невозможность отдѣлить Литву отъ Польши, которыя хотятъ имѣть одного властителя „Знаете ли,—сказали они московскимъ боярамъ,—тайный замыселъ нѣкоторыхъ мятежныхъ ляховъ взять себѣ въ короли данника оттомановъ, князя семиградскаго, въ угодность султану и ко вреду христіанства?“ Сего не будетъ, отвѣтствовалъ царь, требуя, чтобы послы клятвою утвердили договоръ о Ливоніи; но Кобенцель и Даніилъ Принцъ объявили, что государь ихъ въ знакъ особеннаго уваженія къ Іоанну, пришлетъ для того въ Москву другихъ великихъ людей, князей владѣтельныхъ; впрочемъ, увѣряли, что все сдѣлается, какъ угодно царю, и дали слово, что императоръ склонитъ шведскаго короля къ покорности. Іоаннъ былъ доволенъ; угостилъ ихъ во дворцѣ обѣдомъ и привелъ въ удивленіе великолѣпіемъ; сидѣлъ съ сыномъ за особеннымъ столомъ въ бархатной малиновой одеждѣ, усыпанной драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, въ остроконечной шапкѣ, на коей сіялъ необыкновенной величины яхонтъ; двѣ короны (царя и царевича), блестящія крупными алмазами, алами, изумрудами, лежали подлѣ; серебро, золото стояли горами въ комнатахъ... „И всякій дворецъ (писалъ Кабенцель къ австрійскимъ министрамъ) имѣетъ особенную кладовую, наполненную такими чашами и блюдами, а кремлевскій превосходитъ богатствомъ всѣ иные... Однимъ словомъ, я видѣлъ сокровища его императорскаго величества, королей испанскаго, французскаго, венгерскаго, богемскаго, герцога тосканскаго, но не видалъ подобныхъ Іоанновымъ... Когда мы ѣхали въ Россію, вельможи польскіе стращали насъ несносносною грубостію месковскаго двора: что жъ оказалось? ни въ Римѣ, ни въ Испаніи не нашли бы мы лучшаго пріема: ибо царь знаетъ, съ кѣмъ и какъ обходиться: унижая поляковъ, шведовъ, честитъ, кого уважаетъ и любитъ“. Отдаривъ Максимиліана черными соболями въ 700 рублей, Іоаннъ послалъ къ нему, въ санѣ легкихъ пословъ, князя Сугорскаго и дьяка Арцибашева, съ убѣдительнымъ представленіемъ, что надобно скорѣе заключить договоръ, ясный, торожественный между Австріею и Россіею; а къ вельможнымъ коронамъ написалъ, чтобъ они выбрали Эрнеста, если хотятъ быть въ вѣчной дружбѣ съ сильнымъ Московскимъ гусударствомъ, и не принимали властителя отъ султанской руки, если не хотятъ отвѣтствовать Богу за ужасное кровопролитіе. Тогда же въ грамотѣ къ панамъ литовскимъ онъ изъявилъ желаніе быть ихъ великимъ княземъ или дать имъ царевича Θеодора въ государи, прибавивъ: „если же вы не разсудите за благо имѣть особеннаго властителя, то вмѣстѣ съ Польшею изберите Максимиліанова сына“.

Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ и цесарь могли бы предписать законы сейму, если бы, рѣшительно объявивъ ему свои требованія, подкрѣпили оныя движеніемъ войска съ обѣихъ сторонъ, какъ писали къ царю доброхотствующіе намъ вельможи литовскіе, зная расположеніе умовъ въ Вильнѣ и въ Варшавѣ; но Максиміліанъ, уже слабый тѣломъ и душою, медлилъ: честилъ нашихъ пословъ въ Регенсбургѣ, а своихъ не присылалъ въ Москву, и въ новыхъ безполезныхъ сношеніяхъ съ Іоанномъ, чрезъ гонцовъ досаждалъ ему, во-первыхъ, тѣмъ, что затруднялся называть его императоромъ или царемъ Россіи, называя только царемъ казанскимъ и астраханскимъ; во-вторыхъ, не переставалъ ходатайствовать о жалкой, убогой Ливоніи и твердить, что она есть область Германіи. Отвѣтствуя Максимиліану всегда учтиво, всегда дружелюбно, царь хладѣлъ въ усердіи доставить Эрнесту корону польскую и слышалъ безъ гнѣва, что рыцарство и шляхта противятся вельможамъ въ семъ избраніи. Сеймъ объявилъ тогда кандидатами 1) Эрнеста, 2) Фердинанда, брата Максиміліанова, 3) короля или принца шведскаго, 4) Альфонса, князя моденскаго. О царѣ не было слова, ибо онъ не отступился торжественно отъ сдѣланныхъ имъ въ 1574 году предложеній, столь несогласныхъ съ законами республики, и вторично не разсудилъ за благо прислать знатныхъ уполномоченныхъ сановниковъ въ Варшаву, довольствуясь угрозами и тайными сношеніями съ нѣкоторыми изъ пановъ. Между тѣмъ гонцы наши извѣщали его о всѣхъ движеніяхъ сейма. Іоаннъ изъ слободского дворца своего видѣлъ игру и бореніе страстей на семъ шумномъ театрѣ, гдѣ умъ и краснорѣчіе заслуживали рукоплесканія, а золото и сила рѣшили; гдѣ не только спорили, вопили, но и мечи обнажались, и копья сверкали; гдѣ, отвергнувъ всѣхъ кандидатовъ, выбрали наконецъ двухъ королей: вмѣсто Эрнеста, самого императора, и Стефана Баторія,— имя дотолѣ мало извѣстное, но коему надлежало прославиться въ исторіи россійской къ безславію Іоанна!

Еще въ 1574 году, узнавъ о бѣгствѣ Генриха, султанъ Селимъ далъ знать вельможнымъ панамъ, что если королемъ ихъ будетъ принцъ австрійскій, воспитанный въ ненависти къ Оттоманской имперіи, то война и кровопролитіе неминуемы для обѣихъ державъ; что князь россійскій также опасенъ; что они могутъ возложить вѣнецъ на добродѣтельнѣйшаго изъ вельможъ, сандомирскаго воеводу, или на короля шведскаго, или — если хотятъ лучшаго — на князя седмиградскаго Баторія, мужа знаменитаго разумомъ и великодушіемъ, который принесетъ къ нимъ и счастіе и славу, будучи вѣрнымъ другомъ могущественной Порты. Сіе предложеніе не осталось безъ дѣйствія, ибо султанъ былъ страшнѣйшимъ изъ враговъ королевства Польскаго. Въ Варшавѣ, въ Краковѣ

говорили о Стефанѣ, обязанномъ своею княжескою честію и властію не предкамъ, а собственному уму, характеру, избранію вельможъ и народа седмиградскаго. Въ сей странѣ полудикой, необразованной, населенной людьми грубыми, духа мятежнаго, происхожденія и закона разнаго, онъ утвердилъ тишину, безопасность, терпимость вѣръ: исповѣдуя римскую, пріобрѣлъ любовь и лютеранъ и кальвинистовъ; снискалъ довѣренность султана и въ то же время оказывалъ важныя услуги императору; не менѣе отличался и храбростію, свѣдѣніями въ наукахъ, краснорѣчіемъ—и самою величественною наружностію: имѣя 42 года отъ рожденія, еще былъ прекраснымъ мужемъ. Однимъ словомъ, усердные къ государственному благу поляки не могли желать достойнѣйшаго вѣнценосца. Сторона ихъ усилилась ходатайствомъ вельможи Самуила Зборовскаго, бывшаго изгнанникомъ въ Трансильваніи и тамъ облаготвореннаго Стефаномъ. Дѣйствовали и любовь къ отечестау и золото Баторіево; еще болѣе закоренѣлая народная ненависть къ австрійскому дому. Сенатъ усердствовалъ императору и Эрнесту; но въ рѣшительный часъ избранія раздался голосъ: „хотимъ Баторія! онъ дастъ намъ миръ съ турками и побѣду надъ всѣми иными врагами!“ Шляхта завопила: „Баторія!“ Напрасно многіе вельможи представляли, что онъ есть данникъ невѣрныхъ; что стыдно христіанской республикѣ имѣть главою раба султанскаго. Коронный гетманъ Янъ Замойскій, епископъ краковскій и знатная часть дворянства наименовали королемъ седмиградскаго князя, а примасъ и сенаторы польскіе—Максимиліана, стараго, недужнаго, какъ бы для того, чтобы вѣроятною близостію новаго выбора угодить мятежной шляхтѣ, которая любила законодательствовать на сеймахъ. Та и другая сторона увѣдомили избраннаго ею о сей чести, и Максимиліанъ, уже съ смертнаго одра, писалъ въ Москву, что онъ король польскій. „Радуюсь,—отвѣчалъ царь: „но Баторій уже въ Краковѣ!“ Онъ дѣйствительно прибылъ туда съ хоругвію султанскою и съ именемъ короля, къ искреннему огорченію многихъ литовскихъ вельможъ, усердно хотѣвшихъ имѣть Ѳеодора своимъ государемъ, въ надеждѣ, что сей юный царевичъ, невинный въ жестокостяхъ родителя, будетъ всегда жить въ Литвѣ, приметъ ихъ обычаи и нравы, полюбитъ сію страну единовѣрную, какъ второе отечество, утвердитъ ея цѣлость миромъ съ россіянами и возвратитъ ей не только Полоцкъ, но, можетъ быть, и Смоленскъ, и всю землю Сѣверскую. „Для чего,—говорили они въ Вильнѣ чиновнику Іоаннову Бастанову,—для чего Іоаннъ не хотѣлъ для себя славы, а для насъ счастія? Для чего послы его не были на сеймѣ съ объявленіемъ условій согласныхъ съ истиннымъ благомъ обѣихъ державъ? Мы не любимъ цесаря, не терпимъ Баторія, какъ присяж-

ника Селимова". Нѣкоторые изъ нихъ даже мыслили, что еще не ушло время дѣйствовать; что можно уничтожить беззаконный выборъ двухъ королей, если Іоаннъ отнесется съ ласкою и съ дарами къ главнымъ польскимъ вельможамъ; если наше войско немедленно вступитъ въ Литву... Но Максимиліанъ умеръ (12 октября 1576), а Баторій сѣлъ на престолѣ въ Краковѣ, давъ торжественное обязательство свято наблюдать договоръ Генриховъ и всѣ уставы республики, жениться на пятидесятилѣтней сестрѣ Августа-Сигизмунда, Аннѣ,—заключить союзъ съ Оттоманскою имперіею, смирить хана, освободить мечомъ или выкупить всѣхъ христіанскихъ плѣнниковъ въ Тавридѣ, оградить безопасность государства крѣпостями, всегда лично предводительствовать ратію и снова присоединить къ Литвѣ всѣ ея земли, завоеванныя царями московскими, если сенатъ и народъ хотятъ войны съ Россіею. „Да исчезнетъ боязнь малодушная! — говорилъ онъ, — имѣю дружину опытную, силу въ рукѣ и доблесть въ сердцѣ!"—Раздоры кончились; недовольные умолкли. Польша и Литва единодушно воскликнули: „да здравствуетъ король Баторій".

Іоаннъ казался равнодушнымъ и спокойнымъ. Свѣдавъ, что ѣдутъ къ нему посланники Стефановы, онъ велѣлъ оказать имъ надлежащую честь. Бояре спрашивали у нихъ о родѣ Баторія, хотѣли знать, какой титулъ даютъ ему въ письмахъ султанъ, императоръ и другіе государи? Посланники отвѣтствовали: „царь увидилъ титулъ Стефановъ въ его грамотѣ". Ихъ представили. Іоаннъ сидѣлъ на тронѣ, въ вѣнцѣ; подлѣ него старшій царевичъ; бояре на скамьяхъ въ тронной, дворяне и дьяки въ сѣняхъ; дѣти боярскіе стояли на крыльцѣ и въ переходахъ до Набережной палаты; близъ сей палаты, у перилъ и до церкви Благовѣщенія, гости и люди приказные, всѣ безъ исключенія въ золотой одеждѣ; на площади стрѣльцы съ ружьями. Взявъ грамоту Баторіеву, царь спросилъ о здоровьѣ короля, но не звалъ посланниковъ къ обѣду. Въ письмѣ, учтивомъ и скромномъ, Стефанъ обѣщалъ наблюдать до урочнаго времени сосѣдственную дружбу, требуя вида, или опасной грамоты, для свободнаго проѣзда великихъ литовскихъ пословъ въ Москву; увѣрялъ въ своемъ искреннемъ миролюбіи; жаловался на Максимиліана, который въ досадѣ и ненависти злословилъ его, называлъ данникомъ турецкимъ, а самъ платилъ султану въ десять разъ болѣе, и болѣе седмиградскихъ князей ему раболѣпствовалъ. Бояре именемъ государя сказали посланникамъ, что король Стефанъ явно идетъ на кровопролитіе: ибо 1) въ грамотѣ своей не даетъ Іоанну титула царскаго, ни смоленскаго, ни полоцкаго князя, какимъ всѣ признаютъ его, кромѣ безмысленныхъ ляховъ, имену-

ющихъ Густава Шведскаго, хотя и не вѣнценосца, королемъ; 2) дерзаетъ называть царя братомъ своимъ, будучи воеводою седмиградскимъ, подданнымъ короля венгерскаго, и слѣдственно не выше князей Острожскихъ, Бѣльскихъ или Мстиславскихъ; 3) величаетъ себя государемъ ливонскимъ. Ихъ отпустили съ приказомъ: „если король желаетъ братства съ Іоанномъ, то долженъ не вступаться въ Ливонію и писать его царемъ, великимъ княземъ смоленскимъ и полоцкимъ"; но дали имъ опасную для пословъ грамоту.

Сіе было въ ноябрѣ 1576 года. Угадывая характеръ своего противника, твердость, непреклонность Стефанову, не имѣя надежды достигнуть цѣли однѣми угрозами и склонить его къ тому, чтобы онъ добровольно отдалъ намъ Ливонію, Іоаннъ рѣшился всѣми силами наступить на шведскія и польскія владѣнія въ сей землѣ. Время казалось ему благопріятнымъ: король шведскій, въ угодность женѣ своей, окруживъ себя іезуитами, вводя снова латинскую вѣру въ семъ государствѣ, теряя любовь народа, производя мятежи, расколы, не могъ и мыслить тогда о сильномъ сопротивленіи россіянамъ въ Ливоніи; а Стефанъ воевалъ въ Пруссіи и долженъ былъ заняться кровопролитною осадою бунтующаго Данцига. Ханъ Девлетъ-Гирей, боясь долговременнымъ бездѣйствіемъ заслужить презрѣніе россіянъ, отважился было (въ 1576 году) явиться въ полѣ съ пятидесятью тысячами всадниковъ; но съ Молочныхъ Водъ ушелъ назадъ, свѣдавъ, что полки московскіе стоятъ на берегахъ Оки; что самъ Іоаннъ въ Калугѣ; что донскіе казаки въ смѣломъ набѣгѣ взяли Исламъ-Кирмень. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія для безопасности государственной; умноживъ войско въ крѣпостяхъ юго-восточной и западной Россіи для отраженія хана и Литвы; составивъ, сверхъ того, значительную рать судовую на Волгѣ изъ двинянъ, пермичей, суздальцевъ, чтобы обуздывать мятежную черемису, Астрахань, ногаевъ и вмѣстѣ съ донскими казаками дѣйствовать противъ самой Тавриды, Іоаннъ готовился рѣшить судьбу Ливоніи.

Насталъ 1577 годъ, ужаснѣйшій для сей земли несчастной, предзнаменованный (какъ думалъ народъ) страшными осенними вѣтрами и неслыханными зимними метелями, такъ что море Балтійское покрылось остатками разбитыхъ кораблей, а берега и пути трупами людей, утопшихъ во глубинѣ водъ и снѣговъ, равно бурныхъ. Въ сіе время 50.000 россіянъ шло отъ Новгорода къ Ревелю, коего граждане тщетно ждали вспоможенія моремъ изъ Финляндіи, Швеціи, Любека: корарли съ запасами и съ воинами тонули или, уступая силѣ противныхъ вѣтровъ, обращались назадъ. Все было въ ожиданіи и въ страхѣ; а король шведскій, какъ бы въ шутку, писалъ къ Іоанну, что имъ нѣтъ никакой

причины воевать другъ съ другомъ; что Швеція продаетъ Ревель нѣмецкому императору и что царь, желая имѣть сей городъ, можетъ требовать его отъ наслѣдника Максимиліанова.

Но Ревельцы ободряли себя воспоминаніемъ 1571 года—то-есть Магнусова бѣгства отъ ихъ стѣнъ—и подъ начальствомъ шведскаго генерала Горна встрѣтили россіянъ съ хладнокровнымъ мужествомъ. Первыми воеводами царскими были юный князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій и старшій изъ московскихъ полководцевъ Иванъ Васильевичъ Меньшій Шереметевъ, который далъ слово государю взять Ревель или положить тамъ свою голову. Тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ управлялъ князь Никита Пріимковъ-Ростовскій, имѣя многихъ пушкарей нѣмецкихъ и шотландскихъ. 23 января началась осада, 27 пальба изо всѣхъ нашихъ укрѣпленій—и продолжалась недѣль шесть безъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія. Церкви, домы загорались; но граждане тушили огонь, отвѣтствовали на пальбу пальбою и въ частыхъ вылазкахъ иногда одерживали верхъ, такъ что число россіянъ, отъ битвъ, холода и болѣзней, значительно уменьшилось. Шереметевъ сдержалъ слово: не взялъ Ревеля, но положилъ свою голову, убитый ядромъ пушечнымъ. Тѣло сего храбраго воеводы отвезли въ Москву вмѣстѣ съ добычею и плѣнниками, эстонскими и финляндскими: ибо князь Мстиславскій, несмотря на заключенное двухлѣтнее перемиріе съ Финляндіею, посылалъ татарскую конницу, черезъ ледъ залива, опустошать сію землю. Для устрашенія ревельцевъ и для ободренія своихъ, воеводы московскіе распускали слухъ, что самъ государь къ нимъ ѣдетъ; но первые знали (отъ измѣнника, мурзы Булата, ушедшаго изъ стана въ крѣпость), что царь въ Москвѣ; что въ полководцахъ нашихъ нѣтъ бодрости, а въ воинахъ нѣтъ довѣренности къ полководцамъ—и съ гордостію отвергали всѣ миролюбивыя предложенія Мстиславскаго. 13 марта россіяне зажгли станъ, наполненный трупами, и, велѣвъ сказать гражданамъ, что прощаются съ ними ненадолго, удалились.

Слѣдстіемъ сего вторичнаго торжества ревельцевъ было опустошеніе всѣхъ Іоанновыхъ владѣній въ Ливоніи: не только шведы и нѣмцы, но и самые эстонскіе крестьяне вездѣ нападали на малочисленныхъ россіянъ. Явился витязь, сынъ ревельскаго монетчика Ивъ Шенкенбергъ, прозванный Аннибаломъ за смѣлость; предводительствуя толпами вооруженныхъ земледѣльцевъ, онъ взялъ Виттенштейнъ, сжегъ Пернау, ограбилъ нѣсколько городковъ и замковъ въ Ервенѣ, въ Вирландіи, близъ Дерпта; злодѣйски мучилъ, убивалъ нашихъ плѣнниковъ и тѣмъ возбудилъ жестокую месть, которая скоро пала на Ливонію, ибо войско, столь неудачно осаждавшее Ревель, было только нашимъ передовымъ отрядомъ.

Іоаннъ весною съ обоими сыновьями прибылъ въ Новгородъ: тамъ и во Псковѣ соединились всѣ ратныя силы его обширнаго царства, всѣхъ земель и городовъ, южныхъ и полунощныхъ, христіанскихъ и невѣрныхъ; съ береговъ моря Каспійскаго и Сѣвернаго, черкасы и ногаи, мордва и татары, князья, мурзы, атаманы—накоиецъ всѣ воеводы, кромѣ сторожевыхъ, оставленныхъ блюсти границу отъ Днѣпра до Воронежа. Подъ Іоанномъ начальствовалъ бывшій царь касимовскій Саинъ-Булатъ, который тогда, уже будучи христіаниномъ, именовался Симеономъ, великимъ княземъ Тверскимъ. Князья Иванъ Шуйскій, Василій Сицкій, Шейдяковъ, Ѳедоръ Мстиславскій и бояринъ Никита Романовичъ Захаринъ-Юрьевъ предводительствовали особенными полками. Давно Россія не видала такого сильнаго войска. Всѣ думали, что оно устремится на Ревель. „Мужайтесь снова,—писали къ его гражданамъ рижане, отправивъ къ нимъ суда съ хлѣбомъ и воинскими снарядами:—готовьтесь къ третьей ужаснѣйшей бурѣ и въ третій разъ да спасетъ васъ Господь отъ злочестиваго тирана!“ 15-го іюня выѣхавъ изъ Новгорода, царь около мѣсяца жилъ во Псковѣ, гдѣ явился къ нему и Магнусъ, уже съ трепетомъ, уже вѣроломный, какъ увидимъ; но еще царь не зналъ сего тайнаго коварства и велѣлъ ему съ его нѣмецкою дружиною идти къ Вендену, а самъ 25-го іюля вступилъ въ южную Ливонію, къ изумленію поляковъ, которые тамъ господствовали, считая себя въ мирѣ съ Россіею. Такимъ образомъ началася война Іоаннова съ Баторіемъ, столь важная послѣдствіями! Главный воевода Стефановъ, Ходкевичъ, нимало не готовый къ оборонѣ, бѣжалъ, за нимъ и другіе. Царь въ нѣсколько дней взялъ Маріенгаузенъ, Луиценъ, Розиттенъ, Дюнебургъ, Крейцбургъ, Лаудонъ; защитники ихъ, поляки и нѣмцы, не обнажили меча, требуя милосердія: которые сдавались безъ размышленія, тѣхъ выпускали свободными, которые медлили, тѣхъ брали въ плѣнъ. До основанія разоривъ Лаудонъ, а всѣ другія крѣпости занявъ московскими дружинами, Іоаннъ отрядилъ воеводу Ѳому Бутурлина къ городу Зесвегену, гдѣ начальствовалъ братъ измѣнника Таубе. Россіяне овладѣли посадомъ; но Бутурлинъ извѣстилъ царя, что нѣмцы, отвергнувъ милость, сѣли на смерть въ крѣпости. Государь пришелъ самъ и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ; стѣны пали, а съ ними и нѣмцы къ ногамъ его. Уже не было милости: знатнѣйшихъ изъ нихъ посадили на колъ; другихъ продали татарамъ въ неволю. Берсонъ, Кальценау покорились безъ условія: Іоаннъ отпустилъ всѣхъ тамошнихъ нѣмцевъ, съ женами и дѣтьми, въ Курляндію. Съ другой стороны Магнусъ также бралъ города, не силою, а добровольно. „Хотите ли спасти жизнь, свободу, достояніе?—писалъ онъ къ ливонцамъ:—поко-

ритесь мнѣ, или увидите надъ собою мечъ и оковы въ рукахъ москвитянъ". Всѣ съ радостію признавали его королемъ, на условіяхъ выгодныхъ для ихъ безопасности, и въ надеждѣ избавиться тѣмъ отъ грозы Іоанновой. Магнусъ, безъ вѣдома государева, занялъ Кокенгузенъ, Ашераденъ, Ленвардъ, Роннебургъ и многія иныя крѣпости; наконецъ Венденъ и Вольмаръ, гдѣ граждане выдали ему воеводу Стефанова, князя Александра Полубенскаго. Съ легкомысленною гордостію извѣстивъ царя о сихъ успѣхахъ, онъ требовалъ, чтобы россіяне не безпокоили ливонцевъ, уже вѣрныхъ законному королю своему, и въ числѣ городовъ, ему подвластныхъ, называлъ даже самый Юрьевъ или Дерптъ. Іоаннъ изумился!

Мы видѣли, что царь, избравъ Магнуса въ орудіе нашей политики, не ослѣплялся излишнею къ нему довѣренностію; помнилъ измѣну Таубе и Крузе; зналъ, что союзъ родственный не есть надежное ручательство въ усердіи властолюбиваго. Онъ, конечно, не оставилъ безъ вниманія и не забылъ слуховъ о тайныхъ Магнусовыхъ сношеніяхъ съ панами, но молчалъ, скрывалъ подозрѣніе до сего времени: тутъ закипѣлъ гнѣвомъ, устремился къ Кокенгузену, велѣлъ умертвить тамъ 50 нѣмцевъ Магнусовой дружины и всѣхъ жителей продать въ неволю; а къ зятю написалъ слѣдующее: „Гольдовнику нашему, Магнусу королю. Я отпустилъ тебя изо Пскова съ дозволеніемъ занять единственно Венденъ... а ты, слѣдуя внушеніямъ злыхъ людей или собственной безразсудности, хочешь всего! Знай, что мы недалеко другъ отъ друга. Управа легка: имѣю воиновъ и сухари; а болѣе мнѣ ничего ненадобно. Или слушайся, или—если ты не доволенъ городами, мною тебѣ данными—иди за море въ свою землю. Могу отправить тебя и въ Казань; а Ливонію очищу и безъ твоего содѣйствія". Пославъ воеводъ своихъ въ Ашераденъ, Ленвардъ, Шваненбургъ, Тирсенъ, Пебальге, царь два дня отдыхалъ въ Кокенгузенѣ, гдѣ, любя пренія богословія, мирно бесѣдовалъ съ главнымъ пасторомъ о вѣрѣ евангелической: но едва было не предалъ его казни за нескромное сравненіе Лютера съ апостоломъ Павломъ. Узнавъ, что крѣпости южной Ливоніи не противятся нашему войску, онъ выступилъ къ Эрлѣ, плѣнилъ всѣхъ ея жителей за то, что они не вдругъ сдалися, и спѣшилъ къ Вендену. Въ то же время Богданъ Бѣльскій съ московскими стрѣльцами окружилъ Вольмаръ, гдѣ начальствовалъ сановникъ Магнусовъ, Георгъ Вильке. Сія крѣпость считалась одною изъ важнѣйшихъ. Вильке не хотѣлъ впустить россіянъ, отвѣтствуя, что она взята королевскою саблею; но, видя изготовленія къ приступу, выѣхалъ къ нашему воеводѣ и сказалъ: „Знаю, что мой король присяжникъ царя: удерживаюсь отъ кровопролитія.

Возьмите городъ: ѣду къ Магнусу". Его послали къ Іоанну съ двадцатью нѣмцами, а другихъ Магнусовыхъ людей, числомъ семьдесятъ, изрубили, купцовъ и всѣхъ жителей оковали, ихъ имѣніе и домы опечатали. Въ знакъ своего особеннаго удовольствія Іоаннъ наградилъ Бѣльскаго золотою цѣпью, а бывшихъ съ нимъ дворянъ золотыми медалями.

Въ Венденѣ находился самъ Магнусъ, который не хотѣлъ ѣхать къ царю навстрѣчу, но, исполняя волю его, прислалъ къ нему воеводу Стефанова, князя Полубенскаго, и двухъ знатныхъ сановниковъ съ извиненіями. Обласкавъ перваго, Іоаннъ, какъ пишутъ, вывѣдалъ отъ него важную тайну: узналъ вѣроломство своего присяжника, узналъ, что Магнусъ сносится съ герцогомъ курляндскимъ и мыслитъ покориться съ ливонскими городами Баторію, внутренно ненавидя россіянъ или царя ихъ. Что заставило сего воеводу Стефанова измѣнить довѣренности Магнуса? желаніе ли отмстить ему за бунтъ вольмарскихъ жителей? малодушный ли страхъ? не ожидаемая ли милость Іоаннова? Какъ бы то ни было, царь могъ законно казнить измѣнника, могъ предаться естественному, праведному гнѣву — но, умѣя иногда обуздывать себя, хладнокровно велѣлъ двухъ пословъ Магнусовыхъ высѣчь розгами и сказать ему, чтобы онъ немедленно явился въ нашемъ станѣ. Магнусъ трепеталъ, не смѣлъ ослушаться и съ двадцатью - пятью чиновниками поѣхалъ на страшный судъ; увидѣлъ Іоанна, сошелъ съ коня, палъ къ ногамъ царскимъ. Іоаннъ поднялъ его и говорилъ такъ, болѣе съ презрѣніемъ, нежели съ гнѣвомъ: „Глупецъ! ты дерзнулъ мечтать о королевствѣ Ливонскомъ? ты, бродяга, нищій, принятый въ мое семейство, женатый на моей возлюбленной племянницѣ, одѣтый, обутый мною, надѣленный казною и городами—ты измѣнилъ мнѣ, своему государю, отцу, благодѣтелю? Дай отвѣтъ! Сколько разъ слышалъ я о твоихъ замыслахъ гнусныхъ? но не вѣрилъ, молчалъ. Нынѣ все открылось. Ты хотѣлъ обманомъ взять Ливонію и быть слугою польскимъ. Но Господь милосердый сохранилъ меня и предаетъ тебя въ мои руки. Итакъ, будь жертвою правосудія: возврати мое, и снова пресмыкайся въ ничтожествѣ!" Магнуса со всѣми его чиновниками заперли въ одномъ пустомъ, ветхомъ домѣ, гдѣ онъ нѣсколько дней и ночей провелъ на соломѣ. Между тѣмъ что дѣлалось въ Венденѣ?

Россіяне безъ сопротивленія вступили въ городъ. Воеводы, князь Голицынъ и Салтыковъ, не велѣли трогать имъ жителей: вездѣ поставили крѣпкую стражу; очистили домы для государя и бояръ. Все казалось мирно и тихо. Но Магнусовы нѣмцы, боясь свирѣпости Іоанновой, съ женами, съ дѣтьми, съ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ укрылись въ замкѣ и не отворяли его. Россіяне

хотѣли употребить силу; нѣмцы начали стрѣлять, убили многихъ дѣтей боярскихъ, ранили воеводу Салтыкова; не слушались даже и Магнуса, который имъ приказывалъ сдаться. Узнавъ о томъ, гнѣвный царь велѣлъ знатнаго плѣнника Георга Вилькe посадить на колъ, пушками разбить замокъ, умертвить всѣхъ нѣмцевъ. Три дня громили стѣны: онѣ валились; не было спасенія для осажденныхъ. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: „Умремъ, если такъ угодно Богу, но не дадимъ себя тирану на муки. Подорвемъ замокъ". Всѣ изъявили согласіе, даже и пасторы, съ ними бывшіе. Наполнили порохомъ своды древняго магистерскаго дома, причастились Святыхъ Таинъ, стали на колѣна, рядомъ семействами: мужья съ женами, матери съ дѣтьми; молились усердно—и, видя стремящихся къ нимъ россіянъ, дали знакъ: сановникъ Магнусовъ, Генрихъ Бойсманъ, бросилъ въ окно горящій фитиль на кучу пороха... съ ужаснымъ трескомъ взлетѣло зданіе. Всѣ погибли, кромѣ Бойсмана, оглушеннаго ударомъ, изувѣченнаго, но еще живого, найденнаго въ развалинахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ испустилъ духъ и, мертвый, былъ посаженъ на колъ! Страшная месть пала и на мирныхъ жителей: мучили и казнили, сѣкли и жгли ихъ, на улицахъ безчестили женъ и дѣвицъ. Трупы лежали вокругъ города непогребенные. Однимъ словомъ, сія венденская кара принадлежитъ къ ужаснѣйшимъ подвигамъ Іоаннова тиранства: она удвоила ненависть ливонцевъ къ россіянамъ.

Оттуда царь пошелъ къ Роннебургу, Трикату, Шмильтену; сіи крѣпости, занятыя литовцами, ему не противились. Начальники мирно встрѣчали его, довольные свободою возвратиться въ отечество, безъ оружія и безъ имѣнія; а нѣмцевъ съ женами и дѣтьми брали въ плѣнъ. Оставалось только взять Ригу; но предвидя осаду кровопролитную, Іоаннъ спѣшилъ въ Вольмаръ торжествовать свои побѣды; далъ великолѣпный пиръ воеводамъ россійскимъ и знатнымъ литовскимъ освобожденнымъ плѣнникамъ; въ особенности ласкалъ князя Александра Полубенскаго; одарилъ ихъ шубами и кубками; сказалъ имъ гордо: „Идите къ королю Стефану; убѣдите его заключить миръ со мною на условіяхъ, мнѣ угодныхъ: ибо рука моя высока! Вы видѣли; да знаетъ и онъ!.." Вольмаръ напомнилъ Іоанну бѣглеца Курбскаго: онъ написалъ къ нему письмо такого содержанія (и вручилъ князю Полубенскому для доставленія): „Мы, великій государь всея Россіи, къ бывшему московскому боярину... Смиреніе да будетъ въ сердцѣ и на языкѣ моемъ. Вѣдаю свои беззаконія, уступающія только милосердію Божію: оно спасетъ меня, по слову евангельскому, что Господь радуется о единомъ кающемся грѣшникѣ болѣе, нежели о десяти праведникахъ. Сія пучина благости потопитъ грѣхи мучителя и блудника!.. Нѣтъ, не хвалюся честью:

честь не моя, а Божія... Смотри, о княже, судьбы Всевышняго. Вы, друзья Адашева и Сильвестра, хотѣли владѣть государствомъ... и гдѣ же нынѣ? Вы, сверженные правосудіемъ, кипя яростію, вопили, что не осталось мужей въ Россіи; что она безъ васъ уже безсильна и беззащитна; но васъ нѣтъ, а тверди нѣмецкія пали предъ силою Креста Животворящаго! Мы тамъ, гдѣ вы не бывали... Нѣтъ, ты былъ здѣсь, но не въ славѣ побѣды, а въ стыдѣ бѣгства, думая, что ты уже далеко отъ Россіи, въ убѣжищѣ безопасномъ для измѣны, недоступномъ для ея мстителей. Здѣсь ты изрыгалъ хулы на царя своего; но здѣсь нынѣ царь, здѣсь Россія!.. Чѣмъ виновенъ я предъ вами? Не вы ли, отнявъ у меня супругу милую, сдѣлались истинными виновниками моихъ человѣческихъ слабостей? Говорите о лютости царя, хотѣвъ лишить его и престола и жизни! Войною ли, кровію ли я пріобрѣлъ государство, бывъ государемъ еще въ колыбели? И князь Владиміръ, любезный вамъ, измѣнникамъ, имѣлъ ли право на державу, не только по своему роду, но и по личному достоинству, князь равно безсмысленный и неблагодарный, вашими отцами вверженный въ темницу и мною освобожденный? Я стоялъ за себя; остервенѣніе злодѣевъ требовало суда неумолимаго... Но не хочу многословія; довольно и сказаннаго. Дивися промыслу небесному, войди въ себя, разсуди о дѣлахъ своихъ! Не гордость велитъ мнѣ писать къ тебѣ, а любовь христіанская, да воспоминаніемъ исправишься, и да спасется душа твоя".— Сіе мнимое смиреніе, конечно, не исправило и не обмануло измѣнника, но могло растравить язву сердца его, къ удовольствію мстительнаго царя. Курбскій, также мстительный, ждалъ благопріятнаго времени для отвѣта: оно приближалось!

Доселѣ Іоаннъ бралъ, что хотѣлъ; свирѣпствовалъ, казнилъ Ливонію безпрепятственно; смѣялся надъ слабостію враговъ, съ надменностію воображалъ ужасъ, отчаяніе королей шведскаго и польскаго; думалъ, что оружіе уже все рѣшило, что остальное прибавятъ договоры сильнаго съ безсильными. Отрядивъ часть конницы къ Ревелю для новаго опустошенія шведскихъ владѣній, разставивъ войско по городамъ, ввѣривъ оное великому князю тверскому Симеону, князьямъ Ивану Шуйскому и Василію Сицкому, царь поѣхалъ въ Дерптъ. За нимъ везли измѣнника Магнуса и знатныхъ дворянъ его, которые ежечасно ждали смерти; но Іоаннъ, не уважая законовъ государственной нравственности, государственнаго неумолимаго правосудія, умѣлъ быть снисходительнымъ къ измѣнѣ для выгодъ политики. Такъ онъ, будучи въ Дюнебургѣ, милостиво сносился съ бѣглецами Крузе и Таубе, ибо сіи вѣроломные, видя успѣхи его, дерзнули снова предложить ему свои услуги, искренно или коварно, съ обѣщаніемъ

способствовать намъ въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ. Такъ Іоаннъ, къ общему удивленію, простилъ и Магнуса въ Дерптѣ, взявъ съ него клятву въ вѣрности, съ обязательствомъ заплатить Россіи 40,000 венгерскихъ гульденовъ; возвратилъ ему свободу и владѣніе, Оберпаленъ, Каукусъ, еще прибавилъ къ симъ городамъ Гельметъ, Зигесвальде, Розенбергъ и другіе; оставилъ Магнусу имя короля, а себѣ верховнаго повелителя Ливоніи, и велѣлъ тамъ изобразить въ церквахъ слѣдующую надпись худыми нѣмецкими стихами, имъ самимъ, какъ увѣряютъ, сочиненными: „Есмь Іоаннъ, государь многихъ земель, исчисленныхъ въ моемъ титулѣ. Исповѣдую вѣру предковъ своихъ, истинно христіанскую, по ученію св. апостола Павла вмѣстѣ съ добрыми москвитянами. Я ихъ царь природный: не вымолилъ, не купилъ сего титула; а мой царь есть Іисусъ Христосъ“ — Изъ Дерпта пріѣхавъ во Псковъ, Іоаннъ осмотрѣлъ всѣхъ плѣнниковъ ливонскихъ, нѣкоторыхъ освободилъ, другихъ скованныхъ послалъ въ Москву, и самъ, какъ бы утружденный великими подвигами, спѣшилъ отдохнуть въ уединеніи слободы Александровской.

Здѣсь конецъ нашихъ воинскихъ успѣховъ въ Ливоніи, хотя и не весьма важныхъ для потомства, но знаменитыхъ блестящихъ для тогдашнихъ россіянъ, которые славились взятіемъ двадцати семи городовъ въ два или три мѣсяца. Увидимъ жестокій оборотъ судьбы, злополучіе отечества и стыдъ царя; увидимъ новое доказательство, что малодушіе свойственно тирану, ибо бѣдствія для него казнь, а не искушеніе, и довѣренность къ Провидѣнію столь же чужда его сердцу боязливому, сколь и довѣренность къ народному усердію!.. Но прежде описанія войны, какой дотолѣ мы не имѣли, въ послѣдній разъ еще явимъ Іоанна губительнымъ ангеломъ тьмы для россіянъ, обагреннымъ святою кровію невинности.

Уже не было имени опричниковъ, но жертвы еще падали, хотя и рѣже, менѣе числомъ; тиранство казалось утомленнымъ, дремлющимъ, только отъ времени до времени пробуждаясь. Еще великое имя вписалось въ огромную книгу убійствъ сего царствованія смертоноснаго. Первый изъ воеводъ россійскихъ, первый слуга государевъ—тотъ, кто въ славнѣйшій часъ Іоанновой жизни прислалъ сказать ему: Казань наша; кто уже гонимый, уже знаменованный опалою, безчестіемъ ссылки и темницы сокрушилъ ханскую силу на берегахъ Лопасни и еще принудилъ царя изъявить ему благодарность отечества за спасеніе Москвы—князь Михаилъ Воротынскій, чрезъ десять мѣсяцевъ послѣ своего торжества, былъ преданъ на смертную муку, обвиняемый рабомъ его въ чародѣйствѣ, въ тайныхъ свиданіяхъ съ злыми вѣдьмами и въ умыслѣ извести царя,—доносъ нелѣпый, обыкновенный въ

сіе время и всегда угодный тирану! Мужа славы и доблести привели къ царю окованнаго. Услышавъ обвиненіе, увидѣвъ доносителя, Воротынскій сказалъ тихо: „Государь! дѣдъ, отецъ мой учили меня служить ревностно Богу и царю, а не бѣсу; прибѣгать въ скорбяхъ сердечныхъ къ алтарямъ Всевышняго, а не къ вѣдьмамъ. Сей клеветникъ есть мой рабъ бѣглый, уличенный въ татьбѣ: не вѣрь злодѣю“. Но Іоаннъ хотѣлъ вѣрить, доселѣ щадивъ жизнь сего послѣдняго изъ вѣрныхъ друзей Адашева, какъ бы невольно, какъ бы для того, чтобы имѣть хотя единаго побѣдоноснаго воеводу на случай чрезвычайной опасности. Опасность миновала—и шестидесятилѣтняго героя связаннаго положили на дерево между двумя огнями; жгли, мучили. Увѣряютъ, что самъ Іоаннъ кровавымъ жезломъ своимъ пригребалъ пылающіе уголья къ тѣлу страдальца. Изожженнаго, едва дышащаго взяли и повезли Воротынскаго на Бѣлоозеро; онъ скончался въ пути. Знаменитый прахъ его лежитъ въ обители св. Кирилла. „О мужъ великій!—пишетъ несчастный Курбскій:—мужъ крѣпкій душею и разумомъ! священна, незабвенна память твоя въ мірѣ! Ты служилъ отечеству неблагодарному, гдѣ добродѣтель губитъ и слава безмолвствуетъ: но есть потомство, и Европа о тебѣ слышала; знаетъ, какъ ты своимъ мужествомъ и благоразуміемъ истребилъ воинство невѣрныхъ на поляхъ московскихъ, къ утѣшенію христіанъ и къ стыду надменнаго султана! Пріими же здѣсь хвалу громкую за дѣла великія, а тамъ, у Христа Бога нашего, вѣчное блаженство за неповинную муку!“ Знатный родъ князей Воротынскихъ, потомковъ св. Михаила Черниговскаго, уже давно пресѣкся въ Россіи: имя князя Михаила Воротынскаго сдѣлалось достояніемъ и славою нашей исторіи.

Вмѣстѣ съ нимъ замучили боярина-воеводу, князя Никиту Романовича Одоевскаго, брата злополучной Евдокіи, невѣстки Іоанновой, уже давно обреченнаго на гибель мнимымъ преступленіемъ зятя и сестры; но тиранъ любилъ иногда отлагать казнь, хваляся долготерпѣніемъ или наслаждаясь долговременнымъ страхомъ, трепетомъ сихъ несчастныхъ! Тогда же умертвили стараго боярина, Михаила Яковлевича Морозова, съ двумя сыновьями и съ супругою Евдокіею, дочерью князя Дмитрія Бѣльскаго, славною благочестіемъ и святостію жизни. Сей мужъ прошелъ невредимо сквозь всѣ бури московскаго двора; устоялъ въ превратностяхъ мятежнаго господства бояръ, любимый и Шуйскими, и Бѣльскими, и Глинскими; на первой свадьбѣ Іоанновой, въ 1547 году, былъ дружкою, слѣдственно ближнимъ царскимъ человѣкомъ; высился и во время Адашева, опираясь на достоинства; служилъ въ посольствахъ и воинствахъ, управлялъ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ казанской осадѣ; не вписанный въ опрични-

ну, не являлся на кровавыхъ пирахъ съ Басмановыми и съ Малютою, но еще умомъ и трудами содѣйствовалъ благу государственному; наконецъ, палъ въ чреду свою, какъ противный остатокъ, какъ ненавистный памятникъ временъ лучшихъ. Такъ же палъ (въ 1575 году) старый бояринъ, князь Петръ Андреевичъ Куракинъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ воеводъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, вмѣстѣ съ бояриномъ Иваномъ Андреевичемъ Бутурлинымъ, который, переживъ гибель своихъ многочисленныхъ единородцевъ, умѣвъ снискать даже особенную милость Іоаннову, не избавился опалы ни заслугами, ни искусствомъ придворнымъ. Въ сей годъ и въ слѣдующіе два казнили окольничихъ: Петра Зайцева, ревностнаго опричника; Григорія Собакина, дядю умершей царицы Марѳы; князя Тулупова, воеводу дворовато, слѣдственно любимца государева, и Никиту Борисова; кравчаго, Іоаннова шурина, Марѳина брата, Калиста Васильевича Собакина, и оружничаго, князя Ивана Деветелевича. Не знаемъ вины ихъ, или, лучше сказать, предлога казни. Видимъ только, что Іоаннъ не измѣнялъ своему правилу смѣшенія въ губительствѣ: довершая истребленіе вельможъ старыхъ, осужденныхъ его политикою, безпристрастно губилъ и новыхъ; карая добродѣтельныхъ, каралъ и злыхъ. Такъ онъ, въ сіе же время велѣлъ умертвить псковскаго игумена Корнилія, мужа святого, смиреннаго ученика его, Вассіана Муромцева, и новгородскаго архіепископа Леонида, пастыря недостойнаго, алчнаго корыстолюбца: первыхъ какимъ-то мучительнымъ орудіемъ раздавили; послѣдняго обшили въ медвѣжью кожу и затравили псами!.. Тогда уже ничто не изумляло россіянъ: тиранство притупило чувства... Пишутъ, что Корнилій оставилъ для потомства исторію своего времени, изобразивъ въ ней бѣдствія отечества, мятежъ, раздѣленіе царства и гибель народа, отъ гнѣва Іоаннова, глада, мора и нашествія иноплеменниковъ.

Здѣсь Курбскій повѣствуетъ еще о гибели добродѣтельнаго архимандрита Ѳеодорита. Сей мужъ, бывъ инокомъ Соловецкой обители, другомъ св. Александра Свирскаго и знаменитаго старца Порфирія, гонимаго отцомъ Іоанновымъ за смѣлое ходатайство о несчастномъ князѣ Шемякинѣ, имѣлъ славу крестить многихъ дикихъ лопарей; не убоялся пустынь снѣжныхъ; проникъ въ глубину мрачныхъ, хладныхъ лѣсовъ и возвѣстилъ Христа Спасителя на берегахъ Туломы; узнавъ языкъ жителей, истолковалъ имъ евангеліе, изобрѣлъ для нихъ письмена, основалъ монастырь близъ устья Колы, училъ, благотворилъ, подобно св. Стефану Пермскому, и съ сердечнымъ умиленіемъ видѣлъ ревность сихъ мирныхъ, простодушныхъ людей къ вѣрѣ истинной. Въ 1560 году, по волѣ Іоанна, онъ ѣздилъ въ Константинополь и привезъ

ему отъ тамошняго греческаго духовенства благословеніе на санъ царскій вмѣстѣ съ древнею книгою вѣнчанія императоровъ византійскихъ. Послѣ того жилъ въ Вологдѣ, въ монастырѣ св. Дмитрія Прилуцкаго и, несмотря на старость, часто бывалъ въ своей любимой Кольской обители, у новыхъ христіанъ лапландскихъ; ѣздилъ изъ пустыни въ пустыню, лѣтомъ рѣками и моремъ, зимою на оленяхъ; находилъ вездѣ любовь къ нему и вниманіе къ его ученію. Всѣми уважаемый, и самимъ царемъ, Ѳеодоритъ возбудилъ гнѣвъ Іоанновъ дружбою къ князю Курбскому, бывшему духовному сыну сего ревностнаго христіанскаго пастыря: дерзнулъ напомнить государю о жалостной судьбѣ знаменитаго бѣглеца, столь же несчастнаго, сколь и виновнаго; дерзнулъ говорить о прощеніи. Ѳеодорита утопили въ рѣкѣ, по сказанію нѣкоторыхъ, другіе увѣряли, что хотя и заслужилъ опалу, но мирно преставился въ уединеніи.

Не щадя ни добродѣтели, ни святости, требуя во всемъ повиновенія безмолвнаго, Іоаннъ въ то же время съ удивительнымъ хладнокровіемъ терпѣлъ непрестанныя мѣстничества нашихъ воеводъ, которые въ семъ случаѣ не боялись изъявлять самое дерзкое упрямство: молча видѣли казнь своихъ ближнихъ, молча склоняли голову подъ сѣкиру палачей, но не слушались царя, когда онъ назначалъ имъ мѣста въ войскѣ не по ихъ родовому старѣйшинству. Напримѣръ: чей отецъ или дѣдъ воеводствовалъ въ Большомъ полку, тотъ уже не хотѣлъ зависѣть отъ воеводы, коего отецъ или дѣдъ начальствовалъ единственно въ передовомъ или въ сторожевомъ, въ правой или въ лѣвой рукѣ. Недовольный отсылалъ указъ государевъ назадъ съ жалобою, требуя суда. Царь справлялся съ книгами разрядными и рѣшалъ тяжбу о старѣйшинствѣ, или, въ случаяхъ важныхъ, отвѣтствовалъ: „быть воеводамъ безъ мѣстъ, каждому оставаться на своемъ, впредь до разбора“. Но время дѣйствовать уходило, ко вреду государства, и виновникъ не подвергался наказанію. Сіе мѣстничество оказывалось и въ службѣ придворной: любимецъ Іоанновъ, Борисъ Годуновъ, новый кравчій (въ 1578 году), судился съ бояриномъ, княземъ Василіемъ Сицкимъ, котораго сынъ не хотѣлъ служить на ряду съ нимъ за столомъ государевымъ; не смотря на боярское достоинство князя Василія, Годуновъ царскою грамотою былъ объявленъ выше его многими мѣстами, для того, что дѣдъ Борисовъ въ старыхъ разрядахъ стоялъ выше Сицкихъ. Дозволяя воеводамъ спорить о первенствѣ, Іоаннъ не спускалъ имъ оплошность въ ратномъ дѣлѣ: напримѣръ, знатнаго сановника князя Михаила Ноздроватаго высѣкли на конюшнѣ за худое распоряженіе при осадѣ Шмильтена.

„Но сіи люди“,—пишетъ историкъ ливонскій,—„ни отъ казней ни

отъ безчестія не слабѣли въ усердіи къ ихъ монарху. Представимъ достопамятный случай. Чиновникъ Іанновъ, князь Сугорскій, посланный (въ 1576 году) къ императору Максимиліану, занемогъ въ Курляндіи. Герцогъ, изъ уваженія къ царю, нѣсколько разъ навѣдывался о больномъ чрезъ своего министра, который всегда слышалъ отъ него сіи слова: „Жизнь моя ничто: лишь бы государь нашъ здравствовалъ!“ Министръ изъявилъ ему удивленіе. „Какъ можете вы,—спросилъ онъ,—служить съ такою ревностію тирану?“ Князь Сугорскій отвѣтствовалъ: „Мы, русскіе, преданы царямъ, и милосерднымъ и жестокимъ“. Въ доказательство больной разсказалъ ему, что Іоаннъ незадолго передъ тѣмъ велѣлъ, за малую вину, одного изъ знатныхъ людей посадить на колъ; что сей несчастный жилъ цѣлыя сутки, въ ужасныхъ мукахъ говорилъ съ своею женою, съ дѣтьми, и безпрестанно твердилъ: „Боже! помилуй царя!.. То-есть, россіяне славились тѣмъ, чѣмъ иноземцы укоряли ихъ: слѣпою неограниченною преданностію къ монаршей волѣ въ самыхъ ея безразсудныхъ уклоненіяхъ отъ государственныхъ и человѣческихъ законовъ.

Въ сіи годы необузданность Іоаннова явила новый соблазнъ въ преступленіи святыхъ уставовъ церкви, съ безстыдствомъ неслыханнымъ. Царица Анна скоро утратила нѣжность супруга, своимъ ли безплодіемъ, или единственно потому, что его любострастіе, обманывая законъ и совѣсть, искало новыхъ предметовъ наслажденія: сія злосчастная, какъ нѣкогда Соломонія, должна была отказаться отъ свѣта, заключилась въ монастырѣ Тихвинскомъ и, названная въ монашествѣ или въ схимѣ Даріею, жила тамъ до 1626 года; а царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословенія отъ епископовъ, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія женился (около 1575 года) въ пятый разъ на Аннѣ Васильчиковой. Но не знаемъ, далъ ли онъ ей имя царицы, торжественно ли вѣнчался съ нею, ибо въ описаніи его бракосочетаній нѣтъ сего пятаго; не видимъ также никого изъ ея родственниковъ при дворѣ, въ чинахъ, между царскими людьми ближними. Она схоронена въ Суздальской дѣвичьей обители, тамъ, гдѣ лежитъ и Соломонія. Шестою Іоанновою супругою—или, какъ пишутъ, женищемъ—была прекрасная вдова, Василиса Мелентьева: онъ безъ всякихъ иныхъ священныхъ обрядовъ взялъ только молитву для сожитія съ нею! Увидимъ, что симъ не кончились беззаконныя женитьбы царя, ненасытнаго въ убійствахъ и въ любострастіи.

ГЛАВА V.

Г. 1577 — 1582.

Переговоры съ Австріею.—Договоръ съ Даніею.—Дѣла крымскія.—Переговоры и война съ Баторіемъ.—Чудесное дѣло московскихъ пушкарей.—Взятіе Полоцка, Сокола.—Письмо Курбскаго.—Соборъ въ Москвѣ.—Посольство къ императору и къ папѣ.—Завоеваніе Великихъ Лукъ.—Бѣдствія Россіи.—Седьмое супружество Іоанново.—Неслыханное уничиженіе.—Письмо къ Баторію; отвѣтъ его.—Посольство отъ папы.—Славная осада Пскова.—Шведы берутъ Нарву.—Переговоры о мирѣ.—Заключеніе перемирія.—Сыноубійство.—Мысль Іоаннова оставить свѣтъ.—Врачъ Строгановъ.—Бесѣды Іоанновы съ римскимъ посломъ.

Торжествуя въ Москвѣ свои ливонскія завоеванія, презирая Баторія и Швецію, Іоаннъ, кажется, не видалъ, не угадывалъ великихъ для себя опасностей; однакожъ искалъ союзниковъ, писалъ къ новому императору Рудольфу, въ отвѣтъ на его увѣдомленіе о кончинѣ Максиміановой: изъявлялъ готовность заключить съ нимъ договоръ о любви и братствѣ; посылалъ въ Вѣну дворянина Ждана Квашнина, въ надеждѣ склонить цесаря къ войнѣ съ общимъ недругомъ, чтобы изгнать Стефана, раздѣлить Польшу и Литву,—наконецъ, ополчиться со всею Европою на султана,—главная мысль сего времени, внушенная папами императорамъ. При дворѣ вѣнскомъ жилъ тогда знаменитый бѣглецъ, сирадскій воевода Албрехтъ Ласко, врагъ Стефановъ, который имѣлъ тайныя сношенія съ Іоанномъ: государь убѣждалъ его одушевить умомъ своимъ и ревностію медленную, слишкомъ хладнокровную политику австрійскую. Замѣтимъ, что Квашнинъ долженъ былъ развѣдать въ Германіи, друженъ ли папа съ императоромъ, съ королями испанскимъ, французскимъ, шотландскимъ, Елисаветою англійскою; усмирились ли внутренніе мятежи во Франціи; какіе переговоры идутъ у цесаря съ нею и съ другими державами; сколько у него доходу и войска? Такъ со временъ Іоанна III, первоначальника державы россійской и государственной ея системы, цари наши уже не чуждались Европы; уже всегда хотѣли знать взаимныя отношенія государствъ, отчасти изъ любопытства, свойственнаго разуму дѣятельному, отчасти и для того, чтобы въ ихъ союзахъ и непріязни искать непосредственной или хотя отдаленной выгоды для нашей собственной политики. Но Квашнинъ возвратился только съ обѣщаніемъ, что императоръ не замедлитъ прислать кого-нибудь изъ первыхъ вельможъ въ Москву, желая утвердить дружбу съ нами, и, къ неудовольствію Іоанна, Рудольфъ жаловался ему на бѣдственное опустошеніе Ливоніи, несогласное ни съ братствомъ, ни

съ человѣколюбіемъ, ни съ справедливостію. Квашнинъ привезъ также грамоту отъ венгерскаго воеводы Роберта, который, хваля умъ сего царскаго посланника, молилъ Іоанна, какъ второго христіанскаго вѣнценосца, быть спасителемъ Европы, обѣщалъ ему знатное вспоможеніе золотомъ и людьми въ войнѣ съ турками, убѣждалъ его взять Молдавію, отказанную Россіи умершимъ въ Москвѣ господаремъ Богданомъ. Сіе письмо было тайное; ибо австрійскій кабинетъ, издавна опасливый, безъ сомнѣнія, не дозволилъ бы магнату венгерскому отъ имени своего народа сноситься съ чужеземнымъ государемъ о дѣлахъ столь важнымъ. Робертъ уже зналъ императора, искуснаго химика, астронома и всадника, но весьма худого монарха; предвидѣлъ грозу для Венгріи отъ властолюбія султановъ и желалъ противоборствовать оному новымъ властолюбіемъ Россіи, ославленной тогда могуществомъ, ибо Максиміліановы послы, бывшіе у насъ въ 1576 году, распустили слухъ въ Европѣ о несмѣтности Іоаннова войска. Но слабодушный преемникъ Максиміліановъ, хотя и ненавидѣлъ Баторія, хотя и трепеталъ султана, но не думалъ воспользоваться союзомъ царя для того, чтобы взять Польшу и спасти Венгрію.

Другимъ естественнымъ союзникомъ нашимъ могъ быть король датскій, Фридерикъ. Несмотря на миръ съ Швеціею, онъ не вѣрилъ ея дружбѣ, искалъ Іоанновой и (въ 1578 году) прислалъ въ Москву знатныхъ чиновниковъ, Якова Ульфельда и Григорія Ульстанда, съ жалобою, что россіяне заняли въ Ливоніи нѣкоторыя датскія владѣнія: Гапсаль, Лсаль, Лоде, и съ предложеніемъ вѣчнаго мира на условіяхъ выгодныхъ для обѣихъ державъ. Фридерикъ желалъ имѣть часть Эстоніи и способствовать намъ въ изгнаніи шведовъ, хваляся тѣмъ, что онъ не принялъ никакихъ льстивыхъ обѣщаній врага нашего Стефана. Но гордые, непреклонные бояре московскіе, какъ пишетъ Ульфельдъ, думали только о выгодахъ собственнаго властолюбія; не оказали ни малѣйшаго снисхожденія, не хотѣли слушать ни требованій, ни противорѣчій; отвергнули искренній союзъ Даніи, вѣчный миръ и заключили единственно перемиріе на 15 лѣтъ, коего условія были слѣдующія: 1) король признаетъ всю Ливонію и Курляндію собственностію царя, а царь утверждаетъ за нимъ островъ Эзель съ его землями и городами; 2) первому не давать ни людей ни денегъ Баторію, ни шведамъ въ ихъ войнѣ съ Россіею, которая также не будетъ помогать врагамъ Даніи; 3) въ Норвегіи возстановятся древнія границы между россійскими и датскими владѣніями; 4) съ обѣихъ сторонъ объявляется полная свобода для купцовъ и безопасность для путешественниковъ; 5) Фридерикъ не долженъ останавливать нѣмецкихъ художниковъ на пути въ

Москву. За сей договоръ, явно выгодный для одного царя, Ульфельдъ лишился Фридериковой милости и, злобясь на россіянъ, въ описаніи своего путешествія клянетъ ихъ упрямство, лукавый умъ, необузданность безпримѣрную.

Желая, если не союза, то хотя мира съ Девлетъ-Гиреемъ, уже слабымъ, издыхающимъ, Іоаннъ не переставалъ сноситься съ нимъ чрезъ гонцовъ; если не уступалъ, то и не требовалъ ничего, кромѣ шертной грамоты и мирнаго бездѣйствія отъ хана. Девлетъ-Гирей умеръ (29-го іюня 1577 года), и сынъ его, Магметъ-Гирей, заступивъ мѣсто отца, весьма дружелюбно извѣстилъ о томъ Іоанна, сдѣлалъ еще болѣе: напалъ на Литву, разорилъ и выжегъ не малую часть земли Волынской, исполняя совѣтъ вельможъ, которые говорили, что новый ханъ долженъ ознаменовать свое воцареніе пожарами и кровопролитіемъ въ земляхъ сосѣдственныхъ! Іоаннъ спѣшилъ отправить къ нему знатнаго сановника, князя Мосальскаго, съ привѣтствіемъ, съ богатыми дарами, коихъ дотолѣ не видала Таврида, и съ наказомъ весьма снисходительнымъ; напримѣръ: „Бить челомъ хану, обѣщать дары ежегодные въ случаѣ союза, но не писать ихъ въ шертную грамоту; требовать, но безъ упорства, чтобы Магметъ-Гирей называлъ великаго князя царемъ; вообще вести себя смирно, убѣгать рѣчей колкихъ, и если ханъ или вельможи его вспомянуть о временахъ Калиты и царя Узбека, то не оказывать гнѣва, но отвѣтствовать тихо: не знаю старины, вѣдаетъ ее Богъ и вы, государь!“ Столь домогался Іоаннъ найти сподвижника въ новомъ ханѣ, чтобы обуздать Стефана ужасомъ крымскихъ, гибельныхъ для Литвы набѣговъ! Но сія политика, счастливая только въ государствованіе Іоанна III, ни для сына ни для внука его не имѣла успѣха. Магметъ-Гирей за свою дружбу хотѣлъ Астрахани, обѣщая отдать намъ Литву и Польшу; хотѣлъ также, чтобы царь свелъ казаковъ съ Днѣпра и съ Дона. Сіи требованія были объявлены ханскими послами въ Москвѣ. Имъ сказали, что днѣпровскіе и донскіе казаки не зависятъ отъ насъ, что первые служатъ Баторію, а вторые суть бѣглецы россійскіе и литовскіе, коихъ велѣно казнить, гдѣ явятся въ нашихъ предѣлахъ; что оружіе и вѣра навѣки утвердили Астрахань за Россіею; что тамъ уже воздвигнуты храмы Бога христіанскаго, основаны монастыри, живутъ коренные христіане. Магметъ-Гирей твердилъ царю: „Ты уступилъ намъ сей городъ, исполни же обѣщаніе! Тогда вдовы и сироты ваши могутъ спокойно ходить въ серебрѣ и золотѣ, никто изъ моихъ воиновъ не тронетъ ихъ на самыхъ пустынныхъ дорогахъ“. Между тѣмъ онъ просилъ четырехъ тысячъ рублей; государь послалъ ему тысячу, не жалѣлъ даровъ ни для женъ ни для вельможъ его, но не достигъ

цѣли: Стефанъ предупредилъ насъ и, купивъ постыдное дружество сего атамана разбойниковъ, могъ дѣйствовать всѣми силами противъ Россіи.

Любя великія дѣла и славу, но умѣя ждать времени и случая, Баторій, занятый осадою Данцига, какъ бы равнодушно видѣлъ успѣхи Іоанновы въ Ливоніи; безъ сомнѣнія, зналъ, что не переговорами, а мечомъ должно рѣшить дѣло, однакожъ писалъ къ царю, что онъ удивляется его явному недружелюбію и предлагаетъ не лить крови, буде еще можно согласить миромъ выгоды, честь, безопасность обѣихъ державъ, Россіи и Польши. „Твоя досада неосновательна“, отвѣтствовалъ ему Іоаннъ: „взявъ города свои въ Ливоніи, я выслалъ оттуда людей вашихъ безъ всякаго наказанія. Ты король, но не ливонскій“. Послы Стефановы, воеводы мазовецкій и минскій, прибывъ въ Москву (въ январѣ 1578), торжественно объявили боярамъ, что король мыслитъ единственно о спокойствіи державъ христіанскихъ, хочетъ жить въ дружбѣ со всѣми и въ особенности съ Россіею; что перемиріе нарушено непріятельскими дѣйствіями царя въ Ливоніи; что Стефанъ уполномочилъ ихъ (пословъ) возстановить тишину навѣки. Для сего бояре требовали, чтобы король, именуя Іоанна царемъ, великимъ княземъ смоленскимъ и полоцкимъ, не вступался ни въ Ливонію ни въ Курляндію, нераздѣльную съ нею, и еще отдалъ Россіи Кіевъ, Каневъ, Витебскъ съ другими городами; а паны королевскіе требовали не только всей Ливоніи, но и всѣхъ древнихъ россійскихъ областей отъ Калуги до Чернигова и Двины. Видя невозможность мира, согласились единственно возобновить перемиріе на три года, но въ русскую грамоту включили слова: королю не вступаться въ Ливонію (чего не было въ польской грамотѣ), и государь, утверждая сей договоръ обыкновенною присягою, сказалъ: „Цѣлую крестъ сосѣду моему, Стефану, королю, въ томъ, что исполню условія, а Ливонской и Курляндской земли не отступаюсь“. Сановники Карповъ и Головинъ поѣхали къ Стефану быть свидѣтелями его клятвы и размѣняться записями. Но сей договоръ остался безъ дѣйствія и не унялъ кровопролитія.

Уже обстоятельства начали измѣняться, къ досадѣ Іоанна и ко вреду Россіи. Еще въ 1577 году шведскій адмиралъ Гилленанкеръ съ вооруженными судами явился передъ Нарвою, сжегъ тамъ деревянныя укрѣпленія, умертвилъ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько россіянъ; другая толпа шведовъ опустошила часть Кексгольмскаго уѣзда. Ревельцы и Шенкенбергъ-Аннибалъ также непрестанными впаденіями тревожили Эстонію россійскую, а воеводы Іоанновы спокойно отдыхали въ городахъ, презирая слабыхъ враговъ и своимъ бездѣйствіемъ вселяя въ нихъ смѣлость.

Пишутъ, что литовскіе сановники, желая отнять у насъ Дюнебургъ, употребили хитрость: какъ бы въ знакъ дружбы прислали тамошнимъ московскимъ воинамъ бочку вина, ночью ворвались въ крѣпость и всѣхъ ихъ умертвили пьяныхъ. Нѣмцы, служащіе Баторію, столь же внезапно и легко взяли еще гораздо важнѣйшее мѣсто, Венденъ, прославленный великодушною гибелью Магнусовой дружины и жестокою местію царя. Оплошные воеводы не видали, не слыхали, какъ нѣмцы поддѣлали ключи къ воротамъ венденскимъ, вступили въ городъ, чтобы рѣзать сонныхъ россіянъ. Въ то же время свѣдалъ Іоаннъ, что тѣнь мнимаго королевства Ливонскаго, изобрѣтеніе хитрой его политики, исчезла наконецъ бѣгствомъ мнимаго короля. Измѣна, уже давно замышляемая, совершилась: жертва честолюбія и страха, Магнусъ, снова присягнувъ въ вѣрности Іоанну, снова обратился къ Баторію, заключилъ съ нимъ договоръ и тайно уѣхалъ изъ Оберпалена въ Курляндію, въ городокъ Пильтенъ, вмѣстѣ съ юною супругою, которая не безъ горести пожертвовала ему своимъ отечествомъ, хотя и не могла любить дяди, убійцы несчастныхъ ея родителей.

Легковѣріе не было свойственно Іоанну: онъ, конечно, не удивился бѣгству Магнуса, желавъ только на время имѣть въ немъ орудіе для своей политики, но казался изумленнымъ, винилъ себя въ излишнемъ милосердіи къ вѣроломному и послалъ знатнѣйшихъ воеводъ къ Вендену, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго съ сыномъ, боярина Морозова и другихъ, чтобы землю, омоченную тамъ кровію россіянъ, омочить нѣмецкою; но воеводы не умѣли взять крѣпости, стрѣляли изъ пушекъ и, сдѣлавъ проломъ въ стѣнѣ, удалились, ибо свѣдали, что на нихъ идутъ воеводы Баторіевы, Дембинскій, Бюрингъ и Хоткевичъ. Сію неудачу загладили младшіе сановники царскіе, князь Иванъ Михайловичъ Елецкій и дворянинъ Леонтій Григорьевичъ Волуевъ. Сь горстію людей осажденные въ Ленварденѣ рижскими нѣмцами и литовскимъ воеводою, не имѣя хлѣба, имѣя только желѣзо и порохъ, они бились какъ герои въ теченіе мѣсяца, питались лошадинымъ мясомъ, кожами, и своимъ мужествомъ, своимъ терпѣніемъ побѣдили непріятеля: онъ ушелъ, оставивъ множество труповъ подъ стѣнами. Между тѣмъ шведы и неутомимый Шенкенбергъ-Аннибалъ сожгли предмѣстіе Дерпта и всѣхъ захваченныхъ ими россіянъ умертвили, женъ и дѣтей. Не было милосердія, ни человѣчества: обѣ стороны въ ужасныхъ своихъ лютостяхъ оправдывались закономъ мести.

Въ концѣ лѣта воеводы московскіе, князья Иванъ Юрьевичъ Голицынъ, Василій Агишевичъ Тюменскій, Хворостинъ, Тюфякинъ, приступили къ Оберпалену, занятому шведами послѣ Магнусова бѣгства съ согласія тамошнихъ нѣмцевъ. Взявъ сію крѣпость и

200 плѣнниковъ, воеводы ихъ отослали въ Москву на казнь и смерть; должны были идти немедленно къ Вендену, но, споря между собою о начальствѣ, не исполняли царскаго указа. Іоаннъ съ гнѣвомъ послалъ въ Дерптъ знаменитаго дьяка, Андрея Щелкалова, и любимаго дворянина своего, Данила Салтыкова, велѣвъ имъ смѣнить воеводъ въ случаѣ ихъ дальнѣйшаго ослушанія. Наконецъ, они выступили, давъ время изготовиться непріятелю и литовцамъ соединиться со шведами; осадили Венденъ и чрезъ нѣсколько дней (21 октября) увидѣли непріятеля за собою. Сапѣга съ литовцами и нѣмцами, генералъ Бое со шведами напали на 18,000 россіянъ, едва успѣвшихъ построиться внѣ своихъ окоповъ. Долго бились мужественно: но худая конница татарская въ рѣшительный часъ выдала нашу пѣхоту и бѣжала. Россіяне дрогнули, смѣшались, отступили къ укрѣпленіямъ, гдѣ сильною пальбою еще удерживали стремленіе непріятеля. Ночь прекратила битву; Сапѣга и Бое хотѣли возобновить ее, ждали утра; но первый вождь московскій, Голицынъ, окольничій Өедоръ Шереметевъ, князь Андрей Палицкій, вмѣстѣ съ дьякомъ Щелкаловымъ, равно умнымъ и малодушнымъ, въ безуміи страха уже скакали на борзыхъ коняхъ къ Дерпту, оставивъ войско ночью въ ужасѣ, коего слѣдствіемъ было общее бѣгство. Еще нѣкоторые говорили о долгѣ и чести; ихъ не слушали—но они говорили, что думали, и явили примѣръ достойный лучшихъ временъ Рима: воеводы, бояринъ князь Василій Андреевичъ Сицкій, окольничій Василій Өедоровичъ Воронцовъ (начальникъ огнестрѣльнаго снаряда), Данило Борисовичъ Салтыковъ, князь Михайло Васильевичъ Тюфякинъ, не тронулись съ мѣста, хотѣли смерти и нашли ее, когда непріятель, въ слѣдующее утро, видя единственно горсть великодушныхъ въ станѣ, всѣми силами на нихъ ударилъ; окольничаго Татева, князей Хворостинина, Семена Тюфякина, дьяка Клобукова взялъ въ плѣнъ, кинулся на снарядъ огнестрѣльный и съ изумленіемъ увидѣлъ рѣдкое дѣйствіе воинской вѣрности: московскіе пушкари, ужасаясь мысли отдаться непріятелю, повѣсились на своихъ орудіяхъ... Сіи люди не мечтали о славѣ, имена ихъ остались неизвѣстными, самое дѣло не дошло бы до потомства, если бы умный секретарь королевскій, Гейденштейнъ, не внесъ онаго въ свою исторію, съ удивленіемъ души благородной, чувствительной къ великому и въ самыхъ непріятеляхъ. Добычею побѣдителей были 17 пушекъ, весь обозъ и множество коней татарскихъ. Число убитыхъ россіянъ простиралось за 6,000.—Такъ началися важные успѣхи Баторіевы и невзгоды Іоанновы въ сей войнѣ злосчастной, но не безславной для Россіи, которая все имѣла для побѣды, и силу и доблесть, но не имѣла великодушнаго отца-государя!

Доселѣ Іоаннъ не мыслилъ искренно о мирѣ: безъ сомнѣнія, думалъ, что и перемиріе не будетъ утверждено королемъ съ обязательствомъ не вступаться въ Ливонію; ждалъ вѣстей съ одной стороны отъ пословъ московскихъ изъ Кракова, съ другой отъ воеводъ о чаемомъ, легкомъ взятіи Вендена и не хотѣлъ видѣть Стефанова гонца, присланнаго къ нему съ убѣжденіемъ заключить особенный договоръ о городахъ ливонскихъ. Встревоженный судьбою нашего войска подъ Венденомъ, Іоаннъ немедленно отвѣтствовалъ на письмо Баторіево, что онъ согласенъ дружелюбно рѣшить судьбу Ливоніи, будетъ ждать для того новыхъ пословъ королевскихъ въ Москву, удивляется невозвращенію нашихъ изъ Кракова и ревностно желаетъ честнаго мира. Но Баторій уже изготовился къ войнѣ, смиривъ Данцигъ.

Сей опасный врагъ, изъявляя намъ миролюбіе, въ то же время предлагалъ варшавскому сейму необходимость утвердить оружіемъ безопасность государства. „Имѣемъ двухъ злыхъ непріятелей,— сказалъ онъ:—крымцы жгутъ, россіяне берутъ наши владѣнія. Идти ли на обоихъ вмѣстѣ? или съ кого начать?“ Уже присутствіе великаго мужа одушевляло вельможъ и дворянство ревностію ко благу отечества: Баторій зналъ худо языкъ, но твердо исторію Литвы и Польши; исчислилъ земли, отнятыя у нихъ Россіею: винилъ слабость королей, льстилъ народному самолюбію, указывалъ на мечъ свой и выслушалъ разсужденія сейма. „Таврида,— говорили паны, — зависитъ отъ султана: наступательная война съ нею можетъ раздражить его; когда мы будемъ въ Тавридѣ, оттоманы будутъ въ Польшѣ. И что корысти? Сей дикій непріятель всегда грабитъ и всегда бѣденъ. Лучше до времени искать мира съ ханомъ. Государство московское велико и сильно: тѣмъ славнѣе побѣда! Оно цвѣтетъ изобиліемъ природы и торговлею: тѣмъ болѣе добычи!“ Рѣшили единогласно воевать Россію; велѣли собирать многочисленное войско; обременили неслыханными дотолѣ налогами владѣльцевъ и гражданъ: никто не противился; вооружались и платили съ чувствомъ или съ видомъ усердія. Не обольщая себя излишнею надеждою на собственныя силы, Баторій требовалъ вспоможенія отъ другихъ державъ, отъ султана и папы! Желая снискать особенное благоволеніе перваго, онъ не усомнился нарушить святую обязанность чести, ибо думалъ, что совѣсть должна молчать въ политикѣ и что государственная выгода есть главный законъ для государя. Въ самое то время, когда Стефанъ вездѣ искалъ мира и союза, чтобы усильно дѣйствовать противъ насъ, бѣдный казакъ днѣпровскій, родомъ волохъ, славный наѣздникъ и силачъ (одною рукою ломавшій надвое подкову и для сего прозванный Подковою), умѣлъ съ толпою бродягъ нечаянно завоевать Валахію, гдѣ властво-

валъ присяжникъ султанскій, другъ Баторіевъ, господарь Петръ. Оскорбленный такимъ успѣхомъ дерзости, Стефанъ послалъ войско изгнать хищника. Но мужественный казакъ, воеводами и словомъ Баторія удостовѣренный въ личной безопасности, сдался имъ добровольно. Что жъ сдѣлалъ король? велѣлъ отсѣчь ему голову, въ угодность султану и въ присутствіи его посла, сказавъ вельможамъ: „Для народнаго права не раздражу сильнаго, ко вреду государства!“ Сіе вѣроломство доставило Баторію одну ласку Амуратову; умный визирь Махметъ сказалъ посламъ Стефановымъ въ Царьградѣ: „Желаемъ королю славы и побѣды; возможно, хотя и нелегко, одолѣть царя московскаго, коего одинъ султанъ превосходитъ грозою“. Папа обѣщалъ Баторію ходатайствовать за него во всѣхъ кабинетахъ Европы и прислалъ мечъ съ благословеніемъ, а курфирстъ бранденбургскій нѣсколько пушекъ. Король датскій, тайно доброхотствуя врагу нашему, колебался, ждалъ слѣдствій, но шведскій немедленно заключилъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ. Ханъ требовалъ даровъ отъ Литвы и получилъ ихъ съ условіемъ содѣйствовать ей въ войнѣ россійской. Изъ Трансильваніи шла къ Стефану его старая, опытная дружина, изъ земли нѣмецкой— рать наемная. Еще недоставало доходовъ государственныхъ для всѣхъ воинскихъ издержекъ: онъ умѣрилъ расходы двора; сыпалъ въ казну собственное золото и серебро; занималъ, гдѣ могъ; осматривалъ, училъ войско; готовилъ съѣстные припасы и, какъ бы имѣя еще много свободнаго времени, учреждалъ новыя судилища, давалъ новые уставы государственные, льстилъ дворянству, утверждалъ власть королевскую.

Въ сихъ обстоятельствахъ прибыли къ нему послы Іоанновы, Карповъ и Головинъ, съ мирною грамотою. Чиновники королевскіе долго задерживали ихъ въ пути; спорили съ ними о титулѣ обоихъ государой; отвергали пустое имя сосѣда, кое царь давалъ Баторію; хотѣли равенства; не таили, что договоръ, написанный въ Москвѣ, останется безъ исполненія. Встрѣтили пословъ съ честію; но Баторій, сидя на тронѣ величаво, не хотѣлъ для нихъ встать, ни спросить о здравіи царя и, равнодушный къ ихъ неудовольствію, велѣлъ сказать имъ, что они могутъ идти вонъ изъ дворца и ѣхать назадъ; что литовскій гонецъ доставитъ Іоанну отвѣтъ королевскій. Послы уѣхали, и вслѣдъ за ними король выступилъ съ войскомъ, отправивъ чиновника Лопатинскаго съ письмомъ въ Москву.

Но Іоанна уже не было въ столицѣ. Зная, что происходило на сеймѣ варшавскомъ, долго не имѣя вѣсти отъ Карпова и Головина, слыша о сильномъ, безпримѣрномъ вооруженіи Литвы и Польши, онъ самъ не терялъ времени: въ общемъ совѣтѣ бояръ

и духовенства объявилъ, что настала година великаго кровопролитія; что онъ, прося милости Божіей, идетъ на дѣло отечественное и свое, на землю нѣмецкую и литовскую; двинулъ всѣ полки къ западу: расписалъ имъ пути и мѣста; оставляя войско въ осьмидесяти городахъ для ихъ обороны, на берегахъ Волги, Дона, Оки, Днѣпра, Двины, указалъ соединиться главнымъ силамъ въ Новгородѣ и Псковѣ, европейскимъ и азіатскимъ: кромѣ россіянъ, князья черкесскіе, шевкальскіе, мордовскіе, ногайскіе, царевичи и мурзы древней Золотой орды, казанской, астраханской, день и ночь шли къ Ильменю и Пейпусу. Дороги заперлися пѣхотою и конницею. Зима, весна и часть лѣта миновали въ сихъ движеніяхъ. Наконецъ, поручивъ Москву князю Андрею Петровичу Куракину, взявъ съ собою всѣхъ бояръ, думныхъ дворянъ, множество дьяковъ для воинскихъ и государственныхъ дѣлъ, царь въ іюнѣ выѣхалъ изъ столицы въ Новгородъ, гдѣ всѣ воеводы ждали его дальнѣйшихъ повелѣній. Туда прибыли къ Іоанну и наши послы изъ Литвы, съ донесеніемъ, что Баторій, отвергнувъ перемирную грамоту, идетъ на Россію; что у него сорокъ тысячъ воиновъ, но что сіе число умножается подходящими дружинами изъ Трансильваніи, изъ нѣмецкой земли и литовскою вольницею. Вотъ сила непріятеля, замышлявшаго потоптать Россію! А царь въ одномъ своемъ особенномъ полку имѣлъ сорокъ тысячъ: дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ, сверхъ главной новгородской, сверхъ псковской рати, подъ начальствомъ великаго князя Тверского, Симеона Бекбулатовича, князей Ивана Мстиславскаго, Шуйскихъ, Ногтева, Трубецкого и многихъ иныхъ воеводъ. Одно слово Іоанново могло бы устремить сію громаду на Литву, гдѣ народъ и дворянство не весьма благопріятствовали воинскимъ замысламъ Стефановымъ, внутренно желая мира съ Россіею, и гдѣ вопль ужаса раздался бы отъ Двины до Буга. Но тѣни Шуйскаго, Серебрянаго, Воротынскаго мечтались воображенію Іоаннову, среди могилъ новгородскихъ, исполненныхъ жертвами его гнѣва: онъ не вѣрилъ усердію воеводъ своихъ, ни самого народа: довѣренность свойственна только совѣсти чистой. Изгубивъ героевъ, царь въ сіе время щадилъ воеводъ недостойныхъ: князья Иванъ Голицынъ, Палицкій, Ѳедоръ Шереметевъ, запечатлѣнные стыдомъ венденскаго бѣгства, снова начальствовали въ рати! Видя опасную войну предъ собою, онъ не смѣлъ казнить ихъ, чтобы другіе, имъ подобные, не измѣнили ему и не ушли къ Баторію! Думая такъ о своихъ полководцахъ, Іоаннъ считалъ медленность, нерѣшительность благоразуміемъ; хотѣлъ угрожать непріятелю только числомъ собраннаго войска; еще надѣялся на миръ, или ждалъ крайней необходимости дѣйствовать мечомъ—и дождался! Узнавъ, что Баторіевъ чиновникъ,

Лопатинскій, ѣдетъ въ Москву, царь велѣлъ его остановить въ Дорогобужѣ. Сей гонецъ прислалъ къ нему письмо Стефаново, весьма плодовитое, не краснорѣчивое, сухое, но умное. Стефанъ писалъ (изъ Вильны, отъ 26-го іюня), что наша перемирная грамота есть подложная; что бояре московскіе обманомъ включили въ нее статью о Ливоніи; что Іоаннъ, говоря о мирѣ, воюетъ сію землю королевскую и выдумалъ басню о своемъ происхожденіи отъ кесарей римскихъ; что Россія беззаконно отняла у Литвы и Новгородъ, и Сѣверскія области, и Смоленскъ, и Полоцкъ; что Карповъ и Головинъ, ничего не сказавъ и ничего не сдѣлавъ, уѣхали изъ Кракова; что дальнѣйшія посольства будутъ безполезны; что онъ (Стефанъ) съ Божіею помощію рѣшился искать управы оружіемъ. Въ то же время извѣстили царя, что Баторій уже въ предѣлахъ Россіи.

Честно объявивъ намъ войну, король совѣтовался въ Свирѣ съ вельможами своими и полководцами, гдѣ и какъ начать оную? Многіе изъ нихъ предлагали вступить въ Ливонію, изгнать россіянъ, осадить Псковъ, городъ важный, богатый, но — какъ они думали — худо укрѣпленный. Король былъ иного мнѣнія, доказывая, что трудно вести войну въ Ливоніи опустошенной, неблагоразумно оставить ее за собою, опасно удалиться отъ границъ; что лучше взять Полоцкъ, ключъ Ливоніи и самой Литвы; что сіе завоеваніе, надежный щитъ для ихъ тыла, откроетъ имъ Россію, утвердитъ безопасное сообщеніе съ Ригою посредствомъ Двины, доставитъ выгоды и для ратныхъ дѣйствій и для торговли; что должно завоевать Ливонію внѣ Ливоніи; что Полоцкъ крѣпокъ, но тѣмъ славнѣе, тѣмъ желательнѣе взять его, для ободренія своихъ, для устрашенія непріятеля. Говорилъ мужъ великій: его слушались. Войско Стефаново, подобно Аннибалову, было составлено изъ людей чуждыхъ другъ другу языкомъ, обычаями, вѣрою: изъ нѣмцевъ, венгровъ, ляховъ, древнихъ славянъ галицкихъ, волынскихъ, днѣпровскихъ, кривскихъ и коренныхъ литовцевъ: Баторій умѣлъ дать ему единодушіе и соревнованіе. Выступивъ изъ Свира, онъ издалъ манифестъ къ народу Россійскому; объявилъ, что извлекаетъ мечь на царя московскаго, а не на мирныхъ жителей, коихъ будетъ щадить, миловать во всякомъ случаѣ; что, любя доблесть, гнушается варварствомъ, желаетъ побѣды, а не разрушенія, не кровопролитія безполезнаго. Сказалъ и сдѣлалъ: никогда война не бывала для земледѣльцевъ и гражданъ тише, человѣколюбивѣе сей Баторіевой; говоря, какъ христіанинъ, онъ дѣйствовалъ, какъ политикъ: хотѣлъ преклонить къ себѣ жителей, ибо хотѣлъ завоеваній прочныхъ. Въ началѣ августа Баторій осадилъ Полоцкъ.

Тамъ было мало войска, ибо царь не ожидалъ сильнаго напа-

денія на литовской границѣ, думая, что театромъ важныхъ непріятельскихъ дѣйствій будетъ Ливонія; но Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными, распространенными съ 1561 года. Двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и такъ называемый Острогъ, обтекаемыя Двиною и Полотою, соединяемыя мостомъ, воздвигнутыя на крутыхъ высотахъ, служили защитою большому городу, сверхъ его глубокихъ рвовъ, деревянныхъ стѣнъ и башенъ. Князь Василій Ивановичъ Телятевскій начальствовалъ въ городѣ, Петръ Волынскій—въ Острогѣ, князь Дмитрій Щербатый и дьякъ Ржевскій—въ крѣпости, имѣя довольно запасовъ и снарядовъ, много усердія и мужества, гораздо менѣе искусства, какъ сказано въ нашихъ Разрядныхъ книгахъ. Чтобы устрашить непріятеля и не оставить себѣ на выборъ ничего, кромѣ побѣды или смерти, они, захвативъ нѣсколько литовскихъ плѣнниковъ, велѣли ихъ умертвить, привязать къ бревнамъ и бросить въ Двину, на позорище войску королевскому... Приступъ начался съ города: россіяне малочисленные сами зажгли его, оставили, ушли въ крѣпость, гдѣ болѣе трехъ недѣль оборонялись мужественно. Время имъ благопріятствовало: лили дожди, бойницы осаждающихъ дѣйствовали худо, обозы ихъ съ хлѣбомъ тонули въ грязи, лошади падали, войско терпѣло голодъ; приступало къ крѣпости, но безъ успѣха. Воспользовался ли царь сими обстоятельствами?

1-го августа Іоаннъ, будучи въ Псковѣ, отрядилъ воеводъ, князя Хилкова и Безнина, съ двадцатью тысячами азіатскихъ всадниковъ за рѣку Двину, въ Курляндскую землю, гдѣ дѣло ихъ состояло въ одномъ безопасномъ губительствѣ; тогда же послалъ другое войско защитить Корелію и землю Ижорскую, опустошаемую шведами; усилилъ засады или гарнизоны въ Ливоніи, но еще имѣлъ столько войска, что могъ бы смѣло идти на Вильну и Варшаву. Встревоженный извѣстіемъ о нечаянной осадѣ Полоцкой, онъ велѣлъ Шеину, князьямъ Лыкову, Палицкому, Кривоборскому съ дружинами дѣтей боярскихъ и донскихъ казаковъ спѣшить къ сему городу, вступить въ него хитростію или силою, а въ случаѣ невозможности занять крѣпость Соколъ, тревожить непріятеля, мѣшать его сообщенію съ Литвою, въ ожиданіи нашей главной рати. Шеинъ приблизился къ Баторіеву стану, не дерзнулъ на битву и занялъ Соколъ, распустивъ слухъ, что самъ Іоаннъ немедленно будетъ тамъ съ войскомъ сильнымъ. Но король не устрашился: чувствовалъ единственно необходимость скорѣе рѣшить судьбу осады. Видя слабое дѣйствіе бойницъ, онъ предложилъ венгерскимъ удальцамъ взойти на высоту крѣпости и зажечь ея стѣну, обѣщая имъ славу и золото. Для успѣха ихъ смѣлости, какъ бы нарочно сдѣлалось ясное, сухое время. Съ пылающими факелами они устремились къ стѣнамъ... многіе пали мертвые;

нѣкоторые достигли цѣли, и черезъ пять минутъ вспыхнула крѣпость. Тутъ, воскликнувъ побѣду, вся дружина венгерская кинулась на приступъ, не слушая ни своихъ вождей, ни короля. Осыпаемые ядрами, пулями, головнями, венгры сквозь огонь падающихъ стѣнъ вломились въ крѣпость; но россіяне отчаянно стали грудью, рѣзались, вытѣснили непріятеля; онъ возвратился, усиленный толпами нѣмцевъ, поляковъ, и снова уступилъ остервенѣнію нашихъ. Самъ король, забывъ личную опасность, находился въ сей кровопролитной битвѣ, чтобы возстановить порядокъ, удержать, соединить бѣгущихъ. Часъ былъ рѣшительный. Если бы Шеинъ, князья Лыковъ, Палицкій ударили на Литву, то могли бы спасти и крѣпость и честь Россіи. Они видѣли пожаръ, могли издали видѣть самую битву и слышать громкій кликъ осажденныхъ, побѣдителей въ сію минуту, призывный кликъ къ своимъ братьямъ сокольскимъ... Но прозорливый Баторій занялъ дорогу, выслалъ свѣжее войско къ Дриссѣ, чтобы остановить россіянъ въ случаѣ ихъ движенія къ Полоцку. Въ то же время донскіе казаки измѣнили нашимъ воеводамъ въ Соколѣ: самовольно ушли во-свояси, къ извиненію Шеина и его товарищей. Стефанъ ждалъ весь день, всю ночь опаснаго ихъ нападенія; успокоился и спѣшилъ загладить неудачу.

Отбивъ приступъ, россіяне угасили огонь въ крѣпости. Непріятель сдѣлалъ новыя бойницы, новые окопы, приблизился къ стѣнамъ, отчасти разрушеннымъ, и калеными ядрами опять зажегъ башни. Еще нѣсколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать отъ дыма и жара; падали отъ литовскихъ ядеръ, отъ усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобожденія; наконецъ, утративъ всю бодрость, требовали переговоровъ. Сперва воеводы и достойный архіепископъ Кипріанъ не хотѣли о томъ слышать, говоря: „Страшимся не злобы Стефановой, а гнѣва царскаго!“ Въ отчаяніи великодушномъ они думали взорвать крѣпость, чтобы погребсти себя въ ея развалинахъ. Но слабый духомъ Петръ Волынскій и стрѣльцы не дали имъ исполнить сего намѣренія и предложили условія Стефану, который, изъ уваженія ли къ оказанной ими храбрости, или боясь длить время, согласился отпустить и сановниковъ и рядовыхъ (изъ Острога и крѣпости) въ Россію съ семействами, съ имѣніемъ, а желающимъ вступить къ нему въ службу обѣщалъ великія милости. Воеводы, не хотѣвъ участвовать въ семъ договорѣ, заперлись вмѣстѣ съ архіепископомъ въ древней церкви Софійской, откуда силою извлекли и представили ихъ Баторію, смиренныхъ безъ уничиженія. Историкъ-очевидецъ пишетъ, что россіяне, живо чувствуя великодушіе и человѣколюбіе короля, никакъ однакожъ не захотѣли служить ему; что почти всѣ, ожидая неминуемой казни отъ гнѣв-

наго царя, съ твердостію шли на оную и не внимали льстивымъ обѣщаніямъ Стефановымъ,—„доказательство удивительной любви къ отечеству!“ прибавляетъ сей историкъ. Но Стефанъ, вопреки условію, не скоро отпустилъ сихъ плѣнниковъ, какъ бы опасаясь возвратить непріятелю такихъ вѣрныхъ, добрыхъ воиновъ. Велѣвъ очистить крѣпость, наполненную трупами, король въѣхалъ въ нее торжественно; объявилъ Полоцкъ литовскимъ воеводствомъ; указавъ строить тамъ великолѣпную церковь римскаго исповѣданія, оставилъ Софійскую христіанамъ греческимъ; далъ имъ въ епископы бывшаго святителя витебскаго и грамотою утвердилъ свободу нашей вѣры, имѣя въ виду дальнѣйшія завоеванія въ Россіи и желая угодить ея народу сею благоразумною терпимостію вопреки своимъ любимцамъ, іезуитамъ, коимъ онъ далъ тогда богатыя маетности и земли въ Бѣлоруссіи, съ обязательствомъ исправлять нравы жителей ученіемъ и примѣромъ. Съ сего времени древній нашъ Полоцкъ, удѣлъ племени Владимірова и Рогнѣдина, легко взятый, безславно утраченный Іоанномъ, бывъ 18 лѣтъ областію государства Московскаго, сдѣлался вновь собственностію Литвы, до царствованія Екатерины безсмертной.

Стефанъ послалъ войско къ Соколу, а легкую конницу къ самому Пскову, чтобы наблюдать движеніе Іоанновой рати. 19 сентября литовцы осадили Соколъ, 25 зажгли башни и съ трубнымъ звукомъ устремились къ стѣнамъ. Россіяне тушили огонь, но вдругъ запылали многія бренныя зданія, такъ что не оставалось въ городѣ мѣста безопаснаго для пяти или шести тысячъ бывшихъ тамъ воиновъ. Они сдѣлали вылазку, бились долго; уступивъ наконецъ превосходной силѣ, обратились назадъ, а нѣмцы вмѣстѣ съ ними втѣснились въ крѣпость. Тутъ началася ужасная сѣча, отчаянная для тѣхъ и другихъ, ибо россіяне захлопнули ворота, опустили желѣзную рѣшетку и не оставили возможности спасенія ни себѣ, ни врагамъ, рѣзались въ пламени, задыхались и горѣли, до той минуты, какъ литовцы и поляки вломились въ городъ, для совершеннаго истребленія нашихъ, коихъ пало 4.000; плѣнили только Шереметева съ малымъ числомъ дѣтей боярскихъ. Въ остервенѣніи злобы нѣмцы, терзая мертвыхъ, исказили трупы Шеина и многихъ иныхъ россіянъ. Литовцы взяли Красный, Козьянъ, Ситну, Туровль, Нещедру; опустошили землю Сѣверскую до Стародуба, выжгли 2,000 селеній въ Смоленской области... а царь стоялъ неподвижно во Псковѣ!

Въ то время, когда гибли добрые россіяне, предаваемые въ жертву врагамъ Іоанновою боязливостію, когда отечество сѣтовало въ незаслуженномъ уничиженіи, торжествовалъ, къ вѣчному стыду своему, одинъ россіянинъ, нѣкогда любезный отечеству, Андрей Курбскій. Преступленіемъ лишенный имени русскаго, онъ

въ злобѣ своей искалъ новаго утѣшенія мести и находился подъ знаменами Баторіевыми, вмѣстѣ съ другимъ бѣглецомъ московскимъ, Владиміромъ Заболоцкимъ; дѣятельно способствовалъ успѣхамъ королевскаго оружія и съ свѣжаго пепла завоеванной крѣпости Полоцкой, гдѣ дымилась кровь россіянъ, писалъ отвѣтъ на вольмарское къ нему письмо Іоанново. „Гдѣ твои побѣды?—говорилъ онъ:—въ могилѣ героевъ, истинныхъ воеводъ святой Руси, истребленныхъ тобою. Король съ малыми тысячами, единственно мужествомъ его сильными, въ твоемъ государствѣ беретъ области и твердыни, нѣкогда нами взятыя, нами укрѣпленныя, а ты съ войскомъ многочисленнымъ сидишь, укрываешься за лѣсами, или бѣжишь, никѣмъ не гонимый, кромѣ совѣсти, обличающей тебя въ беззаконіяхъ. Вотъ плоды наставленія, даннаго тебѣ лжесвятителемъ Вассіаномъ. Единъ царствуешь безъ мудрыхъ совѣтниковъ, единъ воюешь безъ гордыхъ воеводъ—и что же? вмѣсто любви и благословеній народныхъ, нѣкогда сладостныхъ твоему сердцу, стяжалъ ненависть и проклятія всемірныя; вмѣсто славы ратной стыдомъ упиваешься, ибо нѣтъ добраго царствованія безъ добрыхъ вельможъ, и несмѣтное войско безъ искуснаго полководца есть стадо овецъ, разгоняемое шумомъ вѣтра и паденіемъ древесныхъ листьевъ. Ласкатели не синклиты, и карлы, увѣчные духомъ, не суть воеводы. Не явно ли совершился судъ Божій надъ тираномъ? Се глады и язва, мечъ варваровъ, пепелъ столицы и—что всего ужаснѣе—позоръ, позоръ для вѣнценосца, нѣкогда столь знаменитаго! Того ли мы хотѣли, то ли готовили ревностью, кровавою службою нашему древнему отечеству?..“ Письмо заключалось хвалою доблести Стефановой, предсказаніемъ близкой гибели всего царскаго дома и словами: „кладу перстъ на уста, изумляюся и плачу!..“ Движимый ненавистію къ Іоанну, Курбскій могъ оправдывать себя умомъ, но не въ совѣсти, которая тревожила его до конца жизни; владѣя городами и селами въ Волыни, ни въ богатствѣ ни въ знатности не находилъ успокоенія; женился тамъ на княгинѣ Дубровицкой, но не любилъ ее; искалъ утѣшенія въ дружествѣ и въ ученіи; зная языкъ латинскій, переводилъ Цицерона, описалъ славное взятіе Казани, войну Ливонскую, мучительства Іоанна; пережилъ его, и въ старости еще толковалъ о Россіи, съ чувствомъ называя оную своимъ любимымъ отечествомъ. Мракъ неизвѣстности сокрылъ послѣдніе дни и могилу мужа, ознаменованнаго славою ратныхъ дѣлъ, ума, краснорѣчія—и безславіемъ преступленія.

Іоаннъ уже не отвѣчалъ Курбскому, ибо не могъ ничѣмъ хвалиться, ни грозить въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ расположеніи своего духа. Онъ написалъ въ Москву къ государственному дьяку, Андрею Щелкалову, что должно объявить

успѣхи непріятеля жителямъ ея хладнокровно и спокойно. Созвавъ гражданъ, умный дьякъ сказалъ имъ: „Добрые люди! знайте, что король взялъ Полоцкъ и сжегъ Соколъ,—вѣсть печальная, но благоразуміе требуетъ отъ насъ твердости. Нѣтъ постоянства въ свѣтѣ, счастіе измѣняетъ и великимъ государямъ: Полоцкъ въ рукахъ у Стефана, вся Ливонія въ нашихъ. Пали нѣкоторые россіяне, пало гораздо болѣе литовцевъ. Утѣшимся въ столь малой невзгодѣ воспоминаніемъ столь многихъ побѣдъ и завоеваній царя православнаго"! Удостовѣренный въ тишинѣ, въ спокойствіи Москвы, Іоаннъ велѣлъ боярамъ написать къ литовской думѣ, что онъ мыслилъ немедленно идти на короля, но что совѣтники государственные, жалѣя слезъ христіанскихъ, умоляли его, хотя и не безъ великаго труда, остановить всѣ непріятельскія дѣйствія; что Стефанъ докажетъ свою истинную любовь къ человѣчеству и справедливости, если, унявъ кровопролитіе, вступитъ съ царемъ въ переговоры о вѣчномъ мирѣ, о родствѣ и дружбѣ искренней. Съ такою миролюбивою грамотою послали гонца въ Вильну. Самъ Баторій прислалъ чиновника къ Іоанну, но съ письмомъ весьма грубымъ, объявляя, что воюетъ за Ливонію, для обузданія его безразсуднаго властолюбія, и требуя, чтобы Лопатинскій, не выпускаемый изъ Дорогобужа, былъ освобожденъ согласно съ народнымъ правомъ. Сей гонецъ непріятельскій обѣдалъ у царя въ Новгородѣ, угощаемый какъ бы вельможа дружественной державы, чего дотолѣ не было. „Не хочу (отвѣтствовалъ Іоаннъ королю) возражать на упреки, ибо хочу быть въ братствѣ съ тобою. Даю опасную грамоту для твоихъ пословъ, коихъ ожидаю съ доброжелательствомъ. Между тѣмъ да будетъ тишина въ Ливоніи и на всѣхъ границахъ. А въ залогъ мира отпусти плѣнниковъ россійскихъ за обмѣнъ или выкупъ". То же писалъ Іоаннъ и съ Лопатинскимъ, немедленно освобожденнымъ, и съ новымъ гонцомъ, посланнымъ къ королю; нѣсколько мѣсяцевъ занимался спорами воеводъ своихъ о первенствѣ и не думалъ идти на Стефана, будучи доволенъ нѣкоторыми успѣхами нашей оборонительной системы въ Ливоніи, гдѣ россіяне въ жаркой схваткѣ плѣнили наконецъ славнаго разбойника, Аннибала (послѣ казненнаго во Псковѣ), мужественно отразили шведовъ отъ Нарвы и гнали ихъ до Ревеля. Симъ заключился 1579 годъ. Царь уже былъ въ Москвѣ и не праздно.

Въ январѣ 1580 года онъ созвалъ знаменитѣйшее духовенство въ столицу: архіепископа Александра новгородскаго, Іеремію казанскаго, Давида ростовскаго, всѣхъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, славнѣйшихъ умомъ или благочестіемъ иноковъ; торжественно объявилъ имъ, что церковь и православіе въ опасности; что безчисленные враги возстали на Россію; что съ одной

стороны невѣрные турки, ханъ, ногаи,—съ другой Литва, Польша, венгры, нѣмцы, шведы, какъ дикіе звѣри разинули челюсти, дабы поглотить насъ; что онъ съ сыномъ своимъ, съ вельможами и воеводами бодрствуетъ день и ночь для спасенія державы, но что духовенство обязано содѣйствовать имъ въ семъ великомъ подвигѣ; что мы, имѣя людей, не имѣемъ казны достаточно; что войско скудѣетъ и нуждается, а монастыри богатѣютъ; что государь требуетъ жертвы отъ духовенства, и что Всевышній благословитъ его усердіе къ отечеству. Предложеніе было важно и затруднительно. Великій дѣдъ Іоанновъ хотѣлъ коснуться церковнаго достоянія, но оставилъ сію мысль, встрѣченный сильнымъ прекословіемъ святителей: внукъ умѣрилъ требованія, и соборъ приговорилъ грамотою, что земли и села княжескія, когда-либо отказанныя митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ и церквамъ или купленныя ими, оттолѣ будутъ государевыми, а всѣ другія остаются навѣки ихъ неотъемлемымъ достояніемъ; что впредь они уже не должны присваивать себѣ имѣній недвижимыхъ, ни добровольною уступкою, ни куплею, и что заложенныя ими земли также отдаются въ казну. Симъ легкимъ способомъ умноживъ владѣнія и доходы государственныя, Іоаннъ непрестанно умножалъ и войско: чиновники ѣздили изъ области въ область съ списками дѣтей боярскихъ, отыскивали всѣхъ, кто укрывался или бѣгалъ отъ сбужбы, наказывали ихъ тѣлесно и за порукою отсылали во Псковъ или Новгородъ, гдѣ стояла главная рать, упуская благопріятное время дѣйствовать наступательно, ибо россіяне любили всегда выходить въ поле, когда другіе уходили въ домы отъ ненастья и морозовъ.

Хотя Баторій не мыслилъ дать намъ перемирія, но осень и зима остановили его блестящіе успѣхи. Наемники требовали денегъ, свои—отдохновенія. Расположивъ войско въ привольныхъ мѣстахъ близь границы, онъ спѣшилъ въ Вильну и на сеймъ въ Варшаву, готовить новыя средства побѣды, наслаждаться славою, испытать, устыдить неблагодарность и все одолѣть, чтобы достигнуть цѣли. Въ Вильнѣ граждане и дворянство встрѣтили его съ громогласными благословеніями, а въ Варшавѣ многіе паны съ мрачными лицами и съ ропотомъ неудовольствія—тѣ, которые любили законную и беззаконную власть свою болѣе отечества, разслабленнаго ихъ своевольствомъ, нѣгою, корыстолюбіемъ. Великихъ мужей славятъ и злословятъ: устрашенные сильною волею, сильными мѣрами короля, паны жаловались на его самовластіе и довѣренность къ чужеземцамъ, распускали слухъ, что онъ воюетъ только для вида, налогами тяготитъ землю и мыслитъ тайно уѣхать въ Трансильванію съ богатою казною королевскою. Дѣйствіемъ сей клеветы могъ быть отказъ въ государственныхъ

пособіяхъ, необходимыхъ для войны. Баторій предсталъ сейму,—клевета умолкла. Сказалъ, что сдѣлалъ и сдѣлаетъ,—единодушно, единогласно одобрили всѣ его предложенія, уставили новые налоги, велѣли собирать новое войско...

А царь домогался мира. Когда гонцы наши возвратились съ отвѣтомъ, что король не хочетъ и слышать о посольствѣ въ Москву, готовый единственно изъ снисхожденія принять Іоанново въ своей столицѣ, если мы дѣйствительно расположены къ умѣренности и договорамъ честнымъ; что плѣнниковъ не отпускаютъ во время кровопролитія; что они въ землѣ христіанской, слѣдственно въ безопасности и не въ утѣсненіи,—тогда Іоаннъ вторично написалъ къ Стефану письмо дружелюбное. „Въ московскихъ перемирныхъ грамотахъ“ (говоритъ онъ) были слова разныя, внесенныя въ нихъ съ вѣдома и съ согласія твоихъ пословъ. Ты могъ отвергнуть сей договоръ, но для чего же укоряешь насъ обманомъ? Для чего безъ дѣла выслалъ нашихъ пословъ изъ Кракова, и столь грубо, и писалъ какъ намъ въ выраженіяхъ столь язвительныхъ? Забудемъ слова гнѣвныя, вражду и злобу. Не въ Литвѣ и не въ Польшѣ, а въ Москвѣ издревле заключались договоры между сими державами и Россіею. Не требуй же новаго! Здѣсь мои бояре съ твоими уполномоченными рѣшатъ всѣ затрудненія къ обоюдному удовольствію государствъ нашихъ“. Но гонецъ московскій, въ случаѣ упрямства и явной готовности Баторіевой къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій, долженъ былъ тайно сказать ему, что царь согласенъ прислать бояръ своихъ въ Вильну или въ Варшаву. — Уничиженіе безполезное: король отвѣтствовалъ, что даетъ Іоанну пять недѣль сроку и будетъ ждать пословъ нашихъ въ мирномъ бездѣйствіи, хотя войско его готово вступить въ Россію, пылая нетерпѣніемъ мужества. Уже знатные сановники царскіе, стольникъ князь Иванъ Сицкій, думный дворянинъ Пивовъ и дьякъ Петелинъ ѣхали въ Вильну, когда узнали въ Москвѣ, что Баторій съ войскомъ въ предѣлахъ Россіи. „Назначенный срокъ минулъ“, писалъ онъ къ царю:—„ты долженъ отдать Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, со всѣми областями витебскими и полоцкими, также всю Ливонію, если желаешь мира“,

Сіе нападеніе казалось Іоанну вѣроломствомъ: по крайней мѣрѣ онъ не чаялъ его въ концѣ лѣта; совѣтовался съ боярами и спѣшилъ отправить гонца (Шевригина) къ императору, даже къ папѣ, съ убѣжденіемъ, чтобы они вступились за насъ; въ грамотѣ къ первому доказывалъ, что Стефанъ воюетъ Россію за ея тѣсную дружбу съ Максимиліаномъ; требовалъ, чтобы Рудольфъ исполнилъ свое обѣщаніе и прислалъ уполномоченныхъ въ Москву для возобновленія союза противъ общихъ враговъ; жаловался

папѣ на злобу и вѣроломство Баторіево; предлагалъ ему усовѣстить, отвести его отъ ненавистной связи съ турками; увѣрялъ, что ревностно желаетъ вмѣстѣ со всѣми европейскими государями ополчиться на султана и быть для того въ непрестанныхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ Римомъ. Имѣя силу въ рукахъ, но робость въ душѣ, Іоаннъ унижался исканіемъ чуждаго, отдаленнаго вспоможенія, ненужнаго и невѣроятнаго. Онъ не думалъ самъ выступить въ поле; расположилъ войско единственно для обороны и, не зная куда устремится Баторій, направлялъ полки къ Новгороду и Пскову, Кокенгузену и Смоленску; занялъ и берега Оки близъ Серпухова, опасаясь хана. Сія неизвѣстность продолжалась около двухъ или трехъ недѣль, а Баторій опять явился тамъ, гдѣ его не ожидали.

Историкъ Стефановъ съ пышнымъ краснорѣчіемъ описываетъ устройство, ревность войска, одушевленнаго геніемъ начальника. Конницею предводительствовали сенаторы и лучшіе воеводы; многіе изъ знатныхъ чиновниковъ, гражданскихъ и придворныхъ, служили въ ней на ряду съ простыми всадниками. Большая часть пѣхоты, новаго набора, еще не видала огня: нѣмецкіе и седмиградскіе опытные воины составляли ея твердую основу и между ними отличался бодростію измѣнникъ нашъ, датскій полковникъ, Георгій Фаренсбахъ, который зналъ силу и слабость россіянъ, бывъ предводителемъ Іоанновой ливонской дружины. Непріятель шелъ болотами и лѣсами дикими, гдѣ 150 лѣтъ не ходило войско, гдѣ только Витовтъ въ 1428 году умѣлъ открыть себѣ путь къ областямъ новгородскимъ и гдѣ нѣкоторыя мѣста еще назывались его именемъ. Баторій, подобно Витовту, просѣкалъ лѣса, дѣлалъ гати, мосты, плоты, сражался съ трудностями, терпѣлъ недостатокъ; вышелъ къ Велижу, къ Усвяту, взялъ ту и другую крѣпость, наполненныя запасами и, разбивъ легкій отрядъ нашей конницы, приступилъ, въ исходѣ августа, къ Великимъ Лукамъ. Сей городъ, красивый мѣстоположеніемъ, богатый и торговый, ключъ древнихъ южныхъ владѣній Новгородской державы, обѣщалъ знатную добычу корыстолюбивому войску близостію своею къ Витебску и другимъ литовскимъ крѣпостямъ, представляя удобность для осады. Тамъ находилось тысячъ шесть или семь россіянъ; но въ Торопцѣ стоялъ воевода князь Хилковъ съ полками, довольно многочисленными. Были вылазки смѣлыя, иногда и счастливыя; въ одной изъ нихъ осажденные взяли знамя королевское. Хилковъ, избѣгая общаго сраженія, вездѣ стерегъ литовцевъ, хваталъ ихъ въ разъѣздахъ, истреблялъ цѣлыми толпами и ждалъ другихъ воеводъ изъ Смоленска, Пскова и Новгорода.

Въ сіе время, когда надлежало возстать Россіи и подавить

дерзкаго Баторія, спѣшили къ нему въ станъ уполномоченные Іоанновы, князь Сицкій и Пивовъ, для унизительныхъ договоровъ. Стефанъ принялъ ихъ въ шатрѣ величаво, надменно; сидѣлъ въ шапкѣ, когда они ему кланялись отъ царя; не хотѣлъ сказать имъ учтиваго слова. Послы требовали, чтобы король немедленно снялъ осаду; вмѣсто отвѣта загремѣли пушки литовскія. Тутъ послы изъявили снисхожденіе: сказали, что еще въ первый разъ московскій государь начинаетъ переговоры съ Литвою внѣ Москвы; что онъ будетъ именовать Стефана братомъ, если король возвратитъ намъ Полоцкъ; соглашались не требовать и Полоцка; уступали Курляндію и двадцать четыре города въ самой Ливоніи. Но Стефанъ хотѣлъ всѣхъ областей ливонскихъ, даже Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова, Новгорода. Тутъ Сицкій и Пивовъ, объявивъ, что уже не могутъ уступить ничего болѣе, потребовали отпуска или дозволенія писать къ Іоанну. Отправили гонца въ Москву—и въ тотъ же день, сентября 5, отъ взрыва башни, наполненной порохомъ, взлетѣла на воздухъ часть крѣпости; огонь довершилъ разрушеніе стѣнъ, а мечъ непріятельскій—гибель россіянъ: король взялъ пепелище, омоченное ихъ кровію, покрытое истерзанными тѣлами и членами. Велѣвъ немедленно возстановить укрѣпленія сего важнаго мѣста, онъ напалъ на Хилкова близъ Торопца и разбилъ его. Въ семъ жаркомъ дѣлѣ плѣнили сановника царскаго, Григорія Нащокина, употребляемаго въ посольствахъ, думнаго дворянина Черемисинова, любимца Іоаннова, и 200 дѣтей боярскихъ. Въ то же время литовскій вельможа, Филонъ Кмита, съ девятью тысячами всадниковъ приближался къ Смоленску, въ надеждѣ сжечь его предмѣстья; но, встрѣченный въ полѣ тамошними храбрыми начальниками, Даниломъ Ногтевымъ и княземъ Ѳедоромъ Мосальскимъ, бѣжалъ, кинувъ знамена, обозъ и 60 легкихъ пушекъ. Сіи единственные наши трофеи, вмѣстѣ съ тремя стами восьмидесятью взятыми плѣнниками, были посланы въ Москву, за что Іоаннъ наградилъ воеводъ золотыми медалями. Еще Баторій, не смотря на глубокую осень, усильно продолжалъ войну. Невель, Озерище ему сдались. Заволочье, крѣпостію мѣста и мужествомъ воеводы Сабурова, держалось и стоило непріятелю дорого; наконецъ, также сдалось, и Баторій выпустилъ оттуда россіянъ съ честію. Симъ заключился его походъ. Войско изнемогало отъ трудовъ и недуговъ; самъ король лежалъ больной въ Полоцкѣ— и еще съ блѣднымъ лицомъ явился на сеймѣ варшавскомъ дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ. „Радуйтесь побѣдѣ,—говорилъ онъ панамъ: „но сего не довольно: умѣйте пользоваться ею. Судьба предаетъ вамъ, кажется, все государство Московское: смѣлость и надежда руководствуютъ къ великому. Хотите ли вы быть

умѣренными? возьмите по крайней мѣрѣ Ливонію, которая есть главная цѣль войны и, присоединенная навѣки къ имперіи ляховъ, останется для потомства знаменитымъ памятникомъ вашего мужества. Дотолѣ нѣтъ для насъ мира!" Требуя новаго вспоможенія людьми и деньгами, король жаловался панамъ, что они не даютъ ему способовъ вести войну непрерывно; что время теряется для него въ переѣздахъ и шумныхъ преніяхъ сейма, а войско слабѣетъ духомъ въ праздности, и Россія отдыхаетъ. Баторій дѣйствительно тратилъ время; но литовскіе воеводы и зимою еще тревожили Россію, внезапнымъ набѣгомъ взяли Холмъ, выжгли Старую Русу, обогатились въ ней добычею; въ Ливоніи взяли Шмильтенъ; опустошили, вмѣстѣ съ измѣнникомъ Магнусомъ, часть дерптскихъ и самыхъ псковскихъ владѣній. Съ другой стороны показались и шведы: завоевали Кексгольмъ, осадили Падись, гдѣ малочисленные россіяне, томимые голодомъ, ѣли собакъ, кошекъ, даже мертвыя тѣла младенцевъ, но застрѣлили шведскаго чиновника, предлагавшаго имъ сдать крѣпость. Тамъ съ горстію отчаянныхъ сидѣлъ воевода старецъ, Данило Чихачевъ. Шведы, овладѣвъ замкомъ, нашли въ немъ не людей, а тѣни; умертвили всѣхъ, кромѣ одного молодого сановника, князя Михайла Сицкаго. Въ теченіе зимы они взяли на договоръ и Везенбергъ, гдѣ находилось около тысячи стрѣльцовъ московскихъ, которые вышли оттуда съ однѣми деревянными иконами.

Россія казалась слабою, почти безоружною, имѣя до восьмидесяти становъ воинскихъ или крѣпостей, наполненныхъ снарядами и людьми ратными—имѣя сверхъ того многочисленныя воинства полевыя, готовыя устремиться на битву! Зрѣлище удивительное, навѣки достопамятное для самаго отдаленнѣйшаго потомства, для всѣхъ народовъ и властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижаетъ душу, ослѣпляетъ умъ привидѣніями страха, мертвитъ силы и въ государѣ, и въ государствѣ! Не измѣнились россіяне, но царь измѣнилъ имъ! Укрываясь въ слободѣ Александровской, онъ написалъ къ главнымъ воеводамъ во Ржевъ или въ Вязьму, къ великому князю тверскому Симеону Бекбулатовичу и князю Ивану Мстиславскому: „Промышляйте дѣломъ государевымъ и земскимъ, какъ Всевышній вразумитъ васъ, и какъ лучше для безопасности Россіи. Все упованіе мое возлагаю на Бога и на ваше усердіе". Воеводы, смятенные нерѣшительностію царя, сами опасались дѣйствовать рѣшительно; посылали отряды для наблюденія, для защиты границъ, и только однажды дерзнули вступить въ непріятельскую землю: князья Михайло Катыревъ Ростовскій, Дмитрій Хворостининъ, Щербатой, Туренинъ, Бутурлинъ, соединясь въ Можайскѣ, ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Шклову, Могилеву, Родомлю; вы-

жгли уѣзды и посады сихъ городовъ; разбили литовцевъ подъ стѣнами Шклова (гдѣ въ самыхъ воротахъ палъ мужественный Бутурлинъ) и привели въ Смоленскъ множество плѣнниковъ. Іоаннъ далъ имъ золотыя медали, но не ободрился въ духѣ, какъ увидимъ.

Въ то время когда герой Баторій въ излишней надменности обѣщалъ вельможнымъ панамъ всю Россію, царь ея праздновалъ свадьбы: женилъ второго сына своего Ѳеодора на сестрѣ знаменитаго Бориса Годунова, Иринѣ, и самъ женился въ шестой и седьмой разъ, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, на дѣвицѣ Маріи, дочери сановника Ѳеодора Ѳеодоровича Нагого, — два брака ужасные своими неожиданными слѣдствіями для Россіи, вина и начало злу долговременному! Уже Годуновъ, возведенный тогда на степень боярства, усматривалъ, можетъ быть, вдали, неясно, смѣлую цѣль его властолюбія, дотолѣ безпримѣрнаго въ нашей исторіи! Какъ любимецъ государевъ, онъ могъ завидовать только Богдану Яковлевичу Бѣльскому, оружничему, ближнему слугѣ, днемъ и ночью неотходному хранителю особы Іоанновой; какъ шуринъ царевича, дѣлился уваженіемъ и честію съ царскими свойственниками, съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Глинскимъ и съ Нагими, коими вдругъ наполнился дворецъ Іоанновъ; какъ думный совѣтникъ, видѣлъ еще многихъ старѣйшихъ бояръ, Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Трубецкихъ, Голициныхъ, Юрьевыхъ, Сабуровыхъ, но ни единаго равнаго ему въ умѣ государственномъ. На сихъ двухъ роковыхъ свадьбахъ, празднуемыхъ Іоанномъ только съ людьми ближними, въ слободѣ Александровской, во дни горестные для отечества, подъ личиною усердныхъ слугъ и льстецовъ скрывались два будущіе царя и третій гнусный предатель Россіи: Годуновъ былъ дружкою Маріи, князь Василій Ивановичъ Шуйскій — Іоанновымъ, Михаилъ Михайловичъ Кривой-Салтыковъ чиновникомъ поѣзда! Съ ними же пировалъ и другой, менѣе важный, хотя и равно презрительный измѣнникъ, свойственникъ Малюты Скуратова, Давидъ Бѣльскій, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ къ Стефану. Не знаемъ ни опалъ, ни казней сего времени, кромѣ одной, весьма достопамятной и всѣми одобренн й. Мы упоминали о медикѣ Бомеліи, ненавистномъ совѣтникѣ убійствъ: незадолго до бракосочетанія Іоаннова съ Нагою онъ былъ всенародно сожженъ въ Москвѣ, уличенный въ тайной связи съ Баторіемъ. Другіе пишутъ, что россіяне, выведенные изъ терпѣнія злобою сего наушника царскаго, искали и нашли способъ погубить его; что онъ, клеветою губивъ невинныхъ, сдѣлался жертвою навѣта, ко славѣ небеснаго правосудія. Можетъ быть, доносы, ложные или справедливые, коснулись тогда и Бѣльскаго: можетъ быть, подобно

Курбскому, онъ ушелъ невиннымъ, но оказался преступникомъ, ибо началъ давать совѣты Баторію къ вреду Россіи.

Изъ сей несчастной Александровской слободы (гдѣ тиранъ обыкновенно свирѣпствовалъ или пировалъ, ужасалъ вѣрныхъ подданныхъ или трепеталъ враговъ отечества) царь, свѣдавъ о паденіи Великихъ Лукъ, далъ новый наказъ Сицкому и Пивову, которые вслѣдъ за Баторіемъ ѣздили изъ мѣста въ мѣсто, будучи смиренными, жалкими свидѣтелями торжества его. Въ Варшавѣ они уступили ему нѣсколько областей ливонскихъ за взятые имъ города россійскіе, убѣждая Стефана отправить пословъ въ Москву для мирныхъ условій и прекратить войну; но имъ велѣно было ѣхать къ царю съ отвѣтомъ: „Не будетъ ни посольства, ни перемирія, доколѣ войско россійское не очиститъ Ливоніи!“ Болѣе и болѣе снисходительный, Іоаннъ въ ласковомъ письмѣ именовалъ Стефана братомъ; жаловался, что литовцы не престаютъ тревожить Россію нападеніями; молилъ его не собирать войска къ лѣту, не истощать тѣмъ казны государственной—и немедленно послалъ къ нему думныхъ дворянъ Пушкина и Писемскаго, велѣвъ имъ не только быть смиренными, кроткими въ переговорахъ, но даже (неслыханное уничиженіе!) терпѣть и побои! Такъ Іоаннъ пилъ чашу стыда, имъ, не Россіею заслуженнаго! Новая уступчивость производила новыя требованія: Баторій, кромѣ всей Ливоніи, хотѣлъ городовъ Сѣверскихъ, Смоленска, Пскова, Новгорода,—по крайней мѣрѣ Себежа; хотѣлъ еще взять съ Россіи 400 тысячъ золотыхъ венгерскихъ и прислалъ гонца въ Москву за рѣшительнымъ отвѣтомъ! Наконецъ Іоаннъ изъявилъ досаду: принимая гонца литовскаго, не всталъ съ мѣста, не спросилъ о здоровьѣ короля и написалъ къ Стефану: „Мы, смиренный государь всея Россіи, Божіею, а не человѣческою многомятежною волею... Когда Польша и Литва имѣли также вѣнценосцевъ наслѣдственныхъ, законныхъ, они ужасались кровопролитія; нынѣ нѣтъ у васъ христіанства! Ни Ольгердъ, ни Витовтъ не нарушали перемирія; а ты, заключивъ его въ Москвѣ, кинулся на Россію съ нашими злодѣями, Курбскимъ и другими; взялъ Полоцкъ измѣною и торжественнымъ манифестомъ обольщаешь народъ мой, да измѣнитъ царю, совѣсти и Богу! Воюешь не мечомъ, а предательствомъ — и съ какимъ лютымъ звѣрствомъ! Воины твои рѣжутъ мертвыхъ... Наши послы ѣдутъ къ тебѣ съ мирнымъ словомъ, а ты жжешь Луки калеными ядрами (изобрѣтеніемъ новымъ, безчеловѣчнымъ); они говорятъ съ тобою о дружбѣ и любви, а ты губишь, истребляешь! Какъ христіанинъ, я могъ бы отдать тебѣ Ливонію; но будешь ли доволенъ ею? Слышу, что ты клялся вельможамъ присоединить къ Литвѣ всѣ завоеванія моего отца и дѣда. Какъ намъ согла-

ситься? Хочу мира, хочешь убійства; уступаю, требуешь болѣе, и неслыханнаго, требуешь отъ меня золота за то, что ты беззаконно, безсовѣстно разоряешь мою землю!.. Мужъ кровей! вспомни Бога!“ Но Іоаннъ, не смотря на досаду свою, еще уступалъ Литвѣ всѣ завоеванныя Баторіемъ крѣпости россійскія, желая единственно удержать восточную Эстонію и Ливонію, Нарву, Вейсенштейнъ, Дерптъ, и на такомъ условіи заключить семилѣтнее перемиріе. Отвѣтомъ на сію грамоту было третье выступленіе Баторіево въ поле и письмо, исполненное язвительныхъ укоризнъ, равно плодовитое и непристойное для вѣнценосца. „Хвалишься своимъ наслѣдственнымъ государствомъ, — писалъ Стефанъ: — не завидую тебѣ, ибо думаю, что лучше достоинствомъ пріобрѣсти корону, нежели родиться на тронѣ отъ Глинской, дочери Сигизмундова предателя. Упрекаешь меня терзаніемъ мертвыхъ: я не терзалъ ихъ; а ты мучишь живыхъ: что хуже? Осуждаешь мое вѣроломство мнимое, ты, сочинитель подложныхъ договоровъ, измѣняемыхъ въ смыслѣ обманомъ и тайнымъ прибавленіемъ словъ, угодныхъ единственно твоему безумному властолюбію! Называешь измѣнниками воеводъ своихъ, честныхъ плѣнниковъ, коихъ мы должны были отпустить къ тебѣ, ибо они вѣрны отечеству! Беремъ земли доблестію воинскою и не имѣемъ нужды въ услугѣ твоихъ мнимыхъ предателей. Гдѣ же ты, богъ земли русской, какъ велишь именовать себя рабамъ несчастнымъ? Еще не видали мы лица твоего, ни сей крестоносной хоругви, коею хвалишься, ужасая крестами своими не враговъ, а только бѣдныхъ россіянъ. Жалѣешь ли крови христіанской? назначь время и мѣсто; явися на конѣ, и единъ сразися со мною единымъ, да праваго увѣнчаетъ Богъ побѣдою!“ Не соглашаясь оставить за Россіею ни пяди земли въ Ливоніи, Баторій не хотѣлъ далѣе говорить съ нашими послами, выгналъ ихъ изъ своего ратнаго стана и съ насмѣшкою прислалъ къ Іоанну изданныя въ Германіи на латинскомъ языкѣ книги о россійскихъ князьяхъ и собственномъ его царствованіи, въ доказательство (какъ онъ изъяснялся), что древніе государи московскіе были не Августовы родственники, а данники хановъ Перекопскихъ; совѣтовалъ ему также читать пятидесятый псаломъ Давидовъ и христіански узнать самого себя. Сію бранную Стефанову грамоту подалъ Іоанну гонецъ литовскій. Царь, выслушавъ оную, тихо сказалъ ему: „Мы будемъ отвѣчать брату нашему, королю Стефану“, и вставъ съ мѣста промолвилъ учтиво: „кланяйся отъ насъ своему государю!“ То есть Іоаннъ, приведенный въ новый страхъ движеніемъ литовскаго войска, хотѣлъ снова искать мира, въ надеждѣ на важнаго посредника, который тогда явился между нимъ и Баторіемъ.

Гонецъ московскій Шевригинъ, посланный въ Вѣну и въ Римъ, возвратился. Слабый, безпечный Рудольфъ отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома князей имперскихъ, что его вельможи, коимъ надлежало ѣхать въ Москву для заключенія союза, или умерли, или больны. Но папа, славный, ревностный къ успѣхамъ латинской вѣры, тотъ, который освѣтилъ Римъ потѣшными огнями, свѣдавъ о злодѣйствахъ Варѳоломеевской ночи во Франціи, Григорій XIII изъявилъ живѣйшее удовольствіе, видя, какъ онъ думалъ, случай присоединить Россію къ своей обширной паствѣ. Еще въ 1567 году Григорій хотѣлъ послать въ Москву одного священника, именемъ Рудольфа Кленхена, знавшаго обычаи и языкъ Россіи, съ письменнымъ наставленіемъ, весьма умнымъ и хитрымъ, въ коемъ сказано (для объявленія царскимъ вельможамъ), что папа, много слышавъ о силѣ, завоеваніяхъ, геройствѣ, мудрости, благочестіи и всѣхъ великихъ свойствахъ Іоанновыхъ, равно удивительныхъ и любезныхъ, исполняетъ, наконецъ, свое давнишнее ревностное желаніе изъявить столь необыкновенному вѣнценосцу сердечную пріязнь и надежду, что ему угодно будетъ смирить ненавистниковъ христіанства, оттомановъ, и возстановить цѣлость святой вѣры на земномъ шарѣ. Вѣроятно, что сію мысль внушилъ Григорію посолъ императорскій Кобенцель, ибо онъ славилъ въ Европѣ не только могущество, но и мнимое доброжелательство россіянъ къ латинской церкви, говоря въ донесеніи къ вѣнскому министерству: „Несправедливо считаютъ ихъ врагами нашей вѣры; такъ могло быть прежде, нынѣ же россіяне любятъ бесѣдовать о Римѣ, желаютъ его видѣть, знаютъ, что въ немъ страдали и лежатъ великіе мученики христіанства, ими еще болѣе, нежели нами, уважаемые; знаютъ, лучше многихъ нѣмцевъ и французовъ, святость Лоретты, не усомнились даже вести меня къ образу Николая Чудотворца, главной святынѣ сего народа, слыша, что я древняго закона, а не Лютерова, для нихъ ненавистнаго“. Но Кленхенъ, кажется, не былъ въ Москвѣ: наставленіе, ему данное, осталось только въ римскихъ архивахъ. Ласково принявъ Шеврыгина, одаривъ его золотыми цѣпями и бархатными ферезями, папа велѣлъ славному богослову, іезуиту Антонію Поссевину, ѣхать къ Баторію и въ Москву для примиренія воюющихъ державъ. Антоній нашелъ короля въ Вильнѣ. „Государь московскій (сказалъ Баторій іезуиту) хочетъ обмануть св. отца; видя грозу надъ собою, радъ все обѣщать: и соединеніе вѣръ, и войну съ турками; но меня не обманетъ. Иди и дѣйствуй: не противлюсь, знаю только, что для выгоднаго и честнаго мира надобно воевать: мы будемъ имѣть его; даю слово“. И миротворецъ Антоній, благословивъ короля на дѣла, достойныя героя и христіани-

на, поѣхалъ къ царю, а Баторій вслѣдъ за нимъ, со всѣмъ войскомъ, вновь усиленнымъ, быстро двинулся ко Пскову въ августѣ мѣсяцѣ.

Сіе нападеніе уже не было нечаяннымъ: Іоаннъ ожидалъ его и ввѣрилъ защиту Пскова воеводамъ надежнымъ: боярамъ князьямъ Шуйскимъ, Ивану Петровичу и Василію Ѳедоровичу (Скопину), Никитѣ Ивановичу Очину-Плещееву, князю Андрею Хворостинину, Бахтеярову, Ростовскому-Лобанову; далъ имъ письменный наказъ, и въ храмѣ Успенія, предъ Владимірскою иконою Богоматери, взялъ съ нихъ торжественную присягу, что они не сдадутъ города Баторію до своей смерти. Воеводы такою же клятвою обязали и дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, гражданъ псковскихъ, старыхъ и малыхъ; всѣ цѣловали крестъ въ восторгѣ любви къ отечеству, взывая: „умремъ, но не сдадимся!“ Ихъ было тридцать тысячъ. Исправили ветхія укрѣпленія, разставили пушки, ручницы, пищали; назначили мѣста, гдѣ быть каждому воеводѣ съ своею особенною дружиною для обороны Кремля, города Средняго и Большого, Запсковья и такъ называемой Окольней или внѣшней стѣны, на пространствѣ семи или восьми верстъ. Царь непрестанно писалъ къ сановникамъ и войску, чтобы они помнили клятву и должность. Тоже писалъ къ нимъ и новгородскій владыка Александръ. Игуменъ печерскій, добродѣтельный Тихонъ, оставивъ свою обитель, явился на театрѣ будущаго кровопролитія, чтобы увѣщаніями и молитвою служить отечеству. Все изготовилось принять Баторія, съ тѣмъ великодушіемъ, коего онъ не любилъ въ россіянахъ, но коему умѣлъ отдавать справедливость. Въ Новгородѣ было 40,000 воиновъ съ княземъ Юріемъ Голицынымъ, во Ржевѣ тысячъ пятнадцать, для вспоможенія угрожаемому Пскову. На берегахъ Оки стояли князья Василій Ивановичъ Шуйскій и Шестуновъ, чтобы дѣйствовать оборонительно въ случаѣ ханскаго впаденія; въ Волокѣ великій князь тверскій Симеонъ, Мстиславскіе и Курлятевъ съ главными силами, такъ что государь имѣлъ въ полѣ до трехъ сотъ тысячъ воиновъ: рать, какой не видала ни Россія ни Европа съ нашествія монголовъ! Іоаннъ выѣхалъ наконецъ изъ слободы Александровской и прибылъ въ Старицу со всѣмъ дворомъ, съ боярами и съ дружиною царскою—казалось для того, чтобы лично предводительствовать войсками, взять и двинуть ихъ громаду, по примѣру героя Донскаго, на встрѣчу къ новому Мамаю... Но Іоаннъ готовился къ хитростямъ и лести, а не къ битвамъ!

18-го августа пріѣхалъ къ государю въ Старицу нетерпѣливо ожидаемый имъ іезуитъ Поссевинъ, коего отъ Смоленска до сего мѣста вездѣ честили, привѣтствовали съ необыкновенною пышностію и ласкою. Дружины воинскія, блестящія золотомъ, стояли

въ ружьѣ предъ іезуитомъ; чиновники сходили съ коней, низко кланялись и говорили рѣчи. Никогда не оказывалось въ Россіи такого уваженія ни королевскимъ, ни императорскимъ посламъ. Чрезъ два дня, данные путешественнику на отдохновеніе, Антоній съ четырьмя братьями своего Ордена былъ представленъ государю, удивленный великолѣпіемъ двора, множествомъ царедворцевъ, сіяніемъ драгоцѣнныхъ металловъ и каменьевъ, порядкомъ и тишиною. Іоаннъ и старшій царевичъ встали при имени Григорія XIII и съ великимъ вниманіемъ разсматривали дары его: крестъ съ изображеніемъ Страстей Господнихъ, четки съ алмазами и книгу въ богатомъ переплетѣ о флорентинскомъ соборѣ. Григорій писалъ особенно и къ царевичамъ и къ царицѣ (именуя Марію Анастасіею); называлъ Іоанна, въ письмѣ къ нему, своимъ сыномъ возлюбленнымъ, а себя единственнымъ намѣстникомъ Христовымъ; увѣрялъ Россію въ усердномъ доброжелательствѣ; обѣщалъ Баторія склонить къ миру, нужному для общаго блага христіанскихъ державъ, и къ возвращенію отнятаго несправедливо, въ надеждѣ, что Іоаннъ умиритъ церковь соединеніемъ нашей съ апостольскою, вспомнивъ, что Греческая Имперія пала отъ непринятія уставовъ флорентинскаго собора. Антоній объявилъ на словахъ думнымъ дворянамъ и дьяку Андрею Щелкалову, что онъ, исполняя волю папы и готовый отдать душу за царя, склонилъ Баторія не требовать съ насъ денегъ за убытки войны; что Стефанъ не удовольствуется частью Ливоніи, но всею; что, заключивъ миръ съ нимъ и съ королемъ шведскимъ (чего желаетъ папа), Іоаннъ долженъ вступить въ тѣсный союзъ съ Римомъ, съ императоромъ, съ королями испанскимъ, французскимъ, съ Венеціею и съ другими европейскими державами противъ оттоманской; что папа даетъ 50.000 или болѣе воиновъ въ составъ сего христіанскаго ополченія, въ коемъ и шахъ персидскій можетъ взять участіе. Наконецъ, Антоній просилъ государя, чтобы онъ дозволилъ венеціанцамъ свободно торговать и строить церкви въ Россіи. Ему отвѣтствовали ласково, однакожъ съ нѣкоторою твердостію. Царь благодарилъ папу за любовь и доброжелательство; хвалилъ за великую мысль наступить на турковъ общими силами Европы; не отвергалъ и соединеніе церквей и мира съ Швеціею, въ угодность Григорію, но прежде хотѣлъ мира съ Баторіемъ; изъявлялъ довѣренность къ Поссевину; сказалъ, чтобы онъ снова ѣхалъ къ королю для совершенія начатаго имъ дѣла; что Россія, отъ временъ Ярослава I владѣвъ Ливоніею, уступаетъ въ ней Стефану 66 городовъ, и сверхъ того Великія Луки, Заволочье, Невель, Велижъ, Холмъ, удерживая за собою единственно 35 городовъ ливонскихъ, Дерптъ, Нарву и проч.; что болѣе ничего уступить не можетъ, и что отъ Сте-

фана зависитъ прекратить войну на сихъ условіяхъ. Позволяя итальянскимъ купцамъ торговать въ Россіи, имѣть латинскихъ священниковъ и молиться Богу какъ имъ угодно, Іоаннъ примолвилъ: „а церквей римскихъ у насъ не бывало и не будетъ". Во время сихъ переговоровъ смиренные іезуиты обѣдали у государя на золотѣ, вмѣстѣ съ боярами и людьми знатнѣйшими. „Я видѣлъ (пишетъ Антоній) не грознаго самодержца, но радушнаго хозяина среди любезныхъ ему гостей, привѣтливаго, внимательнаго, разсылающаго ко всѣмъ яства и вина. Въ половинѣ обѣда Іоаннъ, облокотясь на столъ, сказалъ мнѣ: Антоній! укрѣпляйся пищею и питіемъ. Ты совершилъ путь дальный отъ Рима до Москвы, будучи посланъ къ намъ святымъ отцомъ, главою и пастыремъ римской церкви, коего мы чтимъ душевно". Исполненный надежды услужить царю миромъ и тѣмъ содѣйствовать важнымъ намѣреніямъ папы въ отношеніи въ Россіи, Антоній поѣхалъ къ Стефану и нашелъ его уже среди кровопролитія.

Свѣдавъ, что Стефанъ идетъ прямо на Псковъ, тамошніе воеводы и воины, духовенство и граждане съ крестами, чудотворными иконами и мощами св. князя Всеволода-Гавріила обошли вокругъ всѣхъ укрѣпленій; матери несли младенцевъ на рукахъ. Молились, да будетъ древній градъ Ольгинъ неодолимою твердынею для враговъ, да спасется и спасетъ Россію! Услышавъ, что Баторій взялъ Опочку, Красный, Островъ и на берегахъ Черехи разбилъ легкій отрядъ нашей конницы, воеводы (18-го августа) зажгли предмѣстіе, сѣли на коней, велѣли звонить въ осадный колоколъ и скоро увидѣли густыя облака пыли, которыя сильнымъ южнымъ вѣтромъ неслись къ городу. Явилась и рать Стефанова: она шла медленно, осторожно, толпами необозримыми; заняла дорогу порховскую и стала вдоль рѣки Великой. Россіяне сдѣлали жаркую вылазку: съ обѣихъ сторонъ взяли плѣнниковъ, узнали силу непріятеля. Разноплеменное войско Баторіево состояло изъ поляковъ, литвы, мазовшанъ, венгровъ, нѣмцевъ брауншвейгскихъ, любскихъ, австрійскихъ, прусскихъ, курляндскихъ, изъ датчанъ, шотландцевъ, числомъ до ста тысячъ, конныхъ и пѣшихъ, исправныхъ, вооруженныхъ столь красиво, что посолъ оттоманскій, прибывъ въ станъ къ королю и смотря на его блестящую рать, сказалъ въ восторгѣ: „Ежели султанъ и Баторій захотятъ дѣйствовать единодушно, то побѣдятъ вселенную". Но сіе многочисленное, прекрасное войско убоялось трудностей, видя крѣпость города, обширнаго, наполненнаго запасами, снарядами и воинами, которые въ самой первой битвѣ оказали необыкновенное мужество. Еще въ Вильнѣ измѣнникъ нашъ Давидъ Бѣльскій совѣтовалъ королю не ходить къ Новгороду, ни къ Пскову, городамъ, окруженнымъ болотами и рѣками, твер-

дымъ и каменными стѣнами и духомъ русскимъ, но осадить Смоленскъ, менѣе недоступный, менѣе чуждый литовскаго духа. Король отвергнулъ сей совѣтъ благоразумный; не слушалъ и воеводъ, которые думали, что скорѣе можно взять Новгородъ. Непреклонный Баторій страшился изъявить опасеніе и слабость, хотѣлъ быть увѣреннымъ въ своемъ счастіи и въ мужествѣ войска, любилъ одолѣвать трудности—и началъ достопамятную осаду Пскова.

26-го августа непріятель обступалъ городъ, подъ громомъ всѣхъ нашихъ бойницъ, заслоняясь лѣсомъ отъ ихъ пальбы, но теряя не мало людей, къ удивленію Стефана, не хотѣвшаго вѣрить столь мѣткому и сильному дѣйствію россійскихъ пушекъ. Онъ сталъ въ шатрахъ на московской дорогѣ, близъ Любатовской церкви св. Николая, и долженъ былъ снять ихъ, чтобы удалиться отъ свиста летающихъ надъ нимъ ядеръ къ берегамъ Черехи, за высоты и холмы. Пять дней миновало въ тишинѣ. Непріятель укрѣплялъ станъ на берегу Великой, осматривалъ городъ и 1-го сентября началъ копать борозды (или вести траншеи) къ воротамъ Покровскимъ, вдоль рѣки: работалъ день и ночь, прикатилъ туры, сдѣлалъ осыпь. Воеводы псковскіе видѣли работу, угадывали намѣреніе и въ семъ опасномъ, угрожаемомъ мѣстѣ заложили новыя внутреннія укрѣпленія, деревянную стѣну съ раскатами; выбрали лучшихъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и смѣлаго вождя князя Андрея Хворостинина для ея защиты; велѣли пѣть тамъ молебны и кропить святою водою землю, готовую ороситься кровію воиновъ доблихъ. Тутъ были неотходно и князья Шуйскіе и дьяки государевы, данные имъ для совѣта. Поляки, 7-го сентября, устроивъ бойницы, на самомъ разсвѣтѣ открыли сильную пальбу изъ двадцати тяжелыхъ орудій; громили стѣны между воротами Покровскими и Свиными; въ слѣдующій день сбили ихъ въ разныхъ мѣстахъ—и король объявилъ своимъ воеводамъ, что путь въ городъ открытъ для героевъ; что россіяне въ ужасѣ, и время дорого. Воеводы, обѣдая въ шатрѣ королевскомъ, сказали Баторію: „Государь! мы будемъ нынѣ ужинать съ тобою въ замкѣ псковскомъ“. Спѣшили къ дѣлу, обѣщая воинамъ всѣ богатства города, корысть и плѣнъ безъ остатка. Венгры, нѣмцы, поляки устремились къ проломамъ, распустивъ знамена, съ трубнымъ звукомъ и съ воплемъ. Россіяне ждали ихъ; извѣщенные о приступѣ звономъ осаднаго колокола, всѣ граждане простились съ женами, благословили дѣтей, стали вмѣстѣ съ воинами между развалинами каменной стѣны и новою, деревянною, еще не достроенною. Игуменъ Тихонъ и священники молились въ храмѣ соборномъ. Господь услышалъ сію молитву: 8-е сентября осталось въ исторіи славнѣйшимъ днемъ для Пскова.

Не взирая на жестокій огонь городскихъ бойницъ, непріятель по тѣламъ своимъ достигъ крѣпости, ворвался въ проломы, взялъ башню Покровскую, Свиную и распустилъ на нихъ знамена королевскія, къ живѣйшей радости Баторія, смотрѣвшаго на битву съ колокольни св. Никиты мученика (въ полуверстѣ отъ города). Поляки въ отверстіяхъ стѣны рѣзались съ гражданами, съ дѣтьми боярскими и стрѣльцами; изъ башенъ, занятыхъ венграми и нѣмцами, сыпались пули на россіянъ, слабѣющихъ, тѣснимыхъ. Тутъ князь Шуйскій, облитый кровью, сходитъ съ раненаго коня, удерживаетъ отступающихъ, показываетъ имъ образъ Богоматери и мощи св. Всеволода-Гавріила, несомыя іереями изъ соборнаго храма: свѣдавъ, что литва уже въ башняхъ и на стѣнѣ, они шли съ сею святынею въ самый пылъ битвы, умереть или спасти городъ небеснымъ вдохновеніемъ мужества. Россіяне укрѣпились въ духѣ, стали непоколебимо—и вдругъ Свиная башня, въ рѣшительный часъ ими подорванная, взлетѣла на воздухъ съ королевскими знаменами... ровъ наполнился трупами нѣмцевъ, венгровъ, ляховъ; а къ нашимъ приспѣли новыя дружины воиновъ изъ дальныхъ, безопасныхъ частей города; всѣ твердо сомкнулись, двинулись впередъ, воскликнувъ: „не предадимъ Богоматери и св. Всеволода!“ дружнымъ ударомъ смяли изумленныхъ враговъ, вытѣснили изъ проломовъ, низвергнули съ раскатовъ. Долѣе иныхъ упорствовали венгры, засѣвъ въ Покровской башнѣ; ихъ выгнали огнемъ и мечемъ. Кровь лилася до вечера (ибо Стефанъ свѣжимъ войскомъ усилилъ поляковъ), но уже внѣ крѣпости, гдѣ оставались только больные старцы и дѣти: самыя жены, узнавъ, что стѣна очищена отъ ногъ литовскихъ, что царскія знамена опять стоятъ на ея раскатахъ, и что непріятель бросилъ нѣсколько легкихъ пушекъ въ воротахъ, явились на мѣстѣ битвы,—однѣ съ веревками, чтобы тащить сіи взятыя орудія въ Кремль, другія съ холодною водою, чтобы освѣжить запекшіяся уста воиновъ, изнемогающихъ отъ жажды; многія даже съ копьями, чтобы помогать мужьямъ и братьямъ въ сѣчѣ. Наконецъ все нерусское бѣжало. Съ трофеями, знаменами, трубами литовскими и съ великимъ числомъ плѣнниковъ возвратились побѣдители въ городъ, уже ночью, воздать хвалу Богу въ соборной церкви, гдѣ воеводы сказали ратникамъ и гражданамъ: „Такъ миновалъ для насъ первый день трудовъ, мужества, плача и веселія! Совершимъ, какъ мы начали! Пали сильные враги наши, а мы, слабые, съ ихъ доспѣхами стоимъ предъ алтаремъ Всевышняго. Гордый исполинъ лишился хлѣба, а мы въ христіанскомъ смиреніи насытились милосердіемъ небеснымъ. Исполнимъ клятвенный обѣтъ, данный нами безъ лукавства и хитрости; не измѣнимъ церкви и государю ни робостію, ни малодуш-

нымъ отчаяніемъ!“ Воины и граждане отвѣтствовали съ слезами умиленія: „Мы готовы умереть за вѣру Христову! какъ начали, такъ и совершимъ съ Богомъ, безъ всякой хитрости!“—Послали гонца въ Москву съ радостною вѣстію; онъ счастливо миновалъ станъ литовскій. Велѣли успокоить и лѣчить раненыхъ изъ казны государевой. Ихъ было 1,626 человѣкъ, убитыхъ же 863. Непріятелей легло около пяти тысячъ, болѣе восьмидесяти знатныхъ сановниковъ, и въ числѣ ихъ Бекези, полководецъ венгерскій, отмѣнно уважаемый, любимый Стефаномъ, который съ досады заключился въ шатрѣ и не хотѣлъ видѣть воеводъ своихъ, обѣщавшихъ ужинать съ нимъ въ замкѣ псковскомъ.

Но, какъ бы устыдясь сего душевнаго огорченія, Баторій на другой день вышелъ къ войску съ лицомъ покойнымъ, созвалъ Думу, сказалъ, что должно умереть или взять Псковъ, осенью или зимою, не взирая ни на какія трудности; велѣлъ дѣлать подкопы, стрѣлять день и ночь въ крѣпость, готовиться къ новымъ приступамъ, и написалъ къ воеводамъ россійскимъ: „Дальнѣйшее кровопролитіе для васъ безполезно. Знаете, сколько городовъ завоевано мною въ два года! Сдайтесь мирно: вамъ будетъ честь и милость, какой не заслужите отъ московскаго тирана, а народу льгота, неизвѣстная въ Россіи, со всѣми выгодами свободной торговли, нѣкогда процвѣтавшей въ землѣ его. Обычаи, достояніе, вѣра будутъ неприкосновенны. Мое слово законъ. Въ случаѣ безумнаго упрямства — гибель вамъ и народу!“ Съ сею бумагою пустили стрѣлу въ городъ (ибо осажденные не хотѣли имѣть никакого сношенія съ врагами). Воеводы такимъ же способомъ отвѣчали королю: „Мы не жиды, не предаемъ ни Христа, ни царя, ни отечества. Не слушаемъ лести, не боимся угрозъ. Иди на брань: побѣда зависитъ отъ Бога“. Они спѣшили довершить деревянную стѣну, защитили ею проломъ, выкопали ровъ между ими, утвердили въ немъ дубовый острый частоколъ, пѣли молебны въ укрѣпленіяхъ, подъ ядрами литовскихъ бойницъ; спокойно ждали битвъ— и въ теченіе пяти или шести недѣль славно отражали всѣ нападенія. Бодрость осаженныхъ возрастала; осаждающіе слабѣли духомъ и тѣломъ, терпя ненасть, иногда голодъ; роптали; не смѣя винить короля, винили главнаго воеводу, Замойскаго; говорили, что онъ въ академіяхъ италіанскихъ выучился всему, кромѣ искусства побѣждать россіянъ; безъ сомнѣнія, уѣдетъ съ королемъ въ Варшаву блистать красноречіемъ на сеймѣ, а войско будетъ жертвою зимы и свирѣпаго непріятеля. Баторій велѣлъ рыть землянки; запасался порохомъ и хлѣбомъ, не слушалъ ропота; надѣялся на дѣйствіе подкоповъ. Но Шуйскій, узнавъ отъ бѣглеца литовскаго о сихъ тайныхъ девяти подкопахъ, умѣлъ перенять нѣкоторые изъ нихъ; другіе сами обрушились. Тщетны были всѣ

дальнѣйшіе опыты, хитрости, усилія Баторіевы; ни огненныя ядра его, столь бѣдственныя для Великихъ Лукъ и Сокола, ни отчаянная смѣлость не производили желаемаго дѣйствія. Такъ, въ одинъ день (октября 28), при ужасной пальбѣ всѣхъ литовскихъ бойницъ, королевскіе гайдуки устремились отъ рѣки Великой прямо къ городу съ кирками и съ ломами; начали, между угольною башнею и воротами Покровскими, разбивать каменную стѣну, закрывая себя широкими щитами; лѣзли въ отверстіе и хотѣли сжечь внутреннія деревянныя укрѣпленія. Россіяне удивились, но въ нѣсколько минутъ истребили сихъ Баторіевыхъ смѣльчаковъ, лили на нихъ пылающую смолу, кидали гранаты (кувшины съ зеліемъ), зажигали щиты; однихъ кололи въ отверстіяхъ, другихъ били каменьями, изъ ручницъ, самопаловъ; немногіе спаслися бѣгствомъ. Въ слѣдующіе пять дней пальба не умолкала; оказался новый проломъ въ стѣнѣ, отъ рѣки Великой, и Баторій (2 ноября) хотѣлъ въ послѣдній разъ испытать счастіе приступомъ. Литовцы густыми толпами шли по льду рѣки, сперва отважно и бодро; но вдругъ, осыпанные ядрами изъ крѣпости, стали, замѣшались. Напрасно воеводы Стефановы, разъѣзжая на коняхъ, кричали, махали саблями, даже сѣкли робкихъ: второй сильный залпъ изъ города обратилъ въ бѣгство и воиновъ и воеводъ въ виду короля! Онъ имѣлъ твердость и нужду въ ней. Къ умноженію Баторіевой досады, голова стрѣлецкій Ѳедоръ Мясоѣдовъ, съ свѣжею, довольно многочисленною дружиною сквозь цѣпь непріятельскихъ полковъ открылъ себѣ путь и вступилъ въ славный Псковъ, къ несказанной радости его защитниковъ, неутомимыхъ въ мужествѣ, но уменьшенныхъ числомъ. Наконецъ, Стефанъ далъ повелѣніе оставить укрѣпленія, вывезти пушки, снять туры и дѣятельную, жестокую осаду превратить въ тихое облежаніе, думая изнурить осажденныхъ голодомъ. Россіяне ликовали на стѣнахъ, видя, какъ непріятель удалялся, бѣжалъ отъ крѣпости съ огнестрѣльнымъ снарядомъ.

Сего мало! Чтобы какимъ-нибудь легкимъ завоеваніемъ ободрить унылую рать свою и потѣшить корыстолюбивыхъ наемниковъ, Баторій хотѣлъ взять, въ пятидесяти шести верстахъ отъ Пскова, древній Печерскій монастырь, въ 1519 году обновленный, украшенный великокняжескимъ дьякомъ Мунехинымъ, и съ того времени славный чудесами исцѣленія для набожныхъ, богатыми вкладами, красотою зданій. Тамъ, кромѣ монаховъ, находилось для защиты каменныхъ стѣнъ и башенъ 200 или 300 воиновъ, которые, имѣя отважнаго вождя Юрія Нечаева, безпрестанными нападеніями тревожили подвозы литовскіе. Витязь Георгій Фаренсбахъ съ нѣмцами и воевода королевскій Борнемисса съ венгерскою дружиною, приступивъ къ монастырю, требовали немедленной сдачи,

но добрые иноки отвѣтствовали имъ: „Похвально ли для витязей воевать съ чернецами? Если хотите битвы и славы, то идите ко Пскову, гдѣ найдете бойцовъ достойныхъ. А мы не сдаемся“. Монахи еще лучше дѣйствовали, нежели говорили: вмѣстѣ съ воинами, съ ихъ женами и дѣтьми, отразили два приступа; взяли молодого Кетлера, герцогова племянника, и двухъ знатныхъ ливонскихъ сановниковъ. Съ того времени многочисленная рать непріятельская сражалась болѣе всего съ холодомъ и голодомъ. Воины на часахъ замерзали, цѣпенѣли въ шатрахъ. За четверть ржи въ Баторіевомъ станѣ платили не менѣе десяти нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, за яловицу около двадцати-пяти; кормовщиковъ надлежало посылать, съ великою опасностію, верстъ за 150; лошади, скудно питаемыя сѣномъ и соломою, умирали. Казна истощалась; войску не выдавали жалованья, и 3,000 нѣмцевъ ушло во свояси. „Король хочетъ сдержать слово“, писали вожди литовскіе къ друзьямъ своимъ въ Вильну: „не возьметъ города, но можетъ умереть въ снѣгахъ псковскихъ“.

Гибель, дѣйствительно, казалась вѣроятнымъ слѣдствіемъ Баторіева упрямства. Если бы князь Юрій Голицынъ изъ Новгорода, Мстиславскіе изъ Волока, Шуйскій изъ Пскова вдругъ наступили на Баторія, то онъ увидѣлъ бы, что судьба еще не предаетъ ему всей державы россійской. Но одинъ Шуйскій дѣйствовалъ, безпокоилъ непріятеля вылазками. Голицынъ, славный бѣглецъ, сидѣлъ крѣпко въ стѣнахъ каменныхъ и, слыша, что литовскіе казаки жгутъ Русу, едва не обратилъ всей Торговой Стороны въ пепелъ, боясь осады. Великій князь тверской, Симеонъ и Мстиславскіе стояли неподвижно, охраняя Москву и государя, а государь, встревоженный вѣстію о новыхъ успѣхахъ шведовъ въ Ливоніи и еще болѣе приближеніемъ Радзивила съ легкимъ отрядомъ Баторіевымъ къ самому Ржеву, ускакалъ изъ Старицы въ Александровскую слободу.

Отважный набѣгъ литовцевъ на берега Волги, испугавъ Іоанна, не доставилъ имъ иной, существенной выгоды: Радзивилъ бѣжалъ, встрѣтивъ превосходную силу воеводъ московскихъ: хотѣлъ взять Торопецъ — не могъ и возвратился къ королю. Но происшествія ливонскія были важны. Баторій требовалъ, чтобы шведы напали моремъ на сѣверные берега Россіи, истребили гнѣздо нашей торговли съ Англіею, взяли гавань св. Николая, Холмогоры и Бѣлозерскъ, гдѣ хранилась главная казна царская. Сія мысль, дѣйствительно смѣлая, казалась шведамъ дерзостію безразсудною. Ужасаясь отдаленныхъ, хладныхъ пустынь россійскихъ, они, къ досадѣ Баторія, искали ближайшихъ, вѣрнѣйшихъ, прочныхъ завоеваній въ Ливоніи и не думали уступить всѣхъ областей ея безъ раздѣла; пользуясь долговременною осадою Пскова, бездѣй-

ствіемъ воеводъ Іоанновыхъ, въ два или три мѣсяца отняли у насъ Лоде, Фиккель, Леаль, Гапсаль, самую Нарву, гдѣ въ кровопролитной сѣчѣ легло 7,000 россіянъ, стрѣльцовъ и жителей; гдѣ мы уже двадцать лѣтъ торговали съ Европою: съ Даніею, съ Германіею, съ Нидерландами; гдѣ находилось множество товаровъ и богатства. Черезъ нѣсколько дней знаменитый вождь шведскій, французъ де-ла-Гарди, поставилъ ногу и на древнюю Русь: завоевалъ Иванъ-Городъ, Яму, Копорье; плѣнилъ дружину московскихъ дворянъ и въ числѣ ихъ нашелъ опаснаго для насъ измѣнника, Аѳанасія Бѣльскаго, который, будучи достойнымъ родственникомъ Малюты Скуратова и бѣглеца Давида, предложилъ свои ревностныя услуги шведамъ. Овладѣвъ и крѣпкимъ Виттенштейномъ, величавый де-ла-Гарди торжествовалъ побѣду въ Ревелѣ и навелъ, какъ пишутъ, такой ужасъ на россіянъ, что они уставили молебствія въ церквахъ, да спасетъ ихъ Небо отъ сего врага лютаго.

По крайней мѣрѣ Іоаннъ былъ въ ужасѣ: не видалъ силъ и выгодъ Россіи, видѣлъ только непріятельскія и ждалъ спасенія не отъ мужества, не отъ побѣды, но единственно отъ іезуита папскаго, Антонія, который писалъ къ нему изъ Баторіева стана, что сей герой, истинно христіанскій, не обольщаясь славою, готовъ, какъ и прежде, дать миръ Россіи на условіяхъ, извѣстныхъ царю, отвергая всѣ иныя, и ждетъ для того нашихъ уполномоченныхъ сановниковъ; что войско литовское бодро и многочисленно; что дальнѣйшее кровопролитіе угрожаетъ намъ великими бѣдствіями. Сего было довольно для Іоанна: онъ положилъ на совѣтѣ съ царевичемъ и съ боярами: „Уступить необходимости и могуществу Баторія, союзника шведовъ, располагающаго силами многихъ земель и народовъ; отдать ему, но только въ конечной неволѣ, всю россійскую Ливонію, съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ намъ всѣ иныя завоеванія и не включалъ шведовъ въ договоръ, дабы мы на свободѣ могли унять ихъ“.

Съ такимъ наказомъ отправили къ Стефану дворянина князя Дмитрія Петровича Елецкаго и печатника Романа Васильева Олферьева, чтобы заключить миръ или перемиріе. Между Опоками и Порховымъ, въ селѣ Бешковичахъ, ждалъ ихъ римскій посолъ, іезуитъ Антоній Поссевинъ, и вмѣстѣ съ ними, декабря 13-го, прибылъ въ деревню Киверову Гору, въ пятнадцати верстахъ отъ Запольскаго Яму, гдѣ уже находились уполномоченные Стефановы, воевода Янушъ Збаражскій, маршалокъ князь Альбрехтъ Радзивилъ и секретарь великаго княжества литовскаго, извѣстный Михайло Гарабурда. Въ сихъ мѣстахъ, разоренныхъ, выжженныхъ непріятелемъ, среди пустынь и снѣговъ, вдругъ явились великолѣпіе и пышность: чиновники Іоанновы и люди ихъ блистали нарядами, золотомъ одеждъ своихъ и приборовъ конскихъ; купцы навезли

туда богатыхъ товаровъ и раскладывали ихъ въ шатрахъ, согрѣваемыхъ пылающими кострами. Но всѣ жили въ дымныхъ избахъ, питались худымъ хлѣбомъ, пили снѣжную воду; одни послы наши имѣли мясо, доставляемое имъ изъ Новгорода, и могли ежедневно угощать іезуита Антонія. Немедленно начались переговоры; а Баторій, давъ всѣ нужныя наставленія своимъ повѣреннымъ и главному воеводѣ Замойскому, уѣхалъ въ Варшаву. Послѣднимъ его словомъ было: „Ѣду съ малою утомленною дружиною за сильнымъ, свѣжимъ войскомъ“.

Сей отъѣздъ, безъ сомнѣнія, необходимый для истребованія новыхъ пособій отъ сейма, былъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ величайшею для короля смѣлостію. Войско изнуренное оказывало духъ мятежный; проклинало бѣдственную осаду Пскова, требовало мира и кричало, что Стефанъ воюетъ за Ливонію въ намѣреніи отдать ее своимъ племянникамъ. Присутствіе короля еще обуздывало недовольныхъ: безъ него могъ вспыхнуть общій бунтъ. Но король вѣрилъ Замойскому, какъ самому себѣ, и не обманулся: сей вельможа-полководецъ, презирая жестокія укоризны, язвительныя насмѣшки, угрозы, смирилъ мятежниковъ строгостью, обратилъ слабыхъ надеждою. „Послы московскіе“,—говорилъ онъ,—„смотрятъ на васъ изъ Запольскаго Яма; если будете мужественны и терпѣливы, то они все уступятъ; если изъявите малодушіе, то возгордятся, и мы останемся безъ мира и безъ славы, утративъ плоды столь многихъ побѣдъ и трудовъ!“ Но, имѣя твердость великодушную, Замойскій не стыдился коварства; вымыслилъ, или одобрилъ гнусную хитрость, чтобы погубить главнаго защитника псковскаго. Къ нашимъ воеводамъ явился россійскій плѣнникъ, безъ всякаго условія отпущенный изъ литовскаго стана, съ большимъ ларцемъ и съ слѣдующимъ письмомъ отъ нѣмца Моллера къ Шуйскому: „Государь князь Иванъ Петровичъ! я долго служилъ царю вмѣстѣ съ Георгомъ Фаренсбахомъ; нынѣ вспомнилъ его хлѣбъ-соль; желаю тайно уйти къ вамъ и шлю напередъ казну свою: возьми сей ящикъ, отомкни, вынь золото и блюди до моего прихода“. Къ счастію, воеводы усомнились: велѣли искусному мастеру бережно открыть ящикъ и нашли въ немъ нѣсколько заряженныхъ пищалей, осыпанныхъ порохомъ. Если бы самъ Шуйскій неосторожно снялъ крышку, то могъ бы лишиться жизни отъ выстрѣловъ и разорванія пищалей. Спасенный Небомъ, онъ написалъ къ Замойскому, что храбрые убиваютъ непріятелей только въ сѣчахъ; предлагалъ ему бой честный, единоборство, какъ Баторій Іоанну. Уже воеводы наши знали о съѣздѣ повѣренныхъ, но все еще бодрствовали, не отдыхали, днемъ и ночью тревожили, били слабѣющихъ литовцевъ, коихъ оставалось, наконецъ, не болѣе двадцати шести тысячъ.

Мужи ратные дѣлали свое дѣло, думные также. Если князь Елецкій и Олферьевъ, исполняя въ точности волю Іоаннову, не могли сохранить достоинства и всѣхъ выгодъ Россіи, то не ихъ вина: по крайней мѣрѣ они умѣли наблюдать обстоятельства, извѣщая государя о крайности непріятеля, умѣли длить время, медлить въ уступкахъ, ожидая новыхъ повелѣній и счастливой перемѣны въ духѣ робкаго Іоанна; объяснились съ литовскими сановниками тихо, но благородно, не унижаясь; обличали ихъ хвастливость безъ грубости. „Когда вы—говорилъ панъ Збаражскій—пріѣхали сюда за дѣломъ, а не съ пустымъ многорѣчіемъ, то скажите, что Ливонія наша, и внимайте дальнѣйшимъ условіямъ побѣдителя, который уже завоевалъ не малую часть Россіи, возьметъ и Псковъ и Новгородъ, ждетъ рѣшительнаго слова и даетъ вамъ три дня сроку". Россійскіе сановники отвѣтствовали: „Высокомѣріе не есть миролюбіе. Вы хотите, чтобы государь нашъ безъ всякаго возмездія отдалъ вамъ богатую землю и лишился всѣхъ морскихъ пристаней, необходимыхъ для свободнаго сообщенія Россіи съ иными державами. Вы осаждаете Псковъ уже четыре мѣсяца, конечно съ достохвальнымъ мужествомъ, но съ успѣхомъ ли? имѣете ли дѣйствительно надежду взять его? а если не возьмете, то не погубите ли и войска и всѣхъ своихъ завоеваній?" Вмѣсто трехъ дней, назначенныхъ Баторіемъ, миновало болѣе трехъ недѣль въ съѣздахъ, въ преніяхъ, съ нашей стороны хладнокровныхъ, жаркихъ съ литовской. Послы Іоанновы уступали королю 14 городовъ ливонскихъ, занятыхъ россійскимъ войскомъ, Полоцкъ со всѣми его пригородами, Озерище, Усвятъ Луки, Велижъ, Невель, Заволочье, Холмъ, чтобы удержать единственно Дерптъ съ пятнадцатью крѣпостями. Стефановы вельможи не соглашались; требовали и Ливонію и денегъ за убытки войны; хотѣли также включить шведскаго короля въ договоръ. Напрасно Елецкій и Олферьевъ просили добраго содѣйствія Поссевинова; іезуитъ хитрилъ, угадывалъ тайный наказъ царскій, славилъ неодолимаго Баторія и коварно жалѣлъ о новыхъ, неминуемыхъ бѣдствіяхъ Россіи въ случаѣ продолженія войны отъ нашего упрямства. Доброе содѣйствіе было только отъ воеводъ псковскихъ: они, 4 января, еще сильнѣе напали на Замойскаго съ конницею и пѣхотою; взяли знатное число плѣнныхъ, убили многихъ сановниковъ непріятельскихъ и съ трофеями возвратились въ городъ. Сія вылазка была сорокъ шестая—и прощальная; ибо Замойскій далъ знать своимъ посламъ, что терпѣніе войска истощилось; что надобно подписать договоръ или бѣжать. Настала минута рѣшительная. Збаражскій объявилъ, что Стефанъ велѣлъ кончить переговоры, и сею твердостью побѣдилъ нашу: видя крайность, не смѣя ѣхать въ Москву безъ мира, не смѣя ослу-

шаться государя, Елецкій и Олферьевъ должны были принять главное условіе: то-есть именемъ Іоанновымъ отказались отъ Ливоніи; уступили и Полоцкъ съ Велижемъ; а Баторій согласился не требовать съ насъ денегъ, не упоминать въ записи ни о шведскомъ королѣ ни о городахъ эстонскихъ (Ревелѣ, Нарвѣ), возвратить намъ Великія Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ другіе псковскіе занятые имъ пригороды. На сихъ условіяхъ положили быть десятилѣтнему перемирію отъ 6 января 1582 года. Но еще нѣсколько дней спорили о титулахъ и словахъ, однажды съ такимъ жаромъ, что смиренный іезуитъ Антоній вышелъ изъ себя: вырвалъ черную запись изъ рукъ Олферьева, бросилъ на землю, схватилъ его за воротъ. Теряя Ливонію, Іоаннъ желалъ еще именоваться, въ догорѣ, ливонскимъ властителемъ и царемъ, въ смыслѣ императора, о чемъ ни послы Стефановы, ни папскій не хотѣли слышать. Первые, какъ бы въ насмѣшку, требовали Смоленска, Великихъ Лукъ и всѣхъ городовъ сѣверскихъ, чтобы назвать Іоанна царемъ, но единственно казанскимъ и астраханскимъ, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ молдавскихъ воеводъ называютъ господарями; а Поссевинъ утверждалъ, что одинъ папа можетъ возвышать вѣнценосцевъ новыми титулами. Наконецъ условились дать Іоанну только въ россійской перемирной грамотѣ имя царя, властителя смоленскаго и ливонскаго; въ королевской же просто государя, а Стефану титулъ ливонскаго. Утвердивъ грамоты крестнымъ цѣлованіемъ, повѣренные обѣихъ державъ обнялися какъ друзья и 17 января извѣстили воеводъ псковскихъ о замиреніи. Тихій, полумертвый станъ литовскій ожилъ шумною радостію: защитники Пскова съ умиленіемъ принесли жертву благодарности Небу, совершивъ сей подвигъ съ честію для Россіи. Замойскій звалъ ихъ на пиръ; князь Иванъ Шуйскій отпустилъ къ нему воеводъ младшихъ, но самъ не поѣхалъ: успокоился, но не хотѣлъ веселиться.

Такъ кончилась война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи, менѣе славная для Баторія, чѣмъ постыдная для Іоанна, который въ любопытныхъ ея происшествіяхъ оказалъ всю слабость души своей, униженной тиранствомъ; который съ неутомимымъ усиліемъ домогаясь Ливоніи, чтобы славно предупредить великое дѣло Петра, имѣть море и гавани для купеческихъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Европою—воевавъ 24 года непрерывно, чтобы медленно, шагъ за шагомъ, двигаться къ цѣли—изгубивъ столько людей и достоянія, повелѣвая воинствомъ отечественнымъ, едва не равносильнымъ Ксерксову, вдругъ все отдалъ, и славу и пользу, изнуреннымъ остаткамъ разноплеменнаго сонмища Баторіева. Въ первый

разъ мы заключили миръ столь безвыгодный, едва не безчестный съ Литвою; и если удерживались еще въ своихъ древнихъ предѣлахъ, не отдали и болѣе, то честь принадлежитъ Пскову: онъ, какъ твердый оплотъ, сокрушилъ непобѣдимость Стефанову; взявъ его, Баторій не удовольствовался бы Ливоніею; не оставилъ бы за Россіею ни Смоленска, ни земли Сѣверской; взялъ бы, можетъ быть, и Новгородъ, въ очарованіи Іоаннова страха: ибо современники дѣйствительно изъясняли удивительное бездѣйствіе нашихъ силъ очарованіемъ; писали, что Іоаннъ, устрашенный видѣніями и чудесами, ждалъ только бѣдствій въ войнѣ съ Баторіемъ, не вѣря никакимъ благопріятнымъ донесеніямъ воеводъ своихъ; что явленіе кометы предвѣстило тогда несчастіе Россіи; что громовая стрѣла зимою, въ день Рождества Христова, при ясномъ солнцѣ, зажгла Іоаннову спальню въ слободѣ Александровской; что близъ Москвы слышали ужасный голосъ: бѣгите, бѣгите, русскіе! что въ семъ мѣстѣ упалъ съ неба мраморный гробовой камень съ таинственною, неизъяснимою надписью; что изумленный царь самъ видѣлъ его и велѣлъ разбить своимъ тѣлохранителямъ. Сказка, достойная суевѣрнаго вѣка; но то истина, что Псковъ или Шуйскій спасъ Россію отъ величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится въ нашей исторіи, доколѣ мы не утратимъ любви къ отечеству и своего имени.

4 февраля Замойскій выступилъ въ Ливонію, чтобы принять отъ насъ ея города и крѣпости. Сподвижники его, удаляясь съ радостію, не хотѣли смотрѣть на стѣны и башни псковскія, окруженныя могилами ихъ братьевъ. Только въ сей день отворились наконецъ ворота Ольгина града, гдѣ всѣ жители и воины, исполнивъ долгъ усердія къ отечеству и славно миновавъ опасности, наслаждались живѣйшимъ для человѣка и гражданина удовольствіемъ. Не таковы были чувства россіянъ въ Ливоніи, гдѣ они уже давно жительствовали какъ въ отечествѣ, имѣли семейства, дома, храмы, епископію въ Дерптѣ; согласно съ договоромъ, выѣзжая оттуда въ Новгородъ и Псковъ, съ женами, съ дѣтьми— въ послѣдній разъ слыша тамъ благовѣстъ православія и моляся Господу по обрядамъ нашей церкви, смиренной, изгоняемой, всѣ горько плакали, а всего болѣе надъ гробами своихъ ближнихъ. Около шести сотъ лѣтъ именовавъ Ливонію своимъ владѣніемъ— повелѣвавъ ея дикими жителями еще при св. Владимірѣ, строивъ въ ней крѣпости при Ярославлѣ Великомъ и въ самое цвѣтущее время Ордена, собиравъ дань съ областей дерптскихъ, Россія торжественно отказалась отъ сей, нашею кровію орошенной земли, надолго, до героя полтавскаго. Между тѣмъ народъ, всегда миролюбивый, въ Москвѣ и вездѣ, благословилъ конецъ войны разорительной; но Іоаннъ наслаждился ли успокоеніемъ роб-

кой души своей? По крайней мѣрѣ Богъ не хотѣлъ того, избравъ сіе время для ужасной казни его сердца жестокаго, но еще не совсѣмъ окаменѣлаго—еще родительскаго, не мертваго.

Въ старшемъ, любимомъ сынѣ своемъ Іоаннѣ царь готовилъ Россіи второго себя: вмѣстѣ съ нимъ занимаясь дѣлами важными, присутствуя въ Думѣ, объѣзжая государство, вмѣстѣ съ нимъ и сластолюбствовалъ и губилъ людей, какъ бы для того, чтобы сынъ не могъ стыдить отца и Россія не могла ждать ничего лучшаго отъ наслѣдника. Юный царевичъ, не бывъ вдовцомъ, имѣлъ тогда уже третью супругу. Елену Ивановну, роду Шереметевыхъ: двѣ первыя, Сабурова и Параскева Михайловна Соловая, были пострижены. Своевольно или въ угодность родителю мѣняя женъ, онъ еще мѣнялъ и наложницъ, чтобы во всемъ ему уподобляться. Но изъявляя страшное въ юности ожесточеніе сердца и необузданность въ любострастіи,[1] оказывалъ умъ въ дѣлахъ и чувствительность ко славѣ или хотя къ безславію отечества. Во время переговоровъ о мирѣ, страдая за Россію, читая горесть и на лицахъ бояръ—слыша, можетъ быть, и всеобщій ропотъ, — царевичъ исполнился ревности благородной, пришелъ къ отцу и требовалъ, чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля, освободить Псковъ, возстановить честь Россіи. Іоаннъ въ волненіи гнѣва закричалъ: „Мятежникъ! ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола!“ и поднялъ руку; Борисъ Годуновъ хотѣлъ удержать ее: царь далъ ему нѣсколько ранъ острымъ жезломъ своимъ и сильно ударилъ имъ царевича въ голову. Сей несчастный упалъ, обливаясь кровію. Тутъ исчезла ярость Іоаннова. Поблѣднѣвъ отъ ужаса, въ трепетѣ, въ изступленіи онъ воскликнулъ: „я убилъ сына!“ и кинулся обнимать, цѣловать его; удерживалъ кровь, текущую изъ глубокой язвы; плакалъ, рыдалъ, звалъ лѣкарей; молилъ Бога о милосердіи, сына о прощеніи. Но судъ небесный совершился!.. Царевичъ, лобызая руки отца, нѣжно изъявлялъ ему любовь и состраданіе, убѣждалъ его не предаваться отчаянію, сказалъ, что умираетъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ... жилъ четыре дни и скончался 19 ноября въ ужасной слободѣ Александровской... Тамъ, гдѣ столько лѣтъ лилась кровь невинныхъ, Іоаннъ, обагренный сыновнею, въ оцѣпененіи сидѣлъ неподвижно у трупа, безъ пищи и сна нѣсколько дней... 22 ноября вельможи, бояре, князья, всѣ въ одеждѣ черной, понесли тѣло въ Москву. Царь шелъ за гробомъ до самой церкви св. Михаила Архангела, гдѣ указалъ ему мѣсто между памятниками своихъ предковъ. Погребеніе было великолѣпно и умилительно. Всѣ оплакивали судьбу державнаго юноши, который могъ бы жить для счастія и добродѣтели, если бы рука отцовская, на зло природѣ, безвременно не ввергнула

его и въ развратъ и въ могилу. Человѣчество торжествовало: оплакивали и самого Іоанна!.. Обнаженный всѣхъ знаковъ царскаго сана, въ ризѣ печальной, въ видѣ простого, отчаяннаго грѣшника, онъ бился о гробъ и землю съ воплемъ пронзительнымъ.

Такъ правосудіе Всевышняго Мстителя и въ семъ мірѣ караетъ иногда исполиновъ безчеловѣчія, болѣе для примѣра, нежели для ихъ исправленія, ибо есть, кажется, предѣлъ во злѣ, за коимъ уже нѣтъ истиннаго раскаянія, нѣтъ свободнаго, рѣшительнаго возврата къ добру; есть только мука, начало адской, безъ надежды и перемѣны сердца. Іоаннъ стоялъ уже далеко за симъ роковымъ предѣломъ: исправленіе такого мучителя могло бы соблазнить людей слабыхъ... Нѣсколько времени онъ тосковалъ ужасно; не зналъ мирнаго сна: ночью, какъ бы устрашаемый привидѣніями, вскакивалъ, падалъ съ ложа, валялся среди комнаты, стоналъ, вопилъ; утихалъ только отъ изнуренія силъ; забывался въ минутной дремотѣ, на полу, гдѣ клали для него тюфякъ у изголовья; ждалъ и боялся утренняго свѣта, боясь видѣть людей и явить имъ на лицѣ своемъ муку сыноубійцы.

Въ семъ душевномъ волненіи Іоаннъ призвалъ знатнѣйшихъ мужей государственныхъ и сказалъ торжественно, что ему, столь жестоко наказанному Богомъ, остается кончить дни въ уединеніи монастырскомъ; что меньшій его сынъ, Ѳеодоръ, неспособенъ управлять Россіею и не могъ бы царствовать долго; что бояре должны избрать государя достойнаго, коему онъ немедленно вручитъ державу и сдастъ царство. Всѣ изумились: одни вѣрили искренности Іоанновой и были тронуты до глубины сердца; другіе опасались коварства, думая, что государь желаетъ вывѣдать ихъ тайныя мысли, и что ни имъ, ни тому, кого они признали бы достойнымъ вѣнца, не миновать лютой казни. Единодушнымъ отвѣтомъ было: „Не оставляй насъ; не хотимъ царя, кромѣ Богомъ даннаго, тебя и твоего сына!“ Іоаннъ какъ бы невольно согласился носить еще тягость правленія; но удалилъ отъ глазъ своихъ всѣ предметы величія, богатства и пышности; отвергнулъ корону и скипетръ; обрекъ себя и дворъ въ одежду скорби; служилъ панихиды и каялся; послалъ 10,000 рублей въ Константинополь, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ, къ патріархамъ,—да молятся объ успокоеніи души царевича, и самъ, наконецъ, успокоился! Хотя, какъ пишутъ, онъ не переставалъ оплакивать любимаго сына .и даже въ веселыхъ разговорахъ часто вспоминалъ объ немъ со слезами, но, слѣдственно, могъ снова веселиться; снова, если вѣрить чужеземнымъ историкамъ, свирѣпствовалъ и казнилъ многихъ людей воинскихъ, которые будто бы малодушно сдавали крѣпости Баторію, хотя сами враги наши должны были признать

тогда россіянъ храбрѣйшими, неодолимыми защитниками городовъ. Въ сіе же время и подъ симъ же видомъ правосудія Іоаннъ изобрѣлъ необыкновенное наказаніе для отца супруги своей. Долго не видя Годунова, избитаго, израненнаго за царевича, и слыша отъ Ѳедора Новаго, что сей любимецъ не отъ болѣзни, но единственно отъ досады и злобы скрывается, Іоаннъ хотѣлъ узнать истину; самъ пріѣхалъ къ Годунову; увидѣлъ на немъ язвы и заволоку, сдѣланную ему купцомъ Строгановымъ, искуснымъ въ лѣченіи недуговъ; обнялъ больного и, въ знакъ особенной милости, давъ его цѣлителю право именитыхъ людей, называться полнымъ отечествомъ или вичемъ, какъ только знатнѣйшіе государственные сановники именовались, велѣлъ, чтобы Строгановъ въ тотъ же день сдѣлалъ самыя мучительныя заволоки на бокахъ и на груди клеветнику Ѳедору Нагому! Клевета есть, конечно, важное преступленіе; но сія замысловатость въ способахъ муки изображаетъ ли сердце умиленное, сокрушенное горестью? Тогда же въ дѣлахъ государственныхъ видимъ обыкновенное хладнокровіе Іоанново, его осмотрительность и спокойствіе, которое могло происходить единственно или отъ удивительнаго величія души, или отъ малой чувствительности въ обстоятельствахъ, столь ужасныхъ для отца и человѣка. 28-го ноября, въ Москвѣ, онъ уже слушалъ гонца своего о псковской осадѣ; во время переговоровъ зналъ все и разрѣшалъ недоумѣнія нашихъ повѣренныхъ, которые въ февралѣ мѣсяцѣ возвратились къ нему съ договоромъ.

Скоро явился въ Москвѣ и хитрый іезуитъ Антоній принять нашу благодарность и воспользоваться ею, то-есть достигнуть главной цѣли его посланія, исполнить давнишній замыселъ Рима, соединить вѣры и силы всѣхъ державъ христіанскихъ противъ оттомановъ. Тутъ Іоаннъ доказалъ всю природную гибкость ума своего, ловкость, благоразуміе, коимъ и самъ іезуитъ долженъ былъ отдать справедливость. Опишемъ сіи любопытныя подробности.

„Я нашелъ царя въ глубокомъ уныніи“, говоритъ Поссевинъ въ своихъ запискахъ: „сей дворъ пышный казался тогда смиренною обителію иноковъ, чернымъ цвѣтомъ одежды изъявляя мрачность души Іоанновой. Но судьбы Всевышняго неисповѣдимы: самая печаль царя, нѣкогда столь необузданнаго, расположила его къ умѣренности и терпѣнію слушать мои убѣжденія“. Изобразивъ важность оказанной имъ услуги государству Россійскому доставленіемъ ему счастливаго мира, Антоній прежде всего старался увѣрить Іоанна въ искренности Стефанова дружества и повторилъ слова Баторіевы: „Скажи государю московскому, что вражда угасла въ моемъ сердцѣ; что не имѣю никакой тайной мысли о будущихъ завоеваніяхъ, желаю его истиннаго братства и счастія Россіи. Во всѣхъ нашихъ владѣніяхъ пути и пристани

должны быть открыты для купцовъ и путешественниковъ той и другой земли, къ ихъ обоюдной пользѣ: да ѣздятъ къ нему свободно и нѣмцы и римляне чрезъ Польшу и Ливонію. Тишина христіанамъ, но месть разбойникамъ крымскимъ! Пойду на нихъ: да идетъ и царь! Уймемъ вѣроломныхъ злодѣевъ, алчныхъ ко злату и крови нашихъ подданныхъ. Условимся, когда и гдѣ дѣйствовать. Не измѣню, не ослабѣю въ условіяхъ: пусть Іоаннъ дастъ мнѣ свидѣтелей изъ своихъ бояръ и воеводъ! Я не ляхъ, ни литвинъ, а пришлецъ на тронѣ: хочу заслужить въ свѣтѣ доброе имя навѣки". Но Іоаннъ, признательный къ дружественному расположенію Баторієву, отвѣтствовалъ, что мы уже не въ войнѣ съ ханомъ: посолъ нашъ, князь Михайло Мосальскій, живъ нѣсколько лѣтъ въ Тавридѣ, наконецъ заключилъ перемиріе съ нею, ибо Махметъ-Гирей имѣлъ нужду въ отдыхѣ, будучи израненъ долговременною войною персидскою, въ коей онъ невольно помогалъ туркамъ и которая спасла Россію отъ его опасныхъ нашествій въ теченіе пяти лѣтъ. Далѣе Антоній, приступивъ къ главному дѣлу, требовалъ особенной бесѣды съ царемъ о соединеніи вѣръ. „Мы готовы бесѣдовать съ тобою (сказалъ Іоаннъ), но только въ присутствіи нашихъ ближнихъ людей и безъ споровъ, если возможно, ибо всякій человѣкъ хвалитъ свою вѣру и не любитъ противорѣчія. Споръ ведетъ къ ссорѣ, а я желаю тишины и любви". Въ назначенный день (февраля 22-го) Антоній съ тремя іезуитами пришелъ изъ совѣтной палаты въ тронную, гдѣ сидѣлъ Іоаннъ только съ боярами, дворянами сверстными и князьями служилыми: стольниковъ и младшихъ бояръ выслали. Изъявивъ послу ласку, государь снова убѣждалъ его не касаться вѣры, примолвивъ: „Антоній! мнѣ уже 51 годъ отъ рожденія и недолго жить въ свѣтѣ: воспитанный въ правилахъ нашей христіанской церкви издавна, не согласной съ латинскою, могу ли измѣнить ей предъ концомъ земного бытія своего? День суда небеснаго уже близокъ: онъ явитъ, чья вѣра, ваша ли, наша ли, истиннѣе и святѣе. Но говори, если хочешь". Тутъ Антоній съ живостію и съ жаромъ сказалъ: „Государь свѣтлѣйшій! изъ всѣхъ твоихъ милостей, мнѣ понынѣ оказанныхъ, самая величайшая есть сіе дозволеніе говорить съ тобою о предметѣ, столь важномъ для спасенія душъ христіанскихъ. Не мысли, о государь, чтобы св. отецъ нудилъ тебя оставить вѣру греческую: нѣтъ, онъ желаетъ единственно, чтобы ты, имѣя умъ глубокій и просвѣщенный, изслѣдовалъ дѣянія первыхъ ея соборовъ и все истинное, все древнее навѣки утвердилъ и въ своемъ царствѣ, какъ законъ неизмѣняемый. Тогда исчезнетъ разнствіе между восточною и римскою церковію; тогда мы всѣ будемъ единымъ тѣломъ Іисуса Христа, къ радости единаго истиннаго, Богомъ установ-

леннаго пастыря церкви. Государь! моля св. отца доставить тишину Европѣ и соединить всѣхъ христіанскихъ вѣнценосцевъ, для одолѣнія невѣрныхъ, не признаешь ли его самъ главою христіанства? Не изъявилъ ли ты особеннаго уваженія къ апостольской римской вѣрѣ, дозволивъ всякому, кто исповѣдуетъ оную, жить свободно въ россійскихъ владѣніяхъ и молиться Всевышнему по ея святымъ обрядамъ, ты, царь великій, никѣмъ не нудимый къ сему торжеству истины, но движимый явно волею Царя царей, безъ коей и листъ древесный не падаетъ съ вѣтви? Сей желаемый тобою общій миръ и союзъ вѣнценосцевъ можетъ ли имѣть твердое основаніе безъ единства вѣры! ты знаешь, что оно утверждено соборомъ флорентійскимъ, императоромъ, духовенствомъ Греческой имперіи, самымъ знаменитымъ іерархомъ твоей церкви, Исидоромъ: читай представленныя тебѣ дѣянія сего восьмого вселенскаго собора и если гдѣ усомнишься, то повели мнѣ изъяснить темное. Истина очевидна: пріявъ ее, въ братскомъ союзѣ съ сильнѣйшими монархами Европы, какой не достигнешь славы, какого величія? Государь, ты возьмешь не только Кіевъ, древнюю собственность Россіи, но и всю имперію Византійскую, отъятую Богомъ у грековъ за ихъ расколъ и неповиновеніе Христу Спасителю". Царь спокойно отвѣтствовалъ: „Мы никогда не писали къ папѣ о вѣрѣ. Я и съ тобою не хотѣлъ бы говорить о ней; во-первыхъ, опасаясь уязвить твое сердце какимъ нибудь жесткимъ словомъ; во-вторыхъ, занимаюсь единственно мірскими, государственными дѣлами Россіи, не толкуя церковнаго ученія, которое есть дѣло нашего богомольца, митрополита. Ты говоришь смѣло, ибо ты попъ и для того сюда пріѣхалъ изъ Рима. Греки же для насъ не Евангеліе: мы вѣримъ Христу, а не грекамъ. Что касается до Восточной имперіи, то знай, что я доволенъ своимъ и не желаю никакихъ новыхъ государствъ въ семъ земномъ свѣтѣ; желаю только милости Божіей въ будущемъ". Не упоминая ни о флорентійскомъ соборѣ ни о всеобщемъ христіанскомъ союзѣ противъ султана, Іоаннъ, въ знакъ дружбы своей къ папѣ, снова обѣщалъ свободу и покровительство всѣмъ иноземнымъ купцамъ и священникамъ латинской вѣры въ Россіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не толковали о законѣ съ россіянами. Но ревностный іезуитъ хотѣлъ дальнѣйшаго пренія, утверждалъ, что мы новоуки въ христіанствѣ; что Римъ есть древняя столица онаго... Уже царь начиналъ досадовать. „Ты хвалишься православіемъ (сказалъ онъ), а стрижешь бороду; вашъ папа велитъ носить себя на престолѣ и цѣловать въ туфель, гдѣ изображено распятіе: какое высокомѣріе для смиреннаго пастыря христіанскаго! какое уничиженіе святыни!"... „Нѣтъ уничиженія", возразилъ Антоній: „достойное воздается достойному. Папа есть

глава христіанъ, учитель всѣхъ монарховъ православныхъ, сопрестольникъ апостола Петра, Христова сопрестольника. Мы величаемъ и тебя, государь, какъ наслѣдника Мономахова; а св. отецъ"... Іоаннъ, перервавъ его рѣчь, сказалъ: „У христіанъ единъ Отецъ на небесахъ! Насъ, земныхъ властителей, величать должно по мірскому уставу; ученики же апостольскіе да смиренномудрствуютъ! Намъ честь царская, а папамъ и патріархамъ святительская. Мы уважаемъ митрополита нашего и требуемъ его благословенія; но онъ ходитъ по землѣ и не возносится выше царей гордостію. Были папы дѣйствительно учениками апостольскими: Климентъ, Сильвестръ, Агаѳонъ, Левъ, Григорій; но кто именуется Христовымъ сопрестольникомъ, велитъ носить себя на сѣдалищѣ, какъ бы на облакѣ, какъ бы ангеламъ; кто живетъ не по Христову ученію, тотъ папа есть волкъ, а не пастырь"... Антоній въ сильномъ негодованіи воскликнулъ: „Если уже папа волкъ, то мнѣ говорить нечего..." Іоаннъ, смягчивъ голосъ, продолжалъ: „Вотъ для чего не хотѣлъ я бесѣдовать съ тобою о вѣрѣ! Невольно досаждаемъ другъ другу. Впрочемъ, называю волкомъ не Григорія XIII, а папу, не слѣдующаго Христову ученію. Теперь оставимъ". Государь съ ласкою положилъ руку на Антонія, отпустилъ его милостиво и приказалъ чиновникамъ отнести къ нему лучшія блюда стола царскаго.

На третій день снова позвали іезуита во дворецъ. Царь, указавъ ему мѣсто противъ себя, сказалъ громко, такъ чтобы всѣ бояре могли слышать: „Антоній! прошу тебя забыть сказанное мною, къ твоему неудовольствію, о папахъ. Мы несогласны въ нѣкоторыхъ правилахъ вѣры; но я хочу жить въ дружбѣ со всѣми христіанскими государями и пошлю съ тобою одного изъ моихъ сановниковъ въ Римъ; а за твою оказанную намъ услугу изъявлю тебѣ признательность". Царь велѣлъ ему говорить съ боярами, коимъ Антоній опять силился доказывать истину римскаго исповѣданія и, согласно съ ихъ желаніемъ (какъ онъ увѣряетъ) въ три дня написалъ цѣлую книгу о мнимыхъ заблужденіяхъ грековъ, основываясь на богословскихъ твореніяхъ Геннадія, константинопольскаго патріарха, утвержденнаго въ первосвятительствѣ Магометомъ II! Именемъ папы онъ убѣждалъ царя послать въ Римъ нѣсколько грамотныхъ молодыхъ россіянъ, съ тѣмъ, чтобы они узнали тамъ истинные догматы древней греческой церкви, выучились языку италіанскому или латинскому и выучили италіанцевъ нашему для удобной переписки съ Москвою; убѣждалъ также, чтобы Іоаннъ выгналъ ядовитыхъ лютерскихъ магистровъ, отвергающихъ Богоматерь и святость угодниковъ Христовыхъ, а принималъ единственно латинскихъ іереевъ. Ему отвѣтствовали, что царь будетъ искать людей, способныхъ для науки, и если найдетъ,

то пришлетъ ихъ къ Григорію; что лютеране, какъ и всѣ иновѣрцы, живутъ свободно въ Россіи, но не смѣютъ сообщать другимъ своихъ заблужденій. Антоній желалъ еще примирить Швецію съ Россіею; всего же болѣе настоялъ въ томъ, чтобы мы заключили союзъ съ Европою для усмиренія турковъ. „Пусть король шведскій (сказалъ Іоаннъ) самъ изъявитъ мнѣ миролюбіе: тогда увидимъ его искренность. Унять невѣрныхъ желаю: но папа, императоръ, король испанскій, французскій и всѣ другіе вѣнценосцы должны чрезъ торжественное посольство условиться со мною въ мѣрахъ сего христіанскаго ополченія. Теперь не могу войти ни въ какое обязательство“. То-есть Іоаннъ, уже не страшась Баторія, явно охладѣлъ къ мысли изгнать турковъ изъ Европы: іезуитъ видѣлъ сію перемѣну и жалуется на его лукавство. „Не ожидая ничего болѣе отъ св. отца для выгодъ своей политики (пишетъ онъ), царь выдумалъ хитрость, чтобы успокоить суевѣрныхъ россіянъ, недовольныхъ моимъ смѣлымъ сужденіемъ объ ихъ законѣ. Что жъ сдѣлалъ! призвалъ меня во дворецъ, въ первое воскресеніе великаго поста, и сказалъ: Антоній! зная, что ты желаешь видѣть обряды нашей церкви, я велѣлъ нынѣ отвести тебя въ храмъ Успенія (гдѣ буду и самъ), да созерцаешь красоту и величіе истиннаго богослуженія. Тамъ обожаемъ мы небесное, а не земное; чтимъ, но не носимъ митрополита на рукахъ... и св. апостола Петра также не носили вѣрные: онъ ходилъ пѣшъ и босъ; а вашъ папа именуетъ себя его намѣстникомъ!.. „Государь!—отвѣчалъ я хладнокровно, удивленный сею новою грубостію:—всякое мѣсто свято, гдѣ славятъ Христа; но пока не согласимся въ нѣкоторыхъ догматахъ и пока митрополитъ россійскій не будетъ въ сношеніяхъ съ св. отцомъ, я не могу видѣть вашего богослуженія. Вторично скажу тебѣ, что воздавать честь архипастырю церкви есть долгъ, а не грѣхъ. Вы не носите митрополита, но моете себѣ глаза водою, которою онъ моетъ руки свои“. Изъяснивъ мнѣ, что сей обрядъ установленъ въ воспоминаніе страстей Господнихъ, а не въ честь митрополиту, Іоаннъ далъ знакъ,—и толпа сановниковъ двинулись впередъ, къ дверямъ; увлекли и меня съ собою; а царь издали сказалъ мнѣ громко: „Антоній! смотри, чтобы кто нибудь изъ лютеранъ не вошелъ за тобою въ церковь“. Но я самъ не хотѣлъ войти въ нее; ждалъ минуты и тихонько ушелъ, когда царедворцы остановились предъ соборомъ. Всѣ думали, что мнѣ не миновать бѣды; но Іоаннъ, изумленный моимъ ослушаніемъ, задумался, потеръ себѣ лобъ рукою и сказалъ: его воля!.. Какое было намѣреніе царя? представить россіянамъ торжество вѣры своей: посла римскаго, молящагося въ ихъ храмѣ, лобызающаго руку у митрополита, во славу церкви восточной, къ уничиженію западной, и тѣмъ вывести народъ изъ соблазна, произведеннаго

необыкновенными знаками царскаго уваженія къ папѣ". Поссевинъ, какъ вѣроятно, не обманывался въ своей догадкѣ, но обманулся въ надеждѣ присоединить насъ къ римской церкви.

Впрочемъ, до самаго отъѣзда своего онъ видѣлъ знаки Іоанновой къ нему милости: его встрѣчали, провожали во дворцѣ знатные, водили обыкновенно сквозь блестящіе ряды многолюдной царской дружины,—честь, какой, можетъ быть, никогда и нигдѣ не оказывали іезуиту! Онъ выпросилъ свободу восемнадцати невольникамъ, испанцамъ, ушедшимъ изъ Азова въ Россію и сосланнымъ въ Вологду; исходатайствовалъ также облегченіе литовскимъ и нѣмецкимъ плѣнникамъ, впредь до размѣна: ихъ выпустили изъ темницъ, отдали въ домы гражданамъ, велѣли довольствовать всѣмъ нужнымъ. Но Іоаннъ снова отринулъ сильныя домогательства іезуитовы о строеніи латинскихъ церквей въ Россіи. „Католики вольны (сказали Антонію) жить у насъ по своей вѣрѣ, безъ укоризны и зазору: сего довольно". Бесѣдуя съ думными совѣтниками о нашихъ обычаяхъ, странныхъ для Европы, онъ ссылался на Герберштейнову книгу о Россіи, гдѣ сказано, что царь, давая цѣловать руку нѣмецкимъ посламъ, въ ту же минуту моетъ ее водою, какъ бы осквернивъ себя ихъ прикосновеніемъ; но бояре объявили Герберштейна, два раза столь обласканнаго въ Москвѣ, неблагодарнымъ клеветникомъ, всклепавшимъ небылицу на государей московскихъ. Съ удивленіемъ также слыша отъ Поссевина, что будто бы отецъ Іоанновъ, великій князь Василій, обѣщалъ императору Карлу V тридцать тысячъ воиновъ за отпускъ въ Россію многихъ нѣмецкихъ художниковъ, бояре отвѣчали: „Людей ратныхъ даютъ государи государямъ по договорамъ, а не въ обмѣнъ за ремесленниковъ". Наконецъ, въ день отпуска, Іоаннъ торжественно благодарилъ Поссевина за дѣятельное участіе въ мирѣ, увѣрилъ его въ своемъ личномъ уваженіи; вставъ съ мѣста велѣлъ кланяться Григорію и королю Стефану; далъ ему руку—и прислалъ нѣсколько драгоцѣнныхъ черныхъ соболей для папы и для Антонія. Іезуитъ не хотѣлъ было взять своего дара, славя бѣдность учениковъ Христовыхъ; однакожъ взялъ и выѣхалъ изъ Москвы (15-го марта) вмѣстѣ съ нашимъ гонцомъ Яковомъ Молвяниновымъ, съ коимъ царь написалъ къ папѣ отвѣтъ на грамоту его, увѣряя, что мы готовы участвовать въ союзѣ христіанскихъ державъ противъ оттомановъ, но ни слова не говоря о соединеніи церквей.

Симъ на долгое время пресѣклись сношенія Рима съ Москвою, безполезныя и для насъ и для папы, ибо не ходатайство іезуита, но доблесть воеводъ псковскихъ склонили Баторія къ умѣренности, не лишивъ его ни славы, ни важныхъ пріобрѣтеній, коими сей герой обязанъ былъ смятенію Іоаннова духа и еще болѣе, нежели своему мужеству.

ГЛАВА VI.

Первое завоеваніе Сибири.

Первыя свѣдѣнія о Сибири.—Извѣстія о татарской державѣ въ Сибири.—Древнѣйшее путешествіе россіянъ въ Китай.—Знатные купцы Строгановы.—Невѣрность царя Кучума.—Разбой казаковъ.—Ермакъ.—Походъ на Сибирь.—Гнѣвъ Іоанновъ.—Подвиги Ермаковы.—Битвы.—Ночной совѣтъ казаковъ.—Рѣшительная битва.—Взятіе Искера, или города Сибири.—Строгость Ермака.—Плѣненіе царевича Маметкула.—Дальнѣйшія завоеванія.—Посольство въ Москву.—Радость въ Москвѣ.—Посланіе рати въ Сибирь.—Новыя завоеванія.—Жалованье царское.—Болѣзни и голодъ въ Сибири.—Неосторожность казаковъ.—Осада Искера.—Послѣднія завоеванія Ермаковы.—Гибель Ермака.—Изображеніе героя Сибирскаго.—Казаки оставляютъ Сибирь.

Въ то время, когда Іоаннъ, имѣя триста тысячъ добрыхъ воиновъ, терялъ наши западныя владѣнія, уступая ихъ двадцати-шести тысячамъ полумертвыхъ ляховъ и нѣмцевъ, — въ то самое время малочисленная шайка бродягъ, движимыхъ и грубою алчностью къ корысти и благородною любовію ко славѣ, пріобрѣла новое царство для Россіи, открыла второй новый міръ для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человѣческой, ознаменованный разнообразіемъ, величіемъ, богатствомъ естества, гдѣ въ нѣдрахъ земли лежатъ металлы и камни драгоцѣнные, въ глуши дремучихъ лѣсовъ витаютъ пушистые звѣри и сама природа усѣваетъ обширныя степи дикимъ хлѣбомъ; гдѣ судоходныя рѣки, большія рыбныя озера и плодоносныя цвѣтущія долины, осѣненныя высокими тополями, въ безмолвіи пустынь ждутъ трудолюбивыхъ обитателей, чтобы въ теченіе вѣковъ представить новые успѣхи гражданской дѣятельности, дать просторъ стѣсненнымъ въ Европѣ народамъ и гостепріимно облагодѣтельствовать излишекъ ихъ многолюдства. Три купца и бѣглый атаманъ волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь.

Сіе неизмѣримое пространство сѣверной Азіи, огражденное Каменнымъ поясомъ, Ледовитымъ моремъ, океаномъ Восточнымъ, цѣпію горъ Алтайскихъ и Саянскихъ— отечество малолюдныхъ племенъ монгольскихъ, татарскихъ, чудскихъ (финскихъ), американскихъ—укрывалось отъ любопытства древнихъ космографовъ. Тамъ на главной высотѣ земного шара, было, какъ угадывалъ великій Линней, первобытное убѣжище Ноева семейства послѣ гибельнаго, всемірнаго навонненія; тамъ воображеніе Геродотовыхъ современниковъ искало грифовъ, стрегущихъ золото. Но исторія не вѣдала Сибири до нашествія гунновъ, турковъ, монго-

ловъ на Европу: предки Аттилины скитались на берегу Енисея; славный ханъ Дизавулъ принималъ Юстиніанова сановника Земарха въ долинахъ Алтайскихъ; послы Иннокентія IV и св. Людовика ѣхали къ наслѣдникамъ Чингисовымъ мимо Байкала, и несчастный отецъ Александра Невскаго падалъ ницъ предъ Гаюкомъ въ окрестностяхъ Амура. Какъ данники монголовъ, узнавъ въ XIII вѣкѣ югъ Сибири, мы еще ранѣе, какъ завоеватели, узнали ея сѣверо-западъ, гдѣ смѣлые новгородцы уже въ XI вѣкѣ обогащались мѣхами драгоцѣнными. Въ исходѣ XV столѣтія знамена Москвы уже развѣвались на снѣжномъ хребтѣ Каменнаго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ, и воеводы Іоанна III возгласили его великое имя на берегахъ Тавды, Иртыша, Оби, въ пяти тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы. Уже сей монархъ именовался въ своемъ титулѣ югорскимъ, сынъ его обдорскимъ и кондинскимъ, а внукъ сибирскимъ, обложивъ данію сію монгольскую или татарскую державу, которая составилась изъ древнихъ улусовъ ишимскихъ, тюменскихъ или шибанскихъ, извѣстныхъ намъ съ 1480 года и названныхъ такъ, вѣроятно, по имени брата Батыева, Шибана, единовластителя сѣверной Азіи, на востокъ отъ моря Аральскаго.

Пишутъ, что „князь Ивакъ или Онъ, племени ногайскаго, вѣры Магометовой, жилъ на рѣкѣ Ишимѣ, повелѣвая многими татарами, остяками и вогуличами; что какой-то мятежникъ Чингисъ свергнулъ Ивака, но изъ любви къ его сыну, Тайбугѣ, далъ ему рать для завоеванія береговъ Иртыша и великой Оби, гдѣ сей юный князь основалъ сибирское ханство и городъ Чингій на Турѣ, въ коемъ властвовали послѣ сынъ Тайбугинъ, Ходжа и внукъ Маръ, отецъ Одера и Яболака, женатый на царевнѣ казанской, сестрѣ Упаковой; что Упакъ убилъ Мара, а сынъ Адеровъ, Магметъ, убивъ Упака, построилъ Искеръ или Сибирь на Иртышѣ (въ шестнадцати верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска); что преемниками Магметовыми были Агишъ, сынъ Яболаковъ, Магметовъ сынъ Казый и дѣти Казыевы, Едигеръ (данникъ московскій) и Бекбулатъ, сверженный Кучюмомъ, сыномъ киргизскаго хана Муртазы, первымъ царемъ сибирскимъ“ (также Іоанновымъ данникомъ). Сказанія не весьма достовѣрныя, слышанныя россіянами отъ магометанскихъ жителей Сибири и внесенныя въ ея лѣтописи безъ всякаго критическаго изслѣдованія. Въ царской же грамотѣ 1597 года наименованъ первымъ ханомъ сибирскимъ Ибакъ, дѣдъ Кучюмовъ, вторымъ Магметъ, третьимъ Казый, четвертымъ Едигеръ, князья Тайбугина рода. Замѣтимъ, что полки московскіе, въ 1483 году воюя на берегахъ Иртыша, еще не видали татаръ въ сихъ мѣстахъ, гдѣ уже существовала крѣпость Сибирь и властвовалъ князь Лятикъ, безъ сомнѣнія, Югорскій,

или остяцкій; слѣдственно ишимскіе ногаи, соединясь съ тюменскими, завладѣли устьемъ Тобола едва ли ранѣе XVI вѣка, и не основали, а взяли городокъ Сибирь, названный ими Искеромъ.

Уже твердо зная путь въ сію столицу Едигерову и Кучюмову, гдѣ бывали чиновники московскіе, любопытный Іоаннъ желалъ узнать и страны дальнѣйшія. Для того въ 1567 году послалъ двухъ атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на югъ, съ дружественными грамотами къ извѣстнымъ властителямъ неизвѣстныхъ народовъ. Атаманы благополучно возвратились и представили государю описаніе всѣхъ земель отъ Байкала до моря Корейскаго, бывъ въ улусахъ Черной или западной Мунгаліи, подвластной разнымъ князьямъ, и въ городахъ восточной или Желтой, гдѣ царствовала женщина, и гдѣ народъ пользовался выгодами земледѣлія, скотоводства, торговли. Упомянувъ по слуху о Туркестанѣ, Бухаріи, Кашгарѣ, Тибетѣ, путешественники Іоанновы сказываютъ въ своемъ любопытномъ донесеніи, что грамота мунгальской царицы отверзла для нихъ желѣзныя врата стѣны китайской; но что, свободно достигнувъ богатаго, многолюднаго Пекина, они не могли видѣть императора, не имѣвъ къ нему даровъ отъ государя. Такъ мы узнали Китай, бывъ обязаны симъ первымъ достовѣрнымъ объ немъ извѣстіемъ рѣдкому смыслу, мужеству, терпѣнію двухъ казаковъ, умѣвшихъ преодолѣть всѣ труды, опасности пути дальняго, невѣдомаго, сквозь степи, горы и кочевья варваровъ, видѣнныя, можетъ быть, только отчасти славнымъ венеціанскимъ путешественникомъ XIII вѣка, Маркомъ Поломъ.

Но еще господство наше за Каменнымъ поясомъ было слабо и ненадежно: татары сибирскіе, признавъ Іоанна своимъ верховнымъ властителемъ, не только худо платили ему дань, но и частыми набѣгами тревожили Великую Пермь, гдѣ былъ конецъ Россіи. Озабоченный важными, непрестанными войнами, царь не могъ утвердить ни власти своей надъ отдаленною Сибирью, ни спокойствія нашихъ владѣній между Камою и Двиною, гдѣ уже издавна селились многіе россіяне, привлекаемые туда естественнымъ изобиліемъ земли, дешевизною всего нужнаго для жизни, выгодами мѣны съ полудикими, сосѣдственными народами, въ особенности богатыми мягкою рухлядью; въ числѣ тамошнихъ россійскихъ всельниковъ были и купцы Строгановы, Яковъ и Григорій Іоанникіевы или Аникины, коихъ отецъ обогатился заведеніемъ соляныхъ варницъ на Вычегдѣ и (если вѣрить сказанію иностранцевъ) первый открылъ путь для нашей торговли за хребетъ горъ Уральскихъ. Пишутъ, что сіи купцы происходили отъ знатнаго крещенаго мурзы Золотой Орды, именемъ Спиридона, научившаго россіянъ употребленію счетовъ; что татары,

имъ озлобленные, плѣнили его въ битвѣ, измучили и будто бы застрогали до смерти; что сынъ его потому названъ Строгановымъ, а внукъ способствовалъ искупленію великаго князя Василія Темнаго, бывшаго плѣнникомъ въ казанскихъ улусахъ. Желая взять дѣятельныя мѣры для обузданія Сибири, Іоаннъ призвалъ упомянутыхъ двухъ братьевъ, Якова и Григорія, какъ людей умныхъ и знающихъ всѣ обстоятельства сѣверо-восточнаго края Россіи; бесѣдовалъ съ ними, одобрилъ ихъ мысли и далъ имъ жалованныя грамоты на пустыя мѣста, лежащія внизъ по Камѣ отъ земли Пермской до рѣки Сылвы и берега Чусовой до ея вершины; позволилъ имъ ставить тамъ крѣпости въ защиту отъ сибирскихъ и ногайскихъ хищниковъ, имѣть снарядъ огнестрѣльный, пушкарей и воиновъ на собственномъ иждивеніи, принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, не тяглыхъ и не бѣглыхъ,—вѣдать и судить ихъ независимо отъ пермскихъ намѣстниковъ и тіуновъ, не возить и не кормить пословъ, ѣздящихъ въ Москву изъ Сибири или въ Сибирь изъ Москвы, — заводить селенія, пашни и соляныя варницы,—въ теченіе двадцати лѣтъ торговать безъ пошлины солью и рыбою, но съ обязательствомъ не дѣлать рудъ, а если найдутъ гдѣ серебряную, или мѣдную, или оловянную, то немедленно извѣщать о томъ казначеевъ государевыхъ. Довольные царскою милостію, дѣятельные и богатые Строгановы основали въ 1558 году, близъ устья Чусовой, городокъ Канкоръ, на мысу Пыскорскомъ (гдѣ стоялъ монастырь Всемилостиваго Спаса), въ 1564 году крѣпость Кергеданъ на Орловскомъ Волокѣ, въ 1568 и 1580 годахъ нѣсколько остроговъ на берегахъ Чусовой и Сылвы; принимали къ себѣ многихъ людей, бродягъ и бездомниковъ, обѣщая богатые плоды трудолюбія и добычу смѣлости; имѣли свое войско, свою управу, подобно князькамъ владѣтельнымъ; берегли сѣверо-востокъ Россіи, и въ 1572 году смирили бунтъ черемисовъ, остяковъ, башкирцевъ, одержавъ знатную побѣду надъ ихъ соединенными толпами и снова взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности къ государю. Сіи усердные стражи земли Пермской, сіи населители пустынь Чусовскихъ, сіи купцы-владѣтели, распространивъ предѣлы обитаемости государства Московскаго до Каменнаго Пояса, устремили мысль свою и далѣе.

Кучюмъ, овладѣвъ Сибирью, искалъ благоволенія Іоаннова, когда еще опасался ея жителей, насильно обращаемыхъ имъ въ магометанскую вѣру, и ногаевъ, друзей Россіи; но, утвердивъ власть свою надъ Тобольскою Ордою, перезвавъ къ себѣ многихъ степныхъ киргизовъ и женивъ сына Алея на дочери ногайскаго князя, Тинъ-Ахмата, уже не исполнялъ обязанностей нашего данника, тайно сносился съ черемисою, возбуждалъ сей

народъ свирѣпый къ бунту противъ государя московскаго и подъ смертною казнію запрещалъ остякамъ, югорцамъ, вогуличамъ платить древнюю дань Россіи. Встревоженный слухомъ о Строгановскихъ крѣпостяхъ, Кучюмъ (въ іюлѣ 1573 года) послалъ своего племянника Маметкула развѣдать объ нихъ и, если можно, истребить всѣ наши заведенія въ окрестностяхъ Камы. Маметкулъ явился съ войскомъ какъ непріятель: умертвилъ нѣсколько вѣрныхъ намъ остяковъ, плѣнилъ ихъ женъ, дѣтей и посла московскаго Третьяка Чебукова, ѣхавшаго въ орду Киргизъ-кайсакскую; но узнавъ, что въ городкахъ чусовскихъ довольно и ратныхъ людей и пушекъ, бѣжалъ назадъ. Строгановы не смѣли гнаться за разбойникомъ безъ государева повелѣнія: извѣстили о томъ Іоанна и просили указа строить крѣпости въ землѣ Сибирской, чтобы стѣснить Кучюма въ его собственныхъ владѣніяхъ и навсегда утвердить безопасность нашихъ. Они не требовали ни полковъ, ни оружія, ни денегъ; требовали единственно жалованной грамоты на землю непріятельскую—и получили: 30-го мая 1574 года Іоаннъ далъ имъ сію грамоту, гдѣ сказано, что Яковъ и Григорій Строгановы могутъ укрѣпиться на берегахъ Тобола и вести войну съ измѣнникомъ Кучюмомъ для освобожденія первобытныхъ жителей югорскихъ, нашихъ данниковъ, отъ его ига; могутъ, въ возмездіе за ихъ добрую службу, выдѣлывать тамъ не только желѣзо, но и мѣдь, олово, свинецъ, сѣру для опыта до нѣкотораго времени; могутъ свободно и безъ пошлины торговать съ бухарцами и киргизами. Слѣдственно, Строгановы имѣли законное право идти съ огнемъ и мечемъ за Каменный Поясъ; но силы, можетъ быть, не отвѣтствовали ревности для такого важнаго предпріятія. Миновало шесть лѣтъ, и въ теченіе сего времени Яковъ съ Григоріемъ умерли, оставивъ свое богатство, умъ и дѣятельность въ наслѣдіе меньшему брату, Семену, который вмѣстѣ съ племянниками, Максимомъ Яковлевымъ и Никитою Григорьевымъ, счастливо исполнилъ ихъ славное намѣреніе, заслуживъ тѣмъ сперва гнѣвъ Іоанновъ, а благодарность, его и Россіи, уже послѣ!

Мы говорили о происхожденіи доброй и худой славы, вѣрности и невѣрности донскихъ казаковъ, то честныхъ воиновъ Россіи, то мятежниковъ, ею не признаваемыхъ за россіянъ. Гнѣвные отзывы Іоанновы о сей вольницѣ, въ письмахъ къ султанамъ и къ ханамъ таврическимъ, были истиною: ибо казаки дѣйствительно, разбивая купцовъ, даже пословъ азіатскихъ на пути ихъ въ Москву, грабя самую казну государеву, нѣсколько разъ заслуживали опалу; нѣсколько разъ высылались дружины воинскія на берега Дона и Волги чтобы истребить сихъ хищниковъ. Такъ, въ 1577 г., стольникъ Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя

сильнымъ отрядомъ, многихъ изъ взялъ и казнилъ; но другіе не смирились: уходили на время въ пустыни, снова являлись и злодѣйствовали на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перевозахъ; въ быстромъ набѣгѣ взяли даже столицу ногайскую, городъ Сарайчикъ, не оставили тамъ камня на камнѣ и вышли съ знатною добычею, раскопавъ самыя могилы, обнаживъ мертвыхъ. Къ числу буйныхъ атамановъ волжскихъ принадлежали тогда Ермакъ (Германъ) Тимофеевъ, Иванъ Кольцо, осужденный государемъ на смерть, Яковъ Михайловичъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ, извѣстные удальствомъ рѣдкимъ. Слыша, какъ они ужасаютъ своею дерзостію не только мирныхъ путешественниковъ, но и всѣ окрестные улусы кочевыхъ народовъ, умные Строгановы предложили симъ пяти храбрецамъ службу честную; послали къ нимъ дары, написали грамоту ласковую (6 апрѣля 1579 г.), убѣждали ихъ отвергнуть ремесло, недостойное христіанскихъ витязей, быть не разбойниками, а воинами царя бѣлаго, искать опасностей не безславныхъ, примириться съ Богомъ и съ Россіею; сказали: „Имѣемъ крѣпости и земли, но мало дружины: идите къ намъ оборонять Великую Пермь и восточный край христіанства“. Ермакъ съ товарищами прослезился отъ умиленія, какъ пишутъ: мысль свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугою государственною и промѣнять имя смѣлыхъ грабителей на имя доблихъ воиновъ отечества, тронула сердца грубыя, но еще не лишенныя угрызеній совѣсти. Они подняли знамя на берегу Волги: кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцовъ и 21 іюня прибыли къ Строгановымъ — „съ радостію и на радость,—говоритъ лѣтописецъ:—чего хотѣли одни, что обѣщали другіе, то исполнилось: атаманы стали грудью за область христіанскую. Невѣрные трепетали; гдѣ показывались, тамъ гибли“. И дѣйствительно (22 іюля 1581 года) усердные казаки разбили на-голову мурзу Бегулія, дерзнувшаго съ семью стами вогуличей и остяковъ грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой; взяли его въ плѣнъ и смирили вогуличей. Сей успѣхъ былъ началомъ важнѣйшимъ.

Призывая донскихъ атамановъ, Строгановы имѣли въ виду не одну защиту городовъ своихъ. Испытавъ бодрость, мужество и вѣрность казаковъ; узнавъ разумъ, великую отвагу, рѣшительность ихъ главнаго вождя Ермака Тимоѳеева, родомъ неизвѣстнаго, душою знаменитаго, какъ сказано въ лѣтописи; составивъ еще особенную дружину изъ русскихъ татаръ, литвы, нѣмцевъ, искупленныхъ ими изъ неволи у ногаевъ (которые, служа въ войнахъ Іоанну, возвращались обыкновенно въ улусы свои съ плѣнниками); добывъ оружія, изготовивъ всѣ нужные запасы, Строгановы объявили походъ, Ермака воеводою и Сибирь цѣлію.

Ратниковъ было 840, одушевленныхъ ревностію и веселіемъ: кто хотѣлъ чести, кто добычи; донцы надѣялись заслужить милость государеву, а нѣмецкіе и литовскіе плѣнники свободу: Сибирь казалась имъ путемъ въ любезное отечество! Воевода устроилъ войско; сверхъ атамановъ, избралъ есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ: главнымъ подъ нимъ былъ неустрашимый Иванъ Кольцо. Нагрузивъ ладьи запасами и снарядами, легкими пушками, семипядными пищалями; взявъ вожатыхъ, толмачей, іереевъ, отпѣвъ молебенъ, выслушавъ послѣдній наказъ Строгановыхъ: „иди съ миримъ очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго салтана Кучюма", Ермакъ съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія, при звукѣ трубъ воинскихъ, 1 сентября 1581 года отплылъ рѣкою Чусовою къ горамъ Уральскимъ на подвигъ славы безъ всякаго содѣйствія, даже безъ вѣдома государева, ибо Строгановы, имѣя Іоаннову жалованную грамоту на мѣста за Каменнымъ Поясомъ, думали, что имъ уже нѣтъ надобности требовать новаго царскаго указа для ихъ великаго предпріятія. Не такъ мыслилъ Іоаннъ, какъ увидимъ.

Въ то самое время, когда россійскій Пизарро, не менѣе испанскаго грозный для дикихъ народовъ, менѣе ужасный для человѣчества, шелъ воевать Кучюмову державу, князь пелымскій съ вогуличами, остяками, сибирскими татарами и башкирцами нечаянно напалъ на берега Камы, выжегъ, истребилъ селенія близъ Чердыни, Усолья и новыхъ крѣпостей Строгановскихъ; умертвилъ, плѣнилъ множество христіанъ. Защитниковъ не было, но, свѣдавъ о походѣ казаковъ въ Сибирь, онъ спѣшилъ удалиться для защиты собственныхъ владѣній. Сей разбой поставили въ вину Строгановымъ: Іоаннъ писалъ къ нимъ, что они, какъ доносилъ ему чердынскій намѣстникъ, Василій Пелепелицынъ, не умѣютъ или не хотятъ оберегать границы; самовольно призвали опальныхъ казаковъ, извѣстныхъ злодѣевъ, и послали ихъ воевать Сибирь, раздражая тѣмъ и князя пелымскаго и салтана Кучюма; что такое дѣло есть измѣна, достойная казни. „Приказываю вамъ (писалъ онъ далѣе) немедленно выслать Ермака съ товарищами въ Пермь и въ Усолье Камское, гдѣ имъ должно покрыть вины свои совершеннымъ усмиреніемъ остяковъ и вогуличей; а для безопасности вашихъ городковъ можете оставить у себя казаковъ сто, не болѣе. Если же не исполните нашего указа; если впредь что-нибудь случится надъ Пермскою землею отъ пелымскаго князя и сибирскаго салтана, то возложимъ на васъ большую опалу, а казаковъ-измѣнниковъ велимъ перевѣшать". Сей гнѣвный указъ испугалъ Строгановыхъ; но блестящій, неожиданный успѣхъ оправдалъ ихъ дѣло, и гнѣвъ Іоанновъ перемѣнился въ милость.

Начиная описаніе Ермаковыхъ подвиговъ, скажемъ, что они, какъ все необыкновенное, чрезвычайное, сильно дѣйствуя на воображеніе людей, произвели многія басни, которыя смѣшались въ преданіяхъ съ истиною и подъ именемъ лѣтописаній обманывали самыхъ историковъ. Такъ, напримѣръ, сотни Ермаковыхъ воиновъ, подобно Кортецовымъ или Пизарровымъ, обратились въ тысячи, мѣсяцы дѣйствія въ годы, плаваніе трудное въ чудесное. Оставляя баснословіе, слѣдуемъ въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ грамотамъ и достовѣрнѣйшему современному повѣствованію о семъ завоеваніи любопытномъ, дѣйствительно удивительномъ, если и не чудесномъ.

Атаманы плыли четыре дня вверхъ по рѣкѣ Чусовой, быстрой, каменистой, опасной до хребта Уральскаго и между горами, подъ сѣнію ихъ скалъ навислыхъ; два дни рѣкою Серебряною, и достигли ею такъ называемаго пути сибирскаго; остановились и, не зная, что ожидало ихъ впереди, для своей безопасности сдѣлали земляное укрѣпленіе, давъ ему имя Кокуя-городка; видѣли только пустыни, или малочисленныхъ жителей мирныхъ, и черезъ волокъ перевезлись оттуда до рѣки Жаравли. Сіи мѣста еще и нынѣ ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, слѣды укрѣпленій называются его именемъ; ладьи тяжелыя, оставленныя имъ между Серебряною и Баранчею, еще не совсѣмъ истлѣли, какъ увѣряютъ, и надъ ихъ гніющими днами растутъ высокія деревья. Жаравлею и Тагиломъ вошли атаманы въ рѣку Туру, уже въ область Сибирскаго царства, гдѣ въ первый разъ обнажили мечъ завоеванія. На мѣстѣ нынѣшняго Туринска стоялъ городокъ князя Епанчи, который, повелѣвая многими татарами и вогуличами, встрѣтилъ смѣлыхъ пришельцевъ тучею стрѣлъ съ берега (гдѣ теперь село Усениново), но бѣжалъ, устрашенный громомъ пушекъ. Ермакъ велѣлъ разорить сей городокъ; осталось только имя, ибо жители донынѣ называютъ Туринскъ Епанчинымъ. Опустошивъ селенія и улусы внизъ по Турѣ, атаманы на устьѣ Тавды взяли въ плѣнъ Кучюмова сановника, Таузака, который искренностію спасая жизнь, сообщилъ имъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ своей и, будучи за то освобожденъ, извѣстилъ ея царя, что предсказаніе сибирскихъ волхвовъ сбывается, ибо сіи кудесники уже давно, какъ пишутъ, вопили на стогнахъ о неминуемомъ скоромъ паденіи его державы отъ нашествія христіанъ. Таузакъ описывалъ казаковъ людьми чудесными, воинами неодолимыми, стрѣляющими огнемъ и громомъ смертоноснымъ навылетъ сквозь латы. Но Кучюмъ, лишенный зрѣнія, имѣлъ душу твердую: рѣшился стать мужественно за царство и вѣру; собралъ войско изъ всѣхъ улусовъ, выслалъ племянника Маметкула въ поле со многочисленною конницею, а самъ укрѣ-

пился въ засѣкѣ, на Иртышѣ, подъ горою Чувашьею, преграждая атаманамъ путь къ Искеру.

Завоеваніе Сибири во многихъ отношеніяхъ сходствуетъ съ завоеваніемъ Мексики и Перу: также горсть людей, стрѣляя огнемъ, побѣждала тысячи, вооруженныя стрѣлами и копьями, ибо сѣверные монголы и татары не умѣли воспользоваться изобрѣтеніемъ пороха и въ концѣ XVI вѣка дѣйствовали единственно оружіемъ временъ Чингисовыхъ. Каждый богатырь Ермаковъ шелъ на толпу непріятелей, смертоносною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и тридцать. Такъ, въ первой битвѣ на берегу Тобола, въ урочищѣ Бабасанѣ, Ермакъ, стоя въ окопѣ, нѣсколькими залпами остановилъ стремленіе десяти или болѣе тысячъ всадниковъ Маметкуловыхъ, которые неслися во весь духъ потоптать его: онъ самъ ударилъ на нихъ и, довершивъ побѣду, открылъ себѣ путь къ устью Тобола, хотя и не совсѣмъ безопасный, ибо жители, занявъ крутой берегъ сей рѣки, называемый Долгимъ Яромъ, стрѣлами осыпали ладьи казаковъ. Второе, менѣе важное дѣло было въ шестнадцати верстахъ отъ Иртыша, гдѣ властвовалъ улусный князь, царскій думный совѣтникъ Карача, на берегахъ озера и теперь именуемаго Карачинскимъ. Ермакъ взялъ его улусъ и въ немъ богатую добычу, запасы и множество кадей царскаго меду. Третья битва, на Иртышѣ, жаркая, упорная, стоила жизни нѣкоторому числу Ермаковыхъ сподвижниковъ, доказавъ, что независимость отечества мила и варварамъ: сибирскіе защитники изъявили неустрашимость и твердость; ввечеру уступали россіянамъ побѣду, но только до новаго кровопролитія, имѣя еще и доблесть и надежду. Слѣпой Кучюмъ вышелъ изъ укрѣпленій и сталъ на горѣ Чувашьей; Маметкулъ расположился въ засѣкѣ, и казаки, въ тотъ же вечеръ занявъ городокъ Атикъ-Мурзы, не смыкали глазъ ночью, опасаясь нападенія.

Уже число Ермаковой дружины уменьшилось замѣтно; кромѣ убитыхъ, многіе были ранены, многіе лишились силъ и бодрости отъ трудовъ непрестанныхъ. Въ сію ночь атаманы совѣтовались съ товарищами, что дѣлать — и голосъ слабыхъ раздался: „Мы удовлетворили мести,—сказали они:—время идти назадъ. Всякая новая битва для насъ опасна, ибо скоро некому будетъ побѣждать“. Но атаманы отвѣтствовали: „Нѣтъ, братья, намъ путь только впередъ! Уже рѣки покрываются льдомъ: обративъ тылъ, замерзнемъ въ глубокихъ снѣгахъ, а если и достигнемъ Руси, то съ пятномъ клятвопреступниковъ, обѣщавъ смирить Кучюма, или великодушною смертію загладить наши вины предъ государемъ. Мы долго жили худою славою; умремъ же съ доброю! Богъ даетъ побѣду, кому хочетъ: нерѣдко слабымъ мимо сильныхъ, да свя-

тится имя Его“. Дружина сказала: „аминь!“ и съ первыми лучами солнца, 23-го октября, устремилась къ засѣкѣ, воскликнувъ: „съ нами Богъ!“ Непріятель сыпалъ стрѣлы, язвилъ казаковъ и, въ трехъ мѣстахъ, самъ разломавъ засѣку, кинулся въ бой рукопашный, безвыгодный для Ермаковыхъ малочисленныхъ витязей; дѣйствовали сабли и копья, люди падали съ обѣихъ сторонъ, но казаки, нѣмецкіе и литовскіе воины стояли единодушнѣе, крѣпкою стѣною—успѣвали заряжать пищали и бѣглымъ огнемъ рѣдили толпы непріятельскія, гоня ихъ къ засѣкѣ. Ермакъ, Иванъ Кольцо мужествовали впереди, повторяя громкое восклицаніе: „съ нами Богъ!“ а слѣпой Кучюмъ, стоя на горѣ, съ имамами, съ муллами своими кликалъ Магомета для спасенія правовѣрныхъ. Къ счастію россіянъ, къ ужасу непріятелей, раненый Маметкулъ долженъ были оставить сѣчу: мурзы увезли его въ ладьѣ на другую сторону Иртыша, и войско безъ предводителя отчаялось въ побѣдѣ: князья остяцкіе дали тылъ; бѣжали и татары. Слыша, что знамена христіанскія уже развѣваются на засѣкѣ, Кучюмъ искалъ безопасности въ степяхъ Ишимскихъ, успѣвъ взять только часть казны своей въ сибирской столицѣ. Сія главная кровопролитнѣйшая битва, въ коей пало 107 добрыхъ казаковъ, донынѣ поминаемыхъ въ соборной тобольской церкви, рѣшила господство Россіи отъ Каменнаго Хребта до Оби и Тобола.

26-го октября Ермакъ, уже знаменитый для исторіи, отпѣвъ молебенъ, торжественно вступилъ въ Искеръ или въ городъ Сибирь, который стоялъ на высокомъ берегу Иртыша, укрѣпленный съ одной стороны крутизною, глубокимъ оврагомъ, а съ другой тройнымъ валомъ и рвомъ. Тамъ побѣдители нашли великое богатство, если вѣрить лѣтописцу: множество золота и серебра, азіатскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ и все братски раздѣлили между собою. Городъ былъ пустъ: овладѣвъ царствомъ, наши витязи еще не видали въ немъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи, но 30-го октября явились къ нимъ остяки съ княземъ своимъ Боаромъ, съ дарами и запасами; клялися въ вѣрности, требовали милосердія и покровительства. Скоро явилось и множество татаръ съ женами и съ дѣтьми, коихъ Ермакъ обласкалъ, успокоилъ и всѣхъ отпустилъ въ ихъ прежнія юрты, обложивъ легкою данію. Сей бывшій атаманъ разбойниковъ, оказавъ себя героемъ неустрашимымъ, вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соблюденіи воинской подчиненности, вселивъ въ людей грубыхъ, дикихъ, довѣренность къ новой власти и строгостію усмиряя своихъ буйныхъ сподвижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасностей, въ землѣ, завоеванной ими на краю свѣта, не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Пишутъ, что грозный, неумоли-

мый Ермакъ, жалѣя воиновъ христіанскихъ въ битвѣ, не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое дѣло студное, ибо требовалъ отъ дружины не только повиновенія, но и чистоты душевной, чтобы угодить вмѣстѣ и царю земному и Царю Небесному; онъ думалъ, что Богъ дастъ ему побѣду скорѣе съ малымъ числомъ добродѣтельныхъ воиновъ, нежели съ большимъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ; и казаки его, по сказанію тобольскаго лѣтописца, и въ пути и въ столицѣ сибирской вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились! Еще опасности не миновали.

Прошло нѣсколько времени. Не имѣя слуха о Кучюмѣ, атаманы безъ опасенія занимались ловлею въ окрестностяхъ города. Но Кучюмъ былъ недалеко; племянникъ его Маметкулъ, несмотря на язву свою, уже бодрствовалъ въ полѣ, и 5-го декабря внезапно ударилъ на 20 россіянъ, которые ловили рыбу въ озерѣ Абалацкомъ, умертвилъ всѣхъ до единаго. Свѣдавъ о томъ, Ермакъ устремился за непріятелѣмъ, настигъ его близъ Абалака (гдѣ селеніе Шамшинскіе юрты), разбилъ, разсѣялъ; взялъ тѣла своихъ убитыхъ и съ честію предалъ землѣ на Саусанскомъ мысу, близъ Искера, гдѣ было древнее ханское кладбище. Чрезвычайный холодъ, опасныя вьюги и краткость зимнихъ дней въ сихъ странахъ полунощныхъ не дозволяли ему мыслить о новыхъ, важныхъ предпріятіяхъ до весны. Между тѣмъ владѣнія казаковъ распространились мирнымъ подданствомъ двухъ князей вогульскихъ, Ишбердея и Суклема: первый господствовалъ за Эскальбинскими болотами, на берегахъ Конды или Тавды, а второй—въ окрестностяхъ Тобола; оба вызвались добровольно платить ясакъ или дань соболями и присягнули Россіи въ вѣрности, которою Ишбердей пріобрѣлъ особенную любовь казаковъ, служа имъ добрымъ совѣтникомъ и путеводителемъ въ мѣстахъ незнаемыхъ. Такимъ образомъ дѣла внутренняго управленія, собираніе дани, звѣриная и рыбная ловля, нужная для продовольствія въ землѣ безхлѣбной, занимали Ермака до апрѣля мѣсяца, когда одинъ мурза извѣстилъ его, что дерзкій Маметкулъ снова приблизился къ Иртышу и кочуетъ на Вагаѣ съ малочисленною толпою. Требовалось скорости и тайны болѣе, нежели силы, чтобы истребить сего врага неутомимаго: атаманы выбрали только шестьдесятъ удальцовъ, которые ночью подкрались къ Маметкулову стану, напали врасплохъ, умертвили многихъ сонныхъ татаръ, взяли самого царевича живого и привезли съ торжествомъ въ Искеръ, къ великой радости Ермака, ибо онъ симъ счастливымъ плѣномъ избавился отъ смѣлаго, мужественнаго непріятеля и могъ имъ воспользоваться какъ важнымъ залогомъ, въ случаѣ войны или мира съ изгнанникомъ Кучюмомъ; видѣлъ Маметкула, обагрен-

наго кровію своихъ братьевъ, но не думалъ о мести личной: ласкалъ и честилъ его подъ крѣпкою стражею. Уже имѣя лазутчиковъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ, Ермакъ въ то же время узналъ, что Кучюмъ, сраженный вѣстію о несчастіи Маметкула, скитается въ пустыняхъ за Ишимомъ; что юный сынъ убитаго имъ князя сибирскаго Бекбулата, Сейдекъ, увезенный въ Бухарію слугами отца своего, возмужавъ лѣтами и духомъ, идетъ на сего царя-хищника съ шайками узбековъ, и что вельможа Карача измѣнилъ ему въ бѣдствіи: оставилъ Кучюма, увелъ многихъ людей съ собою и расположился кочевать въ Лымской землѣ, на большомъ озерѣ, выше устья Тары, впадающей въ Иртышъ близъ рѣки Осмы. Сіе достовѣрное извѣстіе о безсиліи главнаго злобнаго врага и наступленіе весны благопріятствовали новымъ подвигамъ знаменитаго атамана.

Оставивъ въ Искерѣ часть дружины, Ермакъ съ казаками поплылъ Иртышемъ къ сѣверу. Уже ближайшіе улусы признавали власть его: онъ шелъ мирно до устья Аримдзянки, гдѣ татары, еще независимые, засѣли въ крѣпости и не хотѣли сдаться. Взявъ ее приступомъ, атаманы велѣли разстрѣлять или повѣсить главныхъ виновниковъ сего опаснаго упорства. Всѣ иные жители, смиренные ужасомъ, клялися быть подданными Россіи, цѣлуя омоченную кровію саблю. Нынѣшнія волости Нацынская, Карбинская, Туртасская не смѣли противиться. Далѣе начинались юрты остяковъ и кондинскихъ вогуличей: тамъ, на высокомъ берегу Иртыша, князь ихъ Демьянъ, имѣя крѣпость и въ ней двѣ тысячи воиновъ, готовыхъ къ битвѣ, отвергнулъ всѣ предложенія Ермаковы. Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ семъ городѣ былъ золотой кумиръ, будто бы вывезенный изъ древней Россіи во время ея крещенія; что остяки держали его въ чашѣ, пили изъ нея воду и тѣмъ укрѣплялись въ мужествѣ; что атаманы, стрѣльбою изгнавъ осажденныхъ, вступили въ городъ, но не могли найти въ немъ драгоцѣннаго идола.—Далѣе, плывя Иртышемъ, завоеватели увидѣли толпу кудесниковъ, приносящихъ жертву славному кумиру Рачѣ, съ моленіемъ, да спасетъ ихъ отъ страшныхъ пришельцевъ. Идолъ безмолствовалъ, россіяне шли своимъ громомъ, и кудесники бѣжали въ темноту лѣсовъ. На семъ мѣстѣ нынѣ селеніе Рачевые Юрты, ниже Демьянскаго Яма.—Далѣе, въ Цынгальской волости, гдѣ Иртышъ, стѣсняемый горами, имѣетъ узкое и быстрое теченіе, собралося множество вооруженныхъ людей; одинъ выстрѣлъ разсѣялъ ихъ, и казаки овладѣли городкомъ Нарымскимъ, гдѣ были только жены съ дѣтьми, въ страхѣ, въ ожиданіи смерти; но Ермакъ обошелся съ ними столь ласково, что отцы и мужья не замедлили пріити къ нему съ данію. Покоривъ волость Тарханскую, атаманы всту-

пили въ страну знатнѣйшаго князя остяцкаго, Самара, который соединился съ другими осмью князьками и ждалъ россіянъ для битвы, чтобы рѣшить судьбу всей древней земли Югорской. Хваляся мужествомъ и силою, Самаръ забылъ осторожность: спалъ крѣпкимъ сномъ вмѣстѣ съ войскомъ и стражею, когда атаманы въ часъ разсвѣта ударили на его станъ: пробужденный шумомъ, онъ схватилъ оружіе и палъ мертвымъ отъ первой пули; войско разбѣжалось, а жители обязались платить ясакъ Россіи.—Уже Ермакъ достигъ славной Оби, коей теченіе извѣстно было и древнимъ новгородцамъ, но устье и вершина, по выраженію московскихъ путешественниковъ 1567 года, таились во мракѣ отдаленія. Завоевавъ еще главный остяцкій городъ Назымъ и многія иныя крѣпости на берегахъ ея, плѣнивъ ихъ князя и горестно оплакавъ кончину храбраго сподвижника, атамана Никиты Пана, убитаго на приступѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ лучшихъ казаковъ, Ермакъ не хотѣлъ идти далѣе, ибо видѣлъ передъ собою однѣ хладныя пустыни, гдѣ мшистая кора болотъ и лѣтомъ едва теплѣетъ отъ жаркихъ лучей солнца, и гдѣ среди мерзлыхъ тундръ, усѣянныхъ мамонтовыми костями, представляется глазамъ образъ ужаснаго кладбища природы. Поставивъ князя остяцкаго Алача главою надъ обскими юртами, Ермакъ тѣмъ же путемъ возвратился въ сибирскую столицу, честимый своими данниками какъ побѣдитель и владыка: вездѣ, съ изъявленіями раболѣпства, встрѣчали, провожали его, какъ мужа грозы и доблести сверхъестественной. Казаки плыли съ воинскою музыкою и выходили на берегъ всегда въ своихъ праздничныхъ кафтанахъ, чтобы удивлять жителей пышностію и богатствомъ. Отъ предѣловъ Березовскихъ до Тобола утвердивъ господство Россіи, Ермакъ благополучно возвратился въ Искеръ, тихій и спокойный.

Тогда единственно, по сказанію лѣтописца, сей витязь счастливый далъ знать Строгановымъ, что Богъ помогъ ему одолѣть салтана, взять его столицу, землю и царевича, и съ народовъ присягу въ вѣрности; написалъ и къ Іоанну, что его бѣдные, опальные казаки, угрызаемые совѣстію, исполненные раскаянія, шли на смерть и присоединили знаменитую державу къ Россіи, во имя Христа и великаго государя, навѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру; что они ждутъ указа и воеводъ его: сдадутъ имъ царство Сибирское, и безъ всякихъ условій, готовые умереть или въ новыхъ подвигахъ чести, или на плахѣ, какъ будетъ угодно ему и Богу. Съ сею грамотою поѣхалъ въ Москву второй атаманъ, первый сподвижникъ Ермака Тимооеева, первый съ нимъ въ думѣ и въ сѣчахъ, Иванъ Кольцо, не боясь своего торжественнаго осужденія на лютую казнь преступника.

Здѣсь предупредимъ вопросъ читателя: столь поздно извѣстивъ Строгановыхъ о своемъ успѣхѣ, не думалъ ли Ермакъ, обольщенный легкимъ завоеваніемъ Сибири (какъ угадывали нѣкоторые историки), властвовать тамъ независимо? не для того ли наконецъ обратился къ Іоанну, что увидѣлъ необходимость требовать его вспоможенія, ежедневно слабѣя въ силахъ, хотя и побѣждая? Но могъ ли умный атаманъ и съ самаго начала не предвидѣть, что горсть смѣльчаковъ, оставленныхъ Россіею, года въ два или въ три исчезла бы въ битвахъ или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые платили дань пришельцамъ единственно подъ угрозою меча или выстрѣла? Гораздо вѣроятнѣе, что лѣтописецъ, не бывъ очевидцемъ дѣяній, означаетъ ихъ порядокъ наугадъ; или Ермакъ опасался безвременно хвалиться въ Россіи успѣхомъ: хотѣлъ прежде довершить завоеваніе, и довершилъ, по его мнѣнію, загнавъ Кучума въ дальнія степи и водрузивъ межевой столбъ государства Московскаго на берегу Оби.

Восхищенные вѣстію атамановъ, Строгановы спѣшили въ Москву, донесли государю о всѣхъ подробностяхъ и молили его утвердить Сибирь за Россіею, ибо они, какъ частные люди, не имѣли способовъ удержать столь обширное завоеваніе. Явились и послы Ермаковы, атаманъ Кольцо съ товарищами, бить челомъ Іоанну царствомъ Сибирскимъ, драгоцѣнными соболями, черными лисицами и бобрами. Давно, какъ пишутъ, не бывало такого веселія въ Москвѣ унылой: государь и народъ воспрянули духомъ. Слова: „новое царство послалъ Богъ Россіи!“ съ живѣйшею радостію повторялись во дворцѣ и на Красной площади. Звонили въ колокола, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливыя времена Іоанновой юности, завоеваній казанскаго и астраханскаго. Молва увеличивала славу подвига: говорили о безчисленныхъ воинствахъ, разбитыхъ казаками; о множествѣ народовъ, ими покоренныхъ; о несмѣтномъ богатствѣ, ими найденномъ. Казалось, что Сибирь упала тогда съ неба для россіянъ: забыли ея давнишнюю извѣстность и самое подданство, чтобы тѣмъ болѣе славить Ермака. Опала сдѣлалась честію: оглашенный преступникъ, Иванъ Кольцо, смиренно наклоняя повинную свою голову предъ царемъ и боярами, слышалъ милость, хвалу, имя добраго витязя, и со слезами лобызалъ руку Іоаннову. Государь жаловалъ его и другихъ сибирскихъ пословъ деньгами, сукнами, камками; немедленно отрядилъ воеводу князя Семена Дмитріевича Болховскаго, чиновника Ивана Глухова и 500 стрѣльцовъ къ Ермаку; дозволилъ Ивану Кольцу на возвратномъ пути искать охотниковъ для переселенія въ новый край Тобольскій и

велѣлъ епископу вологодскому отправить туда десять священниковъ съ ихъ семействами для христіанскаго богослуженія. Весною князь Болховскій долженъ былъ взять ладіи у Строгановыхъ и плыть рѣкою Чусовою по слѣдамъ сибирскаго героя. Сіи усердные, знаменитые граждане, истинные виновники столь важнаго пріобрѣтенія для Россіи, уступивъ оное государству, не остались безъ возмездія: Іоаннъ за нхъ службу и радѣніе пожаловалъ Семену Строганову два мѣстечка, Большую и Малую Соль, на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно.

Между тѣмъ завоеватели сибирскіе не праздно ждали добрыхъ вѣстей изъ Россіи: ходили рѣкою Тавдою въ землю вогуличей. Близъ устья сей рѣки господствовали князья татарскіе, Лабутанъ и Печенѣгъ, разбитые Ермакомъ въ дѣлѣ кровопролитномъ, на берегу озера, гдѣ, какъ увѣряетъ повѣствователь, и въ его время еще лежало множество костей человѣческихъ. Но робкіе вогуличи Кошуцкой и Табаринской волости мирно дали ясакъ атаманамъ. Сіи тихіе дикари жили въ совершенной независимости; не имѣли ни князей, ни властителей; уважали только людей богатыхъ и разумныхъ, требуя отъ нихъ суда въ тяжбахъ или ссорахъ; не менѣе уважали и мнимыхъ волхвовъ, изъ коихъ одинъ, съ благоговѣніемъ взирая на Ермака, будто бы предсказалъ ему долговременную славу, но умолчалъ о близкой его смерти. Здѣсь баснословіе изобрѣло еще гигантовъ между карлами вогульскими (ибо жители сей печальной земли не бываютъ ни въ два аршина ростомъ): пишутъ, что россіяне близъ городка Табаринскаго съ изумленіемъ увидѣли великана, въ двѣ сажени вышиною, который хваталъ рукою и давилъ вдругъ человѣкъ по десяти или болѣе; что они не могли взять его живого и застрѣлили! Вообще извѣстіе о семъ походѣ не весьма достовѣрно, находясь только въ прибавленіи къ сибирской лѣтописи. Тамъ сказано далѣе, что Ермакъ, достигнувъ болотъ и лѣсовъ пелымскихъ, разсѣявъ толпы вогуличей и взявъ плѣнниковъ, старался узнать отъ нихъ о пути съ береговъ верхней Тавды черезъ Каменный Поясъ въ Пермь, дабы открыть новое сообщеніе съ Россіею, менѣе опасное или трудное, но не могъ проложить сей дороги въ пустыняхъ, грязныхъ и топкихъ лѣтомъ, а зимою засыпаемыхъ глубокими снѣгами. Умноживъ число данниковъ, расширивъ свои владѣнія въ древней землѣ Югорской до рѣки Сосвы и включивъ въ ихъ предѣлы страну Кондинскую, дотолѣ мало извѣстную, хотя уже и давно именуемую въ титулѣ московскихъ самодержцевъ, Ермакъ возвратился въ сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду.

Иванъ Кольцо прибылъ въ Искеръ съ государевымъ жалованъ-

емъ, князь Болховскій съ людьми воинскими. Первый вручилъ атаманамъ и рядовымъ богатые дары, а вождю ихъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча царскаго. Іоаннъ въ ласковой грамотѣ объявилъ казакамъ вѣчное забвеніе старыхъ винъ и вѣчную благодарность Россіи за важную услугу; назвалъ Ермака (такъ пишутъ) княземъ Сибирскимъ; велѣлъ ему распоряжать и начальствовать, какъ было дотолѣ, чтобы утвердить порядокъ въ землѣ и верховную государеву власть надъ нею. Казаки же честили Іоаннова воеводу и всѣхъ стрѣльцовъ, дарили соболями, угощали со всею возможною роскошью, готовясь съ ними къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Сіе счастіе Ермаково и сподвижниковъ его не продолжилось: начинаются ихъ бѣдствія.

Во-первыхъ, открылась жестокая цынга, болѣзнь обыкновенная для новыхъ пришельцевъ въ климатахъ сырыхъ, холодныхъ, въ мѣстахъ еще дикихъ, мало населенныхъ. Занемогли стрѣльцы, отъ нихъ и казаки; многіе лишились силъ, многіе и жизни. Во-вторыхъ, оказался зимою недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: страшные морозы, вьюги, мятели, препятствуя казакамъ ловить звѣрей и рыбу, мѣшали и доставленію хлѣба изъ сосѣдственныхъ юртовъ; нѣкоторые жители занимались скуднымъ землепашествомъ. Сдѣлался голодъ: болѣзнь еще усилилась; люди гибли ежедневно, а въ числѣ многихъ другихъ умеръ и самъ воевода Іоанновъ, князь Болховскій, съ честію и слезами схороненный въ Искерѣ. Общее уныніе коснулось и Ермакова сердца: давно не боясь смерти, онъ боялся утратить завоеваніе, обмануть надежду царя и Россіи. Сіе бѣдствіе миновало весною: теплота воздуха способствовала излѣченію больныхъ, и подвозы доставили россіянамъ изобиліе. Тогда Ермакъ, исполняя указъ Іоанновъ, отправилъ въ Москву царевича Маметкула, написавъ государю, что все опять благополучно въ его Сибири, но моля о сильнѣйшемъ немедленномъ вспоможеніи, дабы удержать взятое и взять еще болѣе.—Сей плѣнный царевичъ, вѣрный блюститель Магометова закона, служилъ послѣ въ нашихъ ратяхъ.

Лишась, можетъ быть, половины воиновъ отъ заразы и голода, Ермакъ претерпѣлъ еще знатную убыль въ силахъ отъ легковѣрія и неосторожности. Мурза или князь Карача, оставивъ царя своего въ невзгодѣ, имѣлъ на Тарѣ улусъ многолюдный, лазутчиковъ въ Искерѣ, друзей и единомышленниковъ во всѣхъ окрестныхъ юртахъ; хотѣлъ быть избавителемъ отечества; ждалъ времени и между тѣмъ коварно ласкалъ россіянъ: прислалъ къ нимъ дары, требовалъ ихъ защиты, будто бы угрожаемый ногаями; клялся въ вѣрности и такъ обольстилъ Ермака, что онъ послалъ къ нему сорокъ добрыхъ воиновъ съ атаманомъ Иваномъ Кольцомъ. Сія горсть людей отважныхъ могла бы двумя или тремя

залпами разогнать тысячи дикарей; но, влекомые судьбою на гибель, казаки шли къ мнимымъ друзьямъ безъ всякаго опасенія и мирно стали подъ ножъ убійцъ: первый герой Ермаковъ и воины его, львы въ сѣчахъ, пали какъ агнцы въ татарскомъ улусѣ!.. Слѣдствіемъ были мятежъ и бунтъ всѣхъ нашихъ данниковъ: татары, остяки сибирскіе возстали на россіянъ, убили въ разъѣздѣ атамана Якова Михайлова, соединились въ полѣ съ Карачею и стали необозримыми обозами вокругъ Искера, гдѣ Ермакъ увидѣлъ себя въ тѣсной осадѣ: завоеванія его, царство и подданные вдругъ исчезли; нѣсколько саженей деревянной стѣны съ земляными укрѣпленіями составляли единственное владѣніе казаковъ. Ермакъ могъ дѣлать вылазки, но жалѣлъ своихъ людей малочисленныхъ; стрѣлялъ, но безполезно, имѣя только легкія пушки, ибо непріятель стоялъ далеко и не хотѣлъ приступать къ стѣнамъ, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, дѣйствительно неминуемымъ для ея защитниковъ, если бы осада продолжилась. Въ сей крайности рѣшились казаки на дѣло отчаянное: 12 іюня, ночью, съ атаманомъ Матвѣемъ Мещерикомъ, оставивъ Ермака блюсти крѣпость, прокрались сквозь обозы непріятельскіе къ мѣсту, называемому Саусканомъ, гдѣ былъ станъ Карачи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и кинулись на сонныхъ татаръ: умертвили ихъ множество и двухъ сыновей Карачиныхъ, гнали бѣгущихъ во всѣ стороны, плавали въ крови невѣрныхъ. Самъ князь или мурза ушелъ за озеро только съ малымъ числомъ людей. Хотя утренній свѣтъ ободрилъ непріятелей; хотя они, приспѣвъ изъ другихъ становъ, удержали бѣглецовъ, сомкнулись и вступили въ бой, но казаки, засѣвъ въ обозѣ княжескомъ, сильною ружейною стрѣльбою отразили всѣ нападенія, и въ полдень съ торжествомъ возвратились въ городъ, ими освобожденный, ибо Карача, въ ужасѣ немедленно снявъ осаду, бѣжалъ за Ишимъ; а селенія и юрты окрестные всѣ снова поддалися россіянамъ. Еще судьба благопріятствовала героямъ.

Въ страхъ непріятелю и для своей будущей безопасности Ермакъ, хотя уже и слабый числомъ людей, предпріялъ идти вслѣдъ за Карачею, вверхъ Иртышемъ, чтобы распространить на востокъ владѣнія Россіи. Онъ побѣдилъ князя Бегиша и взялъ городокъ его (коего остатки еще видны на берегу излучистаго озера, далѣе устья Вагайскаго); завоевалъ всѣ мѣста до Ишима, местію ужасая непокорныхъ, милуя безоружныхъ. Въ Саргацкой волости жилъ тогда какой-то знаменитый старѣйшина, наслѣдственный главный судія всѣхъ улусовъ татарскихъ отъ временъ перваго хана сибирскаго, и князь Еличай въ городкѣ Тебендѣ; оба изъявили смиреніе; а князь вмѣстѣ съ данію представилъ

Ермаку и юную дочь, невѣсту сына Кучюмова; но цѣломудренный атаманъ велѣлъ ей удалиться съ ея прелестями опасными и съ невинностію, какъ говоритъ лѣтописецъ. Близъ устья Ишимскаго, въ кровопролитной схваткѣ съ жителями, бѣдными и свирѣпыми, Ермакъ лишился пяти мужественныхъ казаковъ, донынѣ воспѣваемыхъ въ унылыхъ сибирскихъ пѣсняхъ: взялъ еще городокъ Ташатканъ, но не хотѣлъ упорно приступать къ важнѣйшей крѣпости, основанной царемъ Кучюмомъ на берегу озера Аусаклу; достигнулъ рѣки Шиша, гдѣ начинаются голыя степи, и, распорядивъ дань въ семъ новомъ завоеваніи, возвратился въ Искеръ съ трофеями, уже послѣдними.

Около двухъ лѣтъ господствуя въ Сибири, казаки успѣли завести торговлю съ самыми отдаленными азіатскими странами, издревле славными богатствомъ и купечествомъ. Уже караваны бухарскіе ходили къ нимъ мимо Арала, сквозь степи киргизъ-кайсаковъ, путемъ, безъ сомнѣнія, давно проложеннымъ (можетъ быть, еще во времена Чингисовы или его наслѣдниковъ), оживляя пустынную сибирскую столицу зрѣлищемъ дѣятельной ярмарки и доставляя тамъ россіянамъ, въ обмѣнъ на мягкую рухлядь, плоды восточнаго ремесла, нужные или пріятные для воиновъ, которые не берегли жизни, но любили наслаждаться ею. Ожидая тогда купцовъ бухарскихъ и свѣдавъ, что изгнанникъ Кучюмъ не даетъ имъ дороги въ степи Вагайской, гдѣ онъ снова дерзнулъ явиться, пылкій Ермакъ съ пятьюдесятью казаками спѣшилъ ихъ встрѣтить: искалъ цѣлый день, не видалъ ни каравана, ни слѣдовъ непріятеля и на возвратномъ пути расположился ночевать въ шатрахъ, оставивъ лодки свои у берега, близъ Вагайскаго устья, гдѣ Иртышъ, дѣлясь на-двое, течетъ весьма кривою излучиною къ востоку и прямымъ искусственнымъ каналомъ, называемымъ Ермаковою перекопью, но вырытымъ, какъ надобно думать, въ древнѣйшія времена, ибо гладкіе берега его не представляютъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ копанія. Тамъ же, къ югу отъ рѣки, среди низкаго луга, возвышается холмъ, насыпанный, по общему преданію, руками дѣвичьими для жилища царскаго. Между сими памятниками какого-то забытаго вѣка надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, съ коего начинается ея несомнительная исторія,—погибнуть отъ своей оплошности, изъяснимой единственно неодолимымъ дѣйствіемъ рока. Ермакъ зналъ о близости врага и, какъ бы утомленный жизнію, погрузился въ глубокій сонъ съ своими удалыми витязями, безъ наблюденія, безъ стражи. Лилъ сильный дождь; рѣка и вѣтеръ шумѣли, тѣмъ болѣе усыпляя казаковъ; а непріятель бодрствовалъ на другой сторонѣ рѣки: его лазутчики сыскали бродъ, тихо приблизились къ стану Ермакову; видѣли сонныхъ, взяли у нихъ

три пищали съ лядунками и представили своему царю въ удостовѣреніе, что можно наконецъ истребить непобѣдимыхъ. Заиграло Кучюмово сердце, какъ сказано въ лѣтописи: онъ напалъ на россіянъ полумертвыхъ (въ ночи 5 августа) и всѣхъ перерѣзалъ, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ, другой, самъ Ермакъ, пробужденный звукомъ мечей и стономъ издыхающихъ, воспрянулъ... увидѣлъ гибель, махомъ сабли еще отразилъ убійцъ, кинулся въ бурный глубокій Иртышъ и, не доплывъ до своихъ лодокъ, утонулъ отягченный желѣзною бронею, данною ему Іоанномъ... Конецъ горькій для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы!.. Нѣтъ, волны Иртыша не поглотили ее. Россія, исторія и церковь гласятъ Ермаку вѣчную память.

Сей герой — ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника предъ Ермаковымъ — сей герой погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучюмъ, зарѣзавъ 49 сонныхъ казаковъ, уже не могъ отнять Сибирскаго царства у великой державы, которая единажды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завоеванія, величая доблесть его не только въ лѣтописаніяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы еще и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ имя сего витязя живетъ и въ названіи мѣстъ и въ преданіяхъ изустныхъ; тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ атамана-князя. Онъ былъ видомъ благороденъ, сановитъ, росту средняго, крѣпокъ мышцами, широкъ плечами; имѣлъ лицо плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательнаго. Тѣло Ермаково (13 августа) приплыло къ селенію Епанчинскимъ Юртамъ, въ 12 верстахъ отъ Абалака, гдѣ татаринъ Янишъ, внукъ князька Бегиша, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ ноги человѣческія, петлею вытащилъ мертваго, узналъ его по желѣзнымъ латамъ съ мѣдною оправою, съ золотымъ орломъ на груди, и созвалъ всѣхъ жителей деревни видѣть исполина бездушнаго. Пишутъ, что одинъ мурза, именемъ Кандаулъ, хотѣлъ снять броню съ мертваго, и что изъ тѣла, уже оцѣпенѣлаго, вдругъ хлынула свѣжая кровь; что злобные татары, положивъ оное на рундукъ, пускали въ него стрѣлы; что сіе продолжалось шесть недѣль; что царь Кучюмъ и самые отдаленные князья остяцкіе съѣхались туда наслаждаться местію; что, къ удивленію ихъ, плотоядныя птицы, стаями летая надъ трупомъ, не смѣли его коснуться; что страшныя видѣнія и сны заставили невѣрныхъ схоронить мертвеца на Бегишевскомъ кладбищѣ, подъ

кудрявою сосною; что они, въ честь ему изжаривъ и съѣвъ 30 быковъ въ день погребенія, отдали верхнюю кольчугу Ермакову жрецамъ славнаго бѣлогородскаго идола, нижнюю мурзѣ Кандаулу, кафтанъ князю Сейдеку, а саблю съ поясомъ мурзѣ Карачѣ; что многія чудеса совершались надъ Ермаковою могилой, сіялъ яркій свѣтъ и пылалъ столбъ огненный; что духовенство магометанское, испуганное ихъ дѣйствіемъ, нашло способъ скрыть сію могилу, нынѣ никому неизвѣстную; что сотникъ Ульянъ Ремезовъ въ 1650 году узналъ всѣ обстоятельства Ермаковыхъ дѣлъ и смерти отъ таиши калмыцкаго Аблая, ревностно желавшаго имѣть и, наконецъ, доставшаго броню Ермакову отъ потомковъ Кандауловыхъ.

Вѣсть о гибели вождя привела въ неописанный ужасъ россіянъ въ Сибири. Ихъ было около ста пятидесяти казаковъ и воиновъ московскихъ, вмѣстѣ съ остатками иноземной Строгановской дружины, подъ главнымъ начальствомъ атамана Матвѣя Мещеряка. Съ Ермакомъ все для нихъ кончилось, и смѣлость великодушная и надежда. Опасаясь Кучюма, Сейдека, Карачи, жителей, голода, они рѣшились идти назадъ въ Россію и вышли (15 августа) изъ сибирской столицы съ горькими слезами, покидая въ ней гробы братьевъ и знаменія христіанства, теряя всѣ плоды своихъ трудовъ кровавыхъ, видя между собою и святою Русью еще пустыни необозримыя, опасности битвы и, можетъ-быть, смерть безвѣстную. Сіи уже не гордые завоеватели, а бѣдные изгнанники поплыли вверхъ Тобола, къ великой радости Кучюма и всѣхъ жителей, ибо и дикіе не любятъ господъ чужеземныхъ. Убивъ Ермака, Кучюмъ не дерзнулъ приступить къ Искеру; свѣдавъ о бѣгствѣ казаковъ, все еще для него страшныхъ, непобѣдимыхъ, и въ крѣпости и въ ладіяхъ громоносныхъ, не мыслилъ тревожить ихъ плаванія, и, вслѣдъ за сыномъ своимъ Алеемъ, вошелъ въ пустой городъ Сибирскій снова царствовать и снова лишился царства... Тамъ не осталось россіянъ, остались ихъ прахъ и могилы: они звали мстителей; тѣни Ермака и его усопшихъ сподвижниковъ манили россіянъ довершить легкое завоеваніе края неизмѣримаго, отъ Каменнаго Пояса до Сѣверной Америки и Восточнаго океана, гдѣ, въ теченіе вѣковъ, надлежало сойтись предѣламъ нашего отечества съ предѣлами испанскихъ владѣній; гдѣ ожидали насъ не только богатые рудники, драгоцѣнные плоды звѣроловства, выгодная мѣна китайская, но и слава мирнаго гражданскаго образованія дикихъ народовъ, и счастливый способъ искоренять преступленія людей безъ душегубства, оставлять жизнь и злодѣямъ, безвредно и еще не безкорыстно для государства, населять ими пустыни— ихъ руками, отъ узъ свободными, извлекать сокровища изъ

нѣдръ земли и нерѣдко исправлять сихъ злосчастныхъ, къ утѣшенію человѣчества.

Скоро увидимъ возвращеніе россіянъ, ихъ дальнѣйшія побѣды и завоеванія въ новомъ мірѣ сибирскомъ, уже въ царствованіе Іоаннова преемника.

ГЛАВА VII.

1582—1584.

Война и перемиріе съ Швеціею. — Дѣла литовскія. — Бунтъ черемисскій.— Сношенія съ разными державами и въ особенности съ Англіею.—Намѣреніе Іоанново жениться на англичанкѣ.— Описаніе невѣсты.—Посольство въ Лондонъ. — Посолъ Елисаветинъ. — Болѣзнь и кончина Іоаннова. — Любовь россіянъ къ самодержавію.—Сравненіе Іоанна съ другими мучителями. — Польза исторіи.— Смѣсь добра и зла въ Іоаннѣ.—Іоаннъ образователь государственный и законодавецъ.—Приказы.—Дьяки, приказные люди.—Думные дворяне.— Дворяне сверстные и младшіе.—Князья служилые.— Стольники.—Разныя учрежденія. — Законы. — Цѣна рубля. — Церковныя учрежденія.—Достопамятный обрядъ церковный.—Строеніе городовъ. — Состояніе Москвы. — Торговля. — Роскошь и пышность. — Слава Іоаннова.

Великими пожертвованіями обезоруживъ Баторія, а хана, менѣе страшнаго, но всегда опаснаго, удовольствовавъ ничтожными дарами, Іоаннъ могъ свободно наступить на шведовъ, оставленныхъ союзникомъ; желалъ, надѣялся смирить хотя сего дерзкаго непріятеля и тѣмъ возвысить честь своего оружія въ глазахъ Европы. Успѣхъ казался несомнительнымъ, легкимъ. Баторій не только предалъ шведскаго короля мести Іоанновой, но еще и самъ угрожалъ ему войною за Эстонію. Требуя сей области, онъ велѣлъ сказать королю: „Ты воспользовался моими успѣхами и присвоилъ себѣ Нарву съ другими городами нѣмецкими, собственность Польши“; а король отвѣтствовалъ: „Что пріобрѣтено кровію нашихъ, то наше. Я былъ въ полѣ, еще не видя знаменъ твоихъ. Вспомни, что вся Европа трепетала нѣкогда имени готѳовъ, коихъ мы наслѣдовали и силу и мужество: не боимся меча ни русскаго ни седмиградскаго“. Сія гордость, если и великодушная, могла имѣть гибельныя слѣдствія для Швеціи слабой, еще волнуемой изувѣрствомъ ея вѣнценосца, ревностію его къ латинству и ссорою съ братомъ, герцогомъ Карломъ. Съ одной стороны пылкій Баторій, сказавъ: „возьму, чего требую“, готовился идти на шведовъ, съ другой—Іоанновы воеводы, князья Михайло Катыревъ-Ростовскій, Тюменскій, Хворостининъ, Меркурій Щербатой, выступивъ изъ Новгорода, шли

къ Нарвѣ, Ямѣ и за Неву въ Финляндію, встрѣтили непріятеля въ Вотской Пятинѣ, въ селѣ Лялицахъ, и разбили его наголову. Іоаннъ прислалъ имъ золотыя медали, отличивъ истиннаго виновника сей побѣды, князя Дмитрія Хворостинина, одного изъ псковскихъ героевъ, который смялъ шведовъ ударомъ своей передовой дружины. Второе дѣло, не менѣе важное и для насъ счастливое, было на берегахъ Невы. Слѣдуя совѣту измѣнника Аѳанасія Бѣльскаго, генералъ де-ла-Гарди неожиданно устремился къ Нотебургу или Орѣшку, чтобы взять его смѣлымъ приступомъ. Тамъ начальствовали воеводы князь Василій Ростовскій, Судаковъ, Хвостовъ: они бились неустрашимо, рѣзали, топили шведовъ въ Невѣ; а князь Андрей Шуйскій спѣшилъ съ конными дружинами изъ Новгорода для спасенія сей важной крѣпости. Надменный де-ла-Гарди бѣжалъ.

Но судьба помогла Швеціи. Герой Баторій, сильный въ битвахъ, увидѣлъ слабость свою на сеймѣ, гдѣ неблагодарные, своевольные паны, отвергнувъ всѣ его предложенія, внушенныя ему истинною любовію къ ихъ отечеству, сказали рѣшительно: „Не хотимъ войны ни съ Крымомъ, ни съ шведами: не даемъ ни людей, ни денегъ!“ Ты король, если вѣрно исполняешь уставы королевства, примолвилъ одинъ изъ нихъ, Яковъ Нѣмековскій: иначе ты Баторій, а я Нѣмековскій. Іоаннъ же, къ радостному изумленію шведовъ, вдругъ остановивъ всѣ движенія нашихъ войскъ, предложилъ де-ла-Гарди миръ: князь Лобановъ и дворянинъ Татищевъ съѣхались съ нимъ въ Шелонской Пятинѣ, на рѣкѣ Плюсѣ и 26 мая (1583) заключили перемиріе сперва на два мѣсяца, а послѣ на три года, оставивъ Яму, Иванъ-городъ, Копорье въ рукахъ шведовъ!.. Сія неожиданная уступчивость изъясняется слѣдующими обстоятельствами:

Во-первыхъ, миръ съ Литвою казался не весьма надежнымъ. Послы Баторіевы, находясь въ Москвѣ для утвержденія договора, объявили новыя требованія: хотѣли, чтобы Іоаннъ нигдѣ не писался въ титулѣ ливонскимъ и призналъ всю Эстонію законнымъ Стефановымъ владѣніемъ. Бояре только отчасти удовлетворили сему требованію, давъ имъ грамоту съ обязательствомъ не воевать Эстоніи въ теченіе десяти лѣтъ. Іоаннъ присягнулъ, Баторій также, исполнять честно всѣ условія; но литовскіе воеводы силою занимали мѣста въ уѣздахъ Торопецкомъ, Луцкомъ, Велижскомъ; не хотѣли опредѣлить ясныхъ границъ между обѣими державами; обижали, безчестили нашихъ сановниковъ; затрудняли обѣщанный размѣнъ плѣнниковъ: взяли за Ѳеодора Шереметева 20 тысячъ золотыхъ, или около 7,000 рублей, и 280 соболей, за князя Татева 4,114, за князя Хворостинина 3,228, за Черемисинова 4,457 рублей, но другихъ держали въ неволѣ. Сте-

фанъ, въ ласковыхъ сношеніяхъ съ царемъ, то находилъ жалобы его справедливыми, обязываясь немедленно унять дерзость литовскихъ чиновниковъ, то винилъ россіянъ, оправдывая своихъ, и принудилъ Іоанна послать на границу (въ сентябрѣ 1583 года) 2,000 дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, чтобы защитить ея жителей отъ дальнѣйшихъ утѣсненій витебскаго воеводы Папа, который основалъ новую крѣпость на землѣ россійской. Однимъ словомъ, несмотря на всю малодушную терпѣливость Іоаннову, непріятельскія дѣйствія съ сей стороны легко могли возобновиться.

Во-вторыхъ, общій бунтъ внезапно вспыхнулъ въ землѣ луговыхъ черемисовъ, столь опасный и жестокій, что казанскіе воеводы никакъ не могли усмирить его. Встревоженный государь (въ октябрѣ 1582 года) послалъ къ нимъ войско съ княземъ Елецкимъ; свѣдавъ же, что бунтъ не утихаетъ, велѣлъ идти изъ Мурома знатнѣйшимъ полководцамъ, князьямъ Ивану Михайловичу Воротынскому и мужественному Дмитрію Хворостинину. Новыя вѣсти еще болѣе устрашили Москву: узнали, что ханъ Магметъ-Гирей, вопреки мирной грамотѣ, сносится съ черемисскими мятежниками и готовъ устремиться на Россію; что ногаи, дотолѣ вѣрные, имъ и сибирскимъ царемъ возбуждаемые, грабятъ въ камскихъ предѣлахъ. Надлежало вдругъ дѣйствовать всѣми силами. Отрядили войско къ Камѣ; другое, подъ начальствомъ князей Өедора Мстиславскаго, Курлятева, Шуйскихъ, заняло берега Оки; третье плыло на судахъ Волгою къ Свіяжску. Ханъ не дерзнулъ вступить въ Россію; но бунтъ черемисскій продолжался до конца Іоанновой жизни съ остервенѣніемъ удивительнымъ: не имѣя ни силъ ни искусства для стройныхъ битвъ въ полѣ, сіи дикари свирѣпые, озлобленные, вѣроятно, жестокостію царскихъ чиновниковъ, рѣзались съ московскими воинами на пеплѣ жилищъ своихъ, въ лѣсахъ и въ вертепахъ, лѣтомъ и зимою; хотѣли независимости или смерти. Для стѣсненія мятежниковъ, воевода князь Туренинъ основалъ тогда крѣпость Козьмодемьянскъ.

Такимъ образомъ купивъ дорогою цѣною перемиріе съ Литвою, чтобы потоптать Швецію, но, вмѣсто успѣховъ важныхъ, имѣвъ стыдъ безмолвно уступить ей и города эстонскіе и самую древнюю собственность Россіи; снова опасаясь и Баторія и хана; наконецъ видя кровопролитный мятежъ въ восточныхъ предѣлахъ своей державы, Іоаннъ, какъ увѣряютъ, изъявлялъ наружное спокойствіе, по крайней мѣрѣ не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, жилъ въ Москвѣ, уже оставивъ злосчастную Александровскую слободу, гдѣ для его воображенія обитала кровавая тѣнь убитаго имъ сына; присутствовалъ въ

Думѣ боярской; угощалъ пословъ шаха персидскаго, султанова, бухарскихъ, хивинскихъ, находясь въ тѣсномъ дружествѣ съ преемникомъ Томасовымъ, Годабендомъ, какъ съ непріятелемъ опасной для насъ Оттоманской имперіи,—султану изъявляя учтивость, но ни слова не говоря ему ни о войнѣ ни о мирѣ, дозволяя только его купцамъ ѣздить въ Москву и на азіатскія парчи вымѣнивать соболей,—съ царями державъ каспійскихъ также имѣя единственно дѣла торговыя. Но всего любопытнѣе были тогда сношенія двора московскаго съ лондонскимъ.

Торговля англичанъ съ 1572 года снова цвѣла въ Россіи: они снова хвалились милостію царскою, вездѣ находили управу, защиту, вспоможеніе, къ досадѣ купцовъ нидерландскихъ и нѣмецкихъ, которые своими происками и навѣтами хотѣли вредить имъ въ мысляхъ Іоанновыхъ, не жалѣя денегъ въ Москвѣ, подкупая дьяковъ и царедворцевъ. Елизавета также невнимала представленіямъ державъ сѣверныхъ о вредѣ сей торговли для Европы, угрожаемой властолюбіемъ россіянъ, и свѣдавъ, что король датскій требуетъ пошлинъ съ англійскихъ мореходцевъ на пути ихъ къ берегамъ нашей Лапландіи, писала о томъ (въ 1581 году) къ Іоанну. „Знаю, отвѣтствовалъ царь,—что вѣроломный Фридерикъ датскій, желая лишить Россію сообщенія съ европейскими государствами, вступается нынѣ въ Колу и Печенгу, древнюю собственность моего отечества. Уничтожимъ его замыслы: очисти море и путь къ Двинѣ военными кораблями; а я велѣлъ ратнымъ своимъ дружинамъ занять пристани Сѣвернаго океана для охраненія твоихъ гостей отъ насилія датчанъ“. Но Фридерикъ, объявивъ требованія несправедливыя, замолчалъ, не думая воевать съ Россіею въ дикихъ пустыняхъ лапландскихъ и боясь оскорбить Англію, уже сильную флотами.

Одобряемый умомъ государственнымъ, искренній союзъ сихъ двухъ державъ основывался и на личномъ дружествѣ Іоанновомъ къ королевѣ, питаемомъ разсказами англійскихъ купцовъ въ Москвѣ о великихъ свойствахъ и дѣлахъ Елисаветы, объ ея красотѣ и любезности, о добромъ расположеніи и любви къ царю; писали даже, что онъ мыслилъ жениться на сей пятидесятилѣтней красавицѣ,—сказаніе, коего истина не подтверждается историческими современными свидѣтельствами; но Іоаннъ, въ шестой или въ седьмой разъ женатый, въ самый первый годъ сего несчастнаго брака, уже зная беременность Маріи, дѣйствительно искалъ себѣ знатной невѣсты въ Англіи, чтобы еще болѣе укрѣпить дружественную связь съ Елисаветою!.. Предложимъ обстоятельства дѣла, столь любопытнаго, съ нѣкоторою подробностію.

Приславъ въ Москву лейбъ-медика Роберта Якоби, королева (лѣтомъ въ 1581 году) писала къ царю: „Мужа искуснѣйшаго въ

цѣленіи болѣзней уступаю тебѣ, моему брату кровному, не для того, чтобы онъ былъ не нуженъ мнѣ, но для того, что тебѣ нуженъ. Можешь смѣло ввѣрить ему свое здоровье. Посылаю съ нимъ, въ угодность твою, аптекарей и цирульниковъ, волею и неволею, хотя мы сами имѣемъ недостатокъ въ такихъ людяхъ". Бесѣдуя съ Робертомъ, Іоаннъ спросилъ у него, есть ли въ Англіи невѣсты, вдовы или дѣвицы, достойныя руки вѣнценосца? „Знаю одну",—сказалъ медикъ: „Марію Гастингсъ, тридцатилѣнюю дочь владѣтельнаго князя, графа Гонтингдонскаго, племянницу королевину по матери". Вѣроятно, что Робертъ, угадавъ намѣреніе Іоанново, благопріятное для выгодъ Англіи, плѣнилъ его воображеніе описаніемъ необыкновенныхъ достоинствъ невѣсты. По крайней мѣрѣ царь немедленно отправилъ дворянина Писемскаго въ Лондонъ съ слѣдующимъ наставленіемъ: „1) Условиться о тѣсномъ государственномъ союзѣ между Англіею и Россіею. 2) Быть наединѣ у королевы и за тайну открыть ей мысль государеву въ разсужденіи женитьбы, если Марія Гастингсъ имѣетъ качества, нужныя для царской невѣсты, для чего требовать свиданія съ нею и живописнаго образа ея (на доскѣ или бумагѣ). 3) Замѣтить, высока ли она, дородна ли, бѣла ли и какихъ лѣтъ? 4) Узнать сродство ея съ королевою и санъ отца; имѣетъ ли братьевъ, сестеръ? Развѣдать о ней все, что можно. Буде королева скажетъ, что у государя есть супруга, то отвѣтсвовать: правда; но она не царевна, не княжна владѣтельная, не угодна ему и будетъ оставлена для племянницы королевиной. 5) Объявить, что Марія должна принять вѣру греческую, равно какъ и люди ея, которые захотятъ жить при дворѣ московскомъ; что наслѣдникомъ государства будетъ царевичъ Ѳедоръ, а сыновьямъ княжны дадутся особенныя частныя владѣнія или удѣлы, какъ издревле водилось въ Россіи; что сіи условія непремѣнны, и что въ случаѣ королевина несогласія тебѣ велѣно требовать отпуска". — 11-го августа (1582 года) отплывъ изъ Холмогоръ, Писемскій вышелъ на берегъ Англіи 16 сентября въ то время, когда заразительная болѣзнь, свирѣпствуя въ Лондонѣ, принудила Елисавету удалиться въ Виндзоръ и жить уединенно. Посла возили изъ деревни въ деревню, угощали, знакомили съ Англіею, но не могли унять его жалобъ на скуку праздности въ теченіе шести или семи недѣль. Наконецъ, 4 ноября онъ съ дьякомъ своимъ Неудачею и толмачемъ Бекманомъ былъ представленъ королевѣ въ Виндзорскомъ замкѣ, среди многочисленнаго собранія вельможъ, пэровъ, сановниковъ двора и купцовъ Лондонскаго Россійскаго Общества. Елисавета встала, слыша имя Іоанново; ступила нѣсколько шаговъ впередъ; взявъ дары и письмо государево, сказала съ улыбкою, что не знаетъ русскаго языка; спрашивала о здравіи своего

друга; изъявила сожалѣніе о смерти царевича; была весела, привѣтлива, и на слова Писемскаго, что Іоаннъ любитъ королеву болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ вѣнценосцевъ, отвѣтствовала: „Люблю его не мѣнѣе и душевно желаю видѣть когда нибудь собственными глазами“. Она хотѣла знать, нравится ли послу Англія, и спокойно ли въ Россіи? Писемскій хвалилъ Англію, изобильную и многолюдную; увѣрялъ, что всѣ мятежи утихли въ Россіи; что преступники изъявили раскаяніе, а государь—милость.—Довольный пріемомъ, честію, ласкою, Писемскій не былъ доволенъ медленностію Елисаветы въ дѣлахъ; не хотѣлъ ни гулять, ни забавляться звѣриною ловлею, какъ ему предлагали, и говорилъ: „мы здѣсь за дѣломъ, а не за игрушками; мы послы, а не стрѣлки“. 18 декабря, въ селѣ Гриничѣ, онъ имѣлъ первое важное объясненіе съ министрами англійскими: сказалъ, что Баторій, союзникъ папы и цесаря, есть врагъ Россіи; что Іоаннъ, издавна жалуя англичанъ какъ своихъ людей, намѣренъ торжественнымъ договоромъ утвердить дружбу съ Елисаветою, дабы имѣть съ нею однихъ пріятелей и непріятелей, вмѣстѣ воевать и мириться; что королева можетъ ему содѣйствовать, если не оружіемъ, то деньгами; что онъ, не имѣя ничего завѣтнаго для Англіи изъ произведеній россійскихъ, требуетъ отъ нея снаряда огнестрѣльнаго, доспѣховъ, сѣры, нефти, мѣди, олова, свинца и всего нужнаго для войны. „Но развѣ война литовская не кончилась?“ спросили Елисаветины министры:—„папа хвалится примиреніемъ царя съ Баторіемъ“. Папа можетъ хвалиться, чѣмъ ему угодно, отвѣтствовалъ Іоанновъ сановникъ: государь нашъ знаетъ, кто ему другъ и недругъ. Министры изъявили согласіе королевы на всѣ предложенія царя и написали главныя статьи договора, именуя Іоанна братомъ и племянникомъ Елисаветинымъ, употребивъ выраженіе: „царь проситъ королеву“, и прибавивъ, что никакимъ иноземцамъ, кромѣ англичанъ, не торговать въ землѣ Двинской, въ Соловкахъ, на рѣкѣ Оби, Печорѣ, Мезени.—Писемскій сказалъ съ неудовольстіемъ: „Царь—братъ, а не племянникъ Елисаветинъ; царь объявляетъ волю свою, требуетъ, спрашиваетъ, а не проситъ, и никому не даетъ исключительнаго права торговли въ Россіи: пристани наши открыты для всѣхъ мореплавателей иноземныхъ“. Министры вычернили имя племянникъ, объяснивъ, что оно есть ласковое, не унизительное; вычернили и слово проситъ; доказывали, что англичане съ великими опасностями, трудами, издержками отыскавъ путь къ берегамъ сѣверной Россіи, могутъ по справедливости требовать исключительныхъ для себя выгодъ въ Двинской торговлѣ. Они жаловались также на пошлину новую, тягостную для ихъ купцовъ. Писемскій возразилъ, что сіи купцы долго свободные отъ всякой пошлины,

обогатились у насъ неслыханно и что государь уставилъ брать съ нихъ только легкую, половинную; что, имѣя жестокую войну съ Литвою, съ ханомъ и съ иными врагами, онъ въ 1581 году велѣлъ гостямъ англійскимъ внести въ московскую казну 1,000 рублей, а въ 1582 году 500 рублей, какъ и всѣмъ другимъ гостямъ, чужеземнымъ и нашимъ, обложеннымъ соразмѣрно ихъ богатству для воинскихъ издержекъ.—Симъ заключились государственные переговоры; началось сватовство.

18-го января Елисавета призвала нетерпѣливаго Писемскаго къ себѣ, осталась съ нимъ наединѣ и спросила о тайномъ дѣлѣ государевомъ, уже ей извѣстномъ по донесенію медика Роберта, слушала съ великимъ вниманіемъ; изъявила благодарность за желаніе Іоанна быть съ нею въ свойствѣ, но не думала, чтобы Марія Гастингсъ, отличаясь единственно нравственными достоинствами, могла полюбиться ему, извѣстному любителю красоты. „Къ тому же (примолвила Елисавета), она недавно была въ оспѣ: ни за что въ свѣтѣ не соглашусь, чтобы ты видѣлъ и живописецъ изобразилъ ее для Іоанна съ лицомъ краснымъ, съ глубокими рябинами“. Посолъ настоялъ: королева обѣщала, требуя времени, нужнаго для совершеннаго выздоровленія невѣсты. Далѣе, говорили объ условіяхъ брака. Дочь Генриха VIII, мужа шести женъ, не дивилась, что царь, имѣя супругу, ищетъ другой; но хотѣла заблаговременно, торжественнымъ договоромъ, утвердить права будущей царицы и дѣтей ея. Съ симъ отпустили свата, который нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ чести видѣть невѣсту.

Между тѣмъ супруга Іоаннова (19 октября) родила въ Москвѣ сына Уара-Димитрія, столь несчастнаго для себя и Россіи, невиннаго виновника долговременныхъ злодѣйствъ и бѣдствій! Но счастіе быть снова отцомъ не тронуло Іоаннова сердца: онъ все еще мыслилъ удалить мать Дмитріеву отъ своего ложа и жениться на Елисаветиной племянницѣ, ибо не далъ Писемскому никакихъ новыхъ повелѣній, такъ что сей усердный чиновникъ, слыша въ Лондонѣ о рожденіи царевича, не хотѣлъ тому вѣрить. „Злые люди,—говорилъ онъ министрамъ англійскимъ,—выдумали сію новость, чтобы препятствовать государеву сватовству, благословенному для вашего и моего отечества. Королева должна вѣрить единственно грамотѣ царя и мнѣ, послу его“. Наконецъ, 18 мая велѣли Писемскому быть въ саду у канцлера Томаса Бромлея, гдѣ хозяинъ и братъ невѣстинъ, графъ Гонтингдонскій, встрѣтили его и ввели въ красивую бесѣдку. Черезъ нѣсколько минутъ явилась и Марія съ женою канцлера, съ графинею Гонтингдонскою, со многими знатными англичанками. „Вотъ она,—сказалъ Бромлей послу:—гляди, разсматривай на досугѣ. Коро-

левѣ угодно, чтобы ты видѣлъ ее не въ темномъ мѣстѣ, не въ комнатахъ, а на чистомъ воздухѣ". Невѣста поклонилась и стала неподвижно предъ своимъ, для женскаго самолюбія опаснымъ цѣнителемъ, который, усердствуя оправдать важную къ нему довѣренность Іоаннову, устремилъ любопытный, проницательный взоръ на скромную англичанку, чтобы все видѣть, ничего не забыть, впечатлѣть образъ ея въ память и передать государю безъ ошибки. Сказавъ: довольно, онъ гулялъ съ невѣстою въ аллеяхъ сада, расходился, встрѣчался съ нею, еще смотрѣлъ—и написалъ въ донесеніи къ царю: «Марія Гастингсъ ростомъ высока, стройна, тонка, лицомъ бѣла; глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ долгіе". О красотѣ, о пріятности ни слова; но Елисавета, какъ бы неохотно выставивъ племянницу напоказъ, уже любопытствовала знать мнѣніе Писемскаго; говорила, что Марія ему, конечно, не нравится; что изображеніе лица ея, съ нимъ посылаемое и нимало не украшенное художникомъ, безъ сомнѣнія, также не плѣнитъ разборчиваго Іоанна. Сватъ увѣрялъ Елисавету въ противномъ—и, казалось, угодилъ ей своими хвалами. Слѣдственно она желала сего брака; желала и невѣста, какъ пишутъ, но скоро перемѣнила мысли, устрашенная разсказами о свирѣпости жениха вѣнценоснаго, и безъ труда убѣдила королеву избавить ее отъ сей чести.

Угостивъ посла великолѣпнымъ обѣдомъ въ Гриничѣ, Елисавета дала ему два письма къ Іоанну: въ одномъ благодарила его за предложеніе союза, въ другомъ за намѣреніе посѣтить Англію (какъ она слышала), не въ случаѣ какой-либо опасности, мятежа, бѣдствія, но только для свиданья и личнаго знакомства съ нѣжною сестрою, готовою доказать ему, что ея земля есть для него вторая Россія.—Съ Писемскимъ отправился въ Москву посолъ англійскій Іеронимъ Баусъ для рѣшительнаго окончанія всѣхъ дѣлъ, государственныхъ и тайныхъ, какъ объявила Елисавета.

Іоаннъ былъ доволенъ: принялъ Бауса (24 октября 1583 года) весьма милостиво; съ живѣйшимъ участіемъ разспрашивалъ о Елисаветѣ и велѣлъ боярину Никитѣ Романовичу Юрьеву, Богдану Яковлевичу Бѣльскому, дьяку Андрею Щелкалову условиться съ нимъ о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею, чтобы, заключивъ его, немедленно приступить къ тайному дѣлу о сватовствѣ. То и другое казалось царю уже легкимъ, несомнительнымъ по донесеніямъ Писемскаго; но царь ошибся; ошиблась, можетъ быть, и Елисавета, избравъ Бауса для утвержденія пріязни съ Іоанномъ,—человѣка неуклоннаго, грубаго, который въ первомъ словѣ объявилъ рѣшительно, что не можетъ перемѣнить ни буквы въ статьяхъ, врученныхъ англійскими министрами нашему послу въ Лондонѣ; что Елисавета готова мирить царя съ кѣмъ

ему угодно, а не воевать съ нашими врагами, ибо щадитъ кровь людей, ввѣренныхъ ей Богомъ, что Англія въ пріязни съ Литвою, Швеціею и Даніею. „Если главные враги мои,—сказалъ Іоаннъ,— „друзья королевѣ, то могу ли быть ей союзникомъ? Елисавета должна или склонить Баторія къ истинному миру съ Россіею (заставивъ его возвратить мнѣ Ливонію и Полоцкую область), или вмѣстѣ со мною наступить на Литву“. Баусъ отвѣтствовалъ съ жаромъ: „королева признала бы меня безумнымъ, если бы я заключилъ такой договоръ“. Онъ требовалъ неотмѣнно, чтобы одни англичане входили въ наши сѣверныя гавани, какъ было прежде; но бояре изъяснили ему, что прежде мы имѣли для общей европейской мѣны гавань балтійскую, Нарву, отнятую у насъ шведами; что купцы нѣмецкіе, нидерландскіе, французскіе торгуютъ съ Россіею уже единственно въ сѣверныхъ пристаняхъ, откуда ихъ нельзя выгнать въ угодность Елисаветѣ; что святѣйшій законъ для государствъ есть народная польза; что мы находимъ ее въ свободной торговлѣ со всѣми европейцами и не можемъ дать на себя кабалы англичанамъ, гостямъ, а не повелителямъ въ Россіи; что они не стыдятся обмановъ въ дѣлахъ купеческихъ и привозятъ къ намъ гнилыя сукна; что нѣкоторые изъ нихъ сносились тайно съ непріятелями царя, съ королями шведскимъ и датскимъ, усердствовали, помогали имъ, писали изъ Москвы въ Англію худое о нашемъ государствѣ, именуя россіянъ невѣждами, глупцами; что Іоаннъ единственно для королевы предалъ забвенію такія вины, что она, безъ сомнѣнія, не вздумаетъ указывать вѣнценосцу, коему не указываютъ ни императоры, ни султаны, ни короли знаменитѣйшіе. Тутъ посолъ съ досадою возразилъ, что нѣтъ вѣнценосцевъ знаменитѣе Елисаветы; что она не менѣе императора, коего отецъ ея нанималъ воевать съ Франціею, не менѣе и царя. За сіе слово, какъ пишетъ Баусъ, Іоаннъ съ гнѣвомъ выслалъ его изъ дворца, но скоро одумался и, хваля усердіе посла къ королевиной чести, примолвилъ: „Дай Богъ, чтобъ у меня самого былъ такой вѣрный слуга!“ Въ знакъ особеннаго снисхожденія государь соглашался, чтобы одни англичане входили въ пристань Корельскую, Варгузскую, Мезенскую, Печенгскую и Шумскую, оставляя Пудожерскую и Кольскую для иныхъ гостей. Баусъ твердилъ: „мы не хотимъ совмѣстниковъ!“ Думая, что вельможи царскіе, въ особенности государственный дьякъ Андрей Щелкаловъ, подкуплены нидерландскими купцами, онъ требовалъ сношеній съ царемъ: Іоаннъ призывалъ—и всегда съ неудовольствіемъ отсылалъ его какъ упрямаго, непреклоннаго.

Надѣясь по крайней мѣрѣ кончить съ нимъ дѣло о сватовствѣ, государь велѣлъ ему быть у себя (декабря 13) тайно, безъ меча

и кинжала. Всѣ царедворцы вышли изъ комнаты; остались только бояре князь Ѳедоръ Трубецкой, Никита Романовичъ Юрьевъ, Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, Бѣльскій и думные дворяне: Татищевъ, Черемисиновъ, Воейковъ; они сидѣли далѣе отъ царя, а дьяки (Щелкаловъ, Фроловъ, Стрѣшневъ) стояли у печи. Давъ знакъ рукою, чтобы Баусъ съ толмачомъ своимъ, Юрьевъ, Бѣльскій, Андрей Щелкаловъ къ нему приблизились, Іоаннъ разсказалъ всю исторію англійскаго сватовства, все слышанное имъ отъ медика Роберта и Писемскаго, изъявилъ добрую волю жениться на Маріи Гастингсъ; хотѣлъ знать, желаетъ ли королева сего брака, и согласна ли, чтобы невѣста приняла нашу вѣру? Баусъ отвѣтствовалъ, что христіанство вездѣ одно, что Марія едва ли рѣшится перемѣнить законъ; что она слабаго здоровья и нехороша лицомъ; что у королевы есть другія ближайшія и прелестнѣйшія свойственницы, хотя онъ, безъ ея вѣдома, и не смѣетъ назвать ихъ; что царь можетъ свататься за любую... „Съ чѣмъ же ты пріѣхалъ?—спросилъ Іоаннъ: — съ отказомъ? съ пустословіемъ? съ неумѣренными требованіями, на которыя мой посолъ уже отвѣтствовалъ въ Лондонѣ министрамъ Елисаветинымъ? съ предложеніемъ новаго, безыменнаго, слѣдственно невозможнаго сватовства?“ Назвавъ его посломъ неученымъ, безтолковымъ, сказавъ: „не прошу Елисаветы быть судіею между Баторіемъ и мною, а хочу только союза Англіи“, Іоаннъ велѣлъ Баусу готовиться къ отъѣзду. Тутъ, жалѣя о худомъ успѣхѣ своего дѣла, посолъ началъ извиняться незнаніемъ русскихъ обыкновеній; убѣждалъ государя снова объясниться съ Елисаветою; увѣрялъ, что она радуется мыслью о кровномъ союзѣ съ такимъ великимъ царемъ, доставитъ ему изображенія десяти или болѣе знатныхъ, прелестныхъ дѣвицъ лондонскихъ и можетъ, не взирая на свое миролюбіе, усердно помогать намъ въ войнахъ людьми или деньгами, если Іоаннъ возвратитъ англійскимъ купцамъ всѣ ихъ старыя, исключительныя права въ двинской торговлѣ. Еще надежда быть супругомъ любезной англичанки плѣняла Іоанна; высоко цѣня и дружбу Елисаветы, онъ рѣшилъ отправить новое посольство въ Лондонъ, и хотя лично досадовалъ на Бауса, однакожъ, свѣдавъ его жалобу на приставовъ, велѣлъ наказать ихъ, даже безъ изслѣдованія, чтобы сей человѣкъ корыстолюбивый, сварливый по свидѣтельству нашихъ министерскихъ бумагъ, не выѣхалъ съ злобою изъ Россіи. Но Баусъ не успѣлъ выѣхать, ни государь назначить посла въ Лондонъ!..

Приступаемъ къ описанію часа торжественнаго, великаго!.. Мы видѣли жизнь Іоаннову, увидимъ конецъ ея, равно удивительный, желанный для человѣчества, но страшный для воображенія,

ибо тиранъ умеръ какъ жилъ—губя людей, хотя въ современныхъ преданіяхъ и не именуются его послѣднія жертвы. Можно ли вѣрить безсмертію и не ужаснуться такой смерти? Сей грозный часъ, давно предсказанный Іоанну, и совѣстію и невинными мучениками, тихо близился къ нему, еще не достигшему глубокой старости, еще бодрому въ духѣ, пылкому въ вожделѣніяхъ сердца. Крѣпкій сложеніемъ, Іоаннъ надѣялся на долголѣтіе; но какая тѣлесная крѣпость можетъ устоять противъ свирѣпаго волненія страстей, обуревающихъ мрачную жизнь тирана? Всегдашній трепетъ гнѣва и боязни, угрызеніе совѣсти безъ раскаянія, гнусные восторги сластолюбія мерзостнаго, мука стыда, злоба безсильная въ неудачахъ оружія, наконецъ адская казнь сыноубійства истощили мѣру силъ Іоанновыхъ; онъ чувствовалъ иногда болѣзненную томность, предтечу удара и разрушенія, но боролся съ нею и не слабѣлъ замѣтно до зимы 1584 года. Въ сіе время явилась комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ между церковію Іоанна Великаго и Благовѣщенія. Любопытный царь вышелъ на Красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружающимъ: вотъ знаменіе моей смерти! Тревожимый сею мыслію, онъ искалъ, какъ пишутъ, астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ въ Россіи и въ Лапландіи, собралъ ихъ до шестидесяти, отвелъ имъ домъ въ Москвѣ, ежедневно посылалъ любимца своего, Бѣльскаго, толковать съ ними о кометѣ и скоро занемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить, а тѣло пухнуть. Увѣряютъ, что астрологи предсказали ему неминуемую смерть черезъ нѣсколько дней, именно 18 марта, но что Іоаннъ велѣлъ имъ молчать съ угрозою сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, если будутъ нескромны. Въ теченіе февраля мѣсяца онъ еще занимался дѣлами; но 10 марта велѣно было остановить посла Литовскаго на пути въ Москву ради недуга государева. Еще самъ Іоаннъ далъ сей приказъ; еще надѣялся на выздоровленіе, однакожъ созвалъ бояръ и велѣлъ писать завѣщаніе; объявилъ царевича Θеодора наслѣдникомъ престола и монархомъ; избралъ знаменитыхъ мужей, князя Ивана Петровича Шуйскаго (славнаго защитника Пскова), Ивана Θедоровича Мстиславскаго (сына родной племянницы великаго князя Василія), Никиту Романовича Юрьева (брата первой царицы, добродѣтельной Анастасіи), Бориса Годунова и Бѣльскаго въ совѣтники и блюстители державы, да облегчаютъ юному Θеодору (слабому тѣломъ и душою) бремя заботъ государственныхъ; младенцу Димитрію съ матерью назначилъ въ удѣлъ городъ Угличъ и ввѣрилъ его воспитаніе одному Бѣльскому; изъявилъ благодарность всѣмъ боярамъ и воеводамъ: называлъ ихъ своими друзьями и сподвижниками въ завоеваніи царствъ невѣрныхъ, въ побѣдахъ, одержанныхъ надъ

ливонскими рыцарями, надъ ханомъ и султаномъ; убѣждалъ Θеодора царствовать благочестиво, съ любовію и милостію; совѣтовалъ ему и пяти главнымъ вельможамъ удаляться отъ войны съ христіанскими державами; говорилъ о несчастныхъ слѣдствіяхъ войны литовской и шведской; жалѣлъ объ истощеніи Россіи; предписалъ уменьшить налоги, освободить всѣхъ узниковъ, даже плѣнниковъ литовскихъ и нѣмецкихъ. Казалось, что онъ, готовясь оставить тронъ и свѣтъ, хотѣлъ примириться съ совѣстію, съ человѣчествомъ, съ Богомъ—отрезвился душою, бывъ дотолѣ въ упоеніи зла, и желалъ спасти юнаго сына отъ своихъ гибельныхъ заблужденій; казалось, что лучъ святой истины въ преддверіи могилы освѣтилъ наконецъ сіе мрачное, хладное сердце; что раскаяніе и въ немъ подѣйствовало, когда ангелъ смерти невидимо предсталъ ему съ вѣстію о вѣчности...

Но въ то время, когда безмолвствовалъ дворъ въ печали (ибо о всякомъ умирающемъ вѣнценосцѣ искренно и лицемѣрно дворъ печалится); когда любовь христіанская умиляла сердца народа; когда, забывъ свирѣпость Іоаннову, граждане столицы молились въ храмахъ о выздоровленіи царя; когда молились о немъ самыя опальныя семейства, вдовы и сироты людей, невинно избіенныхъ, что дѣлалъ онъ, касаясь гроба? въ минуты облегченія приказывалъ носить себя на креслахъ въ палату, гдѣ лежали его сокровища дивныя; разсматривалъ каменья драгоцѣнные и 15-го марта показывалъ ихъ съ удовольствіемъ англичанину Горсею, ученымъ языкомъ знатока описывая достоинство алмазовъ и яхонтовъ!.. Вѣрить ли еще сказанію ужаснѣйшему? Невѣстка, супруга Θеодорова, пришла къ болящему съ нѣжными утѣшеніями и бѣжала съ омерзѣніемъ отъ его любострастнаго безстыдства!.. Каялся ли грѣшникъ? думалъ ли о близкомъ грозномъ судѣ Всевышняго?

Уже силы недужнаго исчезли; мысли омрачились: лежа на одрѣ въ безпамятствѣ, Іоаннъ громко звалъ къ себѣ убитаго сына, видѣлъ его въ воображеніи, говорилъ съ нимъ ласково... 17-го марта ему стало лучше отъ дѣйствія теплой ванны, такъ что онъ велѣлъ послу литовскому немедленно ѣхать изъ Можайска, въ столицу, и на другой день (если вѣрить Горсею) сказалъ Бѣльскому: „Объяви казнь лжецамъ астрологамъ: нынѣ, по ихъ баснямъ, мнѣ должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрѣе". Но день еще не миновалъ, отвѣтствовали ему астрологи. Для больного снова изготовили ванну: онъ пробылъ въ ней около трехъ часовъ, легъ на кровать, всталъ, спросилъ шахматную доску и, сидя въ халатѣ на постелѣ, самъ разставилъ шашки; хотѣлъ играть съ Бѣльскимъ... вдругъ упалъ и закрылъ глаза навѣки, между тѣмъ какъ врачи его терли крѣпительными жидкостями, а митрополитъ—исполняя, вѣроятно, давно извѣстную волю Іоан-

нову—читалъ молитвы постриженія надъ издыхающимъ, названнымъ въ монашествѣ Іоною... Въ сіи минуты царствовала глубокая тишина во дворцѣ и въ столицѣ: ждали, что будетъ, не дерзая спрашивать. Іоаннъ лежалъ уже мертвый, но еще страшный для предстоящихъ царедворцевъ, которые долго не вѣрили глазамъ своимъ и не объявляли его смерти. Когда же рѣшительное слово: „не стало государя!“ раздалося въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно... оттого ли, какъ пишутъ, что зналъ слабость Ѳеодорову и боялся худыхъ ея слѣдствій для государства, или платя христіанскій долгъ жалости усопшему монарху, хотя и жестокому?.. На третій день совершилось погребеніе великолѣпное въ храмѣ св. Михаила Архангела; текли слезы; на лицахъ изображалась горесть, и земля тихо приняла въ свои нѣдра трупъ Іоанновъ! Безмолвствовалъ судъ человѣческій предъ Божественнымъ—и для современниковъ опустилась на театръ завѣса: память и гробы остались для потомства!

Между иными тяжкими опытами судьбы, сверхъ бѣдствій удѣльной системы, сверхъ ига монголовъ Россія должна была испытать и грозу самодержца-мучителя: устояла съ любовію къ самодержавію, ибо вѣрила, что Богъ посылаетъ и язву, и землетресеніе, и тирановъ; не преломила желѣзнаго скипетра въ рукахъ Іоанновыхъ, и двадцать четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы въ лучшія времена имѣть Петра Великаго, Екатерину Вторую (исторія не любитъ именовать живыхъ). Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умирали на лобномъ мѣстѣ, какъ греки въ Ѳермопилахъ, за отечество, за вѣру и вѣрность, не имѣя и мысли о бунтѣ. Напрасно нѣкоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Іоаннову, писали о заговорахъ, будто бы уничтоженныхъ ею: сіи заговоры существовали единственно въ смутномъ умѣ царя, по всѣмъ свидѣтельствамъ нашихъ лѣтописей и бумагъ государственныхъ. Духовенство, бояре, граждане знаменитые не вызвали бы звѣря изъ вертепа слободы Александровской, если бы замышляли измѣну, взводимую на нихъ столь же нелѣпо, какъ и чародѣйство. Нѣтъ, тигръ упивался кровію агнцевъ—и жертвы, издыхая въ невинности, послѣднимъ взоромъ на бѣдственную землю, требовали справедливости, умилительнаго воспоминанія отъ современниковъ и потомства!

Несмотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна, героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть для ума загадка, и мы усомнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ; если бы Калигула, образецъ государей и

чудовище, если бы Неронъ, питомецъ мудраго Сенеки, предметъ любви, предметъ омерзѣнія, не царствовали въ Римѣ. Они были язычники; но Людовихъ XI былъ христіанинъ, не уступая Іоанну ни въ свирѣпости ни въ наружномъ благочестіи, коимъ они хотѣли загладить свои беззаконія: оба набожные отъ страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно азіатскимъ и римскимъ мучителямъ, изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка, сіи ужасные метеоры, сіи блудящіе огни страстей необузданныхъ озаряютъ для насъ, въ пространствѣ вѣковъ, бездну возможнаго человѣческаго разврата, да видя содрагаемся! Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества, но его исторія всегда полезна для государей и народовъ: вселять омерзеніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели—и слава времени, когда вооруженный истиною дѣеписатель можетъ, въ правленіи самодержавномъ, выставить на позоръ такого властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ! Могилы безчувственны; но живые страшатся вѣчнаго проклятія въ исторіи, которая, не исправляя злодѣевъ, предупреждаетъ иногда злодѣйства, всегда возможныя, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣки гражданскаго образованія, веля ему безмолвствовать или рабскимъ гласомъ оправдывать свои изступленія.

Такъ Іоаннъ имѣлъ разумъ превосходный, не чуждый образованія и свѣдѣній, соединенный съ необыкновеннымъ даромъ слова, чтобы безстыдно раболѣпствовать гнуснѣйшимъ похотямъ. Имѣя рѣдкую память, зналъ наизусть Библію, исторію греческую, римскую, нашего отечества, чтобы нелѣпо толковать ихъ въ пользу тиранства; хвалился твердостію и властію надъ собою, умѣя громко смѣяться въ часы страха и безпокойства внутренняго; хвалился милостію и щедростію, обогащая любимцевъ достояніемъ опальныхъ бояръ и гражданъ; хвалился правосудіемъ, карая вмѣстѣ, съ равнымъ удовольствіемъ, и заслуги и преступленія; хвалился духомъ царскимъ, соблюденіемъ державной чести, велѣвъ изрубить присланнаго изъ Персіи въ Москву слона, не хотѣвшаго стать передъ нимъ на колѣна, и жестоко наказывая бѣдныхъ царедворцевъ которые смѣли играть лучше державнаго въ шашки или въ карты; хвалился наконецъ глубокою мудростію государственною, по системѣ, по эпохамъ, съ какимъ-то хладнокровнымъ размѣромъ истребляя знаменитые роды, будто бы опасные для царской власти—возводя на ихъ степень роды новые, подлые и губительною рукою касаясь самыхъ будущихъ временъ, ибо туча доносителей, клеветниковъ, кромѣшниковъ, ими образованныхъ, какъ туча гладоносныхъ насѣкомыхъ, исчезнувъ, оставила злое сѣмя въ народѣ; и если иго Батыево унизило духъ россіянъ, то, безъ сомнѣнія, не возвысило его и царствованіе Іоанново.

Но отдадимъ справедливость и тирану: Іоаннъ въ самыхъ крайностяхъ зла является какъ бы призракомъ великаго монарха, ревностный, неутомимый, часто проницательный въ государственной дѣятельности; хотя, любивъ всегда ровнять себя въ доблести съ Алаксандромъ Македонскимъ, не имѣлъ ни тѣни мужества въ душѣ, но остался завоевателемъ; въ политикѣ внѣшней неуклонно слѣдовалъ великимъ намѣреніямъ своего дѣда; любилъ правду въ судахъ, самъ нерѣдко разбиралъ тяжбы, выслушивалъ жалобы, читалъ всякую бумагу, рѣшалъ немедленно; казнилъ утѣснителей народа, сановниковъ безсовѣстныхъ, лихоимцевъ, тѣлесно и стыдомъ (рядилъ ихъ въ великолѣпную одежду, сажалъ на колесницу и приказывалъ живодерамъ возить изъ улицы въ улицу); не терпѣлъ гнуснаго пьянства (только на Святой недѣлѣ и въ Рождество Христово дозволялось народу веселиться въ кабакахъ; пьяныхъ во всякое другое время отсылали въ темницу). Не любя смѣлой укоризны, Іоаннъ не любилъ иногда и грубой лести: представимъ доказательство. Воеводы, Князь Іосифъ Щербатый и Юрій Борятинскій, выкупленные царемъ изъ литовскаго плѣна, удостоились его милости, даровъ и чести съ нимъ обѣдать. Онъ разспрашивалъ ихъ о Литвѣ: Щербатый говорилъ истину; Борятинскій лгалъ безсовѣстно, увѣряя, что король не имѣетъ ни войска ни крѣпостей и трепещетъ Іоаннова имени. „Бѣдный король!—сказалъ тихо царь, кивая головою:—какъ ты мнѣ жалокъ!“ и вдругъ, схвативъ посохъ, изломалъ его въ мелкія щепы о Борятинскаго, приговаривая: „вотъ тебѣ, безстыдному, за грубую ложь!“ Іоаннъ славился благоразумною терпимостію вѣръ (за исключеніемъ одной іудейской); хотя, дозволивъ лютеранамъ и кальвинистамъ имѣть въ Москвѣ церковь, лѣтъ черезъ пять велѣлъ сжечь ту и другую (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствіи народа?), однакожъ не мѣшалъ имъ собираться для богослуженія въ домахъ у пасторовъ; любилъ спорить съ учеными нѣмцами о законѣ и сносилъ противорѣчія. Такъ (въ 1570 году) имѣлъ онъ въ кремлевскомъ дворцѣ торжественное преніе съ лютеранскимъ богословомъ Роцитою, уличая его въ ереси. Роцита сидѣлъ передъ нимъ на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ богатыми коврами; говорилъ смѣло, оправдывалъ догматы аугсбургскаго исповѣданія удостоился знаковъ царскаго благоволѣнія и написалъ книгу о сей любопытной бесѣдѣ. Нѣмецкій проповѣдникъ Каспаръ, желая угодить Іоанну, въ Москвѣ по обрядамъ нашей церкви и вмѣстѣ съ нимъ, къ досадѣ своихъ единоземцевъ, шутилъ надъ Лютеромъ; но никто изъ нихъ не жаловался на притѣсненіе. Они жили спокойно въ Москвѣ, въ новой Нѣмецкой Слободѣ, на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художествами. Іоаннъ изъявилъ уваженіе къ искус-

ствамъ и наукамъ, лаская иноземцевъ просвѣщенныхъ: не основалъ академій, но способствовалъ народному образованію размноженіемъ школъ церковныхъ, гдѣ и миряне учились грамотѣ, закону, даже исторіи, особенно готовились быть людьми приказными, къ стыду бояръ, которые еще не всѣ умѣли тогда писать. Наконецъ, Іоаннъ знаменитъ въ исторіи какъ законодавецъ и государственный образователь.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинно великій Іоаннъ III, издавъ Гражданское Уложеніе, устроилъ и разныя правительства для лучшаго дѣйствія самодержавной власти: кромѣ древней Боярской Думы, въ дѣлахъ сего времени упоминается о казенномъ дворѣ, о приказахъ; но болѣе ничего не знаемъ, имѣя уже ясныя, достовѣрныя извѣстія о многихъ расправахъ и судебныхъ мѣстахъ, которыя существовали въ Москвѣ при Іоаннѣ IV. Главные приказы, или чети, именовались: посольскимъ, разряднымъ, помѣстнымъ, казанскимъ: первый особенно вѣдалъ дѣла внѣшнія или дипломатическія, второй воинскія, третій земли, розданныя чиновникамъ и дѣтямъ боярскимъ за ихъ службу, четвертый дѣла царства Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ волжскихъ; первые три приказа, сверхъ означенныхъ должностей, также занимались и расправою областныхъ городовъ,— смѣшеніе странное! Жалобы, тяжбы, слѣдствія поступали въ чети изъ областей, гдѣ судили и рядили намѣстники съ своими тіунами и старостами, коимъ помогали сотскіе и десятскіе въ уѣздахъ изъ чети же, гдѣ засѣдали знаменитѣйшіе государственные сановники, всякое важное дѣло уголовное, самое гражданское, шло въ Боярскую Думу, такъ что безъ царскаго утвержденія никого не казнили, никого не лишали состоянія. Только намѣстники смоленскіе, псковскіе, новгородскіе и казанскіе, почти ежегодно смѣняемые, могли, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, наказывать преступниковъ. Новые законы, учрежденія, налоги объявлялись всегда черезъ приказы. Собственность или вотчина царская, въ коей заключались многіе города, имѣла свою расправу. Сверхъ того именуются еще избы (или приказы): стрѣлецкая, ямская, дворцовая, казенная, разбойная, земскій дворъ или московская управа, большой приходъ, или государственное казначейство, бронный или оружейный приказъ, житный или запасный и холопій судъ, гдѣ рѣшались тяжбы о крѣпостныхъ людяхъ. Какъ въ сихъ, такъ и въ областныхъ правительствахъ или судахъ главными дѣйствователями были дьяки-грамотеи, употребляемые и въ дѣлахъ посольскихъ, ратныхъ, въ осадахъ, для письма и для совѣта, къ зависти и неудовольствію дворянства воинскаго. Умѣя не только читать и писать лучше другихъ, но зная твердо и законы, преданія, обряды, дьяки или приказные люди составляли особенный

родъ слугъ гусударственныхъ, степенью ниже дворянъ и выше жильцовъ или нарочитыхъ дѣтей боярскихъ, гостей или купцовъ именитыхъ; а дьяки думные уступали въ достоинствѣ только совѣтникамъ государственнымъ: боярамъ, окольничьимъ и новымъ думнымъ дворянамъ, учрежденнымъ Іоанномъ въ 1572 году, для введенія въ Думу сановниковъ отличныхъ умомъ, хотя и не знатныхъ родомъ, ибо, несмотря на всѣ злоупотребленія власти неограниченной, онъ уважалъ иногда древніе обычаи: напримѣръ, не хотѣлъ дать боярства любимцу души своей, Малютѣ Скуратову, опасаясь унизить сей верховный санъ такимъ скорымъ возвышеніемъ человѣка худороднаго. Умноживъ число людей приказныхъ и давъ имъ болѣе важности въ государственномъ устройствѣ, Іоаннъ, какъ искусный властитель, образовалъ еще новыя степени знаменитости для дворянъ и князей, раздѣливъ первыхъ на двѣ статьи, на дворянъ сверстныхъ и младшихъ, а вторыхъ—на князей простыхъ и служилыхъ; къ числу же царедворцевъ прибавилъ стольниковъ, которые, служа за столомъ государевымъ, отправляли и воинскія должности, будучи сановитѣе дворянъ младшихъ. Мы писали о ратныхъ учрежденіяхъ сего дѣятельнаго царствованія. Своимъ малодушіемъ срамя наши знамена въ полѣ, Іоаннъ оставилъ Россіи войско, какого она не имѣла дотолѣ: лучше устроенное и многочисленнѣйшее прежняго; истребилъ воеводъ славнѣйшихъ, но не истребилъ доблести въ воинахъ, которые всего болѣе оказывали ее въ несчастіяхъ, такъ что безсмертный врагъ нашъ Баторій съ удивленіемъ разсказывалъ Поссевину, какъ они въ защитѣ городовъ не думаютъ о жизни: хладнокровно становятся на мѣста убитыхъ или взорванныхъ дѣйствіемъ подкопа и заграждаютъ проломы грудью; день и ночь сражаясь, ѣдятъ одинъ хлѣбъ; умираютъ отъ голода, но не сдаются, чтобы не измѣнить царю-государю; какъ самыя жены мужествуютъ съ ними, гася огонь или съ высоты стѣнъ пуская бревна и камни въ непріятелей. Въ полѣ же сіи вѣрные отечеству ратники отличались если не искусствомъ, то хотя чудеснымъ терпѣніемъ, снося морозы, вьюги и ненастье подъ легкими наметами и въ шалашахъ сквозящихъ. Въ древнѣйшихъ разрядахъ именовались единственно воеводы: въ разрядахъ сего времени именуются обыкновенно и головы, или частные предводители, которые вмѣстѣ съ первыми отвѣтствовали царю за всякое дѣло.

Іоаннъ, какъ мы сказали, дополнилъ въ Судебникѣ Гражданское Уложеніе своего дѣда, включивъ въ него новые законы, но не перемѣнивъ системы или духа старыхъ. Дѣдъ не велитъ судіямъ лихоимствовать: внукъ опредѣляетъ тяжкую денежную пеню за ихъ лихоимство и неправосудіе умышленное, оставляя только

неумышленное безъ наказанія: криводушныхъ дьяковъ сажали въ темницу, подъячихъ сѣкли кнутомъ. Обиженные намѣстникомъ должны были приносить жалобы до его смѣны; но клеветники наказывались тѣлесно, сверхъ денежнаго взысканія на безчестье. Судейскія и казенныя пошлины не были умножены, хотя цѣна монеты нѣсколько унизилась (въ 1557 году считалось въ рублѣ 16 шиллинговъ и 8 пенсовъ, въ 1582 году, около трехъ старыхъ польскихъ злотыхъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича марка, а въ началѣ XVII вѣка два рейхсталера и 10 денегъ). Тяжбы рѣшались, какъ и дотолѣ, свидѣтельствами, клятвою, поединкомъ, а между иноземцами и русскими жеребьемъ: чей вынимался въ судѣ, того объявляли правымъ. Дьякъ записывалъ дѣло, а старосты и цѣловальники прикладывали руки къ сей бумагѣ. Въ случаѣ мира, всегда желаемаго законодателемъ, судимые освобождались отъ пошлинъ. Кого винили въ воровствѣ, о томъ надлежало развѣдать у сосѣдей или сдѣлать обыскъ: человѣка, извѣстно худого, пытали и навсегда заключали въ темницу, если онъ не признавался въ винѣ; человѣка, объявленнаго добрымъ въ обыскѣ, судили по закону. Казни были прежнія: кнутъ за первое воровство, смерть за второе; смерть убійцѣ, измѣннику, предателю города, церковному и головному татю, зажигателю, разбойнику, подметчику, даже злому обманщику и ябеднику. Обговорамъ татя не вѣрили безъ свидѣтельства честныхъ гражданъ, пятнадцати или двадцати. Люди или чиновники намѣстниковъ не могли никого ни взять ни оковать безъ вѣдома старостъ и цѣловальниковъ. Здѣсь видимъ болѣе осторожности, болѣе уваженія къ человѣчеству, нежели въ законахъ Іоанна III.—Гражданскіе уставы Судебника также совершеннѣе и полнѣе, напримѣръ, въ немъ уже различаются имѣнія наслѣдственное и купленное: въ случаѣ продажи или залога оныхъ, родственники могли выкупать первое, въ теченіе сорока лѣтъ, если не подписались свидѣтелями въ крѣпости или въ закладной; доказавъ, что сіе имѣніе не стоитъ денегъ, означенныхъ въ крѣпости, они вносили за него только истинную цѣну. Достояніе благопріобрѣтенное не выкупалось.—Письма заемныя не были дѣйствительны безъ печати боярской и надписи дьяка, за что собиралась пошлина. Въ денежныхъ искахъ надлежало всегда справляться съ государственными книгами, гдѣ означались имена, достатокъ гражданъ и платимая ими дань въ казну; одинъ списокъ сихъ книгъ хранился въ московскихъ приказахъ, другой у чиновниковъ областныхъ, у старостъ и цѣловальниковъ. Требованіе, превосходящее достатокъ отвѣтчика, вмѣнялось въ вину истцу.—Уважая права господъ въ отношеніи къ крѣпостнымъ людямъ или холопямъ, законодатель прибавилъ къ древнимъ уставамъ, что дѣти закабаленнаго слуги, рожден-

ныя до его холопства, суть вольные люди; что ключники и тіуны сельскіе, безъ особенной, докладной крѣпости, не рабы; что отецъ и мать, вступивъ въ монашество, лишаются права отдавать дѣтей своихъ въ крѣпость; что заимодавцы не могутъ кабалить должниковъ, обязанныхъ единственно платить имъ ростъ; а если кого-нибудь возьмутъ къ себѣ въ домъ для рабской услуги и если сей человѣкъ уйдетъ, даже обокравъ хозяина, то послѣднему нѣтъ суда, ни удовлетворенія; что дѣти боярскіе и потомство ихъ навѣки отчуждаются отъ рабскаго состоянія.—Утверждая силу отпускныхъ, царь велѣлъ давать ихъ единственно въ Москвѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, за печатію бояръ или намѣстниковъ, безъ чего онѣ, хотя бы и рукою господъ писанныя, не имѣли силы.—Въ законѣ о свободномъ переходѣ крестьянъ изъ села въ село сказано, что они, сверхъ пожилого за дворъ, платятъ еще владѣльцу за повозъ два алтына съ двора, и если оставили хлѣбъ въ землѣ, то, снявъ его, даютъ господину два же алтына; что имъ всегда дозволяется продавать себя въ крѣпость владѣльцамъ.—Согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, царь утвердилъ судъ святительскій: оставилъ епископамъ право судить іереевъ, діаконовъ, монаховъ и старыхъ вдовъ, которыя питаются отъ церкви Божіей; позволилъ нищимъ, а людямъ торговымъ запретилъ жить въ монастыряхъ.—Уставъ о куплѣ дополненъ слѣдующими статьями: 1) „Нельзя ничего купить на торгу или съ лавки безъ поруки; 2) всякая купленная лошадь должна быть въ тотъ же день заклеймена у царскихъ пятнальщиковъ и вписана въ ихъ книгу, сь платежомъ двухъ денегъ въ казну, для избѣжанія споровъ; преступникъ сего устава наказывается пенею не менѣе двухъ рублей".—Упомянемъ еще о новомъ законѣ касательно безчестья: оно платилось дѣтямъ боярскимъ соразмѣрно съ ихъ доходомъ или жалованьемъ, а дьякамъ дворцовымъ по по государеву назначенію; гостю или знатному купцу 50 рублей; людямъ торговымъ, посадскимъ, среднимъ и боярскимъ добрымъ слугамъ 5 рублей, а чернымъ людямъ и крестьянамъ рубль; женамъ же всегда вдвое противъ мужей, въ знакъ особеннаго уваженія къ чести слабаго пола.

Сказавъ въ концѣ Судебника, что законы его не касаются дѣлъ старыхъ и не отмѣняютъ рѣшеній прежнихъ, хотя еще и не исполненныхъ; что новые случаи могутъ встрѣтиться въ судахъ и произвести новые уставы, которые должны быть приписаны къ сему Гражданскому Уложенію, Іоаннъ отъ 1550 до 1580 года издалъ многіе дополнительные указы, важные по тогдашнимъ обстоятельствамъ государства: отмѣнивъ (въ 1556 году) судные платежи, вмѣсто ихъ опредѣливъ жалованье намѣстникамъ, положивъ общую дань на города и волости, велѣвъ разбирать уго-

ловныя дѣла судьямъ, избраннымъ гражданами и сельскими жителями, головамъ, старостамъ, сотскимъ онъ запретилъ судебные поединки во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было рѣшить дѣло свидѣтельствами или крестнымъ цѣлованіемъ, то-есть уничтожилъ навѣки сіе древнее обыкновеніе временъ рыцарства и невѣжества; уставилъ наказывать лжесвидѣтелей кнутомъ и тяжкою денежною пенею; прибавилъ слѣдующія статьи къ законамъ: 1) „Если въ обыскѣ люди говорятъ разно, одни за истца, другіе за отвѣтчика. то вѣрить большинству голосовъ, пятидесяти или шестидесяти; если число голосовъ на обѣихъ сторонахъ равное, то сдѣлать новый обыскъ: призвать людей изъ иныхъ ближнихъ селеній, дабы узнать истину. Свидѣтельство пяти или шести человѣкъ, мало извѣстныхъ, недостаточно для обвиненія; но слово боярина, дьяка и приказнаго всегда уважается какъ достовѣрное. Если истецъ и отвѣтчикъ шлются на одного человѣка, то онъ рѣшитъ тяжбу. За ложное свидѣтельство боярскихъ и дворянскихъ людей подвергается ихъ господинъ царскому гнѣву; но если самъ господинъ объявитъ царю о лжи ихъ, то невиненъ. Главное дѣло старостъ есть предупреждать обманы и заговоры въ мірскихъ показаніяхъ; въ случаѣ небреженія, криводушія, пристрастія сихъ избранныхъ чиновниковъ, имъ казнь безъ милосердія. 2) Если господинъ будетъ искать сносовъ на вольномъ человѣкѣ, который, служивъ ему безъ крѣпости, оставилъ его или даже тайно ушелъ изъ дому, то не давать суда господину, ибо онъ можетъ съ досады всклепать на слугу невиннаго, коего держалъ безъ кабалы, негласно для закона и неосторожно. 3) Холопъ, освобожденный уже, не долженъ служить старому господину, или его отпускная уничтожается. 4) Если господинъ присвоиваетъ себѣ кого въ рабы, а сей человѣкъ доказываетъ свою вольность и, будучи отданъ на поруку, уйдетъ, то ручатель платитъ истцу за бѣглаго четыре рубли, кромѣ всякаго иного иска. 5) Кто сочинитъ подложную крѣпость на вольнаго человѣка, тому смертная казнь. 6) Плѣнникъ можетъ быть рабомъ, но смертію господина освобождаются; а дѣти его всегда свободны, если онъ не женится на рабѣ или не дастъ на себя крѣпости. Крещеные иноземцы могутъ идти въ кабалу, но только съ вѣдома казначея государева, и если они не въ царской службѣ. 7) Для взысканія ста рублей долгу назначается мѣсяцъ сроку, а съ человѣка служиваго два мѣсяца, послѣ чего должникъ неисправный выдается головою истцу до выкупа, но не въ вѣчное рабство". Сіе взысканіе долговъ, называемое правежемъ, дѣлалось такимъ образомъ: приставъ выводилъ должника разутаго на улицу, къ дверямъ судной избы, и сѣкъ его въ часы засѣданія по голой ногѣ прутомъ, иногда для вида, иногда больно, до самаго того време-

ни, какъ судьи уѣзжали домой—обыкновеніе азіатское, отмѣненное Петромъ Великимъ.—8) „Съ людей служивыхъ взыскивать старые долги въ теченіе пяти лѣтъ (отъ 1558 до 1563), безъ лихвы, а новые съ половинными ростами или 10 на 100, ибо государь отмѣняетъ навсегда старую тягостную лихву (20 на 100). 9) Взысканіе по ряднымъ грамотамъ должно быть для всѣхъ непремѣнное и точное, но безъ ростовъ. 10) Кто не выкупитъ ручного заклада, того надобно извѣстить, что срокъ минулъ, и назначить новый для платежа, недѣлю или двѣ; ежели и послѣ не выкупитъ, то нести закладъ къ старостѣ и къ цѣловальникамъ, продать честно, не безъ надежныхъ свидѣтелей, и взять долгъ съ ростами, а лишнее отдать должнику; если же вырученныхъ денегъ мало для уплаты займа, то остальное взыскать съ должника. 11) Истецъ-заимодавецъ не имѣетъ нужды въ письменномъ обязательствѣ, если отвѣтчикъ въ судѣ признаетъ себя должникомъ. 12) Многіе заложили свои вотчины съ тѣмъ, чтобы вмѣсто ростовъ заимодавцы пахали и сѣяли тамъ хлѣбъ; для облегченія должниковъ повелѣвается возвратить имъ всѣ такія земли, съ обязательствомъ не продавать никому, и въ теченіе пяти лѣтъ удовлетворить заимодавцевъ, коимъ, въ случаѣ неисправнаго платежа, снова отдается вотчина“. Въ семъ указѣ говорится о книгахъ вотчинныхъ, крѣпостныхъ и закладныхъ, которыя находились у дьяковъ. — 13) „Если жена, умирая, назначитъ въ духовной душеприказчикомъ мужа своего, то сей духовной не вѣрить, ибо жена въ волѣ мужа: что онъ велитъ писать ей, то она пишетъ. 14) Налагать эпитимію на христіанъ, которые, бывъ въ плѣну или въ неволѣ, дали клятву пе бѣжать, и бѣжали, ибо клятвопреступленіе есть грѣхъ смертный, и лучше умереть, нежели нарушить обѣтъ священный. — 15) Иногородные, истецъ съ отвѣтчикомъ, судятся въ Москвѣ у царскихъ казначеевъ, буде они изъ разныхъ городовъ; а если изъ одного, то отсылаются къ ихъ намѣстнику въ дѣлахъ земскихъ, но не въ уголовныхъ, судимыхъ на мѣстѣ преступленія.—16) Въ столицѣ нѣтъ ни смертной ни торговой казни въ день большой панихиды, когда митрополитъ обѣдаетъ у государя“.—Запретивъ духовенству покупать недвижимое имѣніе безъ царскаго вѣдома, Іоаннъ предписалъ въ сихъ дополненіяхъ Судебника отнять у епископовъ и монастырей всѣ казенныя земли, села, рыбныя ловли, коими они несправедливо завладѣли въ смутныя времена боярской власти. „Иноки (писалъ онъ къ святителю казанскому Гурію) должны орать не землю, а сердца—сѣять не хлѣбъ, а словеса божественныя — наслѣдовать не села, а царство небесное... Многіе епископы наши думаютъ о бренномъ стяжаніи болѣе, нежели о церкви“. Мысля такимъ образомъ, Іоаннъ смѣ-

лѣе дѣда своего обогащалъ казну достояніемъ безмолвнаго духовенства.

Съ сего времени „Новый Судебникъ“ былъ общею книгою законовъ для Россіи до царствованія Алексѣя Михайловича. Сверхъ того Іоаннъ давалъ областнымъ начальствамъ грамоты уставныя и губныя: первыя опредѣляли доходы, права, обязанности намѣстниковъ и другихъ царскихъ сановниковъ, заключая въ себѣ и важнѣйшія уголовныя статьи Судебника, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частными, особенными постановленіями. Въ одной изъ нихъ, данной холмогорскимъ жителямъ въ 1557 году, сказано, что царь освобождаетъ ихъ отъ суда намѣстниковъ, съ условіемъ, чтобы они вносили въ казну ежегодно по двадцати рублей съ сохи, то есть съ шестидесяти-четырехъ дворовъ; что головы двинскія для истребленія воровства, разбоевъ, пьянства, ябеды должны выбрать сотскихъ, пятидесятниковъ, десятскихъ, которые отвѣтствуютъ за безопасность и благоустройство въ ихъ вѣдомствахъ; что ежели головы или народные судьи дерзнутъ употребить во зло довѣренность согражданъ, тѣснить людей, лихоимствовать, то будутъ казнены смертію; что всякія дѣла, обыскныя и судныя, записываются у нихъ земскими дьяками; что двиняне вольны смѣнять судей, и въ такомъ случаѣ обязаны присылать новыхъ въ Москву, да цѣлуютъ крестъ предъ дьякомъ государевымъ въ соблюденіи правды. Въ другой уставной, также двинской, грамотѣ означена мѣра дворовъ, избъ ледниковъ и всего, что жители должны были выстроить для намѣстниковъ и тіуновъ.—Слово губа знаменовало въ древнемъ нѣмецкомъ правѣ усадьбу, а въ нашемъ волость или вѣдомство: губныя грамоты давались областнымъ судьямъ и содержали въ себѣ единственно уголовные законы; въ нихъ предписывалось старостамъ, губнымъ цѣловальникамъ и дьякамъ начинать исправленіе своей должности обыскомъ или съѣздомъ съ знатнѣйшими жителями ихъ волости: съ князьями, дѣтьми боярскими, архимандритами, игуменами, іереями и съ повѣренными каждой выти или участка, обязанными подъ крестнымъ цѣлованіемъ заявить всѣхъ извѣстныхъ имъ воровъ и лихихъ людей. Сіи показанія вносились въ книгу; обвиняемыхъ предавали суду, пытали; достояніе ихъ описывали для удовлетворенія истцовъ; кто винился, того казнили по Судебнику; кто запирался, не могъ быть уличенъ вѣрными свидѣтельствами и представлялъ за себя надежныхъ ручателей, того освобождали; неуличенныхъ совершенно, но сильно подозрѣваемыхъ сажали навсегда въ темницу; кто рѣшительно одобрялъ человѣка, судимаго уголовнымъ судомъ, тотъ имѣніемъ и жизнію отвѣтствовалъ за его будущія преступленія. Стараясь обуздать злодѣевъ для спокойствія честныхъ гражданъ, Іоаннъ

лучше хотѣлъ быть жестокимъ, нежели слабымъ, въ противность новѣйшей мысли россійскаго уголовнаго законодательства, что лучше десять виновныхъ оставить безъ наказанія, нежели казнить одного безвиннаго.

Отъ учрежденій гражданскихъ перейдемъ къ церковнымъ, равно достопамятнымъ. Мы упоминали о московскомъ соборѣ 1551 г.: означимъ здѣсь важнѣйшіе или любопытнѣйшіе его уставы. Слѣдуя наказу Іоаннову, святители опредѣлили: „1) Въ Москвѣ и во всемъ государствѣ быть епархіальнымъ старостамъ и десятскимъ, избираемымъ изъ лучшихъ іереевъ для надзиранія надъ церковною службою, да исполняются въ точности всѣ святые обряды ея, и надъ поведеніемъ духовенства, обязаннаго учить людей и словомъ и дѣломъ.—2) Строго блюсти, чтобы въ книгахъ церковныхъ не было ошибокъ и чтобы иконы списывались съ древнихъ греческихъ, или какъ писалъ ихъ Андрей Рублевъ и другіе знаменитые художники: симъ святымъ дѣломъ занимаются единственно люди, признанные отъ государя и епископовъ достойными онаго не только искусствомъ, но и жизнію непорочною; наградою же имъ да будетъ всеобщее уваженіе!“ Слѣдуютъ предписанія о звонѣ, пѣніи церковномъ, литургіи, утренней и вечерней службѣ, гдѣ сказано: „3) Да никто изъ князей, вельможъ и всѣхъ добрыхъ христіанъ не входитъ въ церковь съ главою покровенною, въ тафьяхъ мусульманскихъ! Да не вносятъ въ алтарь ни пива, ни меду, ни хлѣба, кромѣ просфоръ! Да уничтожится навѣки нелѣпый обычай возлагать на престолъ такъ называемыя сорочки, въ коихъ родятся младенцы!—4) Злоупотребленія и соблазны губятъ нравы духовенства. Что видимъ въ монастыряхъ? Люди ищутъ въ нихъ не спасенія души, а тѣлеснаго покоя и наслажденій. Архимандриты, игумены не знаютъ братской трапезы, угощая свѣтскихъ друзей своихъ въ келіяхъ; иноки держатъ у себя отроковъ и юношей; принимаютъ безъ стыда и женъ и дѣвицъ, веселятся и разоряютъ села монастырскія. Отнынѣ да будетъ въ обителяхъ едина трапеза для всѣхъ: инокамъ выслать юныхъ слугъ; не впускать женщинъ; не держать вина (кромѣ фряжскаго), ни крѣпкихъ медовъ; не ѣздить для забавы по селамъ и городамъ. Преступникъ да будетъ изверженъ или отлученъ отъ всякой святыни. Сей законъ умѣренности, воздержанія, цѣломудрія данъ всему духовенству: іереямъ, діаконамъ, причетникамъ.—5) Обители, богатыя землями и доходами, не стыдятся требовать милостыни отъ государя: впередъ да не стужаютъ ему!—6) Святители и монастыри вольны ссужать земледѣльцевъ и гражданъ деньгами, но безъ всякой лихвы.—7) Милосердіе христіанское устроило во многихъ мѣстахъ богодѣльни для недужныхъ и престарѣлыхъ, а злоупотребленіе ввело въ оныя

молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ: да будутъ послѣдніе изгнаны, а на ихъ мѣста введены первые, согласно съ намѣреніемъ благотворителей, и вездѣ да смотрятъ за богодѣльнями добрые священники, люди градскіе и цѣловальники. — 8) Многіе иноки, черницы, міряне, хваляся какими-то сверхъестественными сновидѣніями и пророчествомъ, скитаются изъ мѣста въ мѣсто съ святыми иконами и требуютъ денегъ для сооруженія церквей, непристойно, безчинно, къ удивленію иноземцевъ: нынѣ объявить на торгахъ заповѣдь государеву, чтобы впредь не быть такому собзазну. Если не уймутся бродяги, то ихъ выгонять, а иконы отдавать въ церкви. — 9) Храмы древніе пустѣютъ, новые вездѣ воздвигаются, не усердіемъ къ вѣрѣ, а тщеславіемъ, и скоро также пустѣютъ, отъ недостатка въ іереяхъ, въ инокахъ, въ книгахъ. Видимъ еще иное зло: празднолюбцы уходятъ изъ монастырей, заводятъ пустыни въ лѣсахъ и стужаютъ христіанамъ о денежномъ вспоможеніи. Государь указалъ епископамъ не дозволять ни того ни другого безъ особеннаго, строгаго разсмотрѣнія.—10) Прихожане избираютъ священниковъ и діаконовъ: первые должны быть не менѣе тридцати, а вторые двадцати-пяти лѣтъ отъ рожденія, житія нравственнаго и грамотные: кто изъ нихъ читаетъ или пишетъ худо, того отсылать въ училища, нынѣ во всѣхъ городахъ заводимыя. Ставленникъ даетъ митрополиту и епископамъ только указное: священникъ рубль московскій и благословенную гривну; діаконъ полтину. Слѣдуя уставу великихъ князей, Іоанна Васильевича и сына его, новобрачные платятъ за вѣнецъ алтынъ, за второй бракъ вдвое, а за третій четыре алтына; но крещеніе, исповѣдь, причастіе, погребеніе не терпятъ никакой мзды. Никто изъ церковниковъ не долженъ носить одежды странной; всякій имѣетъ свою, и воинъ, и тысящникъ, и купецъ и ремесленникъ: служителю ли церкви украшаться златомъ и бисеромъ, плетеніемъ и шитьемъ, подобно женѣ? Въ игумены, въ архимандриты выбираются святители, а царь утверждаетъ выборъ. Снова запрещается вдовымъ іереямъ и діаконамъ священнодѣйствовать, монахамъ и монахинямъ жить въ единой обители, или въ мірѣ. — 11) Митрополиту и епископамъ безъ государева вѣдома не перемѣнять ни бояръ своихъ ни дворецкихъ; а на мѣсто убылыхъ брать изъ тѣхъ же родовъ старинныхъ.—12) Духовенство обязано искоренять языческія и всякія гнусныя обыкновенія. Напримѣръ: когда истецъ съ отвѣтчикомъ готовятся въ судѣ къ бою, тогда являются волхвы, смотрятъ на звѣзды, гадаютъ въ какія-то аристотелевы врата и въ рафли, предсказываютъ побѣду счастливому, умножаютъ зло кровопролитія. Легковѣрные держатъ у себя книги аристотелевскія, звѣздочетныя, зодіаки, алманахи, исполненные еретической мудрости. Наканунѣ Іоаннова

дня люди сходятся ночью, пьютъ, играютъ, пляшутъ цѣлыя сутки; такъ же безумствуютъ и наканунѣ Рождества Христова, Василія Великаго и Богоявленія. Въ субботу троицкую плачутъ, вопятъ и глумятъ на кладбищахъ, прыгаютъ, бьютъ въ ладоши поютъ сатанинскія пѣсни. Въ утро великаго четверга палятъ солому и кличутъ мертвыхъ; а священники въ сей день кладутъ, соль у престола и лѣчатъ ею недужныхъ. Лживые пророки бѣгаютъ изъ села въ село, нагіе, босые, съ распущенными волосами, трясутся, падаютъ на землю, баснословятъ о явленіяхъ св. Анастасіи и св. Пятницы. Ватаги скомороховъ, человѣкъ до ста, скитаются по деревнямъ, объѣдаютъ, опиваютъ земледѣльцевъ, даже грабатъ путешественниковъ на дорогахъ. Дѣти боярскіе толпятся въ корчмахъ, играютъ зернью, разоряются. Мужчины и женщины моются въ однѣхъ баняхъ, куда самые иноки, самые инокини ходить не стыдятся. На торгахъ продаютъ зайцевъ, утокъ, тетеревей удавленныхъ; ѣдятъ кровь или колбасы вопреки уставу соборовъ вселенскихъ; слѣдуя латинскому обычаю, брѣютъ бороду, постригаютъ усы, носятъ одежду иноземную, клянутся во лжи именемъ Божіимъ и сквернословятъ; наконецъ—что всего мерзостнѣе, и за что Богъ казнитъ христіанъ войнами, гладомъ, язвою—впадаютъ въ грѣхъ содомскій. Отцы духовные! пресѣките зло; наставляйте, грозите, казните эпитеміею: ослушники да не входятъ въ церковь! Учите христіанъ страху Божію и цѣломудрію, да живутъ мирно въ сосѣдствѣ, безъ ябеды, кражи, разбоевъ, лжесвидѣтельства и клятвопреступленія; да будетъ вездѣ благонравіе въ нашемъ любезномъ отечествѣ, и дѣти да чтутъ родителей".

Сіе церковное законодательство принадлежитъ царю болѣе, нежели духовенству: онъ мыслилъ и совѣтовалъ; оно только слѣдовало его указаніямъ. Слогъ достоинъ удивленія своею чистотою и ясностію.

Замѣтимъ странность: желая истребить обыкновенія древнія, противныя святой вѣрѣ, Іоаннъ и духовенство не коснулись, въ Стоглавѣ, обычая давать людямъ имена не христіанскія, по ихъ свойствамъ нравственнымъ; не только простолюдины, но и знатные сановники, уже считая за грѣхъ называться Олегами или Рюриками, назывались въ самыхъ государственныхъ бумагахъ Дружинами, Тишинами, Истомами, Неудачами, Хозяинами, единственно съ прибавленіемъ христіанскаго отчества. Сей обычай казался царю невиннымъ.

Въ февралѣ 1581 года, по кончинѣ митрополита Антонія, избравъ на его мѣсто Діонисія, хутынскаго игумена, Іоаннъ съ епископами и боярами уставилъ обрядъ посвященія въ сей верховный санъ, не прибавивъ, кажется, ничего къ старому, но

только утвердивъ оный слѣдующею соборною грамотою: „Кому благоволитъ Господь быть митрополитомъ, епископу ли, игумену или старцу, того немедленно извѣстить о сей чести. Въ день нареченія и возведенія звонятъ и поютъ молебны. Святители, отпѣвъ канонъ Богоматери и Петру чудотворцу, шлютъ двухъ архимандритовъ, рождественскаго и троицкаго, за нареченнымъ, который вмѣстѣ съ ними идетъ къ государю. Царь сажаетъ будущаго митрополита и говоритъ ему рѣчь о молитвѣ. Послѣ того нареченный знаменуется въ храмѣ Успенія, у святыхъ иконъ и гробовъ, идетъ вмѣстѣ съ епископами на дворъ митрополитовъ, въ Бѣлую палату, и тамъ, сѣвъ на свое мѣсто, ждетъ, встрѣчаетъ царя, бесѣдуетъ съ нимъ; слушаетъ литургію въ соборной церкви, стоя у митрополичьяго мѣста; обѣдаетъ въ Бѣлой палатѣ со всѣми святителями; оттолѣ же, до поставленія, никого не принимаетъ, обѣдая въ келіи съ немногими ближними иноками. Дня черезъ два совершается избраніе, объявляемое ему благовѣстниками, архимандритами спасскимъ и чудовскимъ. Уготовляютъ мѣсто въ церкви и пишутъ орла надъ онымъ. Въ день назначенный, во время звона, святители облачаются, а съ ними и будущій митрополитъ, если онъ епископъ; если же не епископъ, то облачается въ придѣлѣ. Окруженный боярами, государь вступаетъ въ храмъ, знаменуется у святыхъ иконъ, восходитъ на уготованное мѣсто и садится; владыки также. Избранный, между осмью стоящими огненниками, подъ орломъ читаетъ исповѣданіе вѣры. Начинаютъ обѣдню. Лампадѣ и посоху быть архіепископа новгородскаго или казанскаго. Когда въ третій разъ запоютъ: святъ, святъ, тогда владыки ставятъ митрополита по древнему обычаю. Онъ совершаетъ литургію, а архіепископъ именуетъ его въ молитвѣ послѣ изрядна. Свѣщеносецъ, держа въ рукѣ свѣщу и лампаду, кланяется митрополиту и занимаетъ предъ нимъ свое мѣсто въ алтарѣ; когда же возгласятъ: со страхомъ Божіимъ, тогда уносятъ архіепископову лампаду съ посохомъ, а митрополитовы поддіаконы становятся у царскихъ дверей съ лампадою и посохомъ новаго архипастыря. Отпѣвъ литургію, епископы возводятъ его на мѣсто, гдѣ сидѣлъ государь; сажаютъ трижды, произнося исполлаэти деспота; снимаютъ съ него одежду служебную, возлагаютъ ему на грудь икону вратную, мантію съ источниками на плеча, клобукъ бѣлый или черный (какъ государь укажетъ) на главу и ведутъ на каменное святительское мѣсто. Царь приближается, говоритъ рѣчь и даетъ святителю посохъ въ десницу. Тутъ знатное духовенство, бояре, князья многолѣтствуютъ митрополиту. Онъ благословляетъ царя и говоритъ рѣчь. Духовенство и бояре многолѣтствуютъ царю. На клиросахъ поютъ также многая лѣта. Выходятъ изъ церкви. У го-

сударя столъ для всего знатнаго духовенства, для вельможъ и сановниковъ. Митрополитъ ѣздитъ вокругъ Москвы на ослѣ, коего ведутъ бояринъ царскій и святительскій. Послѣ стола чаши: Петра чудотворца, государева и митрополитова".

Упомянемъ здѣсь также о церковномъ любопытномъ обрядѣ сего времени, уже давно забытомъ въ Россіи. Въ недѣлю Вайй, предъ обѣднею, собирался весь народъ московскій въ Кремлѣ. Изъ храма Успенія выносили большое дерево, обвѣшанное разными плодами (яблоками, изюмомъ, смоквами, финиками); укрѣпляли его на двухъ саняхъ и везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молитвы. За санями шли многіе юноши съ пылающими восковыми свѣчами и съ огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ высокія хоругви, шесть кадильницъ и шесть иконъ; за иконами слѣдовали іереи, числомъ болѣе ста, въ великолѣпныхъ ризахъ, осыпанныхъ жемчугомъ; за ними бояре и сановники; наконецъ самъ государь и митрополитъ; послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ (или на конѣ), одѣтомъ бѣлою тканію; лѣвою рукою придерживалъ (митрополитъ) на своихъ колѣнахъ евангеліе, окованное золотомъ, а правою— благословлялъ народъ. Осла велъ бояринъ; государь, одною рукою касаясь длиннаго повода узды, несъ въ другой вербу. Путь митрополиту устилали сукнами. Далѣе шли еще бояре и сановники; за ними безчисленное множество людей. Обходивъ такимъ образомъ вокругъ главныхъ церквей кремлевскихъ, возвращались въ храмъ Успенія, гдѣ митрополитъ служилъ литургію, послѣ чего давалъ обѣдъ царю и вельможамъ. Сей церковный ходъ, въ память срѣтенія Христова въ Іерусалимѣ, былъ уставленъ, какъ вѣроятно, въ древнѣйшія времена, но сдѣлался намъ извѣстенъ только съ Іоаннова, по описанію иноземныхъ наблюдателей.

Къ достохвальнымъ дѣяніямъ сего царствованія принадлежитъ еще строеніе многихъ новыхъ городовъ для безопасности нашихъ предѣловъ. Кромѣ Лаишева, Чебоксаръ, Козмодемьянска, Болхова, Орла и другихъ крѣпостей, о коихъ мы упоминали, Іоаннъ основалъ Донковъ, Епифань, Веневъ, Чернь, Кокшажскъ, Тетюши, Алатырь, Арзамасъ. Но, воздвигая красивыя твердыни въ лѣсахъ и въ степяхъ, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ до конца жизни своей развалины и пустыри въ Москвѣ, сожженной ханомъ въ 1571 году, такъ что въ ней, если вѣрить Пассевинову исчисленію, около 1581 года считалось не болѣе тридцати тысячъ жителелей, въ шесть разъ менѣе прежняго, какъ говоритъ другой иноземный писатель, слышавъ то отъ московскихъ старожиловъ въ началѣ XVII вѣка. Стѣны новыхъ крѣпостей были деревянныя, насыпанныя внутри землею съ пескомъ, или крѣпко сплетенныя изъ хвороста; а каменныя единственно въ столицѣ, Александровской слободѣ, Тулѣ, Коломнѣ, Зарайскѣ, Ста-

рицѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Бѣлозерскѣ, Порховѣ, Новгородѣ, Псковѣ.

Размноженіе городовъ благопріятствовало и чрезвычайнымъ успѣхамъ торговли, болѣе и болѣе умножавшей доходы царскіе (которые въ 1588 году простирались до шести милліоновъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ). Не только на ввозъ чужеземныхъ издѣлій или на выпускъ нашихъ произведеній, но даже и на съѣстное, привозимое въ города, была значительная пошлина, иногда откупаемая жителями. Въ новгородскомъ таможенномъ уставѣ 1571 года сказано, что со всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ иноземными гостями и цѣнимыхъ людьми присяжными, казна беретъ семь денегъ на рубль, купцы же россійскіе платили 4, а новгородскіе $1^1/_2$ деньги: съ мяса, скота, рыбы, икры, меду, соли (нѣмецкой и морянки), луку, орѣховъ, яблокъ, кромѣ особеннаго сбора съ телѣгъ, судовъ, саней. За ввозимые металлы драгоцѣнные платили, какъ и за все иное; а вывозъ ихъ считался преступленіемъ. Достойно замѣчанія, что и государевы товары не освобождались отъ пошлины. Утайка наказывалась тяжкою пенею. Въ сіе время древняя столица Рюрикова, хотя и среди развалинъ, начинала было снова оживляться торговою дѣятельностью, пользуясь близостію Нарвы, гдѣ мы съ цѣлою Европою купечествовали; но скоро погрузилась въ мертвую тишину, когда Россія въ бѣдствіяхъ литовской и шведской войны утратила сію важную пристань. Тѣмъ болѣе цвѣла наша двинская торговля, въ коей англичане должны были дѣлиться выгодами съ купцами нидерландскими, нѣмецкими, французскими, привозя къ намъ сахаръ, вина, соль, ягоды, олово, сукна, кружева и вымѣнивая на нихъ мѣха, пеньку, ленъ, канаты, шерсть, воскъ, медъ, сало, кожи, желѣзо, лѣсъ. Французскимъ купцамъ, привезшимъ къ Іоанну дружественное письмо Генриха III, дозволялось торговать въ Колѣ, а испанскимъ или нидерландскимъ въ Пудожерскомъ устьѣ; знаменитѣйшій изъ сихъ гостей назывался Иваномъ Девахомъ Бѣлобородомъ, доставлялъ царю драгоцѣнные каменья и пользовался особеннымъ его благоволеніемъ, къ неудовольствію англичанъ. Въ разговорѣ съ Елисаветинымъ посломъ Баусомъ, Іоаннъ жаловался, что лондонскіе купцы не вывозятъ къ намъ ничего хорошаго; снялъ съ руки перстень, указалъ на изумрудъ колпака своего и хвалился, что Девахъ уступилъ ему первый за 60 рублей, а второй за тысячу, чему дивился Баусъ, оцѣнивъ перстень въ 300 рублей, а изумрудъ въ 40,000. Въ Швецію и въ Данію отпускали мы знатное количество хлѣба. „Сія благословенная земля (пишетъ Кобенцель о Россіи) изобилуетъ всѣмъ необходимымъ для жизни человѣческой, не имѣя дѣйствительной нужды ни въ какихъ иноземныхъ произведеніяхъ". Завоеваніе Казани и Астрахани усилило нашу мѣну азіатскую.

Обогативъ казну торговыми, городскими и земскими налогами, также и присвоеніемъ церковнаго имѣнія, чтобы умножить войско, завести арсеналы (гдѣ находилось всегда въ готовности не менѣе двухъ тысячъ осадныхъ и полевыхъ орудій), строить крѣпости, палаты, храмы, Іоаннъ любилъ употреблять избытокъ доходовъ и на роскошь. Мы говорили объ удивленіи иноземцевъ, видѣвшихъ въ казнѣ московской груды жемчуга, горы золота и серебра во дворцѣ, блестящія собранія, обѣды, за коими въ теченіе пяти, шести часовъ пресыщалось 600 или 700 гостей, не только изобильными, но и дорогими яствами, плодами и винами жаркихъ, отдаленныхъ климатовъ. Однажды, сверхъ людей именитыхъ, въ кремлевскихъ палатахъ обѣдало у царя 2,000 ногайскихъ союзниковъ, шедшихъ на войну ливонскую. Въ торжественныхъ выходахъ и выѣздахъ государевыхъ все также представляло образъ азіатскаго великолѣпія: дружины тѣлохранителей, облитыхъ золотомъ, богатство ихъ оружія, убранство коней. Такъ Іоаннъ, 12 декабря, обыкновенно выѣзжалъ верхомъ за городъ видѣть дѣйствіе снаряда огнестрѣльнаго; передъ нимъ нѣсколько сотъ князей, воеводъ, сановниковъ, по три въ рядъ; предъ сановниками 5,000 отборныхъ стрѣльцовъ по пяти въ рядъ. Среди обширной, снѣжной равнины, на высокомъ помостѣ, длиною саженей въ 200 или болѣе, стояли пушки и воины, стрѣляли въ цѣль, разбивали укрѣпленія деревянныя, осыпанныя землею, и ледяныя. Въ торжествахъ церковныхъ, какъ мы видѣли, Іоаннъ также являлся народу съ пышностію разительною, умѣя видомъ искусственнаго смиренія придавать себѣ еще болѣе величія и съ блескомъ мірскимъ соединяя наружность христіанскихъ добродѣтелей: угощая вельможъ и пословъ въ свѣтлые праздники, сыпалъ богатую милостыню на бѣдныхъ.

Въ заключеніе скажемъ, что добрая слава Іоаннова пережила его худую славу въ народной памяти: стенанія умолкли, жертвы истлѣли, и старыя преданія затмились новѣйшими: но имя Іоанново блистало на Судебникѣ и напоминало пріобрѣтеніе трехъ царствъ монгольскихъ: доказательства дѣлъ ужасныхъ лежали въ книгохранильницахъ, а народъ въ теченіе вѣковъ видѣлъ Казань, Астрахань, Сибирь, какъ живые монументы царя-завоевателя; чтилъ въ немъ знаменитаго виновника нашей государственной силы, нашего гражданскаго образованія; отвергнулъ или забылъ названіе Мучителя, данное ему современниками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Іоанновой донынѣ именуетъ его только Грознымъ, не различая внука съ дѣдомъ, такъ названнымъ древнею Россіею болѣе въ хвалу, нежели въ укоризну. Исторія злопамятнѣе народа!

